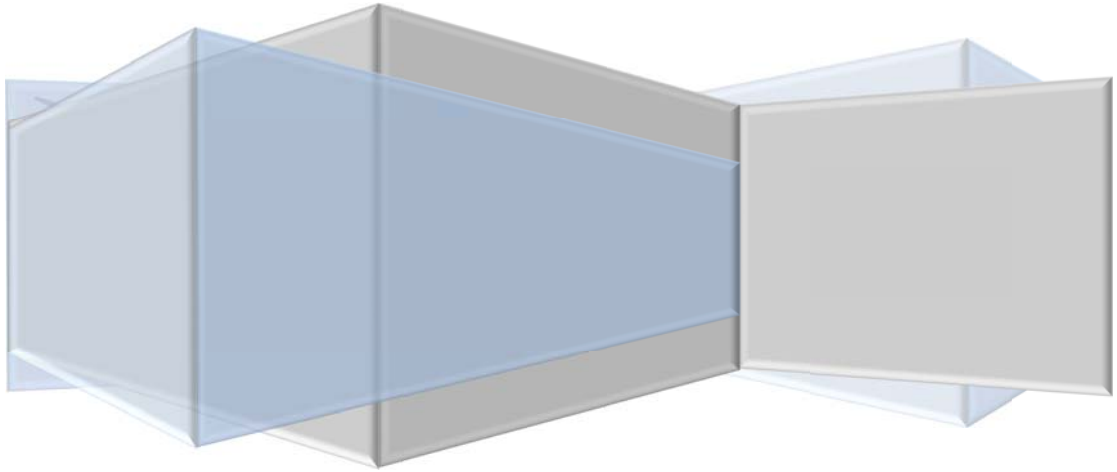
ФБГОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ГРАММАТИКА 4.0»

Тезисы

(Москва, 13–15 апреля 2016 г.)



ISBN 978-5-98269-140-8

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина
Институт языкознания РАН
Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКАЯ ГРАММАТИКА 4.0

Сборник тезисов
Международного научного симпозиума
(Москва, 13–15 апреля 2016 г.)

Москва
2016

ББК 81.2Рус-2

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Протокол № 1 от 15 июня 2016 г.

Под общей редакцией академика, профессора, доктора филологических наук В. Г. Костомарова

Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, 13–15 апреля 2016 года). – Москва: ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина», 2016. – 951 с. [Электронное издание].

ISBN 978-5-98269-140-8

Данный сборник тезисов включает материалы Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0», проходившего в г. Москве, с 13 по 15 апреля 2016 г. Учредителями симпозиума выступили: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Санкт-Петербургский государственный университет. Цель мероприятия состояла в укреплении научных связей между ведущими центрами по изучению русского языка в России и в мире, знакомстве с новейшими разработками в области изучения и преподавания русского языка, обобщении накопленного научно-методического опыта, в поиске оптимальных моделей реализации проекта «Русская грамматика».

ISBN 978-5-98269-140-8
© Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

В. Г. Костомаров *«Грамматическое учение о слове (памяти академика В.В. Виноградова)»*……22

Пленарные заседания

В. Б. Касевич, Ю. В. Меньшикова. *Множественность русских грамматик*…….....26

Б. Ю. Норман. *Какая новая русская грамматика нам нужна?*.....30

А. Мустайоки. *Методология составления грамматики: на чем основывается описание языка*……..…32

А. А. Кибрик. *На пути к естественной грамматике русского языка*……..…36

В. Гладров. *Прагматические аспекты синтаксиса русского языка*……...……40

И. М. Кобозева. *Лексика в грамматике: функции, категоризация,ограничения*……...43

В. А. Маслова. *Проблема размещения культурной информации в грамматике*……..47

Н. Д. Голев. *Взаимоотношения грамматической, лексической и контекстно-денотативной семантики существительных общего рода в русском языке*……51

Т. Ю. Игнатович. *Морфология современного регионального варианта русского национального языка: теоретические основы и опыт описания*…….....54

А. Л. Бердичевский. *Отражает ли русская грамматика русскую ментальность?*.....58

Л. А. Араева. *Раздел «словообразование» в Русской грамматике 4.0 с позиции пропозиционально-фреймового моделирования (из опыта работы Кемеровской дериватологической школы)*……..……...…62

А. В. Вдовиченко. *Коммуникативное оправдание грамматики. К вопросу о пределах условности грамматического описания*……66
А. Л. Шарандин. *Лексическая функция русской грамматики (морфологии)*.....69
Л. Г. Брутян. *От грамматики русского языка к русской языковой личности*……..……..…72
А Красовски. *Природа билингвизма русских-липован и межкультурная коммуникация в румынском полиэтническом пространстве*……..……76

Секция 1. Лаборатория проекта «русская грамматика»: опыт прошлого и новые идеи

И. В. Евсеева. *Изоморфизм единиц лексики, словообразования и синтаксиса*……82
И.Т. Вепрева. *Новые возможности для описания словообразовательной системы русского языка в ее современном состоянии*……..……..86
Е.Ф. Киров. *Модель русского языка*……..89
В.Ю. Копров. *Практикоориентированная модель семантико-функциональной грамматики*……92
Т.Б. Радбиль. *Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингвокультурологический аспекты проблемы*……96
С.И. Красса. *Метаоснования новой русской грамматики*……..100
Н.К. Онипенко. *Актуальные проблемы русской грамматической науки*……..104
Ю.Л. Ситько. *Функционально-прагматическая гипотеза значения частей речи*……..107
С. Славкова. *Видовая коррелятивность и национальный корпус русского языка*……..111

Н.А. Андрамонова, Л.А. Усманова. *Теоретико-образовательный потенциал грамматического наследия В.А. Богородицкого*……114

Секция 2. Русская грамматика и лексика

Л.В. Попова. *Лексическое и грамматическое в связках именного сказуемого*……118
О.В. Кондрашова, И.В Шельдешова. *Устойчивые семейные речения Чеховых как предмет лексикографирования*.....122
Г.Ф. Богачева. *Семантизация заголовочных единиц в словарях демонстрирующего типа* ……..126
Г.В. Клименко. *Лингвокультурные и фоновые компоненты в структуре слова*……..……..131
Г.И. Михалев. *Лексикографическое описание относительных прилагательных русского языка*……..134
И.К. Мухина. *Лексикографическое представление грамматических признаков синонимов сферы «нации»*……..138
А.И. Ольховская. *Асимметричная синонимия как языковой феномен*……..140
Л.И. Жуковская. *Морфологические и синтаксические преобразования лексем менталитет и ментальность в свете языкового освоения иноязычного концепта*……..144
Т.П. Соколова. *Нейминговая экспертиза в аспекте грамматики*……..148
А.А. Шумилова. *Квазисинонимия в языковом сознании младших школьников*……..152
Т.М. Воронина. *Лексическая семантика и вид глаголов расположения в пространстве (лексикографический аспект)*……..156
Аль Анбаги Шайма Тамер Хасан. *Некоторые русские фразеологизмы в сравнении с арабскими*……..160
Н.В. Юдина. *Русский язык в XXI веке: западная глобализация vs. динамика восточного влияния*……165

Секция 3. Русская морфология

Н.Б. Лебедева. *Одушевленность как фактор полиситуативности глагольной семантики*……168
Е.Н. Бекасова. *Статус асистемных морфонологических чередований в современном русском литературном языке*……172
Е.В. Маринова. *Несклоняемые существительные в современном русском языке: активные процессы на периферии*……174
Л.И. Богданова. *Шкала императивности в русском языке*……178
Н.Е. Петрова. *Зона переходности между причастием и прилагательным в современной речи*……183
М.В. Сандакова. *Наречия с ограничительным значением: семантические и грамматические особенности*……187
Р.Д. Урунова. *К вопросу о конструктивных особенностях синтагматики местоимений*……191
Н.А. Федянина. *Классификация русских глаголов*……192
Т.А. Чеботникова. *Местоимение: функциональный аспект описания*……196
Е.Н. Виноградова. *К вопросу о категоризации предложных единиц*……200
О.С. Горицкая. *Конкуренция форм совместного действия*……202
А.Ю. Константинова. *Модель описания морфологии современного русского языка: взгляд преподавателя*……206
И.Г. Родионова. *Особенности функционирования аналитической формы императива с частицей давай (давайте) в современном русском языке*……209
Л.Л. Федорова. *Значения субъективной оценки в русских существительных*……213
Т.А. Остахова. *К вопросу о коллокационных видовых коррелятах: из опыта составления «Русско-итальянского словаря глагольно-именных коллокаций»*……215

Н.В. Белова. *Об атрибутивном значении предложного падежа в современной речи*……219
А.Н. Бертякова. *О семантической структуре предлога в русском языке*……223
В.И. Гаврилова. *Возвратные глаголы совершенного вида как члены парадигмы спряжения русского глагола в страдательном залоге*……227
О.И. Глазунова. *Принципы сочетаемости субстантивных и глагольных лексем с точки зрения теории образования валентных связей*……232
Т.Е. Чаплыгина. *Предложные единицы, мотивированные существительным «лад»: семантика и морфосинтаксическая устроенность*……235
И.А. Шелкова. *Интеръективация звукоподражаний в современном русском языке*……239
Б.А. Куртай. *Способы выражения модальности в албанском и русском языках*……243
В.П. Фесенко. *О причинах появления аккузатива абстрактных существительных при отрицании*……247
А.О. Шишолина. *Функционирование композитов в русском языке новейшего периода*……250

Секция 4. Русский синтаксис

А. Никунласси. *Синтаксические фразеологизмы с сочетанием* ***только и***……254
К.А. Рогова. *Пассивные конструкции и неопределённо-личные предложения в аспекте коммуникативного членения*……259
А.Е. Бочкарев. *О парадоксах идентификации в оборотах вида не х, а у*……262
А.А. Калинина. *Удостоверительные вопросы в системе типов общевопросительных предложений*……266
Г.Н. Манаенко. *Когнитивно-дискурсивное измерение синтаксиса*……270

Е.С. Шереметьева. *Формально-семантические сдвиги в конструкциях с параллельными членами (конструкции с союзным аналогом* ***в том числе****)*……275
Ю.Н. Здорикова. *Сложносочиненные предложения с союзом но: традиции и современность*……279
Ю.М. Кувшинская. *Предикативное согласование с именными группами, возглавляемыми словом «ряд» по данным НКРЯ*……283
И.Н. Левина. *Лексико-синтаксические модели изъяснительных предложений: проблема идеографической классификации*……287
Т. Н. Пермякова. *Полевая структура показателей союзной связи*……290
Е.В. Ситникова. *Сложноподчиненное предложение: определение понятия и принципы классификации*……294
Д.Н. Солдатова. *Категория количественности и валентность на субъект*……298
Т.Ю. Кудрявцева. *Деепричастный оборот в высказывании: к проблеме типологии второй ремы*……302
Е.Г. Жидкова. *О функциях темпоральных детерминантов в простом предложении*……305
Д.С. Курочкина. *Принцип описания логических придаточных и проблема вербализованного модуса*……308
О.И. Шаповалова. *Ситуативно-структурное устройство нумеративных предложений*……311

Секция 5. Русская грамматика и динамика нормы

Е.В. Бешенкова. *Вопросы теории ортологии и политика орфографистов сегодня*……315
Е.Б. Трофимова, У.М. Трофимова, М.С. Власов. *Региональный словарь узуальных акцентных норм*……319
В.В. Каверина. *Грамматический критерий правописания: к истории одной орфограммы*……326

Н.И. Клушина. *Интернет: на пороге новой грамотности*……330
Э.Г. Куликова. *Литературные, стилистические, риторические и паралингвистические нормы в современном русском языке*……333
Г.М. Мандрикова. *Семантический «беспредел» в современном словоупотреблении: десемантизация или семантический сдвиг?*……336
Ю.В. Дорофеев. *Динамика языковых норм*……340
А.Г. Жукова. *К вопросу о ненормах и антинормах в конкретных сферах общения*……344
С.В. Рябушкина. *Русское числительное в опережающем норму языке*……347
Л.Н. Саакян, О.И. Северская. *Ошибка или возрождение старшей нормы?*……351
В.В. Славкин. *Медиаречь и динамика языковых норм*……355
Е.О. Борзенко. *Компаратив в современном русском языке: норма и инновации*……360

Секция 6. Роль грамматических и неграмматических языковых единиц в межкультурной коммуникации

Н.Г. Брагина. *Кросс-культурный тематический классификатор: принципы составления*……363
М. Морару. *Румынские эквиваленты русских фразеологических единиц*……366
Н.П. Делева. *О проекте русско-болгарского словаря лексических аналогов*……370
А.Н. Долгенко. *Глобализмы*……372
В.В. Катермина, Н.Н. Касаткина. *Вторичная языковая личность в условиях межкультурной коммуникации*……376
И.А. Шаронов. *Коммуникативы на базе речевых формул*……378

М. А. Дрога. *«Русский язык» в полиэтнической студенческой среде (результаты ассоциативного эксперимента)*……..382
Л.В. Ипполитова. *Лингвокультурологический подход к анализу функционирования безличных конструкций в русском и английском языках*……..386
А.К. Казкенова. *«Найти общий язык»: стратегия предупреждения непонимания*……..388
М.Р. Равшанов. *Опыт составления кросскультурного терминологического словаря*……..392
Т.В. Тарасенко. *Поздравление как этикетная ситуация в русской, английской и китайской лингвокультурах*……396
Н.В. Татаринова, Е.Н. Белихина. *Образ России в американских фильмах*……...398
Е.В. Костина. *Профессиональный юмор в среде компьютерных специалистов: от термина к анекдоту (на материале английского и русского языков)*……..400
Т.С. Веселовская. *Некоторые особенности корейского вербального поведения*……..404
Т.И. Каличкина. *Аналитический обзор ответной реакции на комплимент в русской лингвокультуре*……..408
Юми Чунь. *«Мальчики» и «девочки» в русском и корейском языках (гендерный и словообразовательный аспекты выражения возраста)*……..410

Секция 7. Русская грамматика и русский дискурс

М.Б. Бергельсон. *Принцип прагматического контроля и некоторые категории русской грамматики*……..414
Н.А. Боженкова. *Некоторые мысли о категоризации возможного культурного смысла биактуальных текстовых единиц*……..418
В.И. Аннушкин. *Об изучении жанров научной и учебной филологической словесности*……..424

Т.К. Савченко. *«Ломать грамматику»: слово/образ в поэтической практике футуристов, имажистов, имажинистов*……429
О.Ю. Усачева. *Скрытые смыслы в контексте некооперативной стратегии межличностного интернет-дискурса*……..433
Е.А. Федорченко. *Особенности синтагматики языковых единиц в юридическом тексте*……437
В.Н. Шапошников. *Лексика, грамматика и прагматика: сфера действия, семантика и развитие языковых единиц*……..442
Г.В. Якушева. *Вкус русского языка эпохи постмодернизма*……..446
Т.Н. Волынец. *Прагматика наречных лексем в поэтическом тексте*……450
М. Коздра. *Поликодовая коммуникация. Вызовы современной лингвистики дискурса*……..455
М.Г. Добровольская. *Особенности перевода на русский язык иноязычных лексем медиатекстов*……...458
А.Б. Бушев. *Языковая игра в публицистике: средство характеристики*……462
С.Ю. Камышева. *Парламентский дискурс: некоторые аспекты речевого воздействия*……..464
В.А. Марьянчик. *Диалог: модальные рамки и модальные скрепы*……..468
Н.В. Орлова. *Письменная речь младших школьников в свете правил детской грамматики*……471
Л.Г. Ким. *Обыденные политические интернет-комментарии как реализация коммуникативных интенций адресатов речевых произведений*……..475
Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц. *Грамматика говорящего 4.0: дискурсивное пространство детства одного региона*……479
Е.Н. Клеменова. *Кванторность как новая категория русского языка*……484

А. М. Плотникова. *Способы выражения социального статуса лица в русском языке (семантико-прагматический аспект)*……..……..486
Н.В. Немирова. *Грамматическая трансформация прецедентных феноменов*……490
Т. В. Нестерова. *Непрямое выражение коммуникативных смыслов в обиходном общении русских*……494
И.Б. Александрова. *К вопросу о лингвистике медианарратива: приемы создания полифоничного повествования в творчестве Г. Зотова («АиФ»)*……..498
К.С. Акопян. *Микромир частицы даже: семантико-прагматические особенности функционирования в отрицательных контекстах*……..501
И.Р. Игнатченко. *Нулевой знак как норма языка и речи*...506
В.Н. Климова. *Реализация сематического потенциала просодических средств в письменном тексте*……510
А.Г. Кротова. *Интернет-фразеология в наблюдениях и оценках говорящих*……..513
А.В. Михайлов. *Идеологемы как текстообразующая категория*……..518
О.В. Алексеева. *Грамматика в медиалингвистике: зона неопределенности (на материале использования двувидовых глаголов)*……522
Ван Янь. *Коммуникативные особенности сопоставительных сложноподчиненных предложений в деловой прессе*……524
Т.В. Аннушкина. *Поздравительный монолог как жанр устной официально-деловой речи: к проблеме содержания и стиля торжественно-праздничных мероприятий*……527
А. Либшнер. *Мультимодальная когезия в публичных сообщениях социальной сети «ВКонтакте»*……..531
Е.В. Чистова. *Полиглоссность современной языковой личности: к постановке вопроса*……534

А.А. Рачёва. *Дейктические единицы в дискурсе: этот как дискурсивное слово*……537
А.В. Романтовский. *Литуратив как фактор порождения грамматики исключённого знака*……540
О.А. Страхова. *Коммуникативные стратегии и тактики в интеллектуально-развлекательных ток-шоу*……..544

Секция 8. Русская грамматика и русский дискурс в историческом аспекте

В.М. Грязнова. *Прагматический компонент в значении личного имени в языке XIX в*……549
Ю.В. Биктимирова. *Морфология именных частей речи в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в*……554
К.Р. Ваганова. *Репрезентация когезии в деловой письменности Восточной Сибири конца XVIII века: на материале следственных дел*……558
Н.К. Иванова, Н.Е. Меркулова. *Н.М. Карамзин: опыт реконструкции языковой личности (на материале «Писем русского путешественника»)*……562
Е.А. Картушина. *Динамика становления и развития русского языка на протяжении трех этапов формирования современной языковой ситуации в Финляндии*……566
Т.В. Михайлова. *Семантика оценки и эвиденциальности в русском полемическом дискурсе XVI века*……569
Т.В. Пентковская, Н.В. Николенкова. *Конец XVII – начало XVIII вв. и периодизация истории русского литературного языка*……573
С.В. Русанова. *Деловой язык XVIII в.: формирование нормы в условиях преобразования культурно-языковой ситуации*…574
И.А. Шелкова. *Омонимы с приставкой **до-** в русском языке XI–XVII вв*……578
В.М. Шетэля. *Наименования на **-ация** в русских текстах XIX века*……582

А.В. Загуменнов. *«Сословная грамматика» XVII века как проект: к постановке проблемы*……586
А.И. Плотникова. *Окончания родительного падежа единственного числа существительных мужского рода в письменных памятниках русского языка XVII века*……589
Л.В. Степанова. *Необычные обращения в русском семейном этикете*……593

Секция 9. Русская грамматика в практике преподавания РКИ

О.С. Иссерс. *Обучение стратегии эвфемии в курсе РКИ*….598
Н.В. Кулибина. *Роль грамматических опор в читательской деятельности и процессе обучения смысловому восприятию текстов (когнитивные стратегии установления значения незнакомого слова)*……602
М.С. Милованова. *Описание сочинительных союзов в контексте изучения русского как иностранного*……606
С.С. Хромов. *Интегративное описание современной русской интонации в системе языка и речи*……610
М.Н. Шутова. *Обучение иностранных студентов русской интонации на основе звучащего текста*……612
Т.Е. Владимирова. *Онтологическая парадигма в изучении языковой личности и ее бытия*……616
Л.П. Мухаммад. *Грамматический аспект учебного комплекса нового типа при изучении русского языка иностранными учащимися (начальный этап обучения)*……620
Н.П. Андрюшина. *Лексический аспект формирования коммуникативной компетенции иностранных граждан*……624
Е.С. Малеева. *Изучение рекламных текстов на занятии по русскому языку как иностранному*……627
Л. И. Погорельская. *О содержании коррекционного курса грамматики русского языка для студентов 1 курса из Республики Туркменистан*……631

Т.П. Вязовик. *К вопросу о комплексном подходе при описании эмфатических указательных неоднословных местоимений*……635
Л.И. Ручина. *Когнитивные модели смыслового наполнения концептов и освоение семантического пространства русского языка иностранцами*……639
Т.В. Страмнова, Г.А. Шантурова. *Учет национального когнитивного стиля в учебной деятельности китайских стажеров в практическом курсе русского языка как иностранного (аспект коммуникативная грамматика)*……642
О.К. Грекова. *Грамматика РКИ: укрупнение моделей*….646
О.И. Горбич. *Современные педагогические технологии в системе преподавания РКИ. Педагогические мастерские*..648
А.В. Волчек. *Обучение русскому как иностранному на нефилологических специальностях*……653
Л.П. Кожевникова, Н.Е. Некора. *Функционально-семантический подход к созданию учебных пособий по русскому языку как иностранному*……656
Н.В. Краснокутская. *Культурные и лингвистические универсалии и их роль в обучении РКИ*……659
С.Ю. Кузнецова. *Система упражнений и организация аутентичного учебного материала при обучении аудированию в практическом курсе РКИ (из опыта работы с китайскими стажерами)*……664
Е.Ю. Красникова. *О некоторых проблемах современных пособий по грамматике для иностранных студентов уровня В1–В2*……667
Е.В. Нечаева. *Учебный перевод как средство активизации грамматики*……670
А.И. Ольховская. *Методическая классификация лексики в аспекте преподавания русского языка как иностранного*……672
С.Г. Персиянова, Е.И. Сумина. *Особенности лексико-грамматического и фонетического корректировочного курса в интернациональных группах учащихся уровня В1–В2*...677

Х.М. Фазылянова. *Содержание практического курса фонетики и интонации вьетнамских студентов-филологов уровня А2*……681
Н.А. Маркина, И.В. Шурупова. *Интенсивный курс по подготовке к сдаче сертификационного экзамена по русскому языку делового общения (продвинутый уровень)*……...684
Н.Б. Битехтина. *Описание русского языка как иностранного: прагмалингвистический аспект*.....688
Г.А. Асонова. *Необходимость применения ролевых игр и методики «Ассимиль» на уроках по обучению грамматике РКИ*……692
Саяма Гота. *Определение важных подзначений приставки про- и их классификация с использованием диагностических контекстов при изучении РКИ*……696
Ю.В. Низкодуб. *Песни как дидактические материалы по русской грамматике в курсе РКИ*……699
А.В. Федосеева. *К проблеме создания спецкурса «Средства выражения оценки в русском языке» на уровне В2* 702
А.Л. Этру. *Лексико-семантические трудности, связанные с употреблением некоторых русских слов ганскими учащимися, изучающими русский язык: ложные друзья в русском и английском языках*……705
К.Ю. Давлетшина. *Представление вариантных форм в иностранной аудитории (на примере склонения именительного падежа)*……..710

Секция 10. Инновационные образовательные технологии в РКИ

Э.Г. Азимов. *Особенности работы преподавателя в системе массовых открытых онлайн курсов*……712
С.С. Хромов, В.Г. Апальков. *Из опыта преподавания русского и английского языков в электронной обучающей среде*……716
Д. Бончани, Р. Романьоли, Н. В. Смыкунова. *Учебное пособие нового поколения: «Мир тесен»*……719
Н.Н. Конева. *Педагогические технологии и новации в методике обучения РКИ*……722
Е.Л. Корчагина. *Средства обучения в переходный период к инновационной образовательной среде*……...726
Л.И. Кузнецова. *Учебный фреймовый словарь как инновационное лингводидактическое средство обучения в практическом курсе русского языка как иностранного*……..…..730
М.Ю. Лебедева. *Инновационные образовательные процессы и практика обучения русскому языку как иностранному*……..734
Л.В. Петросян. *О принципах организации электронных ресурсов для преподавания русского языка за* рубежом.....738
Е.А. Подшивалова. *Из опыта разработки очно-дистанционного курса, посвященного употреблению глаголов движения в русском языке, на базе LMS MOODLE*……...742
Г.В. Вариченко, Е.В. Кишкевич, Ж.В. Проконина. *Электронный учебник в практике обучения РКИ*…….....746
И.И. Прокопова. *Об актуальности использования информационно-развлекательных программ на уроке русского языка как иностранного*……750
Т.Д. Блум, Е.Г. Ростова. *О необходимости создания мультимедийного пособия по страноведению России для подготовки к сертификационным экзаменам немецко-говорящих учащихся*……754
Е.В. Рублёва. *Формирование новой образовательной парадигмы в обучении языкам на рубеже XX–XXI веков*……758
Т.Н. Скок. *Мультимедийный образовательный ресурс «Ближе к России. Омск» для дистанционного изучения РКИ*…...……...762
Н.А. Шипалова. *Разработка учебного электронного словаря по физике для иностранных курсантов военного авиационного института*……...766

Секция 11. Преподавание РКИ в свете современных образовательных тенденций

С.Т. Золян. *Русский язык в ближнем и дальнем европейском зарубежье: социолингвистические функции и инструменты поддержки (междисциплинарный подход)*……...770
И.А. Орехова. *Обучающий потенциал русской языковой среды*……..773
В.А. Степаненко, М.М. Нахабина, И.В. Курлова. *Когнитивно-коммуникативная концепция учебника по РКИ как основа для создания позитивного образа России*…….775
М.М. Калиновская. *О повышении роли прагматической компетенции на продвинутом уровне РЯДО, или использование тактик наступления/защиты и тактик ухода от конфронтации при обучении жанру «Переговоры»*……779
О.Л. Кузнецова. *Технология обучения иностранных военнослужащих в контексте межкультурной коммуникации*…….783
А.Г. Лилеева. *Изучение инвариантных моделей художественной культуры как новая теоретическая и методическая задача в сфере преподавания РКИ*……786
О.В. Ненонен. *О фонетическом развитии русско-финских билингвов дошкольного возраста*……...791
М.Б. Нагзибекова. *О функционировании русского языка в Таджикистане*……..……794
Н.В. Габдреева. *Процессы смешения в языковом сознании билингвов в XIX в*……..……798
В.И. Шляхов. *Современная лингвистика и методика преподавания РКИ*……..……802
А.Н. Щукин. *Учебник для изучающих русский язык как иностранный в контексте отечественной лингводидактики (история, современное состояние, перспективы развития)*……..……806
М.Н. Аникина. *«Методика здравого смысла» как отражение мировоззренческого подхода к обучению РКИ: теоретическое представление и практическое преломление*…809

Н.В. Баско. *Роль историко-культурологического комментария в учебном фразеологическом словаре для учащихся-иностранцев*……..……814
Л.Л. Вохмина, А.С. Зайцева. *К вопросу о системе упражнений при коммуникативно-деятельностном подходе*....816
С.Г. Лука. *Современные технологии как фактор повышения качества обучения русскому языку как неродному в школах Республики Молдова*……..821
В.Б. Куриленко, М.А. Макарова, О.М. Щербакова, Е.Ю. Куликова. *Лингвокультурный портрет студента-билингва в аспекте лингводидактики*……..……823
А.С. Хехтель. *Эффективные концептуальные подходы к обучению языку профессионального общения и развитию интеллектуально-когнитивного потенциала учащихся применительно к конкретным образовательным условиям*..828
М.А. Мартынова. *Новые возможности преподавателя в свете современной методики РКИ*……..831
Т.Н. Мельникова. *Профессионально ориентированные учебно-методические материалы по русскому языку как иностранному*……..835
Л.Б. Трушина. *Язык и культура – современное прочтение. Учебный комплекс «Русский для всех. Книга 1. «Русский мир. Взгляд со стороны»*……840
С.С. Хоронеко. *Проблемы обучения иностранных военнослужащих русскому языку в Республике Беларусь*……....844
Е.Н. Чернышева. *Страноведение России как необходимый учебный курс для обучающихся по образовательным программам «Русский язык как иностранный»*……848
Р.Р. Янгутова. *«Поэзия – … дух народа» (к вопросу о необходимости преподавания поэзии в контексте РКИ)*…...851
О.Э. Чубарова. *«Читальный зал» для детей от 7 до 15*..854
Т.В. Кравцова. *О проблеме формирования мотивации в обучении русскому языку школьников Палестины*…….858

И.В. Милашевская. *О применении дистанционных технологий в обучении русскому языку как иностранному*…….860
Г.А. Алиева. *Использование видеоматериалов и мультимедийных средств при обучении РКИ*……..862
В.Э. Матвеенко. *Лингвокультурологический потенциал экранизированных русских народных сказок в преподавании русского языка как иностранного*……...866
Е.В. Минаева. *Коммуникативы в учебниках РКИ.*……869
Н.С. Лунгу. *Технологии коммуникативного обучения русскому языку как неродному в школах Республики Молдова*……871
А.Е. Басырова. *Новое средство наглядности на уроках РКИ: инфографический текст*……..874
Т.С. Гуманова. *Этапы работы с библеизмами на уроках РКИ (уровень С1)*……878
Е.А. Рябова, В.М. Филиппова. *Использование песен на занятиях по РКИ*……880
Чэ Линь. *Невербальные аспекты в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся*……883

Секция 12. Русское словообразование

Н.Н. Щербакова. *К вопросу о статусе семантического словообразования*……886
Л.В. Рацибурская. *Деривационная специфика современного медиатекста*……889
О.А. Булгакова. *Пропозиционально-фреймовое моделирование многозначного производного слова*……..891
Т.А. Корнеева. *Нулевая суффиксация и усечение в современном русском языке*……995
Н.Г. Сичинава. *Активные деривационные процессы в разговорной и просторечной лексике русского языка конца XX века*……900
Е.В. Васильева. *Особенности репрезентации образа человека отадъективными именами лиц*……904

Е.А. Жданова. *Новые отглагольные существительные со значением отвлеченного действия или состояния*……..906
А. А. Залетаева. *Функционирование отонимных дериватов в медиаполитических текстах*……...909
Д. Саболова, Т.В. Уханова. *В бизнес-зоопарке: дериватологические заметки о зооморфизмах в экономическом языке и сленге*……911
И.В. Фуфаева. *Экспансия бывших диминутивов в русской лексике*…….....915

Секция 13. Проблемы описания текста в русской грамматике

В.И. Заика, Г.Н. Гиржева. *Проблема темпа повествования*……918
Т.И. Попова. *Речевая организация повествовательных текстов*……922
В.В. Богуславская. *Текст как основа формирования концептуальной и языковой картины мира*……...926
Н.-Л.М. Акуленко. *Текстология: достижения и перспективы*……...930
М.И. Тарасов. *О когнитивной грамматике нарратива*...934
Д.Д. Васёва. *Смысловая структура современного художественного текста*……...938
Ю.В. Роговнева. *К вопросу о структуре четырехступенчатой схемы анализа текста*……941

Итоговый документ Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0»……945

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ (ПАМЯТИ АКАДЕМИКА В.В. ВИНОГРАДОВА)

Виктор Владимирович Виноградов за 74 года своей жизни сделал поразительно много. Мне повезло 20 последних лет быть его учеником, сотрудником, даже соавтором. Возьму на себя смелость поделиться воспоминаниями о его грамматических взглядах.

Он вышел из того направления, которое в 20-х годах прошлого столетия именовалось «формальной школой»; к ней принадлежали Роман Осипович Якобсон, Евгений Дмитриевич Поливанов, Осип Максимович Брик, Виктор Владимирович Шкловский, другие выдающиеся личности. Слово «формалист» не имело тогда того значение, которое приобрело во времена структурализма.

Системный языковед Виноградов мечтал описать (и в значительной мере описал) современный русский язык тремя учениями о русском слове: стилистическим учением, прежде всего о «развёртывании словесных рядов» образности в художественных текстах, лексикологическим и грамматическим. Но лишь грамматическое учение о русском слове обрело законченное изложение в одной книге. Кстати, именно в предисловии к ней автор обещал создать лексикологию и стилистику, которые, несмотря на многочисленные великолепные работы, в столь полные сочинения, к сожалению, не вылились.

В 1938 г. Виктор Владимирович опубликовал набросок в виде брошюр под названием «Современный русский язык», окончательно книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» вышла в 1947 и переиздавалась в 1972, 1986, 2001 годах. Её теоретическая глава начиналась изречением «Duae res longe sunt difficilliae lexicon scribere et grammaticam» (Два дела труднейшие – писать словарь и грамматику). Трудности он сводил к «блужданию из-за

отсутствия теоретических основ». Но первой и главной считал слабую изученность фактов, их нехватку. По верному и меткому замечанию В. А. Плунгяна, Виктор Владимирович, сам о том не догадываясь, был энтузиастом идеи корпусной лингвистики.

Те трудные и великие дела, за которые отважно брался Виноградов, он бывал то наказан, то вознаграждён. И эта книга была встречена разгромной статьёй «Нет, это не русский язык», а позже получила высшую правительственную награду страны – Государственную премию СССР.

В ней Виктор Владимирович не только излагал свою систему, но и показывал пути движения лингвистической мысли, чтобы (цитирую) «те, кого не удовлетворяют мои решения грамматических вопросов в своих разысканиях могли опереться на лингвистический опыт прошлого». В своём предисловии к четвертому изданию книги я подчеркнул, что именно поэтому грамматика Виноградова без малого столетие властвует над умами.

Его установки легли в замысел «Грамматики русского языка» АН СССР (том 1, 1954; том 2 в двух книгах, 1956), созданной большим коллективом авторов под руководством и редакцией Виктора Владимировича при активном участии Н.Ю. Шведовой особенно в синтаксисе. Ей были переданы бразды правления грамматическими штудиями в академическом институте, а позже ещё и М.В. Панову как руководителю проекта «Русский язык и советское общество».

Позволю себе думать, что за исключением предикативности, разграничивающей предложения и словосочетания разной идиоматичности, собственно синтаксис был вне центра интересов Виктора Владимировича, читавшего и опубликовавшего курс «История синтаксических учений», а не «Русский синтаксис». Хотя ему принадлежит мудрейшая фраза: «Морфологичская форма – это отстоявшаяся синтаксическая форма», восприятие грамматики как

синтактико-речепорождающего механизма, о чём, судя по программе, будут говорить многие участники нашего симпозиума, ему было чуждо.

Видел ли он задачу изучать именно употребление языка, а не просто каталогизировать, тонко и подробно описывать единицы языка в системе частей речи? Боюсь ответить определённо. Речепорождение, речевое многообразие, так сказать «язык в действии» он относил скорее к стилистике. Впрочем, весьма благосклонно отзывался о работах Александра Владимировича Бондарко и Майи Владимировны Всеволодовой.

Судя по серии статей о культуре речи, и в плане стилистики, кроме изучения художественных текстов, его интересовали, точнее раздражали, лишь безразличие говорящих по-русски к морфологическим вариантам, массовое заимствование, которое называл «американобесием», приписывая ему активизацию несклоняемых имён (родовая отнесённость слов *кофе, эссе, каре;* сочетания вроде *дача в Переделкино/е, помнит день Бородино/а).* Не нравились ему ещё мелочи, вроде замены однородных/неоднородных членов предложения открытыми/закрытыми словесными рядами, вообще покушения на отечественные традиции, на Востокова и Буслаева.

Виноградов отрицательно оценивал двухтомник члена Пражского лингвистического кружка Александра Васильевича Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким», а затем и его книгу «Русская грамматика в сопоставлении с немецкой». Причина тут не в обиде за критику от Исаченко или личной неприязни (Виктор Владимирович не жаловал тех своих однокашников по формальной школе, кто эмигрировал, в том числе даже Романа Осиповича Якобсона, называл его не без иронической интонации «крупнейшим американским языковедом», хотя и принимал его у себя дома как члена оргкомитета МКС (Международного комитета славистов) в конце 50-х годов.

Дело тут, конечно, в неприятии самой идеи сопоставительных и сравнительных грамматик. Помнится его едкое замечание по поводу отечественных академических грамматик второй половины прошлого столетия: «Вот и ещё одна чешская грамматика русского языка». Относительно докторской диссертации и монографии «Грамматика русского и монгольского языка» моего ученика и друга, затем долгие годы министра образования МНР С. Галсана, Виктор Владимирович неловко пошутил: «Он что – и говорит на русско-монгольском языке? Да не дуйтесь! Я понимаю, что педагогически такие работы могут быть полезны».

Виноградов был глубоко предан завету своего любимого Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ: «Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени… Видеть в известном языке без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно, наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории, а должна отыскивать в нём только то, что в нём живёт, обусловливает его строй и состав» (Некоторые общие замечания о языковедении и языке. СПб, 1871, с. 26).

Соответственно он не без скепсиса относился к теории языковых универсалий, при всём пиететe к Ивану Ивановичу Мещанинову, не разделял теории «понятийных категорий». Он явно не восхитился бы идеей «глубинных и поверхностных структур», вывезенной к нам позже из Америки.

Уверен я в одном: доживи Виноградов до нынешнего дня, он задорно дискутировал бы сегодня с нами на тему: «В какой грамматике нуждается русский язык».

В.Г. Костомаров, *академик, профессор, доктор филологических наук*

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

В.Б. Касевич
vadim.kasevich@gmail.com
д-р филол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Санкт-Петербург, Россия

Ю.В. Меньшикова
yu.v.menshikova@gmail.com
канд. филол. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета Санкт-Петербург, Россия

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ РУССКИХ ГРАММАТИК

Ключевые слова: русская грамматика, место и роль академической грамматики в семействе грамматик, грамматика для говорящего/для слушающего, парадигмы в орфографической/фонологической записи.

Аннотация: Новая Академическая грамматика русского языка, необходимость и возможность которой сейчас обсуждается, является **одной из грамматик**, в идеале представляющих грамматический механизм языка. Помимо естественных требований полноты, непротиворечивости такой грамматики, ее синтетического характера (сбалансированности с точки зрения учета существующих теорий), необходимо ясно сознавать, что это **прескриптивная грамматика для говорящего/пишущего**. Наряду с этим, должны разрабатываться **дескриптивные** грамматики – грамматики по преимуществу для слушающего/читающего. Грамматика для слушающего отражает не только «модальность» речевой деятельности: перевод грамматических (морфологических) форм из привычной орфографической записи в фонологическую меняет – в ряде случаев радикально – облик парадигм; парадигмы подвергаются **редукции,** существенно возрастает омоморфия. Такого рода структурные сдвиги нередко обнажают глубинные грамматические процессы, «маскируемые» орфографией.

NON-UNIQUENESS OF RUSSIAN GRAMMAR

Key words: Russian grammar, Standard Academic Grammar, its role and function, grammar for the talkers vs. grammar for the hearers, orthography-based morphology vs. spoken-word based morphology.

Abstract: The new Standard Academic Grammar will be just one of a set of grammars whose overall aim is to account for the mechanisms and processes underlying speech. It should be realized that such a grammar is intended **for the talkers** establishing for the latter currently recognized norms in phonetics, grammar, etc. Besides, there must be **grammars for the hearers** as well which describe how the latter extract meaning out of running texts. Such a grammar for the hearers is not just a result of the modality switch; it helps us penetrate into inner processes normally “camouflaged” by the traditional orthography. One of such processes is the reduction of morphological paradigms, which, in turn, gives rise to abundance of “new” homonyms in grammar.

В последнее время оживилась дискуссия относительно возможности и необходимости разработки новой Академической грамматики русского языка. Сразу же надо отметить, что определение «академическая» не есть фиксация ведомственной принадлежности: это **определение жанра**. Сущность этого жанра (существующего, кстати, не во всех культурах) заключается в двух пунктах: во-первых, это грамматика **прескриптивная**, а, во-вторых, грамматика по преимуществу **для говорящего**, поскольку вооружает

именно говорящего знанием текущей **нормы**. Делает она это на основе тщательного изучения современного состояния языка, узуса и т.д.

«Тяга» к реализации масштабного плана дать сводку современных знаний о структуре и функционировании языка может объясняться, по-видимому, разными причинами. С одной стороны, такого рода настроения могут стимулироваться ощущениями законченности (возможно, исчерпанностью) некой «лингвистической эпохи»: когда специалисты склоняются к тому, что интенсивные исследования языка и речевой деятельности достигли высокого уровня и желательно подвести итоги этому бурному и плодоносному развитию. Однако ситуация реально далека от признания ее достигшей определенных вершин. Скорее наоборот: наблюдается некоторый застой теоретической мысли. С другой стороны, многократно высказывалась тревога о том, что язык в настоящее время подвергается определенной опасности, снижается его иммунитет по отношению к немотивированным заимствованиям (и не только в лексике) и т.п. Создание столь авторитетного труда, как Академическая грамматика, могло бы, предположительно, поддержать образцовый узус и т.п.

В любом случае, необходимо осознать, что Академическая грамматика – лишь одна из семейства грамматик, которые необходимы для теоретического осмысления и отражения всей совокупности явлений, относящихся к языку, речи и речевой деятельности. **Дескриптивные грамматики** не связаны нормативными ограничениями, они зеркально отражают существующую картину, руководствуясь по преимуществу статистикой.

Другая линия разграничения – по направленности вектора речевых действий; это уже упоминавшееся выше разделение грамматик на систему правил по преобразованию смысла в текст и по преобразованию текста в смысл. Описывая

тот иной язык, мы до сих пор, за редкими исключениями, не принимаем во внимание, что «грамматика энского языка» не отражает, в сущности, какой бы ни было реальности. Вместе с тем, те авторы (не очень многочисленные), которые стремятся к разграничению грамматик перехода от смысла к тексту и грамматик перехода от текста к смыслу, недооценивают важность вопроса о некоторой единой системе, которая и позволяет нам говорить о русском языке, китайском и т.п. Что представляет собой грамматика говорящего по отношению к грамматике соответствующего языка «вообще»? Это подсистема в рамках системы? Чем овладевает ребенок, который осваивает язык? Набором подсистем, соотносящихся определенным образом? Ответа нет – да и вопросы пока не поставлены должным образом.

В значительной степени обособленно стоит очень важная проблема: проблема «модальности» плана выражения для словоформ и других грамматических единиц. Традиционная морфология работает с планом выражения, базирующимся на традиционной орфографии. Картина меняется, подчас радикально, когда мы переводим план выражения словоформ в фонологическую запись (и работаем с русским языком, как если бы он был бесписьменным). Простым примером может послужить соотношение отличающихся по роду прилагательных: ср. *новый, новая, новое*; если «орфографически» здесь три единицы, то «фонологически» – две. Для адекватного описания такого рода ситуаций надо привлекать понятия нейтрализации, омонимии и ряд других.

Б.Ю. Норман
boris.norman@gmail.com
д-р филол. наук, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

КАКАЯ НОВАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА НАМ НУЖНА?

Ключевые слова: функциональные варианты, региональные варианты, интегративное описание.

Аннотация: Новая грамматика русского языка должна быть интегративным описанием, более «мягким» в сравнении с предыдущими образцами.

B. Ju. Norman, Dr. of Philological Sciences, prof.,
Byelorussian State University, Minsk, Belarus

WHAT KIND OF NEW RUSSIAN GRAMMAR WE NEED?

Keywords: functional versions, regional versions, integrative description.

Summary: The new grammar of Russian language must be an integrative description, more flexible compared with previous specimens.

Наиболее общей доминантой развития современного русского языка считают его интенсивную динамизацию, проявляющуюся в мощных тенденциях к неологизации, экспрессивизации и демократизации (В.М. Мокиенко). Вторая половина XX века и начало XXI ознаменовались углубленным изучением социальной дифференциации русского

языка (Л.П. Крысин, В.И. Карасик и др.), исследованием русской разговорной речи (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, О.Б. Сиротинина и др.), вниманием к отдельным жанрам (В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, И.А. Стернин и др.), к дополнительной эстетической, людической нагрузке языка (В.З. Санников, Т.А. Гридина и др.), а также учетом корпусных данных. Не только в лексике, но и в грамматике зафиксированы новые явления, в том числе обусловленные сменой коммуникативной парадигмы общества. Все эти наблюдения и выводы должны найти свое отражение при подготовке новой капитальной грамматики русского языка. Объективную данность сегодня представляет продолжающаяся функциональная специализация русского языка, нарастающее "многоречие" (термин Б.М. Гаспарова). Имеется в виду территориальное (региональное), профессиональное, стилевое, жанровое и прочее расщепление языка. В этих условиях новый грамматический компендиум должен представлять собой интегративное описание, своего рода инвариант по отношению ко всем возможным вариантам языкового существования. Конечно, такое стремление непросто совместить с изначальным требованием компактности издания, поэтому авторам придется учитывать и фактор распространенности (употребительности) каждого явления.

Вместе с тем, с учетом наступивших в обществе социальных, психологических и прочих изменений, новая грамматика должна быть (по сравнению с предыдущими образцами) менее "декретивной", а более "мягкой", вариативной. Это соответствовало бы и общему направлению эволюции грамматических описаний других языков на современном этапе. В этом плане «академическая» – условное название для новой сводной грамматики (впрочем, не вполне академическими были по своему духу и предыдущие издания 1970 и 1980 гг.). Скорее это название отражает организа-

ционную сторону научной задачи. Понятно, что главенствующую роль в подготовке и издании грамматики будет играть Институт языкознания им. В.В. Виноградова РАН.
Хотелось бы также предостеречь от политизации нового лингвистического описания, от придания ему статуса грамматики «государственного» русского языка. Такая идея, ориентированная на единую и строгую норму, отдает великодержавием. Государственный язык – лишь одна из форм функционирования русского языка, предназначенная для определенных (институциональных) ситуаций.

А. Мустайоки
arto.mustajoki@helsinki.fi
д-р философии, профессор русского языка, декан гуманитарного факультета Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

МЕТОДОЛОГИЯ СОСТАВЛЕНИЯ ГРАММАТИКИ: НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

Ключевые слова: русский язык, грамматика, лингвистическая методология, теория языка, норма.

Аннотация: Согласно традициям составления описательных грамматик русского языка, главный акцент делается на более или менее нормативной письменной речи. Это один из возможных подходов, но тогда необходимо осознать, что это грамматика не всего русского языка.

Arto Mustajoki, PhD, Professor of Russian language, Dean, Faculty of Arts, University of Helsinki, Finland

METHODOLOGY OF GRAMMATOGRAPHY: ON WHAT IS DESCRIPTION OF LANGUAGE BASED

Key words: Russian language, grammar, methodology of linguistics, linguistic theory, norm.

Abstract: According to the traditions to compile grammar books of any language, the main attention has been paid to more or less normative written language. This is one of the possible options, but when following that principle, one has to realise that this is not a grammar of a “whole” language.

При составлении грамматики любого, в том числе и русского, языка первый вопрос, который нужно решить, это каковы ее цель и назначение. Конкретнее говоря, нужно выбрать между двумя основными вариантами: составляется ли дескриптивная (описательная) или прескриптивная (нормативная) грамматика. Первая описывает язык таким, какой он есть, вторая представляет язык в идеальном виде. Норма, естественно, не изолирована от употребления языка, но может и отличаться от него.
В отличие от нормативной грамматики, описательная грамматика не дает советы носителям языка по поводу того, что правильно в языке, а описывает язык в реальном режиме. Язык имеет две формы существования: с одной стороны, он является потенциалом, находящимся в сознании человека (по терминологии Кибрика и Кошелева: off-language) [2: 21–25], а с другой стороны, он конкретизируется в реальном языковом материале (on-language). Off-language и on-language, естественно, взаимосвязаны, но представляют собой разные объекты изучения. Основной принцип простой: если нас интересует язык как потенциал, мы должны обращаться к интуитивным представлениям людей о языке; если же нас интересует, как язык употребляется,

мы должны изучать языковой материал, произведенный людьми. В обоих случаях описательный метод нередко смешивают с нормативным: исследователи интересуются не языковым чутьем или речью любых носителей языка, а только определенной группы из них. В русской лингвистической традиции в этой связи употребляется понятие «носитель литературного языка».

Перед составителем описательной грамматики стоит множество сложных вопросов. Первый из них – как относиться к устной речи. Лингвисты – сторонники диалогизма [4, 5] упрекают современную лингвистику в пренебрежении устной речью, являющейся как филогенетически, так и онтогенетически первой формой языка. Об этом писал в свое время и Бахтин, выделяя первичные и вторичные жанры языка. Диалогисты считают, что письменная речь является недостаточно интересным объектом лингвистического анализа, поскольку она – искусственно составленная форма языка. В школе носителей языка знакомят с официальной нормой языка, составленной лингвистами, а потом эти же лингвисты анализируют, в какой мере норма усвоена носителями языка. Это напоминает работу юриста. Как в академической, так и в школьной русской грамматографии устная речь целиком игнорируется; описанию ее грамматических свойств посвящены специфические работы, но они стоят в стороне от официальной манифестации языка.

Описательный подход, основывающийся на употреблении, сталкивается также с проблемой, возникающей из-за того, что on-language характеризуется почти бесконечным многообразием. Современный русский язык охватывает самые различные разновидности, [1, 3], в том числе и диалекты, профессиональные подъязыки, а также ситуативно и географически обусловленные варианты русского языка. Пос-

ле этих предварительных рассуждений определим несколько возможных типов грамматик русского языка:

Описательная грамматика (современного) русского языка охватывает все существующие разновидности русского языка, как устные (в том числе бытовую разговорную речь, просторечие, диалекты, сленг), так и письменные.

Описательная грамматика письменного русского языка охватывает все письменные разновидности русского языка, такие как художественная литература, пресса, интернет-тексты (блоги, форумы, электронные письма и т.п.).

Описательная грамматика письменного русского литературного языка охватывает те письменные разновидности русского языка, которые представляют литературный язык.

Описательно-нормативная грамматика письменного русского литературного языка придерживается квазиописательного принципа: описание языка основывается только на тщательно отобранном языковом материале, например, на текстах признанных писателей. Применение этого распространенного в русской традиции подхода в настоящее время затруднено тем, что нет писателей, пишущих образцовым языком.

Нормативная грамматика дает рекомендации, как составлять нормативно правильные предложения, которые могут быть употреблены в разных видах речевой деятельности. Поскольку норма составления официальных документов, блогов и имейлов, а также устных форм употребления языка (доклады, разговоры за завтраком, крики на стадионе) варьируется, нормативные грамматики должны быть составлены разные.

Литература

1. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности (Доклад на конференции «Русский язык и современ-

ность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии). М., 1991.
2. Кибрик А.А., Кошелев А.Д. Когнитивная лингвистика – в поисках единства // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / Под ред. А.А. Кибрика и А.Д. Кошелева. М., 2015.
3. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. 2013. № 5.
4. Linell P. Formal written-language biased vs. dialogical linguistics of the nature of language // Cognitive dynamics in linguistic interactions / Ed. by A. Kravchenko. Cambridge, 2012.
5. Marková, I. Paradigms, thought, and language. Chichester, New York, 1982.

А.А. Кибрик
aakibrik@gmail.com
д-р филол. наук, Институт языкознания РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

НА ПУТИ К ЕСТЕСТВЕННОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: устная речь, мультимодальность, просодия, бытовой диалог.

Аннотация: Естественную грамматику русского языка следовало бы начинать с описания языка в мультимодальном контексте, в устной форме, с учетом просодии, с опорой на бытовой спонтанный диалог. Некоторые шаги в этом направлении уже были сделаны, но основную часть пути еще предстоит пройти.

A.A. Kibrik, Dr. of philological sciences, Head of department at the Institute of Linguistics RAS, professor at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

TOWARDS A NATURAL GRAMMAR OF RUSSIAN LANGUAGE

Key words: oral speech, multimodality, prosody, conversation.

Abstract: A natural grammar of Russian language should be developed on the basis of language use in multimodal context, in its spoken variety, with regard for prosody, and relying on conversation. Certain steps in that direction have already been made, but most of that distance is still to be covered.

Под естественной грамматикой я понимаю полное описание того или иного языка, основывающееся на наиболее обычных, наиболее прототипических образцах употребления этого языка. Сформулирую ряд исходных тезисов, которые представляются мне очевидными.
1. Естественный язык в реальной жизни используется в связке и в переплетении со смежными системами, такими как жестикуляция, мимика, направление взора и т.д. Отграничение языка от этих средств, принадлежащих визуальному коммуникативному каналу, – традиционная условность, обусловленная не сутью дела, а историей человеческого познания и стремлением все распределить по разным дисциплинарным категориям.
2. Исходная экологическая среда бытования естественного языка – устная. Письменное использование языка – это особый частный случай, возникший в человеческой эволюции довольно поздно.
3. В устной речи вербальный компонент реализуется в связке и в переплетении с несегментными аспектами зву-

ка – просодией. Абстрагироваться от просодии при исследовании языка в целом невозможно, просодия представляет собой его неотъемлемый компонент.

4. Устное общение лицом к лицу является в первую очередь диалогическим, интерактивным. Взаимодействие между коммуникантами и постоянное чередование ролей говорящего и слушающего, в общем случае между несколькими индивидами, – это прототипическая ситуация использования языка.

5. Существует большой диапазон функциональных стилей, в которых бытуют языки. Те языки, которые обслуживают более сложные общества, имеют больший набор функциональных стилей. Однако самым базовым для любого живого языка является бытовой функциональный стиль. То же касается неформального и спонтанного (неподготовленного) характера коммуникации.

Конечно, язык используется далеко не только в таких прототипических условиях. Следует обращать внимание и на мономодальное употребление языка (например, разговор по телефону), лишенную просодии письменную речь, монолог и стилевое разнообразие. Но каждое отклонение от прототипического использования языка, очерченного выше, следовало бы рассматривать именно как таковое, и изучать, какие структурные и количественные эффекты вызывает отход от прототипа. Например, было бы логично начать с создания грамматики устной речи, а затем на этой основе выяснить, что меняется в языке при письменном его употреблении.

Разумеется, до сих пор практика грамматического описания конкретных языков, в том числе и русского, по большей части основывалась на прямо противоположных установках. Языковой материал, служащий базой грамматик, брался главным образом из письменного монологического литературного языка. Это положение дел можно сравнить

с таким описанием живых деревьев, которое базировалось бы лишь на образцах художественной деревянной мебели. Какие-то свойства древесины сохраняются и после работы краснодеревщика, но если стремиться к настоящей ботанике, то надо все же идти в лес и изучать, как деревья растут из земли.

Некоторое продвижение в сторону естественной грамматики русского языка было сделано в книге [1]. В этой работе мы выявили базовый квант устной русской речи – элементарную дискурсивную единицу (ЭДЕ), описали синтаксические и просодические свойства канонических ЭДЕ. В частности, ЭДЕ в высокой степени коррелируют с предикациями (клаузами). Группы ЭДЕ образуют устные предложения, определяемые с учетом дискурсивно-семантических категорий и просодических стратегий говорящего. В нашей работе были описаны и разные степени отклонения от канонической структуры. Так, среди ЭДЕ встречается много субклаузальных единиц, которые чаще всего представляют собой ретроспективные уточнения – эхо, приращения и парцелляции. Более существенные отклонения от канонической структуры представляют собой речевые сбои, в том числе хезитации и самокоррекции.

На основе канонической структуры были также описаны явления полипредикативности. В устной русской речи были обнаружены явления, часто ассоциируемые в лингвистике с «экзотическими» языками, в том числе сериализация, редупликация предикатов, полупрямое цитирование и др. В то же время, в рамках книги [1] были реализованы не все принципы, перечисленные вначале. А именно, первый и четвертый из этих принципов (мультимодальность и диалогичность, соответственно) отражения там не получили. В настоящее время в ходе реализации проекта РНФ «Язык как он есть: русский мультимодальный дискурс» мы начинаем рассматривать традиционные лингвистические вопро-

сы в контексте мультимодального диалога. См., например, статью [2], в которой обсуждается вопрос о координации речевых и жестовых единиц.

Не подлежит сомнению, что для создания полной естественной грамматики русского языка необходимо пройти длинный путь. Однако задумываться над этой целью стоит уже сейчас. Отмечу, что существуют образцы грамматик, в которых некоторые принципы естественного описания уже были реализованы. В частности, это касается уже достаточно давней английской грамматики [3], во многом базирующейся на устной бытовой диалогической речи.

Литература

1. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: ЯСК, 2009.
2. Федорова О.В., Кибрик А.А., Коротаев Н.А. и др. Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2016.
3. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., and Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. L.: Longman, 1999.

В. Гладров
wolfgang.gladrow@rz.hu-berlin.de
д-р филол. наук, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, Берлин, Германия

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИНТАКСИСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, предложение, прагматика.

Аннотация: Четырехуровневый подход к описанию предложения различает конструктивно-грамматический, пропозиционально-семантический, актуально-информативный и коммуникативно-прагматический уровни и позволяет, таким образом, подробно и системно охарактеризовать прагматические значения предложения русского языка.

W. Gladrow, PhD, Prof., Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany

PRAGMATIC ASPECTS OF RUSSIAN SYNTAX

Keywords: Russian language, syntax, sentence, pragmatics.

Abstract: The four-level approach to the description of sentence distinguishes constructive-grammatical, propositional-semantic, actual-informative and communicative-pragmatical levels. It enables thereby a detailed and systematic characterization of the pragmatic meanings of Russian sentence.

Если рассмотреть прагматические аспекты синтаксиса русского языка, то можно установить, что, с одной стороны, определенные прагматические элементы синтаксического строя давно известны и описаны, но они, как правило, не были охарактеризованы как собственно прагматические. Такие прагматические смыслы обнаруживались на всех уровнях синтаксической структуры: в грамматическом устройстве (например, в формах ирреальных наклонений), в семантической структуре (например, в модальных модификациях отдельных пропозицонально-семантических типов предложения) и на уровне актуального членения (например, в высказываниях с определенным словорасположением и маркированным интонационным контуром).

С другой стороны, систематического описания совокупности прагматических значений и средств их выражения в русском языке в академических грамматиках и вузовских учебниках еще не существует. Центральная единица синтаксиса – предложение – описывается в современных грамматиках русского языка, как правило, на трех уровнях: грамматическом, семантическом и информативном.

В данном докладе делается попытка систематизации основных знаний, полученных в области исследования прагматических значений в рамках четвертого уровня структуры простого предложения – коммуникативно-прагматического. Таким образом, исходя из идеи многосторонности простого предложения будет представлена концепция четырехуровневого описания русского предложения. Различаются конструктивно-грамматический, пропозиционально-семантический, актуально-информативный и коммуникативно-прагматический аспекты структуры предложения.

На коммуникативно-прагматическом уровне структуры предложения выражаются значения, вытекающие из установки говорящего в отношении сказанного, собеседника и коммуникативной ситуации. Данные значения сигнализируются имплтцитно и эксплицитно. Эксплицитно прагматические смыслы выражаются прежде всего модальными словами, частицами, модальными глаголами и предикативными наречиями, морфологическими формами наклонения, специфическими синтаксическими конструкциями типа инфинитивных предложений, словообразовательными средствами (например, уменьшительными суффиксами), просодическими средствами. Современное состояние исследования прагматической структуры высказывания позволяет выделить разные прагматические модели эксплицитного выражения позиции говорящего по отношению к концепту положения дел. Это дифференциация по целеустановке говорящего (вопросительные, побудительные,

оптативные высказывания и т.д.), модусные модификации и дискурсивные маркировки высказывания, комментирующие сказанное с учетом коммуникативной ситуации и позиции собеседника. Модусные варианты высказывания передают позицию говорящего по отношению к разным компонентам реальной и ментальной действительности. Это находит выражение в эпистемических, оценочных, авторизирующих, оттеночных, фатических значениях. В докладе дается систематизирующий обзор модусных модификаций и дискурсивных маркировок высказывания.

И.М. Кобозева
kobozeva@list.ru
д-р филол. наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ЛЕКСИКА В ГРАММАТИКЕ: ФУНКЦИИ, КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ОГРАНИЧЕНИЯ

Ключевые слова: грамматика, лексика, категоризация, правила, ограничения.

Аннотация: В докладе рассматриваются функции лексических единиц в описательной грамматике, одна из которых – задание области действия правил в виде списков слов, которые обычно бывают неполными. Намечается один из возможных путей оптимизации этой функции: совершенствование грамматически релевантной категоризации лексики в плане повышения ее гранулярности и формулирование ограничений на применимость правил в терминах таких субкатегорий.

I.M. Kobozeva, Dr. of Philological Sciences, prof.,
Lomonosov Moscow State University

LEXICAL ITEMS IN A GRAMMAR: FUNCTIONS, CATEGORIZATION, CONSTRAINTS

Keywords: grammar, lexis, categorization, rules, constraints.

Annotation: In the paper functions of lexical items in a descriptive grammar are studied, one of which is to determine the domain of rules with the help of word lists, which are often incomplete. One of the ways to optimize this function is to increase the granularity of grammatically relevant lexical categorization and to formulate constraints on the application of rules in terms of such subcategories.

Грамматика и словарь – два взаимодополняющих компонента полного описания языка. При этом словарь призван насколько это возможно полно отразить лексику языка и всесторонне охарактеризовать идиосинкратические свойства каждого слова, а грамматика должна содержать обобщения, касающиеся всех уровней и планов языка, в виде правил, которые могут иметь как широкую, так и достаточно узкую сферу действия. Общепризнанная в теории идеология интегрального описания языка [1] предполагает помимо прочего настройку словаря на грамматику (указание при слове всей информации, необходимой и достаточной для определения того, какие правила применимы к данному слову), и настройку грамматики на словарь (указание области действия правил на множестве слов языка). И если в русской лексикографии уже давно проявляется тенденция включения в общие и частные толковые словари все более разнообразной грамматической (в широком смысле) информации в виде просодических, морфологических, синтаксических и иных помет, признаков, таблиц при слове или его лексикосемантическом варианте, то в области грамматического описания формы связи грамматики со словарем пока еще не стали объектом специального внимания грамматистов. При всем том авторы грамматик осознают теснейшую связь грамматических явлений с лексикой. Ср. «Синтаксис пронизан лексикой. В образовании словосочетаний, в элементарном … строении предложения и при его распространении грамматические правила неотделимы от условий лексико-семантической организации соответствующих конструкций» [2: 11]. Лексика регулярно включается в описательные грамматики, выполняя в ней (иногда одновременно) ряд функций – иллюстративного материала, объекта лексико-грамматической категоризации, способа задания ограничений на применение правил и реализацию конструкций. При этом ограничение на применение правила нередко задается в виде открытого списка слов «*x, y, z* и под.» или же правило просто характеризуется как лексически ограниченное без указания на семантическую или чисто лексическую природу ограничения и без попыток задать область действия правила в явном виде. Когда же семантические ограничения на класс(ы) слов, к которым применимо правило, формулируются, то это делается в свободной форме, без использования единого метаязыка семантических признаков или категорий, и потому нет гарантий однозначного понимания объема и содержания понятий, при помощи которых задаются ограничения. Одним из путей настройки грамматики на словарь может стать развитие релевантной для грамматики субкатегоризации лексики, то есть выявление в рамках лексико-грамматических категорий (а иногда и поверх них) скрытых категорий или типов, характеризующихся общностью тех или иных грамматических свойств (см. понятия семантического типа предиката в [3], таксономической катего-

рии глагола в [4], акционального класса глагола в [5], лексикографического типа в [1]). Это даст возможность задавать ограничения на применимость правил в терминах таких скрытых лексических категорий как «стативный предикат», «неконтролируемый предикат», «фактивный глагол», «параметрическое существительное» [1], «эталонное существительное» [6], «предельное прилагательное» [1], «экспериенциальное прилагательное пространственного признака» [7] и т.п. Сами эти категории должны получить развернутую многоаспектную характеристику в разделах, посвященных словам определенной части речи, аналогично тому, как в существующих грамматиках охарактеризованы, напр., разряды прилагательных, но существенно более полно. Базой для развития грамматики в этом направлении служат многочисленные исследования последней четверти прошлого и начала нынешнего века, посвященные выявлению и описанию скрытых категорий русской лексики, релевантных для описания феноменов, принадлежащих разным уровням и разделам грамматики, напр., для описания семантики видов и способов действия глагола или семантики падежей в разделе морфологии, для описания словообразовательных моделей в разделе словообразования, описания иллокутивных функций побудительных предложений или наклонения в придаточных предложениях в синтаксисе, описания линейно-интонационных моделей предложения в разделе, посвященном актуальному членению предложения.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Том I. М., 2009.
2. Русская грамматика. Т. II. / Под ред. Н.Ю. Шведовой и др. М., 1982.

3. Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстовой. М., 1982
4. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
5. Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. М., 2015.
6. Кобозева И. М. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке // Известия РАН. Серия лит. и яз. 2010. Т. 69. № 6.
7. Кустова Г. И. Системные связи и системные значения экспериенциальных прилагательных: предметные и пространственные контексты // Русский язык в научном освещении. 2013. Т.25. № 1.

В.А. Маслова
mvavit@tut.by
д-р филол. наук, профессор Витебского государственного университета, Витебск, Белоруссия

ПРОБЛЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГРАММАТИКЕ

Ключевые слова: интегративный подход, лингвоконцептология, лингвокультурный концепт, культурная информация.

Аннотация: Обсуждаемые сейчас подходы к построению будущей Грамматики позволяют заключить, что очередная Грамматика должна соответствовать новым веяниям в науке – содержать междисциплинарное осмысление языка. Не вызывает сомнений тот факт, что следующая Грамматика должна быть функциональной, в ней непременно должны быть отражены коммуникативные аспекты языка, но

именно в коммуникации особое значение приобретает знание культуры, с которой теснейшим образом связан язык. В докладе предлагается описание языка сквозь призму концептов.

Maslova V.A., PhD, prof. VSU, Vitebsk, Belarus

THE PROBLEM OF CULTURAL INFORMATION POSITION IN GRAMMAR

Abstract: The discussed approaches to the construction of the future Grammar suggest that the further Grammar must correspond with the new trends in science – it must involve an interdisciplinary understanding of the language.There is no doubt that the further grammar has to be functional, the communicative aspects of the language must be certainly reflected, but knowledge of the culture is particularly important in the communication, as it is closely linked to the language. The report proposes a description of the language through the prism of concepts.

Keywords: integrative approach, linguoconceptology, linguocultural concept, cultural information.

Грамматика-70 и Грамматика-80 – это набор теоретических сведений, которые в основном уточняют и объясняют системные отношения внутри отдельных ярусов языка. И здесь есть свои достижения, свои современные идеи, несмотря на которые традиционная лингвистика зашла в тупик в системно-структурном описании и анализе языковых фактов. Еще в 1995 году на Международной конференции «Лингвистика на исходе века» А.А. Леонтьев произнес «надгробное слово» «чистой» лингвистике.

Где же выход из этого тупика? Согласно теореме Курта Геделя о неполноте, наука может развиваться без привлечения результатов других наук лишь непродолжительное время. Так случилось и с лингвистикой. Можно констатировать, что в современной лингвистике успешно реализуется принцип дополнительности, открытый Н. Бором, разработано несколько интегративных подходов, способных творчески синтезировать новейшие результаты теоретических поисков в разных областях науки о человеке, культуре и его языке. К таким подходам можно отнести синергетический, триангуляционный подходы, подход с позиции теории тотальности. И даже в традиционной лингвистике на современном этапе ее развития наибольшую актуальность приобретают работы с междисциплинарным осмыслением явлений. Примером могут служить психолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвоконцептология и др. Поэтому, думается, очередная Грамматика должна соответствовать новым веяниям в науке – содержать междисциплинарное осмысление языка.

Не вызывает сомнений тот факт, что следующая Грамматика должна быть функциональной, в ней непременно должны найти отражение коммуникативные аспекты языка, но именно в коммуникации особое значение приобретает знание культуры, с которой теснейшим образом связан язык, потому что культура включена в язык, т.к. «вся она смоделирована в тексте» (Тарасов 1994, с. 107).

Язык и культура взаимосвязаны не только в коммуникативных процессах, но и в онтогенезе (формировании языковых способностей), и в филогенезе. Но вводить факты культуры в описание языка нужно осторожно, ибо это 2 различные семиотические системы. Можно обнаружить и других их кардинальные отличия: в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, а в культуре

ценится элитарность, культура не способна самоорганизовываться, в отличие от языка.

Тем не менее идея взаимосвязи языка и культуры породила немало продуктивных идей и даже целых направлений. Одним из них является **лингвокон-цептология**, которая начала развиваться лишь на рубеже XX и XXI веков. Это интегративная область лингвистики, в ее основе лежат прежде всего лингвокультурология и когнитивная лингвистика, а в отдельных случаях используется и ряд других наук − лингвострановедение, социолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация и др. Важнейшим понятием лингвоконцептологии является **концепт.** На сегодняшний день в лингвистике сосуществует ряд терминов: «концепт», «культурный концепт», «лингвокультурный концепт», «национально-культурный концепт», «базовый концепт», «фундаментальный концепт», «национально маркированный концепт» и др. Мы предлагаем использовать термин **лингвокультурный концепт,** который понимаем так: это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий в себя значение, культурные коннотации, понятие и образ, связанные с именем концепта.

Мы выделяем следующие группы лингвокультурных концептов: 1) универсальные философские концепты (*время, пространство, причина, следствие, движение, количество, качество*); 2) социально-культурные концепты-категории (*труд, богатство, собственность, страна)*; 3) *категории национальной культуры* (*воля*, *доля*, *авось, соборность* и др.); 4) *этические категории* (*добро* и *зло*, *долг*, *правда* и *истина*); 5) *духовные концепты* (*Бог, Спаситель, Христос*, *ангел-хранитель* и др.).

Совокупность концептов образует концептосферу русского языка. Концептосфера народа шире семантической сферы,

представленной значениями слов языка. Как считал Д.С. Лихачев, чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа.

И концепты, и концептосфера – сущности ментальные, ненаблюдаемые. Современные научные данные подтверждают реальность существования концептосферы и концептов. Думается, что концепты в коцептосфере достаточно упорядочены. По своим признакам они вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Следовательно, концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов конкретного народа, с помощью построения и анализа которой можно выявить национальную специфику концептуализации различных явлений сознанием русского народа посредством языка. Такой способ описания языка может существенно дополнить традиционные сведения в будущей Грамматике. В докладе будет продемонстрировано, как именно пространство языка может быть описано с помощью концептов.

Н.Д. Голев
ngolevd@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ, ЛЕКСИЧЕСКОЙ И КОНТЕКСТНО-ДЕНОТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: русский язык, грамматика, общий род, гендерная семантика, агендерность, бигендерность.

Аннотация: В докладе гендерная семантика слов типа *соня, егоза* рассматривается как категория, организованная оппозицией формально-грамматического (синтаксического), лексического и контекстно-денотативного типов содержания. Традиционная концепция существительных общего рода как бигендерных противопоставлена агендерной концепции.

N.D. Golev
PhD, Prof., Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

INTERRELATIONSHIP BETWEEN GRAMMATICAL, LEXICAL AND CONTEXT-DENOTATIVE SEMANTICS OF COMMON GENDER NOUNS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Key words: Russian language, grammar, common gender, gender semantics, agender, bigender.

Abstract: The report regards gender semantics of words like *соня, егоза* as a category organized by the opposition of formal-grammatical (syntactic), lexical and context-denotative content types. The traditional concept regarding common gender nouns as bigender is opposed to the agender concept.

В докладе обосновывается агендерная концепция семантики существительных общего рода (основания концепции подробно представлены в более ранней работе автора [1: 14–28]). План содержания одушевленных имен существительных, относимых к общему роду (*егоза, соня, Седых, Женя, врач, кенгуру*), организуется различными параметрами, центральным из них является параметр гендерности, формируемый оппозицией маркированной гендерности и агендерности. Агендерность широко представлена в сфере

одушевленных существительных – к агендерным относится большинство существительных общего рода. Гендерность маркируется на системном уровне наличием гендерной семы в самом лексическом значении, которая может быть сильной и слабой. В денотативно-речевом плане гендерность может быть представлена имплицитно (как знание ситуации), либо эксплицироваться в разных формах, в том числе в виде несогласуемых форм адъективных определений и сказуемых. Грамматическая семантика (морфологический род) существительных существует в лексеме относительно независимо от модуляций денотативно-речевой семантики.

Способность обозначать существ определенного пола не является собственно морфологической характеристикой словоформы и лексемы как совокупности словоформ. Такая способность относится не морфологическому плану семантики, а к контекстно-денотативному (у словоформ) или лексическому (у лексем), если мужскость или женскость представляют собой конструктивные семы лексического значения слова, например, в *мадам*, то они морфолигизируются. Морфологический род у существительных (*дубина* – жен., *пень* – муж., *чудовище* – ср.) не зависим от контекстно-денотативного значения пола. Верно и обратное утверждение.

В выражениях типа *врач пришла*, *наша врач*, *кенгуру кормила детеныша* и т.п. существительные м.р., обозначающие существа женского пола, не становятся в данных контекстах существительными ж.р., а вне контекста – так называемого общего рода. Род глаголов (в прошедшем времени) и адъективов определяется в данных контекстах не родом существительного, а контекстно-денотативной («наведенной») семой, актуализируемой автором контекста.

Традиционная квалификация существительных типа *егоза* как существительных общего рода (т.е. как существи-

тельных, меняющих род в зависимости от контекста) не согласуется с морфологической сущностью категории рода еще и потому, что в соответствии с этой сущностью род – несловоизменительная категория.
Предложенная трактовка семантики существительных общего рода может быть спроецирована на другие категории, в которых номинативный план семантики конкурирует с синтаксическим планом. Ср., например, трактовку семантики числа в контекстах типа *барыня* (ед.ч.) *изволят гневаться* или одушевленности *знаю иных представителей* (одуш.) *семейства розоцветных*.

Литература

Голев Н.Д. Общий род и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26).

Т.Ю. Игнатович
ignatovich_chita@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия

МОРФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОПЫТ ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: морфология, региональный вариант, теоретические основы, анализ.

Аннотация: В докладе представлены теоретическое обоснование методики анализа и опыт описания морфологи-

ческих явлений регионального варианта русского национального языка, в частности забайкальских говоров севернорусского генезиса.

T.Yu. Ignatovich, Dr. filol. sciences, professor of Trans-Baikal State University, Chita, Russia

THE MORPHOLOGY OF MODERN REGIONAL OPTION RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE: THE THEORETICAL BASES AND EXPERIENCE OF THE DESCRIPTION

Keywords: morphology, regional option, the theoretical bases, analysis.

Abstract: Theoretical justification of a technique of the analysis and experience of the description of the morphological phenomena of regional option of the Russian national language, in particular the Trans-Baikal dialects of the North Russian genesis are presented in the report.

В данном исследовании применяются системно-структурный и сравнительно-сопоставительный методы к описанию языкового материала.
При характеристике диалектных различий учитываются парадигматика и синтагматика системы, её частеречная организация, рассматриваются подвижные элементы в формообразовании грамматических категорий, определяются отнесенность слова к части речи и особенности его изменения и употребления в речи.
При выявлении морфологических различий в грамматических показателях форм определяется фонемный состав аффиксов. В исследовании раскрывается специфика морфологических оппозиций и их нейтрализации, учитывается

связь лексического и грамматического ярусов языковой структуры и взаимодействие грамматических категорий, в частности категорий числа, рода, падежа у имен существительных, категорий вида и времени у глагола.

Диалектная форма, диалектная парадигма рассматриваются в сопоставлении с грамматическими соответствиями литературного языка и других диалектных систем. Последнее позволяет уточнить место забайкальских говоров в диалектном пространстве русских, в том числе и сибирских, говоров.

С целью выявления диахронических изменений в формообразовании по возможности осуществляется сопоставление данных современных забайкальских диалектов первого десятилетия XXI в. с данными забайкальских памятников деловой письменности конца XVII–XVIII вв. (начало формирования забайкальских говоров) и с данными 70–90-х годов XX в. Это позволяет определить среди реликтовых диалектных различий неустойчивые и относительно устойчивые формы, а также описать языковые процессы и тенденции развития диалектной морфологической системы.

Рассмотрение изменений в морфологической системе русских говоров севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья базируется на презумпции их обусловленности действием законов развития языка. Законы системности, аналогии и экономии языковых средств вызывают процессы унификации как внутри частных парадигм, так и между парадигмами по горизонтали и вертикали противопоставленных членов. На горизонтальной оси парадигмы унификация направлена на единообразное оформление формы, выражающей одно грамматическое значение. Унификация по вертикали парадигмы проявляется в омонимии форм в русле действующей в русском языке тенденции к аналитизму. В любом идиоме, как отмечают теоретики языка, на одном этапе развития действуют законы

разновекторной направленности, которые позволяют языку сохранять относительную стабильность, системность и в то же время эволюционировать. Так, одновременно на морфологическую систему оказывают воздействие морфологическая аналогия, которая приводит к нейтрализации оппозиций и сокращению рядов парадигмы, и омонимическое отталкивание, которое направлено на формальную дифференциацию средств, выражающих разные падежные значения. В морфологических изменениях существенную роль играет и закон антиномии означаемого и означающего языкового знака, который вызывает стремление означаемого (семантики) получить новые средства выражения, а означающее (форма) стремится к выражению новой семантики; проявляет себя и закон антиномии узуса (диалектной нормы) и возможностей системы.

Забайкальские говоры как говоры вторичного образования унаследовали из материнских севернорусских говоров многие диалектные различия – рефлексы унификации и других языковых процессов, действующих в диалектной морфологической системе материнской основы. Но забайкальские говоры – живые языковые системы, в них проявляются и внутренние закономерности развития. Внешнее воздействие, в частности других разновидностей русского национального языка (литературного языка, просторечия, соседствующих среднерусских говоров), посредством формальной аналогии также обусловливает изменения в морфологии идиомов. Среди реликтовых диалектных различий выявляются относительно устойчивые, которые поддерживаются действием законов развития русского языка, и неустойчивые, которые вступают в противоречие с внутренними закономерностями современного развития забайкальских говоров и утрачиваются. Утрате, современной унификации подвергаются слабые звенья морфологической системы говоров, которые обычно ассиметричны и нарушают

языковой закон системности. Морфологическая система при совпадении в рассматриваемых забайкальских говорах грамматических категорий с соответствующими категориями общерусской системы языка, имеет некоторые различия в распределении слов по грамматическим разрядам в классифицирующих категориях, в составе грамматических форм и средствах выражения грамматических значений в словоизменительных категориях.

А.Л. Бердичевский
berdit@tele2.at
д-р пед. наук, профессор Университета прикладных наук Бургенланда, Вена, Австрия

ОТРАЖАЕТ ЛИ РУССКАЯ ГРАММАТИКА РУССКУЮ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Ключевые слова: особенность грамматики в межкультурном образовании, функциональная направленность, грамматические индикаторы, владение грамматическими явлениями.

A.L. Berditchevski, PhD, Prof., University of Applied Sciences Burgenland, Vienna, Austria

DOES THE RUSSIAN GRAMMAR EXPRESS THE RUSSIAN MENTALITY

Key words: grammar peculiarity in the multicultural education, functional direction, grammar indicators, learning of grammar constructions.

Особенность грамматики в межкультурном образовании состоит в том, что она тесно связана с изучаемым межкультурным содержанием и имеет ярко выраженную функциональную направленность. Последнее проявляется в культурологической функции грамматического явления – в том, каким образом данный грамматический материал выражает то или иное содержание, отражающее культуру изучаемого языка, а так же культурноспецифические значения грамматических явлений: союзов, предлогов, структур предложений и т.д., которые в этом случае являются грамматическими индикаторами (коннекторами) культурно-специфических особенностей изучаемого языка. Эти коннекторы представляют собой фактор контекстуализации, согласно которому определенные коммуникативные сигналы, независимо от языка этих сигналов, активизируют у слушателя соответствующий им культурный фон, определяющий понимание ситуации, и вызывают определенные действия в этой ситуации. Несовпадение этих культурных контекстов и ведет к непониманию собеседника.

Поэтому грамматика играет очень важную роль, особенно на стадии формирования умения в сравнении культур. Это умение предусматриает осознание значения тех или иных грамматических явлений, типичных для данной культуры и выражающих определенный культурологический, а не просто формально-коммуникативный смысл, и их отличий от идентичных грамматических структур в родном языке. Грамматика в межкультурном образовании никогда не бывает ничего не говорящей о данной культуре, она всегда культурообразующа. Учащиеся, таким образом, учатся осторожно обращаться с грамматикой, как со своей собственной, так и с иноязычной.

Русская грамматика необычайно богата конструкциями, относящимися к вещам, которые случаются с людьми вопреки их воле или независимо от нее. В этой особен-

ности грамматики русского языка проявляется фатализм, иррациональность, алогичность, страх перед неопознанным и агностицизм русского народа.

На синтаксическом уровне это находит воплощение в преобладании дативных, безличных конструкций типа *мне нравится, кажется, хочется, светает, мне хорошо,* а пассивные конструкции считаются не только нормой, но и желательными, особенно в письменной речи. Субъект пассивен, он зависит от судьбы, что типично для русского менталитета и русской культуры. Русский язык, таким образом, подчеркивает действия высших потусторонних сил и скрывает человека как активного субъекта за пассивными и безличными конструкциями.

Грамматическая категория артикля, имеющаяся в европейских языках, отражает повышенный интерес к отдельной личности или предмету. Носители этих языков категоризуют мир по таким параметрам, как «один из многих» или «тот самый», «тот, о котором шла речь», «о котором я знаю». Категория артикля, таким образом, подтверждает и подчеркивает место индивидуума в культуре и идеологии Запада, сосредоточенных на удовлетворении потребностей и развитии потенций отдельного человека.

Другим примером проявления системы культурных ценностей в грамматических конструкциях может служить употребление форм повелительного наклонения в русском языке. Даже на самом начальном уровне владения русским языком у носителей европейских культур высказывания запретительного характера и тем более таблички, гласящие «Вход запрещен!», «Не курить!», «Ходить по газонам строго воспрещается!» и др., вызывают реакцию замешательства и неодобрения.

На уровне грамматики проявляются также такие особенности русского менталитета, как повышенная эмоциональность, сентиментальность, сердечность русской души:

уменьшительно-ласкательные суффиксы, наличие выбора между *ты* и *вы*, восклицательный знак и грамматическая категория рода.

Недостаточное знание грамматики, связанной с культурой, может привести в межкультурной коммуникации к существенным недоразумениям. Так, когда на улице на вопрос о том, как пройти куда-либо, иностранец получает ответ: «Вот не скажу». Вследствие недостаточного знания модальных значений формы будущего времени совершенного вида он воспринимает этот ответ как выражение недоброжелательности (не хочу сказать).

Если же оценочные прилагательные и наречия все-таки употребляются, то всегда необходим комментарий о том, как их следует понимать в рамках данной культуры.

Иностранец в России удивляется, что «ХОТЯ их сыну 18 лет, он живет еще с родителями». Ему трудно понять, что в России, в отличие, например, от Италии или Германии, «он живет еще с родителями, ПОТОМУ ЧТО ему еще только 18 лет». Или испанец, например, назовет атмосферу в ресторане приятной, ПОТОМУ ЧТО там довольно шумно (работает телевизор, слышится звон бокалов), а для русского атмосфера в ресторане будет приятной, ХОТЯ там довольно шумно.

Или иностранцу непонятно, какую культурологическую нагрузку несет союз «но» в предложении: «Завтра к нам приезжает моя теща, НО мы с ней в очень хороших отношениях». Иностранец удивляется, что хорошие друзья в России принимают его каждый раз «ТОЛЬКО на кухне», хотя здесь было бы уместно наречие «уже», потому что очень хороших друзей русские принимают по традиции на кухне, считая их почти членами семьи.

Таким образом, грамматика в межкультурном образовании изучается не изолированно, а в тесной связи с диалогом культур, в конкретных межкультурных ситуациях, т.е.

имеет ярко выраженную функциональную направленность, отражающую последовательность «от межкультурного содержания к форме». В основе изучения грамматического явления лежит не его грамматическая форма, а межкультурная функция, его применение в межкультурной ситуации, иными словами, ответ на вопрос: «Какое влияние на моего собеседника я смогу оказать, употребляя именно это грамматическое явление, а не другое?»
Владеть грамматикой в межкультурном образовании означает владение грамматическими явлениями как грамматическими индикаторами для определенных межкультурных воздействий на собеседника в межкультурном диалоге. Поэтому на вопрос, поставленный известным финским лингвистом Арто Мустайоки «Отражает ли русская грамматика русскую ментальность?», безусловно, можно дать положительный ответ.

Л.А. Араева
araeva@list.ru
д-р филол. наук, профессор Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

РАЗДЕЛ «СЛОВООБРАЗОВАНИЕ» В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ 4.0 С ПОЗИЦИИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ КЕМЕРОВСКОЙ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

Ключевые слова: метаязыковые единицы словообразования, пропозициональная структура, пропозиция, пропозиционально-фреймовое моделирование.

Аннотация: В докладе предлагается описание в русской Грамматике 4.0 метаязыковых единиц словообразования в пропозиционально-фреймовом освещении.

L.A. Araeva, Dr. of Philological Sciences, prof. Head of the Department Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

THE SECTION DERIVATION IN RUSSIAN GRAMMAR 4.0 FROM THE PERSPECTIVE OF PROPOSITIONAL-FRAME MODELING (FROM THE EXPERIENCE OF THE KEMEROVO DERIVATOLOGY SCHOOL)

Keywords: metalinguistic units of word formation, propositional structure, proposition, propositional-frame modeling.

Abstract: The report proposes a description in Russian grammar 04 metalinguistic units in the word-formation propositional-frame lighting.

Необходимость создания Русской грамматики 4.0 обусловлена прежде всего тем, что на смену структурно-системной лингвистики пришла когнитивная, основной задачей которой является описание языковых фактов через человека.
Словообразование как никакая другая сфера языка проявляет особенности механизма работы мозга. Производные единицы строятся по аналогии, что позволяет легко производить и воспроизводить их, сохраняя в долговременной памяти человека.
Следует отметить, что мотивирующие и мотивированные единицы находятся в отношении пропозициональной связанности, являя собой категорию, обнаруживающую дискурсивность работы мозга.

Представляется значимым определение пропозициональной структуры и пропозиции. Пропозициональные структуры в рамках Кемеровской дериватологической школы понимаются как абстрактные суждения, субъекты и объекты в пределах которых предикативно связаны. Данные структуры знаний едины для представителей современной цивилизации. Это подтверждает мысль В. фон Гумбольдта об одинаковом устройстве языков на самом абстрактном уровне, что позволяет говорить ученому о едином человеческом языке. Пропозиции – это оязыковленные, или, как пишет Л. Вайсгербер, ословленные суждения. По сути дела, это то, что в традиционном словообразовании обозначается как лексико-словообра-зовательное значение (ЛСЗ).

Словообразовательный тип (СТ) в свете когнитивной точки зрения представляется необходимым рассматривать как ментально-языковую категорию, построенную по принципу естественных категорий, обоснованных Л. Витгенштейном. Структурно-системная лингвистика, стремящаяся к четкому обоснованию метаязыковых единиц, выдвинула три критерия, значимые для определения типа: тождество частеречной принадлежности мотивирующих единиц; оформление производных с помощью одного и того же форманта; производные в пределах типа объединены обобщенным словообразовательным значением. Однако в пределах типа есть производные, в основе которых находятся мотивирующие различных лексико-грамматических классов, на что обратил внимание в 1951 г. В.В. Виноградов, а в 1954 г. − К.А. Левковская. Е.А. Земская в 1992 г. написала, что критерий тождества частеречной принадлежности мотивирующих нерелевантен для определения типов, объясняя свою позицию теоретическими достижениями в области множественной мотивации. Анализ типов русского языка в работах Т.В. Ковалевой, А.В. Проскуриной, Т.В. Жуковой, Е.В. Белогородцевой позволил выявить следующую

закономерность: если в типах производные преимущественно имеют в основе множественную мотивацию, что характерно для типов с иноязычными формантами, данные типы окончательно не вошли в словообразовательную систему русского языка. Вместе с тем мономотивация провоцирует появление множественной мотивации. Таким образом, критерий тождества частеречной принадлежности мотивирующих следует оставить для определения СТ, но при этом важно учитывать наличие множественной мотивации. Е.С. Кубрякова утверждает, что полимотивационные процессы проявляют особенности несколько измененного взгляда на явление действительности, что актуально для коммуникации. Концептуальное обоснование полимотивации представлено в работах П.А. Катышева, С.В. Оленева, С.К. Соколовой. Третий критерий нерелевантен для определения СТ, на что обратил внимание Г.С. Зенков, отметив, что одно и то же обобщенное значение характерно для разных типов. Мы предлагаем говорить об особенностях пропозиционально-фреймовой организации типов. Значимо описание типов на единых основаниях, чего не наблюдается в предыдущих грамматиках.

Необходимо введение понимания и описания словообразовательной ниши (СН). И.С. Улуханов справедливо отметил, что форманты стремятся к сочетаемости с мотивирующими разных частей речи, образуя особую метаязыковую категорию. СН включают типы, находящиеся в отношении межсистемной дополнительности. Они не конкурируют между собой, а взаимно обогащают существующие в их пределах фреймы на основе реализации разных пропозиций, в то время как синонимичные типы, оформленные разными формантами, вступают в пределах одних и тех же пропозиций (ЛСЗ) в конкуренцию. В результате образуются однокоренные синонимы, которые, представляя собой кажимостное тождество, свидетельствуют о модификации

пропозиционально-фреймовой организации взаимодействующих типов. В аспекте пропозиционально-фреймового моделирования следует описывать гнезда однокоренных слов (см. в этом плане работы М.А. Осадчего, М.С. Косыревой, М.Н. Образцовой). В результате основные комплексные единицы словообразования будут описаны на едином основании, проявляя дискурсивность работы человеческого мозга.

В качестве отдельных разделов необходимо представить множественную мотивацию; многозначные производные слова, однокоренную и словообразовательно-пропозициональную синонимию.

Все вышеперечисленное разработано представителями Кемеровской дериватологической школы, в рамках которой за 26 лет опубликовано более 1000 работ, посвященных описанию деривационной системы русского языка с использованием метода пропозиционально-фреймового моделирования. В настоящее время в этом направлении описывается деривационная система бесписьменного языка малочисленного коренного народа Севера − телеутов и словообразование китайского языка.

А.В. Вдовиченко
an1vdo@mail.ru
д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор ПСТГУ, Москва, Россия

КОММУНИКАТИВНОЕ ОПРАВДАНИЕ ГРАММАТИКИ. К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ УСЛОВНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: грамматика, коммуникация, естественный вербальный процесс, условность грамматического описания, утилитарность, мнемотехника, лингводидактика.

Аннотация: На фоне общего понятия коммуникации следует признать мнемотехническую и лингводидактическую ценность грамматики. Попытки придать грамматическому описанию онтологический статус ведут к ошибочным интерпретациям аутентичной реальности естественного вербального процесса.

A.V. Vdovichenko, Dr. of Philological Sciences, Researcher, Sector of Theoretic linguistics, Institute of linguistics, Russian Academy of Science, prof., Orthodox St. Tikhon University for Humanities, Russia, Moscow

COMMUNICATIVE JUSTIFICATION OF GRAMMAR. TO THE PROBLEM OF LIMITS OF CONVENTIONALITY IN GRAMMATICAL DESCRIPTION

Keywords: grammar, communication, natural verbal process, conventionality of the grammatical description, utility, mnemonics, linguodidactics.

Summary: Against the general concept of communication it is necessary to recognize the mnemotechnical and linguo-didactic value of grammar. Attempts to give the ontologic status to a grammatical description lead to wrong interpretations of the authentic reality of the natural verbal process.

Одной из главных тенденций развития языкознания последних десятилетий можно считать поглощение языка коммуникацией и, соответственно, поглощение науки о языке

наукой о коммуникации. С точки зрения коммуникации, *оправдать безусловный* (онтологический) *подход* к грамматике, видеть в ней основание естественного вербального процесса, *невозможно* по многим причинам. Так, сегмент знакового процесса, в котором используется вербальный канал, существует вне осознанных грамматических норм. Грамматические сущности не присутствуют в когнитивном пространстве говорящего (пишущего) на родном языке. Оперативный арсенал говорящего (пишущего) составляет типологическое знание вербальных клише в ситуациях коммуникативного действия, или *типология коммуникативных синтагм*, которые усваиваются ребенком при овладении «родным языком».

В ходе интеракций порождаются и интерпретируются не обобщенные грамматические сущности, а *конкретные* помысленные данным говорящим (пишущим) и данным адресатом значения; производятся и понимаются не грамматикализованные в сознании коммуникантов вербальные комплексы, а *личные коммуникативные действия* (которые можно реализовать зачастую и без слов или другими словами, на других языках, в условиях смешения языков, комбинирования каналов коммуникации и пр.).

Ввиду очевидной вторичности грамматики по отношению к узусу и смыслообразованию создание грамматического описания имеет исключительно *утилитарное* значение.

Оправдание грамматики на фоне поглощения языка коммуникативным процессом возможно только признанием ее *лингводидактической и мнемотехнической ценности* (для изучения инокультурных вербальных типологий или «языков», для создания мнемотехнической матрицы массивов данных и пр.). Признание лингводидактической и мнемотехнической сущности грамматики устанавливает необходимые *пределы условности* ее восприятия как инструмента лингвистического описания. Напротив, забвение условного

статуса грамматики (или онтологизация «языка», понимаемого как «грамматика и словарь» безусловно, безоговорочно), приводит к вольным или невольным попыткам мнемотехнической схемы (грамматики) *узурпировать приоритет* естественного коммуникативного процесса, *дать некорректную трактовку* аутентичной коммуникации. В качестве примера конфликта грамматического описания и коммуникативной реальности рассматриваются соответствующие интерпретации церковно-славянского (и по мере необходимости древнегреческого) материала.

А.Л. Шарандин
sharandin@list.ru
д-р филол. наук, профессор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ (МОРФОЛОГИИ)

Ключевые слова: грамматика, лексика, взаимодействие, интерпретация, лексическая грамматика.

Аннотация: Грамматические категории и формы рассматриваются как средства выражения абстрактной лексической семантики. Представлены результаты лексико-грамматической интеграции на материале частей речи и их разрядов, отличные от их описания в традиционной системно-структурной грамматике, а также результаты межчастеречной интеграции в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода.

A.L. Sharandin, Dr. of Philological Sciences, Professor of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia.

LEXICAL FUNCTION OF RUSSIAN GRAMMAR (MORPHOLOGY)

Keywords: grammar, lexics, interaction, interpretation, lexical grammar.

Abstract: Grammatical categories and forms are shown like tools of expression of abstract lexical semantics. There are results based on lexical and grammatical integration based on materials of parts of speech and its classification. This results are another from description in traditional system and structural grammar, there are also the results of inter-parts of speech integration in the aspect of cognitive and discourse approach.

На нынешнем этапе развития русской грамматики важно осмысливать морфологию как *полифункциональную подсистему*, различные стороны которой взаимосвязаны и взаимообусловлены системным характером языка, но при этом их отношения предстают в сложном и многообразном взаимодействии между собой.

Одной из важнейших функций морфологии является ее лексическая функция. Описание этой функции наиболее полное отражение нашло в выделении *особого аспекта* грамматики – *лексической грамматики (ЛГ)*. В ней *грамматические средства (категории, формы) рассматриваются как средства выражения абстрактной лексической семантики*, которая оказывается, как и конкретная лексическая семантика, неотъемлемой частью концептуального содержания слова, по отношению к которому грамматика выступает как концептуальная структура.

На основе отношения членов грамматической категории (ГК) к лексической семантике слова выявляются лексико-грамматические разряды (ЛГР) той или иной части речи (ЧР). В докладе представлены отличные от традиционного описания результаты их выделения у существительного, глагола и прилагательного на основе принципа совместимости/несовместимости абстрактной лексической семантики, присущей ЧР и слову-лексеме, с грамматической семантикой ГК и формы слова из ее состава. Если категориальное значение ГК и грамматическое значение формы слова не противоречат их лексической семантике, то такая ГК и форма включаются в план выражения (парадигму) ЧР и слова-лексемы; если же противоречат, то тогда данная категория и форма с соответствующим грамматическим значением исключается из парадигмы ЧР и слова-лексемы.

Методологической базой ЛГ является диалектика, которая определяет характер отношений между формой и содержанием в языке как относительный, т.е. формальным в языке может быть и содержание.

В рамках доклада также представлены *результаты взаимодействия* лексической семантики слова-лексемы *с концептуальным содержанием коммуникативно-дискурсивных форм*, которые отражают *межчастеречную интеграцию в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода*, что позволяет определить *дискурсивный потенциал* слова-лексемы. Реализация лексической функции грамматики иллюстрируется образцами словарных статей, в которых представлено лексико-грамматическое взаимодействие в аспекте теории лексической грамматики.

Л.Г. Брутян
lilit.brutian@gmail.com
д-р филол. наук, профессор, академик Армянской философской академии, Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

ОТ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА К РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: грамматика, русский язык, языковая личность, антропоцентрическая лингвистика

Аннотация: В докладе в рамках антропоцентрической лингвистики анализируются некоторые явления и категории грамматики русского языка. Такой анализ позволяет описать портрет русской языковой личности, состоящий из таких черт, как например, эмоциональность, сердечность, сочувствие, фатализм, уход от ответственности, неуверенность, коллективность.

L.G. Brutian, Dr. of Philological Sciences, Prof., Academician of the Armenian Philosophical Academy, Head of Chair of Russian linguistics, typology and theory of communication, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

FROM GRAMMAR OF THE RUSSIAN LANGUAGE TO THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY

Key words: grammar, Russian language, language personality, anthropocentric linguistics.

Abstract: In the paper, some phenomena and categories of Russian grammar are analysed within the framework of anthropocentric linguistics. Due to such analysis the portrait of

the Russian language personality is created which consists of such features, as, for example, emotionality, warm-heartedness, empathy, fatalism, escaping from responsibility, lack of confidence, collectivism.

Исследование грамматики с позиций современной научной парадигмы – антропоцентрической лингвистики – позволяет увидеть много интересного и нового в казалось бы уже хорошо и досконально описанных грамматических категориях и явлениях. Целью предлагаемого доклада является описание портрета русской языковой личности, на основе прагмалингвистического анализа, а также анализа в рамках когнитивной лингвистики некоторых явлений и категорий грамматики русского языка.

Характерное для русского дискурса обильное использование **уменьшительно-ласкательных суффиксов**, присоединяемых как к одушевленным, так и к неодушевленным существительным, обозначающим самые разнообразные объекты и явления (*хлебушек, колбаска, салфеточка, шубка, солнышко*) объясняется, с одной стороны, трепетным отношением русских ко всему тому, что раньше, в советские времена, было дефицитом, стремлением создавать особую ауру в условиях дефицита материальных благ, с другой, – является знаком врожденной повышенной эмоциональности русских. Если в армянской лингвокультуре собственные имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Ашотик, Мариамик*) обращены только к детям или используются с референцией ко взрослым как знак пренебрежительного отношения, то в русской лингвокультуре *Лёнечками, Анечками* называют не только детей, но и взрослых. И в этом – проявление любви и нежного отношения.

О повышенной эмоциональности русских свидетельствует и **категория рода**, отсутствующая в армянском и англий-

ском языках и способствующая в русском языке «олицетворению окружающего мира, придавая ему человеческие свойства, разделяя неодушевленные предметы на мужские, женские и “средние” (то есть не соотнесенные с мужским или женским началом), что отражает… особую связь с природой – более романтическую и более интимную одновременно» [2: 159].

Выбор между **ты** и **вы** тоже предоставляет больше возможностей для выражения эмоциональных оттенков и состояний, что, в свою очередь, формирует высокую степень эмоциональности русских. Замена **ты** на **мы** в дискурсе лиц женского пола, а также во врачебном дискурсе, указывающая на совместность действия, свидетельствует о таком качестве, как эмпатия. Примеры: *Мы сейчас оденемся* (мама ребенку), *Как мы сегодня себя чувствуем?* (врач пациенту). Идея совместности, принадлежности к сообществу, эмпатийности ярко проявляются и в русском научном дискурсе (особенно советского периода), в котором **мы** доминирует над **я**.

Знаковой для русского человека является и частица **авось**, непереводимая на другие языки. В этом маленьком, но емком по содержанию слове заключена вера русских в судьбу. Одновременно в этом слове-частице заложен элемент риска: «вдруг пронесет», «вдруг повезет». Русскую языковую личность характеризует и частица **как бы**. Распространение этого слова-паразита указывает на характерную для современного человека философию ухода от ответственности за свои слова и дела, некоторую неуверенность в себе, а также на то, что русский не любит определенности.

Одной из характерных особенностей грамматики (синтаксиса), отражающих ментальность русских, является большая продуктивность **безличных предложений**. Русский язык «поощряет (в отличие, например, от английского)

преобладающую в русской культуре традицию рассматривать мир как *совокупность событий*, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, которыми человек не в состоянии полностью управлять» [1: 143]. *Русские говорят: «Нас спаивают», – как будто кто-то насильно, помимо их воли заставляет их пить»* (Из выступления литературоведа Мариетты Чудаковой). В русском дискурсе, особенно советского периода – обилие форм **императива**, что является отражением административно-командной структуры общества: *Не курить!, По газонам не ходить!* Это, в свою очередь, формирует и отражает такие черты характера русских, как категоричность, грубость, невежливость (при указанных выше любви к неопределенности, вежливости и сердечности).

Таким образом, проведенный анализ позволяет составить портрет русской языковой личности, в чем-то противоречивый, «сотканный» из таких, в частности, черт, как эмоциональность, сердечность, сочувствие, фатализм, бездействие, уход от ответственности, неуверенность, категоричность, совместность, соборность.

Литература

1. Тер-Аракелян Р.А. Безличные предложения и русский менталитет // Лингвистические исследования. Ереван, 2002.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.

А. Красовски
axinia.crasovschi@lls.unibuc.ro; xenia.crasovschi@gmail.com
д-р филол. наук, профессор Бухарестского университета,
Бухарест, Румыния

ПРИРОДА БИЛИНГВИЗМА РУССКИХ-ЛИПОВАН И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РУМЫНСКОМ ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: русские-липоване; билингвизм; межкультурная коммуникация; полиэтническое пространство.

Аннотация: В настоящем исследовании поднимается вопрос русско-румынского билингвизма русских-липован – старообрядцев, проживающих уже несколько столетий далеко от исторической родины. Их уровень владения двумя языками претерпел в последние годы важные изменения в зависимости от возраста, образования, вида деятельности и окружающей лингвистической среды.

Axinia Crasovschi, Dr. of Philological Sciences, prof.,
University of Bucharest, Bucharest, Romania

THE NATURE OF BILINGVISM OF RUSSIAN LIPOVANS AND THE INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ROMANIAN MULTIETHNIC BACKGROUND

Key words: Russian Lipovans; bilingvism; intercultural communication; multiethnic background

Abstract: This study is devoted to the issue of Russian-Romanian bilingvism of Russian Lipovans – the Old Believers

who are living for several centuries away from their historical homeland. Their proficiency in the two languages has undergone in recent years important changes depending on age, education, type of activity and the surrounding linguistic environment.

Проблематика билингвизма широко развита в ряде работ, посвященных этому вопросу. Внимание, которое уделяется разным аспектам билингвизма, оправдывается и процессами ускоряющейся глобализации. Лингвистические явления тесно связаны как с историко-политическими условиями, так и с социальной структурой лингвистического общества, где они появляются, и зависят от уровня культурного развития его членов, а также и от специфики их социо-профессиональной мобильности. Таким образом, билингвизм объясняется социальным опытом и может зависеть от ряда факторов, таких как религия и возраст, социальный и профессиональный статус, городская или сельская среда и т.д. Среди разных форм билингвизма, о которых пишет в своей книге и румынский исследователь Феодор Кирила [1: 18–20], нас здесь интересуют, в общих чертах, два важных типа, которые зависят от уровня образованности: *билингвизм образованных* (не обязательно филологов) и *билингвизм простых людей* (*массовый б.*). В первом случае усвоение второго языка происходит сознательно через его изучение (т.н. *диглосия,* или *пассивный билингвизм*). Его можно еще назвать индивидуальным или добровольным билингвизмом, так как он основывается на индивидуальных усилиях человека в усвоении другого языка или на его желании ответить на законные требования государства, в котором он хочет жить. Этот язык изучается не только в школе, но применяется и в повседневной деятельности и даже в личной жизни. Во втором случае неродной язык усваивается бессознательно, в условиях

гетерогенной этнической и лингвистической среды (т.н. *массовый билингвизм*). Этот своего рода естественный билингвизм получается в результате смешанных браков, проживания в многоязычной среде или в пограничных зонах, которые разделяют две разных лингвистических среды. К этой же парадигме можно отнести и *билингвизм этнических энклав* (своего рода *коллективный билингвизм*), который проявляется, например, в среде национальных меньшинств, колонистов или эмигрантов. В случае энклав, страдает родной язык, от которого чаще всего отказываются в пользу языка большинства населения. Бывают, конечно, случаи, когда используются оба языка, но родной язык употребляется лишь в семье и испытывает сильное влияние языка межкультурного общения. И если в первом случае влияние литературного языка на родной язык говорящих ограничивается лексико-синтаксическим уровнем и имеет второстепенное лингвистическое значение, поскольку служит лишь культурным, идеологическим и политическим отношениям между разными народами и не воздействует на общую лингвистическую систему, то во втором случае имеем дело с постоянным контактом между разными языками, когда происходят взаимные влияния, которые затрагивают не только лексический уровень, но и фонетический, а также грамматическую структуру языков. Такой билингвизм подразумевает свободное пользование двумя языками или диалектами или же диалектом (говором) и литературным вариантом языка. Временное сосуществование разных культур и контакты между их представителями имеют в качестве неизбежного последствия их взаимное воздействие. Межкультурность и уважение к другим не могут существовать вне равенства между культурами, а нацменьшинства межкультурны по своей природе.

В румынском пространстве, билингвизм (как и полилингвизм) считается преимуществом в сферах коммуникации,

профессионального формирования и в области культуры. В духе европейских принципов Румыния ведет в последние десятилетия политику поощрения полилингвизма, пользования как официальным языком, так и языком нацменьшинств. Так, в 2007 году Парламент Румынии принял Закон о ратификации Европейской карты региональных языков и языков меньшинств, которая была одобрена еще в ноябре 1992 года в Страсбурге. Согласно школьной программе, дети имеют возможность изучать не менее двух иностранных языков в рамках школьного стандартного куррикулума.

В нашем исследовании остановимся на проблематике билингвизма русских-липован, предки которых обосновались на территории сегодняшней Румынии уже более трехсот лет назад. Многие аспекты этого вопроса были уже затронуты и другими специалистами, но есть еще многое, что надо выяснить и осветить исходя именно из намеченных нами выше теоретических вопросов.

Межкультурные отношения характерны для четырех наиболее представительных исторических регионов Румынии: Трансильвания, Банат, Буковина и Добруджа. Для нас особенно важны последние два края, так как эти места компактного проживания русских-липован считаются настоящими моделями межэтнического сожительства («этнической мозаикой»). В этой модели можно отметить несколько явлений совместного межэтнического сожительства – таких как сходство, различие, интерференция, плюрализм, аккультурация. Терпимость всегда была важной чертой поведения традиционных общин этих мест, которые обогатили культурное румынское наследие.

Еще в 1993 году, в двуязычном русско-румынском ежемесячнике «Зори», Иван Евсеев – выходец из среды русских-липован северной Добруджи и ученик великих русских формалистов В.И. Проппа, Б.В. Томашевского и В.М. Жир-

мунского – выражал беспокойство в связи с опасностью, которая грозит национальной идентичности населения европейских стран Востока, а именно, «лишение корней» из-за эмиграции на Запад под символическим знаком «общего европейского дома». Предполагаемый результат этого нового порядка в мире – по мнению И. Евсеева – в преодолении «первичного и группового «я», включение индивидуума и группы в транснациональную модель *homo europeus*» [2: 27–28]. Что касается русских-липован, эта опасность оказалась повторяющейся – правда, в других масштабах и других исторических условиях: кроме великого исхода из исторической родины по религиозным соображениям, община старообрядцев познала несколько других перемещений и испытаний, которые повредили ее «корням». Присущий старообрядцам консерватизм содействовал, почти до 1948 года, сохранению в неизменной форме всех своих национальных и религиозных особенностей: идентичности, памяти о родных покинутых местах и особенно русского языка. Можно утверждать, что до упомянутого момента большинство русских-липован были монолингвами, а румынский язык стал языком контакта уже в современной Румынии (т.е. после русско-турецкой войны и освобождения от османского владычества). Наличие в их говорах слов иного происхождения (украинского, тюркского, румынского) указывает на долгий опыт межкультурных отношений. Даже и после преодоления лингвистических барьеров общения с остальными этносами румынский язык долго не влиял на лексическую систему русских говоров общины, и лишь экстралингвистические факторы поспособствовали этому влиянию. Интенсивный процесс ассимиляции в годы диктатуры Чаушеску, неравный билингвизм, модернизация всех сфер жизни, все более частые смешанные браки и миграция в поиске работы – сначала по Румынии, а потом и за границу –, необходи-

мость и объязательность официального образования (в основном на румынском языке), пресса, радио и телевидение окончательно заставили общину заимствовать слова и целые выражения из румынского языка и приспособлять их к фонетической и грамматической структуре родного языка. Почти полный разрыв с исторической родиной обеднил лингвистический запас, который был заполнен румынскими словами особенно для описания новых реальностей. Но, к счастью, это произошло только на лексическом уровне, оставив неповрежденной грамматическую структуру. И, как замечал видный румынский ученый Йоргу Йордан, «...неважно, насколько сильно влияние другого языка, сколько иностранных элементов входят в язык; он не теряет идентичность пока сохраняет свою грамматику» [3: 134].

С точки зрения имагологической, существуют несколько специфических черт на уровне как духовной, так и материальной жизни, которые выделяют русских-липован из среды остального населения Румынии. Старообрядческое вероисповедание породило ряд обычаев и традиций, особый образ жизни, который сказывается на их поведении, одежде и питании. Долгое время в восприятии румынского населения ассоциативные понятия, которые возникали при слове липоване были связаны с такими словами, как: русский язык, борода, церковь, набожность, замкнутость, трудолюбие («бородатые экскаваторы»), рыбаловство, лодка, огородничество, баня, чистоплотность, песня и др. Некоторые из этих понятий относятся к тем характерным чертам русских-липован, которые были свойственны и унаследованы от их предков, другие же выражают признаки, приобретённые ими уже на новой территории проживания.

СЕКЦИЯ 1
ЛАБОРАТОРИЯ ПРОЕКТА «РУССКАЯ ГРАММАТИКА»: ОПЫТ ПРОШЛОГО И НОВЫЕ ИДЕИ

И. В. Евсеева
ivevseeva@yandex.ru
д-р филол. наук, профессор Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

ИЗОМОРФИЗМ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКИ, СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СИНТАКСИСА

Ключевые слова: полисемичное слово, словообразовательное гнездо, текст.

Аннотация: В работе обосновывается изоморфизм устройства таких единиц языковой системы, как многозначное производное слово, лексико-словообразовательное гнездо и текст, которые относятся к разным языковым уровням.

I. V. Evseeva, dr. of Philology, Professor of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

ISOMORPHISM OF THE VOCABULARY, SYNTAX AND WORD FORMATION UNITS

Key words: polysemous word, derivational nest, text.

Abstract: The paper describes the isomorphism of structure of such language system units as a multi-valued derivative, lexical-derivational nest and text that refer to different linguistic levels.

1. Современные лингвистические исследования ориентированы на когнитивное описание языка, основная цель которого установить, каким образом человек получает информацию из мира действительного, как ее перерабатывает, хранит и воспроизводит. Функцию хранения знания о мире берут на себя значимые языковые единицы всех уровней. Причем в их формально-смысловой организации наблюдается сходство. Это позволяет применить к описанию единиц разных уровней одинаковые методики. Данная работа направлена на установление изоморфизма в устройстве единиц уровня словооб-разования и лексики – многозначное производное слово (МнПС), лексико-словообразовательное гнездо (ЛСГ) и единицы синтаксического уровня – текст.
2. Попытка установления изоморфизма между данными единицами языковой системы основана, в первую очередь, на их тождественных характеристиках.
При рассмотрении текстового пространства МнПС и ЛСГ мы исходим из следующих положений: (1) текст понимается как группа высказываний, связанных по смыслу, (2) тексту свойственны определенные функции, (3) одним из признаков текста является диалогичность.
3. В языкознании выработаны разные подходы к пониманию и анализу текста. Одним из частотных является определение текста как группы высказываний (предложений), связанных между собой по смыслу. Это определение взято нами за основу при анализе текстовой канвы МнПС и ЛСГ. Мы исходим из того, что каждый лексико-семантический вариант (ЛСВ) производного слова являет собой пропозиционально организованное суждение.
Согласно пропозициональной модели представления знаний, производное слово трактуется как результат преобразования описательного словосочетания или предложения

в однословную номинацию. Анализ пропозициональных структур с позиций семантического синтаксиса и словообразования преследует разные цели.

Тезис «текст представляет собой группу высказываний, связанных между собой по смыслу» на материале фрагмента МнПС *серде́чник* демонстрируем следующим образом. ЛСВ данного деривата, представляющие собой суждения с пропозициональной организацией, объединяются между собой смысловыми отношениями. Наиболее тесные связи наблюдаются между первыми тремя ЛСВ, ср.: *серде́чника*$_1$ (лицо, у которого болит орган) лечит *серде́чник*$_2$ (лицо, лечащее орган) при помощи *серде́чника*$_3$ (средство, которым лечат орган). Каждый из ЛСВ восходит к слову *сердце* в значении ‘центральный орган кровеносной системы, основная функция которого – перегонять кровь по телу’. Данный орган может болеть, для его лечения необходим специалист и средство, с помощью которого орган лечится. То есть *сердце* – ядро фрейма, с которым предикативно связаны актанты пропозиций, находящихся в отношениях взаимной дополнительности. Подобная связь наблюдается как между всеми ЛСВ МнПС, так между всеми значениями дериватов ЛСГ.

4. Изоморфизм МнПС, ЛСГ и текста наблюдается и на уровне функций, свойственных тексту: творческая, упаковка смысла и память (Ю.М. Лотман). Эти функции могут быть соотнесены с формально-семантической структурой МнПС и ЛСГ. Прокомментируем это положение применительно к МнПС.

Равно как и текст, производное слово является генератором смыслов, т. е. слову свойственна творческая функция. Смысловое пространство МнПС, с одной стороны, зависит от семантики производящей базы и словообразующего аффикса, с другой – ЛСВ сами генерируют смыслы, участвуя в создании новых.

МнПС является упаковкой связанных между собой смыслов в долговременной памяти человека. Объединение в одну форму нескольких значений, связанных между собой ассоциациями по сходству и смежности, облегчает процессы запоминания, не перегружая мозг. В языковом сознании говорящих хранится определенный набор производных слов, которые при необходимости извлекаются человеком из памяти (каждый раз нужное слово или нужное значение этого слова). Если дериват неизвестен, человек из текста или словаря может извлечь новое знание о слове и, соотнося дериват с его производящим, включить это знание в словообразовательную систему, а далее в соответствии с принципом работы мозга по аналогии пополнить старые либо построить новые словообразовательные модели. Предложенные рассуждения согласуются с пониманием производного слова в когнитивных исследованиях (Е.С. Кубрякова).

5. Новейшие исследования в теории диалога, прежде всего те, в которых анализируются внутренняя структура и внешние связи диалога в пределах более крупного отрезка текста, дают возможность проследить изоморфизм между МнПС, ЛСГ и вопросно-ответной диалогической единицей [2]. Уточним: здесь мы лишь хотим показать параллелизм формально-смыслового устройства этих единиц языка. При этом мы не ставим знака равенства между понятиями «диалог» и МнПС, ЛСГ. Ранее нами уже высказывалась идея устройства МнПС и ЛСГ как вопросно-ответного диалогического единства [1]. Каждый ЛСВ МнПС (и каждое значение всех дериватов ЛСГ) фактически представляет собой реальную ответную реплику на потенциально заложенный вопрос одного из «скрытых» собеседников к столь же скрытому другому. Последовательность вопросно-ответных реплик образует подобие текста. Репертуар реплик такого условного диалога во многом опреде-

ляется семантикой производящего слова, а потому изначально характеризуется некоторой заданностью.

Литература
1. Араева Л.А., Евсеева И.В. Текстовое пространство многозначного производного слова // Фундаментальные исследования. 2014. № 11.
2. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-04-00051

И.Т. Вепрева
irina_vepreva@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕЕ СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ

Ключевые слова: корпусная лингвистика, словообразовательная система, современное состояние русского языка.

Аннотация: В докладе обсуждается эффективность использования корпусной лингвистики для описания словообразовательной системы русского языка на современном этапе его развития.

I.T. Vepreva, Dr. of Philological Sciences, prof. Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg

NEW OPPORTUNITIES FOR WORD FORMATION SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN ITS CONTEMPORARY STATE DESCRIPTION

Key words: corpus linguistics, word formation system, contemporary stage of development of Russian language

Summary: The paper discusses the effectivity of the corpus linguistics use for word formation system of the Russian language description at the contemporary stage of its development.

Авторы Грамматики-70 в качестве одного из важных мотивов создания новой Грамматики указывали на возможность отражения в ней исследовательских поисков за истекшие годы. Кроме того, ученые стремились отразить современное состояние языка середины XX века, отоваться от традиционной точки зрения на границы современного русского литературного языка – «от Пушкина до наших дней». Подобная мотивация существует и на современном этапе развития как языка, так и науки о нем.
Благодаря интенсивному изучению теории словообразования во второй половине XX века, толчком к которому послужила работа Г.О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию» [1], активизировалась исследовательская работа, позволившая решить многие словообразовательные проблемы. Достижения теоретической мысли в области синхронного словообразования позволили выделить «Морфемику и словообразование» в отдельную научную дисциплину в Грамматике-70 (так и Грамматике-80), получить стройное и непротиворечивое описание современной словообразовательной системы (авторы раздела В.В. Лопатин и И.С. Улуханов).

XXI век открывает новые возможности для совершенствования характеризуемого раздела. В частности, создание в разных странах целого ряда корпусов современного русского языка (в России, например, Национальный корпус русского языка, база данных Интегрум и др.) позволяет исследователю, кроме опоры на языковую интуицию, с достаточной степенью статистической достоверности говорить о степени продуктивности того или иного словообразовательного типа. Кроме того, корпусные данные позволяют описать новые словообразовательные типы, укоренившиеся в языке в период его активного развития в постсоветский период и воспринимаемые в традиционном словообразовании как словообразовательные «монстры» (типа *долларизация, компьютеризация, ваучеризация* – процессуальные существительные, не соотносительные с глаголами), отразить в грамматике новые деривационные аффиксы – иноязычные приставки и суффиксы. На основе корпуса (с опорой на количественные показатели) можно доказать статус новых формальных элементов как полноценных аффиксов. Речь может идти о суффиксах типа *-гейт, -инг* , приставке *евро-* и ряде других.

Жанр академической грамматики предполагает полноту описания словообразовательной системы языка. Исследование внешних факторов, влияющих на развитие языка, позволяет обнаружить воздействие внеязыковой действительности на словообразовательную систему [2: 90–141]. Функциональный динамизм в области лексики приводит к размыванию современной стилистической системы. Характеристика стилистических помет производной лексики в Грамматиках-70 и -80 нуждается в уточнении. Количественный и качественный анализ производных единиц, находящихся на периферии литературного языка, позволит расширить класс нейтральной лексики и снять стилистические пометы с ряда производных единиц, утративших ореол разговорности.

Таким образом, Русская грамматика.4.0 сможет продолжить традиции российских ученых, стремящихся к «описанию грамматического строя русского языка *в его современном состоянии*» [3: 4].

Литература:
1. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
2. Земская Е.А. Глава III Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1940.

Е.Ф. Киров
efkirov@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Москва, Россия

МОДЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: язык, модель, уровень языка, иерархия, грамматика.

Аннотация: В статье предлагается модель русского языка из более чем десяти уровней, которые образуют систему из трех иерархий. Цель моделирования – наметить пути полного описания русского языка.

E.F. Kirov, Dr. of Philological Sciences, prof., Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

MODEL OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Key words: language, model, level of language, ierarhy, grammar.

Abstract: Over the long history of linguistics, many attempts have been made awareness of the nature of language. It is characteristic that many of them were limited to comparisons of language with other, well-understood material systems or objects. However, still the question remains about the structure of the language mechanism and the principle of its action, and this issue can be resolved within the framework of theoretical and communicative linguistics: first have to figure out the workings of language, the second is the principle of its operation.

Следует признать общепринятыми термины «система» и «структура» применительно к языку. На наш взгляд, они имплицитно содержат элемент статики, относя язык к неподвижным, как бы замершим образованиям, что следует считать некорректным описанием языка уже со времен Гумбольдта. Более точно отражает специфику языка термин «механизм языка», который включает в себя понятия системы и структуры, но обладает дополнительным важным потенциальным аспектом деятельности, подчеркивая, что язык служит для производства текстов (Головин 1979: 21). За длительную историю лингвистики было предпринято немало попыток осознания сущности языка. Характерно, что многие из них сводились к сравнениям языка с другими, хорошо понятыми материальными системами или объектами. Тем не менее до сих пор остается актуальным вопрос об устройстве языкового механизма и о принципе его действия, и этот вопрос может быть решен в рамках теоретической и коммуникативной лингвистики:

первая должна выяснить устройство механизма языка, вторая − принцип его функционирования.

На наш взгляд, учтены еще не все языковые уровни: не ясны место и статус морфемно-словообразовательного уровня, морфонологического, уровня словосочетаний, сверхфразовых единств (СФЕ), текста, которые зачастую и вовсе не выделяются. И самое главное − это неразличение уровней языка по их функциональной сути, именно это и не позволяло соединить их в единое целое языковой модели схемы. Этот недостаток необходимо преодолеть, и для этого, на наш взгляд, нужно предложить три принципа осознания уровней языка (возьмем за основу русский язык):

1. Уровни языковой системы русского языка разнородны.
2. Они должны классифицироваться по функции и образовывать три иерархии уровней: уровни основных единиц, уровни составляющих единиц и уровни соединяющих грамматических средств языка.
3. Иерархию образуют только однотипные уровни, а языковой механизм представляет собой сочетание нескольких иерархий. Впервые такая модель русского языка была предложена в работе «Модель коммуникативной и теоретической лингвистики» (Е.Ф. Киров, 1985: 6), а также в монографии «Теоретические проблемы моделирования языка» (Е.Ф. Киров, 1989), в которой содержится полная библиография по данной тематике.

В.Ю. Копров
koprov@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: семантико-функциональная грамматика, русский язык, английский язык.

Аннотация: В тезисах даны основные положения теоретико-прикладной модели семантико-фунциональной грамматики русского и английского языков.

V.Yu. Koprov
dr. of Philological sciences, professor of Voronezh State University, Voronezh, Russia

PRACTICALLY ORIENTATED MODEL OF SEMANTIC-FUNCTIONAL GRAMMAR

Keywords: semantic-functional grammar, Russian, English.

Abstract: The paper gives an outline of the theoretically and practically orientated semantic-functional model of Russian and English grammar.

Функциональная лингвистика объединяет несколько направлений, каждое из которых располагает собственной теоретической базой, понятийным аппаратом, методикой анализа и практическими реализациями, охватывающими большой языковой материал. Прагматический характер функционализма делает возможным переход от теорети-

ческого изучения языка к его практическому использованию, поэтому это направление получает новое осмысление и развитие в рамках теории речевого общения, когнитивной лингвистики, сопоставительной типологии языков, лингвопрагматики, лингвистики текста, теории перевода и практики обучения языкам как иностранным. Однако пока нельзя сказать, что в функциональной лингвистике исчерпывающим образом решены все теоретические и прикладные проблемы. В каждом новом научном труде или учебном пособии по грамматике русского или английского языка предлагаются разительно отличающиеся друг от друга перечни грамматических категорий, частей речи, семантических и структурных типов предложения. При таком положении дел студенту, аспиранту, преподавателю языков как иностранных или переводчику трудно найти достаточно полную и непротиворечивую информацию о типах, внутреннем устройстве и особенностях функционирования предложений того или иного языка. Совершенно очевидно, что необходимы дополнительные исследования по теоретической грамматике языков. Чем же отличается предлагаемая модель описания грамматики русского и английского языков от других описаний, предложенных в монографиях и учебных пособиях?

Во-первых, она построена на принципах семантико-функциональной лингвистики, которые предполагают как системно-описательную систематизацию грамматических форм, так и анализ их функционирования в речи. Грамматика в нашем понимании представляет собой не простую сумму морфологии и синтаксиса, противопоставленную лексике, а систему, в которой эти уровни взаимодействуют, выражая в процессе коммуникации информацию о внеязыковой действительности. Основной единицей такой грамматики является предложение-высказывание, поэтому в центре внимания находится описание его семантико-

структурного устройства и функционирования.

Во-вторых, за основу берется русский язык, и сопоставление ведется в направлении от русского языка к английскому, а не от английского к русскому, как во многих других работах.

В-третьих, по-новому решается ряд спорных грамматических проблем, к которым относятся:

– разработка методики поаспектного анализа устройства и функционирования предложения;

– применение критерия информативного минимума в семантико-структурной типологии простого предложения;

– целесообразность замены деления предложений на односоставные/двусоставные на классификацию по количеству информативно обязательных актантов в структуре предложения;

– уточнение состава номинативных частей речи и входящих в них лексико-грамматических разрядов слов;

– проблема оптимального порога категоризации и субкатегоризации семантических актантов (субъекта, объекта, адресата, локализатора);

– взаимосвязь категории личности / безличности с подлежащностью/бесподлежащностью предложения;

– соотношение категории залога и возвратности в семантико-функциональном поле залоговости;

– взаимосвязь лексической и грамматической составляющих категории определенности/неопределенности (обобщенности) семантических актантов;

– создание семантико-структурной типологии простого предложения русского и английского языков;

– применение методики поаспектного анализа к описанию ряда семантико-функциональных полей, объединяющих простые предложения (физического воздействия субъекта на объект, локализации субъекта, посессивных отношений), а также простые, осложненные и сложные предло-

жения (поля определительных и причинно-следственных отношений) в русском и английском языках;

– возможность использования основных результатов семантико-функционального описания грамматики русского и английского языков в лингвопрагматике.

По своим общим параметрам предлагаемая модель относится к актуальному в наше время теоретико-прикладному «университетскому» направлению. В отличие от чисто теоретических грамматик такая ее ориентация, возможно, сказывается на глубине рассмотрения отдельных вопросов, но, с другой стороны, она позволяет расширить объем привлекаемого для описания языкового материала. Основные положения данной модели изложены в монографии [1]. Русский синтаксис в семантико-структурном и в семантико-функциональном планах сопоставлен в ней с английским. Подробно рассматриваются средства выражения субъектно-объектных, локативных, посессивных, определительных и причинно-следственных отношений, а также особенности русского официально-делового стиля на фоне английского. Результаты исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов по теоретической грамматике и по теории перевода, по сопоставительной грамматике русского и английского языков, а также в практике перевода и преподавания русского и других языков как иностранных. В этих целях в монографии даются практические рекомендации преподавателям языков как иностранных и примеры межъязыковых параллелей для переводчиков.

Литература

1. Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.

Т.Б. Радбиль
timur@radbil.ru
д-р филологических наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА: КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: русский язык, грамматика, национальная специфика, лингвокультурология.

Аннотация: В работе рассматриваются возможности выявления национальной специфики грамматической системы языка на материале русской грамматики в содержательном и интерпретационном аспектах. С этой целью постулируется наличие универсальных лингвокультурологических параметров для межъязыкового сопоставления.

T.B. Radbil, Dr. of Philological Sciences, prof.,
N.I. Lobachevski State University of Nizhni Novgorod, Russia, Nizhni Novgorod

NATIONAL SPECIFICITY OF RUSSIAN GRAMMAR: COGNITIVE AND LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

Keywords: Russian language, grammar, national specificity, linguoculturology.

Annotation: The work deals with possibilities of revelation of national specificity of grammar system on the material of

Russian grammar in contensive and interpretative aspects. To this purpose the occurrence of universal linguoculturological parameters is postulated for interlingual confrontation.

Принято считать, что если где и искать национальное своеобразие языка, так это в его лексике. Ведь именно словарный состав языка выступает как своеобразный «инвентарь» представлений о вещах, признаках и процессах, полученный в результате взаимодействия языка с внеязыковой действительностью. На долю грамматики обычно остается лишь роль «проводника» внутрисистемных закономерностей языка, задача чисто структурного приспособления лексем друг к другу.

Однако, если вдуматься, именно грамматика представляет собой основное концептуальное содержание языка, его своеобразную обобщенно-формализованную мыслительную схему, свободную от индивидуальных вещественных наслоений, т.е. «структура мысли в чистом виде». Причем не только структура. Грамматика также выражает и важное содержание в мысли о мире, только особым, отвлеченным способом, в особой, обобщенной форме.

Национальное своеобразие грамматики языка, мы условно рассматриваем в двух аспектах – с точки зрения его *содержательной стороны* и с точки зрения *способа интерпретации* этого содержания (иными словами, мы будем различать, *что именно* выражается и *каким образом* выражается в грамматике языка).

I. Содержательный компонент национальной специфики в грамматике языка. Содержательный компонент в национальной специфике грамматики языка заключается прежде всего в совокупности тех идей, которые этнос счел настолько важными для себя, что принудил к их облигаторному и регулярному воспроизведению в мышлении и поведении всех, кто говорит на его языке. Настолько ре-

гулярному, что это становится привычным и потому не попадает в «светлую зону» сознания говорящих, подобно тому как мы настолько свыклись с тем, что предметы отбрасывают тень, что не замечаем этого, когда говорим или думаем о предметах.

Так, например, еще Анна Вержбицкая обратила внимание на такие специфические содержательные свойства русской грамматики, как неагентивность и иррациональность, которые выражены в ряде безличных конструкций русского синтаксиса. Также русский язык относится к так называемым habeo-языкам (что противополагает его esse-языкам, таким, как неанглийский или французский) по значимому содержательному признаку – тенденции передавать идею обладания через идею бытия: *У меня есть X* вместо **Я имею X*.

II. Интерпретационный компонент национальной специфики в грамматике языка. В наших работах для описания своеобразия интерпретационного компонента грамматической системы мы постулируем наличие некоторых универсальных параметров, принципов сопоставления, по которым можно увидеть различия в способах представления того или иного содержания в грамматиках данных языков. К таковым параметрам мы относим следующие:

1. Количество членов грамматической категории. Если расхождение между количеством членов той или иной категории в сопоставляемых языках весьма значительно, это не может не иметь какого-либо концептуально значимого основания. Например, шестипадежная система русской грамматики, с одной стороны, противопоставлена падежным системам в финно-угорских языках (до 30 членов), а с другой – английскому с его минимумом падежных различий на уровне форм слова.

2. Степень распределенности, расчлененности содержания действительности в грамматической категории или

синтаксической модели. Этот параметр выведен нами из идеи Э. Сепира о том, что возможности различного языкового структурирования действительности так велики, что в ныне известных языках представлена, по-видимому, вся гамма мыслимых форм, от предельно аналитических, как в китайском языке, до полисинтетических, как в языках североамериканских индейцев. Русский язык тяготеет к синтетическому выражению большинства грамматических значений, но при этом не демонстрирует инокорпорации.

3. Наличие / отсутствие определенной грамматической категории в языке. Наличие грамматического способа выражения определенного содержания в том или ином языке означает, во-первых, облигаторность, т.е. обязательность его выражения для носителей языка, а во-вторых, как следствие первого, определенную важность данной категории в культуре. При этом люди принимают скрытую за семантикой данной категории жизненную установку или некий тип отношения к действительности неосознанно, нерефлектируемо. Пример тому – грамматический способ представления идеи определенности / неопределенности в английском языке и отсутствие такового в русском. Ровным счетом наоборот в этих языках обстоит дело с идеей одушевленности / неодушевленности.

4. Разное соотношение грамматических категорий. Этот признак может помочь нам выявить некоторые особенности «языкового мышления», связанные с ответом на вопрос, почему одни категории в нем необходимо сопрягаются с другими, вроде бы логически не имеющими с первыми ничего общего, и, напротив, категории, которым можно было бы приписать мотивационную связь, таковой связи не имеют и мыслятся как автономные. Так, для носителя русского языка абсолютно привычная вещь, что предмет в нем одновременно характеризуется по признаку рода, числа и падежа, и мы не можем, даже если захотим, выразить

только значение, допустим, числа, не выразив при этом значение падежа. Но разве в действительности пол, количество и роль в событии хоть как-то связаны между собой? В системе русского глагола вид доминирует над временем, а в системе английского и французского глагола видовые различия, напротив, передаются временными формами.

С.И. Красса
skrassa@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия

МЕТАОСНОВАНИЯ НОВОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: новая русская грамматика, метаоснования.

Аннотация: Предлагаются метаоснования новой грамматики русского языка, которая видится как базирующаяся на корпусе, дискурсивная, устной и письменной речи, актуальная, репрезентативно отражающая современный узус, описательная и объяснительная грамматика.

S.I. Krassa, Cand. of Philological Sciences, Associate Professor, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

METABASES OF THE NEW RUSSIAN GRAMMAR

Keywords: new Russian grammar, metabases.

Abstract: Metagrammatical bases of a new Russian grammar are proposed. The new grammar is seen as corpus-based, discoursive, oral and written, descriptive and explanatory grammar of the current use.

Цель исследования – выявление особенностей современных грамматик, прежде всего английского языка, которые представляются новыми и за которыми, безусловно, будущее, в том числе для грамматик на русском языковом материале.

Методом исследования является метаграмматический, представляющий собой анализ параметров, непосредственно не зависимых от языка, строй которого подвергается описанию. Такой метод направлен на выявление оснований построения грамматики, лежащих собственно за ее пределами, однако оказывающих значительное влияние как на ее структуру, так и на содержание. Выделение оснований общей грамматики – дело будущего, и наши выводы представляют собой наблюдение над частными грамматиками.

Первый аспект, который представляет собой метаграмматическую характеристику, – это эмпирический речевой материал. Данный аспект, как и ряд других, является в значительной мере определяющим не только для грамматик, но и для словарей. Источниками, например, «Русской грамматики – 80», как следует из списков литературы, послужили: а) словари и справочные пособия; б) художественная литература (преимущественно XX век), мемуары, письма, дневники. С позиций современной методологии и технологии такой подход не может рассматриваться в качестве удовлетворительного.

В английской лингвистике ряд грамматик в качестве источниковой базы используют корпуса. Это, например, S. Greenbaum. Oxford English Grammar (1996), Longman

Grammar of Spoken and Written English (2010), R.A. Carter and M.J. McCarthy Cambridge Grammar of English (2006). Исходя из этого выдвигается первое основание: новая грамматика – это **корпусная грамматика**, со всеми вытекающими отсюда следствиями. Следование корпусной идеологии накладывает отпечаток не только на содержание, но и на форму текста грамматики. Усиление внимания к дискурсу, а не к слову и предложению, к квантитативным показателям, к диахронической и синхронной вариативности языка (В.А. Плунгян) приводит к изменению как собственно грамматических данных и их интерпретации, так и формата их представления. Наглядной демонстрацией названных отличий могут служить примеры из «Русской грамматики – 80» и Longman Grammar of Spoken and Written English: Русская грамматика – 80 демонстрирует типичное структурно-семантическое описание проблемы, тогда как Грамматика Лонгман активно использует диаграммы, в которых даются количественные характеристики дистрибуции описываемых явлений (например function words) в различных стилях, представлено обсуждение полученных результатов, в том числе в сопоставлении с дистрибуцией знаменательных слов. Указываются моменты, которые оказались неожиданными для исследователей, в частности, тот факт, что подчинительные союзы встречаются относительно редко во всех стилях, но все же более употребительны в разговорном стиле и художественной литературе, чем научном и новостном стилях.

Из первого основания логически вытекает второе основание: новая грамматика – это **дискурсивная грамматика**, демонстрирующая интерес к дискурсу, а не только к слову и предложению. В качестве примера приведем оглавление раздела «Введение» в Cambridge Grammar of English: Introduction to the Cambridge Grammar of English;

Introduction to grammar and spoken English; From utterance to discourse; From discourse to social contexts; Grammar across turns and sentences; Grammar and academic English; Introduction to word classes and phrase classes.

Третьим основанием, отдельные черты которого уже были упомянуты, является следующее: новая грамматика – это **грамматика устной и письменной** разновидностей языка. Показательным примером может служить грамматика Лонгман: во-первых, в самом названии заявляется охват описываемых явлений – «Грамматика устного и письменного английского языка»; во-вторых, в этой грамматике имеется специальный раздел, посвященный грамматике разговора (диалога). Таким образом, письменной базы для современных грамматик уже далеко недостаточно, как и корпуса, они включают в свой состав устные компоненты.

Следующее основание вытекает из первого и второго, при условии, разумеется, что грамматики базируются на качественных корпусах: новая грамматика – это **актуальная грамматика**, репрезентативно отражающая современный узус. Репрезентативность узуса является прямым следствием репрезентативности корпуса как его главной характеристики.

И последнее основание в настоящей работе: новая грамматика – это грамматика **описательная и объяснительная**. Описательность как основа «академической» грамматики должна быть дополнена объяснительностью как шагом от структурной парадигмы к когнитивно-дискурсивной.

Кроме названых выше оснований, можно также подвергнуть анализу и иные дихотомии, в частности «дескриптивная vs нормативная», «активная vs пассивная» грамматика. В любом случае, построение новой грамматики невозможно без выдвижения и рассмотрения метаоснований, подобных предложенных нами.

Литература
Красса С.И. К основаниям новой грамматики // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 10. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012.

Н.К. Онипенко
onipenko_n@mail.ru
канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ключевые слова: грамматика, функционализм, лексико-семантические классы слов, синтаксемы.

Аннотация: В докладе будут обсуждаться задачи новой академической грамматики, принципы отбора подходов для решения конкретных теоретических проблем, принципы работы с терминологией, возможности сочетания констатирующего и интерпретирующего способов изложения грамматического знания, будет обосновываться принцип трехмерного представления языковой единицы. Особое внимание будет уделено сфере взаимодействия морфологических и синтаксических единиц – синтаксису формы слова.

Keywords: Russian grammar, functionality in language, semantic classes, syntactic form of word.

Summary: The paper discusses approaches to a new Russian language academic grammar, which are: principles to choose

concepts and solve problems concerning different grammar theories and conceptions, linguistic terminology, combination of description and explanation in representing of grammar knowledge. The paper proves the idea of three-dimensional representation of language units. Especial attention is paid to interaction of morphology and syntax in language forms – components of syntactic constructions.

В ИРЯ РАН начата работа над Проспектом новой академической грамматики русского языка. Первым шагом к ней стала «Корпусная грамматика русского языка», разрабатываемая под руководством В.А. Плунгяна. Вторым шагом станет Проспект будущей Русской грамматики. На современном этапе развития русистики актуальной проблемой стало написание новой академической грамматики, которая: –отразит состояние языковой системы в начале XXI в.; – представит систему русского языка с позиций современной антропоцентрической, объяснительной, семантико-ориентированной, интегральной русистики; – соединит системный и текстовый анализ языкового материала; – представит языковую систему с учетом диахронного и типологического аспектов.

Работа над Проспектом грамматики поделена на три этапа: 1) аналитико-науковедческий (сравнение принципов существующих грамматических описаний русского языка); 2) теоретический (выработка принципов будущей грамматики и подготовка первой части проспекта); 3) работа со структурой будущей академической грамматики, принципами работы с терминами и принципами отбора иллюстративного материала.

В Проспекте будут рассмотрены актуальные проблемы современной грамматической науки, обоснованы способы подачи грамматического материала, показана роль корпус-

ных исследований в подготовке текста академической грамматики русского языка.

С учетом требований жанра академической грамматики, которая должна соединить описательность (эмпиричность) традиционной русистики с объяснительностью современной лингвистической науки, особое внимание в Проспекте будет уделено лингвистической терминологии – отбору терминов, которые бы сохраняли преемственность с предшествующими грамматиками и отражали бы новые подходы к языковым явлениям.

На основе наметившегося в ИРЯ РАН сближения синхронного и диахронного описаний языковой системы, в Проспекте будут показаны способы включения диахронного комментария в разделы, посвященные категориям и явлениям современного русского языка, будут обосновываться разделы, посвященные культурологической проблематике и прикладным аспектам русистики.

Поскольку термин Грамматика понимается в широком значении – как наука об объектах, функционирование которых подчиняется определенным правилам, – постольку в текст «Русской грамматики» закономерно включается и фонетика (а также фонология, орфоэпия, графика и орфография), а также лексика и лексическая семантика. Грамматика в узком смысле (в соответствии с Виноградовской традицией) делится на грамматическое учение о слове и грамматическое учение о предложении. В отличие от фонологии и лексикологии, языковые единицы морфологии и синтаксиса мыслятся как трехмерные, соединяющие форму, значение и функцию. Семантическая и функциональная составляющие мыслятся как более значимые, обусловливающие форму и структуру. Именно эти составляющие будут определять способы подачи грамматического знания и объем иллюстративного материала.

В докладе будет представлена структура раздела, посвященного синтаксису формы слова, поскольку именно в этой части грамматической системы можно наблюдать взаимодействие лексики и грамматики, взаимодействие разных грамматических категорий. В докладе будет отстаиваться необходимость введения в состав синтаксических единиц синтаксемы (понятие, введенное в русистику Г.А. Золотовой), будет показана связь синтаксиса конструкций (одного из современных течений в синтаксической науке) и теории синтаксем.

Ю.Л. Ситько
yurii.sitko@gmail.com
канд. филол. наук, доцент Филиала МГУ в г. Севастополе, Севастополь, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА ЗНАЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Ключевые слова: части речи, прагматизм, функционализм, знак, семиотика.

Аннотация: Актуальной проблемой теории частей речи является определение отношения категориального значения частей речи к внеязыковым и языковым явлениям. Тезисы призваны привлечь внимание к необходимости функционально-прагматического описания частей речи.

Yu.L. Sitko
PhD, associate professor of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russia

FUNCTIONAL-PRAGMATIC HYPOTHESIS OF PARTS OF SPEECH MEANING

Key words: parts of speech, pragmatism, sign, functionalism, sign, semiotics.

Abstract: Actual problems of parts of speech theory is to determine the relation of categorical meaning of parts of speech to extralinguistic and linguistic phenomena. Abstract is intended to draw attention to functional and pragmatic description needs of parts of speech.

1. Понятие части речи является общим для большинства грамматических концепций. Оно традиционно используется как средство упорядочения грамматических категорий языка и согласования их с лексическими классами, что великолепно отображается определением части речи как лексико-грамматической категории слов. Часто представление о части речи как о категории, множестве единиц, реализовалось в позитивистски ориентированных грамматических концепциях (фортунатовская школа, М.М. Петерсон, американский дескриптивизм), что отражает невнимание к ментальному субстрату языка. Традиционная теория частей речи хорошо согласуется со структуралистскими исследованиями языка «в себе и для себя». Но так истолкованные части речи превращаются в группы слов с «обобщённым значением, которое отвлечено от лексических и грамматических значений всех слов данного класса» [3: 453]. Такое «обобщённое» и «отвлечённое» значение неинформативно, хотя в целом соответствует, например, гегельянским и марксистским представлениям о познании как отвлечении и через него восхождении к более высоким уровням познания.

Такой взгляд соседствует с теориями частей речи как языкового механизма обобщения и упорядочения морфологических категорий, определённым образом (в разных концепциях по-разному) коррелирующего с семантикой. Частеречной семантике приписывается статус категориальной (сюда относятся понятийные категории О. Есперсена и И.И. Мещанинова, ономасиологические категории М. Докулила). Яркой иллюстрацией такого подхода является идея Е.С. Кубряковой о рассмотрении частей речи с ономасиологической точки зрения [2].

Вместе с тем общей чертой названных концепций является *неопределённость* относительно *онтологического* и *гносеологического* статуса обозначаемого частей речи, которая делает решение проблемы несколько асимметричным.

2. В этой ситуации мы видим возможность выхода в возвращении к идеям трансцендентализма и критицизма И. Канта, которое сегодня принимает формы функционального прагматизма.

Мы считаем, что продуктивным было бы рассмотрение частей речи как одного из *механизмов семиотического согласования внеязыкового опыта с языковым опытом*, которое позволило бы объяснить феномены кодирования и декодирования довербальной и поствербальной информации в вербальные сигналы, которые постоянно сопровождают коммуникацию. Это порождает взгляд на часть речи как на метамодель, регулирующую соотнесение моделей языка с моделями мышления и только опосредованно через них влияющую на единицы языка и мышления.

В основу функционально-прагматического определения частей речи может быть положена *гипотеза* о том, что, во-первых, часть речи с семиотической стороны является тройственным отношением между априорной и апостериорной информациями индивидуального мышления и категориями представлений об общественно значащих сигна-

лах, а во-вторых, со структурно-функциональной стороны часть речи является метамоделью, которая регулирует функционирование номинативных языковых единиц в языковой деятельности и обслуживает как порождение речи, так и порождение языка (языковых единиц и моделей). Так истолкованная часть речи имеет определённые ограничения своего применения, которые, как правило, отображаются принципами выделения частей речи (семантический, морфологический и синтаксический).

Сходная точка зрения реализуется в «Коммуникативной грамматике русского языка»: «Классы явлений действительности предстают нашему языковому сознанию как предметы и лица, действия и состояния, качества и количества и т.д. Языковым выражением их служат соответственно знаменательные части речи в их категориально-грамматическом значении» [1: 39].

3. Такая постановка проблемы имеет два важных следствия: 1) она ограничивает и подчиняет языковую деятельность человеческой деятельности вообще как её составную часть, чем преодолевает «языковую» метафору структурализма и постмодернизма как своеобразного развития последнего; 2) представление о языковой деятельности как о части человеческого опыта требует описания универсальных априорных принципов, которые формируют опыт и языковую деятельность.

Введение идеи априорных универсалий значительно усложняет систему, однако, это цена за преодоление релятивизма в описании объекта. Установление универсалий должно иметь дедуктивный, а не индуктивный характер, поскольку индуктивный способ нуждается в обработке слишком большого количества материала.

Эта гипотеза поднимает ряд вопросов, которые нельзя решить без выяснения природы принципов, которые лежат в основе человеческой картины мира и языка как её составляющей, но которые необходимо должны быть решены при антропно ориентированном описании грамматического строя языка.

Литература

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общей ред. Г.А. Золотовой. М., 2004. 544 с.
2. Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. 114 с.
3. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.
4. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. 54 с.

С. Славкова
svetlana.slavkova@unibo.it
канд. пед. наук, доцент, Болонский университет, Италия

ВИДОВАЯ КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: русский язык, вид глагола, видовая пара, видовая коррелятивность, корпусные методы.

Аннотация: На основе данных Национального корпуса русского языка предлагается показать процесс развития видовой коррелятивности на примере двух видовых пар (*жарить – пожарить* и *изжарить – изжаривать*). В частности, рассматривается развитие префиксальной корреляции, с одной стороны, и вторичной имперфективации префиксального глагола – с другой.

S. Slavkova, Associate Professor of Russian Linguistics – School of Foreign Languages and Literatures, Translation and Interpreting, University of Bologna, Italy

ASPECTUAL CORRELATION AND NATIONAL CORPUS OF RUSSIAN

Key words: Russian, aspect, aspectual pairs, aspectual correlation, corpus methods

Abstract: Based on the Russian National Corpus I intend to show the process of evolution of aspectual correlation analyzing the case of two aspectual pairs (*žarit' - požarit'* and *izžarit' – izžarivat'*). In particular, I analize the evolution of the prefixal correlation as well as the secondary *imperfectivization* of prefixed verb.

Теоретическое изучение современного русского языка, как правило, сопровождается иллюстрацией научных положений примерами из русской литературы.

В последние годы при анализе различного рода языковых явлений лингвисты все чаще пользуются Национальным корпусом русского языка как качественно новым средством исследования русского языка. В частности, НКРЯ не только является источником конкретных примеров использования лексических единиц и грамматических конструкций, но и позволяет получить объективные данные об употреблении, частотности, сочетаемости той или иной языковой единицы. В предлагаемом докладе мы рассмотрим возможности применения НКРЯ в изучении некоторых аспектов русского языка, в частности, связанных с проблемой определения видовой пары (в т.ч. развитие префиксальной корреляции, с одной стороны, и вторичной имперфективации с другой).

Приведем здесь один случай использования НКРЯ при работе над категорией вида глагола. Если обратиться к лексикографическому описанию глагола *жарить* в русском языке в толковых словарях русского языка (МАС, Словарь Ожегова), то увидим, что в качестве видового коррелята глагола *жарить* указан глагол *изжарить*, а глагол *пожарить* рассматривается прежде всего в значении делимитатива (в словаре Ожегова он вообще отсутствует). Однако обратившись к такому ресурсу как НКРЯ и, в частности, используя возможность задать подкорпус по периодам, можно проследить тенденцию постепенного расширения употребления глагола *пожарить* в чистовидовом значении, что позволяет рассматривать его в качестве видового коррелята глагола *жарить*. Так например, количественное соотношение глаголов *изжарить : пожарить* в первой половине XX века было 6:1, в период с 1986 до 2000 г. оно уже было 1:2, а с 2001 до 2015 г. – 1:4.

При этом расширил свое употребление вторичный имперфектив *изжаривать*, который, хотя в НКРЯ не встречается, в интернет-сайтах вполне натурально употребляется в значении процесса и итератива. Ср. следующие примеры: ... а позднее небольшими порциями подбрасывать картофель и *изжаривать* до огненно красного цвета; ... из материалов выколупать содержимое, свернуть как конфетку, и *изжаривать* в рафинированном масле.

Вторичный имперфектив *изжаривать* отмечен в отдельной словарной статье в Новом толковом словаре Т.Ф. Ефремовой и приводится как видовой коррелят в статье глагола изжарить в Большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова, хотя он существовал также и в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля (при полном его отсутствии в словарях советского времени).

Сказанное говорит о том, что в период ослабления предписывающего действия языковой нормы естественная речь

носителей русского языка может стать показателем некоторых интересных тенденций развития языка. Так, например, рассмотренный нами случай можно интерпретировать как процесс развития видовой коррелятивности как за счет расширения семантики и перехода некоторых глаголов из класса несоотносительных глаголов СВ (‘*пожарить* некоторое время’) в категорию глаголов СВ, входящих в видовую пару (*жарить – пожарить*), так и за счет образования вторичных имперфективов к существующим уже перфективам (*изжарить – изжаривать*), или их «воскрешения». Количественные данные НКРЯ подтверждают необходимость учета изменений в словарях и грамматиках, они актуальны также и для преподавания русской грамматики иностранным студентам. Другие уровни проявления эволюции языка, требующие приведения теоретических описаний и справочного материала в соответствие с новыми тенденциями, – это лексика (новая лексика, изменения в значениях слов), морфология, словосочетание, в частности, устойчивые словосочетания.

Н.А. Андрамонова
Natalia.Andramonova@kpfu.ru
д-р филол. наук, профессор Казанского федерального университета, Казань, Россия

Л.А. Усманова
usmanova77@rambler.ru
канд. филол. наук, доцент Казанского федерального университета, Казань, Россия

ТЕОРЕТИКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.А. БОГОРОДИЦКОГО

Ключевые слова: грамматика, Казанская лингвистическая школа, системность, переходность, коммуникативность, ассоциативность.

Аннотация: В докладе подвергается анализу грамматическое наследие видного представителя Казанской лингвистической школы В.А. Богородицкого, внесшего весомый вклад в формирование основных направлений отечественной грамматики.

N.A. Andramonova, Dr. of Philological Sciences, prof., Kazan Federal University

L.A. Usmanova, PhD, Assistant Professor, Kazan Federal University

THEORETICAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL GRAMMATICAL HERITAGE OF V.A. BOGORODITSKY

Keywords: grammar, Kazan linguistic school, system, transition, communication, associativity.

Abstract: The report is analyzed grammatical legacy of a prominent representative of the Kazan linguistic school V.A. Bogoroditsky, who has made a significant contribution to the formation of the main directions of Russian grammar.

При осуществлении нового проекта академической грамматики русского языка целесообразно учитывать опыт грамматического наследия прошлого, в частности соответствующие идеи Казанской лингвистической школы. Следует отметить «Общий курс русской грамматики» В.А. Богородицкого (1904), сыгравший «огромную научно-воспи-

тательную роль в истории русского лингвистического образования» [1: 316]. Эта книга не потеряла теоретического, практического и культурологического значения, в наше время она остается непревзойденной по своему замыслу и его воплощению. Ее отличает интегративность представления лингвистических знаний, фактологическая насыщенность и непреходящая значимость обобщающих суждений.

Значимым для Казанской лингвистической школы представляется выдвижение на первый план семантического фактора. Так, говоря о «грамматике и включая в нее фонетику», морфологию (со стороны семиологической и формальной) и синтаксис, Богородицкий соотносит ее с лексикологией, имея в виду словарь – слова и их значения в современном употреблении и в письменных памятниках прошлого [2: 316].

Закладывая основы семантико-структурного метода изучения синтаксических явлений, Богородицкий разрабатывает вариант типологии сложноподчиненных предложений, базируясь на «их смысловых различиях». При этом он делает акцент на факторе переходности в системе языка, отмечая, что «факты живой речи не всегда укладываются в тот или другой определенный тип, но могут занимать переходное положение, относясь одновременно к тому и другому» [3: 230]. Следует отметить, что идея переходности, не акцентированная современной грамматической мыслью, воплощается и при рассмотрении простого предложения, а также синтаксических связей.

Синтаксические взгляды Богородицкого имеют статус основополагающих, формирующих современное представление о сложном предложении как целостной синтаксической единице. «Во всяком сложном предложении, – пишет он, его части составляют одно целое, так что, будучи взяты отдельно, не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем не возможны, подобно тому, как

морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него» [2: 320]. Данное определение отражает существо сложных предложений как единых полипредикативных структур, что востребовано сегодняшней функционально-грамматической теорией.

Наряду с системно-функциональной, в научном наследии В.А. Богородицкого ясно звучит идея коммуникативного назначения языка: «Язык есть средство обмена мыслями (т.е. средство передавать свою мысль другим и воспринимать чужую)» [2: 4]. Любопытно, что он характеризует речевую ситуацию взаимодействия партнеров по общению с точки зрения комбинаторного состояния воздушной среды, вызванного действием органов произношения говорящих и воспринимаемого слухом участников разговора [2: 5]. При этом «всякий и даже обыкновенный разговор» он оценивает с позиций творчества, считая, что «говорящий выбирает наиболее соответствующие выражения, слушающий стремится не только вернее уловить смысл воспринимаемой речи, но и создать, по возможности, силой фантазии образ, соответствующий слышимым словам» [2: 5].

Существенно и то, что Богородицкому удалось соотнести цельность объекта исследования и его лингвистического рассмотрения, характеризующегося, с одной стороны, строгой системностью, с другой – многоаспектностью речевых реализаций.

Признание «ассоциативной сущности речевой деятельности» позволило Богородицкому также определить общую тенденцию развития языков – «стремление к экономии духовных сил и удобству памяти, этой хранительницы сложного ассоциативного агрегата речи» [3: 242], что явилось одним из обоснованных ответов на глобальный вопрос современной лингвистики.

Таким образом, совмещение формально-грамматического и коммуникативного подходов, представленное в грамматике

Богородицкого, способствует более полному пониманию грамматической системы языка, показывающей «все эти слова и формы в их движении и жизни» [3: 207]. Новое прочтение его трудов по грамматике свидетельствует о том, что их значимость для современной лингвистической теории и ее приложений возрастает, что объясняется не только той неоспоримой истиной, что большое видится на расстоянии, но и нацеленностью гуманитарных наук на «человека говорящего», а также актуализацией системно-функциональной, коммуникативной, когнитивной и культурологической парадигм, имеющих место в научном наследии В.А. Богородицкого.

СЕКЦИЯ 2
РУССКАЯ ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКА

Л.В. Попова
plarisa20@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

ЛЕКСИЧЕСКОЕ И ГРАММАТИЧЕСКОЕ В СВЯЗКАХ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО

Ключевые слова: русский язык, грамматика, связка, грамматическое значение.

Аннотация: Связочное значение признается грамматическим, обнаруживающим признаки категориального. Взаимодействие грамматического и частично сохранившегося лексического значений определяет системность и полевую организацию категории связки.

L.V. Popova, Dr. of Philological Sciences, prof. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

LEXICAL AND GRAMMATICAL IN COPULAS OF NOMINAL PREDICATE

Key words: Russian language, grammar, copula, grammatical meaning.

Abstract: Copular value is accepted as grammatical, finding signs of the categorical. Interaction of the grammatical and partially remained lexical values defines systematic approach and the field organization of category of a copular.

Статус связки как функционально-служебного слова ставит вопрос о характере выражаемого им значения: лексическое или грамматическое. Сложность решения определяется тем, что связки обладают и индивидуальным (лексическим), и обобщённым, абстрактным (грамматическим) значением.

Связка не выполняет номинативную функцию в предложении, не является отдельным членом предложения, не характеризуется самостоятельностью. В русском языке связочное значение может быть выражено нулевой формой. Все функции связки относятся к грамматическому уровню, связка служит средством выражения отношений между предикативными компонентами. Однако в значении связки всё же сохраняются «остатки» лексического значения полнозначного глагола. Несомненно, по сравнению с другими служебными частями речи, связки более «лексичны».

Связка, как лексема, возникшая в результате грамматизации полнозначного глагола, может в разной степени сохранять свою «лексичность». В связи с этим, необходимо учитывать взаимодействие грамматического и частично

сохранившегося конкретного значения, поскольку именно оно позволяет связке детализировать характер предикативных отношений.

Основным принципом организации корпуса связок является системный принцип. Связка имеет обобщённое, абстрагированное значение, объединяющее все связочные формы и все частные значения и являющееся обязательным для любого элемента связочной системы. Данное значение может быть рассмотрено как ***категориальное значение*** связки, отражающее её функциональные особенности, а также единство её формы и значения.

Категориальное (грамматическое) значение связки понимается как отношение между предметом и его предикативным признаком. Грамматическое значение, выражаемое связками, можно отнести к синтаксическим значениям предложения.

Признание категориального значения позволяет рассматривать связку как служебную ***функционально-грамматическую категорию***, объединённую общим грамматическим значением, представленным в различных оппозициях (привативных и эквиполентных), и грамматическими формами, выражающими это значение. Категориальное значение служит критерием тождества связок как функционально-грамматической категории. Оно системно, отражает общие свойства связок, является обязательным и обнаруживается в любом компоненте связочной системы, в любой его форме и в любой позиции.

В результате грамматизации связки приобретают фазисное, модальное или логическое значение. Эти значения охватывают все языковые варианты связок. Установление инвариантного значения позволяет выявить связь конкретных явлений, выступающих в речи, и системных, заложенных в языке.

В связочной системе русского языка центральное место занимает связка *быть* («истинная связка»). Вслед за А.М. Пешковским, эту связку принято называть «идеальной», имея в виду её практически неограниченные синтагматические возможности, а также максимально отвлечённое (по сравнению с остальными глаголами-связками) значение. Признание этой связки своеобразным «эталоном» позволяет рассматривать её как носитель инвариантного связочного значения.

Значения остальных связок складываются вокруг инвариантного значения, отталкиваясь от значения связки *быть,* развивая его или противопоставляясь ему: *быть – стать, быть – казаться, быть – походить, быть – являться и т.д*. Значения связок рассматриваются как система вариантов инвариантного значения. Каждое вариантное значение может быть описано через понятие прототип, как эталон, лучший образец, наиболее точно представляющий специфику определённого значения. К числу прототипических связок относятся такие связки, как *быть, казаться, стать, считаться, оставаться.*

Системность связочных значений проявляется в соотношении общего (инвариантного) и частных (вариантных) значений, в противопоставлении и объединении частных вариантных значений, в большей степени опирающихся на лексическое значение глагола-связки. Связочные формы неоднородны и отличаются чёткостью проявления функциональных и семантико-грамматических свойств, что соответствует ядерно-периферийной организации связочной системы и принципу асимметрии в языке.

Признание у связки категориального связочного значения позволяет: 1) рассматривать связку как функционально-грамматическую категорию, проявляющую единство формы и значения (формального и функционального); 2) выявлять системно-языковую значимость, объединяющую все

конкретные вариантные значения связок; 3) устанавливать системные связи категории связки с другими служебными категориями, а также с категорией глагола; 4) представить связочную парадигму предложения с именным сказуемым на основе инвариантно-вариантных значений связки; 5) прогнозировать развитие связочной системы.

Кондрашова О.В.
ovkondrashova@freemail.ru
д-р филол. наук, профессор Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (КВВАУЛ), Краснодар, Россия

Шельдешова И.В.
sheldeshova_iv@mail.ru
канд. филол. наук, доцент, профессор Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (КВВАУЛ), Краснодар, Россия

УСТОЙЧИВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ РЕЧЕНИЯ ЧЕХОВЫХ КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Ключевые слова: родственный языковой коллектив, эпистолярное наследие Чеховых, устойчивые семейные речения, лексикографирование.
Аннотация: Устойчивые речения Чеховых из переписки и воспоминаний членов прецедентной семьи отражают особенности речевого общения этого родственного языкового коллектива. Создание словаря семейных речений Чеховых позволит выделить, описать и сохранить наиболее яркие единицы культурно значимого фамилиолекта.

Key words: cognate language group, the Chekhovs epistolary heritage, stable family sayings, lexicography.

Abstract: Stable family sayings of the Chekhov's family members correspondence and memoirs reflect the peculiarities of the verbal communication of this cognate language group. Generation of the Chekhovs stable family sayings dictionary will let us select, describe and retain the most vivid and rich units of cultural significance familiolekt.

Личностно ориентированная парадигма современной русистики помимо создания речевых портретов отдельных носителей языка предполагает также описание особенностей коммуникации малых языковых коллективов, в частности семьи. Семья Чеховых в русской культуре является прецедентным родственным языковым коллективом, оставившим после себя значительное эпистолярное наследие, при изучении которого могут быть выявлены специфические единицы и черты **фамилиолекта**.

В переписке и воспоминаниях Чеховых встречаются устойчивые семейные речения, различные по происхождению и составу, обладающие совокупным, но ситуативно и контекстуально варьируемым смыслом и выраженной прагматикой. Например, в письмах сыновей многократно иронически обыгрываются выражения из речи П.Е. Чехова: *Упрекать / упрёк в нерадении. Чего-нибудь юридического. Заниматься богомыслием. (Человек) положительный и с характером. (Папаше и мамаше) кушать нада. Незаконно живущие (беззаконно и погибнут)*. Некоторые семейные речения были использованы А.П. Чеховым в художественных произведениях.

Исследование устойчивых семейных речений в родственной переписке Чеховых (в основном по мужской линии) позволяет выделить такие общие черты семейного обще-

ния, как чуткость к слову, склонность к иронии и шутке, иногда весьма острой, потребность в словесной игре. При этом у разных членов семьи обнаруживаются излюбленные выражения, придающие индивидуальность их речевым портретам.

Оптимальным способом сохранения устойчивых семейных речений Чеховых может стать лексикографирование, предполагающее выборку, систематизацию и описание этих единиц, а также указание на их первичное и повторные употребления в текстах писем, дневников, записных книжек и литературных произведений. В качестве образца приведем фрагмент словарной статьи, представляющей одно из семейных речений Чеховых.

(Человек) положительный и с характером / положительно и с характером – *Шутл., Ирон.* По отношению к тому, кто старается соблюдать общественные правила и внешние нормы приличия, ведет «нравственный» образ жизни и потому весьма доволен собой. Выражение встречается в письмах А.П. Чехова к членам семьи и в его художественных произведениях. В нескольких письмах оно употребляется в качестве характеристики брата Ивана и замещает личное имя. Производно от самооценки Павла Егоровича Чехова в письме от 2 января 1883 г. к сыновьям Антону и Николаю: «Краснеть перед хозяином не в моих летах – я человек с характером, положительный» (П. собр. соч. и писем в 30-и тт., т. 19. Комментарий к письму 176).

В переписке: *Я рад, что ты взялся за серьезную работу. Человеку в 30 лет нужно быть* ***положительным и с характером*** (Чехов – Ал. Чехову. 10 мая 1886 г. Москва. Т. 19). *Из оставленных тобою 3-х рублей один принадлежит* ***положительному с характером*** *(т. е. Ивану), а остальные два андай моему крестнику или купи себе на них цилиндр* (Чехов Ал. П. Чехову. 31 января 1887 г. Москва.). *От Москвы до Серпухова ехать было скучно. Спутники попались* ***положительные и с характером****, всё время толковавшие о ценах на муку* (Чехов – Чеховым. 7 апреля 1887 г. Таганрог. Т. 20). *... В-четвертых, я не решаюсь думать, что ты хочешь жениться на свободной женщине только из потребности иметь няньку и сиделку; мне кажется, что твоя молодость (33 – хорошие годы) и твоя не чоховская и не мироновская душа чужды сего эгоизма, свойственного* ***людям положительным и с характером****, думающим, что своею женитьбою они осчастливят не только жену, но даже и ее родню до десятого колена* (Чехов – Ал.П. Чехову. 28 августа 1888 г. Сумы. Т. 20). *Итак, я буду теперь писать тебе очень редко, так как ты скоро приедешь.* ***Ты немка положительная, с характером,*** *приедешь в понедельник на первой неделе, а уедешь в среду, или даже во вторник на той же неделе… Горе мне с тобой!* (Чехов – О.Л. Книппер-Чеховой. 25 января 1902 г. Ялта. Т. 29). *Сим извещаю, что я жив и здоров и тифом не заразился. Сначала я хандрил, ибо скучал и страшился безденежного будущего, но ныне чувствую себя* ***положительно и с характером*** (Чехов – Чеховым. 13 марта 1887 г. Петербург. Т. 20).

В произведениях: *– Видите ли, Любовь Григорьевна… – сказал Стычкин, солидно вздыхая. – Я человек* ***положительный и с характером****. Для меня красота и вообще видимость имеет второстепенную роль, потому что, сами знаете, с лица воды не пить и с красивой женой весьма много хлопот* (Чехов. Хороший конец. Полн. собр. соч. и писем в 30-и тт., т. 6, с.277). *Дудкин: – Да что ты мне Сашеньку сватаешь? Бланмаже, лефоше-гран-мерси и всякие там умственности… Я человек* ***положительный и с характером****… Мне давай посущественней…*(Чехов. Иванов. Т.11. С. 250). *Апломбов: Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделывать ногами кренделя. Я человек* ***положительный и с характером*** *и не вижу никакого развлечения*

в пустых удовольствиях (Чехов. Свадьба. Т.12. С. 109). В полном тексте работы структура словаря и словарной статьи будут представлены более подробно.

Г.Ф. Богачева
GFBogacheva@pushkin.institute
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

СЕМАНТИЗАЦИЯ ЗАГОЛОВОЧНЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ ДЕМОНСТРИРУЮЩЕГО ТИПА

Ключевые слова: лексикография, тематический словарь, семантизация, средства семантизации.

Аннотация: В докладе рассматриваются особенности семантизации заголовочных единиц в словарях демонстрирующего типа. На примере тематических словарей предлагаются средства, способные повысить эффективность представления значения слова в лексикографических произведениях указанного жанра.

G.F. Bogacheva, Candidate of Philological Sciences, leading researcher of the Design Research Laboratory of innovative means of teaching Russian, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

SEMANTIZATION OF TITLE UNITS IN THE DICTIONARIES OF DEMONSTRATING TYPE

Key words: lexicography, thematic dictionary, semantization, means of semantization.

Abstract: The report discusses the features of semantization of title units in the dictionaries of demonstrating type. On the example of thematic dictionaries are proposed means that can improve the efficiency of representation of word meaning in the lexicographic works of this genre.

Для словарей объяснительного типа базовым и практически обязательным семантизирующим элементом является толкование, в котором приводится в известность абсолютная ценность (лексическое значение в традиционном понимании) заголовочной единицы. В зависимости от жанра объяснительного словаря толкование может модифицироваться или снабжаться разного рода дополнительными информационными компонентами, такими как, например, так называемая легенда синонимических словарей, изъяснение словарей лингвострановедческих, комментарии и справочные материалы к различным частям словарной статьи в толковых словарях и т.д. Иными словами, толкование является универсальным средством в области объяснительного лексикографического описания вне зависимости от жанра словаря.

Иначе дело обстоит со словарями демонстрирующего типа. Каждый из жанров данных словарей – в силу специфики объекта описания (к примеру, значение слова, семантическая структура слова, синонимические и иные отношения лексических единиц и т.п.) – требует особых средств семантизации, вполне индивидуальных для конкретного жанра в целом.

Рассмотрим возможности семантизации лексики в одном из жанров демонстрирующих словарей, а именно в тематическом словаре.

Прежде всего следует уяснить вопрос относительно объекта описания тематического словаря. С одной стороны, таким объектом следует признать отдельную лексическую

единицу, ведь тематические словари для того и создаются, чтобы облегчить поиск и выбор «правильных» единиц для производства речи в рамках определенных тематических областей. С другой стороны, объектом описания являются сами тематические группы – лексические объединения лингвологического типа, поскольку они, в свою очередь, в упорядоченном и законченном виде (с учетом лингвистических и экстралингвистических параметров и в границах заданной словарем глубины описания) являются единицами, формирующими определенную область лексики.

Естественно предположить, что в тематическом словаре семантизироваться должны оба объекта описания, т.е. и отдельная лексическая единица, и тематическая группа. Однако так происходит далеко не всегда. Практически во всех случаях семантизируются тематические группы – посредством демонстрации логических связей между ними (таким образом вскрываются и делаются явными последовательные родо-видовые отношения совокупностей лексических единиц, формирующих такие группы, например: *животные* → *многоклеточные* → *позвоночные* → *млекопитающие* → *приматы* → *обезьяны* и т.п.). Такие родо-видовые цепочки, представляющие собой извлечения из тематического плана словаря (непременной его составляющей), соотносятся с вербальными родо-видовыми определениями словарей объяснительного типа, и наличие подобного соотношения подтверждает объяснительную силу такого рода способа семантизации в словарях демонстрирующего типа.

Что касается семантизации отдельных лексических единиц, составляющих тематические группы, то она в силу особенностей жанра тематического словаря, не предполагающего глубокого погружения в индивидуальную семантику заголовочного слова, как правило, ограничивается теми сведениями, которые можно восстановить, обратившись к

родо-видовым цепочкам, характеризующим группу в целом. Это значит, что в тематическом словаре демонстрируются прежде всего интегральные признаки, формирующие сигнификативные значения составляющих группу лексических единиц. Иначе говоря, о значении каждого слова (лексической единицы) можно получить достаточную для его употребления и понимания информацию, но она не будет настолько полной, чтобы четко дифференцировать одну единицу от другой. Например, отнесенность единиц *горилла* и *мартышка* к одной группе «Приматы → Обезьяны» дает понять, что речь идет об обезьянах, но чем они различаются, знать будет не дано, поскольку дифференциальные семы, входящие в значения каждого из данных слов, представить (= продемонстрировать) в словаре обсуждаемого типа при существующих подходах достаточно затруднительно – дифференцирующие компоненты значения отдельных единиц всегда и неизменно будут «в проигрыше», т.е. будут оставаться за рамками словарного описания.

Каким образом можно расширить репертуар средств, позволяющих семантизировать заголовочные единицы более полно и тонко? Ясно, что возможности экспликации абсолютной ценности слова «впрямую» в словаре демонстрирующего типа весьма ограничены. Однако синергетичность связи ценностных характеристик лексических единиц дает возможность представить ее опосредованно – через презентацию сочетательных и относительных ценностных характеристик заголовочной единицы.

Одним из таких средств является, безусловно, обращение к сочетаемостным возможностям заголовочных единиц. Наиболее характерные и употребительные сочетания (сочетания высокого диагностирующего потенциала) являются мощным инструментом представления собственно индивидуальных особенностей семантики слова, позволяющих

провести дифференциацию отдельных единиц, т.е. указать на дифференциальные признаки их сигнификативного значения, ср.: а) ***баран*** (*горный баран*); б) ***баран*** (*пасти барана; овцы и бараны*); ***заяц*** (*длинные уши (зимний мех) зайца*). Не менее эффективным является представление употребления слова в предложении (ср.: ***ярка*** (*В этом загоне только ярки – у них еще не было ягнят*), а также в цитатах из художественных произве-дений – это позволяет демонстрировать тонкости и нюансы употребления слова.

Опора на относительные ценностные характеристики – в силу их широкого разнообразия – также представляет значительные возможности для демонстрации абсолютной ценности заголовочных единиц. Так, словообразовательная ценность формирующих состав словника единиц может быть использована посредством, к примеру, расположения единиц, находящихся в прямых словопроизводственных и семантических отношениях, в непосредственной близости друг от друга. Это значит, что относительное прилагательное или отглагольное существительное, образованные от соответствующего существительного или глагола и отличающиеся от них только категориальной принадлежностью, будучи расположенными рядом с ними (*обезьяна – обезьяний; рявкать – рявканье*), имеют много больше шансов быть прямо соотнесенными с производящим словом как в структурном, так и в семантическом плане, ср.: ***вол*** (*сильный как вол; пахать на волах*) – ***воловий*** (*воловья шея (сила, выносливость)*; ***рычание*** (*угрожающее рычание, рычание льва*), ***рычать*** (*рычать на чужого, собака (зверь) рычит*). Вариантом указанного способа является приведение производных с указанием их модификационного значения и (при наличии) их стилистических особенностей (стилистической ценности), ср.: ***корова*** (*дойная (стельная) корова*, ***коровка*** *уменьш.-ласк.*, ***коровушка*** *ласк.*, ***коровенка*** *уничиж.*; ***буйвол*** (*стадо буйволов*), ***буйволенок*** *детск.*

Способствовать выявлению индивидуальных долей значения слов могут их синонимические и/или антонимические ценностные характеристики, но в значительно меньшей степени, чем указанные выше средства семантизации. Чтобы использование указанных особенностей слова (наличия у него синонимов и/или антонимов) было эффективным в интересующем нас плане, различия между членами синонимических рядов и антонимических пар должны быть достаточно ярко выражены либо семантически, либо стилистически, либо по обоим названным параметрам. В противном случае, без использования других средств семантизации, указание на наличие таких ценностных особенностей будет выполнять иные, нежели семантизирующие, функции.

Клименко Г.В.
gal.klim2009@yandex.ru
к. филол. н., доцент МГЛУ, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И ФОНОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ СЛОВА

Ключевые слова: лингвокультурные и фоновые компоненты, комплексный подход в преподавании РКИ.

Аннотация: Статья посвящена анализу лингвокультурных и фоновых компонентов в структуре слова. Отмечается важность подобного подхода в обучении иностранных учащихся.

Klimenko G.V., PhD**,** associate professor MSLU

LINGUOCULTURAL AND CROSS-CULTURAL COMPONENTS IN THE STRUCTURE OF THE WORD

Key words: linguocultural and cross-cultural components, complex approach in the instruction of Russian for foreign students.

Abstract: This search is devoted to the analysis of linguocultural and cross-cultural in the word" s structure. It is note the importance of this approach in the instruction of Russian as foreign language.

1. В настоящее время обучение иностранным языкам осуществляется на основе теории межкультурной коммуникации. Эта коммуникация должна специально формироваться, а соответствующие знания и умения должны различаться в зависимости от этапа обучения, от будущей специальности.

Проблему адекватности речевого сообщения в межкультурном пространстве помогают решить лингвострановедение и лингвокультурология. Обе дисциплины преследуют общую цель: диалог с «чужими сознаниями». В докладе используется термин «фоновые компоненты», введенный Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, и термин «лингвокультурный компонент» как часть содержания языкового знака, в котором отражается национально-специфическое восприятие реалий, т.е. элементы культуры языкового сообщества.

2. Структура многозначного слова может содержать как фоновые доли, связанные с внеязыковой реальностью, например, *аптека, дача, баня, коттедж*, так и лингвокультурные компоненты, которые выявляются при анализе семантической структуры нейтральных слов *лицо, рука, нога* и др. Слово *коттедж* относится к заимствованиям из английского, где оно обозначает «*маленький сельский домик*», *«небольшой летний дом на курорте, в деревне (a cottadge*). Однако для носителя русского языка это слово

ассоциируется с двух- или трехэтажными комфортабельными домами за городом, пригодными для круглогодичного использования и возводимыми «новыми русскими». *Баня* – для русского менталитета не просто «*место, где моются*», но еще и отдыхают. Эти лексемы можно отнести к неполноэквивалентным словам.

Анализируя такую универсальную лексику, как *лицо, рука, нога,* можно отметить, что слово *лицо* имеет аналоги во всех европейских языках: *a face, le visage, lo viso*. В русском языке лексема "нагружена" культурными компонентами. Она может обозначать не только часть, но и всего человека в целом как индивида и как члена общества: *В городке появилось новое лицо. Сдается площадь в аренду физическим и юридическим лицам.* В европейских языках используется другая лексема – *a person, le personne*. Отмечается связь «*лица»* и концепта «Душа» (о др. лексемах подробнее в докладе).

3. Для практики преподавания РКИ необходим комплексный подход, сочетающий языковую и культурологическую подготовку. Он предполагает умение выделять культурологическую информацию, используя толковые и двуязычные словари; адекватное восприятие и употребление лексических единиц с фоновыми долями и лингвокультурными компонентами.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура, М.: Индрик,2005.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Академия, 2001.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово. 2008.

Г.И. Михалев
georgy.mihaliov@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета путей сообщения Москва, Россия

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: лексическое значение, семантическая структура, грамматические категории, синтаксическая функция, словарная статья, лексикографическая традиция.

Аннотация: делается предположение о правомерности замены толкований лексического значения относительных прилагательных «прил. к…» и «в знач. сущ.».

G.I. Mihaliov

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF RELATIVE ADJECTIVES IN RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: lexical meaning, semantic structure, grammatical category, syntactic function, dictionary entry, lexicographical tradition.

Abstract: the assumption is made about the legality of replacing the interpretations of the lexical meaning of the relative adjectives "Прил к …" and "В знач. сущ.".

Лексикографическое описание относительных прилагательных – это тот случай, когда развитие грамматики, которая «пронизана лексикой» [3: 9], сегодня уже опережает теорию и практику составления словаря. Непререкаемый

авторитет выдающихся отечественных лексикографов, устоявшиеся традиции составления дефиниций и стремление ученых к отражению наиболее типического с максимальной широтой охвата русской лексики становятся в данном случае сдерживающим фактором, мешающим адекватному отражению толковым словарем окружающей нас действительности.

Достаточная изученность семантической структуры относительных прилагательных с точки зрения деривационных мотивирующих отношений, актуализация периферийных дифференциальных сем в процессе коммуникации, когнитивные исследования семантической природы прилагательного (взаимодействие с именем «справа и слева»), описание Ю.Д. Апресяном моделей регулярной полисемии относительных прилагательных [1: 211] позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что за лексикографическим толкованием «Прил. к …» скрываются и однозначные, и многозначные слова, о лексическом значении которых потребителю словаря приходится только догадываться.

Наиболее продуктивные внутрисловные модели с разной степенью лингвистической абстракции:

– «Являющийся X», «Являющийся частью X», «Сделанный из X», «Построенный из X», «Сделанный из части X», «Сделанный с использованием X» /возможна дальнейшая конкретизация – «Отделанный, облицованный, крытый, обтянутый X»/, «Сшитый из X», «Приготовленный из X», «Состоящий из X», «Производящий X», «Предназначенный для X», «Содержащий X» и т. д.;

– в том числе относительно-качественные и притяжательно-относительные: «Сделанный из X» − «Цвета X». *Грузный человек поднял его за шиворот, приблизил к своему лицу – медному, потному, обдал жарким перегаром… (А.Т.). Плоские крыши избушек были сплошь уложены черными и янтарными кистями, которые вяли на солнце*

(Л.Т.). «Являющийся частью Х» − «Цвета Х». *Скажи мне, князь, не знаешь ты, Кто там в малиновом берете С послом испанским говорит?» (П.). Много виднелось стрелецких кафтанов – красных, зеленых, клюквенных (А.Т.). Некто в гороховой шинели ко мне подошел и из-под моей книжки тихонько потянул листок «Гамбургской газеты» (П.).* «Сделанный из Х» − «Неестественный, безжизненный». *В них жизни нет, все куклы восковые… (П.). …И верно б согласились вы, Что Нина мраморной красою Затмить соседку не могла, Хоть ослепительна была… (П.). Он видел ее мраморную красоту… (Л.Т.).* «Сделанный из Х» − «Твердый, непреклонный». *…Самолюбие в нем было огромное, и характер он имел железный (Т.). Железною волей Петра Преображенная Россия (П.). И дерзко бросить им в глаза железный стих, Облитый горечью и злостью!..(Л.).* «Сшитый из выделанной шкуры …» − *Заячий, овечий, волчий, норковый, беличий, песцовый, лисий, ондатровый, бобровый* и т.д. – *тулуп, доха, шуба, шапка, воротник* и т.д. − *Одели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу (П.).* «Состоящий из…» − *волчья, птичья стая; лошадиный табун; гусиное, коровье стадо; овечья отара; рыбий косяк.* «Приготовленный из мяса …» *…Ада, вся в буклях, в беленьком платьице с голубыми ленточками, кушала баранью котлетку (Т.).* «Издаваемый …» *…Звериный вой в ночи, мороз… (Булг.). …Весной, при кликах лебединых…(П.). …И в то же мгновенье послышалось воробьиное чириканье… (Булг.).* «Оставляемый… на земле или снегу» − *Стой! Сюда пойдем, − перебил его старик, − вчера тут олений след видал (Л.Т.).* «Очень внимательный, зоркий» *…Иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их… (Т.); Она же разглядела меня своим рысьим взглядом еще за сто шагов… (Дост.)* и т. д.

Межсловные модели, условно приравниваемые к способу лексической деривации (появление субстантивата), позволяют снять еще одно внутренне противоречивое толкование «В знач. сущ.». Поскольку в контексте это предметное значение начинает характеризоваться грамматическими категориями и синтаксической функцией другой части речи (имени существительного), постольку и лексикографическое описание слова, появившегося по такой модели развития семантики, должно отражать нарушение «тождества слова», его границ и оформляться в качестве самостоятельной словарной статьи не признаковой, а предметной лексемы. При этом речь не идет о появлении слов-омонимов и сопровождении семантически разнящихся слов цифровыми индексами. Сложно говорить и о распаде полисемии в данном случае, поскольку перед нами уже взаимодействие слов, относящихся к разным частям речи, и помета «В знач. сущ.» свидетельствует о принципиально другом состоянии этого слова в тексте, а стало быть, и в словаре.

Убывающая полисемия – процесс, подтверждающий оскудение лексического запаса сегодняшних пользователей языка и объективная неизбежная потеря некоторых значений семантической структуры многозначных относительных прилагательных, которые, так и не появившись в качестве самостоятельных дефиниций, превращаются в семантические архаизмы. Такова, скажем, история субстантивата *странный* [2: 8].

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Наука, 1974.
2. Михалев Г.И. Субстантивация прилагательных русского языка как предмет лексикографического описания // Current issues of the teory and practice of linguistic cross-cultural lexicography: materials of the III international

scientific conference on December 5-6, 2014. – Prague: Védecko vydavatelské centrum “Sociosfera-CZ”. – ISBN 978-80-87966-77-8/. – С. 5–16.
3. Русская грамматика. М., 1980. – Т. I.

И.К. Мухина
golst@e1.ru
канд. филол. наук, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ СИНОНИМОВ СФЕРЫ «НАЦИИ»

Ключевые слова: идеографический словарь, синонимический ряд, лексико-грамматическое взаимодействие.

Аннотация: Рассмотрена проблема лексико-грамматического взаимодействия доминанты синонимического ряда и лексем – членов ряда в ходе лексикографического описания синонимов русского языка в идеографическом словаре.
Keywords: ideographic dictionary, synonymic row, lexical and grammatical interaction.

Abstract: the problem of lexical and grammatical interaction of a dominant of a synonymic row and lexemes – members of a row is considered during the lexicographic description of synonyms of Russian in the ideographic dictionary.

При включении синонимов в синонимические ряды (далее – СР) денотативно-идеографической сферы «Нации» и в ходе их последующего лексикографического описания встает проблема выбора грамматической формы единственного или множественного числа для доминанты СР. Первоначально в состав СР сферы «Нации» входили лексемы в ед. ч. (***англичанин***, *британец, разг. бритт*), а лексемы во мн. ч. были помещены в состав близкородственных СР. В ходе лексикографической работы в соответствии с общим названием денотативно-идеографической подгруппы «Названия наций, народов» и набором ее базовых идентификаторов (***представители какого-л. народа; жители, граждане, население какой-л. страны; племена*** и др.) доминанты семантических рядов и лексемы – члены СР были описаны в словаре в форме мн. ч. (см., например, СР ***белорусы,*** *разг.-сниж., ирон. бульбаши*).
В окончательном варианте лексемы в СР в идеографическом словаре описывались следующим образом: заголовочным словом отдельных словарных статей в составе СР выступала лексема во мн. ч.; зона грамматической информации обязательно включала в себя лексему в ед. ч. (если таковая имеется) – номинацию представителя данного народа (группы народов, расы и т.п.); в зону примеров включались иллюстрации, содержание, контекстные употребления лексем и в ед. ч., и во мн. ч.; номинации ж. р. помещались в состав близкородственных СР (БСР). См., например, СР с доминантой ительмены: **ительм’ены,** *ед.* ительм’ен. Народ чукотско-камчатской этноязыковой семьи, проживающий на западном побережье Камчатки; люди, относящиеся к этому народу, представители коренного населения Камчатки. **БСР:** ительм’енка, *устар.* камчад’алка; ительм’енский, *устар.* камчад’альский.
Данный принцип описания словарной статьи конкретного члена СР позволил значительно расширить лексический состав денотативно-идеографической группы «Нации», а также ввести в состав словарной статьи дополнительную грамматическую информацию.

А.И. Ольховская
AIOlkhovskaya@pushkin.institute
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

АСИММЕТРИЧНАЯ СИНОНИМИЯ КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН

Ключевые слова: лексическая семантика, асимметричная синонимия, синонимы.

Аннотация: В статье рассматривается специфическое проявление языковой асимметрии в области синонимических отношений. По мнению автора, помимо типичной корреляции «X – синоним Y; Y – синоним X», в языке нередко встречаются случаи односторонней синонимической связи, которая имеет сугубо семантическую и, в частности, метонимическую природу.

A.I. Olkhovskaya, PhD (Philology), Leading Researcher
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian

ASYMMETRIC SYNONYMY AS A LANGUAGE PHENOMENON

Keywords: lexical semantics, asymmetric synonymy, synonyms.

Abstract: This article deals with the specific manifestation of language asymmetry in the synonymic relations field. According to the author there are not only the typical correlations “X – synonym of Y; Y – synonym of X” in the natural language, but also the one-way synonymic link, which

has especially semantic and, in particular, metonymical character.

Синонимия является вещью в некотором роде парадоксальной: будучи с'амо- и общепонятной, она до сих пор не имеет строгого научного определения и, как следствие, ясно очерченных границ. Выдвижение разного рода критериев синонимичности интегрального и дифференциального характера, в действительности, не решает указанной проблемы (см. работы Ю.Д. Апресяна, А.П. Евгеньевой, Д.Н. Шмелёва, Л.А. Новикова, В.А. Звегинцева и др.). Категория синонимии представляет собой диффузное образование, на периферии которого группируются весьма различные по своей природе единицы: гиперонимы и гипонимы (*животное – собака – овчарка*), слова одной ЛСГ (*страна – государство – держава*), формальные варианты слова (*камешек – камушек*, *тв'орог – твор'ог*, *мистичный – мистический*), лексические дублеты (*золото – злато*), сокращения и аббревиатуры (*город – г.*, *Большой академический словарь – БАС*), универбаты (*джинсовая куртка – джинсовка*), усечения (*специалист – спец*), перифразы (*луна – ночное светило*), эвфемизмы (*чёрт – нечистый*), отчасти метонимии (*гитарист – гитара* ‘гитарист’, ср. *В ансамбле две гитары*), конверсивы (*Мы истратили все деньги – У нас вышли все деньги*), анафорические и катафорические употребления слов и некоторые другие.
Изучение работ, посвящённых вопросам синонимии, позволяет сделать вывод о том, что в лингвистических кругах широко распространено представление о симметричности синонимических отношений. Согласно этому представлению, синонимические связи могут быть описаны следующим умозаключением: если X является синонимом Y, то Y является синонимом X. Однако анализ конкретного языкового материала демонстрирует наличие в языке таких слу-

чаев, когда синонимические отношения имеют одностороннюю направленность, то есть являются асимметричными. Впервые внимание на феномен асимметричной синонимии обратили, по-видимому, создатели «Большого универсального словаря русского языка» [2015], в предисловии к которому можно найти следующее высказывание: «В качестве синонимов и антонимов могут приводиться слова, у которых соответствующее значение не отмечается либо потому, что оно «растворено» по ряду выделяемых у него значений, либо потому, что в их семантической структуре оно входит в качестве части в одно из них. Такого рода слова <…> отражают так называемую одностороннюю синонимию и антонимию заголовочной единицы» [БУС: 11].

В упомянутом словарном произведении можно обнаружить некоторые примеры односторонней, или асимметричной, синонимии, напр., слово *мёртвый* ‘лишённый яркости, насыщенности’ (~ *краски, тона, блеск*) имеет в качестве синонима слово *бледный*, однако *бледный* ‘не имеющий достаточной яркости, сочности (о цвете, тоне и т.п.)’ (~ *губы, небо*) не имеет синонима *мёртвый*. Точно так же *медленно* ‘так, что действие осуществляется в течение значительного по продолжительности промежутка времени, постепенно и часто более низкими темпами, чем в норме’ (~ *развиваться, взрослеть, расти*) = *долго*, но *долго* ‘в течение продолжительного времени’ (~ *ждать, болеть, беседовать*) ≠ *медленно*; *отечественный* ‘такой, который имеет местом своего происхождения, производства, функционирования свою страну, а не иностранное государство’ (~ *литература, традиции, товары*) = *наш*, но *наш* ‘такой, который является достоянием группы людей, включающей говорящего’ (~ *дом, родина, институт*) ≠ *отечественный*; *следовать* ‘располагаться непосред-ственно за кем-чем-л.’ (*По популярности первое место занимает X, за ним*

следует Y) = *идти*, но *идти* ‘занимать какое-л. место по отношению к чему-л.’ (*По плану сначала идёт официальная встреча, затем – торжественная часть*) ≠ *следовать*.

Первостепенный интерес вызывают, разумеется, причины подобной дисгармонии. Представляется, что все они имеют сугубо семантическую природу и могут быть распределены по трём группам:

а) «род ↔ вид»: *мир* ‘отдельная часть Вселенной’ (*далёкие, иные ~ы*) и *планета* ‘небесное тело’ (*~ Земля*), *идти* ‘исходить, распространяться, выделяться, доноситься’ (*Из крана идёт вода. С кухни идёт аромат пирога*) и *течь* ‘распространяться спокойно, неторопливо (о звуках, запахах)’ (*Из парка текут запахи цветов*);

б) «причина ↔ следствие»: *смерть* ‘прекращение существования’ (*естественная ~*) и *могила* ‘неизбежная смерть’ (*От ~ы не уйти*), *как следует* ‘так, как нужно, как требуется’ (*Веди себя ~*) и *хорошо* ‘так, что ход и результат событий оцениваются положительно’ (*Платье ~ сидит*);

в) смежные семантические спецификации: единицы имеют нетривиальный общий смысловой компонент, однако специализируются на передаче различных – хотя и смежных – его аспектов, напр., *мощный* ‘такой, который, будучи большим, крепким, отличается избытком жизненной силы, способностью противостоять разрушительным внешним воздействиям’ (~ *дерево, дуб, ствол*) и *могучий* ‘такой, который обладает высокой физической сопротивляемостью к внешним воздействиям’ (~ *организм, здоровье*), *предел* ‘линия, которой заканчивается что-л.’ (*Тайга уходит за горизонт и, кажется, нет ей предела*) и *край* ‘линия, которая ограничивает что-л.’ (~ *стола, неба*).

Каждая из указанных причин имеет, как кажется, метонимический характер, поскольку и родо-видовая, и причинно-следственная, и аспектуальная смысловая смежность описываются в терминах теории метонимических преобразо-

ваний. Это позволяет рассматривать метонимию не только как средство художественной выразительности и один из основных формантов семантической деривации, но и как более масштабный принцип организации языкового пространства. Рассматриваемая асимметрия создаёт существенные трудности комплексному лексикографированию, в рамках которого синонимические отношения раскрываются с помощью перекрёстных ссылок без каких-либо лингвистических комментариев. В связи с этим на первый план выходит вопрос об адекватном отражении асимметричных синонимов в словаре.

Литература:
1. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дисс. … докт. филол. наук в форме научного доклада. М., 1990.
2. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2015.

Л.И. Жуковская
lara_nn@mail.ru
канд-т филол. наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМ *МЕНТАЛИТЕТ* И *МЕНТАЛЬНОСТЬ* В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОГО ОСВОЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО КОНЦЕПТА

Ключевые слова: русский язык, грамматика, менталитет, ментальность.

Аннотация: В работе анализируются морфологические и синтаксические инновации в употреблении слов *менталитет* и *ментальность* в речевой практике современных носителей русского языка. Семантическое расширение этих лексем свидетельствует о языковом освоении выражаемых ими понятий в обыденном языковом сознании.

L.I. Zhukovskaya
Cand. of Philological Sciences, N.I. Lobachevski State University of Nizhni Novgorod, Russia, Nizhni Novgorod

MORPHOLOGICAL AND SYNTAX TRANSFORMATIONS OF THE LEXEMES *MENTALITET* AND *MENTAL'NOST'* (*MENTALITY*) IN THE LIGHT OF LANGUAGE APPROPRIATION OF ALIEN CONCEPT

Keywords: Russian language, grammar, mentalitet, mental'nost' (mentality).

Annotation: The work deals with morphological and syntax innovations in usage of the words *mentalitet* and *mental'nost'* (*mentality*) in usus of modern Russian native speakers. Semantic extensions of the lexemes demonstrates certain language appropriation of respective concepts in ordinary language consciousness.

Активное вхождение лексем *менталитет* и *ментальность* в речевую практику носителей русского языка последних лет отражает тот факт, что они являются значимыми обозначениями важных духовных, культурных, этических ценностей в плане национальной идентичности этноса.
При этом указанные лексемы, будучи иноязычными по происхождению и терминологическими по характеру, сна-

чала были недостаточно освоены национальным языковым сознанием, что, в частности, выражалось в их смешении, в их неуместном употреблении и т.д.

Но сегодня, благодаря языку СМИ, политическому дискурсу, даже рекламному дискурсу, эти лексемы обнаруживают большую популярность. В связи с этим неизбежно изменяются их семантические, морфологические и синтаксические особенности.

В наших предыдущих работах были описаны языковые преобразования слов *менталитет* и *ментальность* как отражение изменения семантического наполнения и смыслового объема концепта, который нами был обозначен как «менталитет / ментальность». Акцент, по понятным причинам, делался на лексико-семантические особенности функционирования данных слов в современной русской речи. Главными из указанных особенностей являются процессы одушевления (персонификации) или овеществления (реификации).

Однако феномен семантического расширения иноязычного по происхождению концепта как отражение его языкового освоения носит, разумеется, синкретичный характер и не ограничивается лишь лексико-семантической сферой. В частности, мы выявили ряд морфологических и синтаксических явлений, которые также можно рассматривать в духе сформулированных выше тенденций овеществления и одушевления.

На морфологическом уровне это выражается, например, в приобретении словом *менталитет* или *ментальность* ненормативного множественного числа, которое как раз и свидетельствует об овеществлении абстрактного и безобразного понятия, о его представлении в конкретно-чувственном образе вещи (предмета) или субстанции (вещества) по моделям концептуальной метафоры, описанным Дж.

Лакоффом и М. Джонсоном в их знаменитой книге «Метафоры, которыми мы живем».

– *Однако я собираю свидетельства о русской ментальности и хотел бы выразить коренные ее особенности в наивозможно полном виде. А сравнения с* ***ментальностями*** *других покажет только, как близки мы друг другу и почему нам не нужно вздориться.* (В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006);

– *Впрочем, это же справедливо относительно наших соотечественников, занимающихся исследованиями* ***менталитетов*** *других народов и наций* (А.А. Григорьева. Русский менталитет: сущность и структура (социально-философский анализ). Томск, 2008).

На синтаксическом уровне это выражается в возможности употребления данных лексем в позиции агенса – активного и целенаправленного производителя действия, которая в норме присуща только одушевленным существам (чаще всего эта позиция соответствует роли субъекта (подлежащего) при контролируемых глаголах, но реже возможна и для объекта состояния (дополнения)).

Примеры субъектной агентивной реализации:

Русский языковой ***менталитет*** *не приемлет положительный образ того, кого на Западе как минимум нейтрально, а чаще – с положительной коннотацией – называют «бизнесмен»* (Т.Б. Радбиль. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012);

В этом плане русский языковой ***менталитет****, конечно, предпочитает волю как ничем не сдерживаемую силу, порыв души* (Т.Б. Радбиль. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012);

Она лучше образована. Ее ***менталитет*** *исключительно гибок, изворотлив, приспособителен* (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988–1998)).

Пример объектной агентивной реализации:

Так что не будем хоронить русский языковой ***менталитет*** (Т.Б. Радбиль. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012).

Представляется, что все проанализированные явления в области морфологии и синтаксиса можно рассматривать как признак успешного освоения сложного и абстрактного научного понятия в современной отечественной речевой практике, его постепенного упрочения в национальной концептосфере в качестве выразителя значимых для российского общества идей и ценностей, даже, если можно так выразиться, определенного «обрусения» этого концепта в современном русском языковом сознании.

Т.П. Соколова
tpsokolova279@gmail.com
к. филол. наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия

НЕЙМИНГОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА В АСПЕКТЕ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: грамматика, урбаноним, нейминг, лингвокреативная номинация, нейминговая экспертиза.

Аннотация: В тезисах обосновывается необходимость разработки методики нейминговой экспертизы, учитывающей грамматический аспект искусственной городской номинации, в частности, необходимость выявления структурно-грамматических признаков современных урбанонимов: квазионимов и других грамматических окказионализмов.

T.P. Sokolova, Cand. of Philological Sciences, associate prof., Kutafin Moscow State Law University, Russia, Moscow

NAMING EXAMINATION IN GRAMMAR ASPECT

Key words: grammar, urbanonym, linguocreative naming, naming examination.

Abstract: The proceedings prove the necessity of developing the methodology of naming examination, taking into account the grammatical aspect of artificial urban naming, in particular, to identify structural and grammatical features of contemporary urbanonyms: quasionyms and other grammatical nonce words.

Нейминговая экспертиза, как новый вид лингвистической экспертизы, приобретает особую актуальность в связи с увеличением количества дел, связанных с защитой прав на личное имя, псевдоним, прав на наименования – средства индивидуализации (интеллектуальную собственность) [4]. Неймы (обозначения, используемые в качестве средств индивидуализации, личные имена, псевдонимы, домены, географические названия, внутригородские названия – урбанонимы) занимают особое место среди речевых продуктов, подчиняются не только общим законам функционирования лексико-грамматических единиц, но и специфическим правилам ономастического пространства языка, его систем и подсистем (антропонимической, топонимической, урбонимической и др.). Специфические характеристики неймов выявляются на разных уровнях языка, в том числе на грамматическом: активное креативное словообразование неймов, особые морфологические свойства названий (в частности, специфика родовой маркировки, специфика проявления категории числа, специфика склонения), синтаксические особенности неоднословных наименований. Методика нейминговой экспертизы ещё не разработана, однако намечены подходы к лингвистическому исследованию отдельных видов неймов, прежде всего товарных

знаков, причем основное внимание сосредоточено на фонетическом и на лексико-семантическом анализе обозначений. Однако изучение активной лингвокреативной деятельности в сфере городской номинации выявляет насущную потребность экспертизы урбанонимов не только в лексико-семантическом, но и грамматическом аспекте.

Анализ собранного массива урбанонимов (названий жилых комплексов, магазинов, кафе, ресторанов, салонов красоты, туристических фирм) свидетельствует о необходимости корректировки и дополнения сформулированных ранее способов словообразования, грамматических типов и моделей внутригородских названий. Структурно-грамматические признаки современных лингвокреативных урбанонимов выходят за рамки традиционно выделяемых «ономастических универсалий»: онимизация апеллятива, трансонимизация имени собственного, онимизация апеллятива с одновременной трансонимизацией имени собственного [2: 24]. «Креативный потенциал русской грамматики» [3] реализуется в современном городском нейминге, что обусловливает необходимость учета в нейминговой экспертизе грамматической составляющей. Сознательно или интуитивно номинатор использует для создания оригинальных городских названий лингвокреативные техники, и задача нейминговой экспертизы выявить механизмы номинативного креатива для решения вопроса об уникальности и охраноспособности словесного обозначения, соответствия нейма нормам современного русского языка с учетом допустимости грамматических инноваций.

Так, продуктивная в современном нейминге квазионимизация – «придание обычному апеллятиву онимической формы» [1: 187] достигается именно с помощью антропонимических и топонимических грамматических формантов: «*Мясн**ов***», «*Ед**офф***», «*Грузовичк**ов***», «*Грузовичк**офф***», «*Окошк**ино***», «*Беко**ново***», «*Коляск**ино***». Регулярной продуктивной трансонимизации (жилой комплекс «*Лозанна*», турагентство «*Жюль Верн*», кафе «*Гаврош*», бар «*Булгаков*», магазин «*Руслан*», дом «*Гарибальди*», салон красоты «*Клеопатра*», стоматологическая клиника «*Да Винчи*») недостаточно для создания уникальных урбанонимов, поэтому для достижения прагматической цели номинатор использует грамматические окказионализмы: туристическая фирма «*Мальдивиана*» (топоним *Мальдивы* оформлен заимствованным формантом ***–ана*** со значением совокупности, который традиционно присоединялся к антропонимам (*Бэкониана, Шериданиада, Бондиана*), оформляя лексико-грамматическое значение «текстового континуума».

Особого внимания в нейминговой экспертизе заслуживают и другие активные формы словообразования: аббревиация (ЖК «*Панфилат*», клуб «*УЯ*»), телескопия (магазин «*уютерра*», кафе «*Пастарианец*»), семантическая деривация на базе паронимической аттракции (магазин «*Мясье*», магазин «*Мёбель*») и др.

Специалист, проводящий нейминговую экспертизу, должен уметь выявлять и анализировать модели искусственной номинации, в том числе в грамматическом аспекте.

Литература

1. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
2. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: (Проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.
3. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: Монография. М., 2005.
4. Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: монография. М., 2016.

А.А. Шумилова
bakalka80@mail.ru
канд. филол. наук, докторант, Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

КВАЗИСИНОНИМИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ключевые слова: квазисинонимы, синонимия, детское языковое сознание.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о квазисинонимии в современной лингвистике и исследуется процесс порождения квазисинонимов в детском языковом сознании.

A.A. Shumilova, Ph.D. Candidate of Philological Sciences, person working for degree of doctor, Kemerovo State University, Russia

KVAZISINONIMIYA IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF YOUNGER SCHOOLBOYS

Keywords: kvazisinonimy, synonyms, children's linguistic consciousness.

Abstract: The article discusses kvazisinonimii in modern linguistics and study the process of generating kvazisinonimov in children's linguistic consciousness.

В отличие от синонимов языка, которые и по сей день плодотворно изучаются в лингвистике (см. обзор работ, например, в [5]), современной научной литературы, посвященной квазисинонимам, практически нет. Однако в связи с

интересом к когнитивной лингвистике и психолингвистике вновь возродился интерес к проблеме синонимии, а, следовательно, и к квазисинонимии в новейшем ракурсе исследования. Проблема изучения квазисинонимов интересует ученых прежде всего не в теоретическом, а в прикладном аспекте, например, в связи с разработкой лингвистических онтологий применительно к представлению значений квазисинонимов в них [3], при составлении словаря синонимов «нового» типа [1].

Стоит отметить, что в современной научной литературе термин «квазисинонимия» активно не используется, его эквивалентами являются «индивидуальная синонимия» [2; 5], применяемая для обозначения близких по смыслу слов, и «контекстуальная синонимия» [4], использующаяся для языковых единиц, лексическое значение которых нейтрализуется в рамках контекста.

В нашей работе важным является психолингвистическое наполнение термина **квазисинонимия**, поэтому под квазисинонимами мы будем понимать языковые единицы языка, которые носители языка **ощущают** как синонимы.

Пока понятие в языковом сознании ребенка носит предметно-обобщенный характер, до 4-х лет, тождество/сходство устанавливается в пределах конкретного образа, далее, в процессе того, как понятие абстрагируется от предмета, когда денотативная основа значения «обрастает» смыслами, расширяется ассоциативное пространство, увеличивается объем знаний, – тождество находит свое выражение в более осознанных лексических формах: производные единицы, однокоренные синонимы, пропозиционально-словообразовательные синонимы, гиперогипонимы, квазисинонимы.

Цель исследования – проанализировать особенности восприятия квазисинонимов младшими школьниками через их толкование. Изучить, как дети осознают синонимичность

языковых единиц, могут ли они отличить синонимы от квазисинонимов. Ведь именно знание разных лексических единиц (синонимов, антонимов, омонимов и др.) обогащает детскую речь, делая ее точной и выразительной.

В проведенных нами экспериментах мы наблюдали переходы от синонима к не-синониму на примере детского языкового сознания младшего школьного возраста. В одном из экспериментов детям давались пары слов из тематической группы «животные», которые находятся в родо-видовых отношениях, и были заданы вопросы: 1) Что обозначает слово?; 2) Обозначают ли эти слова одно и то же?; 3) Можно ли одно слово заменить другим?

Наблюдения показали, что по мере взросления в сознании ребенка устанавливается общность категорий, связанных родо-видовыми отношениями на основании логической категоризации (так называемых «аристотелевских категориях»). Например: дети 7–8 лет считают, что **кошка** и **тигр** – это единицы, которые называют абсолютно разных животных (*да* (0), *нет* (30)), а школьники 9–10 лет уже устанавливают между ними сходство (*да* (22), *нет* (8)). Подобные отношения выстраиваются между словами **крокодил и аллигатор**: первоклассники осознают их как нетождественные (*да* (9), *нет* (21)), а дети более старшего возраста – как тождественные (*да* (27), *нет* (3)). При пояснении значений слов дети давали такие реакции, как: **тигр** – *семейство кошачьих, кошка – хищное животное, млекопитающее*. В процессе усвоения школьной программы в сознание ребенка прочно входят термины, их значения обобщаются и вводятся в обыденную лексику, соединяясь в одно ассоциативно-синонимическое пространство, давая потенциальную возможность как для синонимии, так и для квазисинонимии.

Таким образом, индивидуальное тождество зависит от степени наполнения семантического пространства языковой

единицы в сознании носителя языка. Отсутствие или не полностью сформированное значение в языковом сознании приводит к ложному тождеству, а значит – к квазисинонимии. Мы полагаем, что данный постулат можно использовать в разработке образовательных методик, направленных на расширение ассоциативного пространства, на обогащение словарного запаса и развитие коммуникативных способностей детей.

Перспективы данного исследования видятся в уточнении типов квазисинонимов в русском языке, а также в изучении того, как другие возрастные и социальные группы людей воспринимают квазисинонимы.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556.

Литература

1. Дударева Я.А. Деривационные отношения в ассоциативных полях слов-синонимов (на примере словарных статей из «Словаря обыденных толкований русских слов») // Актуальные проблемы современного словообразования: Сборник научных статей / Под общ. ред. проф. Л.А. Араевой. Кемерово, 2011. Вып. 4.

2. Лебедева С.В. Синонимы или проксонимы? Курск, 2002.

3. Лукашевич Н.В. Квазисинонимы в лингвистических онтологиях. http://offell.at.ua/news/konferencija_dialog_2010_doklad_47/2013-03-06-134

4. Хоменко О.Е. Моделирование синонимической парадигмы с доминантой «страх»: Дис. … канд. фил. наук. Ставрополь, 2002.

5. Шумилова А.А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка): Монография. Кемерово, 2010.

Т.М. Воронина
tmv313@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ВИД ГЛАГОЛОВ РАСПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»), а также при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

Ключевые слова: русский язык, глаголы расположения в пространстве, видовые пары, идеографический словарь

Аннотация: В докладе представлены некоторые выводы, касающиеся лексикографического описания глаголов со значением расположения в пространстве в аспекте соотношения их семантики и видовой парности, в словарных проектах под руководством профессора Л.Г. Бабенко.

T.M. Voronina, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

LEXICAL SEMANTICS AND ASPECTUAL FEATURES OF LOCATION VERBS (LEXICOGRAPHICAL DIMENSION)

Key words: Russian language, location verbs, aspectual pairs, ideographical dictionary.

Abstract: The report presents some conclusions about lexicographical presentation of location verbs and their semantic and aspectual features; on the material of the ideographical dictionaries under the supervision of Prof. L.G. Babenko.

Лексико-грамматические взаимодействия, в частности, в области связи вида глагола и особенностей его лексического значения, вызывают повышенный интерес в лингвистике. С различных позиций решается сформулированный Ю.С. Масловым вопрос о «возможности и важности такого изучения семантики видов, которое выводит конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов из особенностей их лексической семантики» [1: 65]. Значительный вклад в разработку этой проблематики внесли работы Ю.Д. Апресяна, М.Я. Гловинской, Е.В. Падучевой и др. В современных исследованиях подчеркивается мысль о том, что аспект «описывает не столько физическую реальность, сколько способ ее восприятия говорящим» [4: 285], однако признается, что возможности и типы видовых противопоставлений зависят от принадлежности глаголов к тем или иным классам. Например, Е.В. Петрухина пишет: «Способность образовывать парный глагол СВ у глаголов типа *окружать, выходить* зависит от их статических (со значением расположения в пространстве) и динамических (со значением перемещения) ЛСВ: первые являются непарными, вторые парными» [3: 49–50]. Е.В. Падучева относит глаголы расположения в пространстве к категории «постоянных свойств и соотношений» [2: 124] и указывает на трудности в определении их видовой парности.

Подобные трудности требуют принятия соответствующих лексикографических решений, в особенности это касается идеографических словарей, где семантически близкие единицы описываются в рамках одного класса и требуется прояснять сходства и различия между ними. В докладе представлены некоторые выводы, касающиеся лексикографического описания глаголов со значением расположения в пространстве в словарных проектах под руководством профессора Л.Г. Бабенко.

Так, толковые словари обычно указывают видовую пару *располагаться/расположиться* для всех значений. Однако анализ контекстов употребления данных глаголов и учет синонимических связей показывают, что глагол НСВ *располагаться* в значении ‘находиться где-л., занимая конкретное определенное место’ не имеет видового соответствия и характеризуется широкой сочетаемостью, ср. примеры из Национального корпуса русского языка: *Меж холмами располагалась небольшая долина, покрытая нежной, свежей травой* (М. Попов); *В середине подобной комнаты располагается очаг* (Н. Пржевальский); *Я и мой напарник Иван Иванович Варенников располагались под нарами, на нарах возлежали полковник Орлов и его коллега, командир другого полка* (Н. Никулин). Глагол СВ *расположиться* в значении ‘занимать где-л. какое-л. место, пространство, быть расположенным где-л.’, в свою очередь, также не имеет видовой пары и характеризуется более узкой сочетаемостью (о постройке, населенном пункте и т.д., а также о вещах, предметах). При этом, на наш взгляд, здесь семантика непредельности не противоречит СВ глагола: этот глагол, а также его синонимы *разместиться,* устар. *поместиться,* перен. *приютиться,* перен., разг. *приткнуться,* перен., разг. *притулиться* являются метафорически производными от *располагаться/расположиться, помещаться/поместиться,* СВ *приютиться*

и под. в значении ‘занимать/занять какое-л. место в пространстве, помещении (о людях, животных)’, от которых вместе с внутренней формой наследуют идею относительно компактного размещения, при этом некоего удобства, и положительную оценку: *Напротив дома, чрез пруд, боком к барской усадьбе и лицом к Вопле, расположился крестьянский поселок, дворов около двадцати* (М. Салтыков-Щедрин); *Версты на две ниже их* [хат]*, у крутого изгиба реки, приютилась мельница, какая бывает только в сказках* (М. Горький).

Особое место среди глаголов расположения в пространстве занимают противоположные по значению глаголы *подниматься, взбегать,* высок. *вздыматься,* разг. *подыматься* и *спускаться, падать, сбегать, сходить* – ‘располагаться наклонно, повышаясь/понижаясь (об участке земной поверхности), пролегать по земной поверхности снизу вверх/сверху вниз (о дороге, реке и т.п.)’. В этом значении они не имеют видовых пар. Однако возможны и видовые соответствия *подниматься/подняться, взбегать/взбежать* и *спускаться/спуститься, падать/упасть, сбегать/сбежать, сходить/сойти*, если в семантику оказывается включенным не внешний, а внутренний наблюдатель, и глаголы получают значение ‘изменять/изменить направление, пройдя снизу вверх / сверху вниз (о дороге, тропинке и т. п., по которой движется человек и воспринимает это изменение направления)’.

Подобным образом анализируются связи лексического значения и аспектуальных характеристик глаголов *возвышаться, окружать, простираться/простереться* и т.п.

Литература

1. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

2. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М., 2010.
3. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований): Учебное пособие. М., 2009.
4. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Аль Анбаги Шайма Тамер Хасан
ashyma37@yahoo.com
магистрант ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

НЕКОТОРЫЕ РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СРАВНЕНИИ С АРАБСКИМИ

Ключевые слова: фразеологизмы, арабский язык, сравнение, типология, перевод.

Аннотация: В статье раскрываются особенности перевода фразеологических единиц арабского языка на русский язык. Рассматриваются подходы, которые применяются при типологии и сравнении с целью более точного перевода. Исследуется классификация фразеологических единиц.

Al-Anbagi Shaymaa Thamer Hasan

SOME RUSSIAN IDIOMS IN COMPARISON WITH ARAB

Keywords: idioms, Arabic, comparison, typology, translation.

Abstract: The article describes the features of phraseological

units of translation of Arabic to Russian. Approaches that are used in the typology and comparison to more accurately translated. We study the classification of phraseological units.

Как известно, необходимо учитывать структуру родного языка при помощи сопоставления ее со структурой русского языка. Фразеологические единицы являются наиболее труднопереводимыми единицами, поэтому перевод фразеологизмов представляет собой результат тщательного анализа различных компонентов содержательной структуры фразеологической единицы.

При переводе фразеологизма необходимо передать его смысл и отразить его образность, найдя аналогичное выражение в русском языке и не упустив из виду при этом стилистическую функцию фразеологизма [2: 125–149]. При отсутствии в русском языке идентичного образа переводчик вынужден прибегать к поиску «приблизительного соответствия». Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей иностранного языка и соответствующей единицей переводимого языка – от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Мы исследуем проблему перевода фразеологических единиц арабского языка на русский язык и с русского языка на арабский. При таком переводе целесообразно опираться на структурно-типологический и функционально-смысловой подходы при установлении эквивалентности фразеологизмов: 1) полные эквиваленты; 2) частичные эквиваленты; 3) аналоги; 4) безэквивалентные единицы [1: 20]. Это позволило выделить следующие межъязыковые соотношения.

Полные фразеологические эквиваленты – это фразеологические единицы арабского и русского языков, совпадающие семантически, лексически и стилистически. Но при

этом под совпадением структурно-грамматических признаков мы подразумеваем учет специфики типологических признаков, присущих одному языку и не характерных для другого. Полные эквиваленты по своей функционально-стилистической характеристике являются или межстилевыми, или книжными[2: 125–149].

Литературно-разговорные фразеологические единицы достаточно редки. Явление полной эквивалентности для стилистически сниженных фразеологизмов арабского языка не характерно. В качестве примера полных фразеологических эквивалентов арабского и русского языков можно рассмотреть фразеологизмы:

ليست الام التي ولدت لكن الام التي ربت 1. Не та мать, которая родила, а мать, которая вырастила.

كما ولدته أمه 2. Как мать родила.

اطفال أزهار في حقول حياتنا 3. Дети – цветы жизни.

الزوجة الشريرة كالافعى 4. Злая жена – та же змея.

Частичные фразеологические эквиваленты среди фразеологических единиц арабского и русского языков можно подразделить на две группы: 1) фразеологические единицы, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности (грамматическая структура при этом может как совпадать, так и не совпадать), но несколько отличающиеся по лексическому составу. Например, во фразеологизмах арабского и русского языков عض اصابع الندم *кусать палец* и *кусать локти* (от отчаяния), совпадающих по значению, стилистической направленности и близких по образности, различаются только компоненты عض اصابع الندم *кусать палец* (*кончики пальцев) и локти*.

2) фразеологические единицы, совпадающие по значению, образности, стилистической направленности, но отличающиеся числом, в котором стоит существительное.

Так, во фразеологических единицах арабского и русского языков أقتلعه من جذوره «*вырывать с корнями*» и «*вырвать что-либо с корнем*» мы видим, что в арабском примере употреблено множественное число существительного جذور (корни), а в примере из русского языка единственное число существительного *корень* [2: 125–149].

В качестве примеров данного вида фразеологических единиц в арабском и русском языках рассмотрим следующие обороты.

Арабский язык	Русский язык
الاخ الكبير كالوالد. Старший брат,как отец.	Старший брат, как второй отец.
لمال والبنون زينة الحياة الدنيا. Дети – это украшение жизни.	Дети – цветы жизни.
يبكي الاطفال, والام تتألم Дети плачут, а мать страдает.	Дитя плачет, а у матери сердце болит.

Следует отметить, что фразеологизмы являются своеобразными выразителями народной идеологии, которая развивается под влиянием множества факторов. Национально-культурная специфика проявляется в том, что разные языки акцентируют различные аспекты одного и того же явления.

لاتقل لهما اف ولا تنهرهما, وقل لهم قولا كريما. *Не скажи им даже "уф" и не повышай голос на них, но скажи им добрые слова.*	Надо ухаживать за родителями, оказывать им почтение и уважение.
رضى الله في رضى الوالدين *Удовлетворение Аллаха – в удовлетворении родителей. (Хадис Шариф)*	Должно сделать все, что угодно родителям.
أختر زوجتك بعيون شيخ. *Выбирай жену в глазах шейха.*	Надо выбирать жену мудро.

(шейх: это мудрый человек)

يت بلا امراة, جسد بلا روح *Дом без женщины, как тело без души.*

Дом без женщины не стоит ничего.

Система образов, закрепленных во фразеологизмах того или иного языка, неразрывно связана с материальной, социальной и духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях.

Литература
1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д, 1964.
2. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

Н.В. Юдина
dr.yudina@mail.ru
д-р филол. наук, профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владимир, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ: ЗАПАДНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ VS. ДИНАМИКА ВОСТОЧНОГО ВЛИЯНИЯ

Ключевые слова: русский язык, глобализация, ориентализмы, классификации.

Аннотация: Доклад посвящен исследованию функционирования восточных заимствований в русском языке XXI века. На основе комплексного лингвистического анализа более 500 ориентализмов (из турецкого, арабского, японского и китайского языков) делается вывод о повышении роли языков стран азиатского ареала в современной русскоязычной речевой практике.

N.V. Yudina, Dr. of Philological Science, prof., Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladimir branch)

THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 21ST CENTURY: WESTERN GLOBALISATION VS DYNAMICS OF EASTERN INFLUENCE

Key words: Russian language, globalisation, orientalisms, classifications.

Abstract: The research covers the functioning of the Eastern borrowings in the Russian language of the 21st century. The complex linguistic analysis of more than 500 orientalisms (from Turkish, Arabic, Japanese and Chinese) makes it possible to consider the enhancing role of the Oriental countries in the modern discursive Russian speech.

В современных геополитических условиях XXI века социальная обусловленность динамики языковых явлений становится всё более очевидной. Русский язык, как и любой другой мировой язык, является живой иллюстрацией объективных и субъективных процессов, происходящих в мировой цивилизации. Согласно мнению В.М. Алпатова, до 1990-х годов в мире развивались две модели глобализации: западная, с выдвижением на первый план английского языка, и советская, связанная с русским языком, к сожалению,

утратившим позиции первого «глобального языка» в пользу английского языка в XXI веке.

Второе десятилетие XXI века ознаменовало собой небывалую активность «восточного мира», которая, безусловно, пока не позволяет фиксировать появление новой восточной лингвистической глобализации, однако создает серьезную конкурентную среду для активации актуальных восточных заимствований в противовес англоязычным заимствованиям в современные мировые языки. Анализ русскоязычных СМИ последних лет позволяет сделать вывод о том, что восточные заимствования стали неотъемлемым атрибутом дискурсивной речевой практики XXI века.

В настоящем докладе будет представлена попытка анализа более 500 лексем, извлеченных в период с 2004 по 2015 гг. из русскоязычных СМИ и дискурсивной речевой практики и заимствованных в русский язык из турецкого, арабского, японского и китайского языков.

Все выявленные в ходе исследования ориентализмы можно разделить по следующим тематическим группам (группы представлены в порядке частотности их употребления в русском языке):

1) спортивная лексика (*сумо*, *татами*, *ушу*, *айкидо*, *дзюдо*, *кендо*, *джиу-джитсу*, *дохё*);

2) религиозная лексика (*харакири*, *шиизм*, *ваххабизм*, *хадж*, *ураза-байрам*, *джихад*, *рамадан*);

3) обиходно-просторечная лексика (*кайф*, *лафа*, *якшаться*);

4) философская лексика (*дзен*, *дао*, *инь*, *янь*);

5) общественно-политическая лексика (*моджахед*, *камикадзе*, *меджлис*, *сэнсей*, *якудза*, *юань*, *дацзыбао*);

6) кулинарная лексика (*суши*, *сашими*, *васаби*, *ролл*, *саке*);

7) лексика сферы декоративно-прикладного искусства (*оригами*, *укиё-э*, *кабуки*, *икебана*, *бонсай*) и др.

Лингвогеографический аспект анализа собранных ориентализмов обнаружил следующие особенности: наибольшее количество современных заимствований отмечено из японского языка (59% собранных примеров), 19% составляют заимствования из арабского, по 11% приходится на китайский и турецкий языки.

Кроме того, в докладе предполагается рассмотреть лексико-синтаксические и словообразовательные особенности анализируемых единиц, а также специфику их освоения русским языком.

В заключение делается вывод о том, что наряду с англоязычной экспансией в мировом лингвистическом пространстве наблюдается тенденция к повышению роли языков стран азиатского региона, что определяется общественно-политическими, демографическими и социокультурными причинами и реализуется в активном заимствовании ориентализмов в русский язык XXI века.

СЕКЦИЯ 3
РУССКАЯ МОРФОЛОГИЯ

Н.Б. Лебедева
nlebedevab@yandex.ru
д-р филол. наук, профессор Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИСИТУАТИВНОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Ключевые слова: одушевленность, глагольная семантика, полиситуативность.

Аннотация: В докладе рассматривается вопрос о факторах полиситиуативности, обусловливающих ее количественные и качественные характеристики и способствующих увеличению полиситуативности и полисобытийности глагольной семантики.

N.B. Lebedeva, Doctor of Philology, Professor of Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ANIMATENESS AS A FACTOR OF POLY SITUATIONAL OF THE VERB SEMANTICS

Keywords: animateness, verb semantics, poly situational.

Abstract: This report considers the question about factors of poly situational, which cause its quantitative and qualitative characteristics and help to increase the poly situational and poly eventfulness aspects of the verb semantics.

В докладе мы останавливаемся на исследовании вопроса о влиянии одушевленности участника ситуации на основные характеристики процесса и, как следствие этого, на увеличение полиситуативности и полисобытийности глагольной семантики. Полагаем, что к таким факторам относятся активность субъекта, наличие объектов с пациенсной характеристикой, динамизм и результативность процессов, включающих элементы взаимодействия и изменяемости участников, различные компоненты количественности (количество участников ситуации, длительность и интенсивность процесса, степень и качество взаимодействия участников и пр.), сферы, в которых происходят процессы (физический, физиологический, ментальный, социальный) и др. Полиситуативность, будучи универсальной и комплексной категорией, формируется на пересечении субстанциональных и процессуальных характеристик. Семантической базой всех этих факторов является такой атрибут любого субстанционального участника, как **одушевленность.** В силу всего сказанного мы останавливаемся на исследовании вопроса о влиянии одушевленности участника процесса на его результативность, динамизм и другие характеристики глагольной семантики.

Об особом статусе одушевленного субъекта в глубинном представлении языка вопрос поднимался неоднократно. Некоторые ученые, в частности В.З. Санников, утверждают, что грамматическое противопоставление одушевленного неодушевленному наиболее существенно для русского языка. Мы считаем, что одушевленность любого участника ситуации, номинированной глаголом, а в особенности объекта и субъекта, увеличивает динамизм и результативность процесса, что приводит к возрастанию количества событий внутри одной ситуации и в целом – к увеличению полиситуативности. Одушевленные имена способствуют результативности действия в силу двух сво-

их характеристик: 1) стратифицированности, многомерности семантики, а именно – наличия второй, анимальной, стороны значения (первая – физическая сторона), соотнесенной с признаками живого; 2) реальной и потенциальной активности одушевленного участника.

Одушевленный объект позволяет действию, названному мотивированным префиксальным глаголом, достичь результативности, не запланированной в семантике мотивирующего глагола (т.е. достичь нежелательного результата) в силу **двух** особенностей реакции живого предмета на воздействие. Во-первых, живой предмет реагирует на воздействие целостно, поскольку все его стороны втягиваются во взаимодействие, что позволяет говорить о повышенной восприимчивости к внешнему воздействию как о характерном свойстве одушевленного объекта. Во-вторых, живой предмет реагирует на воздействие активно**,** тем или иным образом отвечая на него, подавляя, усиливая или как-то иначе корректируя это воздействие. Что касается первого, то оно проявляется в том, что действие, выраженное мотивирующим глаголом, направлено на одну, например «первую», сторону объекта, а результат может оказаться проявленным на «второй», анимальной (физиологической, психологической и пр.) стороне объекта. Семантическая структура такого глагола имеет внутреннее членение, он полиситуативен и полисобытиен. Например, глагол *купать* мотивирует разные префиксальные глаголы в зависимости от результата на разные стороны одушевленного объекта: *купать ребенка* (направленность воздействия на физическую сторону объекта) – *искупать ребенка* (достижение запланированного результата на этой же, физической, стороне объекта) – *закупать, перекупать ребенка* – неумеренным купанием довести до нежелательного состояния (достижение незапланированного результата на физиологической и психологической стороне объекта, которые

оказались пациенсом действия). Как видим, непосредственно объектную функцию выполняет физическая субстанция предмета, а в пациенсной роли оказываются, кроме нее, и другие его субстанции.

Одушевленный субъект может расщепляться на два функциональных компонента – агенсный и пациенсный, в тех случаях, когда он имплицитно включает в себя пациенсный компонент. Таким образом, одушевленный субъект расширяет зону результативности и полисобытийности: одна его сторона выполняет агенсную функцию (событие 1: агенс действует), другая – пациенсную (событие 2: пациенс изменяется), агенсный компонент направляет свое воздействие на пациенсный компонент (например: *гулять – нагулять простуду*). Их соединяет логическая пропозиция их взаимодействия (агенс воздействует на пациенс). Могут быть разные комбинации при распределении различных слоев семантики на агенсно-пациенсные роли: например, его вторая, анимальная, сторона значения, соотносительная с признаками живого, может выступить пациенсом действия, совершаемого самим субъектом во всей его целостности (весь субъект – агенс), или же анимальная часть субъекта выполняет пациенсную функцию, а физическая – агенсную, и т.д. Так происходит функциональная дивергенция денотативно целостного предмета. Даже глаголы разных непереходных семантических групп (то есть не имеющих объектной и результативной семы) мотивируют префиксальные и конфиксальные глаголы со значением достигнутой результативности. Так, глаголы со значением статических (*стоять, лежать, сидеть*) и бесперспективных динамических процессов (*бегать, ходить, дышать, шуметь, беседовать, учиться*), а также некоторых переходных (*читать*) соединяются с конфиксами, маркирующими компонент достижения незапланированного субъектного результата, т.е. результата, достигнутого

на второй стороне субъекта: *належаться, насидеться, избегаться, надышаться, начитаться* и пр. – достижение незапланированного результата в психологическом (и частично в физиологическом) слое семантики (дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия) *засидеться, досидеться, достояться, добегаться, догуляться, заучиться, дочитаться* и пр. – достижение незапланированного результата в социальном и других слоях семантики, что расценивается как наступление нового события.

Е.Н. Бекасова
bekasova@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета, Россия

СТАТУС АСИСТЕМНЫХ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: русский язык, грамматика, морфонологические чередования.

Аннотация: Современный русский литературный язык характеризуется наличием восточнославянских и южнославянских по происхождению чередований, обусловивших асистемность и неоднозначность их научного описания, что требует определения специфики типов альтернации и их статуса в морфонологической системе.

E.N. Bekasova, Dr. of Philological Sciences, prof., Orenburg State Pedagogical University, Russia, Orenburg

THE STATUS OF THE OUT-SYSTEM OF MORPHONOLOGICAL ALTERNATIONS IN THE MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Keywords: Russian language, grammar, morphonological alternations.

Summary: The modern Russian literary language is characterized by existence of the alternations East Slavic and South Slavic by origin which caused an out-systematic and ambiguity of their scientific description that demands determination of specifics of types of alternation and their status in morphonological system.

Исследование особенностей взаимодействия и эволюции типов чередований с генетически соотносительными рефлексами *tj, *dj дает основание считать, что в системе глагольных образований современного русского литературного языка имеются исконные чередования: /т’– ч/, /д’– ж/ – и южнославянские по происхождению чередования: /т’– щ/, /д’– жд –(ж)/, где нарушение генетической чистоты происходит в позиции 1-го л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени, или – для глаголов с неполной личной парадигмой – /д’– жд/.

Факт позиционной «ущербности» южнославянского по происхождению рефлекса *dj – явление показательное и отмеченное многими исследователями. Однако в качестве современной литературной нормы в 1-м л. ед. ч. Окончательно закрепился /ж/, а две формы на *-жду*: *стражду* и *жажду*, относящиеся к группе «отдельных слов», характеризующихся изолированностью и непродуктивностью образования форм, следует рассматривать как рудименты прежнего сосуществования гетерогенных альтернантов в пределах смешанного типа чередования с рефлексами *dj.

Особо следует отметить, что в современном русском литературном языке 4% корней с исходом на -т’- и 9% на -д’- могут реализовать генетически неоднородные члены чередования, однако их гетерогенность сопровождается целым рядом различий лексического, стилистического, формо- и словообразовательного характера, в целом свойственных словам, реализующим генетически неоднородные типы чередований. При этом генетическое «расслоение» происходит на фоне высокой продуктивности восточнославянских по происхождению типов чередований, благодаря чему исконные альтернанты /ж/ и /ч/ встречаются соответственно в 3,4 и 4,9 раза чаще, чем их южнославянские эквиваленты. Таким образом, в отличие от большинства функционировавших и сохранившихся в русском литературном языке генетически соотносительных явлений, относящихся к родственным (восточнославянскому и старославянскому) языкам, рассмотренные чередования представлены большим количеством лексем, что определяет не только их значимость, но и показывает возможности русского литературного языка осваивать иноязычные включения в соответствии с особенностями исконной системы.

Е.В. Маринова
marinova@list.ru
д-р филол. наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

НЕСКЛОНЯЕМЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПЕРИФЕРИИ

Ключевые слова: несклоняемое имя существительное, иноязычное слово, ядро и периферия класса, варианты слова.

Аннотация: Рассматривается отсутствие словоизменения у иноязычных существительных на согласный в современной русской речи. Выделяются группы субстантивов, относящихся к периферии класса несклоняемых имен. Отмечается такая особенность их функционирования, как варьирование по наличию/отсутствию склонения.

E.V. Marinova, Dr. of Philological Sciences, prof.,
Lobachevsky State University of Nizchni Novgorod, Russia,
Nizchni Novgorod

INDECLINABLE NOUNS IN MODERN RUSSIAN: ACTIVE PROCESSES ON THE PERIPHERY

Keywords: indeclinable noun, loan word, core of class, periphery of class, word variants.

Abstract: Lack of the accidence of loan nouns with the final consonant in modern Russian is considered. The groups of such nouns relating to the periphery of the class of indeclinable nouns are allocated. Such feature of their functioning, as variation on the basis of existence/lack of declension is noted.

В период активности языковых изменений возрастает роль периферии как накопителя новых лексико-семантических и грамматических явлений. В докладе предполагается рассмотреть тот участок периферии современного русского языка, который представлен случаями отсутствия словоизменения у иноязычных существительных (ИС), оканчивающихся согласным звуком. С конца XX в. такие случаи становятся все более частотными, тогда как ранее (примерно

до сер. XX в.) несклоняемые имена существительные с консонантным исходом (не считая имен собственных и некоторых аббревиатур) представляли собой только одушевленные существительные – экзотические наименования лиц женского пола, служащие также обращением к ним (*мадам, мисс, фрейлейн* и др.). К концу XX в. Сформировался еще один ряд экзотизмов, оставшихся в русском языке без словоизменения – субстантивы с исходом на *-с* (*-з*) (испанского или английского происхождения), употребляющиеся только во множественном числе: *гёрлс*, *коммандос*, *маринз*, *мачетерос*, *праймериз*.

На рубеже XX–XXI вв. обе эти группы несклоняемых существительных пополняются новыми заимствованиями, см.: *быть* ***бизнесвумен***, *встретиться с* ***гёрлфренд***, *форма* ***гёрлскаут***, *узнать у* ***хостес*** *меню ресторана.* Актуализируется несклоняемое существительное *вамп* (*взгляд настоящей* ***вамп***). Получает широкое распространение экзотизм *контрас* (*борьба с* ***контрас***). См. тж.: *выступления* ***ультрас,*** *основы* ***паблик-рилейшнз,*** *коробочка с* ***брауниз*** (о шоколадных пирожных) и др.

Наряду с существительными, имеющими хоть и недолгую, но все же традицию несклоняемости в русском языке, в современной речи употребляются без словоизменения и другие ИС на согласный. Как несклоняемые могут использоваться в современной речи некоторые **неодушевленные** существительные женского рода, оканчивающиеся, вопреки языковому «стандарту», твердым согласным, например: *Все для вашей* ***ресепшн***; *Добиться очередной* ***поул-позишн*** и др. Такие употребления являются новыми для современного русского языка. Можно отметить также разряд ИС, которым в языке-источнике соответствуют устойчивые сочетания или сложные слова. Так, у слов *грин-кард* (‘вид на жительство’), *кантри-мьюзик*, *от-кутюр*, *плей-офф*, *ол-инклюзив* отсутствуют парадигмы склонения.

«Нестандартное» грамматическое поведение некоторых ИС поддерживают несколько факторов.

1. Грамматическая полифункциональность: употребление ИС в роли наречия (*быть онлайн*) и аналитического прилагательного (*онлайн аптека*) формирует представление о его «застывшей», неизменяемой форме.

2. Воспроизведение ИС в графике языка-источника. По отношению к иноязычной лексике оригинальная графика при передаче слова на письме – «сильная позиция», позволяющая нередко пренебрегать правилами принимающего языка (*Отправьте сообщение по* ***e-mail***; *Сидеть в* ***Twitter***). Таким образом, письменная форма речи как более авторитетная может задерживать словоизменение. Устная речь какое-то время воспроизводит употребление, установившееся в письменной.

Однако в большинстве случаев ИС, употребляющиеся в русской речи без падежных окончаний, со временем «получают» склоняемый вариант, который постепенно вытесняет несклоняемую форму. Этот процесс может проходить по следующим этапам: I. несклоняемый вариант в написании латиницей (вкрапление): *Заниматься* ***fitness***; II. несклоняемый вариант в написании кириллицей: *Заниматься* ***фитнес***; III. склоняемый вариант: *Заниматься* ***фитнесом***.

Поскольку аналитические тенденции на этом участке языка конкурируют с глубинными механизмами традиционного словоизменения, среди ИС с консонантным исходом нередко наблюдается варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости. См.: *Победить на* ***праймериз*** и *Победить на* ***праймеризе*** (из газ.); *Девушка на* ***ресепшен*** и *Девушка на* ***ресепшне*** (из устн. речи); *Пришёл* с ***гёрлфренд*** (из газ.) и *Прийти* с ***гёрлфрендой*** (из устн. речи); *Индустрия* ***фастфуд*** и *Индустрия* ***фастфуда*** (из газ.); «*Искусство фэн-шуй*» и «*Энциклопедия фэн-шуя*» (названия

книг); *Школа* ***бонсай*** и *Школа* ***бонсая*** и др. Конкуренция вариантов, как правило, заканчивается «победой» склоняемого варианта, что вполне естественно для русского языка. Исходя из этого, можно говорить о том, что отсутствие склонения у слов на согласный характеризует именно этап адаптации существительного, его постепенное включение в достаточно строгую грамматическую парадигматику языка. На наш взгляд, при первой лексикографической фиксации иноязычных неологизмов в случае с существительным на согласный следует рекомендовать «нормальный», естественный для русского языка вариант склонения (*школа бонсая*). И уж тем более такой вариант должен стать если не нормативным, то в первую очередь рекомендуемым в ортологическом словаре. Например, нет никаких оснований отмечать вариант слова *бонсай* с падежным изменением (*сад бонсаев*) как «неправильный», а в качестве нормативного фиксировать только один вариант – несклоняемый, как это отражено в Комментарии к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» (часть 2).

Л.И. Богданова
libogdanova1@mail.ru
д-р филол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ШКАЛА ИМПЕРАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: коммуникация, речевой акт, шкала императивности, просьба, приказ

Аннотация: В докладе русский императив рассматривается в рамках смягченного и жесткого воздействия на адресата

с учетом ономасиологического подхода к выявлению и описанию различных средств выражения побуждения.

L.I. Bogdanova
PhD, Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE SCALE OF THE IMPERATIVENESS IN RUSSIAN LANGUAGE

Key words: communication, speech act, scale of imperativeness, request, order.

Abstract: In the report Russian imperative is viewed within the frames of the softened and hard influence on the recipient considering the onomasiological approach to the revelation and description of the means of the motivation expression.

Успешность и комфортность общения неизбежно связаны с умелым использованием различных способов воздействия на адресата, многие из которых оказываются конфликтогенными, поскольку директивные акты находятся в зоне коммуникативного риска. Исследование побудительных конструкций с целью обобщения средств, гармонизирующих общение, представляется актуальной лингвистической задачей.

В данной работе рассматриваются как прямые побудительные высказывания (*Расскажите, пожалуйста! Замолчать!*), так и косвенные, выражающиеся через вопрос (*Не могли бы вы рассказать об этом?*), через оптативность (*Вам бы рассказать об этом!*), через футуральную индикативность (*А сейчас подумаешь и расскажешь все об этом!*) и др.

Наиболее распространенным способом выражения побуждения в русском языке закономерно считается форма повелительного наклонения, которая, как показывают многочисленные наблюдения, нередко воспринимается представителями иных культур как слишком прямая, невежливая и даже грубая. Однако в русской коммуникации прямые императивные высказывания, с точки зрения вежливости, можно в большинстве случаев считать нейтральными, поскольку императив занимает срединное место на шкале способов обозначения побудительности по степени воздействия на адресата. Именно поэтому частотное употребление русскими коммуникантами императива само по себе не может свидетельствовать ни о «дистанции власти» между участниками коммуникации, ни о грубости адресанта. Беспрекословность выполнения требования говорящий может подчеркнуть с помощью инфинитива (*Стоять! Не стрелять*!); формой простого будущего времени (*Сделаешь это задание еще раз!*); формой прошедшего времени глагола СВ (*А ну, сел за уроки!)* и др.

Русский язык располагает также богатейшим репертуаром средств смягченного воздействия на адресата. Так, при выражении просьбы используются различные типы вопросов (с модальным глаголом, отрицанием, частицей *ли* и др. (*Не найдется ли у Вас свободной минутки для меня? Могу я узнать у Вас об этом? У Вас есть ручка?*), форма сослагательного наклонения (*Не могли бы Вы передать ему об этом?)* и мн. др.

Один из способов «завоевания» адресата в русской коммуникации – обращение к нему на «мы», при этом в ряде случаев участие говорящего в предполагаемом действии полностью исключается по объективным причинам: *Предъявляем проездные документы!* (контролер – пассажирам); *Проходим в середину салона!* (водитель – пассажирам); *Раздеваемся* (врач – пациенту); *Открываем учебники*

и выполняем упражнение (учитель – ученикам) и т.п. Совершенно очевидно, что обращение на «мы» – это еще одно из средств минимизации давления на адресата, отличающееся яркой самобытностью и раскрывающее особенности не только русского речевого этикета, но и психологии, ментальности народа.

В выражении побуждения на русском языке значимым является и вид глагола. Нередко считают, что глаголы СВ в повелительном наклонении используются для обозначения категоричной просьбы, приказа или требования. Думается, что это не совсем так. Категоричность такого рода просьбы-приказа создается не за счет использования императива, а за счет неравных отношений коммуникантов. Разумеется, приказы и требования оформляются с помощью глаголов обоих видов, а вот относительно обозначения просьбы ситуация выглядит несколько по-другому. В частности, если действие локализовано во времени, связано с моментом речи и предполагает единичность действия, то просьба (даже самая мягкая!) будет корректно выражена для большинства глаголов именно с помощью СВ и интонационной конструкции ИК-3 (в терминологии Е.А. Брызгуновой), которая может заменить слово «пожалуйста»: *Открой дверь! Сделай это для меня! Позвони мне! Расскажи мне сказку! Покажи мне свои фотографии!* В ситуациях дружеского общения такие побудительные высказывания, произнесенные с особой интонацией просьбы, даже без индикатора вежливости «пожалуйста» являются не категоричными, а, напротив, мягкими и вежливыми. Если предполагаемое действие ориентировано на интересы говорящего, то императив в форме НСВ не будет соответствовать речевому акту просьбы, а будет выражать значение категорического требования: *Отдавай деньги!* (*Жизнь или кошелек?*) *Открывай! (Полиция!) Звони на работу! Делай!* (*Кому говорят*!) *Рассказывай*! *Показывай фотогра-*

фии! Говори, где он живет! Категоричность требования связана с призывом немедленно приступить к действию.

Представленные здесь наблюдения вовсе не означают, что НСВ всегда закреплен за требованием и во всех ситуациях звучит категорично. Требование в равной степени может оформляться и с помощью СВ, и НСВ. Ср. *Немедленно читай книгу!* и *Обязательно прочитай эту книгу!* Речь идет здесь об учете интересов говорящего и адресата.

Если предполагаемое действие связано с интересами адресата, то использование глагола НСВ будет вполне уместно, например, преподаватель во время экзамена или зачета, желая поставить оценку, обращается к студенту со словами: *Давайте зачетку!* Дать зачетку преподавателю – в интересах самого студента, поэтому со стороны преподавателя это не может быть просьбой. Студент, напротив, обращаясь к преподавателю, не может сказать: **Давайте мою зачетку, пожалуйста!* (Императив *давайте* в данном значении и слово *пожалуйста* даже не вступают в синтагматические отношения друг с другом!).

Речевые коммуникативные акты речи, связанные с пожеланием, приглашением или угощением, ориентированы в основном на интересы адресата (а не говорящего!), поэтому употребление в такой ситуации глаголов НСВ закономерно: *Выздоравливайте! Угощайтесь! Не стесняйтесь! Берите пирожки! Проходите!*

Выбор и сочетание средств воздействия на адресата определяется отношениями между коммуникантами, принадлежностью их к определенному типу культуры, их социальным и возрастным статусом, особенностями ситуации общения и многими другими языковыми и социокультурными факторами.

Н.Е. Петрова
Petrova_ngpu@mail.ru
доктор филол. наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия

ЗОНА ПЕРЕХОДНОСТИ МЕЖДУ ПРИЧАСТИЕМ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: причастие, прилагательное, переходность, суперлатив, деадъективация.

Аннотация: Полевая организация области причастий подтверждается переходными явлениями, которые фиксируются в современной русской речи. К ним относится «суперлатив» причастия, причастия на -ем-/-им- с мо-дальной семантикой, отглагольные прилагательные на -ем-/-им-, реализующие синтагматику страдательного причастия.

N.E. Petrova, Dr. of Philological Sciences, Nizhny Novgorod K. Minin State Pedagogical University, Russia

THE AREA OF TRANSITION BETWEEN PARTICIPLE AND ADJECTIVE IN THE MODERN SPEECH.

Key words: participle, adjective, transitivity, superlative, deadjectivation.

Abstract: Field foundation of the participle area is confirmed by the transient phenomena that are observed in the modern Russian language. These phenomena include "superlative" of a participle, participles with "-ем/-им" with modal semantics as well as verbal adjectives with "-ем-/-им-" that implement the semantics of a passive participle.

Область причастий современного русского языка обладает большой внутренней динамикой, основу которой, с одной стороны, составляет взаимодействие с отглагольными прилагательными, содержащими суффиксы причастий, а с другой стороны – потенциал порождения окказиональных причастий, заключенный в самой системе глагольного формообразования. Есть основания выделить в русском языке поле партиципиальности, ядро которого составляют типичные причастия, а периферию – ряд неузуальных образований типа *найдущий, взволнуемый*, а также отглагольные прилагательные типа *неповторимый* [см.: 1; 2: 25]. В современной речи широко представлена зона переходности между причастием и отглагольным прилагательным, которая доказывает полевую организацию атрибутивных форм глагола. Прежде всего обращает на себя внимание активное использование причастий в конструкции, построенной по модели суперлатива прилагательного: **Самые читаемые** за сутки…(анонс новостей на news.rambler.ru/27503904). В отличие от соответствующих форм прилагательных, «суперлатив» причастий выражает дополнительные к семантике сравнения приращения смысла: «часто совершаемое действие», «интенсивно совершаемое действие»: *Это* ***самый назначаемый*** *препарат от простатита* (реклама на т/к НТВ, 09.04.2015); ***Самый разбираемый*** *возраст* [об усыновлении – Н.П.] – *это ноль – два года* (Т/к ОРТ. ПравДа. 19.03.2015); *С весны этого года юань вошел в десятку* ***самых торгуемых*** *валют* (Т/к Культура. Евроньюс, 01.07.2015); *О значимости когнитивистики красноречиво свидетельствует* ***самая финансируемая*** *наука мира – американская* (Павлов С.Г. Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики: учебное пособие, 2014).

«Суперлатив» причастий особенно востребован в дискурсе СМИ, и абсолютно преобладающей формой в подобных

конструкциях является страдательное причастие настоящего времени, которое позволяет актуализировать предмет и охарактеризовать его с точки зрения социально важного действия. «Суперлатив» действительного причастия настоящего времени встречается лишь спорадически: *Это* ***самый бросающий*** *хоккеист у финнов* (Т/к Спорт, 04.05.2009); *В Великобритании сейчас она из наиболее популярных,* ***наиболее продающихся*** *певиц – Кэти… Она грузинка* (ПравДа. ОРТ, 25.11.2014). Форма «суперлатива» сама по себе является проявлением адъективной природы причастия, однако порождаемые ею смысловые приращения «часто» или «интенсивно» относятся к его процессуальной семантике. Именно поэтому в подобных конструкциях могут употребляться такие причастия, которые имеют при себе маркеры глагольности, например, творительный субъекта или обстоятельство образа действия: *Это* ***самое посещаемое туристами*** *место (т/к «Культура», 10.07.2008); «Война и мир» теперь не просто самый читаемый русский роман, а* ***самый читаемый вслух*** *роман на планете* (Т/к Россия 1. Вести, 13.12.2015).

Второй тип переходной единицы, также частотной в текстах СМИ, представляют собой формы страдательных причастий настоящего времени, содержащие в своей семантике модальный компонент «возможное / невозможное действие»: *Мы ставим перед собой масштабные, абсолютно* ***достигаемые*** *цели* (Т/к 1. Время, 14.10.2014). Морфологическая квалификация подобных образований является дискуссионной. Есть мнение, что девербатив с суффиксами -ем-/-им- сразу образуется как прилагательное даже от глагола несов. вида, если в его семантике есть значение возможности или невозможности результативного действия. На наш взгляд, способность выражать модальную оценку действия принципиально свойственна русскому глаголу и сама по себе не исключает такие образования из

глагольной парадигмы, хотя и создает почву для развития качественности. Указанным причас-тиям семантически и функционально близки отглагольные прилагательные с суффиксами -ем-/-им- (*объяснимый, недосягаемый*). Структурное сходство таких прилагатель-ных с причастиями позволяет говорящим расширить традиционные рамки их использования за счет реализации такой синтагматики, которая свойственна типичным страдательным причастиям: *Мы* ***недосягаемы канадцами, мы недосягаемы никакой другой командой****!* (Т/к Россия 1, 09.02.2014); …[о вкусе Эдиты Пьехи – Н.П.] *благодаря которому ей удавалось сохранять* ***не истребимый*** *советским* ***дефицитом*** *шарм* (Т/к ТВЦ, 13.06.2015). В сочетании с характерными глагольными маркерами (творительным субъекта, обстоятельствами образа действия) прилагательные значительно ослабляют качественную семантику и приобретают явственное залоговое, а иногда и временное значение, что позволяет говорить о явлении речевой деадъективации. «Полевая» модель системы причастий представляется нам вполне обоснованной и адекватной современной речевой реальности. Вероятно, область периферии причастий может быть также расширена за счет девербативов с суффиксами причастий прошедшего времени.

Литература

1. Гловинская М.Я. Язык Интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007.
2. Корнилов В.А. Причастие как проблема грамматики // Грамматическая семантика глагола и имени в языке и речи: Сб. научных трудов. Киев, 1988.

М.В. Сандакова
sandamarina@yandex.ru
д-р филол. наук, профессор Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

НАРЕЧИЯ С ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Ключевые слова: качественное наречие, ограничительное наречие, мотивирующее прилагательное, лексическое значение, синтаксическая функция.

Аннотация: В работе описываются отадъективные ограничительные наречия с суффиксами *-о*, *-е*, *-и* и их отличия от качественных наречий. Особое внимание уделяется наречиям, которые, в зависимости от лексического значения, могут относиться к тому и другому разряду.

M.V. Sandakova
Dr. of Philological Sciences, prof., Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R.E. Alekseev, Russia

ADVERBS WITH THE RESTRICTIVE MEANING: SEMANTIC AND GRAMMATICAL FEATURES

Key words: qualitative adverb, restrictive adverb, adjective motivating, lexical meaning, syntactic function.

Abstract: This paper describes the motivated adjectives restrictive adverbs and how they differ from qualitative adverbs. Particular attention is paid to adverbs, which, depending on the lexical meaning, can belong to one and the other category.

Наречия с суффиксами *-о*, *-е*, *-и* могут принадлежать к двум разрядам: 1) качественных, если они мотивированы качественными прилагательными (*умный – умно*); 2) ограничительных, если они мотивированы относительными прилагательными (*умственный – умственно*) [2; 4].

Значения ограничительных наречий можно выразить в формулировках: ‘в отношении чего-либо’, ‘в аспекте чего-либо’, ‘в сфере чего-либо’, ‘по части чего-либо’, ‘с точки зрения кого-либо / чего-либо’. Они называют определённую «сферу проявления признака, за пределами которой признак не обнаруживается» [2: 71]. Такие наречия могут обозначать: сегмент мира, а также аспект характеристики какого-либо явления (*территориально неделимый, этнически пёстрый*); сферу человеческой деятельности (*коммуникативно значимый, экспериментально подтверждённый*), в частности – научную область (*лексикографически сложный*); аспект характеристики человека (*духовно зрелый, телесно здоровый*).

Ограничительные наречия образуются от прилагательных, мотивированных существительными преимущественно абстрактной семантики. Более редкие производные от конкретных существительных обычно содержат отсылку не столько к самому предмету, сколько к связанной с ним сфере. Например, *сценически* означает ‘с точки зрения сцены, театра, в отношении сцены, театра’ [МАС]: *сценически яркая пьеса.* Ср. индивидуально-авторское образование, не нарушающее этой закономерности: *Ему нравилось и то, что она теперь жила квартирно совсем хорошо…* (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом.) *Квартирно* означает ‘в плане обеспеченности квартирой, жильём’.

Синтаксические функции ограничительных наречий более разнообразны, чем у качественных. Кроме присловного распространения глагола (его форм) и прилагательного,

они выступают в функции детерминантов с выделительно-ограничительным значением: *Энергетически (ресурсно) страна независима.*

Одно и то же наречие может выражать и качественное, и ограничительное значение. Ср.: *Говорить эмоционально. – Эмоционально он отличается от сверстников; Она поёт профессионально. – Профессионально важные качества; Писать интересно и содержательно. – Рассказ содержательно беден; Стихи звучат музыкально. – Музыкально одарённый; … Свёл воедино все маршруты, все пробы. Касситерита нет и не будет, это математически ясно.* (О. Куваев. Территория.) – *Дети математически подготовлены; … Город амфитеатром спускался к морю, живописно утопая в зелени апельсиновых рощ.* (В. Полушин. Николай Гумилёв: Жизнь расстрелянного поэта.) – *… Картина вся подчинена единой идее, и в то же время… каждый её кусок живописно ценен сам по себе…* (Ф. Искандер. Морской скорпион.)

Прилагательные, мотивирующие такие наречия-«двойники», исходно относительные, их качественное значение вторично. Так, для наречия *интеллектуально* ограничительное значение образовано от исходного относительного значения прилагательного *интеллектуальный*: ‘такой, который относится к интеллекту’. Качественное значение мотивировано вторичным качественным значением этого прилагательного: ‘с высокоразвитым интеллектом; мыслящий’ [МАС].

Толковые словари в целом не проводят строгого разграничения этих двух типов значений. Так, в МАС словарные статьи наречий на *-о*, *-е*, *-и* обычно содержат отсылку к соответствующему прилагательному, иногда к отдельному его значению, причём иллюстрации не всегда отражают соотнесённость адвербиального значения с адъективным. Например, *нравственно* толкуется как «наречие

к *нравственный*», без указания, какими именно значениями данного прилагательного (их в словаре четыре) оно мотивировано. Контексты *нравственно и физически опрятная личность; больна нравственно* очевидно иллюстрируют лишь ограничительное употребление наречия.

В.В. Виноградов отметил, что тенденция к образованию наречий на *-о*, *-е* от относительных прилагательных возникла в самом конце XIX века [1: 346]. Такие наречия встречаются, хотя реже, и в текстах более раннего периода. Ср. в «Былом и думах» А.И. Герцена: *Я ... плетусь теперь под гору, сломленный и нравственно «изувеченный»… Он был молод, невысокого роста, но мускульно сильного сложения…*

Русская грамматика 1980 подчёркивает, что «сохранение у наречий, мотивированных относительными прилагательными, относительного значения», характерно только для официальной речи: *печи конструктивно устарели* [3: 398].

В языке последних десятилетий наблюдается активизация образования ограничительных наречий и расширение сферы их бытования. Ср. частотные словосочетания: *биологически активный, генетически модифицированный, коммерчески привлекательный, социально защищённый, экологически чистый.*

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
2. Ермакова О.П. Семантические категории в лексике и грамматике русского языка: учеб. пособие. М., 2015.
3. Лопатин В.В. Словообразование наречий // Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 398–411.
4. Панова Г.И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2014.
5. Словарь русского языка в четырёх томах. 3-е изд. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1985.

Р.Д. Урунова
д-р филол. наук, профессор Ульяновского государственного университета, Ульяновск, Россия

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СИНТАГМАТИКИ МЕСТОИМЕНИЙ

Обычно местоимения рассматриваются как заместители других слов, главным образом именных по своей грамматической природе, что вполне соответствует их названию. Но органическая зависимость семантики местоимений от окружения в потоке речи, делает их синтагматику специфичной, сильно отличающейся от синтагматики даже тех слов, вместо которых они употребляются. Между тем в грамматике, основывающейся на традиционном подходе, этот факт игнорируется и синтагматике местоимений уделяется мало внимания, они в основном рассматриваются как слова, которые замещают полнозначные единицы и в результате им приписываются признаки тех слов, заместителями которых они являются в тексте или в потоке речи.

Сложность местоименной синтагматики обусловлена в первую очередь тем, что при ее описании нельзя ограничиться масштабами такой традиционно рассматриваемой синтаксической конструкции, как предложение. Местоимения связаны со словами, заместителями которых они выступают и с которыми, как правило, находятся в разных частях текста, такой же тесной связью, как и со словами, непосредственно окружающими их в синтаксической конструкции. Поскольку функциональное пространство местоимений охватывает либо ситуацию в целом (если местоимение используется в коммуникативном акте), либо довольно объемные части текста, то правомерно рассматривать их синтагматику вместе с обязательными

для их нормального функционирования единицами в функционально-семантическом блоке. Конструирование текста в определенной степени обеспечивается формированием таких местоименных блоков и самым тесным образом связано с отбором их компонентов. Местоимение в блоке не является главным в смысловом отношении словом, но, выполняя функцию связки, объединяет разные по природе единицы в единую систему и по этой причине выступает как ключевой элемент блока. Кроме местоимения, которое является главным структурным элементом, в блок входят: субститут (слово, которое замещается в тексте местоимением), антецедент (слово, стоящее в препозиции к местоимению и вместе с ним выражающее субститут), антиципент (слово, стоящее в постпозиции к местоимению и вместе с ним выражающее субститут).

Н.А. Федянина
fedyanin.v.n@gmail.com
д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Ключевые слова: классы русских глаголов, морфемный состав словоформ, основа, спряжение.

Аннотация: В русском спряжении различаются два типа глагольных основ: корневые ***(пиш-у***), и суффиксальные, содержащие формообразующий суффикс (***чит-а-ла***). Морфологическая классификация глаголов, строится на различиях в морфемной структуре основ: наличие / отсутствие формообразующего суффикса в словоформе. В русском

языке существует четыре комбинации (или класса) корневых и суффиксальных основ в парадигмах спряжения.

N.A. Fedyanina, Dr. of Philological Sciences, prof., Pushkin, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

CLASSES OF RUSSIAN VERBS

Keywords: classes of Russian verbs, morphemic structure of verbs, stem, conjugation.

Abstract: In Present Russian conjugation there are two morphemic types of verbal stems – containing a single root ***(пиш-у),*** or may consist of suffixes ***(чит-а-ла).*** Morphologic classes of verbs are founded on different morphemic structures of verbal stems. There are 4 combinations of root and suffixal stems (or classes) in verbal paradigm.

В русской лингвистике классификации русского глагола традиционно основаны на двухосновной теории С. Карцевского.

Принципиально другой является одноосновная система Р.О. Якобсона [1: 1948, 155-167], в соответствии с которой основа русского глагола представлена ее чередующимися вариантами в пределах парадигмы. Данная система использована в таких грамматиках русского языка как будапештский «Курс современного русского языка» [1970], в пражской «Русской грамматике» [1970], в грамматике П. Гарда «Grammaire Russe» [1980]. Одноосновная система Р.О. Якобсона широко используется в практике преподавания русского языка в США и многих других странах.

1. Главное противопоставление в структуре форм словоизменения – осно́вного и формального компонентов (по Ф.Ф. Фортунатову). Осно́вный компонент выражает лекси-

ческое значение, формальный компонент – грамматическое значение словоформы. Глагольная словоформа, в отличие от именной, содержит три, (а не два) обязательных морфемных компонента: корень, флексию и формообразующий суффикс. Формальная часть включает не только флексию, но и формообразующий суффикс.

Основы настоящего и прошедшего времени могут быть как сходными, так и различными по своей морфемной структуре. В русском спряжении различаются 2 типа глагольных основ: корневые ***(пиш-у***), без суффикса и суффиксальные, содержащие формообразующий суффикс (***чит-а-ла***).

2. Морфонологическая позиция основы глагола. Морфонологический закон русского языка состоит в несовместимости двух гласных на границе основы и флексии. Все флексии настоящего времени, а также формообразующие суффиксы глагола являются вокалическими. Все субстантивные же основы являются закрытыми, т.е. консонантными. Глагольные основы могут быть как консонантными, так и вокалическими. Позиция перед согласными суффиксов прошедшего времени и инфинитива является сильной морфонологической позицией для вокалической основы. Позиция перед вокалическими флексиями настоящего времени – это слабая позиция для вокалической основы. Здесь происходят преобразования вокалических основ в консонантные:

1. Вставной согласный, или интерфикс, между гласным основы и флексии. Такими интерфиксами в русском языке служат согласные ***-j-, -н-, -в-,*** (***чит-а-j-у, ста-н-у, жи-в-у***). Эти согласные не имеют морфологической значимости. Они не входят ни в состав, флексии, ни в состав суффикса или корня. Так, например, у глагола типа ***читать*** во всех словоформах парадигмы одна основа ***чита-,*** состоящая из корня ***чит-*** и суффикса ***-а,*** после которого в формах настоящего времени морфологически незначимый интерфикс ***-j-***

(чит -а-j- у). С точки зрения морфемной структуры здесь одна основа ***чита-,*** основа ***читаj*** - ее морфонологический вариант.

2. Усечение последнего гласного основы перед гласным флексии, например: в глаголе ***толкнуть*** основа ***толкну-*** в полном виде выступает в формах прошедшего времени. В формах настоящего времени гласный суффикса «усекается» перед гласными личных окончаний (***толк-н-у,*** но в прошедшем ***толк-ну-ла***). В полном виде основа сохраняется в формах прошедшего времени, морфемная структура основы при этом не изменяется: суффикс как таковой в основе сохраняется.

3. Глаголы 1-го и 2-го спряжения настоящего времени различаются своими альтернационными рядами, что обусловлено различием флексий этих двух типов спряжения, т.к. чередования согласных происходят только перед огубленными гласными: (***писать: пиш-у, пиш-ет…; просить: прош-у, прос-ит***…).

Морфологическая классификация глаголов, прежде всего, строится на различиях в морфемной структуре основ: наличие/отсутствие формообразующего суффикса в словоформе. В русском языке существует четыре комбинации корневых и суффиксальных основ настоящего и прошедшего времени в парадигмах спряжения:

суффиксальная / суффиксальная (продуктивные глаголы 1-го спряжения ***читать***);

корневая / суффиксальная (глаголы 2-го спряжения, непродуктивный тип ***писать***);

суффиксальная / корневая (непродуктивные 1-го спряжения типа ***мерзнуть***);

корневая / корневая (непродуктивные 1-го спряжения).

Каждый класс делится на подклассы в зависимости от таких характеристик: формообразующий суффикс, 1-е или 2-е спряжение, продуктивность, суффиксы инфинитива,

чередования согласных и гласных корня, наличие беглых гласных и другие различия.

Литература
1. Jakobson R. Russian conjugation. Word 4, 3/1948.
2. Федянина Н.А. Wiener Slawistischer Almanach 31 (1993).
3. Федянина Н.А. Ударение в современном русском языке. М., 1982.

Чеботникова Т.А.
Chebotnikoff2@yandex.ru
Д-р филол. наук, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

МЕСТОИМЕНИЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: местоимение, прономинальные слова, синтаксическая позиция, практика разговорной речи.

Аннотация: Проблема квалификации местоимений не утрачивает своей актуальности. Изучение использования носителями языка прономинальных слов в практике разговорной речи позволяет установить новые оттенки их значений и дополнительные функции.

T.A. Chebotnikova, Doctor of Philological Sciences,
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

PRONOUN: FUNCTIONAL ASPECT OF DESCRIPTION

Keywords: pronoun, pronominal words, speech practice, syntactical position, function.

Abstract: The problem of pronouns classification does not lose its topicality. The study of native speakers use of pronominal words in speech practice allows to determine new shades of their meaning and additional functions.

Местоимения, или прономинальные слова, не перестают привлекать внимание ученых. Анализ работ показывает, что в толковании местоимений продолжают разрабатываться различные точки зрения – от полного отрицания местоимений как особой части речи до выделения в особую часть речи всех местоименных слов, включая и так называемые местоименные наречия [1; 2; 4].

Наличие неоднородных и подчас диаметрально противоположных точек зрения является, на наш взгляд, свидетельством того, что изучение прономинальных слов еще далеко до завершения. Вследствие этого обращение к местоимениям и осмысление их семантико-функционального своеобразия представляется весьма актуальным.

Наше внимание привлекли особенности функционирования некоторых групп местоимений в речевой практике.

1. Местоимения *нечто* и *что-то* обладают функционально-стилевой маркированностью. Как известно, за книжным, и в первую очередь за официально-деловым и научным стилем закреплено местоимение *нечто*, а за разговорным – *что-то*.

Сегодня в функционально-стилевой специализации и закрепленности этих местоимений наметилась тенденция к разрушению, которая проявляется не только в переходе местоимения *нечто* в разговорный стиль, но и в развитии новых значений, не соотносимых с первичным словарным значением, которое интерпретируется следующим образом: *нечто – то же, что что-то; что-то – некий предмет, некое явление, что-то* [3: 334, 724]. Приведенные толкования свидетельствуют, что вне акта речевой

коммуникации местоимения *нечто* и *что-то* (как, впрочем, и все прономинальные слова) имеют предельно обобщенное значение, поскольку служат «указательными заменителями конкретных обозначений» [5: 63]. В конкретной речевой ситуации, названные местоимения наполняются конкретным содержанием:

Ср., – Ну что? Ты поговорила с ней?

Это нечто! (Это что-то!) (Разговор был неудачным)

Ср., – Ну, как, фильм понравился?

Это нечто! (Это что-то!) (Очень хороший фильм)

Ср., – Видела его сестру?

Это нечто! (Это что-то!) (странная девушка, экстравагантная, ни на кого не похожая).

Неопределенные местоимения *нечто* и *что-то*, выступая в позиции сказуемого двусоставного предложения при подлежащем, выраженном указательным местоимением *это*, приобретают качественно-характеризующее значение и вследствие этого начинают выполнять не свойственную местоимениям характеризующую функцию. В представленных выше примерах местоимения *нечто* и *что-то* не только демонстрируют способность взаимозаменяться, но и вступают в синонимические отношения с местоименными фразеологическим сочетаниями разговорно-просторечного типа: *«что-то с чем-то»,* «что-то нечто» (*Это есть что-то с чем-то. Это есть что-то нечто*), имеющих также очень приблизительную семантику, конкретизация которой осуществляется при помощи адекватной коммуникативной ситуации интонации.

2. Местоимение *такой* в синтаксической позиции сказуемого или определения также становится качественно-характеризующим признаковым квалификатором. Причем в практике живой разговорной речи специфика интонирования говорящим местоимения *такой,* а также текстовое окружение способствуют реализации его семантических

потенций и позволяют четко дифференцировать изначальное обобщенное значение:

Он вообще такой… ну просто прелесть! («такой» = способный, красивый, обаятельный, умный, модный, прелестный и пр.).

Глаза невыразительные и волосы такие… какие-то не такие! («такие» = жидкие тусклые, некрасивые и пр.).

Кто ездит на такой машине, не может быть нищим! («такой» = дорогой, престижной).

3. Вопросительно-относительные местоимения *какой, какая, какое* в речевой практике также приобретают качественно-характеризующее значение. В определенных коммуникативных ситуациях у местоимений *какой, какая, какое* нивелируется присущее им функциональное назначение – выражать прямой или косвенный вопрос, а также служить средством связи предикативных частей сложного предложения, и они начинают выполнять эмоционально-оценочную функцию с максимально разнообразным спектром частных значений:

– *Кака-а-я!* – эмоционально-оценочная реплика восхищения, которой обменялись молодые люди по поводу поразившей их воображение машины, произносится с восходящей интонацией и удлинением ударного гласного. Аналогичная реплика, но произнесенная с нисходящей интонацией, имеет диаметрально противоположное значение:

– *Како-о-й!* – эмоционально-оценочная реплика негодования, возмущения.

Дополнительным средством выражения указанных значений служат междометия: *Ах, какая женщина! Ишь, ты какой!*

Таким образом, местоименный класс слов в речевой практике значительно расширяет свое функциональное назначение, не утрачивая при этом изначально присущих им функций. Получая способность называть признаки пред-

метов или явлений, местоимения начинают выполнять качественно характеризующую и экспрессивную функции.

Литература
1. Алехина М.И. О классификации местоимений // Русский язык в школе. 1982. №1.
2. Зарецкий А.И. О местоимении // Русский язык в школе.1940. №6.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.,1987.
4. Синько Л.А. Местоимение в синтаксической системе: основные функции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №71. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mestoimenie-v-sintaksicheskoy-sisteme-osnovnye-funktsii
5. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М.,1982.

Е.Н. Виноградова
канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: предлог, предложная единица, грамматикализация, категоризация.

Аннотация: В работе обсуждаются проблемы категоризации предлогов как части речи, в качестве одного из объективных критериев, определяющих степень грамматикализации предложной единицы, предлагается использовать понятие типа синтаксемы.

ON PREPOSITIONAL UNITS CATEGORIZATION

Key words: preposition, prepositional unit, grammaticalization, categorization

Abstract: Some problems of prepositional categorization are discussed in the paper. A notion of “syntaxeme type” is suggested as one of objective criteria to define a grammaticalisation degree of prepositional unit.

Пристальное внимание лингвистов в последние десятилетия привлекают «переходные» единицы, имеющие неопределенный категориальный статус, в частности, слова самостоятельных частей речи грамматикализующиеся в служебные, а также вопросы объективной категоризации подобных явлений. Работа над «Материалами к функционально-грамматическому описанию реального употребления русских предлогов и средств предложного типа» показала, что категория предлога в русском языке не является однозначной и по-разному понимается учеными, включающими в разряд предложных неодинаковые по объему списки единиц. В связи с этим актуальность приобретает выявление объективных критериев, позволяющих отнести сочетания, употребляющиеся в функции предлога (типа ***в духе*** *чего,* ***в границах*** *чего,* ***вне пределов*** *чего,* ***в смысле*** *чего,* ***на канве*** *чего,* ***от лица*** *чего,* ***в глаза*** *чего* и подобных), к собственно предлогам. Представляется, что круг выделенных лингвистами критериев может быть расширен за счет включения такого параметра, как тип синтаксемы, формируемой предложной единицей.

Анализ языкового материала показал, что тип синтаксемы, включающей предложную единицу, значительно влияет на возможность и степень ее грамматикализации (опредложенности). Так, свободные синтаксемы легче всего подвергаются грамматикализации, ср.: ***в духе*** *закона,* ***в знак*** *солидарности, (завод)* ***в лице*** *директора,* ***глазами*** *дружбы,* ***по***

случаю *праздника* и т.д. Единицы, формирующие связанные синтаксемы, опредложиваются немного сложнее: *говорить правду* ***в лицо*** *власти, смотреть* ***в глаза*** *опасности, повернуться* ***лицом к*** *деревне* и подобные. Обусловленные же синтаксемы, формируя более крупные предикативные конструкции, не могут грамматикализоваться в предлоги, ср.: ***в глазах*** *кого-чего* + пропозиция: *В глазах закона он преступник*; *(не)* ***к лицу*** *кому что делать: Не к лицу ученым суетиться*.

О.С. Горицкая
goritskaya@gmail.com
кандидат филологических наук, доцент Минского государственного лингвистического университета, Республика Беларусь

КОНКУРЕНЦИЯ ФОРМ СОВМЕСТНОГО ДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: императив, формы совместного действия, грамматические варианты, вариативность.

Аннотация: Статья посвящена формам совместного действия (императиву 1 л. мн. ч.), в фокусе внимания находятся формы глагола *пойти*. Цель работы – выявить и объяснить функциональные различия между вариантами.

O.S. Goritskaya, PhD in Philological Sciences, associate professor, chair of general linguistics, Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus

COMPETITION OF HORTATIVE FORMS

Key words: imperative, hortative, grammatical variants, variation.

Abstract: The subject of this article is hortative constructions (imperative, 1pl), with its main focus being on the verb of motion *пойти* ‘go’. Its objective is to reveal and explain functional differences between variants.

В современной русской речи конкурируют разнообразные средства выражения побуждения к совместному действию. К примеру, носители языка нередко обсуждают, как правильно: *пошли* или *пойдем*, имеет ли право на существование форма *пошлите* и т.д. В данной статье мы продемонстрируем различия между подобными вариантами. Основными источниками материала послужили Национальный корпус русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru) и Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ, int.webcorpora.ru).

Интерес представляет **историческая динамика** форм совместного действия. НКРЯ демонстрирует, что с течением времени значительно уменьшается количество глаголов, от которых образуются синтетические формы на *-мте*. В текстах второй половины XIX в. зафиксированы формы от 149 различных глаголов, а в XXI в. количество глаголов уменьшилось до 11, причем более чем в 95 % контекстов используются 4 словоформы: *пойдемте, идемте, пройдемте* и *поедемте* (данные по основному подкорпусу НКРЯ). В большем по объему ГИКРЯ в XXI в. зафиксированы формы на *-мте* от 160 различных глаголов, при этом большинство единиц (почти 85 %) представлено в единичных контекстах (не больше 5). В целом формы на *-мте*, становясь менее продуктивными, не исчезают из речевой практики: корпуса демонстрируют, что от отдельных высокочастотных русских глаголов (в первую очередь от

пойти) синтетические формы образуются гораздо чаще, чем аналитические (соотношение в ГИКРЯ – 95 % к 5 %).

Кроме того, есть и несколько **гортативных частиц** помимо *давай(те)*, образующей аналитические формы совместного действия. *Айда(те)*, по данным НКРЯ, фиксируется со второй половины XIX в. и продолжает использоваться по настоящее время, хоть и достаточно редко, а в XXI в. в молодежной речи появилась новая частица *го*, восходящая, к английскому *go* ‘иди(те)’ (зафиксировано только в ГИКРЯ). Эта частица возникла в среде геймеров, однако со временем стала употребляться в разнообразных ситуациях как сленговый аналог *пойдем(те)* или *давай*. Кроме того, сама словоформа *пойдем(те)* обнаруживает тенденцию к грамматикализации и приближается по функции к *давай(те)*: в современных текстах распространены конструкции типа *пойдем(те) сходим* и т.п.

Рассмотрим функциональную специфику вариантов. В первую очередь очевидны различия **в сфере использования**. Так, с точки зрения нормативной стилистики *пошлите* и *го* явно находятся за пределами литературного языка, а *пошли* и *айда* имеют разговорную окраску. Приведем данные по использованию этих единиц в неформальной интернет-коммуникации (подкорпус «ВКонтакте» ГИКРЯ): *пошлите в кино* – 456, *пойдемте в кино* – 171, *айда(те) в кино* – 69, *го в кино* – 64, *давайте пойдем в кино* – 7 (данные по конструкциям *пойдем в кино* и *пошли в кино* не упоминаются из-за сложности удаления из выборки омонимичных форм индикатива). Безусловно, в других жанрах коммуникации варианты будут ранжироваться иначе: например, в блогах «Живого Журнала» *пойдемте в кино* превалирует над *пошлите в кино*.

Наблюдаются и достаточно тонкие **прагматические различия**, обусловленные происхождением и системными семантическими связями единиц. В отдельных контекстах заметно, что синтетические формы типа *пойдем(те)*, *пошли(те)* выражают более уверенное приглашение к совместному действию (каузируемое действие в большей степени контролируется говорящим), чем аналитические формы с частицей *давайте*. *Давайте пойдем*, достаточно редкое в русской речи, подходит для неожиданных или неконкретных приглашений и маловероятно в ситуации, когда человек подходит к группе людей, которые его ждут, и собирается отвести их куда-то. Думается, что в современных конструкциях типа *давайте пойдем* сохраняется «память» об исходном разрешительном значении *давайте*, что и делает аналитические формы более мягкими, чем синтетические.

Единицы типа *пойдем(те)* оказываются более уверенными, чем конструкции с *давайте*, еще и потому, что в системе современного русского языка синтетические формы совместного действия близки формам **будущего времени**. На глубинную семантическую связь этих форм обращали внимание исследователи (в частности, Л.А. Бирюлин и В.С. Храковский). Формальным различием форм считается наличие или возможность подлежащего *мы* в индикативе и невозможность подлежащего – в императиве 1-го л. мн. ч. (гортативе). Но в некоторых контекстах наблюдается синкретизм значений будущего времени и побуждения к совместному действию. Приведем несколько примеров: 1) вопросительные конструкции, выражающие «неуверенное» приглашение, типа *Пойдем в кино сегодня?*; 2) контексты, в которых говорящий оформляет приглашение как описание ситуации из будущего: *У меня такое предложение: поужинаем, а потом пойдем в кино.*

Формы **прошедшего** времени, употребленные в императивном значении, воспринимаются как наиболее энергичные и уверенные, и это лучше видно на более редких по сравнению с *пошли(те)* формах: *Поехали! Побежали! Погнали! Начали! Взяли!* При такой транспозиции форм ситу-

ация представляется уже реализованной, соответственно, адресат – на словах – лишается права решать, совершать это действие или нет. Таким образом, исходное значение формы обусловливает прагматическую специфику транспонированного варианта. Однако необходимо отметить, что при употреблении форм прошедшего времени в значении побуждения к совместному действию «властный» прагматический заряд будет слабее, чем в примерах, где подобные формы используются применительно ко второму лицу: *Упал, отжался! Открыли тетради, записали тему урока* или *Рот закрыл!* Такие различия в первую очередь связаны с семантической спецификой форм совместного действия (участием говорящего в каузируемом действии).

А.Ю. Константинова
AJuKonstantinova@pushkin.institute
канд. филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ МОРФОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Ключевые слова: интегративная морфология, типы семантики, типы категорий, части речи, синкретизм.

A.Yu. Konstantinova, candidate of Philology Sciences, Professor of A.S. Pushrin State Russian language Institute, Moscow, Russia

THE MODEL DESCRIPTION OF THE MORPHOLOGY OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE: A VIEW OF TEACHER

Keywords: integrative morphology, types of semantics, types of categories, parts of speech, syncretism.

Abstract: The optimal for the teacher version of the theoretical model of Russian morphology of integrative, non-discrete type is considered.

Теоретик в области морфологии современного русского языка поставлен в ситуацию неизбежного выбора между «чистотой», красотой и стройностью теории и силой ее объяснительности для сложного устройства самого языка, который, как известно, является синтетическим с элементами аналитизма.

Разнообразную природу и объем русского аналитизма нельзя недооценивать. Гармония синтетизма и аналитизма обеспечивает надежность и гибкость выражения грамматического значения системой русского языка.

Будущий преподаватель русского языка должен не только овладеть теорией, но и уметь приспособить ее для нужд различных категорий обучающихся, в том числе в виде практических грамматик. В связи с этим можно сформулировать ряд свойств теоретической морфологии, на которую может ориентироваться преподаватель.

1. Теоретическая морфология должна обладать максимальной объяснительной силой для фактов употребления русского языка. Это тем более важно, если учесть не референтную, а диалогическую природу языка.
2. Она должна быть внутренне непротиворечивой.
3. Она должна учитывать сферы функционирования языка, сбалансированно представляя материал и давая ему нормативную квалификацию. Эту задачу в настоящее время решает корпусная морфология.

Очень большую трудность для построения оптимальной модели морфологического описания языка представляет

собой изолированность взаимодополняющих теорий значения. На сегодняшний день совершенно очевидно, что даже принцип деления частей речи на знаменательные и незнаменательные недостаточен. Взятый в чистом виде, он противоречит практике включения *местоимения* в знаменательные части речи, а *междометия* – и вовсе в систему частей речи. Объяснение природы вида, залога, способов глагольного действия оказывается крайне трудным. Между тем нет никакого лингвистического запрета на соединение в единой парадигме разнородной, но не взаимоисключающей семантики единиц при сохранении собственно морфологической доминанты.

Так, одним из вариантов морфологии русского языка может быть **интегративная, категориальная** морфология. Ее стержнем являются различные по степени абстрактности категории. Они варьируются по степени семантической нагруженности. При этом последовательно выделяются частеречные (общекатегориальные), категориальные и частнокатегориальные значения. Частнокатегориальные значения выводятся в результате типологизации контекстов, но имеют не только речевую сущность. Они возникают на проницаемой границе языкового и речевого, собственно морфологического и синтаксического.

При выделении частей речи, кроме стандартных принципов, учитываются, доминирующие типы семантики слова (в т.ч. прагматической), его функции в высказывании, а также приоритетная форма речи (например, устная для междометия).

Суть интегративной морфологии нам видится в доступных способах преодоления дискретного характера современного морфологического описания при недискретной сущности языкового явления, находящегося на пересечении интересов лексикологии, морфологии, словообразования, синтаксиса, когнитивной семантики и прагматики речи.

В частности, эта основная идея реализуется: а) в трактовке оппозиции; б) в типологии взаимосвязей лексического и грамматического значения слова, важных для реализации морфологических категорий; в) в выделении активной лексики, связанной с реализацией морфологических категорий; г) в выделении семантических разрядов слов полнозначительных частей речи; д) в типологии категорий по их связи с действительностью; е) в увеличении объема описания синкретической природы морфологических единиц; ж) в описании вариантности способов выражения грамматической семантики.

И.Г. Родионова
Inessa96@bk.ru
канд. филол. наук, доцент Пензенского государственного университета, Пенза, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ИМПЕРАТИВА С ЧАСТИЦЕЙ *ДАВАЙ* (*ДАВАЙТЕ*) В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: аналитическая форма, императив, частица, семантика совместного действия.

Аннотация: В статье отмечаются возможности функционирования в аналитической форме императива с частицей *давай* (*давайте*) не только глагола, но и вспомогательного глагольного компонента главного члена, глагольного фразеологизма или глагольно-именного оборота, а также связки *быть*. Анализируются лексические и синтаксические средства, усиливающие семантику совместного действия.

I.G. Rodionova, Cand. of Philological Science, reader, Penza State University, Russia, Penza

FEATURES OF FUNCTIONING OF ANALYTICAL FORMS OF THE IMPERATIVE WITH THE PARTICLE *DAVAJ* (*DAVAJTE*) IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Key words: analytical form, the imperative, the particle, the semantics of joint action.

Abstract: The article points to the possibility of functioning in the analytical form of the imperative with the particle *davaj* (*davajte*) not only the verb and auxiliary verb component of the main member, the verbal phrase or verbal-nominal traffic, as well as ligaments to be. Analyzed the lexical and syntactic means of enhancing the semantics of joint action.

В русской разговорной речи, а также в произведениях художественной литературы активно функционирует аналитическая форма императива, образованная сочетанием частицы *давай* (*давайте*) с инфинитивом несовершенного вида или с формой 1-го лица множественного числа будущего времени. Как отмечал В.В. Виноградов, «для выражения побуждения собеседника к соучастию в действии образуются такие составные формы, в которых легко сочетаются методы аналитического и агглютинативного формообразования. Именно: императивное значение побуждения или приглашения к совместному действию в разговорной речи нередко выражается экспрессивно-модальной частицей *давай* (форма мн. числа – *давайте*)» [1: 468-469].

Частица *давай* образована путём утраты глаголом *давать* в форме императива вещественного компонента значения и глагольных грамматических признаков. В аналитической

императивной форме, помимо полнозначного глагола, может быть употреблён вспомогательный глагольный компонент главного члена: *Ладно,* ***давайте*** *крякать* ***учиться****. Как утки* (Б. Васильев), глагольный фразеологизм или глагольно-именной оборот: ***Давай расставим все точки над и*** *в этом деле* (из разговора), связка *быть*, обозначающая побуждение к совместному обладанию признаком: ***Давайте будем*** *людьми счастливыми, то есть имеющими привязанности, любящими глубоко и серьёзно что-то значительное, умеющими жертвовать собой ради любимого дела и любимых людей* (Д. Лихачёв).

Аналитическая форма императива, представленная сочетанием частицы *давай* (*давайте*) с инфинитивом, выражает побуждение к совместному действию более категорично, чем частица *давай* (*давайте*) с формой 1-го лица множественного числа будущего времени: *Да* ***давай же говорить*** *о деле-то серьёзно, вертушка!* (А. Островский) – *Садись.* ***Давай поговорим****, как друзья, по душам* (В. Быков).

Семантика совместного действия аналитической формы императива с частицей *давай* (*давайте*) усиливается лексическими и синтаксическими средствами, среди которых: обращение, называющее лицо, вместе с которым предполагается совершить совместное действие: *Знаешь что,* ***Катя****! Как Тихон уедет, так* ***давай*** *в саду* ***спать****, в беседке* (А. Островский); находящиеся в одном ряду с аналитической формой другие, синтетические, императивные формы: – ***Приходи же*** *скорее, – сказала она ему, уходя из кабинета, – а то без тебя прочту письма. И* ***давай*** *в четыре руки* ***играть*** (Л. Толстой); наречия *вместе*, *вдвоём* и под.: *Надевайте же коньки, и* ***давайте кататься вместе*** (Л. Толстой); личные местоимения 1-го и 2-го лица, указывающие на говорящего и собеседника, или притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица: – *Что обо* ***мне*** *говорить?* ***Давай говорить о тебе*** (Л. Толстой); ***Давайте проверим****,*

чья удача крепче, ***ваша*** *или* ***моя****?* (Б. Акунин); взаимно-возвратное местоимение *друг друга*: ***Давай жить*** *да* ***друг на друга любоваться*** (А. Островский); инфинитив с взаимно-возвратным залоговым значением: *Ну, бог с тобой! Расстроила только я себя.* ***Давай помиримся*** (А. Островский). В предложениях с данной аналитической формой часто используется наречие *лучше*, показывающее целесообразность предлагаемого совместного действия, с точки зрения говорящего: *Нет, Гриша,* ***давай*** *уж* ***лучше*** *о дедушках и бабушках* ***говорить*** (А. Островский).

Обычно частица *давай* (*давайте*) находится в препозиции по отношению к глаголу: ***Давай забудем*** *этот дикий наш разговор* (В. Быков). Однако не исключена и её постпозиция при необходимости акцентировать внимание на содержании действия: *«****Одеваться****, говорю,* ***давай****, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!»* (А. Островский). Частица *давай* может относиться к нескольким глаголам: ***Давайте****, товарищи бойцы,* ***перекусим*** *маленько да* ***двинем****, пока не засиделись* (Б. Васильев). В ситуации диалога возможен пропуск глагола и использование только частицы *давай* (*давайте*), выражающей согласие собеседника совершить совместное действие: [Градобоев] ***Давай*** *шагами* ***мерять****, ты от дому, а я от забору, так и сойдёмся вместе*. [Курослепов] *Ну,* ***давай****!* (А. Островский). Частица *давай* (*давайте*) без глагола выражает согласие и в том случае, если побуждение к совместному действию оформлено вопросительным предложением: – *Может,* ***давай*** *ложбинкой* ***пройдём****? Тут где-то, помнится, ещё должна быть деревушка. –* ***Давай****, – односложно* ***согласился*** *Сотников и зябко передёрнул плечами* (В. Быков). Пропущенный глагол может восстанавливаться из коммуникативной ситуации: ***Давай-ка*** *ещё по махонькой* (выпьем) (В. Быков). Аналитическая морфологическая форма императива с частицей *давай* (*давайте*) выступает в роли

главного члена односоставного определённо-личного предложения: *Так что, не теряя времени,* ***давайте готовиться*** *к атаке* (В. Быков). Случаи использования данной аналитической формы в двусоставном предложении единичны: ***Давайте мы*** *лучше* ***с вами*** *по-другому* ***поступим****, коли не струсите* (Б. Акунин).

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.

Л.Л. Федорова
lfvoux@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Института лингвистики РГГУ, Москва, Россия

ЗНАЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Ключевые слова: значения субъективной оценки, диминутивные и аугментативные суффиксы существительных, стилистические модификации.

Аннотация: В докладе предполагается рассмотреть значения субъективной оценки в суффиксах существительных, уточнить природу некоторых стилистических модификаций. Субъективно-оценочные значения могут определяться как производные от значений социальных параметров.

L.L. Fedorova, Candidate of Philology, associate Professor of Institute of linguistics RSUH, Moscow, Russia

THE MEANINGS OF DIMINUTIVE AND AUGMENTATIVE SUFFIXES IN RUSSIAN NOUNS

Key words: meanings of subjective assessment, diminutive and augmentative suffixes, stylistic modifications.

Abstract: The report aims to consider the values of subjective assessment in the suffixes of nouns, to clarify the nature of some stylistic modifications. Subjective estimates can be determined as derived from the values of social parameters.

В Русской грамматике под ред. Шведовой (АГ-80) суффиксы с субъективно-оценочными значениями рассматриваются в разделе словообразования существительных. К таким значениям относятся: уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное. В типологических работах обычно говорится о диминутивных и аугментативных значениях. Кроме того, в АГ выделяются стилистические модификации, обычно разговорного или просторечного характера, образующие синонимичные мотивирующим слова с помощью суффиксов. Отношения между этими типами суффиксов и их значениями значениями и способы их определения не вполне ясны. Например, *старик -> старикан -> старикашка*. *Старикашка* характеризуется как разговорный или просторечный синоним к мотивирующему *старикан*, которое также оказывается разговорным или просторечным синонимом к нейтральному *старик*. Получается, что субъективная оценочность в обоих случаях отсутствует. Однако значение уничижительности у *старикашка* явно присутствует.
Другой пример – слово *батюшка*: оно возможно только по отношению к старшему по возрасту или по званию – священнику или царю (*царь-батюшка*). Оно явно предполагает уважительное, иерархическое отношение. По данным АГ, суффикс *-ушк-* обладает лишь ласкательным значением. Представляется, что в данном случае ласкательность не описывает весь круг значений, поскольку комбинации «уважительно-ласкательное» у суффикса не отмечается. По-видимому, значения субъективной оценочности в подобных примерах могут описываться с учетом представлений о социальных отношениях между говорящим и собеседником (Выше-Ниже, Свой-Чужой) и их стилистических преобразованиях в значения: ‘делающий (собеседника) выше’, ‘делающий (собеседника) своим’ и т.д. Подобные отношения охватывают и предметы из сферы собеседника.
В докладе предполагается остановиться подробнее на значениях субъективной оценки, их соотношении со значениями объективной оценки и способах модификации значений.

Т.А. Остахова
ostakhova@unime.it
Исследователь русского языка, Университет г. Мессина, Италия

К ВОПРОСУ О КОЛЛОКАЦИОННЫХ ВИДОВЫХ КОРРЕЛЯТАХ: ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ «РУССКО-ИТАЛЬЯНСКОГО СЛОВАРЯ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ КОЛЛОКАЦИЙ»

Ключевые слова: русский глагольный вид, видовая коррелятивность, глагольно-именные коллокации, видовые тройки, лексикография.

Аннотация: В докладе излагаются основные теоретические принципы, которые легли в основу установления видовых

коррелятов для глагольно-именных коллокаций и высказывается гипотеза о наличии коллокационной видовой пары, образуемой исключительно для отдельно взятой глагольно-именной коллокации.

T.A. Ostakhova, Researcher, University of Messina, Italy

COLLOCATIONAL ASPECTUAL PAIRS: THE EXPERIENCE OF WRITING A RUSSIAN-ITALIAN DICTIONARY OF VERB-NOUN COLLOCATIONS

Keywords: russian verbal aspect, aspectual correlativity, verb-noun collocations, aspectual triplets, lexicography.

Abstract: This paper focuses on the theoretical principles used to identify the aspectual pairs for verb-noun collocations suggesting the hypothesis of collocational aspectual pair specifically in relation to verb-noun collocations.

В докладе поднимается вопрос о коллокационных видовых коррелятах для отдельно взятых глагольно-именных коллокаций. Одна из трудностей при изучении инофонами сочетаемостных свойств русских глагольно-именных коллокаций заключается в определении видовой пары. Согласно Грамматике-80, в свободных словосочетаниях видовая пара представляет собой лексически тождественные глаголы несовершенного и совершенного вида, различающиеся между собой только грамматической семантикой вида, в то время как для многозначных глаголов о видовой паре следует говорить применительно к отдельным значениям глагола [5: 583–584]. По нашим наблюдениям, для многозначных глаголов, употребляющихся в переносном значении в составе несвободных словосочетаний, видовые корреляты определяются не только по отношению к отдельному значению глагола, но и находятся в непосредственной зависимости от сочетаемостных свойств данной глагольно-именной коллокации.

Рассмотрим это на примере видовых коррелятов *сдержать–сдерживать*, указываемых в словарной статье глагола *сдержать* в значении ‘исполнить обещанное’ для коллокаций *сдержать слово* и *сдержать клятву* [2: 1168]. Для первого примера в лексикографических источниках приводятся следующие видовые пары: *сдерживать–сдержать слово* [3: 152]; *держать–сдержать слово* [5: 329]; *держать слово*, *сдержать–сдерживать слово* [2: 252, 1168]. Диагностический тест обязательной имперфективации показал, что обе формы несовершенного вида (*сдерживать, держать*) могут претендовать на роль коррелята к глаголу совершенного вида, что позволяет, в данном случае, говорить и о потенциальной видовой тройке *сдержать–сдерживать / держать* [4: 16]. Анализ примеров из НКРЯ (137 вхождений для глагола *держать* и 11 вхождений для *сдерживать*), дополненный результатами анкетирования информантов-носителей русского языка, свидетельствует о наиболее частотном употреблении в качестве коррелята несовершенного вида глагола *держать*. Вторичный имперфектив *сдерживать* может рассматриваться как потенциальный коррелят. Для коллокации *сдержать клятву* видовыми коррелятами выступают глаголы *сдержать–сдерживать* при более частотном употреблении глагола совершенного вида, с несовершенным видом в НКРЯ и сети Интернет были найдены единичные примеры. Проведенное исследование позволило прийти к заключению, что наличие видовой пары *сдержать–сдерживать* не гарантирует возможность ее реализации в рамках всех возможных глагольно-именных коллокаций для значения ‘исполнить обещанное’. Информация о видовых коррелятах для глагольно-именных коллокаций чрезвы-

чайно важна для формирования языковой компетенции инофонов, у которых, в отличие от носителей языка, не проявляется автоматизм в выборе вида глагола и может не оказаться достаточного лингвистического чутья для проверки возможности замены совершенного вида на несовершенный в условиях обязательной имперфективации с помощью диагностического теста. Источником информации могут послужить лексикографические источники или НКРЯ на продвинутом этапе обучения.

Наиболее полные сведения о видовых коррелятах и сочетаемостных свойствах глаголов с указанием на отсутствие некоторых грамматических форм или ограничения на употребление несовершенного или совершенного вида представлены в *Активном словаре русского языка* [1] в словарных статьях глаголов. Между тем, состав видовой пары следует указывать и в словарной статье имени существительного для каждой глагольно-именной коллокации, так как поиск нужного словосочетания идет от имени существительного, являющегося носителем конкретного лексического значения и базовым словом, от которого зависит выбор того или иного глагола для выражения определенного смысла.

В связи с этим в докладе поднимается вопрос о целесообразности рассмотрения видовых пар глаголов по отношению к различным типологиям словосочетаний, в частности к коллокациям, а также выдвигается гипотеза о наличии коллокационных видовых коррелятов, которые определяются как «глаголы несовершенного и совершенного вида, выступающие коллокаторами к базовому существительному и составляющие с ним глагольно-именную коллокацию, а также выражающие отдельное лексическое значение, реализуемое исключительно для рассматриваемой глагольно-именной коллокации».

Литература

1. Активный словарь русского языка. Т. 1 / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014.
2. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2002.
3. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Русский язык, 1979.
4. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. М., 2010. N° 1.
5. Русская грамматика. Т. 1. М.: Изд. Наука, 1980.
6. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. М.: Русский язык, 1997.

Н.В. Белова
nbelova@inbox.ru
канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ОБ АТРИБУТИВНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Ключевые слова: русский язык, падежная система, атрибутивное значение, конкуренция падежных форм, современная разговорная речь.

Аннотация: В докладе рассматривается расширение сферы атрибутивных значений предложного падежа в современной разговорной речи. Отмечаются условия, в которых имеет место контекстуально обусловленная конкуренция падежных форм.

N.V. Belova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

ON THE PREPOSITIONAL CASE ATTRIBUTE VALUES IN MODERN COLLOQUIAL SPEECH

Key words: Russian language, case system, attribute values, case competition, modern colloquial speech.

Abstract: The report considers the extension of the scope of attribute values prepositional case in the modern colloquial speech. The author highlights the conditions in which takes place contextually relevant competition case forms.

Давая характеристику падежной системе русского языка, академик В.В. Виноградов отметил, что «синтаксическая сфера употребления и семантические границы трех падежей (именительного, винительного и дательного) очерчиваются более или менее ясно», хотя «в предложном употреблении <этих падежей> происходят некоторые грамматические сдвиги, которые… не нарушают единства их синтаксической системы» [2: 147]. Объем значений, выражаемых родительным, творительным и предложным падежами, вызывал у ученого определенную тревогу: в рамках данных морфологических категорий объединены как однородные, так и достаточно разнородные значения. При этом была отмечена тенденция к росту разнообразия выражаемых падежных значений. В данном докладе рассматривается расширение сферы атрибутивного использования предложного падежа в разговорной речи.

В современном русском языке к числу основных значений предложного падежа относят следующие: пространственное (*в лесу; на столе; сад при больнице);* временное

(в июне, в 2016 году; при Петре I); объекта мысли, речи (*гово-рить о поездке*); состояния, положения субъекта (*быть не в духе, город в блокаде*); характеристики/ определительное (*сад в снегу; девушка в светлом платье; куртка на меху*); последнее значение предложного падежа входит в сферу атрибутивных отношений.

В современной речи все чаще фиксируются нетипичные атрибутивные употребления форм предложного падежа с предлогом *в*: *Стенды оформлены* ***в цвете металлик****; Встречайте новую модель автомобиля* ***в кузове «купе»****; Были изготовлены открытки с рукописными поздравлениями* ***в золоте****; Части скульптуры были отлиты* ***в пластике****; Бассейн* ***в кафеле*** *цвета неба.* Подобные словоупотребления нередки для рекламных текстов и журнальных публикаций, но основной сферой, на наш взгляд, является все же живая профессиональная речь.

Очевидно, что отмеченные словоупотребления возникли как вариант функционирования словоформ прежде всего родительного падежа в значении квалитатива/характеристики (*В этом разделе мы собрали автоаксессуары* ***в красном цвет****е / = красного цвета; Фасады кухни могут быть выполнены* ***в разных размерах*** */ = разного размера)* и в значении фабрикатива (*Подстолье выполнено* ***в дереве*** */ = из дерева)*, а также творительного падежа в значении квалитатива (*Новый Mini в пятидверном кузове / = с пятидверным кузовом*) по Г.А. Золотовой [3].

Нельзя сказать, что атрибутивное употребление словоформ предложного падежа в подобных значениях не фиксировалось в книжной речи, ср.: *Настоящий серый конь* ***в яблоках****! (Г. Шергова); В Израиле памятников не ставят вообще. Ни поэтам, ни писателям… Ни* ***в бронзе****, ни в* ***граните****, ни* ***в мраморе****… (М. Козаков)* Однако подобные употребления формы предложного падежа обусловлены семантикой имен, входящих в состав словосочетания, они воз-

можны при наличии имен типа *цвет, материал (золото, пластик, стекло, кожа* и под.), *размер, кузов* и нек. др. Интересно также провести иную параллель: Н.В. Уфимцева отмечает, что у детей младшего возраста, а также лиц с нарушениями речи предложный падеж чаще всего (после именительного падежа) выступает в качестве замены других [4: 31]. Возможно, такая устойчивость падежной формы в речи также лежит в основе расширения спектра выражаемых предложным падежом значений.

Можно констатировать конкуренцию атрибутивного употребления родительного падежа с предложным в современной разговорной речи (*автомобиль синего цвета / в синем цвете* и фабрикатива – *рама в пластике/из пластика*). В основе расширения сфер атрибутивного употребления предложного падежа с предлогом *в*, на наш взгляд, лежит не просто единичное нарушение норм словоупотребления в живой речи, а расширение возможностей характеристики объекта с помощью неизменяемых имен, наименований, не имеющих пока однословного аналога в русском языке (*текстиль* ***в цвете марсала****; Клиенту предлагается пакет Leather II* ***в цвете Bianco Polar***), а также описательных субстантивных оборотов (*Peugeot 408 предлагается в* ***цвете «белый перламутр»***).

Атрибутивные отношения с формами имени в роли определителей, как отмечает Н.С. Валгина, являются результатом «очень сложных языковых изменений и преобразований»; подобные словосочетания «возникли из более сложных синтаксических объединений» [1: 38]. Ср.: ***Гостиная в белом цвете*** *(≠ белого цвета) выглядит очень ярко и красиво.* Подобные конструкции являются результатом не просто эллипсиса (*Гостиная,* ***выполненная/оформленная*** *в белом цвете)*, но и следствием смысловой компрессии более развернутой ситуации (= *Гостиная, оформленная с использованием предметов белого цвета).*

Литература

1. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. М., 2003.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М., 2001.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд., испр. М., 2001.
4. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., 2011.

А.Н. Бертякова
ANBertyakova@pushkin.institute
канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семантическая структура, предлог, категориальное значение, грамматическое значение, лексическое значение, функциональное значение.

Аннотация: Основная задача доклада – выявление особенностей общей семантической структуры предлога. Исследование проводится, с одной стороны, в сопоставлении предлога с единицами других языковых уровней (флексией и знаменательным словом), с другой – с учетом парадигматики и синтагматики самого предлога.

A.N. Bertyakova, PhD in philology, Associate Professor of the Russian and General linguistic, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

ON THE SEMANTIC STRUCTURE OF PREPOSITION IN RUSSIAN LANGUAGE

Key words: semantic structure, preposition, categorical meaning, grammatical meaning, lexical meaning, functional meaning

Abstract: The main objective of the paper is to identify common features of the preposition semantic structure.The research is conducted, on the one hand, in comparison with the preposition of other units of language levels (flexion and significant word), on the other hand, in view of the paradigmatic and syntagmatic preposition.

Рассуждения об общей семантике предлога представляется целесообразным проводить в сопоставлении с единицами других языковых уровней: более низкого (флексия) и более высокого (знаменательное слово).

Предлог, в отличие от флексии, выражает отдельный сегмент мысли, в то время как морфема самостоятельного сегмента мысли не выражает и реализует свое значение только в составе знаменательного слова. Ср., например, *Я спел для друга* и *Я спел другу*. Значение ‘предназначенность’ с помощью предлога *для* формально реализуется в отдельном сегменте мысли. Напротив, это же значение флексии *-у* соответствует части общей семантики знаменательного слова.

С другой стороны, в отличие от полнознаменательного слова, предлог – это такая раздельнооформленная единица, формальная автономность которой не поддерживается на функционально-семантическом уровне (предлоги не занимают самостоятельных синтаксических позиций, присоединяя свое содержание к содержанию знаменательных слов). Даже в фонетическом плане предлог выступает как

проклитик по отношению к знаменательному слову, образуя с последним единое фонетическое слово.

Лексическое значение знаменательного слова обладает способностью называть те или иные факты действительности (предметы, действия, признаки и т.д.). Категориальное значение (для классических частей речи) является способом осознания лексического значения (части речи *белый, белизна, белеть* различаются на категориальном уровне способом осознания одной и той же идеи белого цвета). Грамматические значения – частные значения грамматических категорий, реализующихся в слове, выявляющие категориальное значение.

В общем это же верно и в отношении предлога. Благодаря своим частным значениям предлоги выражают соответствующие семантические отношения между языковыми единицами, обозначающими факты действительности. Категориальное значение предлога является способом осознания частного значения как структурно несамостоятельного. Так, в синтагмах *отмена рейса* ***вызвана*** *плохой погодой* и *рейс отменили* ***из-за*** *плохой погоды* знаменательное слово *вызвана* и предлог *из-за* выражают одну и ту же идею обусловленности одного факта другим, но причастие выражает эту идею как структурно самостоятельную (в форме понятия), а предлог присоединяет ее к содержанию субстантивного слова.

Таким образом, если предлог рассматривать в составе парадигмы предлогов данного языка, то можно выделить общее (категориальное) значение, которое представляет собой способ осознания идеи отношения содержания стержневого компонента к содержанию зависимого субстантивного компонента как такой идеи, которая присоединяется к содержанию зависимого компонента. Внутри парадигмы предлоги противопоставляются дифференцирующими значениями. Поскольку ряд предлогов – это парадигма не

собственно грамматическая (парадигма форм одной и той же лексемы), а это парадигма разных слов, то и дифференцирующее значение, которым данные слова противопоставляются, можно назвать лексическим значением.

С другой стороны, предлоги являются элементами, необходимыми на функционально-коммуникативном уровне для построения высказывания. Они помогают субстантивным словам занимать синтаксические позиции, привнося в значение члена предложения свою семантическую долю. В синтагме *спел* ***для*** *друга* предлог *для* входит в состав дополнения со значением адресованности объекту. Поэтому в синтагматике собственные значения предлогов (категориальное и лексическое) выступают как функциональные по отношению к содержаниям субстантивных слов, к которым присоединяются предлоги.

Под функциональным значением понимается идеальное (логическое) содержание, которое выражают группы слов, обслуживающих грамматический механизм языка. По отношению к предлогам это значение, по существу, является грамматическим (подобно значению падежа) соответствующей знаменательной единицы. Функциональная семантика, характерная для служебных слов, позволяет единицам лексики функционировать в высказываниях.

Предлоги являются неизменяемыми словами, не имеют грамматических категорий. Но отсутствие формальной парадигмы не означает отсутствия грамматической оформленности слова, которая «определяется не только его грамматическим изменением… или его неизменяемостью (противопоставленной изменению других слов в грамматическом плане), но и его грамматической сочетаемостью с другими словами, со словами определенных классов и разрядов» [Смирницкий 1955: 19]. При таком понимании, сама способность предлогов сочетаться со знаменательными словами по определенным грамматическим моделям

является показателем их грамматической оформленности. Предлоги входят в состав членов предложения, являясь аналитическими показателями смысловых отношений субстантивного слова к другим словам в предложении. Иными словами, предлоги оформляют грамматически те члены предложения, в состав которых они входят.

Таким образом, особая функциональная природа предлогов предопределяет особенности структуры их общей семантики (соотношение категориального (парадигматического) и функционального (синтагматического) значений).

В.И. Гаврилова
v_gavrilova@akado.ru
канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации РАН, Москва, Россия

ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ СОВЕРШЕННОГО ВИДА КАК ЧЛЕНЫ ПАРАДИГМЫ СПРЯЖЕНИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА В СТРАДАТЕЛЬНОМ ЗАЛОГЕ

Ключевые слова: страдательный (пассивный) залог, декаузативные конструкции, энергетическое обеспечение процессов.

Аннотация: В докладе демонстрируется, что возможность страдательной интерпретации предикативных форм возвратных глаголов СВ зависит от их принадлежности к глаголам типа *разрушиться*, типа *построиться* или типа *проветриться*.

V.I. Gavrilova, Candidate of Philology, Senior Researcher, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

REFLEXIVE PERFECTIVE VERBS AS FORMS OF PASSIVE CONJUNCTION

Keywords: passive voice, decausative construction, process energy supply.

Abstract: The report demonstrates that interpretation of Russian reflexive perfective verbs as passive forms depends upon their belonging to one of the three following lexical groups: verbs of the *build* type, verbs of the *boil* type and verbs of the *destroy* type.

Настоящее исследование развивает идеи, заложенные в более ранней работе автора [1: 231–249], и посвящено выявлению взаимосвязи понятий «страдательная конструкция» и «декаузативная конструкция» на материале русских парных переходных и возвратных глаголов трех лексических типов:

- типа *разрушить, -ся,*
- типа *построить, -ся,*
- типа *проветриться, -ся.*

Глаголы этих трех типов отличаются друг от друга способом энергетического обеспечения, описываемых ими процессов. Эти отличия отражены в классификационных делениях ниже следующей таблицы.

Возможность осуществления процесса без какого-либо энергетического участия человека	**Обязательность энергетического участия человека в роли агенса-производителя осуществляемого процесса**	**Обязательность энергетического участия человека в роли агенса-инициатора осуществляемого процесса**
(1) Дом *разрушают*. (2) Дом *разрушили*. (3) Дом *разрушается*. (4) Дом *разрушился* (5) Дом *был разрушен.*	(6) Дом *строят.* (7) Дом *построили.* (8) Дом *строится.* (9) Дом *построился.* (10) Дом *был построен.*	(11) Комнату *проветривает*. (12) Комнату *проветрили*. (13) Комната *проветривается.* (14) Комната *проветрилась.* (15) Комната *была проветрена.*

Семантические различия между возвратной пациентивной конструкцией (9) и причастной пациентивной конструкцией (10) едва уловимы и с трудом поддаются объяснению, поскольку в двух этих конструкциях под разным углом зрения описывается одна и та же онтологическая ситуация.

В то же время разница между значениями конструкций (4) и (5) является очевидной и существенной – в данном случае возвратная и причастная конструкции $N^{им}V\text{-}ся^{св}$ и $N^{им}CopPart\text{-}н/\text{-}т(V^{св})$ описывают две разные онтологические ситуации. А именно, изменения состояния дома в случае ситуации, описываемой возвратной конструкцией (4), осуществляются вне целенаправленного воздействия извне со стороны человека, а в случае ситуации, описываемой причастной конструкцией (5), являются следствием целенаправленного воздействия с таким же результатом, как и в случае (4). Процессы, составляющие содержание каждой из

этих онтологических ситуаций, хотя и приводят **к одному и тому же результирующему состоянию** неодушевленного подлежащего, однако различаются с точки зрения своего **энергетического обеспечения**.

Итак, в перспективе СВ эти разные онтологические ситуации описываются с помощью пациентивных конструкций двух разных типов – возвратного в (4) и причастного в (5). В то время как в перспективе НСВ для описания обеих ситуаций используется одна конструкция (4) с возвратным глаголом-сказуемым НСВ. Таким образом, различия в способе энергетического обеспечения процесса преобразования пациенса ситуации становятся релевантными только в перспективе СВ, т.е. на результативной стадии процесса, и являются нерелевантными в перспективе НСВ, т.е. на стадии развития процесса.

О **частичном тождестве онтологических ситуаций** мы будем говорить в случае наличия таких двух онтологические ситуаций, одна из которых целиком и полностью вкладывается в другую. Данный феномен возникает в случае конструкций (14) и (15), построенных в соответствие с формулами $N^{им}V\text{-}ся^{св}$ и $N^{им}CopPart\text{-}н/\text{-}т(V^{св})$ и включающих глаголы типа *проветрить, -ся*, которые описывают процесс, состоящий из двух этапов. При этом на первом этапе человек создает условия, необходимые и достаточные для инициации и осуществления того процесса, который неотвратимо и самопроизвольно развивается на втором этапе. Так, например, на первом этапе человек открывает форточку, а на втором этапе благодаря открытию форточки комната проветривается. Ситуация, описываемая в конструкции (15), охватывает как первый, так и второй этап развития процесса, а ситуация, описываемая в конструкции (14), отражает только второй этап, оставляя за кадром рассмотрение процесса открывания форточки, сделавшего проветривание комнаты возможным.

В «Русской грамматике» [2: 617] говорится, что использование предикативных форм возвратных глаголов СВ является редким отступлением от нормы, гласящей, что морфологическим средством, формирующим парадигму спряжения русского глагола СВ в страдательном залоге, являются предикативные формы причастий на *-н/-т* от переходных глаголов СВ. Лишь предикативные формы возвратных глаголов СВ типа *построиться* наряду с формами причастий на *-н/-т* от парных переходных глаголов могут претендовать на реализацию страдательного значения, поскольку тождество онтологических ситуаций, описываемых с конструкций $N^{им}V\text{-}ся^{св}$ и $N^{им}CopPart\text{-}н/\text{-}т(V^{св})$, имеет место только в случае глаголов этого типа.

Литература

1. Гаврилова В.И. К вопросу об объеме понятия «декаузативный глагол». Возвратные глаголы-сказуемые страдательного залога в русском языке // Die Weltder Slaven. Band 56. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. 2014. München; Berlin;Washington, 2014.
2. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

О.И. Глазунова
o.glazunova@spbu.ru
канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

ПРИНЦИПЫ СОЧЕТАЕМОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ И ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ВАЛЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ

Ключевые слова: естественнонаучный подход к анализу языковых явлений, валентность субстантивных и глагольных лексем, семантика, синтаксис.

Аннотация: Процесс построения словосочетаний и предложений можно соотнести с молекулярно-кинетической теорией строения вещества и способностью заряженных частиц к образованию химических связей. В составе предложения существительные обладают положительной валентностью, глагол и признаковые слова, не существующие без связи с их носителями, – отрицательной. В химии положительная валентность совпадает с номером группы и не превышает 9, а максимальная отрицательная валентность атома равна 4. Максимальное количество зависимых слов, которое удалось обнаружить в художественных текстах при существительном в позиции главного слова, – 9, при сказуемом – 4.

O.I. Glazunova, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Philological Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PRINCIPLES OF COMPATIBILITY OF SUBSTANTIVE AND VERBAL FORMS FROM THE POINT OF VIEW OF VALENCE BOND THEORY

Keywords: scientific approach to the analysis of linguistic phenomena, valence of substantive and verbal forms, semantics, syntax

Abstract: The process of constructing phrases and sentences can be correlated with the kinetic molecular theory and the ability of charged particles to form chemical bonds. Nouns have *positive valence* in a sentence; the verbs and definitive words, which do not exist without their media, have *negative valence*. The positive valence of a large number of chemical elements coincides with their group number and does not exceed 9. The maximum negative valence of an atom is equal to 4. The maximum number of dependent words, which were detected in the literary texts with a noun in the position of the main words, – 9, with a verb in the predicate position – 4.

Как материальный объект язык подчиняется законам развития внешнего мира, как продукт сознания он выступает в качестве средства его систематизации и оценки. Чтобы найти механизмы, определяющие принципы функционирования языка, необходимо выявить все типы сочетаемости лексем и описать алгоритмы, в соответствии с которыми они употребляются в определенном контексте. Но если взглянуть на проблему с точки зрения естественнонаучной парадигмы познания, возникнет вопрос, каким образом в зависимости от соотношения субстантивных и предикативных составляющих в значении слова можно рассчитывать силу его потенциального взаимодействия с другими лексемами.

Объекты реальной действительности существуют в сознании говорящих прежде всего как носители комплекса признаковых значений, через которые они обретают индивидуальность: форму, размер, цвет, запах, структуру и т.д. Построение словосочетаний и предложений во многом напоминает процесс формирования химических связей: главные лексемы «притягивают» к себе подходящие по смыслу зависимые слова, образуя словосочетания и предложения.

Анализируя, какое количество зависимых слов допускается при одном и том же субъекте в художественных текстах, мы пришли к выводу, что максимальное число зависимых слов, которое удалось обнаружить при существительном в позиции главного слова, равнялось 9. Безусловно, количество характеристик, которые могут быть задействованы при описании, значительно выше. Однако на практике автор художественного произведения обычно ограничивается 8–9 признаками; и здесь просматривается прямая параллель с закономерностями, которые существуют в химии.

Язык в своей основе даже на уровне отдельной лексемы содержит как семантические, так и синтаксические характеристики. Если существительные в большей степени «отвечают» за семантику фразы, то глаголы – за форму ее структурного воплощения. Существительное, которое изначально включает в свое словарное значение целый комплекс потенциальных свойственных объекту признаков, актуализирует некоторые из них, вступая в синтаксическую связь с соответствующими словами-определениями. Отсюда можно сделать вывод о том, что существительные изначально обладают *положительной валентностью.*

Глагол и другие признаковые слова в чистом виде – без связи с их носителями – в действительности не существуют. Являясь по природе категорией сугубо языковой, абстрактной, глагол, согласно вербоцентрической теории, предназначен для организации предложения – для связи

всех его компонентов в единое структурно-синтаксическое целое. Таким образом, не обладающий энергией глагол способен принимать «электроны» (т.е. значения) от тех существительных, в которых это значение заложено на понятийном уровне. Очевидно, что в данном случае можно говорить об *отрицательной валентности* глаголов.

Известно, что в химии максимальная отрицательная валентность атома равна 4. С отрицательной валентностью в языке соотносится предикат. Мы рассмотрели различные предложения и пришли к выводу, что принципы их построения соотносится с химическими законами. Даже в том случае, если количество связанных со сказуемым членов превышает эту цифру, из их числа можно исключить те, которые характеризуют действие по одному и тому же параметру, и его валентность не будет превышать 4.

Таким образом, проецируя молекулярно-кинетическую теорию на синтаксическую структуру предложения, мы обнаружили некоторые сходные принципы образования и взаимодействия структурных компонентов в составе химических веществ и единиц языка и речи.

Т.Е. Чаплыгина
chtatiana@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ПРЕДЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ «ЛАД»: СЕМАНТИКА И МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ УСТРОЕННОСТЬ

Ключевые слова: предлог, мотивированные предлоги, предложные единицы, морфосинтаксическая парадигма, синтаксема.

Аннотация: Представлены результаты функционально-грамматического описания предложных единиц, мотивированных существительным "лад". Рассматриваются особенности семантики и морфосинтаксической устроенности данных предлогов.

T.E. Chaplygina, Candidate of Philological Sciences, associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

PREPOSITIONAL UNITS, MOTIVATED BY THE NOUN "LAD": THE SEMANTICS AND MORPHOSYNTACTIC ORGANIZATION

Keywords: preposition, motivated prepositions, prepositional units, morphosyntactic paradigm, syntaxeme.

Abstract: The results of functional grammatical description of the prepositional units, motivated by the noun "lad" (harmony) are considered. The features of the semantics and morphosyntactic organization are analyzed.

В лад, в ладу, в ладах представляют собой составные предлоги, образованные от существительного "лад" в форме вин. п. *(в лад)* или в форме предл. п. ед. *(в ладу)* или мн. числа *(в ладах)*, в сочетании с препозитивным немотивированным предлогом *в*. Рассматриваемые единицы выполняют основную функцию предлога как части речи, а именно: служат средством введения имени участника ситуации (актанта), формируя синтаксему, в которой к зависимому слову можно задать падежный вопрос *(в лад/ладу/ладах* ***с кем****?)*. Данные предлоги мотивированы разными лексико-семантическими вариантами существительного "лад", что

отражается в их семантике и позволяет "развести" по разным группам предлог *в лад* и предлоги *в ладу/в ладах*.

Предлог ***в лад***, имеющий синонимико-вариативный ряд реализаций, передает значение: 'подстраиваясь под что-то/кого-то, согласовывая свои действия с чем-/кем-либо; соответствуя ритму, темпу чего-либо': *Уйгуры во время пения покачиваются* ***в лад песни...***; *А смуглянка-молдаванка отвечала* ***парню в лад****; И, как бы* ***в лад с его настроением****, весь октябрь стояла чудесная погода.* (И.Бунин)

Предлог ***в лад*** может управлять несколькими падежными формами припредложного имени. Отмечены варианты управления родительным падежом: **в лад чего***: Игнат весело покрикивал на лошадь* ***в лад песни****.* (Л. Толстой)*; Я объясняю себе так: те Адам и Ева живут* ***в лад природы****, ...* (М. Пришвин); дательным без предлога: **в лад чему**: *Бесконечно повторялось и повторялось* ***в лад шагам, в лад колеблющимся над головами хоругвям, в лад праздничному шествию*** *примиренных <...> горожан.* (Д. Балашов); дательным с предлогом: **в лад к чему:** *Но еще через полчаса перестал вертеть головой, все более приободряясь, прилаживаясь* ***в лад к моим шагам*** *и явно пытаясь о чем-то заговорить,* а также творительным с предлогом "с": **в лад с чем**: *Главное правило китайской чайной церемонии гласит: «Настрой свое сердце* ***в лад с другими сердцами».***

Отмеченный синонимико-вариативный ряд реализаций базовой единицы формирует четырехчленную морфосинтаксическую парадигму "**в лад + чего/чему/к чему/с чем"**, системную для семантической зоны реляционных отношений.

Предлог ***в лад*** образует свободную синтаксему в позиции обстоятельства: *Клара научилась жить* ***в лад жизни*** *малыша: спала, когда спал он, и вместе с ним просыпалась,.. Колокольчик //* ***В лад гармошке*** *// Прокатился по дорожке.*

Выявленные реализации с немотивированным предлогом "**к**" неоднородны и распадаются на: 1) "**в лад к** чему", в котором предлог "к" является экспликатором, т. к. он не обусловлен валентностью базового предлога и не вносит новых смыслов: *Чувствую, когда попадаю голосом **в лад к аккорду**,..* = в лад аккорду*;* 2) "что **к** чему **в лад**", где предлог "**к**" управляет двумя словоформами одной лексемы, находящимися перед базовой частью "в лад": *Льется музыка, шелком струится, Словно **капелька к капельке в лад**,... ; Например, вот эта птичка, С виду вроде невеличка, А какую речь ведет **Слово к слову в лад** кладет.*

Предлоги "**в ладу", "в ладах"**передают значения: а) 'быть в согласии, в мире с кем/чем-либо': *Все мы задумываемся, как жить **в ладу с богом и с собой.** У тех людей всегда лица хороши, кто **в ладах с совестью своей.*** (Солженицын); б) 'разбираться в чем-либо, хорошо знать, понимать'; в сочетаниях с отрицательной частицей "не": 'иметь трудности в изучении чего-либо, не очень понимать, разбираться': *Кто **в ладах или не в ладах** с русским языком сразу видно по тому как излагает мысль и как пишет; Не **в ладах с** дробями.*

"**В ладу"** и "**в ладах"** отмечены только с управляемым существительным в тв. п. с предлогом "с": *Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли **с будущим в ладу**.* (Твардовский); *В целом, я **с деньгами в ладах,** в долги не влезаю...*

"**В ладу / в ладах с** кем, чем" формируют свободную синтаксему: а) в обусловленной позиции в предикативной паре: *Кто **с трудом в ладу**, тот и с отдыхом не в споре. Современная цивилизация **не в ладах с экологией***; б) вне предикативной пары в позиции обстоятельства: *Жить **с соседом не в ладу**, все равно, что быть в аду; Далеко не все ... живут и трудятся у нас **в ладах с законом**.*

Исходя из положения, что объективная научная картина невозможна без изучения языка во всех его проявлениях, в

анализ были включены не только кодифицированные единицы, но и предложные единицы, не фиксируемые словарями и грамматиками, но являющиеся системными, "прогнозируемыми" морфосинтаксической устроенностью предложных единиц семантической зоны реляционных отношений. Так, был зафиксирован предлог "**(не) во владах с** кем, чем": *Что сделать, чтобы остатся **во владах с** законом? Народ, кто **во владах с** английским? Парень явно не **во владах** со своими эмоциями. Живи **во владах с** совестью!!!*

Весьма частотны случаи слитного написания "владах / не владах": *Если **владах с компьютером,** возьмите работу на дому по наборке текстов. А мне страшно оттого, что человек совсем **не владах с русским**. Еще раз убеждаюсь, что журналистам верить нельзя и они, как обычно, **не владах** с физикой и математикой.*

И.А. Шелкова
IAShelkova@pushkin.institute
канд. филол. наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ИНТЕРЪЕКТИВАЦИЯ ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: междометия, звукоподражания, интеръективация.

Аннотация: Доклад посвящен тем случаям употребления звукоподражаний, когда они приобретают функции междометий, то есть выражают эмоции или интенции говорящего.

I.A. Shelkova, Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

INTERJECTIVATION OF ONOMATOPOEIAS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: interjection, onomatopoeia, interjectivation.

Abstract: The report is dedicated to the cases when onomatopoeias acquire the functions of interjections expressing emotions or intentions of the one who speaks.

Как известно, междометия служат для «выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [4: 732], а звукоподражания – это «условные преднамеренные воспроизведения звучаний» [4: 732], которые «выполняют лишь экспрессивную функцию» [3: 79]. Звукоподражания образуются только непосредственно из звуков и их сочетаний. В этом состоит еще одно их отличие от междометий, состав которых пополняется за счет других частей речи – в том числе и звукоподражаний, способных приобретать вторичные значения. Разграничение междометий и звукоподражаний в научных трудах и словарях не всегда последовательно и затруднено тем, что обе части речи являются неизменяемыми. В их различении ведущую роль играют семантические и функциональные критерии, а порой и характер их воспроизведения в речи.

Слова типа *ха-ха*, *хи-хи*, *хо-хо*, *хе-хе* выполняют функцию звукоподражаний при воспроизведении человеческого смеха (путаницу в определении их частеречного статуса создает эмоциональная природа самóго воспроизводимого

процесса). Однако эти звукоподражания могут употребляться как междометия, выражающие насмешку, иронию: ***Ха-ха****, Косой – халтурщик* (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»); *В доме появился мужчина.* ***Ха-ха-ха*** (к/ф «Вам и не снилось») – в приведенных случаях говорящие не смеются, а раздельно произносят рассматриваемые здесь слова. Такое произнесение характерно и для звукоподражания, воспроизводимого при пересказе: *Зал:* ***ха-ха-ха-ха-ха****!* (запись устной речи: говорящий не смеется сам, а изображает, как смеялись другие). В письменной речи для разграничения этих междометий и звукоподражаний необходимы специальные примечания, характеризующие способ воспроизведения слов, поскольку смысл контекста может допускать употребление как звукоподражаний *ха-ха*, *хи-хи*, так и возникших на их базе междометий. Например, о звукоподражательном характере слова свидетельствуют глаголы *смеяться*, *хохотать* и их производные в авторских словах, вводящих прямую речь, или в ближайшем к ней контексте: «Ха-ха! – Он смеялся, сверкал зубами» (Ю.В. Трифонов. Предварительные итоги (1970)) [7]. Во многих примерах употребления слова *ха-ха* в Национальном корпусе русского языка контекст, допуская передачу и смеха как такового и его иронического проговаривания, не позволяет определить характер произношения слова и тем самым квалифицировать его как звукоподражание или междометие: «Чернобыльской аварии, ха-ха! – судорожно развеселился Институтов...» (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001) [7]. Особенно интересны случаи, позволяющие предположить именно проговаривание слова *ха-ха*: 1) введение прямой речи глаголами, не связанными со смехом: «Ха-ха, – сказал Митя, сказал и не засмеялся» (М Анчаров. Теория невероятности (1965)) [7]; 2) оформление абсолютного конца нечленимого предложения точкой или многоточием:

«А ведь я еще, считайте, мальчик. Ха-ха» (Г. Щербакова. Актриса и милиционер (1999)); «Я уже битый час хожу… Ха-ха…» (Э. Радзинский. Старая актриса на роль жены Достоевского (1981)) [7].

Слово *ку-ку* следует рассматривать как междометие, когда оно употребляется в непринужденном общении для привлечения внимания собеседника (синонимично *эй*, но менее грубо и фамильярно): «И глухой надтреснутый голос ответил ему: – Ку-ку! За мной будете» [5: 238]. Персонаж романа А.И. Солженицына «В круге первом» Потапов употребляет слово *ку-ку* и для выражения чувств: «Как вы могли запомнить мой день рождения? – Ку-ку, – ответил Потапов. – А какие ж еще знаменательные даты остались в нашей жизни?» [5: 237] – вместо *ку-ку* могло бы быть использовано, например, междометие *Привет!* во вторичном значении «удивления, несогласия, иронии» [1: 972].

Явно звукоподражательного происхождения междометие *тьфу*, которое «выражает презрительное отношение к кому-л., чему-л., раздражение, негодование и т. д.» [1: 1357]. Однако, выражая презрение или негодование, говорящий не артикулирует четко [т'фу], а имитирует плевок. Таким образом, в данном случае разница между звукоподражанием и междометием состоит не в характере воспроизведения, а в том, является ли это воспроизведение чисто физиологической или же эмоциональной реакцией на внешние раздражители. Интересен случай употребления этого слова в рассказе В. Шукшина «Три грации»: «–...Тьфу!.. – Тихушница в самом деле плюнула» [6: 402] – пояснение необходимо для того, чтобы отличить звукоподражание от «моторно воспроизводящегося» [2: 618] междометия. При переходе в разряд междометий звукоподражания сохраняют и свои первоначальные функции – изменение состоит в приобретении новых, а именно передаче тех или иных эмоций или интенций говорящего.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. М.: Высш. шк., 1986.
3. Парсиева Л.К. Теория междометия в общей парадигме современного языкознания: Монография / Под общ. ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006.
4. Русская грамматика: Научные труды: В 2 т. Т. 1. М., 2005.
5. Солженицын А.И. В круге первом. Роман: В 2 т. Т. 1. М.: АСТ, 2004.
6. Шукшин В.М. Позови меня в даль светлую: Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2010.
7. http://search.ruscorpora.ru

Б.А. Куртай
Kurtaj.arjola08@hotmail.com
магистрант Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, Албания

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В АЛБАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: модальность возможности, модальные модификаторы, система наклонений и времен.

*Аннотация:*Данная статья посвящена способам выражения модальности возможности в русском и албанском языках. Проводится анализ различных точек зрения по этому вопросу, лексических, морфологических и синтаксических способов выражения модальности возможности с лексико-грамматической категорией в албанском и русском языках,

а также выделяются черты сходства и различия. Показана важность использования модальных средств в процессе обучения албанцев.

Kurtaj B.A., master Pushkin SRLI, Albanian

Key words: Modality possibility, modal modifiers, system moods and tenses.

Annotaition: This article focuses on ways of expressing modality of possibility in Russian and Albanian languages. The analysis of points of view on this questions, lexical, morphological and syntactic manners of expressing modality possibility with the lexical and grammatical categories in the Albanian and Russian, also to distinguished the similarities and differences. The importance of the use of modal means in teaching the Albanian students.

Модальность (от латинского modus − мера, способ) – название круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях структуры языка.

Лексические способы выражения модальности возможности в русском и албанском языке.

Модальность − функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого.

В русском языкознании В.В. Виноградов (1950) был основоположником учения о модальности. В работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» В.В. Виноградов рассмотрел модальность как многоаспектное явление: модальность, в концепции В.В. Виноградова, понимается как имеющее грамматическое выражение отно-

шение содержания предложения к действительности; как характеристика состояний, переживаний, отношений, волевых устремлений, качественных оценок, которые связаны или могут быть по своей семантической природе связаны с категорией модальности. Модальность в албанском языке может выражаться дискретно включаемыми в состав предиката лексическими единицами, которые на основе общности выражаемого ими значения, тождества синтаксической функции модели дистрибуции можно объединить в единую группу модальных модификаторов (ММ). В албанском языке к модальным модификаторам возможности относится лексема *mund* (*мочь, можно*), которая является лексической доминантой поля.

Морфологические способы выражения модальности возможности в русском и албанском языках. Албанский язык отличается от русского гораздо большим количеством наклонений, времен и форм. Система наклонений и времен в албанском языке насчитывает 6 наклонений и 42 временные формы в двух залогах − действительном и возвратно-страдательном.

Индикатив − изъявительное наклонение действительного залога. Индикатив обозначает действие или состояние как реальный факт, которые происходят в момент речи, до момента речи или обязательно произойдут в будущем.

Конъюнктив − сослагательное наклонение. Глаголы конъюнктива называют возможное действие, но они могут выразить и какое-то желательное действие, отличаются всегда наличием частицы *te* и употреблением глаголов *mund, duhet* (*мочь, следует*) перед глаголом. Напр.: *Te kam thene te mos shoqerohesh me* ate djale. − *Говорила я тебе не дружить с этим мальчиком.*

Кондиционалис − условное наклонение, называющее действие, которое могло бы совершиться при каком-то условии. Напр.: *Sot pasdreke do te dilja shttitje, por c'ti bej punes.*

– Сегодня после обеда я бы пошла гулять, но что делать, работаю.

Оптатив − желательное наклонение. Глаголы оптатива выражают желание в форме пожелания или проклятия. Оптатив имеет по две формы в каждом залоге: настоящие и перфект. Напр.: *Rrofte miqesia e popujve te mbare botes! − Да здравствует дружба народов всего мира! Pac udhe te mbare! − Счастливого пути!*

Адмиратив − пересказывательное наклонение, или наклонение изумления**.** Глаголы адмиратива показывают реальное действие. Напр.: *Ai qenka kthyer kaq shpejt nga Moska? − Неужели он так быстро вернулся из Москвы?*

Императив − повелительное наклонение. Глаголы императива выражают желание, просьбу, совет, заказ, просьбу в форме приказа; напр.: *Shko Drite dhe na bej kafe, kurse Tefta te na shtroje darken. − Иди, Дрита, свари нам кафе, а Тефта пусть подаст нам ужин.*

Изъявительное наклонение представляет действие как факт действительности во всех временных планах и может сопровождаться субъективно-оценочной и внутрисинтаксической модальностью, модальностью утверждения/отрицания, а также модальностями, свойственными видовременным формам.

Сослагательное наклонение выражает желание или возможность совершить действие при каком-либо условии. Морфологические средства выражения модальности возможности, к которым в албанском языке относятся конъюнктив и кондиционалис, а в русском − сослагательное наклонение.

Синтаксические способы выражения модальности возможности в албанском и русском языках. В синтаксисе под термином «модальность» подразумевают одну из категорий, формирующих предикативную единицу (предложение). В албанском языке модальность возможности, которая играет

важную роль употребления различных предлогов, союзов, связок (*por, po, sikur, se, qe),* а также особая интонация.

Будущее I индикатива в значении настоящего времени выражает в разговорной речи модальность возможности. Напр.: *Kushedi se* c'*do te kesh, se dhembi pas heqjes s'duhej te te dhimbte (ka mundesi te kete dicka). − Кто знает, что с тобой (возможно, с тобой что-то не так), потому что после удаления зуб не должен болеть.*

Будущее II индикатива употребляется для выражения модальности нереализованной возможности в значении прошедшего времени, что соответствует имперфекту конъюнктива с модальным модификатором *mund*; напр.: *A do te kene ikur ato dallendyshet prej cerdhes ne ballkonin e shtepise son? − Улетели ли ласточки из гнезда на нашем балконе?*

Таким образом, можно сделать вывод, что синтаксические способы выражения модальности возможности в албанском и русском языках имеют черты сходства и различия.

В.П. Фесенко
verun4ik_18@mail.ru
аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

О ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ АККУЗАТИВА АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИ ОТРИЦАНИИ

Ключевые слова: отрицание, родительный падеж, винительный падеж, описательный предикат, вариативность.

Аннотация: В докладе будет рассмотрен механизм выбора падежа абстрактных существительных при переходных глаголах с отрицанием в русском языке. Выделены группы,

в которых механизм выбора падежа обусловлен взаимоотношением частей конструкции между собой.

V.P. Fesenko, graduate student, Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABOUT THE REASONS OF THE ACCUSATIVE OF ABSTRACT NOUNS EMERGENCY UNDER NEGATION

Key words: negation, Genitive, Accusative, descriptive predicate, variability.

Abstract: The report considers the abstract nouns case choice with transitive verbs under negation in Russian. The groups with different mechanism of choice are distinguished. The mechanism is determined by the relations between the parts of the construction.

Один из проблемных вопросов современной русистики – выбор падежа объекта при переходном глаголе с отрицанием. Предлагаемые исследователями факторы, влияющие на этот выбор, правила действенны для выбора падежа конкретных существительных, в то время как абстрактные существительные причисляются обычно к факторам, требующим генитива. Однако в НКРЯ абстрактные существительные встречаются в аккузативе чаще, чем предполагает правило.

Причины употребления аккузатива абстрактных существительных предположительно зависят от количества пропозиций в конструкции.

Для исследования были взяты примеры из НКРЯ с глаголами *давать*, *находить* и *обнаруживать*, равно допускающими в сочетании с абстрактными и предикатными существительными конструкции с одной и двумя пропозициями.

В одной группе конструкций глагол и существительное образуют единую пропозицию – это описательные предикаты: *не дает/находит объяснения = не объясняет*. Здесь лексическое значение выражено в существительном, а грамматическое – в глаголе. Значение описательных предикатов цельно, отрицание охватывает всю пропозицию. Генитив в них – маркер края конструкции: частица *не* – маркер начала, а падежная флексия – конца. Аккузатив в описательных предикатах с отрицанием – следствие тенденции к аналитизму: конструкция уже не рассматривается носителем языка как нечто цельное, а «собирается» по частям.

В другой группе конструкций – две пропозиции (в том числе каузативные конструкции): *не дает/находит возможности*. Субъект предложения – это субъект действия, выраженного глаголом, а событие, выраженное в существительном, – внешнее по отношению к субъекту. Отрицание распространяется только на глагол. Генитив обусловлен значением отсутствия объекта в сфере восприятия субъекта; аккузатив отразит значение референтности.

А.О. Шишолина
shisholina@mail.ru
преподаватель Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева, Казань, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМПОЗИТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: композиты, несклоняемый элемент, рецепция.

Аннотация: В данном исследовании рассматривается функционирование композитов в русском языке новейшего периода, анализируются рецепционные процессы на морфологическом уровне композитов, имеющих в составе несклоняемые элементы.

A.O. Shisholina, assistant of Kazan National Research Technical University named A.N. Tupolev (KAI), Kazan, Russia

FUNCTIONING OF COMPOSITES IN RUSSIAN OF THE NEWEST PERIOD

Keywords: composites, the indeclinable element, the reception.

Abstract: This article focuses on the functioning of composites in Russian language of the newest period, on the processes of reception at the morphological level of composites, which have the indeclinable element on their structure.

Настоящее исследование посвящено анализу функционирования композитов в русском языке новейшего периода.

Композит чаще всего понимается как дериват, словообразовательная структура которого предполагает несколько – две или более – производящих (мотивирующих) основ. Словосложение является одной из ведущих тенденций в развитии русского языка, так как сложное слово обладает лаконичностью и в то же время семантической емкостью, обеспечивающей экономию речевых средств в процессе общения. С точки зрения этимологии можно отметить преимущество заимствованных структур, однако некоторая часть композитов представляет собой образованные в русском языке при помощи морфологического способа единицы.

Как известно, XXI век характеризуется всемирной тенденцией глобализации экономических отношений, ускоренным развитием технической сферы и области высоких технологий, широким распространением коммуникации с помощью социальных сетей. Усиление взаимодействия при возрастающей роли культурных и экономических связей между народами приводит к тесным языковым контактам и, как следствие, к образованию особого фонда интернациональных слов, которые являются номинациями возникших реалий. Сложные слова представляют собой одну из ведущих форм словообразования в русском языке новейшего периода, они находят применение во всех функционально-стилистических типах текстов. Композиты-номинации являются одним из основных способов репрезентации концептов, входят в терминологические системы экономики и юриспруденции (*статус-кво, план-график, партнершип, кэш-менеджмент, кэш-флоу, консорциум-гарант, конгресс-холл, гроссбух, гриншу*), политики (*стейт-департмент, пресс-атташе, пресс-брифинг, рехтсштат),* компьютерных технологий (*капс-лок, кейборда пиксель-арт, радиоинтерфейс*), современного искусства (*бук-арт, боди-арт, мейнстрим, поп-арт»),* хореографии *(квикстеп,*

пол-дэнс, поп-локинг) и музыки (*мецца-воче*), широко распространены в ресторанной сфере (*куры-гриль, кофе-глассе, крок-месье, крем-суп, наргиле-кафе, пье-де-пуль*), в индустрии красоты и моды (*спрей-воск, кэжуал-шик, дрэд-локс, бьюти-кейс, боди-слим, бикини-триммер, лифтинг-программа, маст-хэв*), сфере туризма и различных видов спорта (*степ-ин, пауэрлифтинг, кэн-дзюцу, кросс-кантри, дрим-тим, доппинг-контроль, каратэбика, каникросс, беби-йога, пэккидж-тур*), применяются для обозначения пород животных (*керри-блю-терьер, бобтейл, лабрадор-ретривер*), новых предметов быта (*кузов-купе*), веществ (*гумми-смолы, неопрен*) и др.

Активно пополняется разряд композитов, имеющих в своем составе несклоняемый элемент, что является результатом сильного влияния со стороны аналитических языков, прежде всего английского, на русский язык новейшего периода. Наличие несклоняемого элемента в составе композита затрудняет рецепционные процессы на морфологическом уровне языка, а именно приобретение композитом родовой принадлежности. Для выявления закономерностей употребления таких сложных слов целесообразно выделить две группы наименований: 1) композиты, имеющие в своей структуре один несклоняемый компонент (*бюджет-брутто, бэккантри, вандер-бра, вагон-ли, ватерполо, гастрольбюро, имплоймент-бюро, касса-конто, джет-ски, джинсы-скинни, джип-сафари, джуси-фрут, дип блю, дог-шоу*); 2) композиты, состоящие из несклоняемых компонентов (*буги-вуги, воки-токи, гоу-слоу, гоу-шоу, дернье-кри, джиу-джитсу, дьюти-фри, кобу-дзюцу*).

Большинство композитов первой группы характеризуются атрибутивными отношениями своих компонентов, и, таким образом, несклоняемые компоненты в словах типа *джип-сафари, джинсы-скинни, касса-конто, джуси-фрут* не имеют влияния на адаптацию композита на морфологическом уровне: *«советское ватерполо»/ waterpolo99.ru/; «организовано Гастрольбюро»/ www.odnoselchane.ru/?sect=1&page=article&id=4901&com*.

Сложные слова с главным несклоняемым элементом осваиваются морфологической системой русского языка по устоявшимся моделям: решающую роль в приобретении категории рода иноязычным существительным влияет финаль слова при окончательном включении в тот или иной лексико-грамматический класс, а также родовая принадлежность соответствующего лексического эквивалента (опорного слова или синонима) в русском языке. Нередко встречаются варианты употребления таких композитов: *«по плану было бэккантри с гидами в районе Куэльпорра» /telemark.ru/tag/бэккантри; «для современных женщин "Wonderbra" стала частью незаменимых маленьких дополнений к красоте»/z-strekoza.ru; «вандербра ориентирован на молодых женщин» /vkruzhevah.ru/brand/wonderbra*В

торая группа композитов, состоящих только из несклоняемых элементов, включается в морфологическую систему языка по тому же пути: *«Бразильское джиу-джитсу»/ bjjr.ru/brasilian; «Окинавское кобу-дзюцу»/ refsurf.ru/3760683630.html.*

Более полная картина адаптации и функционирования композитов с несклоняемым элементом в русском языке новейшего периода может быть представлена в результате подробного исследования моделей морфологической и семантической рецепции изучаемых единиц.

СЕКЦИЯ 4
РУССКИЙ СИНТАКСИС

А. Никунласси
ahti.nikunlassi@helsinki.fi
д-р философии, профессор Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндия

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОЧЕТАНИЕМ *ТОЛЬКО И*

Ключевые слова: русский язык, грамматика конструкций, синтаксические фразеологизмы, сочетание *только и.*

Аннотация: В русском языке существует большое количество синтаксических конструкций с сочетанием *только и*, наличие которого открывает возможность заполнения определенных позиций компонентами, специфическими для данных конструкций. В докладе обсуждается ряд вопросов, связанных с данными компонентами и структурной классификацией конструкций с *только и* в целом.

A. Nikunlassi, PhD, professor, University of Helsinki, Helsinki, Finland

SYNTACTIC IDIOMS WITH *ТОЛЬКО И* EXPRESSION

Key words: Russian language, Construction Grammar, syntactic idioms, *только и.*

Abstract: Russian language has a wide range of syntactic constructions with *только и* that licenses the use of constituents that do not conform to the rules observed in more general syntactic patterns. In my presentation I will discuss a

number of issues related to these constituents and the structural classification of the constructions with *только и*.

В синтаксических теориях, опирающихся на понятие конструкции как индивидуального сочетания формальной и семантической структур, много внимания уделяется синтаксическим фразеологизмам. Это вполне естественно, так как, будучи максимально специфическими построениями, синтаксические фразеологизмы позволяют судить о том, какой теоретический и методологический арсенал нужен для описания и моделирования синтаксической системы в целом.

В этом докладе на основе фактического материала вводятся уточнения в описание множества разновидностей синтаксических фразеологизмов с сочетанием *только и*. Некоторые особенности данных конструкций были установлены еще в монографии Н.Ю. Шведовой [8: 91–92, 209–211], см. также [6: 222, 386]. Вопросы их классификации обсуждаются в работах В.Ю. Меликяна и А.И. Остапенко [3: 39–40, 53–54], У. И-и [2] и С. Курейчик [9], в которых затронуты и вопросы значения и функционирования данных конструкций (см. также [5; 1: 34–36]).

Конструкции с *только и* мы относим к классу синтаксических фразеологизмов, в которых относительная специфичность конструкции обусловлена наличием ядерного компонента, открывающего возможность заполнения определенных позиций специфическими для данных конструкций компонентами [4]. В конструкциях с ядерным компонентом *только и* это форма родительного падежа, немотивированная какими-нибудь более общими синтаксическими правилами, и семантически опустошенные слова *что* и *делать* (*знать*, *уметь*):

(1)**Только и забот**, **что** *землицу сохой ковырять*!

(2)Думаете, все женщины **только и** *мечтают*, **что** *похудеть*? («Аргументы и факты», 2001.03.07)
(3)Кругом безбрежная вода, никаких ориентиров – и что делать на этой сияющей поверхности? **Только и** *оставалось*, **что** *отдаться невидимому подводному течению*. (А. Берсенева. Полет над разлукой)
(4)Ты опять думаешь. Ты все время **только и делаешь**, **что** *думаешь*… (Олег Дивов. Молодые и сильные выживут)
Примеры показывают, что специфичность синтаксических фразеологизмов с ядерным компонентом не обязательно ограничивается какой-нибудь одной структурной схемой предложения или словосочетания, а может проявляться в структурно разнородных построениях. В докладе обсуждаются критерии грамматической классификации разновидностей конструкций с *только и* и ряд вопросов, связанных с отдельными их компонентами. Во-первых, уточняются условия употребления компонента *что*, в том числе и вопрос его факультативности, которая нередко наблюдается в сочетаниях модального слова с инфинитивом (ср. 2 и 2'), но возможна и в других конструкциях (ср. 1 и 1'; 3 и 3'), даже в тех, в которых используется семантически опустошенный глагол (ср. 4 и 4'):
(1') **Только и забот** *найти невесту в диапазоне от восемнадцати до двадцати пяти лет*. (М. Ибрагимбеков. Кто поедет в Трускавец)
(2') Все **только и** *мечтают увидеть Нору Мансур*. (В. Аксенов. Новый сладостный стиль)
(3') По жалким останкам воссоздал прежнюю кованую ограду, заказал железные ворота и подвел дело к строительству школы. **Только и** *оставалось – довершить ограду и начать рыть котлован*. (Протоиерей В. Тимаков, Д. Менделеева. Уход от слежки, «Андрюшкины» роды и другие воспоминания о митрополите Антонии Сурожском)

(4') Позовут – мы проголосуем. [Надюша]. Чья бы корова… **Только и делаешь** – *всех критикуешь*. [Женька]. А если у меня критическое направление ума? [Надюша]. (А. Володин. Фабричная девчонка)
Во-вторых, будут затронуты вопросы, связанные с отмеченным в литературе употреблением факультативных компонентов *то* (5), *один* (6) и *всего* (7). Например, в связи с анализом конструкций типа (5) возникает вопрос, можно ли *то* считать соотносительным словом и, соответственно, *что* – обыкновенным союзом.
(5) К тому же он заверил меня в том, что всю жизнь **только то и делает**, **что** *чинит часы*. (И. Сыскина. Буржуазный напиток (2003) // «Вестник США», 2003.10.15)
(6) Он **только одно и делает**, **что** *дерется да ногами топает*. (Ф. Гладков. Повесть о детстве (1948)
(7) За последний месяц вроде **только всего и было что** *письмо от Фаусто*, но там чистая лирика под ироническим соусом. (А. Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)
Наконец, рассматривается вопрос употребления родительного падежа в конструкциях с *только и*. В истории русского языка можно найти примеры, в которых употребление родительного падежа, безусловно, связано с количественной семантикой:
(8)У меня **только и** *денег*, **что** *десять рублев*», – говорил старик. (‹О воре Тимоне›)
В связи с этим обсуждается вопрос, можно ли современные конструкции с родительным падежом считать своего рода количественными конструкциями (ср. [7: 60, 131]). Это касается не только отмеченных в литературе разновидностей со словами *разговоров*, *забот*, *дел* и т.п., но и разновидностей типа (9) и (10) и некоторых других:
(9а) Это Черчилль-Колледж, модерновая архитектура – и по-моему, ничего хорошего. **Только и** *живого*, **что** *бро-*

шенные велосипеды посреди этого бетонного унылого уродства. (А. Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой)
(9б) Общежитие для программистов [...] сильно отличается от рабских бараков в трущобах Вавилона. **Только и** *сходства*, **что** *нары в два яруса*. (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Человек по имени Беда (2004)
(10а) Запирал сына в каптерке, какая переполнилась казенным имуществом и обступала душевнобольного, будто утроба. **Только и оставалось** *места*, **что** *на табуретке сидеть*. (О. Павлов. Степная книга (1990-1998)
(10б) Час назад Белый Бор с полянами, с просеками-визирками был ему путем-дорогой в разные стороны, и та степь, которая лежала за бором, тоже не была ему заказана ничуть, а теперь **только и оставалось** *пространства*, **что** *под старым дождевиком*. (С. Залыгин. Комиссия)

Литература

1. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. Учебное пособие. М., 1996.
2. Меликян В.Ю., Остапенко А.И. Словарь фразеологизированных сложноподчиненных предложений русского языка. Ростов-на-Дону, 2005.
3. Никунласси А. Синтаксическая фразеологизированность как относительная специфичность конструкций // Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе в условиях интернационализации образования. Материалы II Международного семинара, посвященного 15-летию академического сотрудничества Тверского государственного университета с университетами Финляндии / Ред. А. Никунласси, Л.Г. Громова, А.Б. Гурин. Тверь, 2015.
4. Овсянникова М. Свойства конструкции только и делает/знает/умеет, что: Сборник научных работ молодых филологов / Отв. ред. Р. Войтехович и О. Ягинцева. Тарту, 2009.

5. Русская грамматика. Т. II: Синтаксис / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
7. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
8. Kureichyk S.. Классификация разновидностей фразеосхемы «только и N/V, что XP». Master's Thesis. Department of Modern Languages: Helsinki, 2013.

К.А. Рогова
k.rogova@spbu.ru
д-р филол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Ключевые слова: структурный, семантический и коммуникативный аспекты предложения, взаимоотношения между структурной и коммуникативной организацией.

Аннотация: Вопрос о взаимодействии грамматических значений рассматривается в отношении к структурному, семантическому и коммуникативному аспектом предложения. Положение об организующей функции коммуникативного аспекта демонстрируется на основании анализа пассивных конструкций и неопределённо-личных предложений.

K.A. Rogova, Dr. of Philological Sciences, prof., St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg

PASSIVE DESIGNS AND INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES IN ASPECT OF COMMUNICATIVE PARTITIONING

Key words: structural, semantic and communicative aspects of the sentence, relationship between the structural and communicative organization.

Abstract: This article examines the question of interaction of grammatical meanings in relation to structural, semantic and communicative aspects of the sentence. Organizing function of communicative aspect is shown on the basis of the analysis of passive and indefinite-personal sentences.

Одной из задач, которые видит перед собой современная семантика, является описание способов сосуществования и взаимодействия грамматических элементов в конкретных языках [1: 142–145]. Эта задача представляется особенно важной по отношению к грамматическим единицам, обладающим сложной структурой, в том числе к синтаксису, основная единица которого – предложение – позволяет выявить формальный, семантический и коммуникативный аспекты своей организации. Каждый из этих аспектов получил более или менее подробное описание как в научной, так и учебной литературе по русской грамматике. Гораздо более сложной является проблема их взаимодействия не только в процессе речевой деятельности, но и в закреплении тех форм, которые составляют особые явления синтаксической системы русского языка. Среди них можно выделить пассивные конструкции и односоставные предложения, прежде всего, неопределённо-личные, которые обнаруживают семантическое сходство (*Выставка была открыта во вторник /Выставку открыли во вторник*).

Наблюдение за указанными типами предложений позволяют высказать предположение, что они являются результатом семантико-коммуникативных преобразований исходных типов двусоставных предложений, которые нормативно присутствуют в грамматиках «в состоянии покоя» [2: 18], обеспечиваемого соответствием всех типов членения и реализуемых в них синтаксических ролей: подлежащее является субъектом и темой высказывания, сказуемое – предикатом и ремой. Коммуникативные установки в своих типологических проявлениях, используя морфологические средства в сочетании с синтаксическими, обращаются не только к порядку слов и интонации, но и оказывают влияние на формальную организацию предложения, внося коррекцию в их значения.

Литература

1. Плунгян В.А. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 142–145. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/plungyan-11.htm.
2. Адмони В.Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979. С. 6–36. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/admoni-79.htm.

А.Е. Бочкарев
bochkarev.andrey@mail.ru
д-р филол. наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

О ПАРАДОКСАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ОБОРОТАХ ВИДА НЕ *X*, А *Y*

Ключевые слова: идентификация, образец, тождество, контрадикция, уподобление.

Аннотация: Идентифицировать объект иначе как через знание отличительных свойств нельзя. Особый эвристический интерес представляют случаи, когда за отсутствием общезначимых прототипических свойств объекту отказывают в тождестве самому себе с тем чтобы уподобить парадоксальным образом объекту другого системного класса.

A. E. Bochkarev, Dr of Philological Sciences, professor,
National Research Institute «High School of Economy»,
Nizhniy Novgorod, Russia

Key words: identification, etalon, identity, contradiction, similitude.

Abstract: One can only identify the object through the knowledge of its' distinctive features. The cases of a particular heuristic value relate to the objects denied of their own identity due to the absence of valid prototypical properties of the latter. This type of objects, therefore, becomes similar to an object of another system class.

Идентификация объекта тесно связана с распознанием отличительных свойств. По данным в непосредственном наблюдении свойствам мы идентифицируем объект, а вместе с идентификацией заключаем о полном или частичном его соответствии заведомо известным прототипическим свойствам.

Действительно, идентификация чего-то как того-то или того-то возможна только относительно хранимых в памяти схем повседневного опыта. И даже, возьмем пример Дж. Серля, когда изображенные на картинах сюрреалистов вещи расходятся с привычными представлениями, идентификация изображения совершается опять-таки путем аппроксимации к схемам повседневного опыта [1: 135]. Так что даже провисшие часы на картине Сальвадора Дали остаются часами, пусть и не совсем обычными, поскольку не утрачивают некоторые прототипические свойства, по которым характеризуется часовой механизм, в том числе наличие циферблата и стрелок.

Идентификация не исчерпывается, разумеется, каким-то одним, пусть и прототипическим, признаком, а требует подтверждения и некоторых других вплоть до воссоздания «пучка объекта» (П. Грайс) в совокупности особо примечательных его свойств. В целях наилучшей идентификации за интродуктивной (экзистенциальной) номинацией следуют дескриптивные, функциональные, оценочные и прочие номинации, позволяющие уточнить, а порой и скорректировать в релевантном для человека контексте мнения исходное значение. Сослуживец оказывается на деле не рыбаком, а охотником; случайно повстречавшийся на улице человек – мужчиной средних лет, соседом по лестничной клетке, отцом Ольги, мужем Марии Ивановны и т.д. Так эпистемическая лакуна заполняется, по справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, конкретным знанием [2: 820].

Реидентификация может совершаться, кроме того, и путем сравнения или противопоставления идентифицируемого объекта другим объектам в оборотах вида *X* не есть *Y*. Например, когда пассажиру, сетующему на толчею в набитом до отказа автобусе, говорят: *Это вам не такси*, внимание фокусируется на востребованном в контексте признаке /общественный/, по которому общественный транспорт (*автобус*) противопоставляется индивидуальному наемному транспортному средству (*такси*).

Не меньший эвристический интерес представляют вместе с тем и такие весьма распространенные случаи, когда реидентификация совершается путем сближения с объектами иных системных классов в оборотах вида не *X*, а *Y*.

В качестве иллюстрации возьмем как-то увиденное в городском автобусе граффити в виде начертанной фломастером дефиниции: *Не автобус*, *а корыто*.

Для простоты изложения представим ее в виде двух последовательно связанных категорических суждений, претендующих в оценке адресанта если не на логическую, то хотя бы субъективную значимость:

(1) *автобус не есть автобус*,

(2) *автобус есть корыто*.

В высказывании (1) в отношении второго употребления лексемы *автобус* действует оператор отрицания, так что высказывание принимает вопреки непреложному закону тождества вид контрадикторного суждения: *X* не есть *X*. Отрицание тождества оборачивается дезидентификацией: *автобус не есть автобус* или *автобус есть не-автобус*. Причем предпосылкой отрицания тождества здесь оказывается, по всей видимости, пресуппозиция, что идентифицируемый индивидный объект не обладает в полной мере некоторым набором свойств, по которым его квалифицируют как вид общественного транспорта: «многоместный автомобиль для перевозки пассажиров» (С.И. Ожегов).

Истолкование совершается путем разотождествления внешне тождественных выражений. В типовой ситуации, к которой относится разбираемое суждение, *автобус* можно отобразить в микросемантическом анализе в виде двух семем, отличающихся по какому-то хотя бы одному семантическому признаку:

• ‘автобус’$_1$ – соответствие образцовым требованиям, которым должен удовлетворять общественный транспорт;

• ‘автобус’$_2$ – несоответствие требованиям, которым должен удовлетворять общественный транспорт, в том числе по степени изношенности, исправности, комфорту и т. п.

Так содержание семемы в левой позиции становится отличным от содержания семемы в правой позиции: ‘автобус’$_1$ /+/ *vs* ‘автобус’$_2$ /–/.

За дезидентификацией следует псевдоидентификация: *автобус есть корыто* на основе такой весьма достоверной прагматической пресуппозиции: означенный автобус не соответствует нормативным требованиям, которым должен удовлетворять по определению данный вид общественного транспорта, а характеризуется, напротив, какими-то иными свойствами, по которым его можно квалифицировать в метафорической проекции в терминах, подходящих скорее для корыта. Поскольку в данной ситуации таким свойством оказывается дырявая обшивка, адресанту не остается ничего другого, как гипостазировать это свойство, а затем возвести в основание сравнения с каким-то образцовым объектом, обладающим этим свойством в наивысшей степени. Таким объектом становится разбитое корыто из известной с детства сказки А.С. Пушкина о рыбаке и рыбке. При этом существенной оказывается в итоге не референция к объекту, а мнение по поводу этого объекта: объект мнения, его выделение и спецификация.

Литература
1. Серль Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

А.А. Калинина
kalinina.07@inbox.ru
д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия

УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В СИСТЕМЕ ТИПОВ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ключевые слова: типы общих вопросов, удостоверительные вопросы.

Аннотация: Удостоверительные вопросы трактуются автором как один из подтипов класса общих вопросов, устанавливается специфика их модального содержания в сравнении с собственно вопросами и семантически близкими конструкциями, характеризующимися модальным качеством высокой степени достоверности.

A.A. Kalinina, Dr. of Philological Sciences, prof., Mary State University, Russia, Yoshkar-Ola

IDENTIFICATION QUESTIONS IN THE SYSTEM OF THE TYPES OF GENERAL-INTERROGATIVE SENTENCES

Keywords: types of general questions, identification questions.

Annotation: Identification questions are treated by the author as one of the subtypes of the class of general questions, the specificity of their modal content in comparison with the questions themselves and semantically similar constructions characterized by the modal quality of a high degree of reliability is defined.

Объем и границы общих вопросов удостоверительного типа трактуются крайне разноречиво. В соответствии со словарным значением глагола «удостоверить» («подтвердить правильность, подлинность чего-л.») и «удостовериться» («убедиться на основании каких-н. верных доказательств») вопросительно-удостоверительные предложения задаются говорящим с целью получить от собеседника подтверждение истинности имеющейся в его распоряжении информации. Данной трактовке в наибольшей степени соответствуют, например, следующие предложения:
– А скажите, – поспешно спросил он Остапа, – здесь, в самом деле, аукцион? Да? Аукцион? И здесь, в самом деле, продаются вещи? Замечательно!
Незнакомец отпрыгнул, и лицо его озарилось множеством улыбок.
– Вот здесь действительно продают вещи? И, в самом деле, можно дешево купить? Высокий класс! Очень, очень! Ах!.. (И. Ильф и Е. Петров).
Однако зачастую понятие «удостоверительный вопрос» распространяется на весь класс неместоименных собственно вопросительных предложений (общих вопросов). Ср.: «Собственно-вопросительные предложения делятся на *общевопросительные (верификативные, удостоверительные) и частновопросительные (комплементативные)*» [3: 114]. При этом назначение общих вопросов усматривается в том, чтобы установить, соответствует ли действительнос-

ти содержание, заключенное в вопросе, т.е. удостовериться в чем-либо.

На наш взгляд, удостоверительные вопросы представляют собой лишь один из подтипов общевопросительных предложений и по своему модальному качеству могут быть противопоставлены собственно вопросам. Собственно вопрос («чистый» вопрос, по А.М. Пешковскому) ставится по поводу объективного наличия или отсутствия чего-либо (‘Р или не-Р?’) и отражает полное отсутствие у спрашивающего какой-либо достоверной информации о предмете вопроса: *Приедет ли он на конференцию? Ты получил мое поздравление?* В ответе на собственно вопрос ожидается совершенно новая для говорящего информация относительно наличия или отсутствия запрашиваемого в действительности.

Удостоверительный вопрос – это модальный вопрос. Он задается говорящим с целью верификации имеющихся у него сведений и требует ответа-подтверждения или ответа-опровержения: *Ты действительно был там?* Говорящий в той или иной степени владеет информацией о предмете вопроса, однако эта информация не имеет статуса непреложного факта и требует верификации, т.е. соотнесения высказываемого в вопросе с действительностью: ‘Верно ли, что Р (не-Р)?’

Термином «удостоверительно-вопросительные предложения» обозначаются также вопросы, имеющие значение констатации говорящим вполне достоверного, непосредственно наблюдаемого факта действительности: *Сидишь? Ты плачешь? Гуляете? Ты уже пришел? Отдыхаете?* и под. (см.: [1]), которые, на наш взгляд, в большей степени подпадают под понятие «констатирующе-вопросительные предложения». И, наоборот, обозначение «констатирующе-вопросительные предложения» авторами «Русской грамматики 1980» (см.: [2: 394]) используется по отношению к ти-

пу конструкций, более соответствующих определению «удостоверительно-вопросительные предложения».

По нашему мнению, необходимо более последовательное разграничение указанных подтипов общевопросительных предложений.

Констатирующие вопросы представляют собой реакцию на однозначную, перцептивно воспринимаемую ситуацию, не требующую аналитической работы сознания по ее адекватной интерпретации: *Ты приехал?* Ответ на вопрос такого типа может быть только положительным и не расширяет объема знаний спрашивающего.

Удостоверительный вопрос выражает реакцию на неоднозначную ситуацию. При постановке удостоверительного вопроса в сознании говорящего происходит та или иная обработка имеющейся в его распоряжении фактуальной информации. Удостоверительные вопросы имеют точки соприкосновения и с вопросительно-предположительными предложениями – с теми из них, в которых высказывается не чисто умозрительное предположение, а предположение, основанное на объективных данных, поступающих непосредственно из дискурса. Ср.:

– *Опять будем встречать кого-нибудь?*

– *Совершенно верно. Угадайте, кого?* (А. Куприн).

Рассматриваемые разновидности общих вопросов (удостоверительно-вопросительное предложение, вопрос-предположение, вопрос-констатация) сближает высокая степень достоверности высказываемого в вопросе. Наиболее близко соприкасаются все эти предложения при выражении вывода-догадки на основании полученной информации. Ср.: *Так это ты шумел, болван?* (С. Михалков); – *Значит, лететь хотите?* (В. Шукшин).

Литература
1. Визгина А.М. Значение форм изъявительного наклонения в вопросительных предложениях // Русский язык в школе. 1979. № 1.
2. Русская грамматика. Т. II: Синтаксис. М., 1980.
3. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 2. 2-е изд., М, 2014.

Г.Н. Манаенко
manaenko@list.ru
д-р филол. наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СИНТАКСИСА

Ключевые слова: событие, ситуация, пропозиция, единица информации.

Аннотация: В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к языку предлагается рассматривать основные синтаксические единицы как снятые формы мыслительной и коммуникативной деятельности человека, представляющие выделенные субъектом пропозиции и его речемыслительные действия над ними.

G.N. Manaenko, Dr. Philol. Sciences, Professor the North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

COGNITIVE-DISCURSIVE DIMENSION SYNTAX

Keywords: event, situation, proposition, unit of information.

Abstract: In the framework of cognitive-discursive approach to language is invited to consider the basic syntactic units are taken as forms of cognitive and communicative activity representing the selected subject of the proposition and its rehabilitative action on them.

Традиционное описание синтаксической подсистемы русского языка, характерное для системоцентрической парадигмы, исходит из трех основных положений: 1) примата языковой формы, т.е. исходной точкой описания является языковая система; 2) отождествления языковой формы – простого предложения – с логической формой мысли – суждением, т.е. идущее от Аристотеля неявное признание вербальности мышления, так как предложение – это та же самая мысль, только воплощенная в слове; 3) представления языковой системы как самодостаточной и существующей независимо и вне человека, т.е. приписывания языку в качестве его неотъемлемого свойства разных форм когнитивной и коммуникативной деятельности человека.

Развитие же лингвистики, в т.ч. когнитивной, в конце XX – начале XXI вв. показало, что 1) онтология любого языкового выражения лежит в плоскости познающего сознания и полностью зависит от того, как человек концептуализирует и категоризирует «реальный» мир, в котором он живет; 2) предложение не является объективированным модусом существования мысли, но представляет в языковой форме ее образ, т.е. синтаксический уровень системы языка характеризуется не тем, что его основная единица – предложение – является коммуникативной, а тем, что она является отображением мысли; 3) языковая система не является системой «готовых» знаков, но выступает системой для

производства потенциально бесконечного количества языковых знаков – высказываний – и представляет собой устоявшуюся и вместе с тем постоянно развивающуюся систему «снятых» форм когнитивной и коммуникативной деятельности человека.

В когнитивной лингвистике язык рассматривается как *общий* когнитивный инструмент – система знаков, служащих репрезентации и трансформации информации. В отличие от других когнитивных механизмов и инструментов язык одновременно является объектом как *внешним*, так и *внутренним* по отношению к человеку: «В механизмах языка существенны не только мыслительные структуры сами по себе, но и материальное воплощение этих структур в виде знаков» [КСКТ 1996: 53]. Именно поэтому справедливо утверждение Р.И. Павилениса о двух аспектах интерпретации языкового выражения: с точки зрения представленных в них концептов и с точки зрения специфики самого языкового воплощения концептов [5: 109–110]. Сущность когнитивного подхода к языку, как отмечала Е.С. Кубрякова, и заключается в постоянном соотнесении разных форматов знания с объективирующими их языковыми формами, а любое языковое явление должно рассматриваться и в плане когниции, и в плане коммуникации [1: 5–6].

Основаниями такой интерпретации могут стать категории *информации* и *когнитивно-коммуникативных* действий говорящего. Концептуализация события в языке воплощается на основе *пропозиции*. Пропозиция как явление семантического уровня не является слепком с действительности, названием зеркально отраженного онтологического «положения дел». Пропозиция представляет не отстраненный от субъекта *внешний* мир, но фрагмент картины мира этого субъекта. Разнообразные события и явления реального мира (*со-бытия*) интерпретируются каждым индивидом

по-своему, более того, одно и то же событие может быть описано им по-разному. В каждом событии или явлении субъект выделяет ситуации – элементы недискретного опыта человека, вне которого никаких ситуаций нет. Пропозиция как концептуализация данного элемента недискретного опыта выступает отображением не действительного мира, но взгляда на действительный мир, выделяемой в нем ситуации, т.е. его *интерпретации* человеком. Именно такое «положение дел» номинирует пропозиция.

Так как суть коммуникации как смыслового аспекта социального взаимодействия людей состоит не только в апелляции к концептуальным (информационным) схемам индивидов через указание на определенные конфигурации смыслов как результатов прежней ментальной и коммуникативной деятельности, но и представлении *мысли*, способной внести новый смысл или привести к изменению конфигурации смыслов, сообщение – это всегда порождение мысли, а не просто актуализация смыслов. Следовательно, *сообщающая единица* (единица *информации*) – это всегда отображение мысли как деятельности человека. Информационная емкость, насыщенность текста определяются не простым количеством наличествующих в нем указаний и других обозначений пропозиций, а количеством обозначенных пропозиций, вовлеченных в деятельность, ставших объектом непосредственной мысли. Поскольку некоторое исходное пространство мысли образуется наличием абстрактной взаимосвязи между объектами, т.е. *отношением*, устанавливаемым человеком [ДЕФОРТ 1994: 170], как сообщающую единицу можно определить ту, в которой отображается когнитивные и коммуникативные действия говорящего. Отношение предикации образует исходное ментальное пространство, в котором оно совершается, поскольку происходит расщепление пропозиции на предикатный и индивидный концепты. Таким образом,

предикация – это речемыслительная операция приписывания установленного и отображенного субъектом конкретного свойства или отношения абстрактному предмету. Если пропозиция является номинацией структурированного положения дел с заполненными участниками (результатом перевода внутреннего слова в конвенциальный код), то предикация является операцией преобразования многомерной, но неориентированной структуры пропозиции в линейную, отображением речемыслительного акта выделения индивидных и предикатного концептов и установления вектора связи между ними. При языковом воплощении предицированная пропозиция (если она единственная) обязательно оформляется в синтаксических категориях модальности, времени и лица. Таким образом, сообщающая единица (соотносительная с единицей информации) – это языковое выражение, в котором отображается любое логическое отношение: предикации, импликации, конъюнкции, дизъюнкции, логического следования и т.д.

Литература

1. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Концептуальные аспекты синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
3. Логический словарь: ДЕФОРТ / Под ред. А.А. Ивина, В.Н. Переверзева, В.В. Петрова. – М.: Издательство «Мысль», 1994.
4. Манаенко Г.Н. Современное представление пропозиции в лингвистике // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 22. Филологические науки. Ставрополь: СГУ, 1999.

5. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Е.С. Шереметьева
e.sheremetyeva@gmail.com
д-р филол. наук, профессор Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ ЧЛЕНАМИ (КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗНЫМ АНАЛОГОМ *В ТОМ ЧИСЛЕ*)

Ключевые слова: синтаксис, конструкция, служебные слова, отношения включения, присоединение.

Аннотация: Конструкция со служебным словом *в том числе* допускает формально-семантические сдвиги, приводящие либо к видоизменению структуры без изменения семантики конструкции, либо к коренному изменению семантики вплоть до искажения логических отношений.

E.S. Sheremetyeva, Dr. of Philological Sciences, prof., Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

FORMAL AND SEMANTIC SHIFTS IN CONSTRUCTIONS WITH PARALLEL MEMBERS (CONSTRUCTIONS WITH CONJUNCTIONAL ANALOGUE *В ТОМ ЧИСЛЕ*)

Keywords: syntax, construction, grammatical words, insertion relations, conjunction.

Abstract: Construction with grammatical word *в том числе* admit formal and semantic shifts which result in constructional modification without any semantic change or in radical semantic change which can distort even logical relations.

Структуры, обладающие признаком параллелизма компонентов, формируются разными синтаксическими средствами, прежде всего – различными по семантике союзами, союзными аналогами и рядом производных предлогов. Такие конструкции оказываются подверженным разного рода сдвигам – и формальным, и семантическим (см., например, [1: 401–436]), что и является предметом нашего внимания.

В настоящем докладе мы рассмотрим конструкции с союзным аналогом *в том числе*, показателем отношений **включения**, одной из разновидностей пояснительных отношений. Основа отношений включения – оппозиция **общее – частное**, а очевидная внутренняя форма *в том числе* отсылает к оппозиции **множественность – единичность**. Кроме того, факт формального появления **частного** ведет к развитию в конструкции дополнительных **присоединительных** отношений.

Каноническая структура конструкции обладает признаком семантической и формальной рядоположенности (коррелятивности, параллельности) компонентов конструкции, один из которых (левый) – показатель множественности (количественные числительные, родовое имя в форме множ. числа, кванторные слова), другой (правый) – показатель единичности. Структура с относительно жестким порядком слов: *в том числе* обязательно находится в постпозиции к показателю множественности, но может быть как в препозиции (чаще), так и в постпозиции по отношению к компоненту – показателю единичности, например: *В Международную ассоциацию владельцев самолетов*

и пилотов входит около 60 стран, в том числе с недавних пор и Россия (НКРЯ).

Каноническая структура подвержена формальным, формально-семантическим и семантическим сдвигам. Различаем два типа **формальных сдвигов**: 1. Сохраняются отношения общего/частного, сохраняется семантический параллелизм компонентов, однако отсутствует формальная коррелятивность – нет субстантива в позиции правого компонента (элиминация лексического повтора): *Вы всю жизнь изучаете микроорганизмы, в том числе и самые опасные для человека* (НКРЯ). 2. Сохраняются отношения общего/частного, сохраняется семантический параллелизм компонентов. При этом на сдвиг первого типа накладывается отсутствие показателя множественности в левом компоненте: позицию левого компонента занимает отвлеченное имя процесса или состояния в форме ед. ч. – часто в силу того, что формы множ. ч. у таких имен нет. Правый компонент называет частное проявление того процесса/состояния, которое представлено в левом. Именно *в том числе* эксплицирует идею множественности и актуализирует семантику частного: *Важно отметить модульность Zope-платформы, что позволяет с наименьшими усилиями организовать и осуществить процесс обучения, в том числе и дистанционного* (НКРЯ).

Формально-семантический сдвиг проявляется в отсутствии семантической коррелятивности, рядоположенности компонентов конструкции, что приводит к формированию другой конструкции – с **вторичной связью (ВС)** [2: 89–109]: *Могут они участвовать, в том числе инвестициями, в модернизации предприятий пищевой промышленности, в жилищном строительстве, металлообработке* (НКРЯ). *<…> ожидаем новый позитивный импульс для сотрудничества между столицами наших государств, в том числе в практических сферах* (НКРЯ). Несмотря на отсутствие

семантического параллелизма компонентов, в конструкции сохраняются отношения включения. Эти отношения формируются служебным словом *в том числе*.

Конструкция ВС позволяет меньшими формальными средствами передать как отношения общего/частного, так и более сложные отношения: на отношения включения накладываются иные виды отношений (целевые, причинно-следственные и др.). Естественно, они формируются другими средствами, но в единой структуре: *обмен медицинским персоналом, в том числе с целью повышения его квалификации.*

Промежуточными оказываются структуры, в которых есть формальный показатель множественности, но нет рядоположенности: *в ТЮЗе я играю много самых разнообразных ролей, в том числе и в серьезных спектаклях* (НКРЯ).

Семантический сдвиг заключается в отсутствии в конструкции с *в том числе* отношений включения при наличии параллелизма компонентов: семантика компонентов не соответствует названным выше условиям формирования отношений общего/частного и вступает в логическое противоречие с семантикой *в том числе*. Такие конструкции, не отвечающие литературной норме, фиксируются нами в основном в устной речи, однако проникают и в письменную: *Импортировали мясо, овощи, в том числе молочные продукты. На РТР днем идут главным образом «Диалоги о животных», в том числе «Парламентский час»* (Известия. 29.01.1999). В структурах подобного рода *в том числе* используется вместо присоединительного союза *а также*. Причину возникновения данного семантического сдвига мы видим в заложенной в *в том числе* соединительно-присоединительной семантике.

Литература

Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Ю.Н. Здорикова
Ulia_zdor@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Ивановского государственного химико-технологического университета, Иваново, Россия

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ НО: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ключевые слова: сложносочиненные предложения, союз НО, противительность, русские грамматики, повторение союза НО.

Аннотация: В работе рассматриваются некоторые особенности сложносочиненных предложений с союзом НО, приводится их описание в русских грамматиках. Автор описывает типы предложений с двукратным употреблением союза НО.

Y.N. Zdorikova, Candidate of Philology, Associate professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Russia

COMPOUND SENTENCES WITH THE CONJUNCTION BUT: TRADITION AND MODERNITY

Key words: compound sentences, conjunction BUT, adversative, Russian grammar, double use of conjunction BUT.

Abstract: The article deals with some features of compound sentences with the conjunction BUT, describes them in Russian grammar. The author describes the types of sentences with a double use of conjunction BUT.

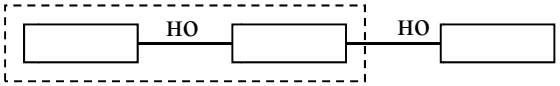
Конструкции с противительными отношениями являются неотъемлемой частью системы сочинения. Несмотря на то,

что на сегодняшний день они достаточно подробно изучены, интерес к ним не ослабевает. Конструкции с противительными отношениями, в частности, сложносочиненные предложения (ССП) с союзом НО отражают противоречивые свойства человеческого мышления и являются выразителями идеи противоположного различия, несходства, контраста, несоответствия. Союз НО в таких конструкциях выступает маркером идеи противоположности. Какое бы частное значение ни реализовалось в рассматриваемых конструкциях, противительный союз является сигналом того, что содержание второго компонента противопоставлено тому, о чем говорится в первом, противоположно ему.

ССП с союзом НО подробно описаны в русских грамматиках, где приводятся их структурно-семантические особенности, выявляются типичные признаки, дается классификация. В Грамматике-54 отмечается, что предложения, вводимые союзом НО, «могут заключать в себе сообщения, противопоставляемые в каких-либо отношениях всему ранее изложенному, но имеющие и вполне самостоятельное значение» [2: 218]. Классификации ССП с союзом НО, представленные в русских грамматиках, выявляют наиболее общие, типичные разновидности этих конструкций. Так, в Грамматике-70 выделяются противительно-ограничительные, противительно-уступительные и противительно-возместительные ССП [3], в Грамматике-80 к тем же разновидностям добавлены еще противительно-присоединительные предложения [4].

Традиционно ССП с союзом НО относят к предложениям закрытой структуры. Так, в Грамматике-54 указано, что «ССП с союзом НО всегда двучленны; они состоят из двух частей, противопоставленных друг другу в целом, что обусловлено самой спецификой противопоставления» [2: 219]. В.А. Белошапкова отмечает, что данные ССП состоят из двух частей и не допускают включения третьей [1: 62],

для них характерна бинарность структуры, ряд, включающий их, не может быть продолжен. Однако конкретный языковой материал позволяет говорить о наличии предложений с двукратным употреблением союза НО, которые могут состоять из трех или более частей, но при этом являться бинарно закрытыми. В таких предложениях третий компонент, вводимый союзом НО, противопоставляется не какой-то одной предшествующей части, а единому блоку, состоящему из первых двух частей. Проиллюстрируем нашу мысль на следующем примере: *И всего бы хватило Ваське доскакать до кустов и пасть там в чащобу иванчая да змеем уползти в овраг,* ***но*** *дернулся конь, споткнулся, выровнялся уже (!),* ***но*** *Васька, не находя опоры ноге в отсутствующем стремени, начал сползать с покатой спины лошади и, не доскакав всего нескольких сажен, грянул с коня… (Д. Балашов)* – между первой и второй частью предложения устанавливаются отношения препятствующего ограничения; третья же часть относится к первой и второй одновременно, распространяя их содержание. Схему этого предложения можно представить так:



В предложениях с повторяющимся союзом НО вторая часть может соотноситься по смыслу с первой, а третья – со второй. Вторая часть предложения входит в оба блока, графически структуру можно представить так:

Проиллюстрируем это на таком примере: *Левин был благодарен Облонскому за то, что тот со своим всегдашним тактом, заметив, что Левин боялся разговоров о Щербацких, ничего не говорил о них;* ***но*** *теперь Левину уже хо-*

телось узнать то, что его так мучало, ***но*** *он не смел заговорить (Л. Толстой)* – между первым и вторым компонентами, связанными союзом НО, устанавливаются отношения распространения, между вторым и третьим – отношения препятствующего ограничения.

В предложениях с двукратным употреблением союза НО могут объединяться два блока бинарно закрытых структур на основе бессоюзной связи, такие предложения состоят как минимум из четырех частей, их структуру можно представить так:

Приведем пример: *Есенин был таким,* ***но*** *это поиск в другом направлении – песенном, народная песня – всегда народный язык,* ***но*** *народный язык далеко не всегда песня (С. Залыгин)* – между первой и второй частью этого предложения, образующими единый смысловой блок, устанавливаются распространительные отношения, между третьей и четвертой частями, образующими второй блок – отношения возместительного ограничения.

Литература

1. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
2. Грамматика русского языка: В 2 т. Т.2. Ч.2. Синтаксис / Академия наук СССР, Институт языкознания; [ред. Коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина]. М.,1954.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
4. Русская грамматика: В 2 т. Т.2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Ю.М. Кувшинская
kjulia4@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Национального исследовательского университета – ВШЭ, Москва, Россия

ПРЕДИКАТИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ С ИМЕННЫМИ ГРУППАМИ, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫМИ СЛОВОМ «РЯД» ПО ДАННЫМ НКРЯ

Ключевые слова: русский язык, грамматика, предикативное согласование, кванторные слова.

Аннотация: Доклад посвящен описанию тенденций в выборе формы сказуемого при согласовании с именной группой, возглавляемой словом *ряд*, и исследованию факторов, влияющих на выбор формы сказуемого. Согласование со словом *ряд* рассматривается в контексте специфики предикативного согласования с другими кванторными существительными.

Y.M. Kuvshinskaya, Ph.D., Assistant professor, National Research University – High School of Economics, Moscow, Russia

PREDICATE AGREEMENT WITH NOUN PHRASES HEADED BY THE WORD *RJAD* ACCORDING TO THE DATA OF RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Keywords: Russian grammar, predicate agreement, quantified noun phrases.

Abstract: The report focuses on the trends in the predicate agreement with noun phrases headed by the word *rjad.* The factors which influence the choice of the form of predicate are

analyzed. The predicate agreement with *rjad* is considered in the context of the specificity of the predicate agreement with other quantifiers that are nouns.

При предикативном согласовании с квантифицированными именными группами могут наблюдаться колебания в выборе формы числа и рода сказуемого. Сказуемое может согласовываться грамматически с вершиной именной группы (ИГ), если вершина охарактеризована по роду и числу (*Половина лекарств производилась из растительного сырья*). Согласование может быть семантическим, ориентированным на семантику именной группы в целом, в этом случае сказуемое ставится во мн. ч. (*Половина студентов колледжа приехали из регионов*). Наконец, нередко встречается согласование по дефолтному типу – в форме единственного числа среднего рода (*В городе работало несколько заводов*).

В докладе рассматривается предикативное согласование с существительным *ряд* в контексте согласования с другими кванторными существительными (*половина, часть* и др.) в современной русской речи (период с 2000 по 2015 г.), на материале Основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Как показывают данные НКРЯ, при предикативном согласовании с именной группой, включающей слово *ряд*, возможны все три типа согласования, однако преобладает грамматическое согласование: *В последние десятилетия появился ряд интересных работ ...* В то же время встречаются примеры семантического согласования: ***Ряд** российских **компаний** подали заявки на участие в конкурсе.* Случаи дефолтного согласования чрезвычайно редки как в письменной, так и в устной речи (как показывает устный подкорпус НКРЯ).

Таблица 1. Предикативное согласование с именной группой, возглавляемой словом *ряд*

Период	XVIII в	XIX в	1900–1950	1960–1970	2000–2014
Форма сказуемого					
Единственное, м. р.	100 % (4)	94% (269)	91,6 % (263)	79,07 %	82 % (738)
Множественное	0	6% (18)	7 % (20)	15,12 %	17,7 % (160)
Единственное, ср. р.	0	0	1,4% (4)	5,81 % [1]	0,3 % (2)

Согласно данным НКРЯ, на протяжении XVIII – первых десятилетий XXI вв. в целом незначительно возрастает частотность семантического согласования со словом *ряд*. Дефолтное согласование почти полностью уходит (видимо, благодаря нормализаторской деятельности редакций).

Повышение вероятности колебаний в выборе формы сказуемого связано с распространением кванторного употребления слова *ряд*. Существительное *ряд*, в отличие от существительных *половина, часть* и др., в первом значении называет не количество, а последовательность предметов. В XVIII в. примеров употребления слова *ряд* в количественном значении мало. В это время, по данным НКРЯ, не встречается и случаев семантического согласования. В XIX в. кванторное употребление становится более частотно (видимо, в связи с развитием научной и деловой письменности); наблюдается частое употребление слова *ряд* со смешанной семантикой, при значении количества сохраняется значение последовательности (*Но с этого времени начался **ряд** неудач – НКРЯ)*. При кванторном употреблении слова *ряд* (с сохранением или без сохранения значения после-

довательности), сказуемое может стоять как в ед., так и во мн. ч. В XX в. возрастает частотность употреблений в кванторном значении с утратой значения последовательности, при этом растет число случаев выбора мн. ч. сказуемого.

На выбор формы сказуемого в предложениях со словом *ряд* существенно влияют такие факторы контекста, как одушевленность/неодушевленность референта, порядок слов, наличие однородных сказуемых или подлежащих, приложений во мн. ч. (статистика и примеры приводятся в докладе). В этом отношении предложения со словом *ряд* заметно отличаются от предложений с существительными *половина, часть* и др. [2], но схожи с предложениями с числительными [1: 28, 6].

Как показано многими исследователями, вероятность выбора той или иной формы сказуемого в предложениях с квантифицированными ИГ определяется свойствами количественного слова [4; 5; 6]. Кванторные существительные (*ряд, половина, часть* и др.) неодинаковы по морфосинтаксическому поведению, по характеру влияния на предикативное согласование (ср. также [3]). В согласовании с ИГ, возглавляемой словом *ряд*, проявляются такие закономерности, которые свидетельствуют о том, что слово *ряд* более ярко проявляет признаки кванторного слова, чем некоторые другие кванторные существительные.

Литература

1. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
2. Кувшинская Ю.М. Согласование сказуемого с именной группой, возглавляемой словом *половина, часть, треть, четверть, ряд* (в печати).
3. Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.

4.Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 2005.
5. Супрун А.Е. Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи). Дис. … д-ра филол. наук. Л., 1965.
6. Krasovitsky A., Baerman M., Brown D., Corbett G.G., Williams P. Predicate agreement in Russian: a corpus-based approach // Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus. Munchen-Berlin-Wien, 2009. P. 109–121.

И.Н. Левина
iri555007@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, лексикография, изъяснительное предложение.

Аннотация: Проблема идеографической классификации лексико-синтаксических моделей изъяснительных предложений типа [мечтать], (что…), [говорить1], (будто…), рассматривается в связи с проблемой изосемизма, обусловленного спецификой лексического значения опорных слов и союзов.

I.N. Levina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

LEXICO-SYNTACTIC MODELS OF THE EXPLANATORY SENTENCE: THE PROBLEM OF IDEOGRAPHY CLASSIFICATION

Key words: Russian language, syntax, lexicography, compound explanatory sentence.

Abstract: The report focuses on ideographic classification of the lexico-syntactic models of the compound explanatory sentences such as: [мечтать], (что…); [говорить1], (будто…) and similar. This problem is discussed in association with the problem of isosemantism caused by the specificity of a lexical component in the main part and a subordinating conjunction.

Идеографическая классификация лексико-синтаксических моделей сложноподчиненного изъяснительного предложения, необходимость которой обусловливается лексикографическими и методическими потребностями, затрагивает аспекты, ранее не попадавшие в поле зрения исследователей.

При теоретической разработке вопросов идеографической типологии необходимо учитывать факт того, что формирование семантики единиц-моделей типа [**заблуждение**], (**что…**); [**заспорить**], (**…ли**); [**заливать**], (**будто…**) |$^{\text{прост.}}$ определяется несколькими составляющими.

Идеографическая типология лексико-синтаксических моделей (ЛС-модель) сложноподчиненного изъяснительного предложения (в лексико-синтаксическом словаре русского языка [1] их зафиксировано более 2 000) не может быть полностью ориентирована на лексический компонент в главной части предложения – опорные (контактные) слова, обусловливающие своей семантикой появление придаточной части.

Специфической проблемой, возникающей при попытке распределения моделей изъяснительного предложения на основе идеографического принципа, является проблема изосемизма. Так, ‘недостоверность информации’ может презентоваться в модели как лексическим средством, в качестве которого выступают опорные слова релевантных лексико-семантических (и тематических) групп, – например, таких, как «Воображение, греза, мечта», «Догадка, предположение, суждение», «Заклинание, ворожба, гадание, колдовство» [2], – так синтаксическим: придаточной частью предложения, присоединяемой некоторыми союзами (будто, как будто, якобы). Принципиально важно, что такой структурный компонент способен сочетаться и с опорными словами лексико-семантических (тематических) групп, не имеющих названного значения. Явление изосемизма может быть проиллюстри-ровано следующими моделями того и другого типа:

(1) [**легенда**], (**что…**): *Существует <u>легенда, что</u> по завершении создания Преображенской церкви плотницкий мастер Нестор со словами «Такого не было, нет и не будет» выкинул топор в Онежское озеро*. (В. Белоусов. Жемчужины русского зодчества // Зеркало мира. 2012);

(2) **[донести2], (будто…)**: *Так, на Афанасия Александрийского они ложно <u>донесли, будто бы</u> он поддерживал александрийское возмущение, <u>будто бы</u> он умертвил одного их сторонника (Арсения) и отрезал у него руку, которую употребляет для каких-то волхвований* (Л. Тихомиров. Христианская эпоха).

Существуют и довольно частотны модели, в которых указанная семантика характерна для обоих компонентов: **[легенда], (будто…)** и подобные.

Дополнение алфавитной части лексико-синтаксического словаря идеографической определяет, в частности, ком-

фортное пользования им иностранными преподавателями-русистами.

Литература
1. Ильенко С.Г., Левина И.Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. СПб., 2007.
2. Русский семантический словарь. Т. 3. Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М., 2003.
3. Национальный корпус русского языка: URL: http://www.ruscorpora.ru

Т. Н. Пермякова
uchi70@mail.ru
кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета, Россия

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЮЗНОЙ СВЯЗИ

Ключевые слова: союз, союзная скрепа, полевая структура, ядро, периферия, приядерная зона.

Аннотация: В докладе представлена полевая структура союзных средств связи как вариант решения актуальной проблемы соотношения понятий союз и союзная скрепа.

T. N. Permyakova, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

FIELD STRUCTURE OF CONJUNCTION LINK'S INDICES

Keywords: conjunction, conjunction brace, field structure, core, periphery, area near the core.

Summary: The report presents the field structure of the conjunction connection facilities as an alternative solution of the relevant problem of correlation of the terms conjunction and conjunction brace.

В настоящее время актуальной остается проблема соотношения понятий союз и союзная скрепа, которые, на наш взгляд, находятся в родо-видовых отношениях. Если рассматривать множество показателей союзной связи как полевую структуру, то ядро представляют однословные скрепы, или собственно союзы, например: *а, и, но, что* и т.п. В целом множество союзных функтивов, которые вместе с ядром – союзами – составляют союзные скрепы, являются гетерогенными. Разные участки этой полевой структуры изучены в разной степени.

Периферию ядра составляют союзные фразеологизмы (сращения / идиомы / единства), которые обладают признаками устойчивости, единством значения, постоянной формой и т.п., например: *так что*, *в то время как* (в сопоставительном значении), *тогда как, между тем как*.

Ближайшую к ядру периферию – приядерную зону – составляют неоднословные союзные средства, или составные союзы, которые по количеству мест (позиций), занимаемых составляющими их элементами, «Русская грамматика» разграничивает на одно- и двухместные / многоместные [4: 713 – 720]. В список одноместных союзов попадают и языковые единицы, целостность которых может быть нарушена не только пробелом, но и запятой по формальным

или прагматическим условиям (см. работы Д.Э. Розенталя и М.В. Ляпон [3:249 – 253; 2:47 – 60]): *оттого что, потому что, вследствие того что* и т.д.: Например: *...Выбор между ворюгами и кровопийцами безнадежен, он еще и ложен,* ***потому что*** *принципиальной разницы между ними нет* (Д. Быков). **Ср.**: *А так покажется* ***потому, что*** *я с этого начал, а вы же про меня ничего не знаете, и то, с чего я начал, будет первым, что вы про меня узнаете, и поэтому может показаться, что это для меня очень важно* (Е. Гришковец).

В приядерную зону входит также ряд одноместных союзов, которые могут варьировать в формальном плане: помимо основного, одноместного варианта, такие союзы могут иметь второй компонент, семантически опустошённый. К ним относятся союзы: *если, так как, ежели, коль скоро* и др. Они имеют варианты *если …, то…; ежели…, то…; так как..., то…* и подобные, например: ***Так как*** *часы в состоянии ожидания не вырабатывают никаких событий,* ***то*** *можно произвольно управлять временем ожидания, увеличивая или уменьшая его даже у приостановленных уже часов* (Информационные технологии 2004, № 3. НКРЯ). Для описания таких союзных скреп продуктивным является термин В.Н. Завьялова *исходная форма союза* [1: 59 – 62].

Двухместные союзные скрепы, являющиеся неоднородным множеством и чаще всего представляющие собой коррелятивные пары, занимают периферию полевой структуры союзных средств связи: *коль скоро…, значит…; поскольку…, следовательно…* и под., например: ***Поскольку*** *мы храним всё и вечно как национальная библиотека,* ***следовательно****, у нас хранится культурное наследие* (Университетская книга. НКРЯ.) На наш взгляд, они находятся на периферии, поскольку в этом случае им свойственна проницаемость подобно тому, как проницаемы могут быть отрицательные

местоимения [5: 9–42]. Причём, двухместные союзные скрепы в периферийной зоне располагаются по степени удалённости от ядра. Первую группу представляют скрепы, элементами которых являются «союз…, союз…», например: ***Едва только*** *записал Нержин этот вывод на клочке бумажки,* ***как*** *его и арестовали* (А. Солженицын. НКРЯ); вторую группу – «союз…, коррелят…»: ***Если*** *спросить сегодня любого предпринимателя о том, какой вопрос в части налоговой реформы является главным,* ***то*** *ответ будет один: снижение единого социального налога.* (Бизнес-журнал, 2003. 23. 10. НКРЯ); третью группу – вводное слово (или словосочетание)…, союз…: ***Бесспорно****, зачатки наследственной патологии могут быть представлены в виде рецессивных мутаций предков,* ***но*** *немалую часть составляют и новые, так называемые спонтанные генетические мутации, не последнюю роль в возникновении которых играет негативное воздействие окружающей среды* (Вокруг света. НКРЯ).

И наконец, самую удалённую от ядра зону занимают языковые единицы, способные выполнять союзную функцию: местоимения, частицы, вводно-модальные слова и т.п. Функциональные поля, в которые входят эти единицы, имеют области пересечения с функциональным полем союзных средств связи, что и позволяет нам говорить об отдалённом периферийном положении данных единиц, способных выполнять союзную функцию. При таком подходе получается, что всякий / любой союз является скрепой, но не всякая скрепа – союз.

Литература:

1. Завьялов В.Н. Об исходной форме союза // Русский язык в школе. 2008. № 7.

2. Ляпон М.В. О значении запятой при расчленении составного союза / отв. ред. А.И. Скворцов // Современная русская пунктуация. М., 1979.
3. Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск, 1996.
4. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
5. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Пособие для студентов пед. ин-тов. Изд.2-е. М., 1972.

Е.В. Ситникова
AlyonaSitnikova@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Мариупольского государственного университета, Мариуполь, Украина

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, традиционная классификация, логическая классификация, формально-грамматическая классификация, структурно-семантическая классификация.

Аннотация: В данной статье делается попытка привести к единообразию наработанный лингвистами материал по распределению сложноподчиненных предложений на группы: разрабатывается алгоритм анализа сложноподчиненных предложений, обосновывается целесообразность использования структурно-семантического принципа при классификации сложноподчиненных предложений.

E.V. Sitnikova, Candidate of Science (Philology), associate professor of Department of Russian Philology and translation Mariupol State University, Mariupol, Ukraine

COMPLEX SENTENCE: DEFINITION OF TERM AND PRINCIPLES OF CLASSIFICATION

Key words: complex sentence, traditional classification, logical classification, formal and grammar classification, structural and semantic classification.

Abstract: This article makes an attempt to bring uniformity to the acquired linguistic material on the distribution of complex sentences into groups: the algorithm for analysis of complex sentences is developed, the appropriateness of the use of structural and semantic principle of classification of complex sentences is grounded.

С момента введения в русскую грамматическую науку термина «придаточное предложение» лингвисты пытаются выделить основания, необходимые для классификации данной структурной составляющей сложноподчиненного предложения (далее СПП). Появившийся впервые в работах Н.И. Греча термин «придаточное предложение» определялся как размножение, подробное развитие какой-либо части главного предложения [2: 248]. Среди самих придаточных предложений ученый различал всего лишь три их разновидности: существительные, прилагательные и обстоятельственные придаточные предложения.
В дальнейшем типы придаточных предложений рассматривались лингвистами в рамках классификаций СПП. Русской грамматической науке известны логическая, формально-грамматическая и структурно-семантическая классификации СПП.

Основы логической классификации были заложены А.Х. Востоковым. В разработке данной классификации СПП принимали также участие И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев, А.Г. Руднев и др. Определяя группы СПП, лингвисты исходили из отождествления синтаксических функций членов определяемого предложения и определяющего предложения и логического вопроса от определяемого предложения к определяющему предложению.

А.М. Пешковский отходит от семантико-синтаксического принципа при классификации СПП. Учение о данной разновидности сложных предложений лингвист сводит к изучению лишь формальных средств связи придаточного предложения с главным предложением – союзов и союзных слов, на основе значения которых и делает попытку классифицировать СПП. Наработки А.М. Пешковского были уточнены и детализированы Л.А. Булаховским, А.Б. Шапиро, М.Н. Петерсоном.

В.А. Богородицкий, Л.Ю. Максимов, Д.Э. Розенталь и др. при классификации СПП учитывают структуру обеих частей СПП, синтаксические средства связи между ними, смысловое значение придаточных частей, то есть в основу распределения СПП по группам кладется уже структурно-семантический принцип.

В данной статье делается попытка привести к единообразию наработанный лингвистами материал по распределению СПП на группы. В связи с этим был разработан алгоритм анализа СПП: в рамках каждой классификации дается определение СПП, устанавливается порядок их анализа, называется признак, по которому СПП распределяются на группы и характеризуются согласно установленному порядку их анализа. Освещение вопроса о классификациях СПП сопровождается примерами из произведений художественной, публицистической и научно-популярной литературы. Кроме того, автор статьи обосновывает целесо-

образность использования структурно-семантического принципа при классификации СПП.

Анализ предложений по логико-грамматической, формально-грамматической и структурно-семантической классификациям СПП позволил сделать следующие выводы.

Структурно-семантическая классификация СПП дает наиболее полную и всестороннюю характеристику данной разновидности сложных предложений, так как она учитывает и соотнесенность придаточной части с главной частью (придаточная часть распространяет главную часть в полном объеме или только ее компонент), и характер поясняемого компонента в главной части (слово или словосочетание), и средство связи придаточной части с главной частью (союз или союзное слово), и возникающие смысловые отношения между придаточной частью и главной частью (временные, условные, причинные и т.д.).

Нельзя не согласиться и с мнением Н.С. Валгиной о том, что очень удачным является введение в структурно-семантическую классификацию СПП терминов «главная часть» и «придаточная часть» вместо терминов «главное предложение» и «придаточное предложение». Вновь введенные термины хотя и употребляются условно, однако подчеркивают некоторую самостоятельность частей сложного целого [1: 311].

Логико-грамматическая и формально-грамматическая классификации СПП имеют ряд недостатков. И та и другая классификации не охватывают все имеющиеся разновидности придаточных предложений: в логико-грамматической классификации отсутствуют придаточные предложения со значением следствия, в формально-грамматической классификации – придаточные предложения со значением места, образа действия, меры и степени.

Среди разновидностей СЦ в формально-грамматической классификации отмечаются СЦ с придаточным предложе-

нием с относительным подчинением, где средством связи придаточных предложений с главными предложениями являются союзные слова. Однако среди разновидностей данной группы выделяются СЦ с придаточным предложением с косвенно-вопросительным подчинением, где средством связи почему-то указывается союз *ли*.

Литература
1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М., 1978.
2. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.

Д.Н. Солдатова
pirichka@gmail.com
старший преподаватель Военного университета Министерства обороны РФ, Москва, Россия

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ И ВАЛЕНТНОСТЬ НА СУБЪЕКТ

Ключевые слова: число, валентность, количественно-именные словосочетания, количественные приставки, глагольная множественность, синтаксема.

Аннотация: В статье рассматриваются способы заполнения валентности на множественный субъект. Предпринята попытка объединить теорию валентностей с теорией синтаксем Г.А. Золотовой. Валентность на множественный субъект может заключаться в семантике корня, приставки, в окончании предиката. Это по-разному оформляется на поверхностном синтаксическом уровне.

D.N. Soldatova, Senior Teacher at the Military University

QUANTITATIVENESS CATEGORY AND SUBJECT VALENCE

Key words: quantitativeness category, category of number, valence, numeral phrases, quantitative prefixes, verb plurality, syntaxeme.

Abstract: The article explores the possible options to fill the multiple subject valence. We also make a try to match the valence theory with the synaxeme theory of G. A. Zolotova. A multiple subject valence may lie either in a root morpheme meaning, or a prefix meaning, or in a predicate ending. It may as well take different forms on the level of surface syntactic representation.

Множественный субъект может мыслиться как собирательный, дискретный и дистрибутивный. Это по-разному будет оформляться на поверхностном синтаксическом уровне.
Есть глаголы, образованные от существительных, в корне которых заключается значение множественности, например, *толпиться, грудиться, кучиться, громоздиться, группироваться (где-то), сгрудиться*. Существительные *толпа, груда, куча, громада, группа* – сами означают некую совокупность, отсюда при глаголах мыслится множественный субъект.
Валентность на множественный субъект может содержаться также в семантике приставки, например, в приставках *пере-* и *по-* со значением ‘действие, исходящее от многих субъектов’: *перебывать, перегаснуть, перепáдать, повянуть, повскакивать, переговариваться, переглядываться, перемигиваться, перекликнуться* и т. д.. Сюда же относится приставка *раз-* со значением ‘действие, направленное или распространенное в разные стороны’: *разбежаться, расступиться*, *разбрестись*, *разойтись* и т. д.

На поверхностном представлении множественный субъект может оформляться морфологически – категорией числа, т.е. валентность будет заполняться синтаксемой (Под синтаксемой, вслед за Г.А. Золотовой [3], понимается падежная или предложно-падежная форма имен существительных, обладающая значением и функцией) Им. п. мн. ч., в данном случае множественность будет дискретной. Также это может быть выражено лексически – собирательной множественностью, в этом случае валентность будет заполняться синтаксемой Им.п. ед.ч.. Наконец множественный субъект может быть выражен синтаксически – однородные подлежащие, в этом случае он мыслится как дистрибутивный. В случае предикатов с постфиксом -ся на поверхностном уровне множественный субъект может оформляется сочетанием именной синтаксемы Им.п. с синтаксемой с + Твор. Множественный субъект может мыслиться также как дистрибутивный, соответственно он будет выражаться на поверхностном уровне именной синтаксемой по+ Вин. или по + Дат., выраженной существительным или количественно-именным сочетанием с предлогом по.

Наконец особый случай – заполнение валентности на субъект количественно-именным сочетанием и наличие / отсутствие согласования в числе между этим словосочетаниями, обозначающим субъект, и предикатом на поверхностном синтаксическом уровне: *На площадь* ***выехало пять всадников*** vs *На площадь* ***выехали пять всадников***. Здесь валентность на множественный субъект заключается в окончании предиката. При этом в случае дискретной множественности будет согласование по числу между предикатом и субъектом, в случае собирательной – согласования не будет. Однако выбор наличия/отсутствия согласования определяется и другими семантическими факторами.

Если обратиться к корпусу русского языка, то более частотными будут конструкции, схематически которые отсылают к бытийному типу [1]. Бытийное предложение связано с выбором перспективы, т.е. точки зрения (или фокуса внимания), с которой рассматривается данная ситуация [2]: с точки зрения МЕСТА либо с точки зрения УЧАСТНИКА, или ВЕЩИ. Если в фокусе внимания находится МЕСТО, то все происходящее будет мыслится как единое нерасчлененное представление о действии, следовательно, важно будет само действие, а не субъект действия. Поэтому УЧАСТНИК будет мыслиться как обобщенная, собирательная множественность субъекта. Отсюда выбор формы единственного числа.

Итак, валентность на множественный субъект может заключаться в семантике корня, в семантике приставки, в окончании предиката, при этом множественность субъекта может выражаться 1) морфологически (число существительного), 2) лексически (собирательное существительное), 3) синтаксически (однородные подлежащие, количественно-именное словосочетание).

Литература

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
2. Борщев В.Б., Парти Б.Х. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. 2002. Вып. 37.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988.

Т.Ю. Кудрявцева
tatiana-k2304@yandex.ru
Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, Воронеж, Россия

ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ В ВЫСКАЗЫВАНИИ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ВТОРОЙ РЕМЫ

Ключевые слова: деепричастие, деепричастный оборот, рема второй степени, высказывание, типология.

Аннотация: Исследуются коммуникативный статус и функции деепричастного оборота в высказывании; предпринята попытка создания типологии репрезентированной деепричастным оборотом ремы второй степени.

T.Yu. Kudryavtseva, Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Voronezh, Russia

ADVERBAL PARTICIPLE STRUCTURE IN UTTERANCE: TO PROBLEM OF SECOND REM TYPOLOGY

Keywords: adverbial participle, adverbial participle structure, second degree rem, utterance, typology.

Abstract: This study investigates the communicative status and functions of adverbial participle structure in the utterance; an attempt to create a typology of second degree rem represented by adverbial participle structure.

Сохраняющее связь и с подлежащим, и со сказуемым деепричастие (деепричастный оборот), формируя пониженную в ранге пропозицию и репрезентируя в предложении

второе сказуемое, в высказывании занимает как бы промежуточную позицию между тематическим и рематическим блоком и может быть квалифицировано как рема второй степени, выполняющая широкий спектр коммуникативных функций:

– адъективную: вторая рема характеризует весь тема-рематический блок (в постпозиции);

– вводящую: рема второй степени сообщает предварительные сведения о ситуации (в препозиции);

– описательно-квалифицирующую: вторая рема емко и динамично определяет базовые компоненты актуального членения (в препозиции). Функционально сближаясь при этом с ситуативной кулисой, деепричастный оборот в препозиции сохраняет статус ремы второй степени благодаря способности выражать акциональные значения, дополняющие семантику матричного действия.

При положении ремы второй степени между комплексом темы и ремы наблюдается контаминация нескольких функций. Во-первых, вторая рема, характеризуя предмет речи, вместе с тем заключает в себе новую информацию и примыкает к реме, выполняя интродуктивную функцию. Во-вторых, рема второй степени подготавливает появление матричного сказуемого и, реализуя квалифицирующую функцию, сообщает ему мотивировочную семантику целеполагания, причины, уступки, условия и т.д. В-третьих, в интерпозиции вторая рема играет роль своеобразного контрапункта, фиксируя границу тема-рематического членения.

В качестве ремы второй степени деепричастный оборот употребляется и на стыке частей сложного высказывания, сформированного на базе сложноподчиненного предложения. Будучи формально отнесенной к блоку темы, вторая, дополнительная, рема семантически тесно связана с первой и обусловливает ее появление. Соответственно,

можно говорить о репродуцирующей функции второй ремы, «провоцирующей» дальнейшее развертывание сообщения.

Отметим, что в высказываниях, созданных на основе сложноподчиненного предложения с придаточным определительным, наблюдается взаимопроникновение темы и ремы. Их наложение осуществляется посредством второй ремы, что позволяет выделить еще одну функцию последней – аккумулирующую.

Как известно, элементы актуального членения, не будучи прямо связаны с грамматическими членами предложения, вместе с тем вступают с ними в диалектическое единство. В зависимости от характера выражения, состава компонентов и степени сложности включенного в высказывание деепричастного оборота можно выделить следующие типы рем второй степени:

1) простая – состоит из одиночного деепричастия или неосложненного деепричастного оборота;

2) сложная – состоит из нескольких однородных деепричастий или простых деепричастных оборотов;

3) осложненная – представлена коммуникативно осложненным деепричастным оборотом, включающим вводные или вставные конструкции;

4) составная – репрезентирована морфологически дифференцированными элементами, вступающими с деепричастием в отношения семантической (наречия, существительные с предлогом) и синтаксической (причастные обороты) однородности;

5) комплексная – представлена пропозитивно осложненным деепричастным оборотом, проецирующим позицию периферийного аналога второго и второстепенного сказуемого;

6) инклюзивная – репрезентирована единым блоком деепричастного оборота и сложноподчиненного предложения с придаточным определительным.

Маркерами коммуникативного устройства высказывания на письме выступают графические средства. Наряду с интонацией и порядком слов они участвуют в организации актуального членения и, транслируя авторскую интенцию, не только отражают структурно-семантическую сложность ремы второй степени, выраженной деепричастным оборотом, но и воплощают коммуникативную перспективу высказывания.

Е.Г. Жидкова
zhidkova_elena85@mail.ru
аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

О ФУНКЦИЯХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Ключевые слова: детерминант, синтаксема, время, функция, простое предложение.

Аннотация: В работе рассматриваются неприсловные темпоральные предложно-падежные формы, которые традиционно относятся к сфере детерминантов; показано, что эти формы выполняют в простом предложении разные синтаксические функции.

E.G. Zhidkova, Graduate student, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

THE FUNCTIONS OF TEMPORAL DETERMINANTS IN A SIMPLE SENTENCE

Key words: determinant, syntaxeme, time, function, simple sentence.

Abstract: Temporal syntaxemes that traditionally belong to the determinants are discussed. These forms perform various syntactic functions in a simple sentence.

1. Проблема статуса предложно-падежных форм, их роли, функций в предложении в последний раз широко обсуждалась в 60–70-е годы XX века. Основной вопрос заключался в том, следует ли выделять в отдельную группу такие предложно-падежные формы, которые распространяют предложение в целом, т.е. одновременно относятся и к составу сказуемого, и к составу подлежащего. Решение считать подобные формы особенными, признание их особых функций было зафиксировано в Академической грамматике-80 (АГ-80), где рассматриваемые формы были выделены в особую группу и получили название «детерминант» [3].
2. С течением времени было доказано, что выделенная в АГ-80 группа не является однородной, ее в свою очередь можно разделить на несколько подгрупп; основой для такого разделения послужил функциональный статус предложно-падежных форм (иначе – синтаксем). При этом было доказано, что некоторые из выделенных подгрупп не относятся к собственно детерминантам. Г.А. Золотова в сфере собственно распространителей предложения (детерминантов, в терминологии Г.А. Золотовой – ситуантов) оставила только обстоятельственные распространители, которые позже были разделены на распространители и осложнители предложения. Среди осложнителей оказались прежде всего

предложно-падежные формы, образованные существительными с событийным и признаковым значением [1, 2].
3. Все темпоральные синтаксемы можно разделить на три большие группы: собственно темпоральные (*в два часа, 17-го июля*), темпорально-событийные (*в войну, во времена революций*) и темпорально-характеризующие (*в детстве, к старости*) синтаксемы.
4. Согласно «Синтаксическому словарю» Г.А. Золотовой, темпоральные предложно-падежные формы, отнесенные в АГ-80 к детерминантам, в простом предложении могут выполнять следующие функции: организуют предикативное ядро предложения, распространяют структуру предложения или осложняют ее: ***В 17 часов*** *– отлив.* ***В молодости*** *я требовал от людей больше, чем они могли дать.* ***В студенческие годы*** *огромное впечатление произвели на меня «Столбцы» Н.А. Заболоцкого.* ***В старости*** *время точно останавливается.*
5. В качестве предицируемого компонента (подлежащего) выступают собственно темпоральные синтаксемы, употребляющиеся в таких предложениях, которые относят к типу бытийных: *Под вечер – туман. В 4 часа известие*. Распространителями предложения являются собственно темпоральные синтаксемы (*в 5 часов, через день, в мае*), реже – темпорально-характеризующие синтаксемы и конструкции (*в детстве, в годы молодости*). Осложняют предложение синтаксемы и конструкции с событийной и признаковой семантикой: *в годы Второй мировой войны, в эпоху бедствий, в юности, ребенком, в день печали*.

Литература:

1. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 2-е изд., 2004.
3. Русская грамматика. Т.II. Синтаксис / ответ. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Д.С. Курочкина
darya.curochkina@yandex.ru
аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

ПРИНЦИП ОПИСАНИЯ ЛОГИЧЕСКИХ ПРИДАТОЧНЫХ И ПРОБЛЕМА ВЕРБАЛИЗОВАННОГО МОДУСА

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, логические союзы, иллокутивные союзы, диктум, модус.

Аннотация: В работе рассматривается система подчинительных союзов в связи с их отношением к модусу и диктуму.

D. S. Kurochkina, Graduate student, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

THE PRINCIPLE OF DESCRIPTION OF LOGICAL CLAUSES AND THE PROBLEM OF VERBALIZED MODUS

Keywords: the compound sentence, logical conjunctions, illocutive conjunctions, dictum, modus.

Abstract: The paper deals with the system of subordinating conjunctions due to their relation to the modus and dictum.

1. В русских грамматиках неоднократно отмечались особые случаи использования логических союзов (выражающих причину, условие, уступку, цель), которые обычно квалифицировались как несобственно-причинные, несобственно-условные, несобственно-уступительные, несобственно-целевые (*Дома никого нет, потому что свет в окнах не горит*) [5]. В рамках коммуникативной грамматики такие типы предложений были связаны с наличием модусной семантики, т.е. с возможностью восстановления модусной рамки (Я считаю, что …, потому что вижу, что...) [1].
2. Были работы, в которых обращалось внимание на то, что в сложном предложении могут соединяться сообщение о факте и речевой акт (вопросительный и побудительный) и применялась методика восстановления пропущенной модусной части (без использования современной терминологии) [3]. В работах школы лексической семантики подобные объекты получили терминологическое обозначение – «иллокутивные союзы» или «иллокутивное употребление» логических союзов [2, 4, 6]. Речь идет о союзах *раз*, *коль, ибо, постольку … поскольку.*
3. Л.Н. Иорданская и Е.В. Падучева в своих работах утверждали: придаточные являются обоснованием речевого акта, а не объяснением событий. В.З. Санников сужает термин «иллокутивный союз» и относит к этому понятию только те примеры, в которых отсутствует объективная связь между двумя пропозициональными составляющими сложноподчиненного предложения (*Раз ты любишь пословицы, то не в свои сани не садись*).
4. При этом и в грамматиках, и в лексической семантике союзы интерпретируются в рамках изолированных сложных предложений и не рассматривается их связь с текстом.

Отношение предложений с подобной семантикой к тексту исследовалось в работе Е.С. Ярыгиной [7], но ее интересовали предложения бессоюзные. В концепции коммуникативной грамматики для интерпретации всех этих предложений предлагается говорить о смене модуса внутри синтаксической конструкции или о «монтажном шве», тем самым проблематика уровня сложного предложения соединена с уровнем текста. В связи с этим актуальным становится описание системы сложноподчиненных предложений, в которых союзы устанавливают отношения не между двумя фактами, а между двумя модусными рамками.

Литература

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
2. Иорданская Л.Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. 12(3). 1988.
3. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
5. Русская грамматика. Т.II. Синтаксис / Ответ. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
6. Санников В.З. Иллокутивное употребление или синтаксический эллипсис? // Русский язык в научном освещении. № 2(10). М., 2005.
7. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка. Автореф. дис. … д-ра. филол. наук: 10.02.01. М., 2003.

О.И. Шаповалова
shapvalvaksana@rambler.ru
аспирант Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

СИТУАТИВНО-СТРУКТУРНОЕ УСТРОЙСТВО НУМЕРАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ключевые слова: семантико-функциональный синтаксис, ситуативно-структурный подаспект, нумеративное предложение.

Аннотация: В данной статье нумеративные предложения рассмотрены с точки зрения семантико-функционального синтаксиса. Анализируется ситуативно-структурный подаспект устройства этих предложений и специфика их функционирования в речи.

O.I. Shapovalova, post-graduate student of the Russian for international students chair of Voronezh State University, Voronezh, Russia

THE SITUATIVE-STRUCTURAL ORGANIZATION OF NUMERICAL SENTENCES

Keywords: semantic-functional syntax; situative-structural subaspect; numerical sentences.

Abstract: The article deals with numerical sentences within the frames of semantic-functional syntax. We analyze the situative-structural subaspect of organization of these sentences and their functioning in speech.

Наше исследование ведется в рамках разрабатываемой В.Ю. Копровым модели семантико-функциональной грам-

матики, в центре которой лежит метод многоаспектного описания устройства и функционирования предложения. Разграничивается семь аспектов: целевой, номинативный, предикативный, релятивно-номинативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический. Номинативный аспект включает в себя два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный. В свете первого предложения сначала дифференцируются по количеству компонентов их семантической структуры, затем – по принадлежности признакового компонента к той или иной части речи, далее – по принадлежности актантов к тому или иному лексико-грамматическому разряду слов внутри частей речи [1].

С точки зрения типового значения предложения типов *Я был один. Он был второй. Нас было пять. Мне было двадцать лет* входят в группу «Предмет и его количественный признак». С учетом критерия количества актантов в семантической структуре предложения анализируемые конструкции относятся к одноактантному типу. В соответствии с частеречной типологией они характеризуются как нумеративные, где признаковый компонент выражен числительным или его «заместителем» с количественным значением.

В русском языке нумеративные предложения представлены личными и безличными конструкциями.

1. Личное предложение, выражающее **количество**, встречается в единичных случаях, поскольку субъект имеет форму именительного падежа только в сочетании с количественным числительным ***один***: *Ключ от этой комнаты был один* (А. Слаповский); *Я один в пустой квартире* (В. Войнович); *Выход был один* (Ю. Коваль).

2. К отдельной группе относятся личные конструкции, в которых выражен признак «**порядок предметов при счете**». Они имеют два лексико-грамматических варианта, так как порядковые числительные могут употребляться как

дублеты и в именительном, и в творительном падеже: *Иван был второй* (Ю. Олеша); *Но по сумме этапов Володя все-таки был вторым* (Д. Ледовский).

3. При обозначении **количества, большего, чем один**, используется нумеративная безличная конструкция с субъектом, выраженным родительным падежом: *Нас двое* (Л. Улицкая); *Синих тюльпанов было около двадцати* (Ю. Давыдов); *Сейчас нас уже пятеро* (Е. Орлова).

Номинативный статус нумеративных предложений, обозначающих количество, отличается спецификой. Мы полагаем, что ситуативную основу данных конструкций составляют не информативно-минимальные предложения, как в других типах, а предложения с локативными и локативно-посессивными распространителями: *Компьютеров* ***в лаборатории*** / ***в прошлом году*** *было пять*; *Компьютеров* ***у меня*** *было пять*. В соответствии с разделяемой нами концепцией данные предложения семантически являются сложными, а структурно – простыми распространенными. В случаях, когда распространитель не лексикализуется, т.е. представлен в высказывании имплицитно, мы имеем дело с информативно минимальным нумеративным предложением: *Компьютеров было пять* (см. об этом подробнее [3]).

4. При обозначении **возраста субъекта** используется безличная конструкция, где субъект представлен формой дательного падежа: *А Николаю Григорьевичу всего-то двадцать два года* (А. Геласимов). Из глаголов, употребляемых для маркирования возраста, самыми частотными являются *исполниться, минуть, стукнуть*: *Сегодня мне исполнилось сорок лет* (С. Спивакова); *Мне минуло только двадцать два* (И. Кио); *Ей недавно стукнуло двадцать девять* (Ю. Домбровский).

В соответствии с делением понятия количества на семантические подгруппы [2: 6–9] и при учете соответствующего

лексико-грамматического наполнения признаковой позиции в предложении было установлено, что предложения третьего и четвертого типов могут выражать: 1) определенное количество, «мощность множества» в виде числа: *Стульев двадцать*; *Ему пятьдесят лет*; 2) неопределенное количество, которое может давать ту или иную оценку «мощности множества» каких-либо предметов: *Стульев мало*; *Ему много лет*; 3) приблизительное количество, обозначающее неопределенное множество с указанием определенных количественных границ отсчета этого множества: *Стульев около двадцати*; *Ему за пятьдесят.*

Произведенный нами анализ ситуативно-структурного устройства нумеративных предложений является важной составной частью многоаспектного описания их семантики и функционирования в современном русском языке.

Литература

1. Копров В. Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016.
2. Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на/Д: Гефест, 1997.
3. Шаповалова О.И. Номинативный аспект локативных, локативно-посессивных и нумеративных предложений // Научный вестник Воронежского государственного университета. 2015. № 4.

СЕКЦИЯ 5
РУССКАЯ ГРАММАТИКА И ДИНАМИКА НОРМЫ

Е.В. Бешенкова
evbeshenkova@gmail.com
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова, Москва, Россия

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОРТОЛОГИИ И ПОЛИТИКА ОРФОГРАФИСТОВ СЕГОДНЯ

Ключевые слова: ортология, орфография, политика орфографистов.

Аннотация: В докладе рассматривается система русского письма с позиции теории саморазвивающихся систем и деятельность кодификатора как одного из факторов развития таких систем. Формулируются цель кодификации, принятый способ управления системой письма, ключевые позиции при принятии кодификации.

E.V. Beshenkova, PhD, senior researcher of Vinogradov Russian Language Institute, Russia, Moscow

ASPECTS OF ORTHOLOGY THEORY AND POLICY OF MODERN LINGUISTS

Key words: orthology, orthography, policy of orthologs.

Abstract: Russian orthographic system is a self-developing system, linguists can be only one of many factors of the system. But still they can influence on the system, if they elaborate the right policy, based on adequate theory.

В общей методологии описания саморазвивающихся систем роль «искусственного» фактора, т.е. сознательного вмешательства человека, в нашем случае – кодификатора орфографии, рассматривается как один из множества компонентов процесса функционирования системы. Такое понимание роли кодификатора не уменьшает его ответственности: вмешательство должно предполагать ясные цели и выработанную стратегию управления этой саморазвивающейся системой, – только тогда оно может быть эффективным.

Выбранная цель (обеспечить письменную коммуникацию) может достигаться разными способами: либо сохранением имеющейся системы письма, степени его системности, либо изменением системы, либо приведением к традиционному, несистемному способу письма. Характер протекания процесса тоже может быть разным: адаптационным или скачкообразным, путем реформ. Эффективность того или иного способа управления зависит от социальных условий, в которых он осуществляется. На данном этапе приоритетным считается сохранение системы, способ управления письмом – постепенная адаптация.

При осуществлении выбранной стратегии кодификаторам необходимо ответить на следующие вопросы, обусловленные необходимостью учитывать возможные противоречия между разными аспектами функционирования письма.

1. Что важнее: обеспечить письменную коммуникацию, или выразить все, что может выразить устная форма языка, в том числе языковые различия, которые в устной речи не манифестируются, или быть средством самовыражения пишущего?

2. Кто является приоритетным участником коммуникации: пишущий или читающий (записывающий), обучающийся? Чисто теоретически признается, что хорошо бы учесть интересы и пишущего, и читающего, но понятно, что это

не всегда возможно. Анализ точек бифуркации в современном письме показал, что часто именно те правила, которые ориентированы на пишущего, а не читающего, вызывают затруднения. Введение позиции записывающего как приоритетной, как нам кажется, позволит снять некоторые точки напряженности и учесть позицию обучающегося.

3. Является ли письменная форма средством различия «грамотный – неграмотный», или «свой – чужой», или «я – не я»? Возникновение этого вопроса предопределено разной природой кодифицированной и стихийной, узуальной нормы – стихийная норма зависит и от коллективного мышления, и от индивидуального мышления. Сегодня существует даже корпоративная кодификация, отраженная в корпоративных инструкциях и словарях. Однако кодификатор, определяющий норму, общую для всех носителей языка, вынужден учитывать, что при расширении социальной базы употребления единицы меняются условия ее функционирования, при этом может возникнуть иная стихийная норма. И хотя при наличии безвариативной нормы в написании терминов кодификаторы до сих пор спорадически закрепляли эту норму в орфографическом словаре, последние исследования поставили целесообразность такой политики под вопрос.

4. Как относиться к узуальной норме в случае ее несовпадения с кодифицированной, как относиться к вариантам в узуальной норме? Если цель кодификатора сохранить степень системности письма, то на этапе формирования нормы целесообразно попытаться повлиять на узус и рекомендовать системно обусловленный вариант. При этом необходимо оценивать не только частоту употребления того или иного варианта написания данного конкретного слова, но и долю того или иного решения выделенной в этом слове орфограммы во всех лексемах с ней.

Особенно аккуратно надо применять статистический критерий по отношению к «словам-новобранцам». Для них характерно прохождение двух этапов: этапа вхождения как маркированно чужого, новомодного и этапа взаимодействия с системой. Поэтому статистические данные для них играют наименьшую роль в выборе кодификации.

5. Как оценить степень активности влияния других языковых и орфографических систем? Объективная оценка активности влияния другой системы языка, другой орфографии возможна только в ретроспективе. Только изучение истории кодификации, анализ перекодификации позволяют увидеть, насколько сильным было то или иное воздействие, насколько оно было преодолено системой русского письма.

6. Как относиться к точкам бифуркации в системе письма и как их упорядочивать? «Структурная система» является лишь частью общей системы письма. Только этой части свойственны строго детерминированные отношения, в остальной области действуют вероятностная причинность и «целевая причинность». Письмо в асистемной части функционирует по принципу частичной упорядоченности хаоса. В любой саморазвивающейся системе, живущей по законам соотношения хаоса и порядка, хаос частично упорядочивается, но лишь на время. Степень организованности, временна́я ее длительность зависят и от внутренних факторов, и от внешних условий функционирования системы. К внешним условиям для письма относится социальная стабильность или нестабильность, степень кодифицированности и отношение общества к кодификации, к статусу грамотного человека.

И структурная, и асистемная части системы письма при функционировании проявляют характерные для саморазвивающихся систем черты – формирование аттракторов и полей колебаний между ними. В теории орфографии-нормировании есть понятие «прецедента», т.е. определение

написания по аналогии с той или иной единицей. Но всегда вставал вопрос: почему мы в одном случае говорим об одной аналогии, а в других – о противоположной. Теория существования аттракторов и их вероятностных воздействий охватывает собой и само это понятие, и его применение при нормировании.

Эти факторы не выстраиваются в иерархию, их релевантность для разных конкретных орфограмм может быть разной, они могут обусловливать одинаковые или противоположные результаты, указывая на разновекторность динамики системы. Однако при принятии конкретных решений все они должны учитываться кодификатором.

Е.Б. Трофимова
eltrofimova@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета, Бийск, Россия

У.М. Трофимова
umt2005@rambler.ru
к-т филол. наук, науч. сотрудник Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета, Россия

М.С. Власов
vlasov_mikhailo@mail.ru
к-т филол. наук, руководитель научного отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета, Бийск, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ УЗУАЛЬНЫХ АКЦЕНТНЫХ НОРМ

Ключевые слова: Социолингвистическое анкетирование, узуальные нормы, акцентология, региональная маркированность, антропоцентрическая орфоэпия.

Аннотация: В докладе отражена работа по созданию Регионального словаря узуальных акцентных норм. Цель словаря – исследовать специфику процессов в области русской акцентологии: проанализировать факторы, обусловившие высокую степень акцентной нестабильности, определить основные тенденции, проявление которых можно ожидать в будущем. В качестве метода в работе используется социолингвистическое анкетирование студентов, носителей средне-литературной нормы русского языка. Анкетирование проводилось как в центральных, так и периферийных областях России на материале начальных форм словарных лексических единиц четырех грамматических классов – глаголов, существительных, прилагательных и наречий. В качестве источника для отбора материала использовались вариативные единицы в Орфоэпическом словаре под редакцией Р.И. Аванесова. Результаты анкетирования отражены в Региональном словаре узуальных акцентных норм. В основу структуры каждой статьи Словаря были положены следующие принципы: количественная маркированность вариантов – от более частотных к менее частотным; региональная маркированность по типу построения диалектных словарей; морфемный принцип: одноморфемные единицы находятся в одном поле словаря. В докладе будут представлены конкретные результаты данного исследования.

E.B. Trofimova, Dr. of Philological Sciences, prof., The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia

U.M. Trofimova, PhD, Full-Time Researcher, The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia

M.S. Vlasov, PhD, Head of Research Department, The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia

REGIONAL DICTIONARY OF USUAL ACCENT NORMS

Key words: sociolinguistic survey, usual norms, accentology, regional markedness, anthropocentric orthoepy.

Abstract: The report reflects the work of creating regional dictionary of usual accent norms. The purpose of this project is to explore the specifics of the processes in the field of Russian accentology, analyze the factors that led to a high degree of accent instability and identify the main trends, which can be expected in the future. The method used in our study is the sociolinguistic survey of students as the speakers of medium-literary norms of the Russian language. The survey covered the central and peripheral Russian regions. The questionnaire included initial forms of codified lexemes of four grammar classes: verbs, nouns, adjectives and adverbs. The material was selected from the list of word forms with several accents in orthoepic dictionary edited by R. Avanesov. The survey results are reflected in the Regional dictionary of usual accent norms. The dictionary articles are structured by the following principles: quantitative markedness options (from more frequency to less frequency accents); regional markedness (according to the type of dialect dictionaries); morphemic principle (single-morpheme words are located in one field of the dictionary). The report will present the results of this study.

Представляемый словарь – итог трехлетней деятельности коллектива исследователей. Цель словаря: дать наиболее полное и наглядное представление об акцентологической вариативности в различных регионах РФ. Материалы словаря позволят сделать выводы о динамике процессов в области русской акцентологии: совпадении/несовпадении узуальных и кодифицированных вариантов, степени узуальной вариативности, региональных различиях в акцентной маркировке.

Основным методом, используемым при составлении словаря, было социолингвистическое анкетирование. В качестве информантов выступили студенты высших учебных заведений. Сознавая небезупречность используемого нами метода социолингвистического анкетирования, считаем, что он позволяет проводить массовые орфоэпические обследования; большое количество участников эксперимента увеличивает степень достоверности данных. В то же время в результате проведенного исследования мы пришли к выводу о необходимости совместного использования всех возможных методик описания актуального акцентирования.

На первом этапе исследования необходимо было составить словник для анкетирования. В качестве исходного источника для сплошной выборки акцентных вариантов использовался Орфоэпический словарь под ред. Р.И. Аванесова. Отбирались все единицы, имеющие кодифицированные варианты, как с нормативной пометой (*и, доп.*), так и с пометой, указывающей на ненормативность варианта (*не рек., неправ., грубо неправ.*). Выбирались начальные формы глаголов, существительных прилагательных, наречий и причастий. На этом этапе было отобрано более тысячи лексических единиц. Экспериментальный список необходимо было сократить, поскольку предстояло масштабное многорегиональное исследование. Покажем логику наших рас-

суждений на примере глаголов. Всего было отобрано 300 пар акцентных вариантов глаголов, в некоторых случаях это были ряды однокоренных лексем. Однокоренные глаголы, как правило, отличающиеся приставкой, и, согласно словарю, демонстрируют идентичные тенденции в характере вариативности: *балова'ть – ба'ловать (не рек.), избалова'ть – изба'ловать (не рек.), разбалова'ть – разба'ловать (не рек.)*. Мы сочли целесообразным сузить экспериментальный список стимулов за счет малочастотных глаголов, дублирующих тенденции более частотных «родственников». Количественный анализ осуществлялся по Национальному корпусу русского языка (основной подкорпус). Как правило, наиболее частотным оказывается бесприставочный глагол (например, *баловать 1544, баловаться 822, избаловать 1248, избаловаться 157, набаловать 44* и т.д. На основе проведенного анализа был сформирован словник, включающий бесприставочные глаголы и их достаточно частотных «родственников» (всего 90 глагольных лексем). Эти единицы могут быть распределены на 5 групп, в зависимости от оценки варианта: а) равноправные варианты 23 слова, б) второй допустимый – 12 единиц; в) второй не рекомендуется – 28 слов; г) второй неправильный (грубо неправильный) – 23; д) мы сочли необходимым добавить в выборку варианты узуальные, но не кодифицированные орфоэпическим словарем – *кровоточи'ть – *кровото'чить, заня'ть – *за'нять и др.* – 4 слова.

В качестве информантов выступили представители трех равноудаленных регионов: Москвы и Московской области, Западной Сибири (Бийск и Новосибирск – Кемерово) и Дальнего Востока. Каждая выборка включала сто жителей региона. Как правило, это были люди, проживающие в регионе с рождения или с раннего детства. Таким образом, нами было получено 400 реакций на каждую лексему. Все

экспериментальные материалы были обработаны и представлены в таблицах. На основе таблиц сформировались статьи Словаря узуальных акцентологических норм.

В основу структуры словарной статьи были положены следующие принципы:

1) количественная маркированность вариантов. В соответствии с этим организация статьи осуществляется по аналогии со статьями Ассоциативных словарей, в которых первую позицию занимает наиболее частотный вариант, вторую менее частотный и т.д., последнюю позицию в статье занимают отказы; 2) региональная маркированность, что обусловливает обращение к опыту построения диалектных словарей; 3) морфемный принцип: одноморфемные единицы находятся в одном поле словаря. Распределение материала осуществляется на основе алфавитно-гнездового принципа. В ряду акцентных реакций вначале даются невариативные ответы, затем ответы с равноценными вариантами, наконец, ответы с неравноценными вариантами. Дополнительный вариант отражен в скобках. Например,

АЛКОГОЛЬ, сущ.

Мск.*:** алкого′ль 100; ***Зап.Сиб.: алкого′ль 97, а′лкоголь 2, а′лкоголь/алкого′ль 1;

Бск.: алкого′ль 87, а′лкоголь 5, алко′голь 1, а′лкоголь/алкого′ль 4, а(′)лкоголь/алкого′ль 3; ***Длнв.*:** алкого′ль 92, а′лкоголь 6, алко′голь 2.

Всего 400 реакций: алкого′ль 376, а′лкоголь 13, алко′голь 3, а′лкоголь/алкого′ль 5, а(′)лкоголь/алкого′ль 3

Словарь включает 354 словарных статей глаголов, существительных, прилагательных и причастий. Всего в словаре представлено 141600 реакций, из них 0,04 отказов, 0,2 % с указанием двух вариантов. В разных классах частей речи степень вариативности колеблется. Так, наибольшую вариативность допускают глаголы, где на наличие двух вариантов указали более 4,5% информантов. В этом классе процент отказов также выше, чем в общей выборке: 0,4%. В выборке проявились региональные закономерности: наибольшую вариативность проявили жители Бийска, наименьшую – дальневосточные информанты. Полученные результаты позволяют сформировать модель антропоцентрической вариативности и определить статус различных слов с этой точки зрения. Например, в Орфоэпическом словаре Р.И. Аванесова вариант *бултыхну'ться* является только дополнительным, в антропоцентрической орфоэпии это основной вариант: *бултыхну'ться 270, булты'хнуться 116*. С другой стороны, *газирова'ть* и *гази'ровать* в словаре зафиксированы как равноправные варианты. При анкетировании эта равноправность не сохраняется: *гази'ровать* 234, *газирова'ть* 144. Значительная часть слов, представленная в словаре в качестве нормативных и ненормативных вариантов, в эксперименте такой вариативности не показывает. Например, *вкли'ниться* и *вклини'ться* (также равноправные варианты в словаре) показывают всего в 10 % реакций вариативность, в остальных случаях выбирается первый вариант.

Таким образом, представленный в словаре материал свидетельствует о наличии системы, отличной от кодифицированной, которая может быть определена как область антропоцентрической орфоэпии, роль которой для теории языка заключается в установлении подвижных и устойчивых зон в системе словесного акцента русского языка, что позволяет предопределять пути акцентной эволюции.

В.В. Каверина
kaverina1@yandex.ru
доктор филол. наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ГРАММАТИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ ПРАВОПИСАНИЯ: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ОРФОГРАММЫ

Ключевые слова: история русского письма; орфография и грамматика; правописание причастий и прилагательных; кодификация правописания.

Аннотация: В статье рассмотрено изменение критериев правописания причастий и прилагательных в диахронии. Материалом послужили «Ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», памятники деловой письменности, грамматические сочинения и словари XVIII–XIX вв.

V.V. Kaverina, doctor of Philology, associate Professor of Russian Language Faculty of Philology of Moscow State University Lomonosov, Russia

THE GRAMMATICAL CRITERION OF ORTHOGRAPHY: THE HISTORY OF ONE ORFOGRAMM

Key words: the history of Russian orthography; spelling and grammar; Spelling participles and adjectives; standardization of spelling.
Abstract: The article focuses on the change of criteria spelling participles and adjectives in diachrony. The material is taken from “Vedomosti”, “Sankt-Peterburgskie Vedomosti”,

“Moskovskie Vedomosti”, legal records, grammars and dictionaries of XVIII–XIX cc.

1. Грамматический критерий — один из многочисленных критериев русского правописания. Лишь немногие орфограммы определяются грамматическими характеристиками слова, например, флексии имен существительных, личные окончания глаголов. Еще реже регулирует грамматика правописание аффиксов (к примеру, *н-нн* в кратких прилагательных и причастиях). Однако в истории письма от грамматических признаков зависело употребление *н* и *нн* не только в кратких, но и в полных формах отглагольных прилагательных и причастий.
2. Правописание одной и двух *н* – одно из редких орфографических правил, сформулированных еще М. Смотрицким в кратком разделе орфографии очень ясно и однозначно. В соответствии с рекомендациями грамматики следует писать в имени *нн*, а в причастии – *н* (*странный, законный, истинный,* но: *читаный, чтеный, виденый*), различая орфографию таких слов в зависимости от контекста: *окаянный – окаяный, смиренный – смиреный* [2: 145].
3. Закономерность распределения *н* и *нн*, одно из первых правил, сформулированных М. Смотрицким четко и однозначно (*нн* в имени, а *н* в причастии), не соблюдается ни в «Ведомостях», ни в современных им деловых скорописных текстах. В обоих источниках наблюдается сильная тенденция к формированию современной нормы, предполагающей употребление *н* в кратких причастиях и *нн* в полных причастиях от глаголов совершенного вида, причем скоропись оказывается даже несколько прогрессивнее в этом отношении. Заметим, что именно в скорописи формируется оппозиция *н–нн* в причастиях несовершенного вида в зависимости от наличия распространителя.

4. Современная орфография отглагольных образований с одной и двумя *н* окончательно устанавливается в узусе еще в 1720-е гг. вопреки рекомендациям грамматики Смотрицкого и ее переизданий и с тех пор почти не знает исключений. Полные страдательные причастия и прилагательные от глаголов совершенного вида, а также от глаголов несовершенного вида с зависимыми словами пишутся с двумя *н,* а образования от глаголов несовершенного вида без зависимых слов – с одной *н*. Однако грамматические сочинения даже в середине XVIII столетия предлагают руководствоваться совсем иными критериями. Так, М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» 1755 г. разграничивает страдательные причастия «славенские» на *-нный, -ннаго (питанный, вѣнчанный, писанный, видѣнный, написанный, написаннаго)* и «простые Российския», которые «приличнее на *ой*» *(качаной, мараной, замараной, замараного)* и которые «также и на конце один *н* имеют» [3: 548].

5. В Академической грамматике 1802 г. впервые сформулировано правило, связывающее употребление одной или двух букв *н* с видом глагола: «Причастія прошедшіе совершеннаго залога страдательнаго кончающіеся на *ый* принимают по большей части предъ симъ слогомъ два *нн*, на прим: *избранный, почтенный, украшенный*, и проч. Напротивъ того причастія прошедшіе неопредѣленные произведенные отъ глаголовъ наипаче первообразныхъ удерживаютъ *н* одинъ, напр.: *сученый, писаный, ученый* и проч.» [5: 29].

6. Большинство грамматик первой половины XIX в. Рекомендует писать с двумя буквами *н* все причастия, независимо от вида. Например: *береженный, верченный, виденный, вьюченный, говоренный, готовленный, деланный, деленный, еденный, жеванный, жженный, зренный, мщенный, мышленный, несенный, прошенный, прощенный, развеянный, чтенный, печенный* [4: 203]. Кроме того, Греч

рекомендует отличать причастия от «произведенныхъ отъ нихъ прилагательныхъ, как-то: *ученый*» [4: 486].

7. Попытка дифференцировать написание *н* и *нн* в причастиях и отглагольных прилагательных делается И. Давыдовым в Академической грамматике 1849 г., где предлагается писать страдательные причастия через «нн» *(принесенный),* а «прилагательные, от них произведенныя», – через «н» *(Заслужéный Профессор*, но: *заслýженная пенсия)* [1: 49–50].

8. Современное правило правописания одной и двух *н* в отглагольных образованиях впервые сформулировано Я.К. Гротом в «Русском правописании» 1885 г., где автор различает написания *обреченный, сделанный, снесенный* и *вареный, жареный, суженый*. Последние автор называет причастиями «этой формы, которыя употребляются в значеніи именъ прилагательныхъ или существительныхъ (с утратою понятія времени и действующаго лица на вопросъ “кем?”)» и при этом «не удвояютъ ***н***» [6: 66–67].

9. Попытка сделать грамматический критерий глагольного вида единственным при выборе одной или двух *н* в полных формах страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных с ними прилагательных была сделана в проекте Орфографической комиссии ИРЯ РАН 2000 г. Предложенное авторами проекта правило впервые появилось в «Российской грамматике» Академии наук 1802 года и опиралось на существовавшую уже в то время узуальную норму.

Литература

1. Грамматика русскаго языка. Изданіе Втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи Наукъ, 1849.

2. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели

Е. А. Кузьминовой. Пред. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
3. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. : в 11-ти т. Т.7. М.; Л., 1952.
4. Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834.
5. Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею. СПб.: Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1802.
6. Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я.К. Гротомъ. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885.

Н.И. Клушина
nklushina@mail.ru
д-р филол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

ИНТЕРНЕТ: НА ПОРОГЕ НОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

Ключевые слова: интернет-стилистика, медиакультура, словари, Википедия, грамотность, интернет-слова.
Аннотация: Под влиянием интернета формируется современная медиакультура, которая оказывает сильное влияние на все сферы общественной жизни, и на функционирование языка в том числе. В докладе поставлены три вопроса, связанные с доминированием интернет-коммуникации: о статусе Википедии как наиболее массового интернет-словаря; о девиации пунктуации в сфере неофициального интернет-общения и о новых интернет-словах, построенных по окказиональным словообразовательным моделям.

N.I. Klushina, Dr. of Philological Sciences, prof., Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov, Russia, Moscow

INTERNET: AT THE THRESHOLD OF A NEW LITERACY

Keywords: Internet stylistic, media culture, dictionaries, Wikipedia, literacy, Internet words.

Abstract: Modern media culture which influences on all spheres of social life and language now is being forming. Internet influences on this culture. I want to answer three questions in my report. The first question: what is the role of Wikipedia – the most popular online dictionary – in internet space. The second is about deviation in punctuation in the sphere of informal Internet communication. The third question is about internet-words constructed by derivational occasional models.

Интернет-эпоха, незаметно сменившая книжную эпоху, привнесла серьезные изменения не только в наш быт, но и в современную культуру. Традиционная культура сегодня практически вытеснена медиакультурой. Эпоха интернета уплотняет время, ускоряет нашу жизнь и изменяет наш язык [1: 31-34]. Интернет-эпоха формирует новые запросы и формулирует новые серьезные вопросы, которые необходимо осмыслить.
На научную дискуссию мы выносим три проблемы, порожденные интернет-коммуникацией:
1. Вытеснит ли Википедия словарь Даля?
2. Сбросят ли пунктуацию с корабля современности?
3. Войдут ли интернет-слова в общий лексикон?
Прокомментируем наше видение поставленных проблем.

1. Наиболее доступным и предпочитаемым пользователями словарем стала Википедия, которая позиционирует себя «народной» энциклопедией, включающей не оригинальные, а вторичные тексты, что «убивает» авторство и авторитетность в принципе. Потеря авторитетов и размывание авторства – самая серьезная проблема, порожденная интернетом.
2. Упрощение пунктуации или даже отказ от нее – вторая проблема, связанная с доминированием интернет-коммуникации. В дружеском общении (смс, переписка, соцсети, комменты и т.п.) часто редуцируются пунктуационные знаки, иногда они заменяются эмотиконами и смайликами. Границы мысли устанавливает не точка, а красная строка или прописная буква, как, например, в тексте смс-сообщения: «СпасибоНичегоЭтогоНетУменяИ неПредвидится(».
Не придется ли нам смириться с тем, что в одном из сегментов нашего языка – в дружеском, неофициальном общении – будет происходить игра без пунктуационных правил, или по неписаным правилам?
3. В моду вошли окказиональные интернет-слова, построенные по модели стяжения словосочетания (крымнаш, ждеммост и т.п.). Поддержанные хештегами, они, видимо, могут войти в общий лексикон как интернет-прецеденты и использоваться за пределами интернет-дискурса.

Литература

1. Клушина Н.И. Интернет-стилистика в России. Постановка проблемы. / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы Конгресса. В 15 томах. МАПРЯЛ СПб., т. 13. 2015.
2. Тошович Б. Интернет-стилистика. М., 2014.

Э.Г. Куликова
saleks1966@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Ростовского государственного экономического университета, Ростов-на-Дону, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЕ, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ, РИТОРИЧЕСКИЕ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: языковая норма, паралингвистика, интенциональность, гомеостат.

Аннотация: Вторичность текстовых норм, современная словесная культура не поддерживает нормы литературного языка и его паралингвистического аналога. Сближаются языковые и риторические нормы. Баланс плюралистичности норм и нормативного релятивизма можно найти с опорой на «адаптивную систему», гомеостат языка.

E.G. Kulikova, Dr. in Philology, Professor of Rostov State University of Economics, Rostov on the Don, Russia

LITERARY, STYLISTIC, RHETORICAL AND PARALINGUISTIC NORMS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Key words: language norm, paralinguistics, intentionality, homeostat.

Abstract: Text norms stop being important, modern verbal culture doesn't support standard of the literary language and its paralinguistic analogue. Language and rhetorical norms approach. The balance of a pluralism of norms and standard relativism can be found with a support on «adaptive system», language homeostat.

Нормозадающие механизмы современного российского общества претерпели значительные изменения, что приводит к реальным проблемам в сфере нормализационного процесса.

Ценность дизайна и обесценивание текста – вот тенденция, присущая письменным средствам массовой коммуникации. Не текст формирует пространство вокруг себя, а сам вписывается в дизайн, в результате чего создается ощущение вторичности текста и текстовых норм. Во многих текстах, в которых непосредственно нет изображений, но присутствуют диаграммы или их аналоги, широко применяются различные шрифты, а также нестандартные способы организации текста. Таким образом, вербальная информация оказывается преобразованной в вербально-графическую.

Возрастание роли паралингвистических средств в современной коммуникативной ситуации приводит ко многим отрицательным для языковой нормы последствиям: к передаче некоторых нормативных функций параязыку и использованию параязыкового аналога риторической фигуры в целях усиления изобразительности и выразительности.

Достигается пик в передаче нормативных функций параязыку в области параграфемики с ее необыкновенной способностью к «поглощению» пунктуации, а отчасти и орфографии. Словесная организация схем выдвижения и усиления наглядности заменяется с помощью параязыковых средств, что также становится заметным в первую очередь в сфере параграфемики. Лингвистические и паралингвистические нормы взаимодействуют в рамках одной словесной культуры, которая определяется временной и национальной спецификой.

Современная словесная культура, с ее спецификой, не обеспечивает поддержание норм литературного языка и его паралингвистического аналога. Язык, который формируется СМИ, прежде всего устные СМИ, имеет черты койне,

а не языка литературного, в том отношении, что в результате своих объективных характеристик не обладает возможностью тонкой смысловой дифференциации, а также поддержания функционально-стилистической дифференциации. Ни традиционные формы письменной речи, ни язык компьютерной сети не способны поддерживать общенациональные образцы речи. Лингвистической ценностью становится успешность (способность добиться мгновенного, пусть кратковременного коммуникативного успеха) и креативность. Способность передать или воспринять тонкие оттенки смысла перестает быть ценностью.

В современной коммуникативной ситуации происходит сближение языковых и риторических норм, проявляющееся в смешении самих норм, подмене языковой нормы нормой риторической и в отождествлении двух принципиально различных типов нормы.

Баланс между плюралистичностью норм и нормативным релятивизмом может быть найден с опорой на идею «адаптивной системы», или гомеостата, т.е. системы, поддерживающей жизненно важные параметры своего существования в определенных пределах. В рамках представлений о гомеостате должны быть рассмотрены многочисленные факты интенциональных нарушений нормы и осмыслены сами эти нарушения. Теория нормы должна выработать свое отношение к сознательным нарушениям нормы или цитациям таких нарушений исходя из представлений о целом, о языке-гомеостате. Верховным арбитром «коммуникативной целесообразности» может быть только гомеостат.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-04-00037

Г.М. Мандрикова
mandricova@mail.ru
д-р филол. наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЙ «БЕСПРЕДЕЛ» В СОВРЕМЕННОМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ: ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ ИЛИ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ?

Ключевые слова: лексическая семантика, десемантизация, семантический сдвиг.

Аннотация: В статье рассматривается проблема не всегда оправданного расширения значения лексических единиц, активно функционирующих в современной устной речи. По мнению автора, подобное расширение значения имеет признаки складывающейся тенденции к десемантизации слова в устной речи.

G.M. Mandrikova, Dr. of filol. Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

SEMANTIC "LAWLESSNESS" IN CONTEMPORARY DISCOURSE: DESEMANTIZATION OR SEMANTIC SHIFT?

Keywords: lexical semantics, desemantization, semantic shift.

Abstract: The article is devoted to the problem of not always justified expanding of the meaning of lexical units, which are actively functioning in modern speech. According to the author, this kind of expansion of the meaning has features of emerging trend towards desemantization of words in speech.

В свое время слово *беспредел* достаточно часто приводилось лингвистами в качестве примера проникновения жаргонизмов в разговорную речь носителей вполне литературного языка. Анализ различных текстов (теле- и радио-интервью, рецензий, статей в СМИ на различные темы и др. источников), показывает, что бывший криминальный «беспредел» 90-х годов XX века благополучно перешел в наше время, став, помимо прочих *беспределов* еще и лингвистическим, и, наконец, семантическим, ср.: «*Большое значение, при всем этом, имеет и уточнение понятия «интеллигенция». ... <> ... многие отмечают бесспорный «семантический беспредел», имеющий место при использовании данной дефиниции. Отсутствие строго научно подхода к ней, естественно, приводит и к различного рода «курьезам»* [1]; *«– Ну что ожидать от цивилизации, в языке которой твердая пища и жидкое питье могут называться одним словом? Никакой юридической упорядоченности. Сплошной семантический беспредел*» [2]; «*Ведь смысл слова "измена" каждый придумывает для себя сам, семантический беспредел полный* [3]. Обратим внимание на то, что в тексте научной статьи *семантический беспредел* ожидаемо закавычен, тогда как в художественном тексте и тексте комментария на форуме, да и во многих других текстах (например, в СМИ) данное выражение используется, можно сказать в прямом значении. Таким образом, название настоящей статьи может служить примером того, как жаргонизм *беспредел* в значении 'грубое нарушение воровских понятий' стал, по мнению вездесущей Википедии, общеупотребительным словом.

Семантические изменения, скорее даже семантические преобразования, происходящие в лексике, изучены в современной науке достаточно широко, хотя само явление может изучаться с разных позиций и в разных аспектах, что

и отражается и в разных терминах (ср.: семантическая деривация (Г.Г. Виноград, Д.Н. Шмелев, Л.О. Бутакова), семантическое словообразование (Т.М. Николаева), семантическое преобразование (В.Г. Гак, Т.М. Николаева, Г.Г. Виноград), семантическое изменение (В.Г. Гак, Г.Г. Виноград), семантическая трансформация (Т.М. Николаева), семантический сдвиг (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, В.Г. Гак, Г.Г. Виноград, Т.М. Николаева и др.). Оставляя за пределами данной статьи вопрос о соотношении данных терминов, обратимся к **семантическому сдвигу**, под которым понимается «появление у слова новых значений; применение уже существующих слов к новым предметам на основе тех или иных сближений» [4: 315]. В самом общем виде семантическим сдвигом можно называть любое изменение семантической структуры слова, а именно расширение или сужение семантического объема слова.

На наш взгляд, «семантический беспредел» требует еще одного термина для объяснения семантических преобразований в их крайних случаях – к **десемантизации**. В.Г. Гак считает, что первым шагом к десемантизации, т.е. семантическому опустошению слова, является его функциональное перерождение [1] (а именно это и случилось со словом *беспредел)*, обусловленное семантически избыточным употреблением. Понятно, что речь идет об употреблении слова разными носителями языка в самых разных контекстах, характеризующих различные ситуации общения. Как известно, денотативный компонент лексического значения слова связан с референтом, который он номинирует. Семантически избыточное употребление можно констатировать в том случае, когда таких референтов становится слишком много, ср.: «*Именно поэтому в описании компонент царит некий семантический беспредел*, *когда одно и то же слово обозначает разные понятия*» [4].

Как можно видеть, денотативная составляющая лексического значения становится размытой и слово приобретает размытую семантику. От десемантизированных слов слова с размытой семантикой отличаются тем, что они еще не являются пределом семантического развития, т.е. находятся в процессе десемантизации. Можно сказать, что слова с размытой семантикой нередко не имеют одного основного значения, все его значения находятся в определенном семантическом микрополе [2] (например, – в случае с *беспределом* – в микрополе ‘отрицательная оценка действий, нарушающих некие рамки/границы’).

Так что же такое «семантический беспредел»? Безусловно, мы имеем дело с семантическим сдвигом, однако, как показывает анализ многочисленных примеров неоправданного расширения лексического значения слова, активно используемого в речевой практике современных носителей языка, существует и опасность десемантизации, которую Р. М. Фрумкина трактует как синдром семантического опустошения: «это происходит тогда, когда слова утрачивают личностный смысл, и лишь их «оболочка» как бы отсылает к первоначальному смыслу» [3: 202-206]. Звучит не очень обнадеживающе…

Литература

1. Гак В.Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня: Сб.ст. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003. Вып. 2.
2. Мандрикова Г.М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 2.
3. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
4. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

Интернет-источники:
1. http://refereed.ru/ref_b14c019ad5902ae75b626fa776ee773c.html
2. http://zhurnal.lib.ru/s/seshat/otechesvo.shtml
3. http://tops-msk.ru/publishing/pub_024.html
4. http://lowodle.com/

Дорофеев Ю.В.
yuvld@mail.ru
кандидат филол. наук, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ НОРМ

Ключевые слова: норма, кодификация, литературный язык, инновация.

Аннотация: В работе рассматривается понятие нормы в связи с необходимостью учитывать инновации в языке в определенный исторический период. На этом основании предлагается при описании нормы учитывать потенциальные возможности системы языка.

Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00114а

Dorofeev Y.V., candidate of philological Sciences, Crimean republican pedagogical post diploma training institute

THE DYNAMICS OF LANGUAGE NORMS

Key words: norm, codification, literary language, innovation.

Abstract: the paper examines the concept of norm in connection with the necessity to consider innovations in language in a certain historical period. On this basis the potential of the language system is proposed to be taken into consideration when describing norm.

Норма, как известно, определяется лингвистами по-разному. Например, Э. Косериу определяет ее как систему общепринятых реализаций языка, А.М. Пешковский как принятое в социуме употребление языковых единиц, а К.С. Горбачевич как набор правил, получивших социальное одобрение, отражающих закономерности языковой системы и подтверждаемых в творчестве авторитетных авторов. Следует отметить, что все конститутивные признаки языковой нормы (устойчивость, общепризнанность и распространеность, ориентация на авторитетные источники, коммуникативная целесообразность, объективный характер) оспариваются многими учеными (В.А. Звегинцев, А.М. Пешковский, Дж. Лайонз и др.). Очевидно, существенной для исследования природы языковых норм является характеристика отношений между системой, нормой и узусом.

Многие исследователи придерживаются точки зре-ния, согласно которой изменения языка обязательно предполагают его «ухудшение», хотя ***все*** языки подвержены изменению. Поэтому рассуждения об изменениях в языке как «порче» не должны проникать в лингвистику. Главной причиной, определившей эту позицию, является фокусировка внимания лингвистов на изучении литературной формы, вследствие чего она становится эталоном, с которым сопоставляются все прочие варианты, понятия «литературная норма» и «языковая норма» объединяются, а понятия «норма» и «кодификация нормы» не разграничиваются. Помимо этого традиционная грамматика

всегда исходила из тезиса, что только один вариант языка (литературный) может считаться правильным и поэтому требует кодификации, а прочие варианты с силу отсутствия у них письменной формы нормами не обладают. И главной задачей многие исследователи видели предохранение избранного варианта языка «от «искажений» и «ошибок». Однако «Главная задача лингвиста заключается в описании того, как люди говорят и пишут на своем языке, а не в предписывании того, как они должны говорить и писать» [2, с. 60] и научное исследование базируется на том, что ученый одинаково внимательно и объективно определяет как магистральный путь эволюции языковой системы, так и все возможные аномалии и аберрации, охватывающие и ошибки, и инновации, которые можно разграничить только после тщательного анализа. Ведь все новообразования, которые наблюдаются в коммуникации и которые будут приняты или отвергнуты социумом, первоначально выступают как окказионализмы и нарушения норм. Следовательно, описание системы должно учитывать потенциальные возможности системы, которые позволяют создать необходимые носителям языка, но не кодифицированные номинативные средства.

Итак, норма как таковая не является эталоном, который определяет неприятия каких-либо языковых явлений, поскольку она есть сложившаяся в данную эпоху традиция использования языковых единиц, а степень нормированности вариантов языка, а также принципы реализации нормативно-стилистического потенциала языка складываются как результат развития культуры и социальных отношений внутри коллектива. Однако в речевой реальности мы нередко сталкиваемся с тем, что кодифицированные нормы возводятся в ранг непреложных правил, предписывающих носителям языка единое речевое поведение. Такой подход к кодификации В.А. Звегинцев именует

нормативным и характеризует его как противоречащий самому языку, поскольку требует от всех носителей языка подчинения литературной норме и осуждает отклонения от них. Этому подходу, замечает В.А. Звегинцев, «явно не хватает перечисления мер пресечения уклонению от нормы» [1: 25].

Для объективного описания языка как системы необходимо признать, что «объективных критериев для суждения о том, что «правильно» и что «неправильно», нет» [3: 292] и что «никаких абсолютных стандартов чистоты и правильности в языке нет» [2: 59-60]. Чтобы в некоторой степени разрешить данное противоречие, лингвисты обращаются к практике использования иных языковых единиц (узусу). Как же можно рассматривать узус? А. Мустайоки в своем докладе на конгрессе в МГУ предложил три варианта решения этой проблемы: игнорировать узус (что, очевидно, невозможно), рассматривать как дополнительный источник норм или же принять за основу норм современного языка. Особо отметим, что признание изменчивости и вариативности онтологическими характеристиками языка не приводит нас к выводу, что все инновации или модификации ведут к совершенствованию языка. Для нас главным является исходить при оценке изменчивости и вариативности из понимания языка как социально и функционально обусловленного орудия. Живой язык нельзя ограничить рамками нормативных предписаний, поскольку такие ограничения, по сути, являются запретом на его развитие. Инновационные процессы, представляют собой объективно развивающиеся процессы, остановить которые не дано никому.

Литература

1. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике / Предисл. В.М. Алпатова. М., 2008.

2. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику: Пер. англ. М., 1978.
3. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть 2. М., 1965.

А.Г. Жукова
agzhukova@pushkin.institute
канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Москва, Россия

К ВОПРОСУ О НЕНОРМАХ И АНТИНОРМАХ В КОНКРЕТНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: словоупотребительная норма, ненорма, антинорма, сфера общения, эффективность коммуникации.

Аннотация: В докладе анализируются отклонения от словоупотребительных норм, наблюдаемые в речевом контенте телемагазина. Делаются выводы о связи многих девиаций со спецификой сферы общения, стремлением к повышению его эффективности, а также о соотнесенности рассматриваемых явлений с таксонами ненорм и антинорм.

A.G. Zhukova, Ph.D., associate professor, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

TO THE QUESTION OF USING NONSTANDARD AND ANTI-STANDARD FORMS IN SPECIFIC DOMAIN OF COMMUNICATION

Key words: word usage standard, non-standard, anti-standard, domain of communication, efficiency of communication.

Abstract: This article describes the different types of deviation in word usage in texts of telemarket. The analysis showed that most of the deviations depend on the specific domain of communication, and the principal aims of the deviations were to increase efficiency of communication. The paper concludes by pointing out interrelationship between word usage and taxons of nonstandard and anti-standard forms.

Одной из актуальных задач современной ортологии является изучение «преломления» общелитературных норм в различных коммуникативных сферах. Решение этой задачи предполагает опору на теоретические достижения стилистики, занимающейся изучением употребления языка в соответствии с комплексом экстралингвистических – тематико-содержательных, прагматических и иных факторов. Интересной и актуальной с этой точки зрения является активно развивающаяся сегодня рекламно-маркетинговая сфера (общение *продавец – покупатель*), ярко проявляющая себя в таком формате массовой коммуникации, как телемагазин. Телепрограммы данного формата призваны при помощи демонстрации товаров, их функций и качеств убедить зрителя непременно сделать покупку, желательно прямо во время эфира (необходимые контактные данные постоянно присутствуют на экране). Важной маркетинговой задачей при этом является привлечение постоянных клиентов путем обеспечения технологической легкости и психологического комфорта процесса телепокупки. Всё чаще телемагазины используют «живых» ведущих-продавцов, стремящихся имитировать непосредственное общение продавца с покупателем. Увеличивается доля прямого эфира и как следствие степень спонтанности речи. Ориентация на основного адресата – условную «домохозяйку средних лет» – влечет за собой создание эффекта, с одной стороны, общения в компании подружек, с другой –

консультации доброжелательного, корректного и позитивного эксперта-профессионала. Соединяя подчеркнутую разговорность, информемы сферы fashion и «рекламно-гламурный» словесный репертуар, продавцы телемагазина реализуют общий конструктивно-стилевой вектор масс-медийности применительно к решению маркетинговых задач.

В анализируемом речевом контенте (телемагазин Shop24) обнаруживается широкий спектр лексических и фразеологических девиаций: смешение паронимов, употребление слов в несвойственных им значениях, нарушение лексической и семантической сочетаемости и т.д. Многие из этих девиаций связаны со стремлением к расширению репертуара выразительных средств в условиях, когда необходимо снова и снова демонстрировать достоинства однотипных товаров, ср.: *Дизайнеры создали спасательный круг для несовершенств талии. Эту тунику можно собрать, а можно распустить на полную мощность. Это новое поколение шифона – из полиэстеровой популяции.*

Нарушения норм, в том числе логических, часто обусловлены стремлением к смягчению «неудобных» обозначений, ср.: *немножко массивные бедра, достаточно пышные бедра, рукавчик позволяет прикрыть ручки* и т.д.

Рассматривая понятие нормативности, В.Г. Костомаров выделяет таксоны норм, ненорм и антинорм. Антинормы представляют собой «зону запрета», противостоя нормам, таксон же ненорм, промежуточный между этими двумя полюсами, «внутренне широк, многообразен, неоднороден и представляет собой избыточность – полезную, бесполезную и вредную» [1: 119]. В нашем материале можно обнаружить как проявления антинорм: *и классика, и брутальность в одном флаконе* (о кожаной юбке), так и различных типов ненорм: *Эта надставка очень хорошо, деликатно* ***компрессирует*** *нашу талию. Это маечка не так давно была* ***премьерой,*** *но уже превратилась в настоящий*

хит. Вот здесь небольшие ***расклёшечки****, предусмотрели дизайнеры. Многим из нас необходим такой* ***корректор*** (о корректирующем белье).

К антинормам в нашем материале можно отнести случаи нарушения законов семантического согласования, часто являющиеся следствием недостаточного владения лексической нормой или механического переноса на отечественную почву смыслов и ассоциаций, присущих западной, прежде всего англоязычной культуре. Зона ненорм включает случаи расширения значения слова, метонимического переноса, окказиональные образования, профессиональное словоупотребление и др.

Литература

1. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014.

С.В. Рябушкина
svetigor@bk.ru
канд. филол. наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, Россия

РУССКОЕ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В ОПЕРЕЖАЮЩЕМ НОРМУ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: русский язык, морфосинтаксис, имя числительное, узуальные формы, лексикализация.

Аннотация: Рассматриваются особенности узуального формообразования имен числительных. Будучи отступлением от норм литературного языка, большинство девиантных форм обусловлено активными процессами, действующими в русской нумеральной системе.

S.V. Ryabushkina, Cand. of Philological Sciences, dotsent,
Ilya Ulyanov State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk

RUSSIAN NUMERAL OUTSTRIPPING STANDARD LANGUAGE

Key words: Russian, morphosyntax, numeral, regular forms, lexicalization

Abstract: This article highlights the peculiarities of regular grammatical forms and patterns of the numeral. The divergence from norms is determined by current tendencies in the Russian numeral system.

Изменчивость – как способ существования человеческого языка – есть одна из важнейших его характеристик. Поэтому реальное состояние любого современного языка обычно отличается от существующих описаний, а распространенные в узусе грамматические паттерны и типы употребления языковых единиц спорят с кодифицированными нормами. Массовые речевые новации «опережающего норму … языка» [3: 27] постепенно формируют язык будущего.

Имя числительное (ИЧ) – это самая строгая по семантической организации группа лексики, отражающая десятичное счисление и потому обладающая признаками терминологических систем (запрет полисемии, омонимии и синонимии; четкая семантическая и словообразовательная соотнесенность компонентов системы и др.). Но по своим формальным свойствам ИЧ разнородно, имеет исторически обусловленную дробную систему склонения и в речи демонстрирует значительный разрыв «между желаемым и действительным» – между требованиями нормы и многообразием узуальных отступлений от нее. При этом многие

девиации, касающиеся формообразования и синтагматики ИЧ, отмечаются на протяжении веков, начиная с первых грамматик русского языка. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

1. «Несклоняемость» ИЧ, «экспансия номинатива» ИЧ, который обнаруживается в зависимых синтаксических позициях: 1) в аппозитивных конструкциях, как примыкающее определение-приложение (*на высоте триста метров*); 2) при аграмматическом воспроизведении фраземы (*поднялось давление до двести на сто двадцать*); 3) при «выпрямлении» аппроксимативно-количественных конструкций: *На уборку вышло* ***порядка пятнадцать тысяч единиц спецтехники*** *(Новости. Первый т/к. 13.01.16); Трансферт известного конголезца обойдется в сумму* ***около два миллиона*** *(Радио России. 04.07.15).* Возможны также «трудности перевода» цифровой (разнокодовой) записи в устный грамматически связный текст: *Свиной грипп выявлен* ***в восемьсот… восьмисот… в восьмистах шестидесяти семи случаях*** *в нашей стране (Утро на Пятом. Пятый т/к. 20.10.09).*

2. Лексикализация сложных ИЧ. Несмотря на однословность, сложные ИЧ оказываются единственным в русском языке типом композитов, сохраняющим склонение первой, внутрисловной части: *двести – двумястами, пятьдесят – пятьюдесятью, пятьсот – пятьюстами*. Но постепенно происходит формирование общей основы, и этот вариант регулярно отмечается в грамматиках, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова: «*Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, осмьдесят* склоняются *пятидесяти, шестидесяти, семидесяти, осмидесяти,* ***пятьюдесятью, осмидесятью*** и проч.» [§ 263]. Общая основа косвенных падежей формируется на базе генитива, основы того же типа, что используется при образовании денумеральной лексики (*четырехдверный, пятиэтажный, двадцатипяти-*

летний): *Долгожданный студенческий билет удалось получить всего* ***трехстам абитуриентам*** *(Новости культуры. Т/к «Россия–К». 01.09.14); Задержанная добровольно сдала пакет* ***с пятидесятью граммами героина*** *(Вести – Дежурная часть. Т/к «Россия–1». 22.09.15).* «Незаконность» этой узуальной формы незаметна для говорящих, о чем свидетельствует ее проникновение в кодифицирующие лингвистические труды, вопреки излагаемым в них нормативным рекомендациям. Так, «Русская грамматика» допускает использование упрощенных форм лишь «в разговорной, непринужденной речи», предупреждая, что «в письменной речи такое употребление ошибочно» [§ 1376]. Но при описании акцентных типов ИЧ в парадигму включается только упрощенная форма: «К акц. типу В относятся числительные *два*, *три… пятьсот* (*пятисот*, *пятистам*, *пятьсот*, ***пятистами***, *о пятистах*), *шестьсот*, *семьсот…*» [§ 1381].

3. Устранение морфологически сверхизбыточного внутреннего склонения составных ИЧ. В узусе используются более простые схемы склонения составных ИЧ, причем выбор способа оформления внутренних компонента, как показывают наши наблюдения, зависит от структурных свойств: так, «малые» сотни (‘200’ – ‘400’) предпочитают генитив, а «большие» (‘500’–‘900’) – номинатив: *Из чудесного здания* ***с четырехсот двадцатью портретами*** *Ленина и четырьмя сломанными стульями мы сделали ВГТРК (А. Г. Лысенко. – Линия жизни. Т/к «Россия-К». 13.04.12); На строительство дорог была выделена сумма* ***в размере шестьсот пятидесяти миллионов рублей*** *(А.К. Пушков. – Постскриптум. ТВ Центр. 10.07.10)*. Несмотря на разное положение генитива и номинатива в падежной системе, эти формы сотен созвучны: выбрана единственная в парадигме «малых» форма со слоговым *-сот*, название разряда при этом выделено

ударением, что делает имя сотни перцептивно более выпуклым (см. об этом подробнее в [1], [2]).

Узуальные формы (массовые «примерные» ошибки) указывают основной путь развития ИЧ – постепенную морфологизацию нумерального морфосинтаксиса. Эволюция русского ИЧ, лексически цельного и грамматически неоднородного, – это долгий «путь к себе», постепенная выработка индивидуальных частеречных свойств.

Литература

1. Рябушкина С.В. Заметки об узуальном формообразовании русских числительных // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 1. СПб., 2015.
2. Рябушкина С.В. Русское числительное in progress // Trends in Slavic Studies. М., 2015.
3. Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006.

Л.Н. Саакян
LNSaakyan@pushkin.institute
канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

О.И. Северская
oseverskaya@yandex.ru
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

ОШИБКА ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАРШЕЙ НОРМЫ?

Ключевые слова: русский язык, грамматика, лексическая сочетаемость, динамика нормы, корпусные исследования.

Аннотация: Авторы обращают внимание на актуальный слом норм управления у некоторых глаголов, который не обязательно говорит о неграмотности говорящего. В некоторых случаях можно предположить возрождение старшей нормы, которая восстанавливается в ходе корпусных исследований. Это показывается на примере глаголов *интересоваться* и *радоваться*.

L. Saakyan, PhD of Philology, associate professor, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

O. Severskaya, PhD of Philology, leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow

ERROR OR THE REVIVAL OF OLDER STANDARDS?

Keywords: Russian language, grammar, lexical co-occurrence, the dynamics of norms of usage, corpus-based research.

Abstract: The Authors draw attention to the actual changes of verb government, which does not necessarily indicate the illiteracy of the speaker. In some cases it is possible to assume the revival of older standards, which is confirmed by corpus studies. This is shown by the example of the verb *interesovat'sya* and *radovat'sya*.

Когда кто-то говорит не так, как мы, мы удивляемся, а потом думаем, кто же ошибся. И готовы собеседника упрекнуть в неграмотности, незнании литературной нормы. Вместе с тем, в некоторых случаях можно говорить об интуитивном следовании утраченной в современном русском языке старшей нормы.

Например, как просторечные воспринимаются сообщения от популярной социальной сети: *Г-н (или г-жа) N интересуется о Вас на Facebook*. Обратившись же к Национальному корпусу русского языка [1], мы найдем десяток-другой примеров того, как высокообразованные люди, в частности, писатели – Гоголь, Тургенев, – *интересовались о ком-то* или *о чьем-то здоровье*. А, например, в «Дневнике писателя» Достоевского мы найдем похвалу спиритам за то, что «в материальный век *интересуются о душе*».

Все же такая форма редка и относится к старой норме. Раньше вполне можно было интересоваться и *о чем-то*, и *чем-то*. Однако значения у глагола были разными: в первом случае человек хотел что-то узнать, во втором – глубоко погружался в изучение чего-то. В современном русском языке оба значения совпали. И процесс слияния двух значений в одном, как показывает корпус, был постепенным: если в начале XIX века люди *интересовались*, например, *о шахматах*, то в конце его *интересовались* уже *шахматами*. Точно так же *интересовались о знакомых, о причинах милостивого внимания к ним августейших особ* или же *о монаршей немилости*, а потом стали *интересоваться друзьями, их здоровьем, настроением…*

В последнее время встречаются и другие непривычные словосочетания, например: *Я* ***счастлива тому****, что мне многое удается, что меня любят и мне есть, кого любить…* А кто-то, наоборот, говорит, что ***рад тем****, что удача ему во всем сопутствует...* По правилам же нужно *радоваться* ***чему-то***, а *счастливым быть* ***от чего-то***. Однако можно вспомнить народную мудрость: *чем богаты, тем и рады,* и предположить, что так и говорили раньше.

Корпусное исследование даст несколько подтверждающих эту гипотезу примеров. В частности, Бестужев-Марлинский рассказывает, как упросил генерала Ермолова отпустить плененного и приговоренного к смерти горца: *Я был*

так ***рад успехом***, *что, поблагодаря наскоро главнокомандующего, побежал в палатку, в которой содержался Аммалат-бек*. Или Скобелев в «Рассказах русского инвалида» описывает отслужившего двадцать пять лет в артиллерии героя: *Любил беседы,* ***рад*** *был* ***хлебом-солью***, *не забывал и бедных. Поэтому все наши соседи, старый и малый, его почитали и шапки пред ним снимали, а бывало, что и наезжающие в село заседатели отдавали ему честь, как капралу, дескать, Отца Отечества Петра Великого!* В «Ювенильном море» Платонова один и героев *вытер заслезившиеся от восторга глаза и встал на ноги, будучи* ***рад всеобщей радостью***. Таким образом, форма *рад чем-то* встречалась еще в первой трети XX века, а позже была утрачена.

Творительный же падеж «выжил» не только в идиоме *чем богаты, тем и рады*, но и еще в двух устойчивых выражениях: *рад радостью* и *рад душою*. Поиск указывает, например, на «Отрывки из воспоминаний своих и чужих» Тургенева, там на просьбу «поправить дело» следует ответ: *и* ***рад бы радостью***, *но как быть?* И таких «*радых радостью*» в русской литературе XIX – начала XX века довольно много. Как и тех, кто *рад душою*. Например, в «Бедных людях» Достоевского попросившему у него в долг «хоть гривенничек какой-нибудь» Макар Алексеич отвечал: ***рад бы душой***, *да нет у меня ничего, ровно ничего нет. И* ***рад бы душой*** *– помочь, а как?* – писал Шукшин; ***Рад бы душой***, *да хлеб-то чужой*, – встречается у Гранина. А у Горького можно найти вот какой пассаж: *Баба… жуёт и, вытащив пальцем из своего рта жвачку, отправляет её в рот ребёнка. Ребёнок присасывается к её пальцу, раскрывает глаза, закрывает их и урчит... Это, знаете, странный такой голодный звук маленького животного, которое долго хотело есть и вот ест, наконец, – ест и* ***радо всеми фибрами своего тела***.

Подобные примеры подтверждают, что форму *я* ***рад тем****, что у меня есть* не стоит считать безусловно ошибочной: она, скорее, требует пометы «устарелое». Так действительно говорили раньше. Вопрос в том, почему так опять начинают говорить сейчас: возможно, просто путают, не владея нормой, но вероятно и то, что язык решил вернуться на круги своя.

Литература

1. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

В.В. Славкин
vladimir-slavkin@yandex.ru
кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

МЕДИАРЕЧЬ И ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ НОРМ

Ключевые слова: медиаречь, языковая норма, медиацентричность, варианты.

Аннотация: В докладе рассматривается детерминирующее влияние современной медиаречи на языковые нормы и описываются основные факторы этого процесса.

V.V. Slavkin, PhD, Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

MEDIA SPEECH AND DYNAMICS OF LINGUISTIC NORMS

Key words: media speech, linguistic norm, media centricity, variants.

Abstract: The paper deals with the determinative influence of modern media speech on linguistic norms and describes the main factors of this process.

Развитие средств массовой информации и укоренение их в разных сферах жизнедеятельности человека дают основание утверждать, что современное общество может быть названо медиатизированным. Многие ключевые области социальной активности человека (политика, культура, наука) не только находят постоянное отражение в СМИ, но и функционируют в различных медиаформах. Таким образом, можно говорить о медиацентричности общественного бытия.

Дистанция между появлением языковой новации и ее кодификацией тем короче, чем активнее роль средств массовой информации в ее освоении. Очевидно, что речевая практика массовой коммуникации – этот тот полигон, на котором испытываются разного рода языковые новации (лексические, грамматические, словообразовательные, орфографические и фонетические), и, будучи освященными авторитетом газеты, телевидения, радио, эти новые явления, а также трансформации традиционных структур становятся общераспространенными и воспринимаются не просто как допустимые, но как предпочтительные. Не случайно рекламные слоганы в значительной мере используются аудиторией как некие универсальные высказывания, применимые к разным жизненным ситуациям, а отступления в них от лексических или грамматических норм многими оцениваются как допустимые: это привлекает внимание, а значит, выполняет свою роль. «Языковая норма, – пишет О.А. Лаптева, – имеет двоякий характер, дву-

единую сущность. Она *объективна*, потому что манифестирует системные отношения языковых элементов и идет вслед за языковыми изменениями. Она объективна и потому, что складывается в общественном суммарном узусе. Но она же и субъективна – тоже по двум причинам: во-первых, она проявляется в индивидуальной речи, где и возникают условия для ее преобразования; во-вторых, сама кодификация нормы языковедами – действие субъективное, хотя и основывающееся на объективной норме» (1: 3–4). Субъективная сторона нормы является важным противовесом традиционно консервативному характеру объективного существования языковых законов и закономерностей. Она служит залогом другой стороны данной языковой универсалии – изменчивости, динамичности. Говоря о норме применительно к средствам массовой информации, следует обратить особое внимание на то, что мы имеем дело не только с одной из разновидностей современной речи, но и с определенным функциональным стилем – системно организованной речевой деятельностью в рамках ограниченной сферы человеческого существования. И здесь рассматриваются как общеязыковые нормы (грамматические, орфографические, стилистические и др.) в их конкретно-функциональном бытовании, так и нормы, отличающие данный стиль от других функциональных разновидностей, т.е. стилевые нормы. Они представляют собой характерологическую черту того или иного стиля. Отступления от норм, а иногда и прямые речевые ошибки часто проистекают из-за активизации тех или иных функциональных разновидностей языка. Очевидно, что пресса не может не включать элементы официально-делового стиля. Особенно это касается местных и региональных изданий, публикующих значительные объемы директивных документов местных властей. Развитие и углубление наших знаний в области экономики, полито-логии, социологии, активная

пропаганда знаний из области медицины, публикация большого количества материалов по проблемам современных научно-технических достижений – всё это обуславливает постоянное обращение журналистов к научной речи. Стремление к интерактивности, установлению информационного диалога с аудиторией, а также богатые выразительные возможности разговорной речи являются залогом ее постоянного присутствия в текстах массовой коммуникации. И, наконец, несмотря на изменение характера современной художественной речи, ее экспрессивные, эстетические возможности по-прежнему остаются востребованными со стороны журналистов. Принимая как данное все преимущества других функциональных стилей, используемые современной печатью, мы должны отметить, что реальные пересечения их в медиатекстах могут иметь отрицательные последствия. Так, на слуху у всех так называемое «модное выражение» *имеет место быть*. То, что речевая практика современных читателей в значительной мере пополняется подобными канцеляризмами, да еще с ошибкой, во многом зависит и от стилистической небрежности журналистов, прежде всего массовых изданий: *Он* (инспектор ГИБДД. – *В.С.*) *обязан разъяснить водителю суть его правона-рушения, если, конечно, таковое вообще* ***имеет место быть*** (МК, 9.04.2015).

Серьезного анализа заслуживают и более конкретные особенности массовой коммуникации, отражающие единство лингвистических и экстралингвистических факторов. Весьма типично с этой точки зрения наличие сосуществующих вариантов написания некоторых слов: *Интернет – интернет, бренд – брэнд, масс-медиа – массмедиа, риелтор – риэлтор, эконом-класс – экономкласс, уикенд – уик-энд* и др. Мы живем в очень динамично меняющемся мире, когда новые понятия становятся широко распространенными буквально в считанные дни; кроме того, весь-

ма частой является конкуренция уже устоявшейся лексемы и нового слова, в ходе которой каждая языковая единица приобретает стилистические коннотации. В этом процессе очень велика роль средств массовой информации, которые могут серьезно повлиять на соотношение традиционной нормы и новации.

Активность массовой прессы в области нормы убедительно проявляется и в одной из «горячих точек» современного словоупотребления – склонении (или, наоборот, несклонении) существительных-топонимов с окончаниями *-ин(о), -ын(о), -ов(о), -ев(о), -ёв(о)*. Традиционная норма предписывает склонять русские и славянские географические названия. Но на протяжении десятилетий упорно пробивает себе дорогу тенденция не изменять эти названия в косвенных падежах и в разговорной речи, и в массовой коммуникации. Это отмечено и в академических изданиях. В частности, в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. указывается, что слова-топонимы с финалями *-ин(о), -ын(о), -ов(о), -ев(о), -ёв(о)* обнаруживают тенденцию пополнить группу слов нулевого склонения. Практика современных СМИ показывает, что вопрос этот остается актуальным. Любопытно, что многие носители языка (очевидно, под влиянием средств массовой коммуникации) воспринимают несклоняемые формы как более употребительные и привычные.

Таким образом, нормообразующая роль медиаречи имеет динамический характер, и это в значительной степени определяет состояние культуры речи в современном медиатизированном обществе.

Лаптева О.А. Двуединая сущность языковой нормы // Журналистика и культура русской речи. 2003 № 1.

Е.О. Борзенко
ekborzenko@yandex.ru
аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия

КОМПАРАТИВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НОРМА И ИННОВАЦИИ

Ключевые слова: компаратив; лексическая база; языковая игра.

Аннотация: В современном русском языке присутствует большое количество окказиональных форм. В частности, это компаративы, лексической базой которых являются не только прилагательные или наречия, но и другие части речи, как самостоятельные, так и служебные. Рассмотрению этих форм посвящена данная статья.

E.O. Borzenko, Specialist, graduate student, St. Tikhon's Orthodox University, Russia, Moscow

THE COMPARATIVE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: STANDARD AND INNOVATIONS

Key words: comparative; lexical basis; language play.

Abstract: In the modern Russian language there is a lot of the occasional forms. In particular, these are comparatives, lexical database of which is not only an adjective or an adverb, but other parts of speech, both notional and functional. This article is devoted to the study of these forms.

В русском языке конца XX – начала XXI веков достаточно активны процессы окказионального формообразования.

Одним из видов окказиональных форм являются новые формы компаратива, которые являются неправильными с точки зрения нормативной грамматики.

В результате исследования, проведённого в Национальном корпусе русского языка и в корпусе интернет-текстов, было выявлено, что сравнительную степень образуют не только качественные прилагательные и наречия, но и качественные прилагательные, образование компаратива от которых затруднительно в силу их морфологической структуры: *жесточе, стойче, ломче, падче, горже (*от *гордый)*; прилагательные с некоторыми приставками: *бессловеснее, бездарнее;* относительные прилагательные: *деревяннее, каменнее, стеклянее*; притяжательные прилагательные: *более сестрин*; наречия, имеющие ограничения в образовании компаративов: *ночнее*, *почтее* (от *почти*); существительные: *центр – центрее*, *женщина – женщинее, любовь – любвее, метро – метрее*; местоимения: *моее*, *самее*, *своее*; причастия: *омытее*, *купленнее*, *проданнее, ошпареннее, раскаленней*; служебные части речи (предлоги, союзы, частицы): *чтее*, *когдее*, *дажее*, *послее*, *итакее, либее (*от *либо)*; глаголы: *хотее*, *люблее*, *куплее*.

Нестандартные сравнительные формы существуют в различных сферах: в устной речи, художественной литературе, публицистике, – в таком случае они являются результатом языковой игры; в речи детей, – тогда ребёнок реализует возможности языковой системы, которые остались нереализованными в узусе, если чувствует в слове качественное значение [2: 32]; в диалектах современного русского языка.

Причин появления данных форм несколько. Во-первых, причиной употребления нестандартных компаративов является экономия речевых усилий: произнести одну форму легче, чем синонимичное ей предложение.

Во-вторых, носитель языка образует подобную форму, если

хочет придать речи или тексту экспрессивность, сделать его ярким и запоминающимся. Достигнуть этой цели при помощи нормативных средств, форм, слов и фраз гораздо сложнее и требует высокого уровня владения языком. Кроме того, окказионализм является показателем творческого потенциала данного конкретного носителя языка, что в настоящее время крайне актуально. Этим же можно объяснить появление большого количества данных форм именно сейчас, когда общеизвестно, что часто новации предпочитают традициям, и когда есть средства зафиксировать свою инновацию, например, в Интернете.

В-третьих, в настоящее время носитель языка часто не имеет подходящих средств выражения нужной ему семантики. И некоторые виды семантики может выразить только нестандартный компаратив либо длинная конструкция. В предложении (1) *И вода была мокрее, и небо синее, и трава* ***травее***… [Сайт LoveRead.ws. Автор Коваль Я. 2009] семантика самой сравнительной степени как категории подстраивается под значение лексической базы, являясь показателем интенсивности не признака, но предмета, обладающего совокупностью признаков. В других случаях меняется семантика нестандартной формы: она становится схожей со значением качественного прилагательного или наречия: (2) *Не могу не сравнить с идущим параллельно «Вавилоном». Так вот, заявляю — Бангкок лучше.* ***Жизнее****, реалистичнее, убедительнее, как хотите* [Сайт online-kinofilm.net. Автор BRV. 28.02.2010].

Однако это не единственные причины образования нестандартных компаративов. Разнообразие их типов и увеличение их количества свидетельствуют о том, что данные формы заполняют определенную нишу, отвечают потребностям языка и, соответственно, общества. Это связано с эпохой, в которую увеличивается ритм жизни и в которую человек не просто хочет, но и имеет возможность выражать сложные

эмоциональные переживания в сжатой и экспрессивной форме [1: 75].

Это показатель демократизации русского языка, которая идёт настолько активными темпами, что в настоящее время она способствует расширению рамок грамматических категорий.

Литература

1. Стариченок В.Д. Использование инновационных технологий в преподавании лингвистических дисциплин // Библиографический справочник в области белорусской и русской филологии. Минск – Рига, 2008.

2. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М, 2009.

СЕКЦИЯ 6
РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ И НЕГРАММАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.Г. Брагина
NGBragina@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: тематический классификатор, лингвокультура, речевые акты, лексические концепты.

Аннотация: Доклад посвящен принципам составления тематического классификатора, в котором русская лингвокультура описывается в сопоставлении с другими лингвокультурами. За единицу описания принимаются лексические концепты и речевые акты.

N.G. Bragina, Dr. of Philological Sciences, prof., Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

CROSS-CULTURAL IDEOGRAPHIC CLASSIFIER: PRINCIPLES OF DESCRIPTION

Key words: Ideographic Classifier, Linguoculture, Speech Acts, Lexical Concepts.

Abstract: The presentation concerns the principles of the description of the ideographic classifier, which presents Russian linguoculture in comparison with the other linguocultures. The main units of the description in the classifier are lexical concepts and speech acts.

В докладе речь пойдет о разработке тематического классификатора, в котором дано описание русской лингвокультуры в сопоставлении с другими лингвокультурами. За единицу описания принимаются культурно специфичные единицы речевой коммуникации. Это – речевые акты и лексические концепты, которые рассматриваются на основе материала и данных, отраженных в контрастивных описаниях последних двадцати лет.

Возникшее в начале 90-х лингвокультурное направление способствовало появлению большого количества работ, в которых исследуется культурная семантика лексических единиц: а) в рамках одной лингвокультуры; б) в сравнении с другими лингвокультурами. Эти работы, как правило, выполнены с применением общего методологического

аппарата, сложившегося внутри направления, а также общих (с некоторыми уточнениями) терминов.

При лингвокультурном описании речевых актов и речевых жанров частотными являются сопоставительные исследования *форм обращения, комплиментов, приветствий, прощаний, извинений, благодарностей* и некоторых других.

В работах, посвященных сопоставительному описанию лексических концептов, рассматриваются: *время, жизнь, смерть, судьба, удача, небо, огонь семья, любовь, дружба, счастье, красота, богатство, бедность, ум, глупость, обман* и др. Частотными объектами кросс-культурного описания фразеологизмов становятся части тела, растения, животные, цветообозначения, числительные и др.

Можно предположить, что «сгущение культурных смыслов» происходит именно в этих вербальных единицах. Это значит, что они обладают плохой переводимостью, а также провоцируют коммуникативные неудачи в ситуации общения между представителями разных лингвокультур.

Материал, содержащийся в сопоставительных работах, позволяет говорить о культурной специфике отдельных единиц. При этом отсутствие обобщающих работ создает некоторую диспропорцию. Накоплен интересный материал, посвященный отдельным частным проблемам, но работ обобщающего характера крайне мало. Таким образом, возникает необходимость обобщения опыта.

Одной из возможных форм представления обобщенного опыта по кросс-культурным исследованиям станет тематический классификатор.

М. Морару
morarumihaela01@yahoo.com
д-р. филол. наук, профессор Бухарестского университета, Бухарест, Румыния

РУМЫНСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: Адекватность, аналог, экспрессивность, соответствие, фразеологизм.

Аннотация: Основные типы адекватных соответствий румынского языка образным ФЕ русского можно свести к нескольким постоянным методам: аналогу, калькированию и описательному методу. Практика преподавания русского языка румынским студентам показывает, что наибольшие трудности вызывают соответствия-аналоги, создающиеся путем подыскания ближайшей по значению и функции единицы языка перевода для ФЕ языка оригинала.

M. Moraru

ROMANIAN EQUIVALENTS FOR RUSSIAN IDIOMS

Key words: Adequacy, analogue, expressiveness, correspondence, phraseological unit.

Abstract: The basic types of idiom translation from Russian to Romanian language can be reduced to some fixed methods: analogy, literal translation and descriptive method. When teaching Russian language to Romanian students, one can note that the most difficult method is analogy, due to the necessity to find a term whose sense and function are equal to the original.

При изучении русского языка румынами сложность представляет освоение единиц фразеологического состава языка, в особенности таких, которые обладают национально-культурным своеобразием, а также терминов цветообозначений, в первую очередь, прилагательных *белый* и *черный*. «*Фразеологии принадлежит особая роль в формировании национального образа мира. Именно фразеологизмы отражают особенности национального менталитета и национального характера*» [2: 224]. Основной особенностью фразеологизмов является несоответствие плана содержания плану выражения, что и определяет специфику фразеологической единицы и придает гибкость и глубину ее значению.

При переводе ФЕ (фразеологических единиц) надо исходить из того, что следует передавать их смысловое содержание, сохранив при этом и экспрессивно-стилистическую характеристику данного фразеологизма с учетом его употребления в речи, а также необходимо учитывать и определяющую роль контекста. Также «*следует помнить, что язык участвует не только в передаче мыслей, он не является лишь внешней оболочкой сознания. Язык участвует активно в формировании самой идеи, в ее практической реализации в актах коммуникативной деятельности*».

Основные типы адекватных соответствий румынского языка образным фразеологическим единицам русского можно свести к нескольким постоянным методам: аналогу, калькированию и описательному методу. Практика преподавания русского языка румынским студентам показывает, что наибольшие трудности вызывают соответствия-аналоги, создающиеся путем подыскания ближайшей по значению и функции единицы языка перевода для фразеологической единицы языка оригинала. Аналоги подразделяются на три подгруппы.

I. В первую группу соответствий входят фразеологизмы, совпадающие с единицами оригинала, как по образу, так и по целостному значению. Например: *шито белыми нитками* (cusut cu ață albă); *жить на широкую ногу* (a trăi pe picior mare); *нет дыма без огня* (nu iese fum fără foc); *рука руку моет* (o mână spală pe alta) и многие другие.

II. Фразеологизмы второй подгруппы характеризуются одинаковым переносным смыслом при частичной несхожести семантического контекста, например: *быть на седьмом небе* (по-румынски în al nouălea cer – т.е. на девятом небе); *не видать как своих ушей* (рум. când ți-oi vedea ceafa – т.е. когда собственную шею увидишь); *белая ворона* (oaia neagră – т.е. черная овца), *когда рак свистнет* (când o zbura porcul – т.е. когда свинья полетит); *делать из мухи слона* (a face din țânțar armăsar – т.е. делать из комара коня) и др.

III. Наибольшее количество ошибок допускается при переводе фразеологических единиц, сходных по значению, но совершенно различных с точки зрения состава компонентных единиц, т.е. внутренней формы. При переводе данных единиц, как правило, дается перевод значения, возникающий по первой ассоциации, иногда такой вариант лишен стилистической выразительности. Например:

– *он сказал это в сердцах* – переводится румынскими студентами неправильно (a spus-o din inimă – т.е. сказал от всего сердца) вместо a spus-o la nervi;

– *я знаю, где собака зарыта* – студенты перевели știu unde să caut (т.е. знаю я где надо искать) вместо – știu unde e buba;

– *зарубить на носу* – перевели a ști unde îți e locul (т.е. знай свое место) вместо bagă la cap;

– *с хлеба на квас* – перевели a trăi cu pâine și apă (т.е. жить водой и хлебом) вместо a trăi de azi pe mâine или a trage mâța de coadă;

– *ни пуха, ни пера* – перевели n-am de nici unele (т.е. у меня нет ничего) вместо правильного Baftă! (т.е. удачи!).

Сфера употребления прилагательного *белый* в современном русском языке широкая как в прямом, так и в переносном значении. Например, для названия естественной окраски предметов (*белый снег*, *белый лист*); для названия оперения птиц (*белый гусь*, *белая лебедь*); как медицинский термин (*белая горячка*); как литературный термин (*белые стихи*); в сочетании с абстрактными существительными, обозначающие явления природы (*белая ночь*) и т.д. Все эти сочетания передаются соответственно и на румынский язык. Но прилагательное *белый* часто употребляется в образной речи, в устойчивых сочетаниях в переносном значении:

– *довести кого-нибудь до белого каления*, т.е. довести до крайнего волнения, вывести из себя. Этому выражению соответствует и в румынском языке единица, содержащая лексему *белый* – a scoate (cuiva) peri albi (т.е. поседел от переживания);

– *средь белого дня*, то есть днем, в течение дня, например, «*В сенях царствовал полумрак даже среди белого дня*». Румынский вариант не содержит слова белый – în plină zi (т.е. в разгаре дня);

– *ездить по белому свету*, в значении по всему миру. По-румынски будет менее выразительно: prin lumea întreagă (т.е. по всему свету).

Прилагательное *черный* также имеет широкую сферу употребления, особенно интересны его употребления в переносном значении. Черный сочетается с отвлеченными существительными, придавая им отрицательную характеристику, а именно: мрачный, тяжелый, например: *черная скука, черная тоска, черная доля, черная хандра, черная весть, черные мысли*.

Также прилагательное черный выступает в ряде фразеологических единиц, сравните:
– *черным по белому написано*, т.е. со всей очевидностью – и в румынском языке есть эквивалентное выражение, которое содержит оба термина (белый и черный): negru pe alb;
– *видеть все в черном свете*, т.е. все кажется грустным. И по румынски говорят: a vedea totul în negru-
Поднятыми в нашей статье вопросами, безусловно, далеко не исчерпывается проблема соответствий русских ФЕ и их румынских эквивалентов. Мы остановились только на некоторых примерах, которые показались нам наиболее интересными в нашей практике преподавания русского языка румынским студентам.

Литература
1. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
2. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.

Н.П. Делева
ndeleva@gmail.com
д-р гл. асс., Софийский университет им. Св. Кл. Охридского, Болгария, София

О ПРОЕКТЕ РУССКО-БОЛГАРСКОГО СЛОВАРЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ АНАЛОГОВ

Ключевые слова: омонимы, двуязычный словарь, интерференция.

Аннотация: Рассматривается возможность представления межъязыковых омонимов в двуязычном русско-болгарском словаре. Такой словарь может дать возможность выявить

сходства и различия между близкородственными языками, также способствовать предупреждению интерференции.

N.P. Deleva, Bulgaria, Sofia

TO A PROBLEM REPRESENTATIONS OF INTERLINGUAL HOMONYMS IN THE RUSSIAN-BULGARIAN DICTIONARY

Key words: homonym, bilingual dictionary, interference.

Abstract: To a problem representations of interlingual homonyms in the Russian-Bulgarian dictionary. The opportunity is offered for the preparation of a bilingual dictionary in which matching and similar in content lexical units will be presented in the two closely related languages. Such a dictionary will allow the degree of their relatedness to be assessed, as well as will aid in avoiding cases of interference in the process of mastering the Russian language by Bulgarians.
Близкое родство русского и болгарского языков является одной из причин допущения лексических ошибок носителями болгарского языка в процессе овладения русским языком как иностранным. В связи с этим также возникает необходимость проведения тщательного анализа схожей, даже прежде всего одинаковой, русской и болгарской лексики, чтобы уточнить степень этой близости.
Выделение аналогов как объект наблюдения в процессе сопоставительного анализа русской и болгарской лексики связано с необходимостью точнее определить характер и степень лексической близости данных языков, так как выделяемые для анализа «внешне» сходные лексические единицы не одинаковы с точки зрения характера и степени их формального и семантического соответствия.

В процессе сопоставительного описания лексических единиц современного русского и болгарского языков такие единицы образуют лексические пары, которые включают разные типы семантического соответствия членов лексических пар при одинаковом по типу формальном соответствии. Наблюдения над Р-Б лексическими аналогами выявляются на материале словарей русского и болгарского языка – толковых и двуязычных. Анализу подвергаются ЛП – русская ЛЕ и болгарская ЛЕ, которые являются аналогами.

А.Н. Долгенко
adolgenko@mail.ru
д-р. филол. наук, Академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

ГЛОБАЛИЗМЫ

Ключевые слова: диалог культур, языковая глобализация.
Аннотация: вводится термин «глобализм» для обозначения слов, сходных в фонетическом (и/или графическом) отношении, совпадающих по значению в глобальном и глобально значимых языках.

A.N. Dolgenko, Dr. of Philological Sciences, Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

GLOBALISMS

Key words: a dialogue of cultures, a language globalization

Abstract: The thesis introduces the term "globalism" to refer to words that are similar in phonetic (and/ or graphic) terms, and

which coincide in meaning in the global and globally significant languages.

Общеизвестно, что диалог культур на рубеже XX и XXI вв. развивается под знаком глобализации западной культуры и что инструментом ее распространения является английский язык. В терминосистемах основных сфер жизнедеятельности в большинстве языков мы часто встречаем лексические единицы, совпадающие по значению и имеющие близкий фонетический облик (насколько эта близость возможна у неблизкородственных языков). Традиционно в интерлингвистике для обозначения такого рода слов использовался термин «интернационализмы». Автор энциклопедического определения интернационализмов Ю.А. Бельчиков отмечает: «Развитие фонда интернационализмов в XX в. идёт под знаком количественного роста и расширения сферы распространения, что связано с усилением интернационализации социально-экономических процессов, научно-техническим прогрессом, ростом международного научного и культурного обмена. Удельный вес интернационализмов в ряде языков достаточно велик (например, в активном словаре русского, английского, немецкого, французского языков их более 10%)» [1]. Однако в ситуации языковой глобализации на первый план выходит не изрядное количество, а принципиально новое качество некоторых интернационализмов.
В начале XXI в. в условиях глобальной англоязычной коммуникации, прежде всего в Интернете, новые слова и значения, появляющиеся в английском языке, стремительно проникают в лексические системы множества языков. При этом речь идет не только о терминах и терминоидах, но и о словах, претендующих на статус общеупотребительных еще до кодификации в лексикографии (например, слово *selfie* за два последних года проникло во все наиболее

распространенные языки мира). Такие слова обеспечивают себе узнавание и понимание не только в пределах какого-то ареала (интернационализмы-европеизмы, интернационализмы-американизмы и т.п.), но и в масштабах всей планеты – в глобальном масштабе. Эти особые интернационализмы мы предлагаем именовать «глобализмами». По аналогии с термином «интернационализм», можно использовать термин «глобализм» для наименования слов, сходных в фонетическом (или графическом) отношении, совпадающих по значению (полностью или частично) в английском (глобальном) и еще пяти глобально значимых языках (тех, что используются для коммуникации значительным количеством людей по всему миру). Понятие «глобально значимый язык» не совпадает с понятием «наиболее распространенный язык». Если к числу наиболее распространенных языков современного мира относятся (в порядке убывания количества носителей языка) китайский, испанский, английский, хинди, бенгали, португальский, русский, японский, немецкий и французский языки, то состав глобально-значимых языков иной.

В 2014 г. американскими учеными был предложен новый метод оценки глобальной значимости международных языков [2]. Исследователи построили карту контактов основных языков планеты и выяснили, что китайский и арабский, несмотря на огромное количество говорящих, уступают по влиянию не только английскому, но и другим европейским языкам. Взаимосвязи мировых языков ученые определили на основе трех типов данных. Это информация о 2,2 миллиона переведенных с 1979 по 2011 год книг, учтенных в базе данных ЮНЕСКО Index Translationum, сведения о редакторах Википедии, участвовавших в написании статей на нескольких языках (учеными было обработано 2,5 миллиона редакторов, работавших над 382 миллионами статей), и данные по миллиарду твитов, опубли-

кованных с декабря 2011 по февраль 2012 года (связи отслеживались по наличию двух и более языков в одном аккаунте Twitter). По данным американских ученых, глобальная карта влияния языков имеет иерархическую структуру: «центральный» узел коммуникации (английский), окруженный «узлами второго порядка»: немецким, французским, испанским, русским и португальским. Именно эти шесть языков являются глобально значимыми в начале XXI в. Таким образом, глобализмы – это слова, сходные в фонетическом (и/или графическом) отношении, совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых языках.

Данный термин в полной мере соответствует реалиям современной глобальной коммуникации, однако носит рабочий характер. Насколько работоспособным и востребованным он станет, покажет анализ корпуса глобальной лексики и дальнейшее развитие диалога культур.

Литература

1. Бельчиков 1990 – Бельчиков Ю.А. Интернационализмы // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

2. Ronen2014 – Shahar Ronen,Bruno Gonçalves, Kevin Z. Hua, Alessandro Vespignani, Steven Pinker, César A. Hidalgo Links that speak: The global language network and its association with global fame // Processing of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2014. vol. 111 no. 52.

В.В. Катермина
katermina_v@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Н.Н. Касаткина
ninet75@mail.ru
канд. пед. наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: вторичная языковая личность; межкультурная коммуникация; билингвизм; искусственный билингвизм; иностранный язык.

Аннотация: Тезисы посвящены рассмотрению функционирования вторичной языковой личности в рамках межкультурной коммуникации. Подчеркивается, что овладение новым языком неизбежно осуществляется через призму уже освоенной и осознанной системы своего языка.

V.V. Katermina, Dr of Philological Sciences, prof., Kuban State University, Russia, Krasnodar

N.N. Kasatkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate prof., Demidov State University, Russia, Yaroslavl

SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY IN THE CONDITION OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Key words: secondary language personality; intercultural communication; bilingualism; artificial bilingualism; foreign language

Abstract: The theses are devoted to the functioning of a secondary language personality in the condition of intercultural communication. The suggestion of mastering a new foreign language through the norms of the mother tongue is considered to be the basic idea.

По мнению многих исследователей, искусственный билингвизм становится обычным явлением современного общества. Такая востребованность со стороны практики диктует актуальность данной проблемы, которая заключается в необходимости научного обоснования и стимулирует движение научной мысли. Достаточно сопоставить существующие толкования понятия искусственного билингвизма, чтобы убедиться в существовании двух подходов к рассмотрению данного феномена. С одной стороны, искусственный билингвизм рассматривается как сформированная готовность к участию в естественной коммуникации, как результат аккультурации, происходившей в искусственных условиях, в процессе обучения, с другой стороны, искусственный билингвизм понимается как сам процесс становления коммуникативной личности искусственного билингва в условиях межкультурной коммуникации.

Считается, что в основе билингвизма лежат те же речевые механизмы, с помощью которых осуществляется общение на родном языке, т.е. процессы овладения родным и иностранным языком во многом схожи. Однако изучение иностранного языка характеризуется и рядом отличий от изучения родного. В частности, при изучении родного языка у ребенка еще отсутствует возможность соотносить языко-

вые явления с языковой системой, поскольку у него еще нет представления о ней. Языковые образцы формируются в сознании ребенка шаг за шагом, благодаря погружению в языковую среду, что приводит к тому, что его язык постепенно начинает соответствовать языку окружающих. При изучении же иностранного языка у говорящего уже имеются представления о системе и норме известного ему родного языка, поэтому овладение новым языком неизбежно осуществляется через призму уже освоенной и осознанной системы своего языка.

И.А. Шаронов
Igor_sharonov@mail.ru
декан ТиПЛ Института лингвистики РГГУ

КОММУНИКАТИВЫ НА БАЗЕ РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛ

Ключевые слова: диалог, прагматика, стереотипные формулы, репликовые частицы – коммуникативы, лексикография.

Аннотация: В докладе рассматриваются короткие десемантизированные ответные реплики диалога – коммуникативы, построенные на основе стереотипных формул. Указываются основные факторы, релевантные для их анализа и лексикографического описания, проблемы, с которыми могут сталкиваться иностранные студенты при восприятии коммуникативов в письменных текстах и устной разговорной речи.

I.A. Sharonov, The Dean of Faculty, Institute of Linguistics RSUH

COMMUNICATIVES ON THE BASE OF CONVERSATIONAL ROUTINE

Keywords: dialog, pragmatics, conversational routine, response particles, communicative units, lexicography.

Abstract: The report is devoted to description of the short response particles in dialog – communicatives, based on routine formulae. I will enumerate the basic factors, relevant for analysis and lexicographic description of communicatives, pay special attention to the difficulties foreign students are faced with in written texts and oral colloquial speech, when they try to apprehend communicatives.

Современная концепция исследования диалога стоит на «китах» нескольких теорий. Инструментально-игровой подход к использованию языка Л. Витгенштейна [1] позволил пересмотреть значение языкового знака через функцию этого знака в процессе коммуникации. Теория речевых актов Дж. Остина [2], развитая Дж. Сёрлем [3] и другими философами и лингвистами, связала языковые высказывания с теорией деятельности и описала семантические условия их использования в речи. Метод анализа устного бытового разговора [4] продемонстрировал роль паралингвистических средств в процессе построения диалога и негласные правила репликового взаимодействия коммуникантов.

В результате исследования реальной устной коммуникации обнаружился значительный процент повторяющихся «застывших» речевых структур, однословных или неоднословных выражений, употребление которых напрямую связано с типом диалогической ситуации и местом в речевой последовательности реплик коммуникантов. Речевая стереотипизация мотивируется регулярным характером реше-

ния повседневно стоящих перед человеком задач и однотипностью моделей речевого взаимодействия, упорядочивания речевых актов при решении таких задач. В результате коммуникативной практики «шлифуются», становятся штампованными и средства коммуникативного взаимодействия – языковые реплики диалога.

Прагматическое описание стереотипных языковых выражений включает описание условий их адекватного употребления в диалоге, требует учета моделей диалогического взаимодействия. В задачи описания входят, таким образом, не просто языковые выражения, а застывшие реализации диалогического поведения, обеспечивающие при их правильном использовании плавный, привычный для коммуникантов ход речевого взаимодействия.

Существует целый ряд терминов, использующихся для описания поля стереотипных реплик диалога или какой-то его части: рутины, или стереотипные формулы; гамбиты; этикетные формулы; дискурсивные слова; релятивы; коммуникативы и т.д.

Несмотря на различие в терминологии и в подходах к описанию, общим считается выполнение этими единицами регулирующих, дискурсивных и социальных функций, обобщенно противостоящих функции передачи информации о мире.

Объектом нашего интереса в данном докладе являются неоднословные десемантизированные речевые формулы-коммуникативы, то есть идиоматические выражения экспрессивного типа, выступающие в функции ответных реплик. В русской лингвистической традиции такие единицы относят к высказываниям междометного типа. Например: *Вот это я понимаю! – И не говори! – Этого еще не хватало! – Не может быть и речи! – Так я и знал! – Ишь, куда хватил! – Было дело! – Эка невидаль! – Вот еще новости! – Как (вам будет) угодно* и т.д.

В отличие от коммуникативов, построенных на служебной лексике, речевые формулы-коммуникативы в меньшей степени зависят от фразовой интонации, и потому более однозначны. Однако в остальном речевые формулы-коммуникативы требуют тех же нестандартных подходов в описании. Для понимания и адекватного употребления этих единиц в качестве ответных реплик диалога необходимо знание их интенционального значения, фиксированной типовой эмоции, жестово-мимического сопровождения, а также разнородная информация о типе предшествующей реплики. Описание коммуникатива не будет полным без анализа тонких различий между синонимичными и квазисинонимичными репликами, теоретически способными заменять коммуникатив в типовом контексте.

Комуникативы пока не получили должного лингвистического, лексикографического и методического освещения. Обучение иностранных студентов этим единицам диалога крайне полезно для активизации речевых навыков и умения вести диалог по-русски. В докладе на примере описания нескольких коммуникативов будет продемонстрирована их роль в процессе разговора и проблемы, с которыми могут сталкиваться иностранные студенты при восприятии коммуникативов в письменных и устных текстах, а также при использовании их в собственной речи.

Литература

1. Витгенштейн Л. фон. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М. Вып.16. 1985.
2. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М. Вып. 17. 1986.
3. Дж. Р. Серль. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М. Вып. 17. 1986.
4. Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis Cambridge: Cambridge University Press.(ms.). 2007.

М. А. Дрога
droga84@rambler.ru
кандидат филологических наук, старший преподаватель Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

«РУССКИЙ ЯЗЫК» В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, русский язык, языковое сознание, мотивация.

Аннотация: В статье излагаются результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди иностранных студентов НИУ «БелГУ» с целью выявления особенностей ассоциативных полей стимулов "русский язык" в языковом сознании изучающих русский язык как иностранный.

M.A. Droga, Candidate of philological Sciences, senior lecturer, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

«RUSSIAN LANGUAGE» IN A MULTI-ETHNIC STUDENT'S ENVIRONMENT (THE RESULTS OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Key words: associative experiment, the Russian language, linguistic consciousness, motivation.

Abstract: The author presents the results of the associative experiment carried out among foreign students BSU for the purpose of discovering the characteristic features of the associative fields of the stimuli “Russian language” in the linguistic consciousness of the learners Russian as a foreign language.

Анализ языкового материала выявил, что русский язык вызывает интерес у иностранцев в плане изучения, желания владеть и свободно общаться на нем. В своих анкетах они отмечают, что русский язык является мировым, в отличие от их родного языка. Большинство полученных ассоциаций – положительные (73% от общего числа). Наблюдения подтвердили мысль о том, что сложность русского языка для иностранцев – стереотип, который давно пора отбросить. В понимании многих студентов-иностранцев концепт «русский язык» связан с использованием словарей, учебных пособий, разговорников и другой справочной литературы. Другими словами, восприятие русского как сложного языка появляется на стартовом уровне, ещё до его изучения. Но в то же время не отталкивает студентов, не создает негативного впечатления. Таким образом, оценки русского иностранцами носят субъективно-оценочный характер – они метафоричны, эмоциональны, положительно-оценочны, но денотативно не наполнены.

Полученные данные позволяют сгруппировать ассоциаты по нескольким наиболее сформированным тематическим блокам: 1) реакции, содержащие оценку (*интересный, сложный, красивый, богатый, серьезный, хороший*); 2) культурное явление (*Пушкин, стихи, Москва, Есенин*); 3) часть будущей профессии (*переводчик, дипломат, работать*); 4) средство общения (*люди, разговаривать, песни*); 5) процесс обучения (*учебник, словарь, учить, слова, знаки, грамматика, конструкция, текст*); 6) символика страны (*Путин, СССР, медведь, шапка, матрешка, холодно*).

Анализ полученных результатов выявил следующие ***особенности***:

1. В современном мире русский язык один из самых распространенных в мире, он зачислен в «Клуб мировых языков». «Изучение русского языка делает человека особенным. При выборе иностранного языка большинство иностранцев отдают предпочтение европейским языкам: немецкому, итальянскому, французскому. Но при поиске работы, например, знание русского языка может значительно повысить интерес к резюме и даст преимущества перед остальными претендентами, …какие возможности открываются перед человеком, который владеет одним из наиболее популярных языков на планете».

Прочитанные на своём родном языке произведения Достоевского и Толстого подталкивают иностранцев изучать сложный русский язык. «Мировая литература, безусловно, была бы бедной без произведений великих русских классиков, таких как Пушкин, Достоевский, Толстой, Есенин, Булгаков и других. Знание языка позволяет лучше понять культуру русских людей и менталитет».

Большинство испытуемых построили ответы на основе ассоциаций с Россией, с ее историей, культурой и традициями. Интересные реакции были получены от представителей Вьетнама: *бесконечный*, *мировой*, *сильный*.

2. Для некоторых иностранных студентов русский язык – резкий, им кажется, что мы не разговариваем, а ругаемся. Слышится что-то очень похожее на ДО-МО-ДЕ-ДО-ВО. Есть мнение, что «женский» русский звучит красиво, а «мужской» – грубо. Увлеченность русским языком возникает из-за простого любопытства, является результатом проверки «смогу – не смогу». Многие иностранные граждане считают его «смешным», и этот мотив становится решающим при выборе нового языка.

Для большинства испаноговорящих русский язык – жёсткий, схож по звучанию с немецким. Некоторые респонденты отвечали, что русский язык «*режет слух*». Информанты также предлагали вариант: «*неприятные на слух звуки*».

3. Не секрет, что коммуникативное поведение русских находится под влиянием собственных эмоций. В русском языке существует ряд слов, например, эмоциональные глаголы, которые непереводимы на другие языки. Зарубежные исследователи признают, что русский – в высшей степени эмоциональный язык, в интонацию русские вкладывают много чувства и страсти. К примеру, выражение «Вот это да!» с трудом поддается объяснению, вызывая еще больший интерес у изучаемых его иностранных студентов. Об этом свидетельствуют реакции *непонятный*, *исключительный*, *тайна, загадка*.

Данные эксперимента говорят о том, что Россия глазами иностранцев не всегда великая, у людей с другой культурой русский язык вызывает удивление: «Как этот набор звуков можно сравнить с человеческой речью?». Редко кто из представителей других стран соглашается с нами, что именно русский язык самый красивый и совершенный.

Иностранец, который решил выучить русский язык, может ставить перед собой совершенно различные цели – это и общение с русскими деловыми партнерами, учеба в России (российская система образования известна во всем мире), для общения с русскими туристами, например, в родной стране изучающего русский. Принятие решения учиться за рубежом говорит о том, что молодые люди психологически готовы изучать новый для них иностранный язык, знакомиться с культурой и традициями России.

Л.В. Ипполитова
msu.ruslang@gmail.com
канд. филол. наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: русский язык; русский синтаксис; безличность; безличные конструкции в русском языке; Вежбицкая; английский язык; безличные конструкции в английском языке.

Аннотация: В статье рассматриваются различные подходы к интерпретации функционирования русских безличных конструкций с позиций типологии и культурологии.

L.V. Ippolitova, Cand. of Philological Sciences, chairperson Russian as a Foreign language Department, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow,

LINGUA-CULTURAL APPROACH TO IMPERSONAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN AND IN ENGLISH

Keywords: the Russian language; Russian syntax; impersonalia; impersonal constructions in Russian syntax; Wierzbicka; the English language; impersonal constructions in English syntax.
Abstract: The article deals with lingua-cultural approach to impersonal constructions in the Russian vs. English language and interpreting syntactic phenomena from the viewpoint of cross-cultural and linguistic typology studies.

1. Безличные конструкции представляют собой одну из ярких особенностей грамматического строя русского языка, сфера их употребления неуклонно расширяется.
2. В последнее время анализ функционирования безличных конструкций сместился в лингвокультурологическую плоскость.
3. Выводы, которые делаются исследователями, рассматривающими особенности бытования безличных конструкций в русском языке, часто определяются подходом, изложенным А. Вежбицкой в сборнике «Язык. Культура. Познание».
4. Лингвокультурологическая интерпретация функционирования русских безличных конструкций в концепции А. Вежбицкой представляется односторонней и тенденциозной.
5. Отечественные лингвисты советского периода дали глубокий анализ особенностей функционирования безличных конструкций в русском языке, однако рассматривали их преимущественно вне сопоставления с другими языками (см. исследование Е.М. Галкиной-Федорук).
6. Целесообразно провести детальное сопоставление особенностей функционирования безличных конструкций в русском и английском языках, что поможет избежать поспешных выводов и сформировать корректное представление о предмете.
7. Выбор языковой пары «русский – английский» определяется несколькими факторами: 1) особой ролью английского языка на лингвистической арене, 2) типологической отдаленностью русского и английского языков друг от друга, 3) высокой частотностью сопоставлений особенностей того или иного языка с соответствующими феноменами английского языка.

Литература
1. Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
2. Глазкова С.Н. Этноспецифика директивной синтаксемы надо+инфинитив в диахроническом аспекте // Филология и человек. 2012. № 4.
3. Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками): Монография. Астрахань: Изд-во Астраханского ун-та, 2008.
4. Кленина А.В. Простое предложение в современном русском языке. Теория и упражнения (включенное обучение). М.: Русский язык, 1989.
5. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2013.

А.К. Казкенова
aimgul.kazkenova@mail.ru
канд. филол. наук, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан

«НАЙТИ ОБЩИЙ ЯЗЫК»: СТРАТЕГИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕПОНИМАНИЯ

Ключевые слова: коммуникация; участники коммуникации; стратегия предупреждения непонимания; коммуникативная тактика; языковая компетенция.

Аннотация: В докладе описывается использование стратегии предупреждения непонимания в процессе общения людей, владеющих языком / метаязыком в разной степени.

В частности, перечисляются виды такого общения, определяются роли участников коммуникации, рассматриваются коммуникативные тактики ведущего участника.

A.K. Kazkenova, candidate of philological sciences, prof., Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

«TO FIND A COMMON LANGUAGE»: A STRATEGY FOR THE PREVENTION OF MISUNDERSTANDING

Key words: communication; participants of communication; strategy for the prevention of misunderstanding; communicative tactics; language competence

Abstract: The paper describes the use of strategies to prevent misunderstanding in communication between people using the language / metalanguage differently. In particular, I list the types of communication, define the roles of participants of communication and consider the communicative tactics of leading participant.

Стратегия предупреждения непонимания рассматривается на примере ситуаций общения людей, владеющих языком / метаязыком в разной степени. Данная стратегия применяется и в случаях равноправного в лингвистическом отношении общения, но в выбранных, более радикальных, ситуациях можно обнаружить не только гораздо большее разнообразие применяемых тактик, но и некоторые нарушения правил обычной коммуникации.
При этом ситуации общения при неодинаковом уровне языковой / метаязыковой компетенции могут быть весьма различны, но, как правило, они сопровождаются различиями и в компетенциях иного рода. Так, это может быть

общение человека, для которого тот или иной язык является родным (native speaker), с инофоном. В этом случае на различия в степени владения языком неизбежно накладывается различие в «культурной» компетенции участников коммуникации. В ситуации общения взрослого с ребенком, еще осваивающим язык, наблюдается не только различие в уровне владения языком, но и существенные различия в запасе знаний и опыта. В случае общения профессионала и непрофессионала речь идет о разной степени не языковой, а метаязыковой компетенции коммуникантов, проявляющейся в степени владения понятийно-терминологическим аппаратом той или иной области знания. Как известно, даже при широком распространении того или иного термина за пределами профессионального общения его содержание может восприниматься по-разному профессионалом и непрофессионалом [2].

Но, несмотря на имеющиеся различия, в такого рода общении всегда есть ведущий и ведомый – коммуникация имеет ярко выраженный неравноправный характер. Безусловно, «коммуникативное превосходство» ведущего участника накладывает на него определенную ответственность. Он должен предвидеть трудности (причем не только языковые), с которыми столкнется его собеседник, адаптироваться к его возможностям участия в коммуникации. От правильного выбора тактик зависит достижение поставленной коммуникативной задачи, в частности предупреждение непонимания.

С другой стороны, недостаточное владение языком вынуждает второго участника диалога принять роль «коммуникативного подчиненного». Если роль не соответствует уровню владения языком, то это, как правило, вызывает протестную реакцию, ср.: «одним из показателей речевой тактики следует считать ответные реакции партнера по коммуникации» [1: 135].

Кроме того, со стороны участника диалога, имеющего коммуникативные преимущества (например, со стороны native speaker, взрослого, профессионала), всегда проявляется особое внимание к организации сообщения, предназначенного для "ведомого".

1. Внимание к форме сообщения

а) Замедленный темп речи, отчетливая артикуляция – говорящий стремится предотвратить непонимание, вызванное неадекватным восприятием формы сообщения.

б) Сужение сферы эллипсиса и импликатур.

2. Внимание к содержательной стороне сообщения

а) Метаязыковые комментарии. Так, недостаточное владение кодом со стороны ведомого участника (зачастую в сочетании с недостаточными компетенциями иного рода) обусловливает необходимость комментирования со стороны ведущего значений используемых слов и выражений.

б) Предоставление адресату (иногда намеренно избыточного) выбора – выражение одной и той же мысли несколькими способами.

в) Подбор более простых по форме и смыслу и наиболее употребительных языковых единиц, в случае необходимости – разложение сложного содержания на «семантические примитивы».

3. Переключение на иные коды

а) Частичное переключение на код второго участника диалога (вкрапление иноязычных единиц при общении с инофоном, использование «детских слов» при общении с ребенком, переключение с узкоспециального на более популярный стиль общения).

б) Актуализация средств внеязыковой коммуникации – сопровождение речи паралингвистическими средствами.

в) Ремарки ведущего участника. Противореча этикетным правилам, они не способствуют и достижению понимания, но в известной степени позволяют ведущему участнику,

уверенному в том, что собеседник его не поймет, снять «коммуникативный стресс».
Стратегия предупреждения непонимания может быть проиллюстрирована не только наблюдениями над реальной коммуникацией, но и примерами ее «моделирования» в произведениях художественной литературы, кинематографа, театрального искусства.

Литература
1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
2. Колясева А.Ф. Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания:. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2014.

М.Р. Равшанов
mahmudravshanov@rambler.ru
канд. филол. наук., доцент Навоийского государственного горного института, Узбекистан

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ КРОССКУЛЬТУРНОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Ключевые слова: термин, терминосистема, кросскультурный, словарь.

Аннотация: В статье исследуются вопросы составления кросскультурного терминологического словаря русского и узбекского языков. Изложены результаты составления и назначения кросскультурного многоязычного терминологического словаря.

M.R. Ravshanov, candidate doctor of Philology. Sciences., associate Professor Navoi state mining Institute, Uzbekistan

EXPERIENCE IN PREPARATION OF CROSS-CULTURAL TERMINOLOGICAL DICTIONARY

Key words: term, terminological system, crosscultural, dictionary.

Abstract: this article investigates the preparation of cross-cultural terminological dictionary of the Russian and Uzbek languages. The results of the compilation and purposes of cross-cultural multilingual terminological dictionary.

Интенсивность международных профессиональных и научных контактов преподавателей русского языка обусловлена открытостью мирового сообщества и стремительным развитием новых информационных технологий и электронных средств связи, способствующих межкультурному общению без границ и вне времени. Глобальное распространение в странах СНГ русского языка как языка международного общения между специалистами способствует беспереводному прямому общению. Практический опыт такого общения демонстрирует массу примеров недопонимания, когда под одними и теми же терминами специалисты из разных культур подразумевают разные явления и понятия. Таким образом может способствовать разрешению подобных проблем межкультурной профессиональной коммуникации терминологический словарь.
Составление и назначение кросскультурного словаря направлено оптимизация межкультурного общения преподавателей в области гуманитарных наук, принадлежащих к разным лингвокультурам. Основным принципом построения кросскультурного терминологического словаря явля-

ется принцип учета межкультурной перспективы, который заключается направленности описания термином «свое» – «чужое» или «чужое» – «свое». При разработке модели кросскультурного терминологического словаря необходим тщательный анализ ситуации межкультурного общения пользователей данного словаря. В связи с данными задачами современное международное профессиональное общение преподавателей русского языка можно охарактеризовать как беспереводное межкультурное общение в условиях глобального распространения русского языка является понимание или употребление терминов, функционирующих в разных социокультурных условиях.

Принцип учета межкультурной перспективы определяет макро- и микроструктуру терминологического словаря: состав терминологического словника и построение словарной статьи. Определение иноязычного лингводидактического термина в кросскультурном терминологическом словаре возможно только при трехаспектном анализе его семантики, логико-понятийных связей и социо-культурного контекста его функционирования. Значимостью является социокультурного параметра в создании кросскультурного терминологического словаря обусловлена назначением словаря и ролью социокультурного аспекта в семантизации иноязычного термина. С точки зрения лингвокультурной принадлежности коммуникантов международное общение преподавателей русского языка является межкультурным. Участники профессионального общения преподаватели русского языка Узбекистана и их зарубежные коллеги принадлежат к различным национальным лингводидактическим школам. Различается и социокультурная ситуация преподавания русского языка.

Решение задачи лексикографического описания иноязычной терминологии для пользователя-носителя другого языка невозможно без обращения к сопоставительному тер-

миноведению. Проблема сопоставления разноязычных терминосистем, принадлежащих к одной и той же понятийной области или ее фрагменту при тождестве обозначаемых понятий в обоих языках или использовании международной терминологии, возможно, в виде условного искусственного языка. В концепции кросскультурного терминологического словаря межкультурная направленность является центральным, заключающаяся в описании особенности терминосистемы с учетом социокультурных различий контекста ее функционирования и лингвокультурной принадлежности пользователя словаря.

В рамках лингвистического знания необходимо учитывать коммуникационными и лексикографическими идеями: во-первых, сущность термина как знака особого типа, соотносящего звуковую и буквенную оболочку отражение термином научных понятий определенной области знания; во-вторых, системность терминов, обусловленных системностью соответствующих понятий; в-третьих, социокультурную детерминированность терминов гуманитарных наук. С позиции теории межкультурной коммуникации описание термина предполагает учет того фактора, что процесс «декодирования» информации происходит на фоне как минимум двух лингводидактических культур. Таким образом, словарь концептуально ориентируется на потребности пользователей словаря в межкультурной коммуникации.

Т.В. Тарасенко
tvt2004@mail.ru
к. филол. наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М.Ф. Решетнева Красноярск, Россия

ПОЗДРАВЛЕНИЕ КАК ЭТИКЕТНАЯ СИТУАЦИЯ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ключевые слова: контрастивная грамматика, речевой этикет.

Аннотация: Исследование речевого этикета возможно и с позиции семантического синтаксиса, например, поздравление можно исследовать как этикетную ситуация, описав ее элементарную модель, участников, репрезентацию в конкретных языковых единицах и разных лингво-культурах.

T.V. Tarasenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Reshetnev Siberian State Aerospace University, Russia, Krasnoyarsk

CONGRATULATION AS ETIQUETTE SITUATION IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LINGO CULTURES

Key words: contrastive grammar, speech etiquette.

Abstract: The study of the speech etiquette is possible and from a position of the semantic syntax. For example, compliments can be examined as etiquette situations if described its

elementary model, participants, representation in the specific linguistic units and the different linguistic cultures.

В своих рассуждениях мы хотели выяснить, в каких элементах этикетной ситуации содержится «культурная» информация, что делает коммуникантов вежливыми или невежливыми, владеющих или не владеющих этикетными нормами. См. пример: *«Смешно, когда французские дети, владеющие русским языком, но не жившие в России, на красивое православное пасхальное «Христос воскресе» отвечают «А вам также» или «Да, я знаю»*. [1: 226–227]. Данный пример иллюстрирует следующее: в примере с французскими детьми мы видим, что дети освоили ситуацию поздравление как некий сценарий (ритуал): поздравление – стандартный ответ на поздравление, но не освоили культурную информацию этикетной ситуации, а именно конкретное речевое клише-ответ на поздравление с Пасхой.

Рассмотрим этикетную ситуацию, в которой произносится речевой жанр *поздравление*, базовая модель которой может быть представлена как: субъект А1 (автор поздравления/адресант) – предикат речевого общения – субъект А2 (адресат) – предмет речи: *А1 поздравляет А2 с чем-то*. Нами были выделены элементы этикетной ситуации: предикат, участники (автор и адресат поздравления), каузатор (событие или причина) поздравлений. Репрезентация этой базовой модели в каждой культуре имеет свои особенности, на ее реализацию влияет культурный «антураж», сформированные культурой ценности и нормы, коммуникативные правила, которые реализуются в поздравительном речевом этикете. Был сделан сопоставительный анализ этикетной ситуации поздравления на примере праздников Рождество и Новый год в английской, русской и китайской лингвокультурах.

Литература
1. Ван Гауберген М. Фатический элемент в ритуальной динамике // Ритуал в языке и коммуникация: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: Знак; РГГУ, 2013.

Н.В. Татаринова
nvtatarinova@pushkin.institute
Кандидат филол. наук, доцент Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, Москва, Россия

Е.Н. Белихина
enbelihina@pushkin.institute,
Государственный институт русского языка им А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОБРАЗ РОССИИ В АМЕРИКАНСКИХ ФИЛЬМАХ

Ключевые слова: стереотип, взаимодействие культур, формирование стереотипов.

Аннотация: статья посвящена вопросам формирования стереотипов посредством современного кинематографа.

1. Стереотипное представление о народе как результат взаимодействия различных культур при живом контакте, а также посредством знакомства с научной и литературной традициями разных народов.
2. Стереотип, согласно У. Липпману, это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыт. Вся человеческая культура – это, главным образом (в интерпретации У. Липпмана) отбор, реорганизация, отслеживание разных моделей среды. Т.е. формирование стереотипов это экономия собственных усилий, т.к. попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и обобщения, утомительна, а для занятого человека практически обречена на провал.

3. Факторы, влияющие на формирование стереотипов о России:
– географическое положение нашей страны;
– события и личности, повлиявшие на ход мировой истории;
– деятели культуры и искусства;
– современная международная политика
– и др.;
4. Кинематограф как фактор, влияющий на формирование стереотипов о странах (итальянская мафия, мексиканские наркобароны, французский романтизм).
5. Роль современного американского кинематографа в создании определенных стереотипов о России и русских:
– холодная пасмурная погода, крепкие морозы, сильный снег;
– немного достопримечательностей (Москва – столица России и Кремль);
– внешний вид русских (или подчеркнуто бандитский, или нарочито богатый, или небрежный);
– поведение русских (зависит от социального статуса киноперсонажа, часто нарушает законы, проявляет грубость, неуважение к окружающим);
– род занятий русских (обычно занимается незаконной деятельностью, но может быть гениальным ученым);
– и т.п.
6. Год российского кинематографа в России как возможность повлиять на формирование новых представлений о России и русских в представлении зарубежных зрителей.

Е.В. Костина
kirilka69@mail.ru
ст. преподаватель Ивановского государственного химико-технологического университета, Иваново, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЮМОР В СРЕДЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ОТ ТЕРМИНА К АНЕКДОТУ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: компьютерный социолект, профессионализмы, сленгизмы, анекдот, юмор хакеров.
Аннотация: Рассматриваются некоторые характерные черты профессионального компьютерного сленга, его взаимодействие с терминологическими наименованиями, особенности употребления англоязычных заимствований в русском языке. Особое внимание в компьютерном социолекте уделяется языковым особенностям таких жанров, как анекдот и коллекции историй о хакерах и компьютерных пользователях.

E.V. Kostina, Senior Tutor of the Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia

Keywords: speech styles, professional language, slang, humor, short stories.

PROFESSIONAL HUMOR AMONG COMPUTER GEEKS: FROM TERMS TO ANECDOTES ON THE BASIS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract: The article is devoted to some specific traits of professional computer slang, its interaction with terminological units' and the usage of English borrowings in the Russian

language. Special attention is paid to such speech genres in computer slang as anecdotes and short stories about hackers and computer users.

Компьютерные и сетевые технологии, появившиеся в середине XX века и получившие широкое распространение во всем мире в начале XXI века, обусловили возникновение не только нового пласта терминов, связанных с этой отраслью деятельности людей, но и целой профессиональной субкультуры, породившей большой объем языкового материала, представляющего интерес, как для лингвистики, так и межкультурной коммуникации. Так как источником технологических новшеств чаще всего являются англоязычные страны, то зачастую лексика из этой области приходит к нам из английского языка и подвергается различного рода ассимиляциям. Примечательно, что недостаточное знание официального английского термина часто приводит или к его транслитерированию на русский язык или его обыгрыванию: по созвучию с родным языком, по выполняемой функции т.д.

С одной стороны, появился целый пласт специальных терминов, техницизмов и профессионализмов, относящихся к компьютерной сфере, и необходимость знания данной терминологии стала актуальной для огромного количества пользователей – непрофессионалов. С другой стороны, в компьютерной среде существует довольно широкая социопрофессиональная группа, которая не только «изобретает» термины, но является основательницей «хакерской» субкультуры, где создание собственного подъязыка, социолекта, который можно назвать «компьютерный сленг», является таким же важным компонентом творчества, как и написание качественной компьютерной программы.

Динамично развивающийся язык компьютерных пользователей, несомненно, заслуживает пристального внимания лингвистов. Появление новых англоязычных терминов, необходимость их перевода и параллельное возникновение сленговых слов носит массовый характер, так как аудитория и расширение возрастных рамок компьютерных пользователей постоянно растут. В процессе адаптации и ассимиляции компьютерных терминов пользователи прибегают к различным словообразовательным моделям, упрощающим понимание и восприятие слов, поиск толкования которых на родном языке может вызвать затруднение. Можно назвать несколько наиболее распространенных приемов образования сленгизмов и жаргонизмов в русском языке. Ведущее место, несомненно, принадлежит, метафоре, например: *СДО́ХНУТЬ* – перестать работать («у меня сдохла мать…»), *ГОЛОВА, МОЗГИ* – процессор, *БИТЫЙ* – поломанный, испорченный (битая ссылка – ссылка на несуществующий адрес в Паутине (в сети Интернет, WEB). Часто используется паронимия: *А́СЬКА, АСЯ* – программа для мгновенного обмена сообщениями ICQ, *ЖАБАСКРИПТ* – язык программирования JavaScript. Широко распространены заимствования, транслитерация, например: *ВАРЕЗ* – нелегально распространяемое программное обеспечение и лицензионные ключи к нему, от английского warez, *ТУЛ, ТУЛЗА* (от англ. tools) – программное обеспечение, сравнительно небольшая система, которая предназначена в основном для обеспечения функционирования более сложных систем, а также калька, например: *ППП* – Повсеместно Протянутая Паутина, то есть Всемирная Паутина (WWW – WorldWideWeb), *Windows* – окна, форточки и т.д.

Однако следует отметить, что люди, создавшие хакерскую субкультуру в англоязычном мире, изначально позиционировали себя как сообщество, которое не следует ничьим

правилам, кроме собственных. Создавая свой язык, они руководствовались так же, как и тогда, когда они решали какие-либо технические задачи, нестандартностью номинации, ее языковой необычностью (семантической, фонетической, орфографической) и нестандартностью решения поставленной задачи, сопровождающейся изрядной долей юмора.

Наряду с техническими артефактами, такими как Unix или проект GNU, основатели сообщества создали и языковые артефакты, в том числе словарь Jargon File. И на английском, и на русском языках существует целый слой профессионального фольклора в виде анекдотов и коллекций историй из жизни хакеров и их профессиональной деятельности. В этих афористичных языковых миниатюрах отражаются как особые когнитивные модели, традиционно используемые этой социальной группой, так и жесткие правила коммуникации, известные только посвященным, а также принятые в этой среде игровые языковые приемы. Часто героями анекдотов являются известные политические деятели (см., например, анекдот «*Bill Clinton, Boris Yeltsin, and Bill Gates were called in by God»).* Или: *Девушка-программист едет в трамвае, читает книгу. Старушка смотрит на нее, крестится и в ужасе выбегает на следующей остановке. Название книги – «Язык Ада».*

Все проанализированные анекдоты демонстрируют высокую языковую креативность и обращение к языковому сознанию членов русскоязычного лингво-культурного сообщества, знакомого с англоязычным профессиональным сленгом.

Т.С. Веселовская
tatianus2006@yahoo.com
аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОГО ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: кросс-культурные несоответствия, корейское вербальное поведение, коммуникативные ситуации, самонаблюдение.

Аннотация: В данной работе приводятся некоторые особенности корейского вербального поведения на примере следующих коммуникативных ситуаций: установление контакта, обращение, знакомство. Отмечены кросс-культурные несоответствия, вызывающие наибольшие трудности у представителей русской лингвокультуры, на основе интроспективных данных.

T.S. Veselovskaya, Ph.D student, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

SOME FEATURES OF THE KOREAN VERBAL BEHAVIOR

Key words: cross-cultural discrepancies, Korean verbal behavior, communicative situations, introspection.

Abstract: In this paper, we present some features of the Korean verbal behavior in the following communicative situations: establishing contact, appeal, acquaintance. Marked cross-cultural discrepancies that cause the greatest difficulties for

representatives of Russian linguistic culture, based on introspective data.

В связи с расширением круга людей, активно вовлеченных в межкультурные контакты во всех сферах человеческой деятельности, решается проблема восприятия информации. На первый план выходит формирование навыков и умений перехода с одного культурного кода на другой в рамках межкультурного диалога.

В работе рассматриваются некоторые кросс-культурные несоответствия корейского и русского вербального поведения в рамках ситуативной модели описания народа, предложенной Ю.Э. Прохоровым и И.А. Стерниным [2: 7]. В качестве примера приводится описание следующих коммуникативных ситуаций: установление контакта, привлечение внимания, обращение, знакомство. Отмечены особенности, которые вызывают наибольшую трудность у представителей русской лингвокультуры. Отбор релевантного материала был проведен на основе данных самоописания, зафиксированных в т. н. дневнике самонаблюдения [1: 12]. В нашей работе представлено коммуникативное поведение (т. е. описание системы норм, правил и традиций общения) и языковые средства (т. е. совокупности слов, выражений, речевых формул), объективирующих ту или иную коммуникативную категорию. Исследования Н.И. Формановской в области речевого этикета являются основополагающими при отборе языковых средств. Мы, вслед за исследовательницей, понимаем под национальным речевым этикетом «сложный комплекс формул и выражений, разрешающий в определенных ситуациях одни формы и исключающий другие» [3: 7].

Для установления контакта с партнером по общению следует выбирать между двумя формами «ты» и «вы». Корейское и русское коммуникативное поведение обусловливает

выбор этих форм социальным статусом, возрастом, официальным или неофициальным стилем общения коммуникантов. Однако русские стремятся быстро перейти на «ты», в корейской культуре такой переход затруднен соблюдением жесткой иерархичности в общении. Обращения выполняют социально-дифференцирующую функцию, и зависят от многих факторов. Корейцы редко используют имена и местоимения (я, ты, вы, он, они) при обращении. Это воспринимается как маркер разговорного или фамильярного стиля речи. Принято различать местоимение «я» при разговоре со старшим (저는-чонын) и равным или младшим (나는-нанын). Таким образом, в диалоге человек всегда мыслит себя как часть пары. 우리 (ури) – мы или наш – основополагающее местоимение в корейском языке. Например, 우리의 딸 (ури таль) – наша дочь, 우리 할아버지 (ури хараподжи) – наш дедушка, 우리 남편 (наш муж), 우리 부인 (ури буин) – наша жена. В данном случае местоимение 우리 (наш) имеет значение «принадлежащий всем членам семьи».

Основную группу обращений к знакомым в корейской культуре составляют наименования родства, которые в современной корейской культуре используются не только между кровными родственниками. 오빠 (оппа) [старший брат для девушки]. Это наименование используется девушками при обращении ко всем старшим мужчинам (брат, молодой человек, друг, коллега и т.д.). Такое обращение показывает уважение. 형 (хйон) [старший брат для молодого человека]. Обращение мужчин ко всем старшим мужчинам. 언니 (онни) [старшая сестра для девушки]. Данное наименование используется девушками при обращении ко всем старшим девушкам. 누나 (нуна) [старшая сестра для молодого человека]. Обращение мужчин ко всем старшим женщинам. Отметим, что приведенные выше обращения

используются между близкими знакомыми, коллегами или членами семьи и друзьями с небольшой разницей в социальном статусе и/или возрасте. Иными словами, разрешение на использование данного обращения зачастую расценивается как знак особого расположения.

Коммуникативная ситуация знакомства в корейской культуре связана с рядом стереотипных этикетных вопросов. Вопросы о возрасте, социальном статусе, семье и образовании являются основными и первостепенными, так как помогают обозначить собеседникам свое место в строгой системе коммуникации. Анализ интроспективных данных показал, что коммуникативная ситуация знакомства маркируется наибольшей степенью удивления и непонимания. В русской лингвокультуре вопросы о возрасте, семейном положении, образовании и т.д. относятся к личной сфере и часто являются неуместными при знакомстве.

Знание культурно-специфичных особенностей коммуникативного поведения при межкультурном диалоге способствует взаимопониманию представителей разных лингвокультур особенно неблизкородственных.

Литература:

1. Власова Т.С. К вопросу формирования дневника самонаблюдения (на примере дневника, созданного во время стажировки в Республике Корея) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2013. № 2.
2. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. М.: Наука: Флинта, 2007.
3. Формановская Н.И. Речевой этикет. Русско-китайские соответствия: Справочник/ Н.И. Формановская, Лю Цзин. М.: Высшая школа, 2007.

Т.И. Каличкина
toma.kalichkina@gmail.com
Студентка 1 курса магистратуры, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТВЕТНОЙ РЕАКЦИИ НА КОМПЛИМЕНТ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: комплимент; речевые жанры; ответная реакция на комплимент; коммуникативная ситуация

Аннотация: В данной статье собраны и проанализированы основные формулы ответной реакции на комплимент в русской лингвокультуре. Рассматриваются варианты универсальных ответов на комплимент в России и их эволюция.

T.I. Kalichkina, 1-st year student of master program Russian language and intercultural communication of Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

ANALYTICAL REVIEW OF THE RESPONSE TO A COMPLIMENT TO THE RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Key words: compliment, speech genres, response to a compliment, communicative situation

Abstract: In this article presented and analyzed main forms of response to a compliment in Russian linguocultures. Considered options of universal forms responses to a compliment in Russia and their evolution.

Цель работы: исследование традиции и трансформации ответной реакции на комплимент в русской лингвокультуре. Для раскрытия поставленной цели определены следующие **задачи:**

– провести систематизацию и анализ типизированных комплиментарных высказываний;
– выявить различия ответных реплик на комплимент в разных возрастных категориях;
– установить причины трансформации ответных реакций на комплимент.

Актуальность исследования связана с интересом современной лингвистики к комплиментарным речам. В период постфольклорной ситуации представляется особенно важным изучение причин трансформации традиционных ответных реплик на комплимент среди молодого населения России.

Данная исследовательская работа опирается на концепцию Т. В. Шмелевой, согласно которой при анализе ответной реакции на комплимент обязательно учитываются следующие параметры: в какой коммуникативной ситуации был сделан комплимент, образ автора комплимента, событийное содержание, т.е. взаимоотношения между участниками и языковое воплощение комплимента.

В ходе исследования было проанализировано 25 комплиментарных ситуаций среди возрастной категории после 30-ти лет и 25 ответных реакций на комплимент молодежной среды (от 18 до 25-ти лет). Наблюдения проводились в разных событийных ситуациях. Для изучения ответной реакции старшего поколения анализировались модели поведения в официальной обстановке и неформальном общении. При наблюдении за более молодой группой населения акцентировалось внимание на социальном положении и возрасте адресанта.

Вывод: в современной языковой картине мира к похвале у разных возрастных категорий сформировалось различное отношение к комплименту и, как следствие, разная ответная реакция на него. Тем не менее, в настоящее время комплимент является жанром речевого общения и необходимым компонентом коммуникации, а ответная реакция – показателем отношения к похвале и отражением языкового вкуса эпохи. На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в современной лингвокультуре преобладает отношение к комплименту и похвале как к этикетной форме общения, функция которой – установить добрые отношения между коммуникантами.

Юми Чунь
yum_chun@mail.ru
Аспирант Санкт-Петербургского университета, Россия

«МАЛЬЧИКИ» И «ДЕВОЧКИ» В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ГЕНДЕРНЫЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВОЗРАСТА)

Ключевые слова: словообразование, лингвокультурология, гендерный аспект, сопоставительный анализ.

Аннотация: В данной работе рассматривается словообразование существительных, обозначающих «мальчиков» и «девочек» в русском и корейском языках. В поле зрения – гендерные признаки и оценочное значение образований.

Yumi Chun, postgraduate student, St. Petersburg State University, Russia

"BOYS" AND "GIRLS" IN RUSSIAN AND KOREAN (GENDER AND DERIVATIONAL ASPECTS OF THE EXPRESSION OF AGE)

Key words: morphological derivation, cultural linguistics, gender aspect, comparative and contrastive analysis.

Abstract: In this paper we consider morphological derivation of nouns denoting "boys" and "girls" in Russian and Korean. In the focus of attention are gender markers and evaluative meaning of these formations.

В русском языке слова «мальчик» и «девочка» имеют многочисленные производные. Суффиксы, участвующие в образовании производных, можно разделить по семантическому и гендерному признаку. Так, производные от слова «мальчик»: *мальчуган, мальчонка, мальчишечка, мальчонок, мальчишка* и др. Производные от слова «девочка»: *девчурка, девчушка, девчоночка, девчонка* и др. Очевидно, что в словообразовании от производящих слов «мальчик» и «девочка» участвуют разные суффиксы: «мальчик» дает производные с суффиксами – *-уг-* + *-ан, -онк-, -ишеч* + *к-, -онок, -ишк-,* а «девочка» – производные с суффиксами *-урк-, -ушк-, -оноч* + *к-, -онк-.*

Словообразование русского языка тесно связано с субъективной оценкой и стилистической окраской. Суффиксальные образования от слов «мальчик» и «девочка» обладают разными семантическими и аксиологическими признаками:

1. *-уг-* + *-ан* стилистическое снижение и неодобрительное значение, но также – ласкательности:

Это был хорошенький *мальчуган*, абсолютно славянской внешности, нелепо смотревшийся в бусиках и индусских хламидах [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]

2. *-онк-* уменьшительно-ласкательное или (чаще) уменьшительно-уничижительное значение, пренебрежительность:
А потом испугался и ушел, потому что непоседливый *мальчонка* стал обследовать округу. [Борис Екимов. Высшая мера (1995)]
Тот, кто принесет мне голову тринадцатого ландграфа, получит любую из этих хорошеньких *девчоночек*. [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)]
3. *-онок* уменьшительно-ласкательное или только ласкательное значение, обозначающее детей:
Мальчонком был, я его помню, сопливый такой и никудышный, без порток бегал, и никаких талантов за ним не замечалось, а зараз вот вырос и молчит. [М.А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)]
4. *-ишк-* пренебрежительность, уничижительность, презрительность, реже ласкательность и снисходительная ирония:
Старше и замужем – значит, есть опыт, и перед опытом этим он – щенок, сопляк, неумелый мальчишка. [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]
5. *-урк-* уменьшительно-ласкательное и просто уменьшительное значение:
С Дашей Поздняковой я уже разговаривал: симпатичная *девчурка*, горячо любит отца, защищала его как могла. [А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха (1987)]
6. *-ушк-* ласкательность:
Через весь строй высокий выпускник пронес на плечах маленькую *девчушку* с колокольчиком – кажется, это была я… [З. Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013]
7. *-очк-* / *-ечк-* уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, только уменьшительное или только ласкательное значение.
Крохотный *мальчишечка* из детсада-пятидневки отправился в школу-интернат. [Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)]

Из всех детей на дворе, кроме Ильи, Яков дружился только с семилетней Машкой, дочерью сапожника Перфишки, чумазой тоненькой *девчоночкой*, – её маленькая головка, осыпанная тёмными кудрями, с утра до вечера торчала на дворе. [М. Горький. Трое (1901)]
Можно считать, что в производных от слов «мальчик» и «девочка» часто присутствует уменьшительно-ласкательное значение, уничижительность и пренебрежительность. Такие слова чаще употребляются в разговорной речи и художественном тексте. При этом суффиксы для обозначения ребенка женского пола используются реже, чем суффиксы для обозначения ребенка мужского пола.
В корейском языке нет суффиксального словообразования, необходимый смысл передается при помощи составных слов. Так, для обозначения ребенка мужского или женского пола используются модель «существительное + существительное». Например, слово «사내아이» (мальчик, ребенок мужского пола) составляется из существительного «사내» (мужчина) и существительного «아이» (ребенок). Кроме того, субъективная оценка, связанная с словом «девочка», как правило, имеет пренебрежительный оттенок. Субъективная оценка, связанная с словом «мальчик», является нейтральной.
Таким образом, в русском и корейском языках образование производных от слов «мальчик» и «девочка», осуществляются по-разному. В русском языке слова «мальчик» и «девочка» участвуют в суффиксальном образовании, а в корейском языке – в сложении слов. В русском языке суффиксы передают субъективную оценку, что находит применение в разговорной речи и художественном тексте. В корейском языке оценка зависит от гендерной принадлежности и от семантики слов, участвующих в сложении.

СЕКЦИЯ 7
РУССКАЯ ГРАММАТИКА И РУССКИЙ ДИСКУРС

М.Б. Бергельсон
mirabergelson@gmail.com
доктор филол. наук, профессор Школы филологии НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ПРИНЦИП ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ И НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: прагматика, коммуникативные функции, модальность, стратегии вежливости.

Mira Bergelson, Dr. of Philological Sciences, Professor of School of Philology, Higher School of Economics, Moscow, Russia

PRAGMATIC CONTROL PRINCIPLE AND CERTAIN CATEGORIES OF RUSSIAN GRAMMAR

Key words: pragmatics, communicative functions, modality, politeness.

Две из важнейших коммуникативных функций − функция ***выражения отношения к миру*** (включая сюда и отношение к содержанию дискурсивного события) и функция ***воздействия на адресата*** – реализуются различными языковыми средствами, объединяемыми общим термином «модальность». Обе они часто объединены в языках синкретическим выражением в виде грамматических категорий, будь то наклонения (инъюнктив, юссив, оптатив и

т.п.) или специальные конструкции и отдельные лексемы (например, модальные глаголы). Представляется, что подобный синкретизм не только не случаен, но отражает единство прагматических оснований данных коммуникативных функций.

Общим для них является понятие ***прагматического контроля***, регулирующего отношения, в которые вступают люди и которое может существовать между человеком и внешним миром. Прагматический контроль связан с введенным Гоффманом (Goffman 1967) представлением о социальном лице. В соответствии с этим представлением человек руководствуется в своем поведении двумя противоположными тенденциями – стремлением к свободе, к тому, чтобы его действия не были ничем ограничены и, с другой стороны, стремлением чувствовать себя членом группы, поведение которого положительно оценивается другими. Аналогичным образом понятие прагматического контроля также амбивалентно и должно описываться в терминах более чем одной шкалы.

В прототипической ситуации вербального побуждения прагматический контроль проявляется в возможности субъекта побуждения влиять посредством локуции на свободу воли побуждаемого, вызывая некоторое действие с его стороны. Эта разновидность прагматического контроля связана не с оценкой говорящим объективного положения дел в мире, но с оценкой его права на определенное коммуникативное поведение и потому может быть названа коммуникативным контролем (КК). Так, известные выражения типа *Повелеваю вам чихнуть* или *Солнце, взойди!* не могут считаться по этим критериям успешными директивами, но они вполне совместимы с представлением о коммуникативном контроле.

КК определяется сугубо прагматическими факторами. Во-первых, это собственно дискурсивные факторы, которые

зависят от контекста конкретного коммуникативного взаимодействия, в первую очередь от соотношения индивидуальных и социальных статусов коммуникантов, но также и от всех остальных условий данной коммуникативной ситуации. Во-вторых, это знания о мире, о конвенциях типовой коммуникативной ситуации (выступление, экзамен, допрос и т.п.), предопределяющих «расстановку сил» для побуждения.

Помимо коммуникативного контроля в лингвистике, в частности, в области предикатной семантики давно используется понятие контроля со стороны исполнителя действия за ситуацией, описываемой пропозициональной структурой. Такой контроль можно назвать пропозициональным контролем (ПК). Этот вид контроля предполагает то, что субъект является инициатором события, что он прикладывает усилия для его осуществления, контролирует результирующее состояние, в первую очередь объект воздействия и инструмент. Понятие контроля в этом смысле используется в различных иерархиях агентивности как одно из свойств, которыми должен обладать актант, чтобы получить агентивный статус и чтобы данная ситуация могла считаться агентивным процессом или действием. Термин «контроль» в этом понимании введен в русскоязычный научный оборот Т.В. Булыгиной. Само определение действия включает в себя представление о пропозициональном контроле.

Прагматический контроль, реализуемый говорящим в виде двух его разновидностей – коммуникативной (КК) и пропозициональной (ПК), − находит свое выражение в возможности переноса личной модальной оценки говорящего внутрь диктумной части. Тем самым это приводит к приписыванию модальной оценки деятелю и мотивирует разницу модальных значений. Если считать, что контекст вводного слова (фразы) ограничивается выражением эпис-

темической модальности как оценки говорящим возможности или необходимости наступления ситуации, то такие употребления отражают минимальный прагматический контроль с его стороны. Промежуточная степень прагматического контроля может манифестироваться в употреблении полипредикатных конструкций безличного вида: *необходимо, чтобы* ***P*** */возможно, чтобы* ***P***. Безличные употребления в русском языке дают говорящему дополнительный инструмент самоустранения, при этом оценка не приписывается самому субъекту ситуации **P**, но объективизируется приписыванием некоторому неидентифицируемому субъекту, точнее – обстоятельствам внешнего мира. Максимальный прагматический контроль выражается в употреблении модальных модификаторов сказуемых типа *должен/может*, поскольку сказуемое наиболее тесно связано с деятелем (в стандартном случае выраженным подлежащим) посредством лично-числового согласования. Так, высказывание *Она может уехать* может означать три разные ситуации и степени прагматического контроля со стороны говорящего. Либо говорящий настолько «контролирует» внешний мир, что знает о состоянии способности другого человека (абилитивное *мочь*), либо имеет власть разрешить осуществление **P** (пермиссивное *мочь*, максимальный КК). Наконец, третий вариант состоит в том, что употребление этой конструкции с основными пермиссивным и абилитивным значением позволяет замаскировать обычную поссибилитивность под поссибилитивность вида «существует мир, в котором верно **P**, и я знаю, что это за мир» – ср. *она может уехать, но это вряд ли произойдет раньше августа* – поссибилитивное значение требует контекстуализации, так как употребление в позиции сказуемого для него является вторичным. Если такой контекст создан, модальный глагол оказывается в информационном фокусе и несет интонационное выделение, что

означает высокую степень ПК и претензию на в целом высокий прагматический контроль.
Таким образом, принцип прагматического контроля помогает объяснить возникновение неоднозначности модальных оценок в некоторых синтаксических контекстах.
Однако принцип прагматического контроля выражается не только языковой категорией модальности и регулирует использование различных языковых конструкций, форм и механизмов, связанных с взаимодействием двух и более субъектов коммуникативного процесса. В докладе будут типологизированы другие коммуникативные ситуации, в которых прагматический контроль мотивирует и объясняет выбор языковой формы. В частности, речь идет о возможности использовать или не использовать различные этикетные формы, характерные для современного русского языка.

Н.А. Боженкова
NABozhenkova@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О КАТЕГОРИЗАЦИИ ВОЗМОЖНОГО КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА БИАКТУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: биактуальный текст, возможный культурный смысл, интерсубъективных значение.

Аннотация: В докладе рассматриваются сложные процессы многоуровневой корреляции интерсубъективных компонентов и вербальных средств, в совокупности определяющих структурно-функциональные и регулятивно-содержательные аспекты биактуальных текстов, выступающих актом творческого развития языка и сознания коммуниканта.

N.A. Bozhenkova, PhD, Prof., Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

SOME THOUGHTS ON CATEGORIZATION OF THE POSSIBLE CULTURAL MEANING OF BIACTUAL TEXT UNITS

Key words: biactual text, possible cultural meaning, intersubjective meaning.

Abstract: The report considers complex processes of multilevel correlation of intersubjective components and verbal tools that together define structural, functional as well as regulative and content aspects of biactual texts appearing as acts of creative development of the language and communicant's conscience.

Все истинно человеческие проблемы и парадоксы – нравственные, экзистенциальные, эпистемологические, – описанные в классической литературе, не могут порождаться повествовательной структурой текста, поскольку возникают и осознаются людьми лишь в сфере человеческого бытия. Результаты такого осознания опредмечиваются в виде биактуальных (имеющих смысловую многопластовость вследствие прагматичности, вторичной информативности, оценочности и ситуативности) текстов (БТ) при помощи системы средств естественного языка.
Однако возможности естественного языка, вопреки распространенному мнению, далеко не безграничны, многие новые смыслы с трудом поддаются вербализации, и попытки «втиснуть» их в устоявшиеся лингвистические формы,

используя лишь имеющийся в наличии словарный багаж, неизбежно связаны со смысловыми потерями и искажениями. В связи с этим возникает теоретическая проблема способов фиксирования и трансляции индивидуально выработанного опыта и новых смысловых ценностей, не ставших еще общественным достоянием. Иными словами, нас интересуют каналы, по которым в БТ могут проникать возможные культурные смыслы и смысловые акценты, не заложенные автором, а проявляющиеся в процессе трансляции текста и в актах его понимания.

Очень важно, что мир, в котором живет и действует человек, является осмысленным миром, а следовательно, все предметы, явления и события выступают носителями человеческого смысла, выработанного его целесообразной деятельностью. Человечество своей деятельностью формирует, структурирует и субординирует тот массив реальности, ту данную ему материальную природную субстанцию, которая вне этого деятельного отношения есть лишь «в-себе-бытие». Соответственно, возможный культурный смысл как продукт деятельности, который определяется, с одной стороны, выявляемой неоднородностью реальности самой по себе, а с другой – обстоятельствами жизненного процесса, оказывается фактором, конституирующим вещи в качестве предметов человеческого мира. Иными словами, возможный культурный смысл есть то, что позволяет отождествлять и различать предметы, поскольку в нем содержатся как объективно-истинное знание, так и субъективная ценность, значимость предмета для каждого конкретного индивида. При этом возможный культурный смысл, безусловно, не тождествен понятию и значению соответствующего слова, поскольку, по словам В.П. Иванова, в значениях «субъективность человеческих целей погашена» и все «человеческие «хотения» отшлифованы

общественной практикой до уровня объективного членения мира на категории» [2: 221].

События исторической жизни, а также индивидуальные поступки и действия людей, в отличие от предметного мира и явлений природы в целом, характеризуются двойной заданностью. Поскольку агентом действия здесь выступают не стихийные силы природы, реализующие жесткую естественную необходимость, а этнический/коллективный/индивидуальный субъект, имеющий свои собственные цели, желания, иллюзии и осуществляющий свое право выбора, события и поступки осмысливаются данным субъектом изнутри как внешнее выражение и объективация первоначальной субъективности. Постороннему же наблюдателю они представляются некой первичной, внеположной ему данностью, за которой он может как видеть чужую волю, так и игнорировать существование неподвластной и непонятной ему субъективности. В этом случае он (коммуникант) осмысливает историческое событие или чужой индивидуальный поступок «извне», встраивая их в один ряд со всеми прочими фактами бытия и очеловечивая со своих собственных позиций. Как показал М.М. Бахтин, внешняя позиция по отношению к другой личности, осознаваемой именно как личность, существенно обогащает события жизни участ-ников коммуникации новой творческой точкой зрения, недоступной ранее [1: 63]. Но чтобы такая внешняя оценочная, культурно значимая позиция могла реализоваться, она должна располагать исходным материалом, событиями и поступками, имеющими внекультурный жизненный смысл, и быть категоризирована в структуре БТ.

Бесспорно, что предметы, поступки, события, в силу своей вещественной природы, материальной телесности, а также временной и пространственной локальности существования, не могут быть непосредственно введены в БТ в ка-

честве носителей возможного культурного смысла: они получают в нем свое представительство в виде образов, дескрипций, знаков, намеков различного вида. Так, слово несет в себе предметное значение, которое может исчерпывающе передавать мысль автора, но может также намекать на другой смысл, лежащий за пределами данного слова. БТ, таким образом, множеством нитей связан с внетекстовой реальностью, частью которой являются другие БТ, и благодаря этим связям возможный культурный смысл его оказывается гораздо богаче того, что выражено собственно вербальными средствами [4: 37–38]. Все бытийные категории, тем или иным способом представленные в БТ и несущие свой собственный смысл, неизбежно вступают в «диалогические отношения» с иными жизненными факторами, с высказываниями о них персонажей художественного произведения или автора текста, причем порой они говорят совсем не то, что хочет или слышит автор. Например, историк, описывая события или другие исторические факты и свидетельства, предлагает также свое истолкование, однако «тренированный слух» опытного читателя сможет не только различить здесь «два голоса», но и то, что второй голос «фальшивит», ибо событие в сознании понимающего имеет иной смысл, нежели тот, который «навязывает» ему автор БТ.

Таким образом, в БТ возможный культурный смысл строится не только из лексических кирпичиков-значений: в его образовании принимают участие «те смысловые блоки, которые ранее были выработаны человеческой деятельностью и закреплены в сознании данной культурной общности за их материальными, предметными носителями, не имеющими знаковой природы» [3: 112]. Вербальные средства могут лишь тем или иным способом указывать, намекать на предмет, понимаемый здесь в самом широком аспекте: исторические события, индивидуальные поступки

и действия в целом, даже другие БТ. Слово своим значением не исчерпывает того, что хочет сказать автор, а выступает в роли проводника, который выводит сознание читателя из тесного пространства лингвистически упорядоченных знаков в широкий мир возможных внеязыковых культурных смыслов. Данные возможные предметные смыслы, введенные готовыми извне, начинают работать на авторский замысел, становясь элементами того многообразия, которое в результате синтеза, с одной стороны, образует культурное смысловое единство целого текста, с другой – оказывается необходимым этапом в осознании индивидуально накопленного опыта и превращении его по мере подкрепления опытом других индивидов в интерсубъективные значения естественного языка. Последние же, в свою очередь, оказываются следующим необходимым этапом кристаллизации и кодификации нового возможного культурного смысла.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977.
3. Bozhenkova R.K. Comprehension of a text in the aspect of linguistics and culturology. Raleigh, 2015.
4. Bozhenkova R.K., Bozhenkova N.A., Mirzaeva T.E. Mechanisms of linguacultural modeling of new possible meaning // Journal of Language and Literature. 2015. Vol. 6. № 4.

В.И. Аннушкин
VIAnnushkin@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЖАНРОВ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Ключевые слова: научная речь, учебная речь, жанр, стиль, устная, письменная, печатная словесность.

Аннотация: Автор тезисов пытается построить классификацию существующих жанров научной и учебной речи (словесности) на основе исторически обоснованного принципа развития фактур и технологий создания речи. Разнообразие подвидов научной словесности включает научные и учебные жанры устной, письменной, печатной и «новой» словесности в виде текстов научной журналистики и Интернета.

V.I. Annushkin, Doctor of Philology, Professor of State Pushkin Russian Language Institute. Moscow, Russia

ON THE RESEARCH OF GENRES OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PHILOLOGICAL LITERATURE

Keywords: scientific speech, speech training, genre, style, oral, written, printed literature.

Abstract: The author's thesis tries to construct a classification of existing genres of scientific and educational speech (literature) on the basis of the historically justified the principle of creating textures and speech technologies. A variety of subtypes of scientific literature includes research and academic

genres of oral, written, printed, and the "new" literature in the form of texts of scientific journalism and the Internet.

Жанристика филологической сферы общения делится на **научную** и **учебную**. Их различие – в **целях** речи: **научная** речь предполагает сообщение нового знания в поиске научной истины; **учебная** речь сообщает учащимся то, что уже известно, и ее цель – формирование знаний, навыков и умений для сохранения и поддержания культурных традиций в образовании. В современной реальности de facto разница между научной и учебной речью (научными и учебными текстами) размыта, что особенно подтверждается требованиями издателей называть научные исследования «учебными пособиями» в целях грифования и последующей продажи.

Современная классификация жанров научной и учебной литературы строится исходя из основных фактур речи (под фактурой речи понимаем материал речи, обработанный определенный орудиями речи), т.е. в определение жанра вступают такие характеристики, как способы и технология создания речи. Например, создание речи может быть не только индивидуальным, как в устном высказывании, но и коллективным (как при подготовке печатной литературы) или коллегиальным (как при создании текста массовой коммуникации). Подвидами научной словесности в таком случае становятся:

Устная научная речь (научный доклад, сообщение, выступление, научный диалог в разновидностях его ситуаций – от неформального диалога двух коллег, обсуждающих научную проблему, до диалога научного руководителя-консультанта с аспирантом или младшим коллегой; сюда же включаются все устные жанры, которые «звучат» (пусть и репродуцирующие письменный текст) на защите диссертаций: доклад диссертанта, вопросы и ответы, выс-

тупление научного руководителя, отзыв оппонента и ответ диссертанта, дискуссия по диссертации, заключительное слово диссертанта и т.д. Другие жанры на защитах научных работ представляют собой некую контаминацию деловых бюрократических жанров с жанрами научно-информационной речи: объявление о защите, зачитывание материалов личного дела, близкое к жанру научной биографии, обсуждение заключения по диссертации и т.д. Все правила, по которым проходят защиты диссертаций, существуют как внешние правила словесности, которые прописаны в документах ВАК, и как внутренние правила словесности (речевой этикет и ритуальные правила защиты, которые должны быть творчески препарированы диссертантом).

Подобным образом необходимо классифицировать жанры основного мегажанра сегодняшней научной речи – научной конференции (чтений, симпозиумов, конгрессов и т.д.), где вместе с основными жанрами доклада, вопросов, обсуждения присутствуют жанры приветственных речей, заключительного заседания с принятием решения и т.д. Устные жанры здесь перемешаны или основываются часто на письменных или печатных жанрах.

Устная учебная речь с ее традиционными жанрами, претерпевающими сегодня кардинальные перемены в связи с развитием компьютерных технологий: лекция (монолог преподавателя), семинар (диалог с учащимися), экзамен или зачет как форма проверки знания. Вузовская лекция содержит фрагменты нового научного знания, чтобы подготовить студентов к собственному научному творчеству.

Письменная научная речь. Хотя можно представить обсуждение или передачу знания в древности именно в устной форме, однако очевидно, что факт появления наук и искусств связан именно с созданием письменности. Классические грамматика, риторика, логика, поэтика – рождены

письменной формой сообщения знания. Это были (как и сейчас) индивидуальные формы письменного труда, проявлявшиеся в индивидуальном создании текста (без его тиражирования печатным станком и, следовательно, без работы над ним целого коллектива создателей текста). Жанры письменной научной речи в преображенном виде сохраняются сегодня, например, научный доклад, или научный отчет с изложением научных идей, они пишутся в письменной форме и в такой форме остаются существовать, не переходя в жанр печатной (например, журнальной) продукции. Тем более, именно к жанру письменной научной речи относятся жанры диссертаций, как, впрочем, и дипломных сочинений (ВКР), которые неслучайно отнесены к научно-исследовательской работе.

Письменная учебная речь. Традиционными жанрами письменной учебной речи являются школьные диктант, изложение, сочинение, контрольная работа с их модификациями. Конечно, сегодня мы столкнулись с различными видами-жанрами тестирования, которые рождены, несомненно, развитием компьютерных технологий. Для современного студента значим жанр учебного реферата, хотя существует и жанр «научного реферата» для поступления в аспирантуру.

Печатная научная словесность. Особенностью печатной словесности является коллективный характер ее создания. К ней относится прежде сего жанр монографии. Хотя у каждой монографии имеется автор, чье имя зафиксировано на титуле работы, всякая печатная книга – результат коллективного творчества (редакторов, корректоров, типографских работников, издательства в целом, ученого совета, «благословляющего» труд автора). Исторически именно новый характер создания научной книги через коллективность создания и тиражирование создали академическое сообщество, обеспечив переход от средневековой

науки к академической науке эпохи Возрождения. Развитие техники печатной продукции позволяет сегодня максимально технологизировать создание научных текстов, что проявилось в создании строгих формулярных правил написания статей и создания коллективных монографий.

Печатная учебная словесность. Строго говоря, к ней должно отнести учебники, учебные пособия, программы дисциплин, но развитие информационного общества приводит к появлению «новых» жанров, каковыми являются, например, УМК (учебно-методические комплексы), существующие на границе между текстами (жанрами) учебными и документально-бюрократическими. Современная бюрократизация и формализация научно-учебной жизни связана, безусловно, с развитием компьютерных технологий, которые позволяют увеличить требования к регламентации текстов.

Научная журналистика и научные жанры в Интернете и СМИ. Научная журналистика получила новые импульсы развития. Это особенно ощущается в попытках регламентации вала научной продукции, новом образе научной статьи, которой предписывается теперь строгое оформление не только заголовочной части, но подчас и самого текста (возможно, это влияние технических дисциплин на гуманитарные). В то же время внутри каждого научного журнала сохраняются традиционные жанры вступительной статьи главного редактора, разделов с главным жанром – научной статьей, хрониками, критикой и библиографией с жанрами аннотации и реферирования.

Особая проблема – наука в Интернете, куда попадают уже вторичные тексты, т.е. тексты, предварительно созданные в письменном или печатном виде. Появление научных интернет-текстов существенно изменило сам характер научного исследования, ибо, с одной стороны, теперь в Интернете можно «найти все» и скопировать, однако это

кажущееся «облегчение» научного труда существенно снизило его качество. Впрочем качество не может не снижаться вследствие «массово-коммуникантского» характера современной науки, имеющей огромные возможности для развития, но стремящейся к максимальной популяризации своих достижений.

Учебная журналистика и учебные жанры Интернета. Развитие информационных технологий существенно обогатило возможности учебного процесса. Интернет заполнен различными жанровыми разработками уроков, сценариев праздников, конкурсов, соревнований и т.д. Интернет позволяет «отметиться» каждой учебной организации и каждому специалисту, что создает принципиально новые условия для педагогического творчества. В то же время надо учесть, что прежние формы и жанры педагогического общения не исчезают, а только преобразуются, будучи обогащены новыми возможностями в связи с развитием новых фактур и технологий создания речи.

Т.К. Савченко
TKSavchenko@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

«ЛОМАТЬ ГРАММАТИКУ»: СЛОВО/ОБРАЗ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ФУТУРИСТОВ, ИМАЖИСТОВ, ИМАЖИНИСТОВ

Ключевые слова: имажинизм, итальянский и русский футуризм, англоязычный имажизм, Шершеневич.

Аннотация: Ощущая кризис современной поэзии, англоязычные имажисты, итальянские и русские футуристы про-

возгласили установку на новый поэтический язык, стремясь «выйти за пределы обычной семантики». Усвоение опыта предшественников дало возможность русским имажинистам естественно вписаться в полифонию современного культурного сознания.

T.K. Savchenko, Dr. of Philological Sciences, prof., Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

BREAKING THE GRAMMAR: THE WORD/THE IMAGE IN THE POETIC PRACTICE OF FUTURISTS, IMAGISTS, AND IMAGINISTS

Keywords: Imaginism, Italian and Russian Futurism, Imagism, Shershenevich.

Abstract. Feeling contemporary poetry was in a state of crisis, English-language Imagists, as well as Italian and Russian Futurists adopted a new poetic language with a view to escape the boundaries of everyday semantics. Drawing on the experience of their predecessors enabled Russian Imaginists to integrate the polyphony of contemporary cultural identity in a natural way.

Связи имажинизма с европейским модернизмом и авангардом к настоящему времени далеко не выявлены, несмотря на появившиеся в последнее время работы [2: 16–22]. Сохраняется значение трудов западных славистов В. Маркова [7] [8], А. Лотон [6], Г. Маквея [9]. Компаративистский подход к изучению русской литературы, оценка русской поэзии на фоне мировой позволяет по-иному высветить ее масштаб. Генетические предшественники русского имажинизма – итальянские и русские футуристы, англо-американские имажисты – остро ощущали кризис

современной поэзии: «Дела сейчас <в поэзии> до того плохи…» [1: 298] Они выступали за новую поэзию. Итальянский и английский языки представляли широкие возможности для причудливой игры слов, разнообразия ассонансов, аллитераций, ритмов. Имажисты рассматривали произведение как «цепочку образов» (она затем трансформируется у Шершеневича в «календарь», или «каталог», или «словарь образов»), считая, что назначение поэта – искать «внезапность, неожиданный ракурс». В программном эссе «Prolegomena» Паунд говорил о поэзии имажистов: «…Она будет <…> “пробирать до костей”. <…> Мы <…> вызовем у читателя потрясение» [10: 72]. Их последователи в России, сформулировав суть образа («кратчайшее расстояние с наивысшей скоростью»), будут настаивать на неожиданности и остроте поэтического образа, задача которого «…вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа» [3: 11]. Обновление поэтического языка стало важной частью художественной программы имажинистов («Ломать грамматику» – название раздела книги Шершеневича) [5: 47]. Если имажисты к минимуму сводят употребление прилагательных, – Шершеневич, отрицая «случайный и никчемный» глагол, этот «аппендикс поэзии», называет прилагательное «сыном» существительного и отводит ему в произведении первостепенную роль. Особое внимание имажинисты уделяли слову, ритму, рифме, сравнивая их соответственно с походкой, тембром голоса и выражением лица. Эстетический бунт против традиционализма начинают футуристы, и Шершеневич разделял многие их положения (борьба со стереотипами, осмысленные неологизмы, смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы, разнообразие метров). Важнейшей категорией новой эстетики становится динамизм, передающий пульсацию жизни,

«красота скорости» («Первый манифест футуризма»). Футуристы расширили возможности словообразования. Эти «новые люди новой жизни», «отрицающие правописание» и «расшатавшие синтаксис», осознавшие «роль приставок и суффиксов», «уничтожившие» знаки препинания (что будет затем воспринято в творчестве постмодернистов), «сокрушившие» ритмы, – провозгласили установку на «живое разговорное слово», которому уделяли особое внимание («Декларация слова как такового», «Что есть слово», «Слово как таковое», «Освобождение слова»). Синтетическое по характеру, слово – сложный сплав звука, цвета, вкуса, запаха. Из манифеста Крученых «Новые пути слова»: «Мы <…> расшатали грамматику и синтаксис, мы узнали, что для изображения головокружительной современной жизни <…> надо по-новому сочетать слова, и чем больше беспорядка мы внесем в построение предложений – тем лучше» [4: 51]. Использование футуристических форм условности не удовлетворяет Шершеневича, и альтернативу он видит в имажинизме. Имажинизм формируется в полемике с футуристами, развивая многие из его идей, – в этом смысле его можно рассматривать как постфутуристическое течение – во временном диапазоне, но не в смысловом. Поэтому нельзя согласиться с исследователями, отрицающими самостоятельное значение имажинизма как литературной школы, рассматривающими его как «вариант футуристической поэзии» [4: 454]. Имажинизм во многом наметил те магистральные направления, по которым будет развиваться русская поэзия XX–XXI веков в наиболее «образоносных» ее проявлениях.

Литература

1. Антология имажизма / Общ. ред. А. Кудрявицкого. М.: Прогресс, 2001.
2. Бандурина Н.С. Имажинизм в контексте европейских и отечественных авангардистских течений начала XX века

// Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2012. № 1.
3. Мариенгоф А. Буян-остров. М.: Имажинисты, 1920.
4. Русский футуризм / Сост. В. Терехина, А. Зименков. М.: Наследие, 1999.
5. Шершеневич В. 2x2=5: Листы имажиниста. М.: Имажинисты, 1920.
6. Lawton A. Vadim Shershenevich: From Futurism to Imaginism. Ann Arbor, 1981.
7. Markov V. Russian Futurism: A History. London, 1968.
8. Markov V. Russian Imagism. 1919–1924. 2 vols. Giessen, 1980.
9. Mc Vay G. Vadim Shershenevich: New Text & Information // Russian Litertature Triquarterly. Ann Arbor, 1989. № 22.
10. Tytell J. Ezra Pound: The Solitary Volcano. New York, London, 1987.

О.Ю. Усачева
logus@rambler.ru
д-р филол. наук, доцент, профессор Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецк, Россия

СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В КОНТЕКСТЕ НЕКООПЕРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Ключевые слова: скрытый смысл, кооперативная и некооперативная стратегия коммуникации, интернет-дискурс.

Аннотация: В докладе рассматриваются способы представления в высказывании скрытых смыслов, анализируются некоторые когнитивные схемы их идентификации. Выявля-

ется роль имплицирования в развитии некооперативного (конфликтного) интернет-взаимодействия.

O.Ju. Usacheva, Dr. of Philological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Lipetsk

HIDDEN MEANINGS IN THE CONTEXT OF NON-COOPERATIVE COMMUNICATION STRATEGY OF INTERPERSONAL INTERNET-DISCOURSE

Key words: hidden meaning, cooperative and non-cooperative strategy, internet discourse.

Abstract: The report examines the methods of presentation hidden meanings, explores some of the cognitive schema of their identification. Is set role of hidden meaning in the development of non-cooperative internet interaction.

Под скрытым смыслом (иначе – имлицитный, неявный смысл) понимается та часть семантики высказывания, которая не получает вербального выражения в его поверхностной структуре, но извлекается из последней в результате определенных когнитивных операций. Исследование скрытых смыслов признается актуальным в прикладном плане – в лингвокриминалистике, для лингвистической экспертизы текста [1]. Вместе с тем понимание природы имплицитной семантики, представление о регулярных и нерегулярных способах ее извлечения важно и для изучения дискурса межличностных и институциональных взаимодействий.

Материалом нашего исследования послужили примеры взаимодействий, взятые из межличностного диалогического интернет-дискурса. Такие взаимодействия могут осу-

ществляться как на основе кооперативной, так и в рамках некооперативной стратегии. Реализация последней нередко побуждает адресанта высказывания использовать не эксплицитные, а имплицитные способы передачи семантики, т.к. они создают для него зону коммуникативной безопасности (всегда можно сослаться на то, что «меня неправильно поняли», «я не имел в виду негативный смысл» и т.п.). То же касается адресата, который может «не заметить» скрытую колкость, намек или критику. В то же время импликация смысла может становиться конфликтогенным фактором, если она является частью конфликтного коммуникативного хода [2], направленного на нанесение партнеру по диалогу коммуникативного ущерба.

В докладе рассмотрены некоторые когнитивные схемы понимания скрытых смыслов в интернет-диалоге, которые А.Н. Баранов и И.А. Стернин называют также рецептивными схемами идентификации эксплицитно не выраженной информации.

1. Сообщение с призывом к адресату читать / смотреть / слушать какой-либо источник информации равнозначно сообщению о том, что данный источник желателен для адресата (когнитивная модель «скажи мне, какими источниками информации ты пользуешься, и я скажу, кто ты»):

[А. *Но я знаю, что человек редко может быть объективным. Каждый считает хорошим того журналиста и то издание, с которым он согласен. И часто, «познав истину», хочется её донести до каждого – «это же так просто и понятно, что же вы никак не поймёте? Не тех авторов читаете, не те программы смотрите!»*]

Б. ***Читайте «Майн Кампф», слушайте Геббельса. Это будет политкорректно.*** О конфликтогенности такой схемы свидетельствуют реагирующие реплики: третьего коммуниканта В: *Это вы намекаете на ваших друзей укро провосеков? Наконец-то вы прозрели, Евгений! Безмерно*

рад за вас))), а также коммуникантa А: *Женя, не передергивайте! Кто Вы такой, чтобы советовать мне, что читать? Я у Вас совета не спрашивала. Не переусердствуйте!*

2. Сообщение об оценке некой обобщенной категории лиц равнозначно утверждению о том, что некто принадлежит данной категории (схема косвенного оценивания). Ср.: [А. *По сути, все мы говорим то, что где-то можно послушать, ну и что? Ты хочешь позатыкать всех, кто не дотягивает до У[ровня]? Это не наш стиль)))*] Б. *Позатыкать к сожалению, не удастся.* ***Но уж очень меня раздражают негодяи и дураки.*** Коммуникант Б, используя обобщенные номинации, относит к данным категориям тех, кого невозможно «позатыкать», т.е. своих оппонентов.

Указанная рецептивная схема может предполагать развитие взаимодействия по типу сужения референции (по модели «какое конкретно лицо подлежит категоризации?»), ср.: *А1. Бойся либералов, в объятья заключающих. Б1. Бойся учёных, таковыми не являющимися.))) А2.* ***А кто у нас учёный?*** *Б2. Ну, учёная – женского пола, какая разница? Но – если был неполиткорректен – прошу прощения, как говорил Собакевич.)) А3.* ***А кто у нас учёная женского пола?*** и т.д. Как видим, коммуникант А осуществляет тактику конкретизации референта номинации «ученый», стремясь эксплицировать скрытый смысл – дискредитацию лица, претендующего на звание ученого. Однако экспликация означала бы нанесение открытого оскорбления, чего участник Б старается избежать.

3. Сообщение, связанное с дискредитацией третьего лица (не участвующего во взаимодействии), равнозначно дискредитации социальной позиции адресата (неличное оскорбление). Ср.: [А1. *Уважаемый, целуйте своего «осторожного» и «мнительного» во все места. До того момента, когда и за вами придут или шлепнут за ненадобностью.* Б1. *Не хочу показаться грубым... но попросил бы вас оставить свои советы кого мне целовать при себе... и не будете зацепимы...*] А2. ***Песков – лжец, рупор лжеца.*** Б2. *У вас для других людей есть что-нибудь кроме* ***оскорблений****?*

Таким образом, скрытые смыслы, основанные на тактике дискредитации партнера по коммуникации, могут провоцировать развитие диалогового взаимодействия по конфликтному типу.

Литература

1. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: Истоки, 2011.
2. Усачева О.Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов) [Электронный ресурс]: http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.htm (дата обращения: 27 декабря 2015 года).

Е.А.Федорченко
fedorchenko-ea@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Российской таможенной академии, Люберцы, Россия

ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: язык в специальных целях, терминология, клише.

Аннотация: Синтагматика языковых единиц в юридическом тексте обусловлена когнитивными стереотипами правового дискурса. На основе терминологии образуются юридические клише номинативного и коммуникативного

типа, которые характеризуются конвенционально заданной дистрибуцией составляющих их структурно-семантических компонентов.

E.A. Fedorchenko, Dr. of Philological Sciences, prof., Russian Customs Academy, Russia, Lyubertsy

SYNTAGMATICS OF THE LINGUISTIC UNITS IN LEGAL TEXT

Key words: language for special purposes, terminology, cliché.

Abstract: Syntagmatics of the linguistic units in the legal text is determined by cognitive stereotypes of the legal discourse. On the basis of phrases with terminology judicial clichés are formed of nominative and communicative type which are characterized by their conventionally distributed structural and semantic components.

Когнитивно-дискурсный подход к изучению фактов языка, используемого в целях профессиональной коммуникации, позволяет выявить ряд глубинных механизмов организации самого процесса языковой коммуникации. Различные формы и виды общения в юридической деятельности порождают многообразие текстов, представляющих профессиональную информацию, однако любой юридический текст, имеет ряд характеристик, которые предопределены спецификой речемыслительной деятельности языковой личности и параметрами правового дискурса (особенностями концептосферы, процессов концептуализации специального знания в сфере юриспруденции, реализацией правил и приемов юридической техники и т.д.).

В соответствии с объективно существующей в современной науке бинарной многозначностью термина *дискурс*

(Дискурс: 1. Речевая деятельность в единстве с обусловливающими ее семиотически значимыми экстралингвистическими факторами; 2. Текст как результат речевой деятельности в единстве с обусловливающими его экстралингвистическими факторами) юридический текст как объект исследования рассматривается в контексте определенной парадигмы специального знания.

В основе лингвокогнитивного моделирования юридического текста стереотипность профессионального мышления. Когнитивные структуры, предопределяющие развертывание юридического текста, отражают стратегические модели определенных профессиональных ситуаций. Языковыми средствами манифестации таких когнитивных структур выступают языковые клише различных типов – клишированные словосочетания и предложения. При этом следует отметить, что юридический текст в целом характеризуется повышенной стандартизованностью: регламентации подлежат не только реквизиты и жанрово-композиционная схема, но и особенности употребления языковых единиц – их синтагматика.

Общеупотребительная лексика, используемая в качестве терминоэлементов при образовании составных терминов, обнаруживает особую сочетаемость, не свойственную «естественной разновидности языка»: ***событие преступления, состав преступления.*** Сравните: «*При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)…*» [1]. В толковых словарях русского языка *событие* – «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни. *Историческое с. Неожиданное с. Международные события*» [2: 1104]. *В науке уголовного права* ***состав преступления*** *– «это совокупность предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных*

признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление» [3: 73]. Дефиниция данного термина, в свою очередь, обусловливает его особую синтагматику: ***структура состава преступления, признаки состава преступления.*** Общеупотребительное слово *состав* имеет иную дистрибуцию (*состав президиума, состав исполнителей; лекарственный состав* и т.д.).

При использовании языка в специальных целях синтагматика терминологической единицы обнаруживает иные парадигматические отношения между отдельными лексическими единицами: *более мягкая санкция; более строгая санкция.* В общей сфере употребления языка слова *мягкий – строгий* антонимами не являются.

Сочетания терминов и нетерминологической лексики обычно представляют собой клишированные словосочетания. Терминологическая лексика как основное средство репрезентации специальной информации, имея уникальную сочетаемость, обнаруживает особые сочетаемостные возможности лексики общего употребления: *сторона* ***защиты****, сторона* ***обвинения****, прения сторон (в* ***суде);*** *объективная сторона* ***преступления****, субъективная сторона* ***преступления.*** Ср.: *правая сторона, левая сторона, две (обе) стороны; дальняя сторона, чужая сторона; солнечная сторона; в стороне от борьбы; лицевая (оборотная) сторона.* Общеупотребительное слово *сторона* в юридическом контексте в сочетании с терминологической лексикой образует клишированные словосочетания, занимающие в системе номинативных средств языка специальности промежуточное положение между терминологическими единицами аналитического типа и свободными словосочетаниями.

Речемыслительная деятельность юриста всегда коррелирует с общей системой специального знания и одновременно подчиняется конкретным прагматическим целям.

При этом оба указанных направления речемыслительной деятельности специалиста, реализуемые одновременно, непосредственно связаны с прочно сложившимися в данной профессиональной сфере стереотипами, имеющими определенную языковую форму своего выражения. Так, *позиция защиты, направленная на оправдание подсудимого,* на вербальном уровне может быть актуализирована в трех предложениях-клише: *В следствии по делу… не установлено событие преступления; В следствии по делу… установлено, что в деянии … нет состава преступления; В следствии по делу… установлено, что подсудимый … не причастен к совершению преступления.* В структуре клише коммуникативного типа выделяются позиции постоянной (стандартизованной) и переменной информации.

Конвенционально заданная стереотипная сочетаемость структурных компонентов клишированных синтаксических единиц в юридическом тексте отражает доминирующие связи семантических / концептуальных / когнитивных элементов, представляющих определенные фрагменты языковой картины мира. Именно синтагматика является основным средством дифференциации в текстах лексико-семантических вариантов полисемичных слов, позволяет разграничивать общеупотребительную лексику и рационально созданную на ее основе терминологическую лексику. Ограничивая интерпретационные возможности семиотической системы, синтагматика языковых единиц в юридическом тексте обеспечивает однозначность его восприятия и понимания.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015). Статья 73.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. М., 2015.

3. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Чучаева. М., 2015.

В.Н. Шапошников
vladimirshaposhnikoff@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, Москва, Россия

ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА: СФЕРА ДЕЙСТВИЯ, СЕМАНТИКА И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Ключевые слова: языковая единица, семантический потенциал, языковые изменения.

Аннотация: Рассматривается сфера действия языковой единицы, составляющаяся ее всеми системообразующими свойствами, отношениями и связями и имеющая установленные границы функционирования. Единица языка существует как структурированное соответствие содержания и зоны ее действия. Анализируется существование языковых единиц в динамической картине семантики, распределения полисемии и структурно-семантических связей, характера и направления развития знаковых образований.

V.N. Shaposhnikov, Professor of Moscow psychological-pedagogical University

LEXIS, GRAMMAR AND PRAGMATICS: SCOPE, SEMANTICS DEVELOPMENT OF LANGUAGE UNITS

Keywords: language unit, semantic potential, language changes.

Abstract: The scope of language unit made by all backbone properties, the relations and communications and having the established functioning borders is considered. Language unit exists as the structured compliance of the content and the range of its action. Existence of language units in a dynamic picture of semantics, polysemy distribution and structural-semantic communications, character and direction of development of sign units are analyzed.

Единица языка, как внутренняя совокупность значения и звучания, характеризуясь областью функционирования, определяется конструктивной сферой своего действия, которая составляется всеми системно возможными свойствами, отношениями и связями языковой единицы. Языковой знак являет определенное содержание в присущей сфере бытования, где имеют место установленные границы, отмечающие зону действия языковой единицы. Единица языка существует как структурированное соответствие содержания и зоны ее действия.

Языковое существование складывается из системных константных явлений и языковых изменений, где изменения накапливаются в сфере функционирования как деформирование зоны действия знака, порождающей те или иные интенции и содержательные явления. При определенном подходе развитие языковых знаков позволяет представлять их эволюцию и получать картину семантики, распределения полисемии и лексико-семантических связей, длительности существования и направления развития языковых образований. Языковая совокупность содержания знаков есть организация соединенных определенными логическими отношениями абстракций, которые могут быть с логической точки зрения нечеткими множествами. Степень абстракции мыслительных отображений различна, образуя разные уровни обобщения. Значение знака представ-

ляется с высокого уровня в той или иной степени многосекторным, охватывая некоторую область первичных отображений – смыслов, каждый из которых является более конкретным, чем значение, хотя имеет часть общих с ним признаков.

В языковом применении существует определенная вероятность выхода некоторого значения за ранее сформированные границы его смысловой области. Системно-языковой статус такого выхода может быть различен. На основе повторяемости части определенных признаков происходит когнитивное ассоциирование – выбор соответствующего значения знака при актуализации одного из смыслов данной области, и наоборот, от определенного значения актуализация соответствующего смысла после надлежащего выбора значения представленного знака. В некоторой фазе функционирования это приводит к выпадению из значения более ослабленных, наиболее индивидуализованных признаков, таковым путем формируя тенденцию к абстрактизации языкового значения. Такое изменение значения приводит к расширению круга конструктивных контекстов и потому к ассоциативному воздействию на набор признаков значения наиболее расхожих смысловых элементов из контекстов употребления значения. В случаях расширения денотативной области некоторого значения часть новых добавляемых смыслов может связываться с другими смыслами поверхностно и менее прочно, поэтому вычленяется особый обозначаемый предмет мысли, новое значение.

Соответственно этим процессам каждый языковой знак может быть как полифункциональным, так и равнофункциональным. Сообразно происходящим изменениям значений – абстрактизации, деконкретизации, окачествлению и субъективизации, повышается тенденция к синонимизации со значениями других знаков, как то степень совпадения денотативно-логическими признаками и возможность синонимического совпадения субъективно-логическими признаками.

В содержании и сфере действия языковых единиц переплетаются и взаимодействуют лексические номинативные, структурные, грамматические и прагматические значения. Их процессы выявляются в анализе сферы действия знаков. Тождество и близость значения имеют определенные критерии и соотносятся с типами семантической структуры языковой единицы. Структурно-семантические нейтрализации синонимических знаков составляют известное количество; но их состав является нечетким множеством. Структурно-семантическая ситуация поверяется фундаментальным качеством системы языка, который организуют структурно-семантические показатели единиц, – языковой правильностью. Наряду с максимальными позиционными нейтрализациями полной синонимии находятся позиции, где синонимическая замена не абсолютно правильна, однако допустима, поскольку не полностью противоречит базовым составляющим структуры значения. Другие статистические замены языковых единиц находятся за рамками языковой правильности, являясь неконструктивными, асистемными нарушениями сферы действия. Их констатация определяет границу языкового изменения.

Анализируются структурно-семантические процессы и явления современного русского языка и их системный статус.

Г.В. Якушева
gvjakusheva@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ВКУС РУССКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Ключевые слова: язык, общество, русский язык, постмодернизм, кризис веры в разум.

Аннотация: статья посвящена проблеме разрушения русского языка в эпоху постмодернизма как отражение кризиса веры в человеческий разум и разумное устройство мира.

G.V. Jakusheva, professor of State Pushkin Institute of Russian Language, Moscow, Russia

THE TASTE OF RUSSIAN LANGUAGE IN POSTMODERNISM EPOCH

Key words: language, society, Russian language, postmodernism, crisis of the faith in the human mind.

Abstract: the article is devoted to the problem of destruction of Russian language in Postmodernism -Epoch as a reflection of the crisis of the faith in the human mind and the reasonable organization of the world.

Постмодернизм – эпоха, в полной мере отразившая наш дух «человека играющего» (homo ludens, по меткому определению знаменитого нидерландского культуролога Иозефа Хёйзинги), не могла не сказаться и на её языке. В нем закономерно, как было доказано еще в 1-й половине XX в. философией «обыденного языка» Людвига Витгенштейна, утверждавшей, что каждая «языковая игра» в качестве законченной системы коммуникации отвечает определённой «форме жизни» (тезис, заставляющий вспомнить и о «новом учении о языке» некогда решительно раскритикованного за вульгарный социологизм Н.Я. Марра), – воплотились основные черты культуры (или посткультуры) новейшего времени. А именно: отказ от всяческих норм, традиций, грустно-ироническая, скептическая, зачастую насмешливо-ёрническая игра со всеми наработанными веками смыслами и понятиями, ориентирами и запретами, всей системой ценностей, явно (эксплицитно) или «скрытно», «подспудно» (имплицитно) выражаемой как повседневными речевым общением, так и художественными текстами. Особенно наглядно эти тенденции проявились в русском языке, к 80-м гг. прошлого века сложившемся как язык и национального, и метанационального мышления, и межнационального общения – с учетом культуры билингвизма, распространенной в СССР, но начавшем переживать угрожающую трансформацию не под влиянием того или иного языкового вмешательства, но в результате мощного (и насильственного, если вспомнить о 70% голосов населения ,высказавшихся за сохранение единого государства в референдуме 1991 г.) гео- и социополитического потрясения. пережитого страной: её распада и идеологической переориентации. Так же, как подлинной причиной «разорванного», цинично-скептического постмодернистского сознания в целом видится не цивилизация как таковая (в т.ч. глобализация, от которой предостерегал еще в 19 в. Ж.А. Гобино, или технизация, которой боялся Р. Брэдбери), но её пороки (культ потребления, индивидуализм, основанное на несправедливости неравенство и т.п.) – точно так же в «неправильностях» нашего современного общественного устройства, вписанных в вышеобозначенный «мировой порядок» (или, точнее. «беспорядок»),

мы находим истоки тотального, идущего по нарастающей сегодняшнего разрушения русского языка. Разрушение (деструкция) языка начинается с ломки его структуры, того языкового строя, той системы соподчинения, согласования и управления, которая сообщает языку специфическую гибкость, выразительность, тонкую нюансировку в передаче мыслей, чувств и настроений. К числу наиболее частых симптомов разрушения коммуникативного синтаксиса относится произвольно-неточное употребление предлогов, падежных окончаний, и, соответственно, утрата традиционной семантики падежных словосочетаний («экспансия», по образному определению Д.С. Лихачева в докладе на Международной научной конференции по итогам и перспективам развития русской литературы в ИМЛИ РАН, 1997 г., предлога «о»: бесчисленные выражения типа «понимает об этом», «доказывает об этом»; ориентирующиеся на просторечие или элементарно безграмотные словосочетания типа «ругаться на кого-то», «становятся им непонятные» и т.п.). В этом же ряду и декларативный отказ культовых писателей постмодернизма от правил орфографии и синтаксиса (цикл стихов о «Милицанере» Дмитрия Пригова и др.), и не так давно пользовавшийся взрывной популярностью у молодежи «олбанский язык», и постоянные, никого как будто не смущающие, аграмматизмы в речи (письменной и устной) даже наших образованных соотечественников и работников СМИ. Симптомом разрушения русского языка представляется также «обвальное» перенасыщение разнорядовой лексикой и, соответственно, хаотичное смешение языковых пластов (варваризмов, гл. образом англоязычных заимствований; вульгаризмов, канцеляризмов, жаргониз-мов, гл. образом из «воровского «жаргона; молодежного сленга, диалектизмов и искусственно-вымученных неологизмов (которые едва ли не являются знаком качества в литературе постмодернизма).

Все это могло бы служить обогащению языка, если бы целью являлось естественное и необходимое расширение поля знания и пространства коммуникации, а не исключительное самовыражение, основанное на свойственном постмодернистскому сознанию кризисе доверия к рациональному познанию мира, выявлению в нем общих закономерностей и норм и вытекающий отсюда принцип тотальной оппозиционности личности (клана) всему социуму, тенденцию к «атомизации», распаду которого и являет сегодняшний русский язык, «вкус которого вызывает не радость приобщения к богатому пиру духа, но неприятное ощущение от принятия собранных вместе с сомнительной целью разнокачественных, частично просроченных, сырых, частично и вовсе несъедобных яств. Но это отнюдь не означает, что развитие языка – процесс целиком «естественный», «природный», в который вмешиваться и невозможно, и не нужно. Утверждение это, вполне созвучное внедрявшемуся с конца XX в. принципу стихийности, иррациональности бытия, в отношении социального бытия абсолютно неверно, ибо ««человек разумный» управляет им, регламентирует его, начиная от применения самых древних обычаев, правил и табу и в соответствии со своим «разумом» на тот или иной момент цивилизационного развития, во всех аспектах жизни социума. В том числе и языка. Именно в постоянном противостоянии и взаимодействии различных тенденций происходило формирование и развитие того или иного национального языка – иногда на основе разговорного (latina vulgata «Божественной комедии» Данте), иногда – как раз в пуристическом «очищении» от бытовых варваризмов и просторечия (полувековая деятельность литературного салона маркизы Рамбуйе, приведшая к созданию в 1-й половине XVII в. Первого нормативного словаря французского языка), иногда – в настоятельной опоре на самобытную этническую лексику

(немецкий язык XIV–XVI вв.), иногда – в преодолении культурного изоляционизма (борьба «карамзинистов» и «шишковистов» в России начала XIX в.) Но в любом случае магистральный вектор языкового развития выявляется в столкновении различных позиций, аргументов и мнений, неизбежно вовлекая в спор служителей слова – литераторов и ученых-филологов. Не нужно ли и сейчас им (нам) быть не только наблюдателями и фиксаторами процесса, но и участниками (инициаторами) спора с агрессивной безграмотностью и сопутствующими ей явлениями – от размывания языковой структуры до атрофии языкового чутья и утраты языком его сущностной коммуникативной функции? Иначе закономерно рвущееся к «небесам» глобализации здание отечественной культуры грозит превратиться в вавилонскую башню тотального взаимонепонимания и разрыва контактов с прошлым, настоящим и будущим.

Т.Н. Волынец
tatka1955@rambler.ru
д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

ПРАГМАТИКА НАРЕЧНЫХ ЛЕКСЕМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: наречие, К. Бальмонт, поэтический текст, лексико-грамматический и синтаксический синкретизм, прагматические функции (информативная, оценочная, изобразительная).

Аннотация: В докладе представлены актуальные для лирики К. Бальмонта прагматические функции наречных лексем. Данный автор умело использовал как семантическое, так и грамматическое своеобразие наречий и сознательно акцентировал их присутствие в структуре поэтического текста, в полной мере реализуя лексико-грамматический и синтаксический синкретизм наречий, их способность к компрессии смысловой информации и метафорическому переосмыслению.

T.N. Volynets, PhD, Prof. of Russian language chair of Belarusian State University, Minsk, Belarus

PRAGMATICS OF ADVERBAL LEXEMES IN POETICAL TEXT

Key words: adverb, K. Balmont, poetic text, lexical-grammatical and syntactic syncretism, pragmatic functions (informative, appraising, figurative)

Abstract: Pragmatic functions of adverbial lexemes, actual for K. Balmont's lyrics, are presented in the paper. This author skillfully used both semantic and grammatical originality of adverbs, and intentionally accented their presence in the poetical text structure, thus, to a full extent, realizing the lexical-grammatical and syntactic syncretism of adverbs, their ability for compressing the information and metaphorical comprehension.

Наречие находится на периферии основных частей речи и обладает минимальным словоизменением, это вторичная и очень разнородная по своему составу часть речи (недаром Ю.С. Степанов сравнивал наречия «с корзиной, куда складываются различные вещи» [5: 309]). Но при этом наречные лексемы сочетают в себе свойства идентифицирующих и предикатных частей речи, в их семантический объем входят признаки изобразительного и оценочного

планов, что обеспечивает наречию важную роль в акте коммуникации [1: 3]. Круг отобранных тем или иным писателем/поэтом наречных лексем всегда информативен: в них отражаются личностные мотивы и ценностные ориентиры автора, его внутренний мир, его психологическое состояние и отношение к действительности.

В структуре поэтического текста востребованной обычно является способность наречий определять действия и состояния, указывать на цель, причину их протекания, акцентировать временные и пространственные характеристики ситуаций, т.е. семантика наречий в полной мере используется авторами для достойной аранжировки глагола. Однако в поэтических текстах К. Бальмонта глагол ослаблен: его эстетические взгляды и поэтический метод, предполагающий импровизацию, отточенность созвучий и рифм, «стремление к синестезии – слиянию различных видов искусства» [3: 12], обусловили атрибутивно-именной строй его поэзии, в ней царит «безглагольность». И это обстоятельство оказывает существенное влияние на авторский выбор наречных лексем и их употребление. Во-первых, для поэтических текстов К. Бальмонта характерно широкое использование наречий для характеристики атрибутивных лексем (прилагательных, причастий, местоимений-прилагательных). Во-вторых, автор очень часто включает наречия в состав предложений с опущенным глаголом: *Ну, товарищи,* ***вперед****, /* ***Врассыпную вдруг****, / Тот, кто первый гриб найдет, / Он мой лучший друг* («За грибами»); *Но тоска и страхи – ложь, / Счастье* ***вечно здесь*** («Седой одуванчик»). В этом случае информативная функция наречных лексем усиливается, поскольку именно наречия указывают на направление и способ осуществления действия (первый пример), определяют пространственно-временные параметры субъекта действия (второй пример) и т.д. В-третьих, в лирике К. Бальмонта весьма частотны конструкции с двой-

ной синтаксической связью наречия, его обращенностью к глаголу (или предикату, заменяющему глагол) и имени одновременно: *Но что, если, выйдя из волн, где бегут корабли, / Увижу я дали и жгучее солнце* ***вдали****!* («С морского дна»); *И гул* ***извне*** *вставал враждебных голосов* («После бала»). И, наконец, в-четвертых, актуальными в информативном плане для поэта являются 4 группы наречных лексем: количественные наречия меры и степени, качественно-характеризующие наречия образа действия, безлично-предикативные наречия и обстоятельственные наречия времени, т.е. те группы наречных лексем, которые в узусе преимущественно используются для характеристики неглагольного признака.

Информативность качественных наречий в поэтических текстах К. Бальмонта нередко расширяется за счет синкретизма их семантики. Так, очень многие наречия образа и способа действия характеризуют ситуацию, обозначаемую глагольной лексемой, с точки зрения не только ее качественных, но и количественных или временных параметров. Ср.: *И в Равнодушии надменности, / Свой дух* ***безмерно*** (как? в какой степени?) ***возлюбя****, / Ты создаешь оковы пленности: / Мечту – рабу самой себя?* («В душах есть все»); *Сумрачные области совести моей, / Чем же вы осветитесь на исходе дней, – / Сумраки отчаянья, дыма и страстей? / Вы* ***растете*** (каким образом? как долго?) ***медленно****, но, как глыбы туч, / Ваш провал безмолвия страшен и могуч…* («Сумрачные области»).

Качественно-характеризующие наречия в лирике К. Бальмонта интересны с точки зрения совмещения в них информативной функции с оценочной и изобразительной. Они могут использоваться: а) для характеристики не только действия, но и его субъекта; б) для развертывания глагольной метафоры; в) для создания оксюморонных словосочетаний; г) как маркер одушевленности субъекта действия.

Из обстоятельственных наречий в лирике К. Бальмонта востребованы только наречия времени, семантика которых «характеризуется отчетливым тяготением к антропоцентрической сфере, более того – к сфере эгоцентрической» [4: 576]. Время осознается поэтом глобально, масштабно, не случайно в его поэтических текстах при определении временных рамок «царят» лексемы *всегда* (54 словоупотребления), *навсегда* (26), *вечно* (32), *навеки, навек,* (22), отражающие масштабность чувств поэта и его лирического героя, их устремленность в Вечность.

Стремясь не только к отточенности формы, но и к богатству содержания, К. Бальмонт мастерски использует семантический и грамматический потенциал наречий для создания смысловой объемности поэтических текстов. В каждой информативно значимой для поэта группе наречий есть свои центральные (ключевые) и периферийные лексемы. В первых в концентрированном виде отражается авторское восприятие мира, они передают наиболее актуальные для автора оценки и смыслы. Вторые дополняют и расширяют семантическое пространство текста, с их помощью раскрывается многогранность мира и многообразие признаков и характеристик лирического героя, субъекта деятельного и созерцательного одновременно.

Литература

1. Арутюнова Н. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Бальмонт К. Избранное. М., 1991.
3. Потярина Е. К.Д. Бальмонт и русская музыка рубежа XIX–XX вв.: Автореф. дис. … канд. искусствоведения. М., 2009.
4. Современный русский язык. Морфология. СПб., 2007.
5. Степанов Ю. Язык и метод: К общей философии языка. М., 1998.

М. Коздра
m.kozdra@uw.edu.pl
канд. гуманитарных наук (Ph.D.), научный сотрудник Института русистики Варшавского университета, Варшава, Польша

ПОЛИКОДОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА

Ключевые слова: поликодовая коммуникация, лингвистика, дискурс, семиотика.

Аннотация: Автор статьи рассматривает вызовы, стоящие перед современной лингвистикой дискурса в контексте изучения поликодовой коммуникации, понимаемой как общение с использованием разных семиотических систем. В статье раскрываются возможные подходы к изучению поликодовой коммуникации в лингвистике дискурса.

M. Kozdra, Ph.D., Assistant Professor, Institute of Russian Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

MULTI-CODE COMMUNICATION. THE CHALLENGES OF MODERN DISCOURSE LINGUISTICS

Keywords: multi-code communication, linguistics, discourse, semiotics.

Abstract: The purpose of this paper is to present the challenges of modern discourse linguistics in the context of the study of multi-code communication, understood as communication, which uses different semiotic systems. The author shows

possible approaches to the study of multi-code communication in discourse linguistics.

Поликодовая коммуникация понимается как семиотически негомогенный обмен коммуникативными интенциями. Она охватывает разные коды: вербальные (знаки естественного языка – речь и письмо) и невербальные, т.е. принадлежащие к другим знаковым системам, например, иконические (фотография, цвет, шрифт, видеоряд, жесты), одорические (запахи), тактильные (прикосновения) и др. Анализ понимаемой таким образом коммуникации – это большой вызов, стоящий также перед лингвистикой.

В поликодовой коммуникации разные семиотические коды сочетаются друг с другом в одно целое семантическое единство. Вербальный компонент зачастую является важнейшим компонентом этого единства. Целесообразным считается рассматривать поликодовую коммуникацию в рамках лингвистики дискурса, так как под дискурсом можно понимать разнообразие речевых практик, использующих разные знаковые системы, объединенные определенной системой ценностей и идеологией.

Поэтому перед лингвистикой дискурса встает несколько существенных вопросов, обсуждение которых является основной целью этой статьи. По-первых, стоит задаться вопросом – каким образом вербальный компонент сочетается с невербальным в дискурсе. Во-вторых, необходимо присмотреться к тому, как это семантическое мультимодальное единство воспринимается членами конкретного коммуникативного сообщества. В-третьих, стоило бы задуматься над тем, как культура влияет на процессы понимания поликодовой коммуникации, напр. как комиксы воспринимаются представителями разных народов и культур. В-четвертых, существенным вопросом может быть то, какие методологические инструменты лингвистики дискурса

можно применить в изучении поликодовой коммуникации. Наконец, надо обратить внимание на то, как использовать поликодовые тексты в качестве аутентичного материала в обучении русскому языку как иностранному.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
2. Большиянова Л.М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникаций и содержательный аспект языка. М., 1987.
3. Ейгер Г.В., Юхт В.Л. Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. I. М., 1974.
4. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.
5. Сорокин Ю.А. Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М., 2014.
7. Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. New York, 2010.
8. Kiklewicz A. Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności. Warszawa, 2012.

М.Г. Добровольская
marindo14@yandex.ru
кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИНОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСЕМ МЕДИАТЕКСТОВ

Ключевые слова: язык, перевод, заимствования, текст, медиа.

Аннотация: Статья посвящена проблеме употребления иноязычных лексем в медиатекстах, особенностям их восприятия и перевода на русский язык. Поиск средств выражения для новых реалий осуществляется в процессе межкультурной коммуникации и перевода текста в другую культуру.

M.G. Dobrovolskaya, PhD, Docent, Russian state university for the humanities, Moscow, Russia

THE WAYS OF TRANSLATION OF LOAN-WORDS IN MEDIA TEXTS

Key words: language, translation, loan-words, text, media.

Abstract: This article analyzes the ways of translation of printed media to a digital code that expand the possibility of cross culture communication. Different loan-words in media texts reflect the new processes in the mental and social life of people.

Языки всего мира стремятся к интернационализации. В результате интеграции научно-технической, экономической, социальной, культурной областей международного общения возрастает роль ведущих языков. В нашу жизнь постоянно входят новые явления, а с ними и новые иностранные слова. Подобные процессы обогащения лексики за счет заимствований происходят постоянно во всех современных языках. В лингвокультурной терминологии существует понятие «рынок международных лингвистических обменов» – market of international linguistic exchanges (Truchot 1997). Ведущее место на этом «рынке» пока занимает английский язык. Лакуны или пробелы на семантической карте языка не заполняются самобытными словами, поэтому в русский язык стремительно вовлекаются уже имеющиеся иностранные названия, термины и понятия. При этом отмечается выравнивание словаря русского языка по международному стандарту.

Язык средств массовой информации наиболее ярко отражает те процессы, которые происходят в ментальном и социальном мире человека. Речь практически всех слоев населения в разнообразных коммуникативных ситуациях в той или иной мере представлена в текстах СМИ. Языковое наполнение является одной из характеристик газет и журналов, доступных для читателей на своих сайтах в Интернете. Поиск новых средств выражения для уже существующих реалий при сохранении формата передачи информации требует компактности в изложении материала. Формы кодирования информации в сетевом тексте могут быть образными, графическими, абстрактными, что приводит к активному использованию новых метафор, языковой игры, новых иностранных терминов.

Язык информационных текстов приспосабливается к «кибернетизированному» миру, в котором живет современный человек. Новое стимулирует творческую активность. Человек создает новое и привносит его в будущее. Язык постоянно пополняется, поэтому в нём всегда имеются

новые слова, которые могут переходить в активный словарный запас. Как только новое слово начинает часто повторяться, становится привычным, оно стилистически уже ничем не выделяется на фоне остальной лексики и употребляется в речи без ограничений.

В языке современной прессы происходит подчинение языка международному языку Интернета. Чтобы понять фразу «*передать лайфлог потомкам*», следует обратиться к этимологии. В английском языке *life – жизнь*, а *log* чаще употребляется в сочетании *log-book – вахтенный* или *бортовой журнал*. На современном языке Интернета *лайфлогингом* занимается каждый, кто подробно пишет в Twitter о своей повседневной жизни. Заимствования могут вводиться в публицистический текст с иронией, которая строится на контрастном употреблении иностранных и исконно русских слов, без комментариев для «элитного» читателя, владеющего английским языком, а также с пояснениями или переводом, которые даются в тексте либо в скобках, либо с помощью словосочетания «то есть».

Словари иностранных слов не успевают фиксировать новые заимствования, поэтому читатель, не владеющий английским языком, может оказаться в затруднительном положении, встречая незнакомые иноязычные термины в подобном тексте: *Orbitum – это полноценный браузер, где сохраняются все плюсы Chromium – быстрота, надежность и безопасность. У него простой и понятный интерфейс и очень удобная интеграция с чатами самых популярных в России соцсетей* («Итоги»).

Обучение пониманию языка и текстов современных СМИ следует рассматривать как часть специфической, автономной области знаний в педагогической теории и практике. Оно необходимо для активного участия человека в процессе глобализации и демократических преобразованиях. Согласно этому, цель обучения состоит в том, чтобы помочь

«правильно» читать и переводить тексты средств массовой информации. Основным содержанием такого образования становятся коды и «грамматика» текстов СМИ, а педагогической стратегией – обучение правилам декодирования текста средств массовой информации, описание его содержания, ассоциаций, особенностей языка, понимание смысла текста.

В последнее время все чаще говорят о «функциональной грамотности», которая понимается как вид коммуникативной компетенции, позволяющей правильно воспринимать информацию, что является необходимой составляющей сознательного участия личности в жизни любого общества. По мнению исследователей в этой области, «коммуникационная результативность» выражается в понимании того, что хочет учитель, и того, что может и должен понять ученик.

Таким образом, формирование умений понимать, переводить и использовать в речевом общении новый язык сетевых информационных текстов является одной из важных задач современного образования и основанием для методических разработок, которые способствовали бы развитию специальных навыков и умений обучающихся. Потенциал сетевых информационных текстов как средства интегрированного обучения русскому языку может быть реализован при грамотном использовании их в учебном процессе.

А.Б. Бушев
alex.bouchev@list.ru
доктор филологических наук, профессор, ТвГУ, Тверь, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ: СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ

Ключевые слова: публицистический стиль; языковые игры; коннотации; интерпретация.

Аннотация: В работе рассматриваются языковые игры в современной публицистике как средство оценочности и семантической иррадиации.

A. B. Bouchev, Dr. of Philological Sciences, Prof., Tver State University

LINGUISTIC GAMES IN PUBLICIST STYLE

Key words: publicist style; linguistic games; connotations; interpretation

Abstract: The paper discusses the linguistic games in modern Russian publicist style as the means of axiological assessment and semantic irradiation.

Занятия языком предстают в некоторых современных методиках как исключительно схоластические перечисления ошибок, коммуникативных неудач, правил. На фоне всеобщего увлечения в преподавании словесности ортологией теряется акцент на ***интерпретационных готовностях*** обучаемых, работе с текстом, способности к связке гносеологического образа с опытом, перевыражению одного в другом – способности к рефлексии. А именно ее должно

связывать со способностью интерпретировать и понимать мир. И эта же способность являет собой базу творческого письма, базу риторики [Аннушкин 2009; Волков 2001; Рождественский 1997].

Пропедевтикой применения таких методов интерпретации служит анализ «нехудожественных текстов с художественным заданием», т.е. анализ публицистики. Она более прозрачна относительно риторического воплощения замысла: явственны средства создания стереотипов, построения смыслов «свой-чужой» и т.д. Многое из вышеуказанного связано **с *оценочностью в языке***. Показательна в медийном дискурсе ***семантическая иррадиация***: присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию. ***Негативные коннотации*** характерны для различных частей речи: *надул, переплюнуть, горластый, наглый, хапнули, беспардонный…*

Посмотрим на типичные языковые знаки публицистики: *грубоватые, глумливые с агрессивным позывом люмпены; незыблемый, нерушимый; буржуазная мораль; подНАТОрели в дипломатии; страстишка, жуткий; бум, безумие, доканать; частник; развал, беспредел, тусовка; Иуда, Ходынка, Чичиков; Миро-приятие; Диалог ПРО это, очнитесь от гимноза; героин нашего времени*. Показательна **языковая игра** в публицистике: *Заявление Христа народу; Не скудеет рука сдающего; греф-фрукт; брехлама; осетенеть; словоние; трепортер; ЕЭГнутые; смехдержава; сезон вождей; пресс-лакей; дуривестник; перепостмодернизм; каюк-компания; замкадыш; рынок избирательных услуг; попал под тандем; подложить амфору; голодообразующее предприятие; мичеть* (так назвала мечеть известная актриса в своём сетевом дневнике).

Литература

1. Аннушкин В.И. Язык и жизнь. М.: Русская школа, 2009. – 320 с.

2. Волков А.А. Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
3. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. – 600 с.

С.Ю. Камышева
skamysheva@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ПАРЛАМЕНТСКИЙ ДИСКУРС: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: коммуникация, речевое воздействие, парламентский дискурс, убеждение.

Аннотация: Изучение потенциала воздействия текста на индивидуальное и массовое сознание в различных типах институционального дискурса – актуальная проблема теории языка. Одним из типов текста, оказывающих существенное влияние на воспринимающую языковую личность и имеющих прагмалингвистическую направленность в качестве одной из сущностных характеристик, бесспорно, является парламентский дискурс, в рамках которого особо выделяются устные риторические жанры. Целью доклада является рассмотрение различных аспектов речевого воздействия в парламентском дискурсе. Парламентские выступления как важнейший инструмент воздействия на общественное мнение постоянно привлекают внимание исследователей. Тем не менее, в условиях изменения риторической парадигмы в русской парламентской культуре, возрастающей роли устной коммуникации проблема остается не изученной до конца, что обусловливает актуальность настоящей работы, материалом которой послужили выступления российских парламентариев в к. XX – начале XXI вв. Анализ языковых средств с точки зрения их воздействия на адресата речи убеждает, что парламентская речь обладает широким диапазоном языковых возможностей.

S.Yu. Kamysheva, Dr. of Philological Sciences, prof.
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE MEDIUM OF SPEECH INFLUENCE IN PARLIAMENTARY DISCOURSE

Key words: communication, speech influence, parliamentary discourse, persuasion.

Abstract: The study of potential influence of speech on individual understanding and of people at large in various types of the institutional discourse is an essential problem of the theory of the language. Parliamentary discourse in which rhetorical oral genre are discriminated is one of the types of the text which gives an essential influence on receiving of individual language and it has pragmalingvistic direction of the essential characteristic. The aim of the report is consideration of different aspects speech influence in parliamentary discourse. Parliamentarian speech as an important instrument of influence on social opinion always attracts attention of the reserchers. Even so in condition of changing rethorical paradigm in russian parliamentarian culture the problem which increase the role of oral communication is observed to the end, that specifies the actualtualiti of this word the material that served for the speech of russian parliament in the end of XX and the beginning of XXI centuries. The analyze of methods from the point of view of influence to originator speech proves

that parliamentarian speech has the wide range of language possibility.

Основой механизма парламентского выступления является убеждение, под которым понимается «интеллектуальное, аргументированное психологическое воздействие, основанное на передаче логически выстроенной информации и ставящее целью добровольное ее принятие в качестве побудительного мотива деятельности» [1: 146]. Основу эффективной аргументации составляет выстроенная система доказательств: характеристика причинно-следственных связей, сравнительный анализ, факты, цифры; рациональное структурирование информации: выделение ключевых пунктов, подведение итогов, логичность предоставления информации; умелое сочетание рациональных и эмоциональных аргументов. Например, тезис «… в рамках мониторинга законодательства и правоприменения надо начинать работу по антикоррупционному мониторингу правоприменения» доказывается развернутой системой аргументации: «*Можно принять прекрасный закон, но если не будут приняты в его развитие соответствующие подзаконные акты, закон работать не будет. Будет произвол при применении его норм, усмотрение. Мы уже начали такую работу, посмотрели, как выглядит ситуация. Знаете, пока не очень радужно. Во исполнение 92 федеральных законов на сегодняшний день не принято около 300 подзаконных нормативных актов. Вот и предпосылки к появлению коррупции. … Надо отметить, что во многом индикатором, лакмусовой бумажкой, позволяющей оценить качество нашего законодательства, являются судебные решения, и именно изучение судебной практики позволяет во многих случаях выявит его слабые и сильные стороны. Поэтому антикоррупционный мониторинг правоприменения должен включать и изучение*

судебной практики» (А.В. Федоров, 28.09.2009). Убедительная аргументация кроме самого аргумента включает поддержку и пример.

Анализ материала позволяет выделить различные виды аргументов, использующихся в парламентской речи, среди которых частотно **сравнение:** *Совет Федерации все равно последний, как вратарь на воротах. Могут ошибиться защитники, нападающие, полузащитники… Совет Федерации не может и не должен. Там дальше только вето Президента* (Ю.А. Шарандин, 28.09.2009); *Уважаемый Александр Алексеевич, в качестве Посла Российской Федерации во Франции Вы совершили подвиг, сопоставимый только с подвигами Геракла, Вам удалось добыть деньги и спасти русское кладбище в Сен-Женевьев де Буа* (С.Е. Щеблыгин, 1.04.2009). Здесь аргументация сопряжена с оценочностью, способствующей более точной и яркой передаче устремлений говорящего, его эмоционального отношения к объекту оценки, усилению экспрессивности. Оценочная лексика, являясь определяющим фактором реализации апеллятивной и экспрессивной функций языка, используется в обеих палатах парламента. А.П. Торшин говорит, что межнациональные отношения «искрят» (31.10. 13); монолог сенатора Н.В. Власенко насыщен оценочной лексикой: «Обычно у нас строят к каким-то праздникам, это всегда такое мощное событие с информационным шлейфом, а здесь тихо сделали 5 км прекрасной асфальтовой дороги» (Н.В. Власенко, 30.09.13). В эпидейктических речах парламентариев оценочная лексика также частотна: В.И. Матвиенко называет Московский университет «лучшим университетом не только страны, но и мира», поздравляет выпускников «сердечно», говорит о профессии политолога как «крайне необходимой, крайне востребованной» (В.И. Матвиенко, 1.07.2013).

Анализ языковых средств с точки зрения их воздействия на адресата речи убеждает, что осмысленная персуазивная коммуникация в парламентском дискурсе базируется на четком прогнозируемом результате, связанном с изменением поведения адресата в сторону совершения действия, прогнозируемого адресантом с использованием как рациональных, так и эмоциональных, образных средств воздействия.

Литература

Демьянков В.З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М, 1989.

Марьянчик В.А.
marvik69@yandex.ru
д-р филол. наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ДИАЛОГ: МОДАЛЬНЫЕ РАМКИ И МОДАЛЬНЫЕ СКРЕПЫ

Ключевые слова: медиалог, модальность, модальная рамка, модальная скрепа.

Аннотация: В докладе описаны специальные инструменты анализа модальности диалогической речи – модальные рамки и модальные скрепы. Создана типология модальных рамок диалогических единств.

Keywords: a medialog, a modality, a modal frame, a modal connection.

Abstract: In the report are described special tools of analysis of modalities of Dialogic speech – modal frames and modal connections. The author creates a typology of modal frames dialogical unities in the report.

Предметом доклада являются грамматические и текстовые средства субъективной модальности, конструируемой в медиалоге – стихийно и/или в результате профессиональной обработки текста. Медиалог – это риторический конструкт с гибкими, нефиксированными рамками классических форм монолога-диалога-полилога; процесс и результат вербальной коммуникации двух и более участников в контексте интерактивного медиапространства. Медиалог модально нагружен, т.к. диалогизированные медиажанры предлагают, как правило, различные вербальные интерпретации острой проблемы.

Грамматика-80 узко трактует понятия объективной и субъективной модальности, которая проявляется в языковой семантике и имеет специализированные средства выражения. В современной лингвистике модальные значения типизируются по целому ряду оснований: по ролевым функциям говорящего, по отношению к адресату, к сообщаемому, по принадлежности к диктуму или модусу, к фразе или тексту и т.д. Если традиционно трактовать модальность как отношение к миру и способ представления предмета речи, то не представляется возможным создание исчерпывающего перечня модальных значений. Задача лингвистов заключается в ином – алгоритмизировать анализ категории модальности. Разработанные в традиционной и современной науке инструменты анализа (например, перечень специализированных средств выражения субъективной модальности в Грамматике-80 или теория модальных полей А. В. Бондарко) оказываются недостаточными или нерелевантными для анализа диалогической

речи. Эксплицитная связь автора и адресата в тексте предполагает связь модальности с интерперсональной метафункцией и выделение интерсубъектной модальности текста / речи (Т.И. Краснова). В рамках доклада описываются специальные инструменты анализа интерсубъектной модальности в медиалоге.

К специальным инструментам анализа модальности диалогических единств относим следующие: (1) **модальные скрепы** – это лексико-грамматические единицы, которые обеспечивают дискурсивное сцепление реплик и формируют модальный рисунок диалогического единства; (2) **модальная рамка** – это модальное поле, объединяющее реплики диалогического единства. В инициирующей реплике субъект речи выстраивает модально-риторическую проспекцию: моделирует ментальное, эмоциональное и волитивное состояние собеседника и его реакцию на вопрос – выражение оценки, желания, готовности и т.д. В ответной реплике модальная рамка закрывается (в случае реализации коммуникативного задания адресанта) или остается открытой, незамкнутой. Например: *У Вас есть что возразить? – Нет, и возражать не собираюсь.* Вопрос открывает рамку аффирмативности/негативности с проспекцией модальности несогласия; модальная рамка диалогического единства закрыта отрицанием и посредством лексического повтора). Или: *С кем бы вы хотели встретиться и взять интервью, если бы были журналистом? – Если бы и кабы*. Вопросная лексика открывает ирреальную рамку, в ответной реплике рамка закрывается неполным предложением; модальные скрепы диалогического единства – формообразующая частица и фразеологизированная грамматическая конструкция.

Содержательные типы модальных рамок соотносятся с видами модальности: оценочная, вероятностная, пресуазивная, адмиративная и др. Структурный тип модальной рамки определяется конструкцией вопроса (например, общая и узкая проектная рамка) и природой модальных скреп (повтор, модальные частицы, словопорядок и др.).

Н.В. Орлова
nvorl@rambler.ru
д-р филол. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СВЕТЕ ПРАВИЛ ДЕТСКОЙ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: детская речь, грамматика, поздний онтогенез.

Аннотация: В речи детей 9–10 лет проявляются свойства так называемой детской языковой системы: новые значения выражаются ранее освоенными средствами, предпочитаются развёрнутые формы. Наблюдения сделаны на таких участках грамматической системы, как выражение условного значения, отношений гипотаксиса, пропозиции и её компонентов.

N.V. Orlova, Dr. Philol. Sciences, Professor of Omsk state University F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia

WRITTEN SPEECH OF YOUNGER PUPILS IN RELATION OF THE RULES OF CHILDREN GRAMMAR

Keywords: children's speech, grammar, late ontogeny.

Abstract: In the speech of children 9-10 years are manifested properties of the so-called children's language system: the new values are expressed by means of the previously utilized, preferred deployed shape. Observations made at such sites of the grammatical system, as an expression of conventional values, the relationship of hypotaxis, the proposition and its components.

Понятие «детская речь» применяют к возрасту до 8–9 лет. При этом основные достижения онтолингвистики связаны с исследованием раннего периода (от младенчества до 3–4 лет). Наше предположение состоит в том, что свойства языковой системы ребенка проявляются в позднем онтогенезе, в речи учащихся младшего и даже среднего школьного возраста. Логично полагать, что детская и взрослая языковые системы некоторое время сложно взаимодействуют, прежде чем школьник расстанется со своим «первым языком», а типичные ошибки типичны именно потому, что закономерны в том или ином возрасте. Наличие детской языковой системы обосновывается в целом ряде работ. В частности, признаётся существование в языке ребёнка особой грамматики («практической грамматики» в терминологии С.Н. Цейтлин), под которой имеются в виду основные правила использования языковых знаков на разных уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом. Здесь выделим несколько: 1) детская языковая система «включает меньшее число правил, причем каждое из них обладает большим радиусом действия» [4: 25]; 2) «новые функции сначала выражаются старыми формами» [3: 156]; 3) предпочитаются развёрнутые формы выражения значений [3: 184], [1: 82]; [2: 14].

Объектом нашего исследования стали грамматические (в традиционном значении этого термина) явления, зафиксированные в 2015 году в сочинениях учащихся 3-х классов

лицея № 29 г. Омска. Проявлением правил (1) и (2) в текстах сочинений является нерегулярное различение реальной и ирреальной модальности. В условных конструкциях вместо сослагательного наклонения используется «старая форма» – хорошо освоенный индикатив, имеющий в детском языке более широкий радиус действия, чем во взрослом. Например, сочинение на тему *«Если бы не было книжек…»* начинается так: *«Тогда мы не были умными».* Для описываемого этапа характерна ситуация, когда сослагательное наклонение и индикатив чередуются в пределах одного текста. См. в сочинении на тему *«Если бы не было компьютеров и планшетов…»*: *«Люди были умнее, больше гуляли на улице, реже болели и больше читали книги. Без компьютеров мы смогли бы радоваться природе. У нас было меньше головной боли».*

Правилу (2) подчиняется выражение отношений гипотаксиса. Придаточные предложения, за исключением определительных с *«который»* и изъяснительных с *«что»*, регулярно начинаются с большой буквы после точки, то есть оформляются как простые предложения, записывать которые третьеклассник научился (орфография и пунктуация авторов сохранены): *Иногда можно добавить настоящих друзей. Для того чтобы общаться с ними*; *Мне нравится бывать в парке победы. Потому что там строгая архитиктура.* Другим способом выражения отношений подчинения являются маркеры паратаксиса, который к этому времени освоен. В следующем примере сочинительные союзы *«и», «но»* участвуют в выражении уступительных отношений: «*Я б называла своим настоящим другом Катю. Я её знаю с садика и мы видимся иногда (через 1 месяц, через 1 год). Но она моя лучшая подружка…».* В нормативном языке фраза имела бы вид: **и, хотя мы видимся редко (раз в месяц, раз в год), [но] она моя лучшая подружка…*

В соответствии с правилом (3) пропозиции последовательно оформляются как предложения, а не включенные предикаты; в некоторых сочинениях все предложения монопропозитивны. Кроме того, полные предложения употребляются там, где нормативный синтаксис предпочел бы неполные; на поверхностно-речевой уровень активно выводятся связки. Перечисленные признаки иллюстрируются следующими примерами: *«В городе есть много мест которых я люблю. Но одно место в городе которое я люблю это улица с фонтанам…»; «Мне больше всего нравится Тарские ворота. Мне они нравятся потому что у меня такое чувство когда я прохожу я ковбуто я вернулся в прошлое»*; *«Но так как я не сижу в одноклассниках, я компьютеру не доверяю»*.

Итак, дети 9–10 лет сохраняют в грамматическом строе своей письменной речи черты детской языковой системы, которая в процессе непрерывного онтогенеза уступает место нормативному («взрослому») языку.

Литература:

1. Лепская Н.И. Освоение детьми способов глагольного действия: толкование и грамматическое оформление // Детская речь: проблемы и наблюдения. Межвузовский сб. научных трудов. Л., 1989.
2. Орлова Н.В. Речь школьника на уроках словесности: онтолингвистический и дискурсивный аспекты: монография. Омск: «Вариант-Омск», 2010.
3. Слобин Д. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика / Сб. статей. Сост. А.М. Шахнарович. М., 1984.
4. Цейтлин С.Н. Инновации как продукт речевой деятельности ребенка // Детская речь: проблемы и наблюдения. Межвузовский сб. научных трудов. Л., 1989.

Л.Г. Ким
kimli09@mail.ru
д-р филол. наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ОБЫДЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИИ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ АДРЕСАТОВ РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ключевые слова: обыденная лингвополитология; адресатоцентричная модель; интерпретируемый текст; интерпретирующий текст; интенции адресатов.

Аннотация: В статье, выполненной в русле обыденной лингвополитологии, рассматриваются интернет-комментарии исходного текста; устанавливаются факторы, определяющие вариативную смысловую множественность комментариев; обосновывается положение о том, что содержание интернет-комментариев отражает коммуникативные интенции адресатов и их дискурсные ожидания.

L.G. Kim, Dr. of Philological Sciences, dean, Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

ORDINARY POLITICAL INTERNET COMMENTS AS A COMMUNICATIVE INTENTIONS REALIZATION OF A RECIPIENT'S SPEECH ACT

Key words: ordinary lingopolitology; recipient-centered model; interpreted text; interpreting text; recipient's intentions.

Abstract: The article deals with internet comments of original text which are conventional for ordinary linguopolitology. The

factors determining variative semantic comments' multiplicity are established. The statement that internet comments' content reflects communicative intentions of the recipients and their discourse expectations is proved in the article.

В данной статье, выполненной в русле обыденной лингвополитологии, непосредственным объектом исследования выступают интернет-комментарии, рассматриваемые нами как весьма значимый феномен современной коммуникации. Основной аспект рассмотрения очерченного объекта – интерпретационный – с обсуждением вопроса о природе множественности и вариативности осуществляемых разными адресатами интерпретаций исходного (интерпретируемого) текста. В роли факторов вариативности интерпретации текста нами рассматривались два: системоцентрический – фактор текста – и антропоцентрический – фактор субъекта-интерпретатора. Основной пафос настоящей статьи – обоснование положения о том, что в процессе восприятия, интерпретации и комментирования адресатом исходного текста реализуется механизм реализации коммуникативных интенций адресатов и их дискурсных ожиданий, что и находит отражение в содержании интернет-комментариев. Языковой материал – политические интернет-комментарии – позволяет рассматривать речевую деятельность автора комментария не только как ментально-языковую или метаязыковую реакцию читателя политического текста, но и (что особенно важно!) как реализацию ожидаемых им смыслов исходного текста, как такой результат его деятельности, который отражает его определенную политическую позицию (пресуппозицию) и коммуникативные интенции.

Выполнение данного исследования ставит целью верификацию гипотезы, согласно которой интерпретация адресатом исходного (интерпретируемого, комментируемого)

текста осуществляется на основе действия механизма ожидания. Адресат текста – читатель – приступая к чтению, уже имеет определенные информационные ожидания. И процесс чтения – это процесс реконструкции неких смысловых составляющих этого текста на основе механизма ожидания, т.е. реализация ожидаемых смыслов. При этом деятельность читателя заключается не в том, чтобы определить, что хотел сказать автор, а в том, чтобы реализовать свои информационные и коммуникативные интенции. Действие механизма ожидания может осуществляться по двум моделям: по модели соответствия ожидаемого содержанию исходного текста и по модели несоответствия (неоправдавшееся, обманутое ожидание).

Материалом для исследования является размещенный в социальной сети «Newsland» (http://www.newsland.ru/) 23.02.2014 г., текст «Церемония закрытия олимпиады пройдет в стиле артхаус» (http://newsland.com/news/detail/id/1327900/) и интернет-комментарии читателей (43 комментария). Этот новостной текст представляет собой прозрачный по содержанию и авторской интенции анонс церемонии закрытия олимпиады в Сочи; он выдержан в достаточно объективистской манере, построен на фактологической основе (хронология событий, их участники); оценка проявляется лишь в подборе данных фактов – они подчеркнуто конструктивны. Однако уже первая фраза и следующие за ними уводят обсуждение в «нужную» для авторов комментариев плоскость по принципу – «у кого что болит, тот о том и говорит» (в данном случае «болит» о международном и внутреннем положении современной России):

Год Тигра комментирует материал 23.02.2014 в 20:15 # *В Киеве Майданы, революшн... а в Сочях лимпияда мути…* 2 минуса | 5 плюсов;

весна солнце отвечает Год Тигра на комментарий 23.02.2014 в 20:34 # *А в России майдан невозможен! И*

олимпиада очень сплотила и обьеденило всю страну! а это очень важно и во время! И президент наш ВВ Путин просто молодец! Окончательно обьеденил всю страну в железный кулак и теперь ни какие враги России не страшны!!! 7 минусов | 2 плюса.

Если исходная статья структурирована по рационально-логическому принципу – развитию интенции, исходной идеи, то структурирование «комментирующего пространства» осуществляется по совершенно другим основаниям. Оно подчинено синергетическим законам, среди которых главный – поляризация мнений по актуальным для участников портала вопросам. Статья-репортаж немедленно превращается в площадку, где формируются группы «своих» и «чужих». Оценка олимпиады – ее эстетических характеристик и спортивных достижений россиян – трансформируется в дискуссию о том – благо она для России или не благо (показуха, неоправданные затраты, иделогизация). Такая дискуссия сливается со спором участников о том, хороша ли российская власть и – соответственно – политическое устройство и положение России в мире или, напротив, – все, претендующее на позитив, – показное, а суть негативная. Разумеется, этот мотив является сквозным для большинства дискуссий на портале «Ньюсланд». Именно в этом духе начали дискуссию участники «Год Тигра» и «весна солнце» в приведенном выше фрагменте.

Таким образом, этот языковой материал наглядно демонстрирует имплицитные интенции интерпретатора, связанные с действием механизма ожидания как важнейшего фактора его рецептивно-интерпретационной деятельности: актуализация и проявление смысловых компонентов текста осуществляется в соответствии с дотекстовыми установками адресата – читателя-интерпретатора, его коммуникативными интенциями, его общественно-политической позицией.

Л.О. Бутакова
larisabut@rambler.ru
доктор филол. наук, завкафедрой, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

Е.Н. Гуц
egoots@yandex.ru
доктор филол. наук, профессор, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

ГРАММАТИКА ГОВОРЯЩЕГО 4.0: ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА ОДНОГО РЕГИОНА

(Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-04-00325а. «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребёнка»)

Ключевые слова: дискурс, языковая способность, речевая компетенция, институциональный и персональный дискурс, грамматика говорящего.

L.O. Butakova, Dr. of Philological Sciences, prof., Head of the Department of Russian and Slavic classical linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

E.N. Goots, Dr. of Philological Sciences, prof., Department of Russian and Slavic classical linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

SPEAKER'S GRAMMAR 4.0: DISCURSIVE SPACE OF CHILDHOOD IN THE REGION

Abstract: The article deals with the project aimed at the communicative environment that generates the language of modern identity of children of preschool and school age. The authors believe that the reconstruction of different types of communication and involvement requires a set of discourse, psycholinguistics, sociolinguistics methods and techniques.

Key words: discourse, speech activity, language ability, institutional communication, personal communication, Speaker's Grammar.

Коммуникативное пространство, окружающее современного ребенка, значительно изменилось. Исследователи фиксируют существенную трансформацию коммуникативных компонентов и составляющих основных дискурсообразующих параметров [1: 103–126]. Каждодневная коммуникация протекает в институациональной среде с высоким уровнем рекламных и иных жанров, сориентированных на использование стандартных формул, начиная от номинаций объектов торговли, товаров, услуг, и заканчивая рекламными, официально и полуофициально-деловыми, развлекательными текстами. Для взрослой и детской аудитории такая коммуникация имеет разные когнитивные последствия, является мощным фактором формирования языкового сознания носителей языка, включает в себя обширные смысловые, семантические, семиотические компоненты, присущие указанным дискурсивным формам, имеющим поликодовое (вербальное и / или авербальное) воплощение. Средствами выражения этих смыслов, как и общих воздействующих стратегий, являются любые единицы любого уровня языка, их сочетания друг с другом и компонентами иных семиотических систем.

Важно установить роль конкретных институциональных и персональных дискурсов в формировании детской языковой личности, изучить их смысловое наполнение, интенциональную структуру, описать грамматику говорящего (специфику смыслового, семантического, лексического, грамматического воплощения, особенности когнитивных структур, стоящих за частотными и малочастотными языковыми знаками), выявить следы в речевой деятельности детей коммуникативно-дискурсивных инвариантов, отражающих ядерный набор традиционных и новых речевых жанров, базовых ценностей и ключевых смыслов, а также социально обусловленных вариантов, определяемых факторами среды, – ценностными предпочтениями и установками родителей; наличием информации в виде вывесок, рекламы детских товаров, предложений разного рода фирм по организации детского досуга и пр.

Цель исследования – комплексно описать институциональные и персональные дискурсы с участием детей и подростков одного региона, выявить предпочитаемые ими типы коммуникаций и формируемые последними ценностные картины мира; исследовать фрагменты языкового сознания детей и подростков, отражающие их коммуникативные, социальные, моральные ценности, выявить состояние языковой способности, уровень коммуникативной компетенции; создать модели «грамматики говорящего» современного формата.

Возрастной диапазон участников исследуемого дискурсивного пространства ограничен периодом 5–14 лет, соответствующим в своей верхней границе началу «эпохи двухтысячных». Наряду с детством, в зону внимания попадает подростковый возраст, для выявления динамики языкового сознания привлекаются данные по старшим возрастным группам (15–16 лет).

Основные проблемы, требующие решения.

- Определение институциональных и персональных дискурсов, предпочтительных для современных городских детей и подростков за рамками школьного обучения.
- Способы распределения коммуникативной активности детей и подростков региона по видам речевой деятельности (чтение, просмотр и прослушивание видео- и аудиоинформации, обмен сообщениями в социальных сетях, разговоры с друзьями и старшими родственниками и т.д.).
- Типы ценностей, транслируемых и воспринимаемых в контакте с дискурсивной средой места проживания.
- Смысловое наполнение и речевое воплощение когнитивных структур наиболее популярной в детской и подростковой среде теле- и кинопродукции, книг, сайтов.
- Основания для дифференциации типов языковых личностей в детском и подростковом возрасте.
- Уровень состояния языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка 5–7, 7–12, 13–14, 15–16 лет. Виды типичных речевых и коммуникативных нарушений письменной и устной речи учащихся школ и гимназий и их причины.
- Моделирование фрагментов языковой картины мира / языкового сознания учащихся школ и гимназий омского региона.

Основа для построения моделей и инструментарий:

– результаты ассоциативных, семантических, рецептивных экспериментов с использованием лексем-стимулов из тематических групп «семья», «друзья», «Омск», «книга», «компьютер» и др., представление их в виде АП и СП стимулов; построение семантических гештальтов АП;

– тексты мини-сочинений; результаты их когнитивного и когнитивно-дискурсивного анализа (базовые концепты, доминантные смыслы, эмотивные доминанты текстов и способы их репрезентации), модели текстового развертывания;

– моделирование типовых ситуаций общения «ребенок – ребенок», «ребенок – взрослый» с определением стратегий и тактик участников, их коммуникативных ролей;

– моделирование невзрослой региональной дискурсивной личности, создание серии лингвоперсонологических моделей; введение и апробирование детских лингвокультурных типажей;

– комплексный анализ институциональных дискурсов (учебного, досугового, медийного) в аспекте формируемых моделей мира, ценностей, стратегий и языка общения;

– комплексный анализ персональных / личностно-ориентированных дискурсов (семейного, дружеского, художественного) в аспекте транслируемых моделей мира, ценностей, стратегий и языка общения (семантический эксперимент на продолжение высказываний и заполнений пропусков);

– комплексный анализ современных учебников и учебных пособий для школы по русскому языку в аспекте модели мира, ценностных компонентов, стратегий и тактик общения, способов развития языковой способности и формирования речевой компетенции;

– моделирование процесса восприятия текстов детской литературы школьниками разных возрастов (выборочное собеседование с фиксацией диалогов участников на диктофон; рецептивные эксперименты).

Литература:

1. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 103–126.

Е.Н. Клеменова
доктор филолог. наук, профессор Ростовского государственного экономического института, Ростов, Россия

КВАНТОРНОСТЬ КАК НОВАЯ КАТЕГОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: квантор; кванторность; отношения ограничения и выделения; логика; предложно-падежная конструкция.

Аннотация: Данное исследование обращено к логико-понятийному аспекту анализа компонентов функционально-семантического поля выделения-ограничения. Ограничительно-выделительные отношения объединяют 4 вида отношений (включение, исключение, замещение и собственно выделение) и обладают собственными отличительными признаками, наличие которых обогащает общую ограничительно-выделительную сему, отражающую явления действительности, которые связаны со взаимодействием категорий общего и частного. Название и содержательная характеристика этих понятий заимствованы из математической логики и теории множеств и объединена в новую лингвистическую категорию – кванторность.

QUARTERNOTE AS A NEW CATEGORY OF RUSSIAN LANGUAGE

Key words: quantifier; quarternote; relationship constraints and the mathematical; logic; prepositional-casal construction.

Abstract: The research deals with logical and conceptual analysis of the components of apportionment and limitation functional and semantic field. The apportionment and limitation

relations comprise inclusion, exclusion, substitution and apportionment as well. This kind of relations have their own distinguishing features enriching the basic apportionment and limitation and reflecting reality phenomena which are connected with interaction of the general and quotient categories. The names and substantial characteristics of the notions have been derived from mathematical logic and multitude theory and merged into a new linguistic category – quarternote.

Когнитологи считают, что люди осознают пространство через систему координат, представленную разнообразными отношениями между объектами в пространстве. Самыми распространенными среди них являются отношения части и целого, элемента и множества, наличие и значимость которых требуют постоянного уточнения, выделения, ограничения или унифицированности. Реализация такого рода логических операций наиболее полное и емкое освещение получила в логике с позиций теории кванторности.

В общенаучном смысле кванторы (лат. quantum – сколько) – это определение количества понятий из какой-либо области («для каждого из возможных», «неизвестно, для какого из возможных» или «какой-то один из возможных», «для нескольких объектов из группы» или «никакой из возможных», «отсутствие элемента»). Что касается средств языка, передающих этот тип отношений, то в современном языкознании они анализируются разрозненно.

Так, в естественном языке кванторам могут соответствовать и некоторые предлоги, обозначающие количественные оценки, одна из валентностей которых обозначает признак, которому удовлетворяют количественно оцениваемые объекты, и прототипически заполняемая группа сказуемого, и выделительные частицы, и знаменательные слова, или слова категории состояния, и вводные слова, и предло-

жения. Кванторы, в сущности, можно рассматривать и в качестве обыкновенной логической связки (как дизъюнкция или конъюнкция). И если принять за основу то, что квантором может называться любая логическая связка, то отсюда следует, что отношения ограничения и выделения как разновидность логических отношений, возникающих в высказывании и функционирующих для связи как внутри предложения, так и внутри текста, тоже могут считаться логической связкой, а значит – квантором.

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем *квантор* как некий признак, применяемый для элемента множества, который позволит фиксировать различные виды ограничительных и выделительных отношений с элементами множества, а именно включение, исключение, замещение, добавление, сопоставление, уточнение на уровне высказывания и текста, т.е. позволяет утверждать существование вещи, обладающей определенным свойством.

А. М. Плотникова
annamp@yandex.ru
д-р филол. наук, профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: номинации лиц, социальный статус, семантические модели, прагматика.

Аннотация: Рассматриваются наименования лиц по социальному статусу и их функции в высказываниях. Анализируются эксплицитные и имплицитные способы выражения

социальной семантики лица. Особое внимание уделяется дискурсивному противопоставлению имен лиц по социальной принадлежности.

A.M. Plotnikova, Dr. of Philological Sciences, prof., Ural Federal University, Ekaterinburg

THE WAYS OF EXPRESSING A PERSON'S SOCIAL STATUS IN THE RUSSIAN LANGUAGE (SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECT)

Key words: persons' nominations, social status, semantic models, pragmatics.

Abstract: The article studies persons' nominations according to the social status and their function in utterances. It also analyses explicit and implicit ways of a person's social semantics expression. Special consideration is given to discursive opposition of persons' names based on social affiliation.

Социальная сфера охватывает разнообразные проявления деятельности человека и отображается во множестве лексических и фразеологических единиц, называющих человека по профессиональной, идеологической, политической, экономической принадлежности и характеризующих его социальные качества. Номинации лиц по социальному статусу используются в функции референции лица и фиксации его социальной роли в той или иной ситуации (*Со словами напутствия выступил глава администрации Железнодорожного района*). Типичной является предикатно-характеризующая функция таких имен, например, в конструкциях с соединением именных групп, называющих статус лиц и образующих семантико-синтаксические клас-

теры («*Н. Усков – российский историк-медиевист, журналист, главный редактор журнала «Сноб»*). Номинации лиц по социальному статусу используются в сочетаниях с собственными именами, а также без таких имен в случае уникальной референции (*Глава государства в одиннадцатый раз выступил с посланием к Федеральному собранию*). Обладают семантической и прагматической спецификой высказывания со значением самоидентификации лица, содержащие указание на его социальный статус, например: *«Я не друг, не невеста и не жених, я Президент Российской Федерации»* (В. Путин).

Социальный компонент значения входит в прагматикон – сумму идеологических, исторических, статусных, этических и других коннотаций в семантике слова. Социальная маркированность значений иногда находит выражение в словарных статьях, например: *стиляга* – в СССР в 1950-х гг.: молодой человек, подражающий западной, буржуазной моде. В других случаях социальный компонент значения представлен имплицитно (например, как в синонимах *разведчик* и *шпион*, различающихся вектором «свой – чужой»). Выбор социального статуса лица не всегда мотивирован значением высказывания и часто преследует особые прагматические функции, например: «*Кандидат наук, убивший женщин, просит отпустить его*».

Данные идеографических словарей, в которых семантические поля «социальные действия», «социальные отношения», «общественно-государственная сфера», а также частные проявления социального, такие как медицина, военная служба, производство и др., значительны в количественном отношении, позволяют установить круг лексических единиц, способных выступать в качестве номинаций лиц по социальному статусу. Кроме того, в качестве имен социальных субъектов способны выступать неузуальные именные группы, например: *«И повезу вас, граждане раскулаченные, и вас, граждане бывшие люди, в новую жизнь»* (Г. Яхина).

Называя типизированную функцию лица в структуре социума и обладая набором идеальных, внутренне присущих субъекту характеристик, способностей совершать действия (см. работы В.И. Карасика, И.Е. Кима, Л.П. Крысина), имена социальных статусов употребляются в сочетаниях с оценочной лексикой. Присубъектный оценочный определитель часто является обязательным компонентом семантической модели высказываний (*Опытный политик не будет лоббировать интересы олигархов*). Признак принадлежности лица или объекта к той или иной группе оказывается особенно значимым в медийном дискурсе, где противопоставление лиц по признаку социальной принадлежности становится маркером формирования негативных установок в отношении представителей другой группы. В синтаксическом и прагматическом отношении также представляют интерес высказывания, реализующие значение несоответствия лица занимаемой должности (*«Он не хирург, а мясник»*) или положению в социальной иерархии, а также непрямые номинации лиц по социальному статусу, понимание которых предполагает опору на контекст или фоновые знания адресата.

Н.В. Немирова
nvnemirova@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Ключевые слова: прецедентные феномены, вторичная репрезентация, симметрическая репрезентация, модели грамматической трансформации.

Аннотация: В докладе рассмотрены различные модели грамматической трансформации, показаны различные варианты формирования новой лексической и грамматической семантики прецедентного феномена.

N. V. Nemirova, Candidate of Philological Sciences, associate Professor of Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Key words: precedent phenomena, secondary representation, symmetric representation, models of grammatical transformation.

Abstract: In the report various models of grammatical transformation are considered, various options of formation of new lexical and grammatical semantics of the precedent phenomena are shown.

Прецедентные феномены (ПФ) как языковые знаки относятся к классу дескрипторов [3]. Вторичная репрезентация ПФ феномена может осуществляться двумя способами: симметрическим и несимметрическим, при первом в новом

контексте воспроизводится какой-либо инвариантный когнитивный смысловой признак этих единиц, отсутствующий при несимметрической репрезентации. Существуют два способа трансформации источника прецедентного феномена: 1) структурно-семантический и 2) семантический. Грамматическая трансформация прецедентов, как правило, относится к семантическому способу трансформации, при котором структура прецедентного имени (ПИ) или прецедентного высказывания (ПВ) остается неизменной, изменяются грамматические характеристики единицы, влекущие за собой изменение ее семантики. Грамматическая трансформация прецедентного феномена может быть включена в комбинированные модели.

Рассмотрим некоторые модели грамматической трансформации на примере использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе.

1. Модель, основанная на употреблении ПИ во множественном числе, которое способствует формированию их новой семантики, сближению с «абстрактными именами» [1: 121−122]. Например, «Ведь и Костылины есть среди нас, ведь и Костылин был русский» [4]. ПИ «Костылин» выступает символом-репрезентантом таких концептов, как ‘трусость’, ‘меркантильность’, ‘мелочность’, ‘слабость’, ‘беспомощность’, ‘бездействие’, ‘беспечность’, ‘уныние’ и т.п. Форма множественного числа выводит это ПИ на более высокую ступень обобщения и позволяет автору проанализировать один из отрицательных типов национального характера.

2. Модель, основанная на апеллятивации ПИ – переходе собственных имен в нарицательные, – представлена, например, в следующем контексте: «Живы ли митрофанушки сегодня? Еще как живы, достаточно почитать школьные сочинения» [5]. Апеллятив ПИ Митрофанушка (источник – имя героя комедии Д.И. Фонвизина «Недо-

росль» М. Простакова) используется автором для негативной характеристики учеников современных школ. Апеллятивация ПИ сопровождается употреблением его во множественном числе.

3. Модель, основанная на замене местоимений, представлена в следующем контексте: «Оттуда, из «любезной нашему сердцу» России, не только великая культура, народные таланты, патриотизм» [2]. Источник ПВ − характеристика М.В. Ломоносова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: «Всякое прикосновение к любезному сердцу его России… исполняет его силы чудотворной». Замена притяжательного местоимения *его*, указывающего на принадлежность к 3-му лицу единственного числа, на местоимение *наш,* указывающее на принадлежность к 1-му лицу множественного числа, позволяет автору объединить себя как всех россиян. Замена местоимений сопровождается изменением их порядка в составе ПВ.

4. Модель, основанная на замене глагольных форм. Например, трансформация высказывания В.С. Черномырдина «Мы хотели, как лучше, а получилось, как всегда»: «Ведь, казалось бы, улучшается все: пенсионеры радостно возвещают с телеэкранов, как им по душе «монетизация льгот», студенты в восторге от того, что смогут стать «бакалаврами» и «магистрами» …Да, все хотят «как лучше», однако получается…» [6]. В источнике ПВ глагол желания *хотели* в форме несовершенного вида прошедшего времени имеет обобщенную грамматическую семантику повторявшегося, обобщенного действия, глагол *получилось* в форме совершенного вида прошедшего времени имеет перфектное значение; замена этих глагольных форм формами несовершенного вида настоящего времени усиливает семантику обобщения глаголов *хотят* и *получается*, употребленных в значении настоящего абстрактного.

Модель трансформации в приведенном выше контексте является комбинированной: замена глагольных форм сопровождается заменой местоимений (*мы* − *все*), союзов с тождественной семантикой противопоставления (*а* − *однако*), признаками цитации (фраза «как лучше» заключена в кавычки), усечением источника ПВ.

5. Модель, основанная на замене знаков препинания, применена в следующем контексте: «И от той, сидящей в нас вековой России и молчаливое послушание, и долготерпение, и вера в то, что «вот приедет барин, барин нас рассудит»» [2]. Источник ПВ – цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Забытая деревня»: «Вот приедет барин – барин нас рассудит». В источнике между предикативными частями бессоюзного сложного предложения использовано тире, транслирующее семантику условия, в ПВ использована запятая, передающая семантику перечисления.

Таким образом, в процессе грамматической трансформации не только изменяется обобщенное грамматическое значение словоформ, входящих в состав прецедентного феномена, но и преобразуется его смысловая структура в целом.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава, 1999. Доклады российских ученых. – М., 1999. С. 121−122.

2. Костиков В. Пионерская зорька // Аргументы и факты. 2015. № 46.

3. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. − М., 1998.-URL: http://thelib.ru/books/lebedev_m/stabilnost_znacheniya-read.html (дата обращения 28.12.15).

4. Небольсин С. Костылин и Жилин на Второй мировой войне // Литературная газета. 2005. № 37.
5. Попова Н. Яйцо для министра Фурсенко //Аргументы недели. 2011. № 3.
6. Сивкова В., Образцова И., Шаблинская О. Когда реформы облегчат жизнь? // Аргументы и факты. 2005. № 1−2.

Т. В. Нестерова
TVNesterova@pushkin.institute
кандидат филологических наук, профессор Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина Москва, Россия

НЕПРЯМОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СМЫСЛОВ В ОБИХОДНОМ ОБЩЕНИИ РУССКИХ

Ключевые слова: непрямая коммуникация, категория косвенности, косвенные речевые акты, контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты, косвенный речевой жанр, транспозиция, намеки, манипуляция.

Аннотация: В статье описаны явления непрямой коммуникации, которые типичны для ситуаций обиходного общения русских. Рассмотрена коммуникативная (прагмалингвистическая) категория косвенности, ее соотношение с категорией непрямой коммуникации и категорией общения. Создание типологии контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов (а также других явлений непрямой коммуникации) в кооперативных ситуациях обиходного общения русских вносит определенный вклад в развитие теории непрямой коммуникации, имеет культурологическую ценность. Использование результатов данного исследования может быть полезно как для дальнейшего

изучения обиходного общения, межкультурной коммуникации, речевых жанров, речевого этикета, так и в практической деятельности преподавателей, занимающихся проблемами общения и преподавания языка (в том числе и русского языка как иностранного).

T.V. Nesterova, PhD in Philology, Professor, Pushkin State Russian Language Institute Russia, Moscow

INDIRECT WAYS OF EXPRESSING COMMUNICATIVE MEANINGS IN EVERYDAY COMMUNICATION RUSSIAN

Key words: Indirect communication, the category of indirection, indirect speech acts, contextual-situational indirect speech acts, indirect speech genre, transposition, hints, manipulation.

Abstract: The article describes the phenomena of indirect communication which are typical for situations of the Russians' everyday communication. We have already examined communicative (pragmalinguistic) category of indirection, its ratio with category of indirect communication and category of communication. Creation of typology related to contextual-situational indirect speech acts (as well as other phenomena of indirect communication) in cooperative situations of the Russian' everyday communication makes a certain contribution to the development of indirect communication theory and has also a culturological value. The use of given research results can be valuable both for further study of everyday converse, cross-cultural communication, speech genres, speech etiquette and in practical activities of teachers who are taking up the problems of communication and language teaching (including Russian as a foreign language).

Непрямые (косвенные) способы выражения коммуникативных смыслов, требующие дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата сообщения / текста, активно исследуются в работах по непрямой коммуникации (далее – НК) [1 и др.]. В них НК рассматривается как коммуникативная категория, изучение которой может быть отнесено к наиболее актуальным направлениям языкознания. Существенными для НК являются такие признаки, как 1) осложненная интерпретативная деятельность адресата (говорящий «говорит не то, что говорит»); 2) неконвенциональность, 3) ситуативная обусловленность, 4) креативность [1:77]. Принимая данный термин в качестве рабочего, считаем необходимым уточнить: поскольку коммуникация сама по себе не может быть прямой или непрямой, речь идет о непрямых способах выражения речевых интенций говорящим, а также об имплицитных смыслах, которые возникают при использовании языковых и речевых средств разных уровней в той или иной коммуникативной ситуации и которые декодируются слушающим в результате логической операции импликации с учетом контекста, прагматической информации, фоновых знаний.

Понятие косвенности до сих пор имеет в лингвистике неопределенный статус: лексемы «прямо» – «косвенно» в работах лингвистов часто толкуются непоследовательно, противоречиво, на разных основаниях для разных языков или для одного языка. Отсутствие категориального статуса у данного понятия оставляет открытыми многие вопросы, возникающие при характеристике единиц НК, реализующих данную категорию. В лингвистике категория косвенности связывается с такими понятиями, как косвенная речь, косвенный падеж, косвенное дополнение, косвенная номинация, косвенное имя, косвенная оценка, косвенное высказывание, косвенный речевой акт, косвенный речевой жанр, косвенная иллокуция, косвенная адресация, косвенные сре-

дства и способы выражения. Вероятно, категорию косвенности можно рассматривать как частную по отношению к категории НК, которая, в свою очередь, входит в коммуникативную категорию «общение» (отношения включения): коммуникативная категория общение ⊃ коммуникативная категория НК ⊃коммуникативная категория косвенности. Мы считаем коммуникативную (прагмалингвистическую) категорию косвенности обязательной коммуникативной категорией оппозитивного типа, имеющую характер бинарной оппозиции (косвенность – прямота), носящей градуируемый характер (имеет структуру в виде шкалы: конвенциональная прямота – конвенциональная косвенность – конвенционализуемая косвенность – неконвенциональная косвенность). Анализируемая нами категория является интердискурсивной, обнаруживаемой во всех типах дискурса, на всех уровнях коммуникативной структуры дискурса: от высказывания (РА) до гипержанровых форм коммуникации. НК (и категория косвенности) реализуется во всех ситуациях обиходного общения русских (это тема нашей докторской диссертации) и включает в себя достаточно разнородные явления (их краткая характеристика будет представлена в данной статье). Мы рассматриваем кооперативные ситуации, которые исследованы с точки зрения речевого этикета (см. список этих ситуаций в работах Н.И. Формановской). В первую очередь, нас интересуют контекстуально-ситуативные косвенные РА (далее – КСКРА): «Дует!» – косвенная просьба закрыть окно; «У меня завтра экзамен» – косвенный отказ и т.п. (примеры этих КСКРА см. в наших статьях). Создание типологии КСКРА и других единиц НК имеет большое значение для описания подобных явлений в различных сферах общения и типах дискурса как в русской, так и в других культурах. Результаты такого описания могут быть полезны в теории и практике преподавания РКИ. Описы-

ваемые нами КСКРА (в первую очередь, конвенциональные) нужно будет распределять по уровням владения русским языком и создавать методику их препо-давания в иностранной аудитории. Это – дело времени. Перспективным направлением является также сопоставительное описание языков и культур на основе использования в них явлений НК, которое позволит выявить как универсальные, так и культурно специфичные проявления категории косвенности в различных ситуациях общения (при реализации всего перечня речевых интенций).

Литература:
1. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.

И.Б. Александрова
aib777@newmail.ru
Канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИКЕ МЕДИАНАРРАТИВА: ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ПОЛИФОНИЧНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ЗОТОВА («АИФ»)

Ключевые слова: медианарратив, картина мира, полифония, субъект речи, креолизация.

Аннотация: В докладе рассматриваются актуальное для современной лингвистики понятие медианарратива и приемы создания полифоничного нарративного текста.

I.B. Aleksandrova, PhD, Associate Professor, Moscow State University, Russia, Moscow

TO THE QUESTION ABOUT THE LINGUISTICS OF MEDIA NARRATIVE: TECHNIQUES OF CREATING A POLYPHONIC NARRATIVE IN THE WORKS OF G. ZOTOV (AIF)

Keywords: media narrative, world view, polyphony, the subject of the speech, creolization.

Abstract: The report examines the notion of media narrative, that is relevant for modern linguistics, and techniques of creating a polyphonic narrative text.

Если проанализировать состав современной медиаречи, то можно выделить тексты СМИ (как печатных, так и электронных), рекламы, паблик рилейшнз, блогосферы, документального кино. Каждая из этих областей имеет свое назначение, а следовательно, тексты, относящиеся к той или иной сфере, характеризуются способом отбора и изображения событий, особым интенционально-модальным планом, спецификой системы субъектов речи, приемов композиции, способом представления мира, особенностями нарраций о современной жизни.

Нарративность текстов СМИ, позволяющая автору в наиболее убедительной для читателя/зрителя/слушателя форме изобразить свою картину мира, является одной из наиболее важных особенностей современной журналистской речи. Прием *повествования о жизни* позволяет создать в тексте субъективную «вторую реальность» на основе такого подбора фактов, который передает аксиологию (ценностную ориентацию) журналиста-просветителя, творящего образ

времени, или отражает намерения работника СМИ, исполняющего корпоративный «заказ».

Журналистский нарратив может стать полифоничным (стереоскопичным) благодаря таким средствам, как смена субъектов речи, а значит, и модально-стилистической тональности текста; использование поэтического и прозаического, высокого и низкого регистров речи; визуализация события при помощи рисунка, карикатуры, коллажа, инфографики, то есть креолизация текста.

Эти приемы создания полифоничного нарратива ярко отражаются в творчестве Георгия Зотова, обозревателя «АиФ». «Голоса» журналиста-повествователя, участников и очевидцев описываемых событий, легенды и мифы, архивные материалы, мнения экспертов образуют симфонию текста, сочетающего интрадиегетические и метадиегетические [2: 411] нарративы. Своеобразный хор «двойников» и оппонентов повествователя обеспечивает смену стилистических регистров речи, создает синергетический текст – отражение картины мира и способа его постижения автором. Такое соединение «неслиянных голосов» [1: 8] приводит к тому, что журналист, хотя и выступает в тексте с позиций «знающего истину», в то же время дает читателю возможность самостоятельно создать образ события и – шире – образ времени, сделать экзистенциальный выбор.

Позиция повествователя иллюстрируется и посредством креолизации текста, что не только способствует визуализации фактов, но и придает текстовому пространству поликодовый характер.

Таким образом, медианарратив как объект изучения современного языкознания представляет интерес со структурной, интенционально-модальной, аксиологической, риторической точек зрения, а также с позиций лингвистики текста.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва, 1963.
2. Женетт Ж. Фигуры: Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Url: http://www.academia.edu/483598/Жерар_Женетт_Фигуры.

К.С. Акопян
karen-hakobyan@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент, Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения

МИКРОМИР ЧАСТИЦЫ *ДАЖЕ*: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

Ключевые слова: логико-модальные частицы, нейтральное и противопоставительное отрицание, двойная скалярная импликатура, импликатура неожиданности.

Аннотация: Работа посвящена исследованию поведения частицы *даже* в отрицательных контекстах. Изучение семантико-прагматической структуры *даже* в ходе сопоставительного анализа ее функционирования в контекстах нейтрального и противопоставительного отрицания позволяет выявить специфику реализуемых ею двойной скалярной импликатуры и импликатуры неожиданности.

K.S. Hakobyan, PhD, Associate Professor, Russian-Armenian (Slavonic) University, Armenia

THE MICROWORLD OF THE PARTICLE *ДАЖЕ* [“*EVEN*”]: SOME SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF THE FUNCTIONING IN THE NEGATIVE CONTEXTS

Key words: logical and modal particles, neutral and contrastive negation, double scalar implicature, implicature of unexpectedness.

Abstract: This article is devoted to the analysis of the functioning of the particle *даже* [“*even*”] in negative contexts. The study of the semantic and pragmatic structure of *даже* [“*even*”] during the comparative analysis of its functioning in the contexts of neutral and contrastive negation reveals the specifics of its ongoing double scalar implicature and implicature of unexpectedness.

Настоящая работа является небольшим фрагментом исследования, посвященного комплексному анализу, так называемому «лингвистическому портретированию» логико-модальных частиц. В ней рассматривается синтаксис, семантика и прагматика частицы *даже* – экспликатора коммуникативно ориентированной семантики усилительности/крайности/неожиданности – в отрицательных контекстах. Частица *даже* тяготеет к контексту отрицания, что обусловлено, по всей вероятности, наличием семы отрицания в ее значении – в составе импликатуры неожиданности (см. п. г) и имплицитно в двойной скалярной импликатуре (см. п. в) ее базовой семантико-прагматической структуры:

а) Q, входящий во множество R по признаку *n*, обладает свойством P;

б) во множестве R существует элемент(ы) Q´, отличный(ые) от Q, такой, который тоже обладает свойством P (или мог бы им обладать);

в) можно было с меньшим основанием ожидать того, что Q обладает свойством P, чем того, что свойством P обладает Q´, причем актуализированная пропозиция с точки зрения семантико-прагматической значимости «больше» ожидаемой, а ядерный элемент обозначает (относительно) максимальный, «верхний» предел ассоциированного множества по заданному интегральному признаку;

г) говорящий *не* ожидал того, что Q обладает свойством P.’ (См.: [1: 111–117]. Подробнее см.: [2: 305–362]; [3: 121–153], где также заявляется о необходимости изъятия скалярной импликатуры из толкования частицы *даже*, с чем мы не согласны).

Изучение функционирования тех или иных синсемантичных слов, вступающих в тесное взаимодействие с отрицанием, предполагает предварительное отграничение двух видов отрицания – нейтрального и противопоставительного. Причина различий между *не*[1] (нейтральным) и *не*[2] (противопоставительным) состоит в их разном отношении к актуальному членению предложения: сфера действия *не*[1] находится либо внутри ремы предложения, либо внутри его темы, а сферой действия *не*[2] является сам предикат актуального членения, соединяющий тему и рему [2: 121].

Контекст нейтрального отрицания кардинально изменяет позицию ядерного элемента Q на градационной «шкале ожидания»: он переносится с одной крайней позиции – «полюса наименьшей вероятности» – в другую крайнюю позицию – «полюс наибольшей вероятности», то есть ядерное слово, выделяемое частицей *даже*, на шкале вероятности скалярной импликатуры занимает уже не последнее, наименее вероятное и менее всего ожидаемое место, а первое место, наиболее вероятное и более всего ожидаемое с точки зрения обладания им предикативным признаком P. Таким образом, при нейтральном отрицании *даже* выделяет **наиболее** вероятный элемент скалярной

импликатуры как **не обладающий** свойством P. В этой ситуации «шкала ожиданий **инвертируется**» [2: 351], при этом индекс максимального предела Q сменяется на минимальный, т.е. в контексте нейтрального отрицания ядерный элемент обозначает (относительно) **минимальный**, **«нижний» предел** ассоциированного множества по заданному интегральному признаку (это подтверждается синонимичными перифразами анализируемых примеров с подъемом отрицания в модус высказывания и заменой *даже* на *хоть, хотя бы*).

Кроме того, в соединительных конструкциях в позиции, когда СД *даже* является субъект пропозиции, а предикаты заполняют семантическую валентность P частицы, возможны все три потенциальных соотношения предикативных признаков: тождество, возрастание и убывание. Однако в сопоставительной конструкции, в которой СД *даже* является сам предикат, и в градационной цепочке (более жестких, чем соединение, синтаксических структурах, налагающих определенные семантические ограничения на соотношение предикативных признаков сопоставляемых пропозиций) реализуется лишь один тип соотношения – с инверсией вектора, причем инверсия, изменяющая обозначаемый ядерным элементом максимальный предел на **минимальный**, затрагивает не только шкалу вероятности, но и шкалу соотношения интегральных предикативных признаков: единственно реализуемое в утверждении возрастание предикативного признака сменяется единственно возможным при отрицании его убыванием.

При противопоставительном отрицании *даже* функционирует в составе градационных конструкций с восходящей и нисходящей градацией. При нейтрализации импликатуры неожиданности (она погашается семантикой противопоставительного союза *а*), наиболее прозрачным становится механизм актуализации двойной скалярной импликатуры:

при сохранении направленности вектора на шкале вероятности – от наиболее ожидаемого к наименее ожидаемому и, наконец, к неожиданному элементу, вектор на второй шкале – интегрального предикативного признака (в зависимости от контекста – прагматического статуса градуируемых элементов) – получает возможность изменять направление своего развития от «меньшего» к «большему» и наоборот. Именно контекст противопоставительного отрицания позволяет точнее всего описать одно из важных свойств скалярной импликатуры: *даже* указывает на «предел приемлемости» ядерного элемента Q, на то, что его актуализация в принципе потенциально возможна в заданной ситуации. Более широкие возможности функционирования *даже* в контекстах с противопоставительным отрицанием демонстрируют также примеры с «утвердительно-отрицательным» соотношением предикатов в сопоставительных конструкциях, что по определению невозможно в соединительных конструкциях, поскольку при этом разрушались бы семантические связи в трехвалентной семантической структуре частицы *даже.*

Литература

1. Акопян К.С. Штрихи к лингвистическому «портрету» частицы *даже* и ее армянских эквивалентов // Филология. (Коллективная монография). Кн. 1. Ереван, 2015.
2. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
3. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.

И.Р. Игнатченко
IRIgnatchenko@pushkin.institute
канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

НУЛЕВОЙ ЗНАК КАК НОРМА ЯЗЫКА И РЕЧИ

Ключевые слова: эллипсис; функциональный инвариант; односоставность; оппозиция.

Аннотация: В статье эллипсис рассматривается нетривиально как норма языка и речи. Определяются границы языкового эллипсиса, его соотношение с односоставностью, генетическая общность с речевым эллипсисом. При определении критериев отграничения от речевого эллипсиса учитываются такие параметры, как связь с текстом, характер оппозиционных отношений.

I.R. Ignatchenko, Candidate for Doctorate in Philology, Associate Prof., Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

ZERO MARK AS NORM OF LANGUAGE AND SPEECH

Keywords: ellipsis; functional invariant; one-compound sentence; opposition

Abstract: This paper considered ellipsis in a non-trivial way as norm of language and speech. This study determined the bound of language ellipsis, its correlation with one-compound sentence, its genetic community with speech ellipsis. The definition of difference between language ellipsis and speech one took into account such characteristics as connection with text and type of oppositive relation.

Традиционно эллипсис считается прерогативой речи и рассматривается как факт синтаксиса речи в противоположность синтаксису языка. Если под эгидой речи существует определенное грамматическое явление – неполнота, то подобное явление должно существовать и в системе языка. «На всех уровнях языка выделяется два ряда коррелятивных единиц, один из которых принадлежит языковой системе, другой – речи. <…> одни и те же единицы, располагаясь в плане языка или в плане речи, нередко обладают прямо противоположными характеристиками» [1].

Направление развития эллипсиса из явления случайного, происходящего под влиянием экстралингвистических факторов, в элемент повседневного можно проследить на примере опущения глагола-связки «быть», которое еще в начале XX века воспринималось как психический акт и импровизация речи, но в настоящее время утратило свою разговорную окрашенность и превратилось в языковую норму.

Идея А.А. Потебни о первичности двучленной структуры подтверждает факт происхождения односоставных предложений типа *морозит, гремит* как результат элиминации речевой избыточности в тавтологических сочетаниях *мороз морозит, гром гремит* и т.п. На генетическую общность односоставных и неполных предложений указывает существование эксплицитно тождественных образований (**функциональных инвариантов,** далее **ФИ**). Лексико-морфологической базой таких предложений являются глаголы, используемые в личном и безличном значении, типа *везет, придется, хватит* и т.п. Параллелизм на уровне лексики и морфологии рождает параллелизм на уровне синтаксиса. Сравните: «*Меня на селе Апрелем величают. К прозвищу-то я больше привык. – Бывает, – согласился Злобин» (*М. Алексеев) и «*Никак Злобин наведывается? – Бывает. Только что проводили*». (М. Алексеев)

Границы односоставности и языкового эллипсиса не совпадают, понятие языкового эллипсиса шире односоставности и помимо односоставности включает различные структуры – не только одночленные односоставные, но и двучленные различных типов, где незамещенная позиция определяется как «синтаксический нуль».

Мысль о том, что конструкция с нулем максимально независима от контекста, абсолютно справедлива в отношении языковых эллипсисов, которые не имеют ФИ. Языковые инварианты косвенно зависимы от текста.

Оппозитивный анализ дает дополнительные данные для разграничения языкового и речевого эллипсиса.

Языковые эллипсисы образуют оппозицию с полными структурами в синхронном и диахроническом планах как

1) стилистически маркированный вариант

Смотри – Ты смотри; Иду – Я иду **(1)**

2) структурный или коммуникативный инвариант

Зовут – Они зовут; Пойдем! – Мы пойдем; Сына! – Я люблю сына **(2)**

3) анахронический вариант (невозможный в современном русском языке)

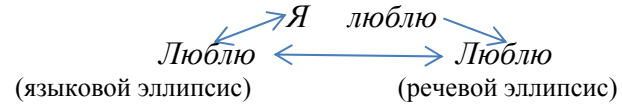
Морозит – Мороз морозит **(3)**

Языковые эллипсисы включаются в два типа отношений:

1) эквиполентные **(2)**

Языковой эллипсис образует две эквиполентные оппозиции: а) с полной соотносительной структурой (коммуникативный или структурный инвариант) и б) с речевым эллипсисом (функциональный инвариант). Полная структура и речевой эллипсис образуют привативную оппозицию, где полная структура сохраняет свою стилистическую немаркированность;

и 2) привативные отношения (**1**).Эти отношения формируются в оппозиции определенно-личных предложений (слабый член) с полной стилистически маркированной соотносительной структурой. С ФИ определенно-личные предложения, как любой языковой эллипсис, образуют эквиполентную оппозицию.



Способность определенно-личных предложений вступать одновременно в привативную и эквиполентную оппозицию связана с двойственностью природы этих предложений. С одной стороны, эллипсис в них определяется как норма языка (языковой аспект, эквиполентная оппозиция), с другой стороны, референциальная отнесенность местоимения выявляется только в конситуации (речевой аспект, привативная оппозиция).

Языковые эллипсисы с уникальной сочетаемостью типа *морозит, нездоровится* образуют тривиальную для речевых эллипсисов привативную оппозицию. Эллипсис в диахронии не является нормой языка, а представляет собой стилистически маркированный вариант полной структуры. Исторически нормированность сместилась в сторону эллипсиса, а полное предложение стало грамматическим архаизмом.

(Мороз) морозит ⟶ *морозит* (речевой эллипсис) … *морозит* (язык.эллипсис)

Таким образом, в оппозиции «эллипсис – полная структура» немаркированным, слабым членом является языковой эллипсис (эквиполентная и привативная оппозиции), а

речевой – сильный стилистически маркированный вариант (привативная оппозиция).

Литература

1. Ванников Ю.З. Синтаксис русской речи и синтаксические особенности разговорной речи. М.: УРСС, 2009.

В.Н. Климова
VNKlimova@pushkin.edu.ru
канд. филол. наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: функционально-коммуникативное описание языка; устная форма речи; текст; просодия.

Аннотация: в докладе идет речь об участии просодических средств в выражении смысловых отношений в устной речи и способах отображения этого явления в письменном тексте.

V.N. Klimova, PhD, Philology, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

TITLE OF PAPER: EFFECTING THE SEMANTIC POTENTIAL OF PROSODIC COMPONENTS IN WRITTEN TEXT

Key words: functional-communicative description of language; oral speech; text; prosody.

Abstract: In this work we discuss questions on the use of prosodic means of expressing the semantic relations in oral speech and its reflection in written text.

Функционально-коммуникативное направление позволяет создавать описание языка в его практической реализации, выявлять механизмы, обеспечивающие адекватное оформление языковыми средствами передаваемого содержания [1]. Основным источником и изучения языка и обучения языку является текст. Признавая первичность устной формы коммуникации, нельзя игнорировать, что она имеет многоканальный характер [2], из чего следует, что создатель письменного текста стремится передать информацию, «принадлежащую» мелодическому, спациальному (характеризующему расстояние между говорящим и слушающим), тактильному и парафонетическому (смех, плач, вздохи), свойственным устной коммуникации. Читающий – носитель языка – способен «слышать» текст, благодаря адекватной интерпретации лексических, грамматических, графических средств, передающих его звучание, то есть определенные просодические (акустические) характеристики.

Большой объем информации о модально-диктальном и эмоциональном содержании высказывания несут такие элементы просодии, как фразовые выделительные акценты [3]. Отмечена роль акцентуации как средства различения высказываний с актуализируемым диктумным или модусным значением [4], [5]. Следовательно, в письменном тексте должны иметься маркеры перепада тона, интенсивности, изменения длительности, тембра и ритма.

В выражении пропозициональных значений в устной речи участвует длительность при различении дополнений (большая длительность) и определений (меньшая длительность) в генетивных словосочетаниях и в сочетаниях с творительным падежом с предлогом *с*. Направление движения

тона на интонационном центре дифференцирует неопределенные смысловые отношения «причина vs следствие», «утверждение vs обоснование» [6]; направление движения тона и интенсивность реализуют смыслы неполного или достаточного обоснования в бессоюзных сложных предложениях.

Актуализация речевых интенций (передача чужой речи, переспрос, недоумение, возмущение и т.п.) регулярно реализуется благодаря регистровым различиям. Важность регистра для создателя текста подтверждается тем, что он регулярно маркируется в характеристике речи персонажей. Анализ сорока произведений русской художественной прозы позволил выяснить, что при введении прямой речи в предложениях, построенных по модели «глагол речи (говорения) + *каким* голосом», встречается большое количество определений к слову голос (всего выявлено 302 единицы – от *ангельский* до *ясный*), многие из этих слов либо прямо (*высокий, ровный, низкий*), либо метафорически (*писклявый, обычный, густой*) обозначают регистр произнесения: высокий, средний или низкий.

Просодические средства обладают огромным семантическим и прагматическим потенциалом. Синтагматическое членение, мелодический контур, интонационный центр, акцентное выделение, тембр, темп, ритм, громкость, длительность, регистр произнесения участвуют в выражении смысловых отношений в устной речи, что находит отражение в лексических, лексико-грамматических, пунктуационных, графических элементах текста.

Литература

1. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы // Вестник Московского университета. М. 2001. № 6.
2. Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. 1: Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 442. Тарту, 1978.
3. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Зиндер Л.Р. и др. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. Л., 1988.
4. Просодический строй русской речи. М., 1996.
5. Кодзасов А.В. Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
6. Изаренков Д.И. Обучение диалогической речи. М., 1981.

А.Г. Кротова
anakrv@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия

ИНТЕРНЕТ-ФРАЗЕОЛОГИЯ В НАБЛЮДЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ ГОВОРЯЩИХ

Ключевые слова: язык Интернета, интернет-фразеология, опрос.

Аннотация: В работе представлено описание результатов опроса, цель которого заключалась в определении степени семантической освоенности и эмоционального принятия сетевых фразеологизмов носителями русского языка.

A.G. Krotova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

INTERNET PHRASEOLOGY IN THE EVALUATIONS OF RUSSIAN SPEAKERS

Keywords: Internet language, Internet phraseology, inquiry.

Abstract: The paper presents the results of the inquiry, the purpose of which was to determine the degree of semantic development and emotional acceptance of Internet idioms by Russian speakers.

Специфика интернет-коммуникации, такие ее черты, как дистантность, поликодовость, анонимность, ведущая к свободе общения, интерактивность, гипертекстуальность, большая скорость распространения информации, позволяют говорить о формировании сетевого, или электронного языка, обладающего своими особенностями на каждом уровне (от графического до грамматического).

Изучение фразеологических особенностей языка Интернета началось относительно недавно, поэтому практически отсутствуют работы, посвященные специфически сетевым фразеологизмам, особенностям их семантики и употребления (см., например, работы В.Ф. Хайдаровой). Наше исследование посвящено именно таким фразеологическим единицам. Необходимо отметить, что фразеологизмы в интернет-коммуникации обладают весьма заметной спецификой: во-первых, они тесно связаны с интернет-мифологией и интернет-фольклором, персонажи которых часто становятся основой для фразеологических оборотов; во-вторых, интернет-фразеологизмы в большей степени, чем традиционные обороты, соотносятся с понятием моды, меняющей-

ся достаточно быстро, поэтому «жизнь» таких выражений «насыщена», но довольно коротка; в-третьих, современные интернет-фразеологизмы часто основаны на языковой игре, на нарушении языковых, особенно орфографических, норм (в этом проявляется влияние «олбанского языка», который пока еще не окончательно устарел).

Цель нашего исследования: определить степень семантической освоенности и эмоционального принятия сетевых фразеологизмов носителями русского языка.

Для достижения поставленной цели нами был проведен опрос, участникам которого было предложено 8 сетевых фразеологизмов и задано несколько вопросов к ним. Участниками опроса выступили школьники и студенты различных специальностей в возрасте от 17 до 25 лет (всего получено 80 опросных листов). Практически все респонденты оценили свой уровень владения Интернетом как хороший/высокий и отметили, что используют Сеть часто/постоянно.

Как уже говорилось, информантам было предложено 8 сетевых фразеологизмов: Капитан Очевидность, разводить холивары, В Бобруйск!, ржу нимагу, 256 раз, сферический конь в вакууме, градус неадеквата, Ктулхо зохавает всех! Их отбор производился на основе научных статей и «Краткого словаря интернет-языка» В.Ф. Хайдаровой, данных сайта lurkmore.ru и собственных наблюдений. Фразеологизмы нужно было оценить, опираясь на следующие вопросы: 1. Что означает устойчивое выражение? 2. В какой ситуации оно используется? 3. Как вы относитесь к данному выражению (нравится, раздражает, вызывает смех, вызывает неприятие и пр.)? 4. Используете ли вы данное выражение в своей речи?

Наиболее известным и положительно оцениваемым является выражение Капитан Очевидность. 97% информантов отметили, что знают этот фразеологизм. По их мнению,

этот оборот означает человека, говорящего очевидные вещи, объясняющего то, что и так всем понятно. При этом многие информанты (42%) уточнили, что существует и усеченный вариант этого выражения – кэп – который используется ими чаще. Несколько человек (9%) оценили это выражение как устаревающее, выходящее из употребления, теряющее свою привлекательность, «баян». Но при этом отмечалось, что выражение уже «перешло из интернета в реал». У 10% респондентов этот фразеологизм вызывает неприятие, раздражение, отрицательную реакцию; 30% выразили свою положительное отношение (интересное, смешное, забавное); 60% относятся к этому выражению нейтрально. 53% информантов употребляют эту единицу в своей речи, однако нечасто, редко, от случая к случаю. Тем не менее этот фразеологизм имеет наиболее высокий показатель по употреблению (ср. ржу ни магу – 29%; разводить холивары – 15%; 256 раз – 15%): даже те респонденты, которые отмечали, что никогда не используют подобные выражения, указывали на применение этого фразеологизма. В целом, можно отметить, что оборот Капитан Очевидность, действительно, вышел за пределы интернет-коммуникации и является относительно освоенным молодыми носителями языка.

Самым непонятным, малоизвестным и отрицательно оцениваемым стало устойчивое выражение Ктулхо зохавает всех! (Ктулхо – персонаж повести Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху» и популярный мем Рунета; пробуждение Ктулхо связывается с концом света). Что касается значения данного выражения, то мало кто из респондентов смог его точно определить (наверное, потому, что точного значения в принципе не существует): некоторые отмечали, что значение знают, но объяснить не могут; или же у выражения нет значения, это бессмыслица, интернет-фразочка, которая не несет смысл. Часть респондентов все-таки формулировала

значение как я могу вас всех победить; все обречены; мифическое существо всех убьет; угроза, что-то захватит мир; ситуация безысходности; угроза кары Господней; безысходность бытия.

У 35% респондентов данное выражение вызывает негативные эмоции; 7% оценили его как смешное, забавное, интересное; 38% относятся к нему нейтрально. Как нам кажется, отрицательное отношение может вызываться как непонятностью значения и образного основания оборота, так и его внешней формой, характерной для «олбанского языка». В целом отметим, что данное выражение «широко известно в узких кругах» интернет-мифологии и скорее всего уже не выйдет за пределы сетевой коммуникации.

Подводя итог, подчеркнем, что интернет-фразеологизмы, выбранные нами для опроса, обладают разной степенью семантической освоенности: хорошо известными, понятными и относительно активно употребляемыми являются такие обороты, как Капитан Очевидность, разводить холивары, ржу ни магу, 256 раз. Эмоциональное принятие вызывает, по сути, только один фразеологизм – Капитан Очевидность; остальные обороты не получили более или менее однозначной оценки. Радует, что молодые носители языка осознают принадлежность этих выражений интернет-коммуникации и стараются не злоупотреблять ими в своей повседневной речи.

А.В. Михайлов
avm_2006_64@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета, Красноярск, Россия

ИДЕОЛОГЕМЫ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ

Ключевые слова: идеологема, публицистические тексты, понятия и концепты.

Аннотация: В работе ставится вопрос о понимании идеологемы как инструмента, формирующего ожидания адресата и создающего внутритекстовую систему смыслов. Внедряемые «сверху» идеологемы становятся максимами в текстах для внутреннего восприятия и внешнего поведения российского социума.

A.V. Mikhaylov

IDEOLOGIES AS THE BASIS OF PRAGMATICS OF THE TEXT

Key words: ideologeme, publicistic texts, concepts and concepts.

Abstract: Discussed in the article about the understanding of ideologems as a tool for shaping the expectations of the addressee and creates intra-textual system of meaning. Implement "top-down" ideologies become maxims in the texts for internal and external perception of the behavior of Russian society.

На основе анализа выступлений президента России В.В. Путина, опубликованных в СМИ в конце 2000-х и на-

чале 2010-х гг., автор выявляет идеологически значимые элементы текстов − конструкции с семантикой долженствования, обращенные к ряду внутренних и внешних аудиторий. Определяется сумма идеологем, которая может лечь в основу «национальной русской/российской идеологии» в XXI веке.

Автор полагает, что система идеологем характеризуется как *база для построения «национальной **идеи**»,* или *«национальной идеологии»*. Актуальность работы определяется исторической преемственностью идей этнического взаимодействия и развития государственности России, осознанием идеологической атмосферы нынешней России как продолжательницы российской историософии. Крайне важна при этом роль языка и его средств в (само)осознании России во внешнем мире и в формировании институтов связности и разнообразия ее внутреннего общества.

Кроме материалов публицистических выступлений лидеров общественного мнения России, опубликованных в СМИ или отдельными изданиями, изучаются и мнения, и определения исследователей идеологии и форм ее осуществления.

Объект исследования − постулаты, извлекаемые из политических текстов и становящиеся идеологемами. В связи со сложностью интерпретации смысла идеологемы критическому разбору подвергаются ее определения в ряде российских лингвистических работ. Целью исследования становится характеристика функций идеологем для достижения прагматического воздействия текста. В работе приводится характеристика идеологем на основе прагматического признака. Для вычленения идеологем и их формулирования в текстовой структуре производится сопоставление ключевых лексем и их коннотативных смыслов.

Семантика коллективной оценочной установки на осуществление целенаправленной ментальной или физической, но

всегда социальной деятельности делает идеологему инструментом влияния.

Лексема или словосочетание могут становиться идеологически значимыми только в ходе использования для такого влияния на социальные группы, которое предполагает социальные политические действия (типа голосования, пикета, митинга, шествия, бунта, революции и т.п.). На этом фоне особенно показательно использование лексемы *майдан*. До событий конца 2013 – начала 2014 гг. эта лексема не обладала политическими смыслами, после же почти утратила свое обычное значение.

Автор исходит из того, что *идеологема* может не быть названа прямо (словом, словосочетанием, высказыванием), а может истолковываться и формулироваться из анализа целого текста, группы текстов, дискурса, будучи имплицированной в него. См, например, текст «Манифеста Коммунистической партии», где наблюдается импликатура идеологем. Финальное высказывание этого текста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» называет прямо идеологему необходимости объединения пролетариев всего мира для борьбы с буржуазией, а внутри нее лежит идеологема необходимости признания разделения человечества на пролетариев и буржуазию с жесткой конфронтацией между ними. Необходимо, возможно, подойти к определению и описанию идеологемы с точки зрения компромиссной, предполагая возможность ее множественного истолкования. Автором предлагается интерпретировать идеологему прежде всего как аналог «ключевого сообщения» (термин из области маркетинговых коммуникаций): 1) *простые высказывания, описывающие то содержание, тот смысл, который должен извлечь из обращения к нему (текстового или нетекстового) адресат, на основе понимания и принятия которого (т.е. смысла) адресат побуждается к*

производству социальных действий, предлагаемых автором в тексте.

При этом идеологема может иметь и другие значения:

2) лексическая единица текста, позволяющая интерпретировать политические, социально-экономические, эстетические пристрастия автора;

3) лексическая единица языка, обладающая потенцией к приобретению политических коннотаций в контекстах;

4) лексическая единица, обладающая политическими коннотациями.

Значение лексемы *идеологема* можно сближать, очевидно, и со значениями лексем, в некоторых случаях становящихся терминами, − *концепт*, *идея*, *смысл*. Важно то, что ведущая идеологема текста формирует систему смыслов в нем, т.е. (по М.М. Бахтину) «оркеструет» социально-идеологические смыслы. Политические трансформации в России в XX веке и реалии (скорее международные, нежели внутренние) начала XXI века побуждают ответственную за будущее часть российского сообщества к формулированию целостной идеологии, могущей *скрепить* народный организм в целое. Важным отличием эпох и обстоятельств формирования идеологий становится то, что в конце XIX – начале XX вв. философ обращался к широкому кругу лиц, но менее всего к царю, и еще менее царь мыслился как реформатор в духе предлагаемых идеологем. В современной ситуации общество в лице мыслителей обращается изначально не к такому же сообществу мыслителей, а к руководителю страны и его окружению. Более существенно, что к обществу обращается первое лицо страны с целью предложения идеологем и целостной идеологии, «национальной идеи» (новой «русской идеи»). Необходимость совершенствования описания идеологем очевидна, что должно побуждать исследователей к выработке принятого сообществом инструментария описания.

О.В. Алексеева
ovalekseeva@pushkin.institute
аспирант Государственного институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ГРАММАТИКА В МЕДИАЛИНГВИСТИКЕ: ЗОНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ)

Ключевые слова: медиалингвистика, неопределенность, манипуляция, глаголы, двувидовые глаголы.

Аннотация: На сегодняшний день медиадискурс имеет в своем арсенале множество способов эффективного влияния на аудиторию, включая манипулирование тонкими смыслами русской грамматики.

Большой потенциал для тонкого и эффективного манипулирования имеют двувидовые глаголы благодаря сочетанию аппозитивной семантики в одном глаголе или омонимичной форме разных по виду глаголов в другой трактовке. Рассматривается зона неопределенности смысла, ведущая к возникновению недопонимания.

GRAMMAR IN MEDIALINGUISTICS: INDETERMINATE AREA (ON THE MATERIAL OF USING TWO-TYPE VERBS)

Key words: medialinguistics, indeterminacy, manipulation, verbs, two-type verbs.

Abstract: Today mediadiscource has lots of ways to influent an audience including manipulation with subtle meanings created by grammatical means. Mass communication is not limited by

strict frames. It has a large audience with different level of background and preparation of perception. Two-type verbs have a great potential for effective manipulation due to the combination of appositive semantics in one verb or homonymous form of different verbs. In this manner indeterminate area leading to misunderstood is created.

Медиалингвистика – молодая отрасль лингвистического знания, новая парадигма в изучении языка средств массовой коммуникации. Предметом этой дисциплины является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации, коммуникативное поведение медиаперсон, стратегии воздействия на массового адресата.
Актуальность исследования кроется в огромной и постоянно растущей роли средств массовой коммуникации в современном обществе. Задачей журналиста является создание медиадискурса, способного убедить ближнюю и дальнюю аудиторию, неосведомленного зрителя/читателя, частично владеющего излагаемыми фактами, и эксперта.
В манипулятивных технологиях становится типичным приемом затемнение первоначального смысла высказываний с помощью сконструированного контекста и языковых средств, прежде всего, с целью сокрытия реального положения дел и результатов какой-либо деятельности самого коммуниканта или того лица, чьи интересы он представляет.
Медиадискурс использует самые изощренные способы влияния на аудиторию, включая манипулирование такими тонкими смыслами, которыми располагает грамматика. В своем арсенале она имеет множество средств, которые позволяют представить нелокализованность процессов, ситуаций, фактов. Так возникает зона неопределенности (к грамматическим средствам ее создания относятся место-

имения, наречия, двувидовые глаголы, способы глагольного действия и др.).
Большой потенциал для тонкого и эффективного манипулирования имеют двувидовые глаголы. По своей природе они представляют синтетический тип грамматической семантики, заключающийся в содержании аппозитивной семантики в одном глаголе или омонимичной форме разных глаголов. Сосуществование двух противоположных значений в одном глаголе – это очень большая возможность для манипуляции смыслом высказывания в целях прагматического воздействия.
Подобная зона неопределенности ведет к возникновению недопонимания, которое может быть при желании устранено в последующем контексте (в случае, если коммуникантом была допущена ошибка в построении высказывания) либо закреплено и усилено им как запланированное замалчивание фактов.

Ван Янь
wang_yan09@hotmail.com
аспирант СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ДЕЛОВОЙ ПРЕССЕ

Ключевые слова: отношения сопоставления; языковые средства выражения, эмоционально-экспрессивный потенциал.

Аннотация: В статье рассматриваются сложноподчинённые сопоставительные предложения и их экспрессивные возможности, проявляющиеся в текстах деловой прессы.

Van Yan, PhD student, St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg

COMMUNICATIVE FEATURES OF THE COMPARATIVE COMPLEX SENTENCES IN THE BUSINESS PRESS

Keywords: comparison relations; language means of expression, emotional and expressional potential.

Abstract: In article the complex comparative sentences and their expressional opportunities, which are shown in texts of the business press, are considered.

Сопоставительные отношения, состоящие в обнаружении сходства или различия между двумя предметами, действиями, явлениями, ситуациями, могут быть представлены в составе простого и сложного предложения, а также целыми текстовыми единицами [1: 323]. Самой характерной формой выражения, однако, является сложноподчинённое предложение с большим набором не только союзных средств, но и сопровождающих их синтаксических приёмов, в том числе включение в более сложные конструкции Широкое использование их в деловой прессе объясняется её аналитизмом, обращённостью к актуальным явлениям прежде всего экономической жизни, где выявление различий между объектами сопоставления становится исходным моментом выяснения причин, следствий, внесения предложений и т.п. Например: *«Новая система финансирования подразумевает, что* (1) ***чем качественнее*** (2) ***школа*** *дает знания,* (1) ***тем больше денег*** *ей выделяют, и* (1) ***чем качественнее*** *работает тот или иной* (2) ***учитель***, (1) ***тем выше*** *у него* ***зарплата*]*»* («Коммерсантъ Деньги» №8 (765), 2010).

Если официально-деловое общение в целом характеризуется почти полным отсутствием эмоционально-экспрессивных средств, то наблюдение за деловой прессой обнаруживает нередкое обращение к подобным средствам, к которым можно отнести конструкции синтаксического параллелизма, эллипсис вместе с лексическим повтором, а также парцелляцию [2]: *«Госкорпорации были созданы не на базе частного капитала, а в основном на базе государственного. Или вот ВЭБ.* (1) *Его портфель кредитов увеличивается* ***на $3–4 млрд в год***. (2) ***Тогда как*** *банки в 2011 году увеличили свой кредитный портфель* ***более чем на $100 млрд***. *Правда, в общем объеме инвестиционных кредитов доля ВЭБа гораздо заметнее».* («Коммерсантъ Деньги» №5 (862), .2012).

Повышение экспрессивного тонуса текста, его коммуникативная маркированность могут быть обусловлены рядом причин: проявлением качеств публицистического стиля, ориентированного на формы социальной оценки, актуализацией сопоставления как приёма организации повествования, наконец, «модельным» характером самой конструкции, допускающим широкие возможности лексического наполнения и синтаксического варьирования.

Литература

1. Юдина Л.П. Выражение сопоставления / Книга о грамматике. Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / Под ред А.В. Величко. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта: Наука, 2006.

Т.В. Аннушкина
tatiannushkina@rambler.ru
аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ МОНОЛОГ КАК ЖАНР УСТНОЙ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ: К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ И СТИЛЯ ТОРЖЕСТВЕННО-ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Ключевые слова: торжественная речь, научно-профессиональная речь, официально-деловая речь, содержание, композиция, стиль.

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие официально-делового поздравления в профессиональной сфере с точки зрения содержания, композиции, стиля, а также выделяются основные приемы для реализации замысла речи.

T.V.Annushkina, PhD student, State Pushkin Russian Language Institute, Russia, Moscow

GREETING MONOLOGUE AS A GENRE OF ORAL BUSINESS SPEECH: TO THE PROBLEM OF SOLEMN MEETINGS' CONTENT AND STYLE

Key words: epideictic, business monologue, praise, content, style, composition.

Abstract: The paper deals with the epideictic oratory in ceremonial business situations through its content, composition and style, also it names different tricks in realisation of speech purpose.

Поздравительная речь (для ее называния научная традиция сформировала множество терминов: эпидектическая, хвалебная, торжественная, праздничная) существует не только в бытовой сфере, но и в официально-деловой, и в государственно-политической. Устная официально-деловая профессиональная речь в ее эпидейктических жанрах применительно к научно-филологической аудитории, которая явилась предметом наших наблюдений, – чрезвычайно интересный феномен, соединяющий свойства официально-делового, научного и разговорно-бытового стилей.

Предметом нашего анализа явились торжественные речи на собраниях Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, рассмотренные с точки зрения общей композиции собрания как мегажанра, тематики выступлений, содержания с типами аргументации и стиля речи, включающего анализ лексики, синтаксиса, произношения и наблюдения над идиостилем говорящих. Данный тип поздравительной речи условно отнесен нами к *устной официально-деловой научно-профессиональной* речи, хотя, как будет показано ниже, в данных речах будут встречаться и характеристики других стилей. Эта речь – *устная*, поскольку, нередко имея письменный прототип, она реализуется в устной форме, иначе говоря, данный тип ораторской речи в большей степени ориентирован на письменную речь; эта речь – *официально-деловая*, поскольку произносится в официальной обстановке собрания и, несмотря на свою «праздничность», не может не относиться к тому «делу», которым профессионально занимаются собравшиеся; эта речь – *научно-профессиональная*, ибо произносится в сообществе специалистов-профессионалов (ученых и педагогов), которые при ориентации на некоторые «общие правила» построения поздравительных речей обязательно высказывают идеи, касающиеся их профессии. В последнем смысле мы и склонны наз-

вать ее *научно-профессиональной*, поскольку элементы научного стиля присутствуют в построении каждой речи.

Основные выводы нашего исследования:

1. Поздравительная монологическая речь на торжественных мероприятиях в профессиональном сообществе филологов-русистов – это сложное **композиционное и содержательно-стилевое образование**, требующее современного творческого изобретения. По условиям, ситуации и стилю общения эта речь может быть названа устной официально-деловой научно-профессиональной речью с элементами художественно-выразительного стиля.
2. **Содержанием** поздравительной речи являются некоторые основные общечеловеческие и профессиональные ценности (идеи, положения, общие места), которых придерживаются в данном сообществе. Ср.: *любовь к великому русскому языку, стиль взаимоуважения, щедрость, полноценная, яркая жизнь* и т.д. В классических риториках эти идеи объединялись понятиями «прекрасного и благого».
3. **Стиль** этой речи, кроме традиционных качеств правильности, ясности, чистоты, предполагает богатство и разнообразие выражений, уместную распространенность речи, которая должна показать способность находить нужные слова (**лексический** аспект), соединять эти слова в удачные фигуры речи (**синтаксический** аспект), выражать в эффективном **произношении** (ритм речи, паузация, логические ударения, интонирование речи и нек. др.). Каждый оратор стремится при этом сформировать собственный **идиостиль**.
4. Замысел и воплощение поздравительной речи имеют определенные приемы в подготовке и реализации. Эти приемы достаточно традиционны, и важно, чтобы ораторы осознавали свой практический опыт. При всем разнообразии большинство речей строится на следующем: 1) обсуждение одного-двух доказываемых тезисов (ср. речь

В.Г. Костомарова); 2) построение речи на основе афоризма, крылатого выражения (речь Е.К. Петривней); 3) распространение одного избранного «ключевого слова» (ср. «щедрость» в речи Н.Д. Бурвиковой) или целого комплекса слов (речь Л.В. Фарисенковой).

5. Краткая поздравительная речь имеет определенную композицию: обращение (если оно неофициальное, то оратор часто использует собственные «личные» обращения); называние темы (праздника или юбилея); основная часть (доказательство сформулированного тезиса или нескольких тезисов); пожелание на будущее; выражение чувств (например, радости и гордости); заключение (призыв, благодарность за внимание).

Литература

1. Михальская А.К. Основы риторики. 10−11 кл.: Учеб. Для общеобразоват. учреждений. 3-е изд., стереотип. М., 2002. 496 с.

2. Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.

3. Формановская Н.И. Поздравление 1 // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М., 2003. – С. 481−482.

Источники анализируемого материала

1. Видеозапись «40 лет Государственному институту русского языка имени А.С. Пушкина».

2. Видеозапись «Выпускной вечер бакалавриата филологического факультета Гос. ИРЯ имени А.С.Пушкина» 2005 г.

А. Либшнер
andrea.liebschner@yandex.ru
аспирантка по русскому языку, преподаватель немецкого языка, магистр славистики Университета Глазго, Великобритания

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ КОГЕЗИЯ В ПУБЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

Ключевые слова: социальная сеть, когезия, вербальный текст, невербальные средства.

Аннотация: Статья посвящена мультимодальной когезии в коммуникации социальной сети «Вконтакте». Рассматриваются особенности взаимоотношения вербальных текстов и невербальных средств в публичных сообщениях.

Andrea Liebschner, PhD student in Russian, M.A Slavonic studies, Tutor for German, University of Glasgow, United Kingdom

MULTIMODAL COHESION IN PUBLIC MESSAGES OF THE SOCIAL NETWORK *VKONTAKTE*

Keywords: social network, cohesion, verbal text, visual elements.

Abstract: The article is devoted to multimodal cohesion in the communication of the social network *Vkontakte* The author considers some peculiarities of the connection between verbal text and nonverbal elements in public messages of *Vkontakte.*

В данной работе анализируются лингвистические отношения между сообщениями на стене в социальной сети «Вконтакте», в том числе использование мультимодальной когезии. Мультимодальная когезия представляет разновидность когезии, которая не ограничена на вербальным текстом. Возможна когезия также между, например, картиной и вербальным текстом. По словам Батемана, вербальные и визуальные средства могут вместе создать мультимодальный коммуникативный акт [1]. Когда, например, картина и вербальный текст делят те же самые когезивные средства, тогда они преодолевают границы текста и создают новый смешанный вид сообщения, который не мог бы появляться теми же отдельными видами по отдельности [1]. Части вербального текста отсылают тогда на отдельные визуальные элементы картины. Ройс называет такие средства визуальными, невербальными элементами сообщения, которые являются частью, например, картины или фотографии. Визуальные элементы сообщения представляют форму вербального слова в предложении. Ройс описал взаимоотношения между визуальными и вербальными средствами в текстах и картинах следующей терминологией: *представленный участник* (находится в визуальных рамках – живое существо или предмет), *представленный процесс* или *действие* (что происходит и кто или что принимает участие), условие и контекст действия и качество и характеристики участников [3: 70–71]. Кроме того Ройс различает мультимодальные, когезивные средства: *повтор, синонимию, антонимию, гипонимию* и *меронимию* для анализа мультимодальных отношений. Его терминология основана на исследовании Хеллидея и Хасана о когезии в английском языке, которые различают *референтность, эллипсис, субституцию, союзы* и *лексическую когезию* [2]. Ройс использует по сравнению с ними только средства *лексической когезии* по их терминологии. Могут

ли только появляться когезивные средства мультимодальной когезии, упомянутые Ройс в сообщениях «Вконтакте» или также другие средства?

В рамках данного исследования анализированные примеры публичных сообщений на стене трех выбранных русских групп в «Вконтакте», состоящих из 1808 сообщений, собранных в период с 2011 по 2014 гг., показывали, что используются следующие мультимодальные когезивные средства: *коллокация, прямой повтор, референтность* и *эллипсис* для установления связи между отдельными сообщениями в «Вконтакте» и вербальным и невербальным содержанием. Возможна когезия также между вербальным текстом и *аудиофайлами, видеофайлами, фотографиями* или *гиперссылками.* Кроме того взаимоотношения между *аудиофайлами, видеофайлами, фотографиями* и вербальными средствами описываются элементами *представленный участник* и *представленный процесс* или *действие* на основе методологии Ройс [3]. В рамках данного исследования анализировалась мультимодальная когезия между вербальным текстом и невербальными средствами в публичных сообщениях на стене в «Вконтакте».

Литература

1. Батеман: Bateman, John. 2014. Text and image: A critical introduction to the visual/verbal divide. New York: Routledge.
2. Хеллидей и Хасан: Halliday, Michael A.K; Hasan, Ruqaiya (1976). Cohesion in English. London: Longman.
3. Ройс: Royce, T. Inter-semiotic complementarity: A framework for multimodal discourse analysis. In *New directions in the analysis of multimodal discourse*.

Е.В. Чистова
EVChistova@pushkin.institute
аспирант Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ПОЛИГЛОССНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Ключевые слова: русский язык, языковая личность, полиглоссность, дифференциация языка.

E.V. Chistova

ON THE MATTER OF LINGUISTIC PERSONALITY POLYGLOSSITY

Keywords: Russian language, linguistic personality, polyglossity, language diversity.

Многообразие разновидностей национального языка – вопрос, интересующий исследователей на протяжении всего периода существования лингвистической науки. Традиционно принято соотносить это разнообразие с дифференциацией общества, с особенностями тех или иных социальных (возрастных, культурных и пр.) групп носителей языка. В результате данного подхода были достаточно подробно описаны разновидности русского языка: в рамках стилистики были проанализированы функциональные типы литературного языка (функциональные стили), внелитературные формы языка (диалект, жаргон, арго, сленг) описывались преимущественно в социолингвистических исследованиях. Однако «наложения» структуры общества на типологию подсистем национального языка так и не получилось: коды и субкоды не распределены по социальным

группам равномерно, вследствие чего наблюдаются некоторые ассиметрии: использование одной подсистемы языка разными социальными группами и использование разных подсистем языка внутри одной группы. Это значит, что представитель той или иной социальной группы, в свою очередь, владеет несколькими подсистемами языка и определенным образом ранжирует их в своей коммуникативной деятельности. Несомненно, это явление было характерно для речевой практики в разные периоды истории (достаточно вспомнить диглоссию на Руси и в средневековой Европе), однако именно сейчас полиглоссность носителя языка получила особое распространение. На наш взгляд, это обусловлено следующими факторами современной жизни:

1. Обилие информации и текстов – современный человек ежедневно сталкивается с огромным количеством текстов разных видов и тематики. Чтобы ориентироваться в этом потоке информации, необходимо владеть довольно внушительным лексиконом, включающим как общеупотребительные слова, так и специальную лексику из разных сфер человеческой жизни. Также немаловажно то, что с появлением интернета значительно повысилась доступность и открытость информации. Все вышеперечисленное приводит к тому, что среднестатистический житель города усваивает несколько разновидностей языка, в том числе функциональные типы, не имеющие прямого отношения к его профессиональной деятельности.
2. Разнообразие сфер общения – в настоящее время в обществе появляется все больше сфер деятельности, создающих новые социальные роли, которые, в свою очередь, приводят к появлению собственных стандартов общения. В качестве примера подобных «новшеств» можно привести интернет-общение, в рамках которого появилось множество разновидностей коммуникации (язык чата, блога,

интернет-комментария, поста и т.д.). Даже внутри небольших социальных групп общение может приобретать собственные специфические характеристики [4: 672–680]. Таким образом, человек оказывается включен в множество сфер общения, каждая из которых обладает своими особенностями речевого поведения.

3. Владение несколькими разновидностями языка, а также способность адекватно переходить с одной подсистемы на другую становится в таком случае требованием времени, обязательным условием успешного общения, а, следовательно, неотъемлемым компонентом коммуникативной компетенции. Так, О.Б. Сиротинина, описывая полнофункциональный (элитарный) тип речевой культуры, среди ее характеристик упоминает способность свободного перехода от одной разновидности языка к другой [5: 685]; Л.П. Крысин также говорит о способности к кодовым переключениям как о показателе высокой степени владения языком [3: 378]. Вместе с тем, ошибки в выборе того или иного типа языка в определенной ситуации общения, неспособность адекватно соотнести используемый регистр со сферой деятельности зачастую приводят к серьезным коммуникативным неудачам. Для понимания механизма формирования у носителя языка подобного рода компетенции необходимо внимание именно на способность говорящего к владению несколькими разновидностями языка и их смене в процессе коммуникативного акта. В этом случае нам представляется оптимальным рассмотрение полиглоссности с позиций теории языковой личности. Согласно определению Ю.Н. Караулова, языковая личность рассматривается как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений» [2: 3]. В более подробной характеристике языковой личности, предложенной Г.И. Богиным, упоминается такой параметр, как способность к отбо-

ру наиболее подходящих средств в той или иной ситуации общения [1]. Более подробный анализ этой способности позволит нам выявить специфику соотношения подсистем языка у говорящего, а также раскрыть механизм выбора того или иного регистра в процессе коммуникации.

Литература

1. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986.
2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989.
3. Крысин Л.П. Кодовые переключения в речевом поведении говорящего // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
4. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях // Русское слово, свое и чужое. М., 2004.
5. Сиротинина О.Б. Типы речевой культуры // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Красноярск, 2014.

А.А. Рачёва
aleksandracheva@yandex.ru
аспирант Иркутского государственного университета,
Иркутск, Россия

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ДИСКУРСЕ: *ЭТОТ* КАК ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО

Ключевые слова: дискурс, когнитивный подход, устная речь

Аннотация: Доклад посвящён проблеме функционирования местоимения *этот* в текстах глубинных интервью. Единица рассматривается с точки зрения её роли в организации дискурса, что предполагает связь особенностей

употребления с когнитивными механизмами порождения спонтанной речи.

A.A. Racheva, graduate student of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

DEICTIC UNITS IN THE DISCOURSE: *ETOT* AS A DISCOURSE MARKER

Key words: discourse, cognitive approach, oral speech.

Abstract: The paper is devoted to the problem of functioning of the pronoun *etot* in in-depth interview texts. The analyzed unit is studied in terms of its role in discourse organization, which presupposes a connection between the peculiarities of use of discourse markers and the cognitive mechanisms of spontaneous speech production.

Сегодня антропоцентрическая парадигма продолжает оставаться определяющей для современного языкознания: основной задачей исследователей стало выявление всего многообразия проявлений человеческого фактора в языке и речи. В связи с этим одним из самых популярных подходов к анализу языковых явлений стал когнитивно-дискурсивный подход, предполагающий осуществление «целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы» [2: 51].

Интерес к многообразным дискурсивным явлениям и их связи с мыслительными процессами обусловил обращение лингвистов к исследованию не рассматриваемых ранее функций языковых единиц: их роли в организации и контроле дискурса, маркирование затруднений при речепорождении и пр.

В рамках данного доклада рассматриваются дискурсивные функции *этот* (и субстантивированной формы *это*). Материалом исследования является корпус текстов глубинных интервью, записанных с 2009 по 2012 г. в рамках проекта «Устная история Иркутска». Метод глубинного интервью позволяет исследователю получить текст значительного объёма, который даёт богатый материал для изучения различных явлений, характерных для устной речи.

Анализ материала позволил установить, что прототипическая для данной единицы функция указания реализуется в малом количестве контекстов. Значительную долю примеров составляют анафорические употребления. Однако подобные употребления представляют собой не синтаксическую, а дискурсивную анафору – явление более фундаментальное и сложное, но при этом гораздо менее изученное (см. [1]), что обусловливает многообразные и часто нетипичные формы реализации анафорической функции у исследуемой единицы.

Список функций анализируемой единицы не ограничивается указательной и анафорической: в большом количестве контекстов местоимение *этот* употребляется как маркёр препаративной подстановки [3], а также используется в акцентирующей функции.

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи, когда данная единица выражает отрицательную оценку лица (см. пример: ***Эти-то, эти*** *бы вообще натворили чудес*).

Для адекватного описания всех названных типов употреблений необходим учёт когнитивно-дискурсивных механизмов, позволяющих говорящим осуществлять продуцирование и контроль дискурса.

Литература

1. Кибрик А.А. Анафора [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет» // Режим доступа:

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANAFORA.html (дата обращения: 24.12.2015).
2. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4.
3. Подлесская В.И., Хуршудян В.Г. О лексических маркёрах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006» // Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/ Podlessk aya.htm (дата обращения: 24.12.2015).

А.В. Романтовский
AVRomantovskij@pushkin.institute
аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ЛИТУРАТИВ КАК ФАКТОР ПОРОЖДЕНИЯ ГРАММАТИКИ ИСКЛЮЧЁННОГО ЗНАКА

Ключевые слова: русский язык в интернете, интернет-коммуникация, креолизованный текст, литуратив, система и узус.

Аннотация: В тезисах рассмотрено влияние зачёркивания (также известного как литуратив) на порождение грамматики исключённого знака. Отмечены проблемы, возникающие при лингвистическом описании данного явления. Показаны изменения в речевой реализации элементов языковой системы.

A.V. Romantovskiy, Research Scholar, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

LITURATIVE AS A GENERIC FACTOR OF THE GRAMMAR OF EXCLUDED SIGN

Keywords: Russian language in Internet, internet communication, creolized text, liturative, system and use.

Abstract: The paper deals with the influence of strikethrough (also known as liturative) upon the genesis of grammar of excepted sign. The problems of the linguistic description of the phenomenon are examined. Changes in verbal realization of language system is demonstrated.

В интернете бытование языка обрело новую ипостась – наряду с устной, письменной, печатной – дисплейную. В.Г. Костомаров отмечает, что «в дисплейных текстах очень важна изобразительность» [3, 43]. Процесс привнесения в вербальный ряд разнородных графических средств именуют креолизацией текста.
Литуратив (по терминологии Г.Ч. Гусейнова [2]), или квазикоррекция по сути, – зачёркивание части текста с соотносительным речевым фрагментом или без него – по многообразию привнесённых семантических, синтаксических, прагматических средств выразительности текста заставляет задуматься об особой грамматике исключённого знака. Данный приём, в силу технических возможностей формата, распространён в блогосфере. О сомнительности исчерпывающей классификации квазикоррекции писал М.А. Кронгауз: «зачеркнуть можно всё что угодно», однако он же утверждает, что литуратив создаёт «новое измерение текста» [4, 208]. Г. Гусейнову принадлежит первая семантическая классификация литуративов, А.Ч. Пиперски и А.А. Сомин [5] описали синтаксические и прагматические аспекты данного явления. По их мнению, зачёркивания с заменой представляют собой одновременную манифеста-

цию двух вариантов, один из которых – зачёркнутый – обозначает наиболее строгий, в субъективном видении адресанта, коммуникативный запрет. Приведём пример:
Stoiriska*: я там ниже ответила про Кока-колу и другие гадости радости* [1]. Перед нами комментарий пользователя «Живого Журнала», молодой женщины с гуманитарным образованием. Перед нами по-настоящему квантовая суперпозиция в тексте, при которой взаимоисключающие варианты развития мысли-фразы представлены совместно. Они не воспринимаются как обычная последовательность синтаксических элементов в предложении. Легко заметить, что данное явление требует пересмотра возможностей реализации в речи системно-языковых явлений, принципов соотношения парадигматики и синтагматики. Действительно, как следует описать с позиций традиционного синтаксиса данное явление? Как вариант сочинительных отношений закрытого типа с особым образом маркированным и немаркированным элементами? Или придётся открыть новый уровень связей в словосочетании *(про) Кока-колу и … гадости радости.* А может их следует рассматривать как особую синтаксическую суперпозицию и считать комплексным членом предложения?
Далее обратимся к лексической системности, реализованной в сочетании *гадости радости.* Безусловно, это контекстуальные антонимы, характеризующиеся некоторой степенью прецедентности в русской лингвокультуре. Это относительно противопоставленные лексические единицы с повышенной концептуальной «нагрузкой». *Кока-кола* генерализуется одновременно как нечто приносящее объективный вред и субъективное чувство радости. Первой единице придаётся табуированный статус ругательства, скрытого понимания, «унылой», а потому нежелательной, для «продвинутых» пользователей точки зрения; а второй – вывесочный восторг рекламы этого продукта и позитивная

его оценка адресантом, знающим ожидания «продвинутых» пользователей. Перед нами своего рода экспликация поздней подготовительной фазы реализации речевой деятельности. Иначе говоря, знаковая манифестация взаимоналожения внутреннего когнитивного и внешнего коммуникативного действия. А это означает принципиально оттенки языковой прагматики. Пример зачёркивания «чужого» слова:
vpervye1: *Поняла, что живу уже 13 лет в какой-то неправильной Испании…*
Stoiriska: *За грибами в лес – это круто! А Ваша, неправильная Испания где?*
vpervye1: *Гранада.* ***Stoiriska:*** *О, я нежно люблю Гранаду! Всегда привожу от вас чай. И зима у вас рядом... Действительно неправильная классная у вас Испания* ☺ [2].
В данном случае квазикоррекция маркирует и отказ от неудачного определения, данного собеседником, и его «поощрение». Это особенно интересно, ведь пользователь ***vpervye1*** высказала возражение по поводу фактов об Испании, изложенных пользователем ***stoiriska.*** Таким образом, это коммуникативное действие стало примиряющим точки зрения компромиссом. Анализ примеров употребления литуративов позволяет выявить те принципиально новые возможности реализации системы языка в речи и вообще смысловых горизонтов текста, которые предоставляет пользователю дополнительная по отношению к традиционной грамматика исключённого знака.
Литература
1. Блог stoiriska [Электронный ресурс] // «Живой Журнал» [сайт]. [2016]. URL: http://stoiriska.livejournal.com/?skip=50 (дата обращения: 16.01.2016).
2. Гусейнов Г.Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы [Электронный ресурс] URL:

http://www.speakrus.ru/gg/liturative.htm (дата обращения: 16.01.2016).
3. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.
4. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 416 с.
5. Пиперски А.Ч. и Сомин А.А. Литуративы в русском интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования // «Диалог» [сайт]. [2013] URL:http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/PiperskiACh.pdf (дата обращения:16.01.2016).

О.А. Страхова
oavostrikova@mail.ru
аспирант, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ТОК-ШОУ

Ключевые слова: телевизионный дискурс, ток-шоу, стратегии и тактики общения.

Аннотация: В статье рассматриваются гармоничные и дисгармоничные стратегии и тактики, характерные для интеллектуально-развлекательных ток-шоу.

O.A. Strakhova, graduate student Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

THE VERBAL STRATEGIES AND TACTICS OF AN INTELLECTUAL-ENTERTAINING TALK SHOW

Key words: television discourse, talk show, communicative strategies and tactics.

Abstract: The article deals with cooperative and conflictual strategies and tactics, which are typical for intellectual-entertaining talk show.

Термин «ток-шоу» (от англ. talk – разговор, беседа; show – зрелище, спектакль) означает разговорное представление, что предопределяет его специфику как речевого жанра. Ток-шоу рассматривают как своего рода яркий, динамичный спектакль и называют признаки этого жанра: легкость разговора, артистизм ведущего и обязательное присутствие аудитории [2: 11] (зрителей в студии и зрителей у экранов телевизоров).

В ток-шоу можно наблюдать взаимодействие и воздействие партнеров по коммуникации. Речевое воздействие коммуникантов друг на друга осуществляется посредством определенных коммуникативных стратегий и тактик. Отметим, что до сих пор отечественные и зарубежные ученые по-разному трактуют эти термины. В данной работе мы будем опираться на определение О.С. Иссерс, где под коммуникативной стратегией понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [1: 53]. А под коммуникативной тактикой – конкретное речевое действие, способствующее реализации стратегии. Также в работах лингвистов нет единого подхода к классификации стратегий и тактик. На наш взгляд, представляется логичным их разделение на гармоничные и дисгармоничные. Так, к числу дисгармоничных стратегий можно отнести понижения статуса коммуникативного партнера (КП), самопрезентации, дискредитации, защиты / самозащиты и др. [см. 1, 2, 3]. Например, стратегия защиты / самозащиты будет проявляться в тактиках оправ-

дания своих действий, отвода подозрений, отрицания вины, блокады (мягкой/жесткой). Использование данных стратегий и тактик порождает в процессе коммуникации зоны рисков, которые предшествуют коммуникативной неудаче, дальнейшему развитию конфликта или полному прекращению общения [см. 4]. Обратимся к примеру:

К1 – *Скажите, пожалуйста, мама, почему вы были так безучастны в судебной части: крестная мама обвиняла дочь, а вы просто сидели и улыбались?*

К2 – *Нет, нет. У меня просто между обвинениями и защитой ну разбегались мысли, потому что я свою дочь люблю.*

К3 (перебивает) – *Так надо было об этом говорить прямо там же.*

К2 – *Я думала это вне сомнений!*

К3 – *Как раз сомнительно. Вы сидели и наблюдали, как вашу дочь со всех сторон в общем критикуют и не обороняли… ни одного слова… Вот это самообладание, дорогая! (Все аплодируют)* [5]

(К1 – А. Васильев; К2 – мама «подсудимой»; К3 – Н. Бабкина). Данный пример взят из ток-шоу «Модный приговор», которое построено по модели судебного заседания со строго регламентированными ролями участников. В репликах К2 ярко представлена стратегия защиты. Она реализуется через тактику оправдания своих действий, на что указывает речевой акт (РА) отказа посредством лексического повтора и комментария к действиям. К1 и К3 выбирают стратегию обвинения, которая представлена в тактиках критики действий. В репликах К1 и К3 данная тактика выражена в РА критики, призванном усилить давление на К2. К3, очевидно понимая, что выходит за рамки своей роли (роли защитника), завершает обвинение РА комплимента, выраженным побудительным предложением, которое демонстрирует тактику самокоррекции, направленную

на гармонизацию общения. Отметим, что аплодисменты аудитории в студии также поддерживают РА комплимента.

Если же говорить о типологии гармоничных стратегий, то к ним можно отнести стратегии солидаризации, повышения статуса КП, разъяснения, неуклонного следования теме ток-шоу, заботы и др. Например, стратегия неуклонного следования теме ток-шоу проявляется в тактиках ведения темы, возвращения к теме, завершения тематического обсуждения. Отметим, что гармоничные стратегии и тактики чаще всего обнаруживаются в речи ведущего ток-шоу. Рассмотрим пример:

К1 – *Давайте оставим вопрос справки. Я вас очень прошу, ведь не самая главная тема. Когда университету было нужно, он же все понимал, эту справку можно было получить на первом годе вашей работы, но прошло 30 лет, вас ценили, уважали, вами дорожили, зная то, что… про ваш диагноз…но на 30-тый год что-то случилось, и разговоры о справке уводят нас в сторону…* [6]

В данном примере реплика ведущего демонстрирует стратегию неуклонного следования теме, т.к. в функции ведущего входит направление и координирование процесса коммуникации в студии. Стратегия выражается через тактику возращения к теме, что отражается в использовании РА просьбы и прямого указания на необходимость возврата к теме ток-шоу. Таким образом ведущий выводит разговор из зоны коммуникативного риска и гармонизирует дискурс.

Итак, в дискурсе ток-шоу использование дисгармоничных речевых тактик порождает зоны коммуникативных рисков, которые осознаются партнерами по коммуникации и регулируются при помощи гармоничных тактик. К сожалению, в рамках статьи не представляется возможным рассмотреть все разнообразие вербальных реализаций гармоничных и дисгармоничных тактик. На основе материала можно сде-

лать вывод о том, что создание типологии зон коммуникативных рисков и способов выхода из них является перспективным направлением, т.к. дискурс ток-шоу порождается как социальный продукт, в котором интеракция отражает ценностные установки определенного сообщества, его культуру.

Литература

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2002. 288 с.
2. Ларина Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 21 с.
3. Нестерова Т.В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: Дис. … канд. филол. наук. М., 1999. 395 с.
4. Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2012. Вып. 12. 172 с.
5. Ток-шоу «Модный приговор»: Дело об обиде на весь мир. Выпуск от 09.04.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.1tv.ru/video_archive/projects/moda/p45595.
6. Ток-шоу «Прямой эфир»: Эвелина Бледанс: «Не называйте моего сына дауном!». Выпуск от 21.10.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://priamoi-efir.ru/21-10-2015-evelina-bledans-ne-nazyvaite-moego-syna-daunom/.

СЕКЦИЯ 8
РУССКАЯ ГРАММАТИКА И РУССКИЙ ДИСКУРС В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Грязнова В.М.
violetta-sgy@mail.ru
д.ф.н., проф. Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЗНАЧЕНИИ ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ЯЗЫКЕ XIX В.

Ключевые слова: лексические аспекты прагматики, язык X1X в.
Аннотация: статья посвящена анализу прагматического аспекта значения слова и интерпретации его содержания носителем языка.

Gryaznova V. M., Dr., Prof. of Russian language Department of North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

PRAGMATIC COMPONENT OF THE MEANING OF THE PERSONAL NAME IN THE LANGUAGE OF THE NINETEENTH CENTURY

Keywords: exical aspects of pragmatics, the language of H1H century.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the pragmatic aspect of the meaning of the word and the interpretation of its content by a native speaker.

В общем смысле под прагматикой понимают всё то, что характеризует отношение говорящего или адресата пере-

даваемого сообщения к действительности, описываемой знаком. Нас интересует такой прагматический аспект лексического значения слова, отражающий отношение говорящих к объекту, который включает коннотации культурно-исторического плана и интерпретацию содержания лексемы носителем языка.

Анализ толкований ряда существительных, представленных в различных словарях XIX в., выявляет в их значении особого рода синкретизм. В значении личного имени совмещаются активный и неактивный компоненты, которые являются неравноправными. Значение активного компонента, деятеля, является основным, оно главенствует. Неактивное значение, значение пациенса, является добавочным, оно входит в состав семантической единицы «род занятий». Семантика пациенса в таких именах не отражает сущности свойств называемой реалии, а выражает позицию говорящего как центра речевой деятельности, является прагматической. Сл. Толля: *машинист* – вообще человек, хорошо знакомый с устройством известной машины и приставленный к ней; Сл. 1847г.: *рогаточник* – сторож, приставленный к рогаткам; Сл. Соколова: *дворник* – служитель, которому поручается в смотрении дом и двор, чтобы они были чисты и в сохранности; Сл. Бурнашева: *мелец* – кто приставлен или нанялся молоть; Сл. Даля: *конторщик* – человек, избираемый из дворовых людей или нанятой. Как следует из приведенных словарных дефиниций, род занятий лица могли восприниматься носителем языка первой половины XIX в. как результат действия субъекта, занимающего более высокую ступеньку в иерархической служебной лестнице.

Значение названных лексем представляет собой характеристику лица прежде всего как субъекта действия, которое лицо выполняет по роду занятий: *больничник* – тот, кто смотрит за больными по роду занятий. Кроме того, приведенные толкования свидетельствуют о том, что указанные имена одновременно представляют собой характеристику лица и как объекта определенного действия, субъект которого мыслится как некий руководитель: *больничник* – тот, кого приставили смотреть за больными. В некоторых словарных дефинициях субъект дополнительного действия является вербализованным. *Межевщик* – землемер, посылаемый от правительства или начальства для размежевания земли, *ценовщик* – поставленный от городского начальства для оценки вещей (Сл. 1847г.), *браковщик* – присяжный человек, выбираемый купечеством, который рассматривая товары, отделяет лучшие от худших, *докладчик* – особа, которой поручено от государя докладывать ему по делам (Сл. Соколова).

К описанной группе существительных со значением рода занятий примыкают отсубстантивные наименования, называющие лицо по его военной специализации, связанной чаще всего с видом оружия, реже со средствами защиты. По данным словарей, в значении имен этой группы также совмещается пассивный и непассивный компоненты. Чаще всего имя лица по его военной специализации толковалось как объект действия подразумеваемого субъекта, стоящего на более высокой ступеньке служебной лестницы: *самопальник* – воин, вооруженный самопалом (Сл. Толля), *кольчужник* – одетый в кольчугу, *фузейник* – воин, вооруженный фузеею (Сл. Соколова). В целом значение наименований лица по его военной специализации, корректное для носителя языка первой половины XIX в., можно представить в следующей дефиниции: *самопальник* – тот, кого вооружили самопалом, тот, кто стреляет из самопала (или имеет самопал). Некоторые из лексем данной тематической группы имеют в словарях толкования, близкие к предложенным нами: *сайдачник* – имеющий сайдак с луком, вооруженный луком и стрелами (Сл. Соколова),

алебардщик – который алебарду носит, алебардою вооружен (Сл. Яновского). Компонент «деятель» (активный деятель или носитель состояния) в значении исследуемых лексем выражает сущностные признаки называемой реалии – лица по его военной специализации. Компонент «пациенс» отражает представления носителя языка о централизованности, иерархичности армии, зависимости ее отдельного воина от всей армейской системы и является социально-обусловленным.

Общественному сознанию XIX в. также была свойственна религиозно-мистическая идея судьбы. Амбивалентный образ судьбы как религиозно-мистического понятия выявляется в дефинициях слов *слепец*, *безумец*, *сидень* присутствует сема «пациенс», которая является ассоциативной, обусловленной мистическими представлениями носителя языка XIX в. о сверхъестественной силе, предопределяющей жизненный путь человека. *Слепец* – лишённый чувства зрения (Сл. Соколова, Сл. 1847 г.) – иначе: тот, кого лишили зрения (аналогично *безумец, сидень*). В общем толкования названных лексем можно трансформировать следующим образом: «тот, на кого действует непознаваемая сверхъестественная сила, в результате чего лицо лишается чего-либо (ума, зрения, способности ходить)». В таком толковании, характеризующем лицо как объект действия сверхъестественного субъекта, эксплицитно выражается прагматическая часть значения лексем *слепец*, *безумец*, *сидень.* Семантику данных лексем выражают толкования типа: *безумец* – тот, который является безумным.

В толкованиях других существительных субъект действия таинственной силы выражен, но это не сама сверхъестественная сила, а ее «представитель» или «исполнитель». В одних дефинициях этой группы слов сверхъестественная сила представлена как болезнь: лунатизм (*лунатик*), ипохондрия (*ипохондрия*), подагра (*подагрик*). В других – как

такие свойства человека, которые в бытовом представлении не зависят от него, даются ему от рождения. Лица, именуемые словами *прихотник*, *ленивец*, описываются в словаре как те, кого подчинила, поработила леность или прихоть: *ленивец* – кто подвержен, порабощен лености, *прихотник* – подверженный прихотям (Сл. Соколова).

В целом содержание названных личных имен в русском языке XIX в. обусловлено не только «следами» ономасиологической истории имени, не только отражением в семантике мотивированного имени разносторонних связей реалий объективной действительности, но и *мнением субъекта* как центра речевой деятельности по поводу обозначаемых реалий.

Литература

1. Бурнашев Вл. Опыт терминологического словаря. СПб., 1843–1844.
2. Соколов П. Общий церковно-славяно-российский словарь. СПб, 1834.
3. Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1-4. СПб., 1847.
4. Толль Ф. Настольный словарь для справок. Т.1-3. СПб., 1863–1864.
5. Яновский Н.М. Новый словотолкователь. Ч. 1-3. СПб., 1803–1806.

Ю.В. Биктимирова
pravo_chita@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Забайкальского государственного университета, Чита, Россия

МОРФОЛОГИЯ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Ключевые слова: вариативность, именные части речи, памятники письменности, источниковедение, морфологическая парадигма.

Аннотация: В докладе анализируется морфологическая система именных частей речи русского языка конца XVII – первой половины XVIII вв. на примере рукописных документов деловой письменности Восточного Забайкалья, что является необходимым этапом в изучении этих памятников в контексте регионального лингвистического источниковедения.

Yu.V. Biktimirova, Cand. of Philological Sciences, Associate Professor Chair of the Russian Language and Methods of its Teaching, Zabaikalsky State University, Chita, Russia

MORPHOLOGICAL SYSTEM OF NOMINATIVE PARTS OF SPEECH AT THE END OF THE 17TH – THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY OF EASTERN ZABAIKALYE

Key words: variability, nominative parts of speech, monuments of parts of speech, source studies, morphological paradigms

Abstract: The paper deals with the reconstructed morphological system of nominative parts of speech at the end of the 17th – the first half of the 18th century on the basis of manuscript copies of business written language documents of Eastern Zabaikalye. These are an important stage in studies.

Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. являются ценным материалом для воссоздания картины изменений в системе именных частей речи периода становления языка русской нации. В исследуемый период памятники фиксируют конкуренцию вариантных форм именных частей речи, которая направлена на унификацию словоизменительных парадигм с выработкой генерального варианта. При выборе вариантной формы писцы Нерчинской воеводской канцелярии и различных подведомств ориентировались либо на стереотипы образцовых деловых документов XVII в. и церковных текстов, либо на живую региональную народно-разговорную речь. Употребление этих вариантов находилось также в зависимости от стилистической и жанровой отнесенности документов. Для существительных характерна формальная вариантность родовых форм (*разсомачишко – разсомачишка, распоп – распопа, Ивашко – Ивашка, мое женишко – моя женишка*); нестабильность категории одушевленности/неодушевленности (*поверхъ то^{т} конь – украли коня, взял быков – побил быки*). Вариативность флексий в падежных формах является следствием перестройки древней многотипной системы склонения (*головою – головой, холопи – холопы, к казаком – к казакам, с товарищи – с товарищами, в городех – в городах; к пече, в степе*).

В отличие от существительных в употреблении вариантных падежных форм прилагательных отмечается более заметная стилистическая дифференциация. Несмотря

на то что строгая стилистическая дифференциация в употреблении вариантных флексий церковнославянского и исконно русского происхождения отсутствует, в этикетных формулах превалируют архаичные полные формы прилагательных с церковнославянскими флексиями: (*императорскаго указу, сибирския остроги*), в основных частях документов бытового содержания, особенно при перечислении товара, наблюдается употребление падежных форм прилагательных с исконно русскими флексиями (*деревяннои дом, у не*^{р}*чинского ра*^{з}*ночинца, мелково ружя*). Процесс же выдвижения ведущего варианта нормы можно отнести ко второй половине XVIII в.

Анализ употребления числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. показывает, что имя числительное как часть речи находится в стадии становления: активно используется «буквенная цифирь», но уже употребляется и цифровое обозначение чисел, фиксируются следы архаичной родовой дифференциации (*два креста – две пугвицы – двЬ треножи*^{ш}*ка*) и отсутствие родовых различий м.р. и ср.р. (*два оконца*), наблюдается большое количество архаичных падежных форм (*дву*, *по сту*, *шти*, *пол трет*). Зафиксированы древние формы собирательных числительных, не имеющие аналогов в современном русском языке (*десятеры вилы, дватцатеры коты, тритцатеры вареги*).

Анализ падежных форм местоимений в исследуемых памятниках письменности показал, что местоимение находилось в стадии становления, так как наблюдается конкуренция архаичных церковнославянских, древнерусских и новых форм местоимений. Так, в этикетных выражениях конкурируют варианты личного местоимения 1-го л. ед.ч. *аз*, *язъ, я.* Отмечаются архаичные формы местоимений *собе* и *тобе*, наряду с новыми формами *себе, тебе.* Личные местоимения 3-го л. чаще всего не заменяют имена, а

указывают на них (*аз пятидесятник Макар*, *мы холопи*, *он Ларка*, *она Оринка*). Архаичные и новые формы местоимений многих разрядов стилистически дифференцируются (*се аз казак – желаю я Резанцовъ, всея Росиі – все дЬла*). Определенная часть форм местоимений анализируемых памятников стилистически маркирована и закреплена за конкретными жанрами деловой документации.

Региональные особенности употребления именных частей речи в деловой письменности Восточного Забайкалья с конца XVII – первой половины XVIII в. сводятся к более позднему становлению новых вариантов, по сравнению с данными памятников деловой письменности других регионов этого же периода, к некоторым стилистическим размежеваниям вариантов, что зависело от характера документа, жанра, назначения, уровня приказной выучки автора и заказчика, к отражению диалектных особенностей речи первопоселенцев. Вариативность и недифференцированность многих вариантов говорят о долгом процессе унификации форм в деловом узусе Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в.

Удаленность от центра Московского государства, ориентация на церковнославянские образцы и прописи XVII в., поздняя преемственность новых форм, приходящих из центральных канцелярий, но в отличие от центральных и западносибирских памятников с отставанием на полвека и сохранением в парадигме архаичных форм, а также внедрение живой речи в текст документов – все это отразилось на языке памятников Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в.

К.Р. Ваганова
ksenia.vaganwa@yandex.ru
Кандидат филологических наук, докторант Московского государственного областного университета, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГЕЗИИ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ КОНЦА XVIII ВЕКА: НА МАТЕРИАЛЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ

Ключевые слова: история русского языка, деловая письменность, XVIII век, текстовые категории, связность.

Аннотация: настоящая работа освещает особенности функционирования категории *связность* в регистрационных текстах деловой письменности Восточной Сибири в 90-е гг. XVIII века. Акцент делается на анализе лексических средств репрезентации когезии при описании указов по следственным делам в данный исторический период и фиксации последних в журналах областного учёта движения.

K.R. Vaganova, Candidate of Philological Sciences, Moscow State Regional University, Department of History of Russian Language and General Linguistics, a doctoral student

COHESION REPRESENTATION IN THE BUSINESS LITERATURE OF EASTERN SIBERIA OF THE END OF XVIII CENTURY: ON A MATERIAL OF THE INVESTIGATION FILES

Key words: history of the Russian language, business writing, XVIII century, text category, connectivity.

Abstract: The present work highlights the peculiarities of the category of connectivity in the registration of business writing texts of Eastern Siberia in the 90s. XVIII century. The emphasis is on the analysis of lexical representation of the cohesion funds in the description of the decrees of investigating cases in a given historical period and fixing the latter in the journals of the regional accounting movement.

Региональное делопроизводство в Восточной Сибири в конце XVIII века отличается масштабностью входящей и исходящей документации, информация о которой каждый раз фиксировалась в специальных регистрационных документах – «Журналахъ областного учета движенія указовъ». Такой принцип оформления документооборота был необходим, с одной стороной, для обеспечения большей сохранности источников и для формирования специальной базы по функционированию дел в той или иной региональной канцелярии, с другой стороны.

В настоящем исследовании мы, вслед за Н.В. Глухих, придерживаемся следующей классификации средств внутритекстовой связи:

1) зависят от предмета речи, содержания переписки и обеспечивают его понимание;
2) поддерживают постоянное внимание адресата или привлекают его внимание;
3) служат логическому повествованию и употребляются не только для адресата, но и для самого адресанта, чтобы не потерять нить изложения;
4) вербализуют грамматическое единство средств выражения подобных мыслей [1: 26].

Приведём в качестве примера несколько записей из *Журнала областного учёта движения указов*, сделанные одним канцеляристом (табл. 1):

Таблица 1. Записи из «Журнала областного учёта движения указов» за 1792 год

№	Числа	Сентябрь Месяцъ	
146	1	От 31. августа под №о 1346м осыску и о|-высылке въ енисейский земской судъ | крестьянина Евдокима Коврижкина	о получении репорто|-вано 2. ч октября
148	-//-	От 18. сентября под №о 1459м, осыску | и поимке бежавшаго из Ачинска споруки | крестьянина Петра Чимарева	ополучении репарто|-вано 2 числа октября

Проанализировав особенности репрезентации когезии на лексическом уровне, мы пришли к следующим выводам:

1. Наиболее частотными средствами в подобных регистрационных документах конца XVIII века оказываются повторы ключевых слов, указательных местоимений и имён прилагательных, репрезентирующих предмет, о котором идёт речь в описываемом указе.
2. В роли связующих элементов при описании входящей документации в той или иной провинциальной канцелярии выступают указательные местоимения – *сей*, *оный* и *этотъ*.
3. При редупликации ключевых слов писцы (канцеляристы или подканцеляристы) иногда заменяли конструкции из основного текста документа, что отражается в описании следственного дела в третьей графе *Журнала областного*

учёта движения указов на синонимичные варианты в резюмирующей части документа, что отражено в четвёртой графе «*Решеніе*».

Исследование текстов восточносибирской деловой письменности конца XVIII века с позиции лингвистического источниковедения, семантического синтаксиса и диахронической жанрологии позволяет более подробно проанализировать систему делового языка в данный исторический период. Применение такого комплексного подхода к анализу деловых бумаг способствует расширению представления об особенностях функционирования региональных памятников письменности в аспекте существования документооборота в российском государстве.

Литература

1. Глухих, Н.В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX в. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2008. 48 с.
2. Журналъ областного учёта движения указовъ за 1792 год // Государственный архив Красноярского края. Ф.253 «Нахвальское волостное правление Красноярского уезда, Енисейской губернии Енисейского губернского по крестьянским делам присутствие», О.1, Д.1, ЛЛ. 1–77.

Н.К. Иванова
nkiisuct@mail.ru
доктор филол. наук, профессор ИГХТУ, Иваново, Россия

Н.Е. Меркулова
аспирант Ивановского государственного химико-технологического университета

Н.М. КАРАМЗИН: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

Ключевые слова: русский и иностранный языки, языковая личность, уровни ЯЛ, многоязычие, контакт языков, коммуникация.

Аннотация: На основе текста «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина делается попытка реконструкции языковой личности автора этой публикации, анализируются различные уровни ее структуры. Особое внимание уделяется многоязычию писателя, его владению иностранными языками, что обусловило многокомпонентную парадигму ЯЛ и рефлексивные процессы в речемыслительной деятельности и коммуникации.

N.K. Ivanova, Dr. of Philology, prof. of ISUCT, Ivanovo, Russia

N.E. Merkulova, Postgraduate student of the Ivanovo State University of Chemistry and Technology

N.M.KARAMZIN: AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTING LINGUISTIC PERSONALITY

(ON THE MATERIAL OF “ THE LETTERS FROM THE RUSSIAN TRAVELLER”)

Key words: Russian and Foreign languages, Linguistic Personality, levels of the Linguistic Personality structure, polylinguism, language contacts, communication.

Abstract: On the basis of the “Letters from the Russian Traveller” by N.M.Karamzin an attempt to reconstruct his linguistic personality is made, and various levels of its structure are analysed. Special attention is paid to the polyliguism of the author, his foreign languages acquisition due to which multicomponent linguistic personality paradigm and reflective processes in cognition and communication were conditioned.

В юбилейный год со дня рождения Н.М. Карамзина (1766−1826), выдающегося русского писателя, публициста, историка, представляется актуальным обратиться к анализу его языковой личности, сформированной в российских условиях 2-й половины XVIII века и внесшей значительный вклад в развитие русского языка. Ценные сведения о языковой личности молодого, 23-летнего Карамзина, представлены в его «Письмах русского путешественника»: не просто путевого дневника (май 1789 − сентябрь 1790) в модном тогда жанре писем, а позднее отредактированных впечатлений, опубликованных в московских журналах и альманахах.

Известно, что Карамзин получил в детстве отличное домашнее воспитание: изучал с гувернерами русский и иностранные языки, много читал, отдавая предпочтение французским романам, сочинениям Ф. Эмина, Ш. Роллена и др. Эти работы, прочитанные в оригинале, как он сам отмечал, сначала служили ему образцом для подражания, а потом – «точкой отталкивания» при формировании «ново-

го русского слога». Русский, французский и немецкий языки Карамзин изучал в дворянском пансионате и в Московском университете.

В «Письмах русского путешественника» Карамзин предстает элитарной языковой личностью: полилингвальной, обладающей на *вербально-семантическом уровне* большим запасом лексических единиц, принадлежащих к разным регистрам устной и письменной коммуникации, имеющих разную этимологию. Следуя своей задаче реформирования русского синтаксиса и его упрощения согласно нормам французского языка, которым Карамзин не просто свободно владел, но и четко осознавал его недостатки и преимущества по сравнению с русским, он сознательно вводит порядок слов, непривычный для русского литературного языка, новые правила управления, исключает архаичные союзы и частицы и т.д. Известно, что он отказывается от ломоносовского учения о трех стилях, а желая освободить русский язык своего времени от «тяжелой славянщины» и «латинских ходулей», он широко использует калькирование, что обусловило вхождение в русский язык ряда новых слов (*благотворительность, влюбленность, вольнодумство, промышленность, человечный, первоклассный* и др.), а также использование некоторых варваризмов (например, *тротуар, кучер*). Одним из первых Карамзин оценил фонемно-графемные возможности буквы ё.

На *когнитивном* уровне в «Письмах» проявляется сложная «картина мира» в рефлексии полилингва, в разной степени владеющего несколькими иностранными языками, на которых он способен к устной и письменной коммуникации (впрочем, свои познания в немецком и английском автор «Писем» оценивает весьма скромно, отмечая, например, трудности в восприятии аутентичной английской речи). Читателю «Писем» очевидно, что культурное пространство автора, его языковое сознание отражают сложно-

структурированную систему феноменов не только русского национального культурного пространства, но и общемирового: античного, западноевропейского, восточного и т.д. Так, выстраивая в этом произведении систему поэтических образов и описания природы, «своего» и «чужого» в организации быта, стереотипов поведения в различных коммуникативных ситуациях и т.д., Н.М. Карамзин часто прибегает к использованию крылатых латинских выражений, цитат из произведений всемирно известных в то время поэтов и писателей (наиболее часто – У. Шекспира), библеизмам. Чрезвычайное насыщение текста «Писем» аллюзиями, прецедентными именами и ситуациями, макро- и микропресуппозициями (при общении с иностранцами) свидетельствует о богатстве и своеобразии когнитивной базы автора как образованного представителя российского лингвокультурного сообщества. Для Карамзина естественно познание нации и национального характера через язык. Интересен и прагматический уровень ЯЛ автора «Писем». Цели, мотивы и установки автора при описании длительного зарубежного путешествия определили как его коммуникативно-деятельностные потребности, так и типичные коммуникативные ситуации в различных коммуникативных пространствах при общении с широким социальным кругом иностранцев в условиях обязательного переключения с одного языкового кода на другой, в том числе – с учетом правил невербальной коммуникации. Поскольку немалую часть путешествия (и его описания) составило общение, можно утверждать, что в анализируемом произведении Н.М. Карамзин проявил себя и как речевая личность, способная отметить национально-культурную специфику коммуникации, ее отличие от отечественной. Примечательно, что при непосредственном общении с иностранцами Карамзин неоднократно указывает на несоответствие имеющихся у него этностереотипов и

книжных знаний с реальными национальными характерами и правилами коммуникации.

Е.А. Картушина
eakartushina@pushkin.institute
канд. филол. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина, Москва, Россия

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРОТЯЖЕНИИ ТРЕХ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ

Ключевые слова: социолингвистика, русский язык, языковая ситуация; язык и глобализация; финский язык.

Аннотация: В докладе рассматривается история становления русского языка в Финляндии, начиная с середины XIX века, когда финский язык стал государственным языком в Финляндии. Учитывается роль других языков на территории Финляндии, их роль в развертывании современного языкового ландшафта и изменения языковой ситуации под влиянием глобализации.

E.A. Kartushina, PhD (Philology), associate prof., Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

DYNAMICS IN RUSSIAN LANGUAGE DEVELOPING AND ESTABLISHING THROUGHOUT THREE PERIODS OF THE CURRENT LANGUAGE SITUATION IN FINLAND

Key words: social linguistics; Russian language abroad; language situation; Finnish language

Abstract: The paper dwells on the history of Russian language establishing on the territory of Finland, starting from the middle of the XIX century. The role of other languages represented in Finland are also taken into consideration with regard to their influence on other components of the language situation.

С точки зрения лингвиста внимания заслуживают не только те собственно языковые изменения, вызванные новыми формами функционирования языка в глобализационный период (коммуникация в сети Интернет, институциональная коммуникация и ряд других), но и те аспекты, которые касаются социальной жизни языка – изменение его статуса, динамика языковой лояльности среди пользователей этого языка, вытеснение национального языка другими (миноритарными) языками мигрантов, изменение языкового ландшафта, степени представленности языков в отдельно взятой стране. Хотя значимость решения данных (социо)лингвистических задач и не вызывает сомнений, они, тем не менее, часто стоят в стороне от большой увлеченности собственно-лингвистическими задачами.
Более комплексную, но при этом более объективную картину социолингвистического анализа нам может дать рассмотрение языковой ситуации (далее – ЯС) в динамике. Это может позволить не только понять причины текущего состояния ЯС, но и предпринять попытку дальнейшего прогнозирования изменений ЯС. Данные методы прогнозирования (foresight studies) находятся на этапе становления в лингвистике. Однако, именно отслеживание ЯС в динамике позволит нам определить некий вектор развития, отследить степень влияния и распространения определенного идиома (компонента ЯС) и увидеть более широкий контекст ЯС,

хотя, безусловно, это является темой отдельного исследования с привлечением больших теоретических и эмпирических данных.

Начать рассмотрение ЯС в Финляндии стоит, по нашему убеждению, с начала XIX века, когда финский язык, основной идиом, государственный и национальный язык Финляндии, стал основным, сменив доминирующий до этого времени шведский.

Другой, качественно новый период в ЯС в Финляндии, приходится на начало XX века.

Изменения, пришедшиеся на начало XXI века (отнюдь не последней причиной которых стала глобализация) позволяют нам выделить и третий этап в ЯС в Финляндии – с начала XXI века и продолжающийся на сегодняшний день. На протяжении всех этих этапов менялся и статус русского языка.

Первый период в развитии языковой ситуации в Финляндии: XIX век

На этот период приходится формирование финского языка, становлению его литературной нормы, создание историко-литературных памятников (творчество поэта Руннберга). Но на этот же период приходится и противоборство финского и шведского языков.

Русский язык, являясь языком народа-освободителя, в этот период имел все шансы стать основным языком на территории Финляндии, однако этого не произошло в силу определенных общественно-политических факторов.

Второй период в развитии языковой ситуации в Финляндии: XX век

В этот период разрабатывается и укрепляется политика двуязычия. Русский язык как идиом имеет «точечную представленность» на территории Финляндии и является распространенным в приграничных территориях. В этот период появляется и институализация русского языка как

идиома в развертывании ЯС – появляются русские школы как в приграничном с СССР регионе, так и в столичном регионе.

Третий период в развитии языковой ситуации в Финляндии: XXI век

Этот период ЯС Финляндии характеризует многополюсность и многокомпонентность – увеличивается число идиомов. Можно говорить об определенной моде на многоязычие. При этом растет также количество говорящих на русском языке. Тем не менее, усиливается противоборство двух государственных языков на территории Финляндии – финского и шведского.

Т.В. Михайлова
ta.rada@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета имени акад. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

СЕМАНТИКА ОЦЕНКИ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVI ВЕКА

Ключевые слова: категория оценки, эвиденциальность, древнерусский текст.

Аннотация: В работе рассматривается семантика оценки и эвиденциальности в истории русского языка. Проанализированы публицистические тексты XVI века Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Выявляется, что книжники используют знаки вечного и Божественного при анализе событий.

T.V. Mikhaylova, Candidate of philological sciences, associate professor, Siberian State Aerospace University, Russia, Krasnoyarsk.

THE SEMANTICS OF EVIDENTIALITY AND EVALUATION IN RUSSIAN POLEMICAL DISCOURSE OF THE XVI CENTURY

Key words: evaluation, evidentiality, old Russian texts.

Abstract: This paper considers the semantics of evidentiality and evaluation in the history of the Russian language. Analyzed the publicistic texts of the sixteenth century Iosif Volotskiy and Nil Sorskiy. The scribes use the symbols of the eternal and Divine in the analysis of events.

Время национально-государственного подъема Русского царства XV–XVI вв. вызвало бурные споры и обсуждения в области государственно-религиозного строительства. Флорентийская уния 1439 г., провозглашение автокефальной Русской церкви в 1448 г., падение Константинополя в 1453 г. и стояние на Угре 1480 г. − подобные исторические события мистически истолкованы древнерусскими книжниками. Появились различные модели «святорусского царства».

Идеологическое обоснование появления и развития царской власти на Руси в этот период было важно, происходило оформление понятия «царства» как в официальной идеологии, так и в общественном сознании. Вопреки мнению о влиянии византийской модели власти на русские представления о царстве новая идеология опиралась все же на тексты Священного Писания, чем и объясняется их обильное цитирование в текстах полемического характера.

Московский собор 1503 г. показал сосуществование различных векторов развития страны. Иосиф Волоцкий предложил независимое развитие канонического права Московской церкви, что было встречено отрицательно «нестяжателями» (Нил Сорский, Василий Патрикеев и др.).

Для «стяжателей» спасение состоит в строительстве правоверного государства. Законы церковные в желаемом будущем должны стать законами государственными. «Заволжские старцы», принимая богоустановленность царской власти, указывали, что земное государство лежит в грехе и именно потому оно не может точно отображать и быть подобающим для общественного порядка. «Внесветное» царство достигается путем не государства, но путем иночества.

Вопрос об осуждении еретиков при этом для оппонирующих церковных направлений становился важным. Иосиф Волоцкий настаивает, что дело благого правителя − наказывать вплоть до смертной казни «еретиков и отступников», а Нил Сорский считает, что раскаявшийся еретик достоин снисходительного отношения.

В полемических церковных текстах оценочность, являясь одним из инструментов убеждения, используется авторами часто в союзе с категорией эвиденциальности. Взаимодействие оценочности и эвиденциальности описано как ряд речевых тактик.

Апелляция к авторитетным источникам для подтверждения оценочного мнения − прием, известный еще из античности. Цитируемый текст дает возможность подключиться к сфере Божественного и оказать воздействие на адресата.

Тексты Нового времени в большинстве своем представлены реляционным типом при выражении эвиденциальности. Отличие в древнерусском тексте состоит во взаимоотношениях ее с эпистемической модальностью: в новых текстах говорящий имеет доверие к знаниям, полученным

им самим, и при передаче чужих знаний он показывает меньшую уверенность в достоверности, поэтому используется дубитатив (выражение сомнения) или ренарратив.

Тексты же субстанциального типа демонстрируют повышение уверенности говорящего в истинности информации, если источником является субъект с высоким статусом в мире духовном, и в мире земном он обладает авторитетом. Возможны различные способы проявления эвиденциальности в оценочном высказывании. Выявлены распространенные полемические приемы в дискуссиях о еретиках.

[«свидетельство» − каузатор желаемого] *И сего ради царемъ и властелемъ* ***о семь попечение имѣти, яко да будутъ отмстители Христу на еретики*** (Нил Сорский)**.** Автор предписывает адресату совершить желаемое действие, опираясь на образец, данный им в точной цитате − «прямом свидетельстве».

[«прямое свидетельство»+ трансформации] *«Еще же Ветхый Законъ тогда бысть, нам же в новѣй благодати* ***яви Владыка Христос любовный съуз, еже не осужати брату брата*** *о томъ, но единому Богу судити согрешениа человечя,* ***рече: «Не судите, не осуждени будете»*** (Нил Сорский). Обосновывая свое мягкое отношение к еретикам, старцы аргументируют это с помощью своего толкования (трансформации) евангельской заповеди и лишь потом прямым свидетельством из Нового Завета увеличивают интенсивность оценки, подчеркивая для оппонентов необходимость оценивать еретиков по «благодати».

[императивная импликатура конструируется на основе оценочных высказываний] *Кождо ко своим дѣлом приметь от Бога въ день Судный* (Нил Сорский). Манифестируется общий вывод этического характера, следующий из предыдущих высказываний.

[авторитетное свидетельство как скрытое послание] *И о семь убо, еже рече Господь: «Не осужайте, да не*

осужени будете», ***хотяй*** *извѣстно* ***разумѣти, да прочтетъ*** *свидѣтельство божественных писаний, еже* ***о семь написаша святии и преподобнии и богоносниии отцы наши****, святый Иоанн Златаустый, и Великий Василий и божественный Афонасий Великий, и инии мнози святии отцы наши* (Иосиф Волоцкий). Семантика императива с эвиденциальностью создает отрицательную оценку. Чтобы истолковать речи Господа с нужной ему оценочной позиции, Иосиф Волоцкий обращается к свидетельствам других авторитетных субъектов − к «божественным» отцам церкви, статус которых высок и для заволжских старцев.

Символизм древнерусских текстов, включающий типологический взгляд на конкретные исторические события и ситуации, взгляд с позиций «вневременного» и «Божественного» создает своеобразные черты православного полемического дискурса начала XVI в.

Пентковская Т.В.
Николенкова Н.В.

КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XVIII ВВ. И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Традиция описания истории русского литературного языка основана на определении периода конца XVII в. как этапа завершения развития церковнославянского языка и его кризиса (В.В.Виноградов), разрушения прежних норм (А.М. Камчатнов). Языковые процессы Петровской эпохи, напротив, трактуются как начальный этап становления норм литературного языка нового типа (В.М.Живов, О.Г.Ревзина). Современные исследования текстов второй

половины XVII в. позволяют определить этот период как особый этап в развитии литературного языка, предвосхитивший многие лингвистические новации первой трети XVIII в.

В докладе будут рассмотрены два явления, не получившие должного анализа в лингвистических исследованиях. Во-первых, речь пойдет о принципиально новом подходе к библейским переводам и к переводам конфессиональных текстов вообще, что выражается прежде всего в одновременном обращении к нескольким конфессиональным традициям, соотносящимся с разными языками (церковнославянским, греческим, латинским и польским). Кроме того, это появление в конфессиональных текстах нового научно-критического аппарата. Во-вторых, это формирование в рамках церковнославянского языка особого научного стиля, характеризующегося во многом теми же параметрами – обращение к разным языковым традициям, попытка использовать грамматические сочинения.

Это приводит к усложнению организации церковнославянского языка, увеличению требований к работе с текстом. В рассматриваемый период происходит расширение функций церковнославянского языка в лингвистической практике ученой элиты (Б.А. Успенский), и эта тенденция свидетельствует о потенциальной возможности приобретения классическим языком некоторых черт, свойственных литературным языкам нового типа. Начало XVIII в. Представляет кризисный этап развития и разрушение складывавшейся системы и с этой точки зрения предстает как завершение процессов, развивавшихся в предшествующее столетие.

С.В. Русанова
rusanowa_7@mail.ru
к. филол. наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета Новосибирск, Россия

ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК XVIII В.: ФОРМИРОВАНИЕ НОРМЫ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Ключевые слова: деловой язык XVIII в., норма, типы нормы, регистры.

Аннотация: формирование нормы делового языка XVIII в. в условиях преобразования культурно-языковой ситуации характеризовалось функциональной дифференциацией языковых средств, что позволяет говорить о реализации в деловом языке исследуемого периода двух типов норм – строгой и сниженной

S.V. Rusanova, PhD, Associate Professor. Chair of the Russian Language and Literature, Novosibirsk State Technical University, Russia Novosibirsk

BUSINESS LANGUAGE OF THE XVIII CENTURY: FORMATION OF NORM IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF A CULTURAL AND LANGUAGE SITUATION

Key words: business language of the XVIII century, norm, norm types, registers.

Abstract: Formation of standard of business language of the XVIII century in the conditions of transformation of a cultural

and language situation was characterized by functional differentiation of language means that allows to speak about realization in business language of the studied period of two types of norms – strict and lowered.

Особое место в процессе модернизации и рационализации русской языковой культуры в XVIII в. занимает деловой язык, тесно связанный с реформированием административной и судебно-правовой системы, армии, флота, военной и гражданской промышленности. Приказной язык, обслуживающий на протяжении столетий официально-деловую сферу жизнедеятельности общества, в условиях усложнившейся общественно-политической и культурной жизни, обусловленной петровскими преобразованиями, оказался неспособным выполнять традиционно свойственные ему функции в силу ряда причин. С точки зрения утилитарной, ему не хватало языковых, и прежде всего лексических, ресурсов для обслуживания широкомасштабных реформ. Однако не менее важным является и тот факт, что приказной язык, находясь в оппозиции церковнославянскому языку как литературному, обслуживающему духовную жизнь донационального общества, не имел культурного статуса. Вовлечение же сферы делового общения в сферу культурной деятельности было одним из обязательных условий и одной из первостепенных задач петровских преобразований. Этим объясняется отталкивание делового языка от приказной традиции и втягивание его в зону влияния книжно-литературных норм. Все это обусловливает гетерогенный характер делового языка, не свойственный ему ранее, и актуализирует вопрос о механизмах порождения деловых текстов и характере нормы делового языка в условиях преобразования культурно-языковой ситуации XVIII в.

Функционирование книжно-славянских, приказных и разговорных средств в рамках формирующегося канцелярского слога обнаруживает тенденции к дифференциации, результатом которой могли быть: 1) развитие у книжных элементов специфической стилеобразующей функции (ср., *благоволить, изволить, всемилостивейший, оный, сей* и т. д.), 2) адаптация элементов приказного языка, не подвергшихся вытеснению, а вошедших в новый канцелярский узус в качестве нормативных (напр., формула *руку приложил*, будучи унаследованной из приказного письма, дифференцировала в исследуемый период документы, адресантами которых выступали частные лица), и 3) вариантное употребление церковнославянских, приказных и народно-разговорных элементов (напр., флексии им. пад. ед. ч. муж. р. *-ый/-ой* и род. п. ед. ч. муж. и ср. р. -аго/-ого в склонении полных форм прилагательных; варьирование общерусских и региональных фонетико-орфографических черт и т.д.) [1: 96–101].

Обнаруженные типы отношений между генетически разнородными языковыми средствами в деловом языке XVIII в. позволяют выявить некоторые закономерности процесса формирования норм делового языка нового типа, сближающие его с процессом формирования нормы донациональной книжной письменности; в частности, свидетельствуют о реализации в деловом языке исследуемого периода двух типов нормы – строгой и сниженной – и выделении стандартного и гибридного регистров, обусловленных указанными типами нормы.

Литература

Русанова С.В. О типах отношений между книжно-славянскими, приказными и разговорными средствами в деловом языке XVIII века (на материале забайкальской деловой письменности) // Вестник БГУ. Серия: Язык. Литература. Культура. Вып. 2. Улан-Удэ. 2012.

И.А. Шелкова
IAShelkova@pushkin.institute
канд. филол. наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОМОНИМЫ С ПРИСТАВКОЙ *ДО-* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВВ.

Ключевые слова: омонимы, приставка, словообразовательный формант, разрушение.

Аннотация: Причиной омонимии глаголов и отглагольных существительных с приставкой *до-* в русском языке XI–XVII вв. чаще являлась омонимия корней, реже – разные значения префикса. Большинство таких омогрупп разрушилось.

I.A. Shelkova, Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

HOMONYMS WITH THE PREFIX *ДО-* IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF XI–XVII CENTURIES

Keywords: homonyms, prefix, word-formational meaning, destruction.

Abstract: Homonymy of verbs and verbal nouns with the prefix *до-* in the Russian language of XI–XVII centuries was often caused with homonymy of roots, more seldom with different meanings of the prefix. Most of such homogroups were destroyed.

Из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» было извлечено 13 двучленных омогрупп, состоящих из слов с приставкой *до-*: 9 глагольных и 4 состоящих из отглагольных существительных. В большинстве случаев данные памятников письменности позволяют предположить существование омонимичных слов на одном историческом этапе. 6 омогрупп состоят из однокоренных слов, а 4 – из слов, этимологически связанных между собой (*дограбитися*[1] ‘добраться, достигнуть чего-л. по воде на веслах’ и *дограбитися*[2] ‘грабя, дойти до какой-л. степени’ [2, 4: 282]; *достоити*[1-2], *достояние*[1-2] и *достояти*[1-2] образованы от глаголов *стояти* и *стоити*, второй из которых, по свидетельству М. Фасмера, мог быть заимствован из польского или чешского языка, где значение ‘стоить’ возникло по аналогии с латинским глаголом constāre ‘стоять неподвижно, стоить’ [3, 3: 769]). 3 омогруппы (*дозревати*[1-2], *дозрѣние*[1-2], *дозрѣти*[1-2]) восходят к глаголам *зрѣти*[1] (*зьрѣти*) – 1) ‘видеть, воспринимать зрением’; 2) ‘смотреть на что-л., глядеть в каком-л. направлении, стараться увидеть что-л., кого-л.’; 3) ‘смотреть с завистью, зариться’; 4) ‘взирать с надеждой, полагаться на кого-л.’; 5) ‘быть обращенным, направленным куда-л.’; 6) ‘выглядеть, казаться’; 7) ‘предвидеть, ожидать, выжидать’ и *зрѣти*[2] ‘созревать, достигать полного развития, готовности, спелости’ [2, 6: 64–65]. Эти омонимы имеют разное происхождение: первый из них, родственный словам *заря*, *зоркий*, *позор* [4: 330], М. Фасмер сравнивает с литов. žėreti ‘сиять, светить’, žėrúoti ‘пылать, сверкать’ и др. [3, 2: 105], а второй – с др.-инд. járant ‘старый, дряхлый’, авест. zarta ‘немощный от старости’ [3, 2: 106]. Неясным остается происхождение омогруппы *догадатися*[1] ‘догадаться’ и *догадатися*[2] ‘дождаться удобного времени’ (?) [2, 4: 280], значение второго члена которой предположительно: *...тово пономаря въ то время и не догадался* (1663 г.) [2, 4: 280].

В большинстве случаев словообразовательный формант в составе омонимичных слов имеет одно и то же значение, например: *доводъ*[1], м. – 1) ‘довод, доказательство, аргумент’ || ‘улика’; 2) ‘донос, поклеп’; 3) ‘должность доводчика, стряпчего в суде’ и *доводъ*[2], м. – 1) ‘добыча’; 2) ‘подарок, подачка’ [2, 4: 276] – в обоих случаях подразумевается доведение действия до некоторого предела. Только в 2 омогруппах значения форманта разные: *дограбитися*[1] ‘добраться, достигнуть чего-л. по воде на веслах’ (довести действие до предела) и *дограбитися*[2] ‘грабя, дойти до какой-л. степени’ (дойти до нежелательного состояния) [2, 4: 282]; *доложити*[1] – 1) кого ‘изложить дело вышестоящему лицу (для решения)’ || ‘поставить в известность’; 2) кого, чего ‘спрашивать кого-л., искать указаний в чем-л., где-л.’ и *доложити*[2] ‘добавить’ [2, 4: 304]. В омогруппе *докладъ*[1], м. – 1) ‘изложение дела вышестоящему лицу для решения’; 2) ‘разбирательство судебного дела в высшей инстанции’; 3) ‘официальное утверждение (сделки, акта, документа)’ и *докладъ*[2], м. – в выражении *хмѣлевой докладъ* ‘вид подати’ [2, 4: 290-291] не вполне ясно значение префикса в составе второго омонима (‘довести действие до конца’ или ‘дополнительно совершить действие’). Итак, омонимические отношения глаголов и отглагольных существительных с префиксом *до-* могли быть обусловлены следующими факторами: 1) **омонимия производящих при одинаковом значении словообразовательного форманта** (*дозревати*[1-2], *дозрѣние*[1-2], *дозрѣти*[1-2], *достоити*[1-2], *достояние*[1-2], *достояти*[1-2], предположительно *догадатися*[1-2]); 2) **разные значения форманта** (*доложити*[1] – 1) кого ‘изложить дело вышестоящему лицу (для решения)’ || ‘поставить в известность’; 2) кого, чего ‘спрашивать кого-л., искать указаний в чем-л., где-л.’ и *доложити*[2] ‘добавить’ [2, 4: 304]); промежуточное положение занимает омогруппа

докладъ[1-2]; 3) **сочетание этих двух факторов** (*дограбитися*[1-2]); 4) **лексико-семантический способ словообразования или образование новых слов от разных значений исходного глагола** (*доводъ*[1-2]; *доходити*[1] – 1) ‘доходить; двигаясь, достигать какого-л. места’ || ‘настигать’ || ‘иметь доступ’; 2) безл. ‘досягать’; 3) ‘достигать чего-л.’; 4) ‘поступать (в качестве дохода)’; 5) ‘вызревать’; 6) перех. ‘выхаживать, уходом доводить до желаемого состояния’ и *доходити*[2] ‘отработать’ [2, 4: 346]). Особый случай – омогруппа *доносити*[1] – 1) несов. к *донести*$_1$ ‘отнести, принести; доставить куда-л., к кому-л., неся’ и *донести*$_2$ ‘доставить, передать; явившись лично, изложить (известие, сообщение, поручение)’; 2) ‘доносить, делать доносы’ и *доносити*[2] ‘доносить (родить по истечении нормального срока беременности)’ [2, 4: 316].

Большинство рассматриваемых омогрупп разрушилось: например, в современном русском языке есть слово *достояние* ‘имущество, собственность’ [1: 280] (ср. *достояние*[1], с. – 1) ‘наследие, наследственное имение; то, чем кто-л. владеет’; 2) ‘состояние, положение, сан, достоинство, заслуги’ [2, 4: 339]), но нет слова *достояние*[2], с. ‘стояние’ [2, 4: 339]. 3 омогруппы исчезли (*дограбитися*[1-2], *дозрѣние*[1], с. ‘обследование, досмотр’ и *дозрѣние*[2], с. – действие по глаг. *дозрѣти*[2] ‘дозреть’ [2, 4: 288], *достоити*[1] – 1) ‘стоить (чего-л.), быть равноценным’; 2) ‘заслуживать (наказания, порицания)’; 3) безл. ‘следует, должно’; 4) ‘принадлежать’ и *достоити*[2] ‘удостаивать’ [2, 4: 337]), 2 сохранились (*доложити*[1-2], *доносити*[1-2]).

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; Азбуковник, 1975–.

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель; АСТ, 2007.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А – Пантомима). М.: Русский язык, 1999.

В.М. Шетэля
szetela@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия

НАИМЕНОВАНИЯ НА -*АЦИЯ* В РУССКИХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Ключевые слова: грамматика, единица, лексикография, система русского языка, словарь.

Аннотация: В докладе рассматриваются случаи употребления в текстах позапрошлого столетия единиц на -*ация*, а в частности таких из них, как: *агитация, делегация, демонстрация, дотация, инсинуация, манифестация, организация*. И те и другие примеры употребления иллюстрируются фрагментами из русскоязычных текстов XIX века разных жанров.

W. Szetela, PhD in Philology**,** Associate Professor Contrastive Linguistics Department, Moscow State Pedagogical University, Moscow**,** Russia

THE WORDS THAT END WITH -*АЦИЯ* IN RUSSIAN TEXTS OF 19-TH CENTURY

Keywords: grammar, unit, lexicography, the system of the Russian language, dictionary.

Abstract: The cases of the use of units such as agitation, delegation, demonstration, donation, insinuation, manifestation, organization in the text of the century before last are under consideration in this article. Those and other examples are illustrated by the use of the fragments from the Russian texts of various genres of the 19-th century.

Рассмотрение развития терминологической системы русского языка позапрошлого столетия на счет единиц на -*ация* имеет прямое отношение к теме истории русского литературного языка XIX века с ее выходом в следующие столетия.
Примеры на употребление единиц типа *агитация, декламация, декларация, делегация, демонстрация, дотация, инсинуация, манифестация, организация* иллюстрируются фрагментами из русскоязычных текстов XIX века различного жанра.
Отметим факты частотного употребления единиц на -*ация*, что связано с процессом трансформации, который проходил в российском обществе на разных этапах его развития в начале, середине и в конце XIX века.
По данной причине частотное употребление подобных единиц не оказалось не замеченными российскими лексикографами.
Единицы *агитация*, *демонстрация*, *организация* нашли свое место в словарях русского языка данных периодов.
Употребление некоторых из подобных единиц связано с необходимостью оценивать жизнь и политичес-кие дела за пределами Российской империи.
См., напр.:

Агитация (лат. agitatio от agitare – «волновать») – «распространение в обществе настроения в пользу какой-либо идеи или предприятия» [2: 11]; «Старый правовед Н., человек опытный и умный. От начала агитации до настоящего времени он не переменил своего взгляда на восстание, считая его гибелью для страны и народа» (Северная пчела. 1863. № 277). Подробнее о слове см.: [7: 16], [9: 40], [5:141].

Декламация (от лат. declamatio) – «читать выразительно громко вслух»: «Мое восторженное чтенье, или декламация, как он называл, очень его забавляла» [1: 243].

Делегация (через польск. delegacja от лат. delegātiō) – «группа делегатов, представителей»: *делегация* (Северная пчела. 1863. № 255); «Но особенным ораторством отличались члены делегации, державшие в руках своих в то время кормило порядка в Варшаве» (Московские ведомости. 1863. № 142). Этимологию слова см.: [6: 496].

Демонстрация (польск. demonstracja) – 1) «*лат*. – доказательство ясное и убедительное; совокупление известных и сомнительных неподверженных истин, ведущих необходимо к другим неизвестным еще и отдаленным истинам» [10: 678]; 2) «действия народа для выражения своих мыслей и чувств» [Виноградов, 1907, с. 90]: «По последним известиям из Дублина, демонстрация, которую грозили Ирландские конфедераты, прошла спокойно» (Московские ведомости. 1848. № 66).

Дотация (лат. dotare – «снабжать, снаряжать») – «дополнительная мера»; «дополнительное денежное вознаграждение», «доплата», «аренда»: «*дотации* (то же что аренды)» (Северная пчела. 1854. № 76); «Ведь дело идет уж не о дотации герцога Немурского…, а о собственной нашей дотации, в форме гласностей, устностей и т.п.» [8: 195].

Манифестация (manifestacja) – 1) «публичное коллективное выражение образа мыслей, желания, протест, преимущественно в отношении правительства» [2: 361]: «После первой февральской манифестации 1861 года, следствием которой было великолепно подтасованное и искусственно склеенное погребение *пяти офяр*» (Московские ведомости. 1863. № 142).

Организация (франц. organisation – лат.) – 1) «*Лат*. Членосоставление… *Организация политического корпуса*, в иносказательном смысле: означает конституцию Государя или области какой». 2) «*гр*. – соединение известного числа органов в одно целое; устройство, составление» [2: 448]: «*Чимпандзе* – особый вид семейства человекообразных обезьян, после *гориллы* наиболее подходящий своею физическою организацией к человеку» [8: 102]. 3) «Структура»: «Остальные 800 чело-век каждой тысячи были вооружены косами и пиками, име-ли подобную организацию и известны под именем косинеров» (Московские ведомости. 1863, № 30).

Как можно заметить, некоторые единицы обладают определенной окрашенностью языка-источника. Возможно, что по этой причине некоторые из них оказались вне интересов лексикографов.

Литература

1. Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. М.: Детская литература, 1986.
2. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. СПб.; К.; Харьков, 1912.
3. Московские ведомости. М., 1848; 1863.
4. Северная пчела. СПб., 1854; 1863.
5. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1986.
7. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. К.: Рад. школа, 1989.

8. Щедрин Н. (М.Е. Салтыков), Помпадуры и помпадурши // Щедрин Н. (М.Е. Салтыков). Собр. соч. Т. 4. М.: Правда, 1951.
9. Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Н.М. Шанского. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

Загуменнов А.В.
zaw1991@mail.ru
аспирант кафедры русского языка Вологодского государственного университета, Вологда, Россия

«СОСЛОВНАЯ ГРАММАТИКА» XVII ВЕКА КАК ПРОЕКТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: языковая личность, XVII век, сословная грамматика.

Аннотация: в статье поднимается проблема различной степени информативности структурно-системного и лингвоперсонологического видов анализа.

Zagumennov A.V., Post-graduate student, Vologda state university, Russia, Vologda

«THE CLASS GRAMMAR» XVII CENTURY AS A PROJECT: TO THE PROBLEM

Keywords: language personality, XVII Century, a class grammar.

Abstract: The article raises the problem of varying degrees of informativeness structural-systemic and personological analyzes of language.

I. Учет таких параметров, как время и место фиксации текста, статус автора и сфера функционирования документа могут оказаться недостаточным для исследования языковой личности (Г.И. Богин, 1984; Ю.Н. Караулов, 1987, 2010; Е.В. Иванцова, 2010).
II. При исследовании челобитной (жанр) «*Вяжицкаго монастыря* (место) *крестьянина Мурата Пустина* (сословная принадлежность), *о выдачѣ ему изъ монастырскихъ житницъ заёмнаго хлѣба»* учитываются все три фактора, но степень её информативности зависит от «позиции исследователя» (Ф. де Соссюр). Системно-языковой анализ позволяет говорить о превалировании простых предложений в тексте («*Государи, смилуйтесь пожалуйте! А кабала, государи, въ томъ хлѣбѣ мнѣ Муратку не выдана»* [1: 84]*),* о наличии устойчивых словосочетаний *(«бьет челом»),* об использовании лексем, отражающих социальную принадлежность *(«бояромъ и воеводамъ, князю»; «цѣловалникомъ»)* и многом другом, но стиль информанта к этому не сводится. Обращающийся за помощью человек – «*крестьянинецъ*», «*Муратко Семеновъ Пустинъ*», который «*бьетъ челомъ и плачется*». Этого нет в челобитных, например, Мороза Ширяева («*бьетъ челомъ…крестьянинъ*» [1: 84]) из Белозерского, Мелентья Федотова («*бьетъ челомъ…крестьянинъ*» [1: 84]) из Угличского уездов. С другой стороны, даже эти несоответствия можно отнести к жанровой природе текста, к традиции уничижения при обращении к вышестоящему по статусу человеку. Идти по этому вектору – поставить под сомнение саму возможность исследования антропоцентрического фактора в историко-лингвистической проекции.
III. Опыт структурализма необходим в осознании того факта, что Homo Loquens как эмпирически данное может быть изучен путем частичного перевода его самого (а не его речевой деятельности) в абстрактно-языковую плос-

кость рассмотрения. До этого, в большинстве своём, сохранялся разрыв между «сконструированной» (Г.П. Щедровицкий) грамматикой в 60-х – 80-х гг. с одной стороны, и речевой деятельностью с активным процессом её усвоения – с другой. Теория языковой личности с данных позиций предстает обобщенно как метод исследования всех (в идеале) форм коммуникации этноса определенного темпорального среза.

IV. В работах по исторической грамматике и стилистике фундаментом построений при структурно-системном подходе является описание изменений внешней формы единиц языковой системы. Тем не менее здесь также просматривается разрыв между абстракцией и эмпирически данной речевой деятельностью человека. Сравнивая порядные крестьян – Василия Сазонтова и Агафона Кириллова, а также церковного дьячка Ивана Никитина, мы не находим динамики внешних форм (за редким исключением: «*Агафонъ» – «Огафонъ*»), хотя каждый из них мог обладать своей манерой выражения. Помимо цельности самих документов, устойчивости написания, их объединяет сторонняя личность – «*А запись порядную писалъ діячекъ Тифинского посаду Трешка Григорьевъ*» [1: 206 – 207; 208]. Из этого следует, что в документе нам даны не стилистические черты обратившихся за помощью людей, но графика, фонетика и система «индивидуального языка» (И.А. Бодуэн де Куртенэ) переписчика.

V. В свете вышеизложенных тезисов, считаем обоснованным следующий ряд предварительных выводов. Построение антропоцентрической исторической грамматики возможно как последовательное изучение поименованных авторских текстов, чьи создатели составляют определенный пласт общества (сочинения князей, духовных лиц, государственных служащих: И.А. Хворостинина, И.М. Катырев-Ростовского, Г.К. Котошихина и других). Видится

оправданным выдвижение участниками симпозиума обширной дискуссии по реставрации и/или обновлению методологии тех историко-языковедческих дисциплин, которые на данном этапе фокусируется на лично-ориентированном подходе. Продолжительное время большая часть диахронических исследований были либо индивидуально-авторскими лекционными курсами (В.К. Поржезинский, В.В. Иванов; В.В. Колесов и другие), либо монографическими работами. Сейчас накоплено достаточно сведений, точек зрения, позволяющих выдвинуть сначала лингвоперсонологический проект – «сословную грамматику», а уже позже и в идеале – академическую историческую грамматику определенного века, базирующуюся на разработках антропоцентрической парадигмы.

Литература

1. Акты юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства. СПб.,1838.

А.И. Плотникова
morolth@yandex.ru
аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ОКОНЧАНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА

Ключевые слова: история русского языка, родительный падеж.

Аннотация: Доклад посвящен вопросу о присоединении окончания *-у* в родительном падеже единственного числа существительными мужского рода в истории русского языка и о факторах, влияющих на выбор окончания, выяв-

ленных путем комплексного анализа материалов деловых текстов XVII века из различных диалектных зон.

A.I. Plotnikova, post-graduate student of Lomonosov MSU, Russia, Moscow

GENITIVE CASE INFLECTION OF SINGULAR MASCULINE NOUNS IN THE OLD RUSSIAN TEXTS OF THE 17TH CENTURY

Key words: history of Russian language, genitive case.

Abstract: Report is devoted to a problem of choosing the inflection *-у* in genitive case by singular masculine nouns in the history of Russian language and to criteria of the inflection choice, detected by the complex analysis of business texts of the 17th century from different dialectical areals.

В современном русском языке существует вариативность окончаний родительного падежа у неодушевленных существительных мужского рода в единственном числе: некоторые существительные способны присоединять в данной форме окончание *-у* наряду со стандартным окончанием *-а* (*выпить чая/ чаю, много народа/ народу*). Наличие данных вариантов объясняется историческими процессами взаимодействия существительных древнего *ŭ-склонения (например, *медъ, домъ, сынъ, ледъ, вьрхъ, станъ, чинъ* и др.) и *ŏ-склонения, которое происходило в позднепраславянском и раннедревнерусском языке. Вследствие данного взаимодействия основ и последующей унификации их склонения окончание *-у* в родительном падеже единственного числа стали присоединять не только существительные с исходным типом основы на *-й*, но и существительные с исходной основой на *-ŏ*. Однако окон-

чание *-у* в рассматриваемой позиции склонны принимать не все существительные мужского рода. Для выявления причин более или менее охотного присоединения разными группами существительных окончания *-у* мы обратились к текстам старорусского периода, поскольку в них встречается намного больше существительных, принимающих окончание *-у*, чем их имеется сейчас в литературном языке. Работа велась на материале, извлеченном из текстов делового содержания XVII века восточнорусского [1], западнорусского [2] и южнорусского [3] происхождения. Все существительные в родительном падеже были проанализированы путем комплексного градуированного подхода, который предполагал создание разветвленной классификации на основе всех факторов присоединения/ неприсоединения окончания *-у*, которые предлагались исследователями вопроса. В состав классификации вошли следующие факторы: 1) одушевленность/неодушевленность; 2) род; 3) принадлежность значения слова к определенной семантической группе: индивидуальные предметы, вещественные и собирательные слова, абстрактные понятия, местности; 4) значение родительного падежа, которое имеет слово; 5) соотнесенность/несоотнесенность с глаголом; 6) отсутствие множественного числа; 7) акцентологический критерий; 8) односложность/двусложность (при полногласии) основы; 9) задненёбный согласный в исходе основы; 10) отсутствие слога в основе в косвенных падежах. Комплексное исследование существительных по данным параметрам показало, что между определенными факторами существует тесная взаимосвязь и подобные факторы усиливают друг друга, доводя вероятность принятия существительным окончания *-у* до 100%. Это, например, значение партитива и акцентная парадигма *с*: *куплено дегтю бочка* [1: №84 л.48], *ледникъ льду навозили* [1: №82 л.171об., л.172], *солоду пятнатца*^{т} *малено*^{к} *<…> пошло в браги* [1:

№81 л.376], *у кого что есть <…> пороху не сказываю*^{т} [2: №10], *възя*^{л} *<…> запасу двѣ че*^{т}*ве*^{р}*ти сухареи <…>* [3: №71 л.7]. Таким образом, по результатам анализа 588 лексем оказалось возможным выявить существительные ядерного класса принятия окончания *-у* и окончания *-а*, а также периферию: существительные, более склонные к *-у* или к *-а*. Ядерным классом присоединения окончания *-у* являются существительные а. п. *c*, с односложной (или двусложной с полногласием) основой, чаще всего с заднеязычным в исходе этой основы, неодушевленные, с вещественно-собирательным или абстрактным значением, в контексте партитива, соотнесенные с глаголом. Чем больше данных характеристик имеет существительное, тем выше вероятность присоединения им окончания *-у*. Например: *наносо*^{м} *без* <u>*сыску*</u> *оскорблены* [2: №279] (*сыскъ* – существительное а. п. *c*, с односложной основой на заднеязычный согласный, неодушевленное, с абстрактным значением, соотнесенное с глаголом; тут шесть параметров влияют на предпочтение словом окончания *-у*) или *сыска*^{л} *<…>* <u>*меду*</u> *ведра з два* [2: №112] (*медъ* – существительное а.п. *c*, с односложной основой, неодушевленное, со значением вещества, в контексте партитива; здесь пять параметров влияют на предпочтение окончания *-у*). В ядерный класс существительных, присоединяющих окончание *-а*, входят одушевленные существительные, относящиеся к а. п. *b*, не соотнесенные с глаголом, с многосложной основой, выступающие в значении собственно родительного падежа, относящиеся к сакральной лексике, а также заимствованные названия месяцев и названия дней недели (всегда присоединяющие окончание *-а*). Например: *землю* <u>*государя*</u> *нашего* [2: №23] (*государь* – одушевленное существительное а. п. *b*, не соотнесенное с глаголом, с многосложной основой, в контексте родительного принадлежности; тут четыре параметра говорят в пользу стандартного

окончания) или *Боголюбова* <u>*мн*^{с}*тря*</u> *бра*^{т}*е* (бра^{т}е – И. п. мн. ч.) [1: №87 л.20 об.] (*монастырь* — существительное а. п. *b,* с многосложной основой, не соотнесенное с глаголом, в значении родительного принадлежности, относящееся к сакральной лексике; здесь пять параметров обусловливают стандартное окончание). Однако стоит отметить, что для существительных, обладающих признаками, по которым они попадают в ядро присоединения стандартных окончаний или же окончания *-у*, не обязательно утверждается подобное поведение во всех контекстах, но вероятность присоединения соответствующего окончания для них очень велика, хотя точно прогнозировать фактическое поведение какого-либо слова можно не всегда.

Источники:

1. Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.
2. Памятники обороны Смоленска 1609 – 1611. М., 1912.
3. Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. М., 1993.

Л.В. Степанова
аспирант ФГБОУ ВПО «Московский Государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия

НЕОБЫЧНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ СЕМЕЙНОМ ЭТИКЕТЕ

Ключевые слова: имя, обращение, слово, речь, этикет, культура.

Аннотация: В статье рассматриваются необычные индивидуальные именования-обращения, используемые в русском семейно-бытовом общении и составляющие своеобразное

семейное «арго». Основные требования к созданию таких именований: соответствие смысла создаваемого слова характеру адресата и благозвучие созданного слова.

L.V. Stepanova, PhD student Moscow State Psychological and Pedagogical University Russia, Moscow

UNUSUAL APPEALS IN RUSSIAN FAMILY ETIQUETTE

Keywords: name, treatment, word, speech, etiquette, culture.

Abstract: The article deals with unusual individual naming appeals used in the Russian family and everyday communication and constituting a kind of family «slang». Basic requirements for the establishment of such naming: accordance of sense of created word to person's nature and euphony of created word.

Феномен необычности обращений, которые используют партнеры по общению в любом виде коммуникации, особенно очевиден применительно к семейному диалогу. Эта необычность не может быть названа «окказионализмами», потому что речь идет не о случайном, даже удачно найденном слове, а о постоянном, прижившемся слове-обращении, которое используется в семейном диалоге. Кроме того, стоит говорить и о категории стиля как изобретении индивидуальных средств выражения, которые только и позволяют создать обстановку эффективной, гармоничной и целесообразной речи.

В семейном (любовном) диалоге особенно важно увидеть средства, способствующие созданию такого «семейного арго», которое возникает в диалоге двух любящих лиц или целого семейного сообщества. Удачно найденное слово-

обращение приживается и является отметиной или характеристикой именно данной социальной группы. Под «любящими лицами» мы имеем в виду не только супругов, но и обращения родителей к детям, детей к родителям, речевые взаимообращения братьев и сестер и т.д.

Полагаем, что дальнейшее исследование должно включать: 1) анализ конкретных историко-культурных срезов обращений на материале русской классической литературы (такой анализ проведен нами через полное исследование обращений в конкретных произведениях, например, в романе Пушкина «Евгений Онегин», повести Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», его же романе «Война и мир», пьесах А.П. Чехова); 2) анкетирование и наблюдение за семейными именованиями в современной семейно-бытовой речи с целью как изучения словотворчества, так и наблюдений за состоянием современной русской речи.

Здесь можно вспомнить множество историко-биографических примеров и намеков на существование таких индивидуальных обращений-именований, окрашивающих жизнь семьи, из «жизни замечательных людей». Владимир Набоков, начиная автобиографическую повесть «Другие берега», пишет: «Кодом счастливой семьи являются особые индивидуальные слова…» Это и есть «арго» как язык определенной социальной группы, в котором одну из главных ролей играют обращения.

Имеется множество исторических примеров таких обращений. Так, Г.Р. Державин называл свою первую жену Пленира (от слова «плен»), а когда «любезной Плениры не стало» и поэт женился вторично на Дарье Александровне Львовой, которую называл «Милена». Собственно говоря, подобные именования-номинативы подтверждают главный тезис теории именования о «правильности» выбора имени, создающем искомый тип бытия.

Этот тезис подтверждают образцы классической любовной переписки, когда авторы не называют своих адресатов по имени, а пытаются найти именования, в которых либо прямо выражается положительное отношение, либо придумываются шутливые обращения (в том числе игриво негативные), чтобы выразить индивидуальность своего отношения к адресату. В примеры приведем переписку с женами А.С.Пушкина и А.П.Чехова. А.С. Пушкин писал жене: «Поздравляю тебя со днем твоего ангела, *мой ангел*, целую тебя заочно в очи…», или «Ангел мой женка!..»

Наибольший интерес в плане шутливой игры «отрицательными» именованиями вызывает А.П. Чехов, враг всякой пошлости и банальности. Только в письме от 8 сентября 1900 года он называет Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову: «милая моя *актрисочка*… ты *философка*, *умственная женщина*; *дуся* моя…, До свиданья, Оля моя хорошая, *крокодил души моей*!». В других письмах: *«С новым годом, с новым счастьем, милая моя актрисуля, жена моя!»*. Но затем шутливо ругает ее за то, что она не пишет писем: *«Собака, рыжая собака! Почему ты не пишешь мне?..»*.

Для русского семейного диалога характерно многообразие в изобретении новаторских, необычных форм обращений. Наши наблюдения в процессе опрашивания респондентов и анкетирования позволяют выделить в настоящее время следующие способы словообразований и классов слов-номинативов:

1) редкие ласкательные обращения-номинативы, образованные от личных имен с помощью известных уменьшительно-ласкательных суффиксов – эти формы нарочито инновационны и индивидуальны, поскольку говорящий как бы хочет заявить, что так, как он, никто к адресату не обращается. Например: «*Сашуся»*; *«Сергуша», «Вадюсь»*, «*Таньчик*», «*Катышок*» (у Р. Рождественского: «*Катя, Катышок, Катюха*…»); *Григорошик (от Григория)*, *Кит*

(от Никиты), *Лорик, Юляшка, Ирчёнка, Мишаня*. Очевидно, что каждое созданное имя должно прийтись по вкусу и создателю имени, и именуемому, и окружающим, если они участвуют в этой словесной игре;

2) номинативы, имитирующие детскую речь данного человека в раннем детстве, которые сохранились, например, при обращении к уже взрослому сыну: *Тоша, Ташка* (настоящее имя Алексей);

3) необычные формы номинативов, образованные от самих имен – творческое изобретение именователя: *Готик, Гуля, Гудя* (от Галина); от имени «Марина» («дочь моря», «морская») происходят *Мóря, Моренька, Морька*;

4) зоонимы, чье разнообразие увеличилось по сравнению с речью героев классических литературных произведений у Толстого или Чехова, где встречаются только *голубчик* и *голубушка*, наши же современники создали: *зайчик, рыбка, котик, лапка и мн. др*. Не исключено, что это влияние кинематографа и детской литературы.

Необычные семейные прозвища создаются по двум основным принципам: 1) соответствие смысла создаваемого слова характеру адресата; 2) благозвучие создаваемого слова (удобство произношения, отсутствие ненужных ассоциаций). Так, один известный филолог называл в семье свою дочь «Кисила» (или «Киссила») – имя, не имеющее никакого созвучия с настоящим именем, но ассоциируемое и с кошачье-ласковым «кис-кис-», и с некоей «силой», на которую намекает именодатель. Или Даниил Хармс называл свою миниатюрную жену «Фефюлька» и писал: «никому я Фефюльку не отдам…». Таинственно, как рождается такое именование, но оно пришлось ко двору и мужу Даниилу Хармсу, и его жене.

Таким образом, в русском семейном диалоге наблюдается огромное многообразие в изобретении новаторских, необычных форм обращений. В русском речевом этикете го-

раздо большее значение имеет собственно-номинативная функция обращения, т.е. называние адресата по имени с прибавлением оценочных суффиксов. Кроме употребления имени, возможно употребление прозвищ, т.е. называний лица словами, носящими метафорический характер. Необычные обращения-прозвища в русской семье приобретают арготический характер именований, свойственных и употребляемых только в данной семье. Основной состав таких изобретений характеризуется возможностями многообразия уменьшительно-ласкательных суффиксов, традиционных «ласковых» словечек, но также и новообразований, создаваемых участниками данного семейного коллектива (своеобразное семейное «арго»).

СЕКЦИЯ 9
РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

О.С. Иссерс
isserso@mail.ru
д-р филол. наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

ОБУЧЕНИЕ СТРАТЕГИИ ЭВФЕМИИ В КУРСЕ РКИ

Ключевые слова: эвфемизм; русский язык как иностранный; коммуникативная стратегия.

Аннотация: Исследование посвящено анализу эвфемии в русском языке в связи с задачами обучения эффективной коммуникации иностранных учащихся. Обсуждаются методы и средства для формирования коммуникативных навыков в этой сфере. В докладе будут представлены наибо-

лее типичные упражнения для обучения использованию эвфемизмов в современной русской речи.

O.S. Issers, Doctor of Philology, Omsk F.M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia

TRAINING IN EUPHEMISM STRATEGY IN COURSE OF RUSSIA AS A FOREIGN LANGUAGE

Key words: euphemism; Russian as a foreign language; communicative strategy.

Abstract: The research focuses on analysis of euphemism using in Russian language in connection with tasks of effective communicative training for foreign students. Methods and means for communicative skill's formation in this sphere are discussed. The most typical exercises of euphemism's training in modern Russian speech will be demonstrated in the presentation.

На продвинутом уровне обучения русскому языку инофонов становятся актуальными задачи реализации не только простых, но и сложных коммуникативных интенций, которые соответствуют естественной практике речевого общения. Одной из таких интенций является умение маневрировать между двумя стратегиями, неизбежно взаимодействующими в процессе коммуникации, – стратегией искренности и стратегией уместности, такта, вежливости. Последняя коммуникативная задача решается за счет выбора речевых ресурсов, оптимальных для кооперативного общения. Как сказал неизвестный автор, «хорошо говорить то, что думаешь, но плохо говорить это теми же словами». Эвфемия является универсальным свойством любого языка, поскольку базируется на постоянной оценке и пере-

оценке человеком форм выражения, исходящей из стремления к успешной коммуникации. Процесс эвфемизации определенных понятий относится к постоянным и активным языковым явлениям. Структура и тематика эвфемистических «зашифровок» довольно обширны, что позволяет зафиксировать их практически во всех областях современной коммуникации, как в письменных, так и в устных сообщениях.

Эвфемистической заменой служит семантический эквивалент, который хотя и близок по значению, но четко отличается от заменяемого слова уместностью употребления с точки зрения современных этических, правовых и – шире – коммуникативных норм. Знание этих норм и умение сделать правильный выбор входит в цели обучения речевому общению на неродном языке.

Эвфемизмы используются в нескольких функциях: 1) для замены названий пугающих объектов; 2) для замены имен различного рода неприятных, вызывающих отвращение объектов; 3) для обозначения того, что считается неприличными (т.н. бытовые эвфемизмы); 4) для замены прямых именований из боязни эпатировать окружающих (этикетные эвфемизмы); 5) для "маскировки подлинной сущности обозначаемого" и т.д. Все указанные функции актуальны для коммуникативной компетенции говорящих как на родном, так и на иностранном языке.

Формирование представлений о стратегии использования эвфемизмов имеет прямую связь с языковой картиной мира и личным опытом носителей языка. Национально-культурная специфика эвфемии любого языка, безусловно, должна быть учтена при изучении иностранного языка, поскольку уместное употребление эвфемизмов и способность верно их декодировать станет гарантом кооперативного общения, возможности тактичного обсуждения деликатных тем, вуалирования потенциально неприятных тем в разговоре, зна-

ком соблюдения норм коммуникативного поведения в обществе. Для обучения коммуникативной стратегии использования эвфемизмов актуально знание способов и средств эвфемистических замен. Владение продуктивными приемами эвфемизации нередко помогает довести выбор уместного способа обозначения до автоматизированного навыка, что, несомненно, актуально для обучения РКИ.

При преподавании русского языка как иностранного важно помнить, что эвфемия в ряде случаев представляет собой особый коммуникативный прием, который достигается различными средствами и реализуется на различных языковых уровнях – не только лексико-семантическим, но и фонетическом, морфологическом, синтаксическом и даже графическом.

При освоении студентами эвфемизмов и коммуникативных стратегий эвфемизации на материале русского языка необходимо учесть уровень языковой подготовки студентов. Он должен быть не ниже первого сертификационного уровня. Как нам представляется, наиболее эффективно данная работа может быть организована на уровне B2 и C1. Именно на этом этапе формируются навыки эффективного речевого поведения на изучаемом языке, осваивается вариативность средств выражения того или иного коммуникативного намерения, приемы «речевого маневрирования», обусловленные коммуникативной ситуацией и интенцией говорящего.

В работе с эвфемизмами целесообразно выделить следующие этапы:

1) освоение общих и национально-специфичных тематических областей эвфемизации;

2) поиск и идентификация эвфемизмов в контексте;

3) изучение соотношений между референтом и косвенными (эвфемистическими) номинациями;

4) формирование навыка выбора прямых либо эвфемистических номинаций с учетом факторов уместности и целесообразности.
В докладе будут представлены типовые задания и упражнения на каждом этапе работы по освоению стратегий эвфемии в русской речи.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант №14-04-00487).

Н.В. Кулибина
NVKulibina@pushkin.institute
д-р пед. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОПОР В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СМЫСЛОВОМУ ВОСПРИЯТИЮ ТЕКСТОВ (КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ НЕЗНАКОМОГО СЛОВА).

Ключевые слова: русский язык, чтение, когнитивные стратегии, грамматические опоры.

Аннотация: В сообщении рассматриваются важнейшие когнитивные стратегии установления значения незнакомого слова в процессе смыслового восприятия текста, а именно: опоры на грамматический облик слова и его функцию (место) в синтаксической структуре предложения, а также возможности их использования в обучении инофонов пониманию текста на русском языке.

N.V. Kulibina, Dr. of PED. Sciences, Prof., Pushkin State Russian language Institute, Moscow, Russia

THE ROLE OF GRAMMAR SUPPORTS IN THE PROCESS OF SEMANTIC PERCEPTION OF THE TEXT: PROBLEMS OF TEACHING (COGNITIVE STRATEGY FOR ESTABLISHING THE MEANING OF UNFAMILIAR WORDS)

Keywords: Russian language, reading, cognitive strategies, grammar support.

Abstract: The report deals with important cognitive strategy for establishing the meaning of unfamiliar words in the process of semantic perception of the text, namely: reliance on the grammatical form of the word and its function (seat) in the syntactic structure of sentences. As well as the possibility of their use in the training of understanding of the Russian as non-native language.

1. Процесс чтения как на родном, так и иностранном языках имеет уровневый характер. Выделяются три уровня восприятия текста, а именно:
– *уровень значения*, т.е. узнавания грамматических и лексических значений средств языкового выражения текста;
– *уровень смысла*, иными словами, установления смыслов ключевых текстовых единиц;
– *уровень представления*, а именно: воссоздания словесных образов текста в форме читательских представлений (востребован, прежде всего, при чтении художественных текстов) [1; 2].
2. При чтении на родном языке первый уровень восприятия реализуется подсознательно: читатель «просто» узнает известные ему языковые единицы и, как правило, не испы-

тывает трудностей понимания текста. Проблемы возникают в том случае, если читатель сталкивается с чем-то незнакомым, как правило, лексической единицей (заимствованием из другого языка, например).

Читатель-инофон, не имеющий необходимого лексического запаса, именно на этом уровне восприятия текста встречает наибольшее число трудностей. Причем, эти трудности нередко представляются ему непреодолимыми и формируют устойчивое представление о невозможности самостоятельного понимания текста на русском языке, что в свою очередь существенно снижает мотивацию к изучению русского языка.

3. Однако для идентификации значения незнакомого слова инофону необязательно постоянно заглядывать в словарь или ждать комментария преподавателя. Он может поступить так, как в аналогичной ситуации поступает носитель языка: использовать различные виды языковой догадки или, говоря научным языком, *когнитивные стратегии* [1; 2]. Следует отметить, что когнитивные стратегии, о которых идет речь, являются психолингвистическими универсалиями: от языка к языку меняются только языковые единицы, а принцип действия сохраняется.

4. Когнитивные стратегии используют различные виды опор и в первую очередь грамматические. Именно знание русской грамматики (по большей части, основ грамматической системы) позволяет справиться с трудностями. В буквальном смысле: «Грамматика учит читать!»

5. Выделяются две когнитивные стратегии с использованием грамматических опор:

– опора на грамматический облик слова и

– опора на синтаксическую структуру предложения.

Читатель может использовать как одну из них, так и последовательно обе.

6. Первая опора позволяет читателю, определив грамматическую принадлежность слова, в том или ином (но, как правило, достаточном для понимания текста) объеме установить его значение. Принцип создания текста, требующий от читателя тотального использования когнитивной стратегии опоры на грамматический облик слова, представлен в широко известных примерах: от приписываемой Л.В. Щербе «глокой куздры» до лингвистических сказочек Л.С. Петрушевской [1; 2].

Опора на синтаксическую структуру предложения (точнее на функцию слова в предложении) используется в тех случаях, когда первая опора не дает нужного эффекта.

7. Если носитель языка пользуется грамматическими опорами от случая к случаю, то читателю-инофону требуется прибегать к ним более или менее постоянно.

Эффективность использования грамматических опор требует от изучающего русский язык как иностранный знания, как минимум, основ русской грамматики, что вполне возможно даже для начинающих изучать русский язык, т.к. основные грамматические категории формируются уже к уровню А2 (за исключением причастий и деепричастий), что делает возможным полноценное использование в языковом учебном процессе неадаптированных текстов.

Более подробно использование грамматических опор в читательской деятельности описано в методических работах автора тезисов [1; 2], а в учебных пособиях представлены уроки с использованием лингвистических сказочек Л.С. Петрушевской (например, [3: 26–32]).

Литература

1. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке: Метод. пособие для преподавателей русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015.

2. Кулибина Н.В. Читаем по-русски на уроках. Книга для учителя. Рига: RETORIKA-A, 2008.
3. Кулибина Н.В. Читаем по-русски на уроках и дома. Книга для ученика. Рига: RETORIKA-A, 2008.

М.С. Милованова
MSMilovanova@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОПИСАНИЕ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО

Ключевые слова: семантика сочинительных союзов, синонимические связи, происхождение союза

Аннотация: Статья посвящена проблеме описания семантики сочинительных союзов. В работе выдвигаются два основных тезиса: о возможном изучении союзов по принципу *один на фоне другого* (в рамках синонимических отношений); о привлечении материала о происхождении, мотивирующем элементы современной семантики союза.

M.S. Milovanova, Dr. of Philological Sciences, prof., Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

DESCRIPTION OF COORDINATING CONJUNCTIONS IN THE CONTEXT OF LEARNING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Abstract: The article devoted to the problem of describing the semantics of coordinating conjunctions. There are two main

thesises in the article: about possible studying of conjunctions using the principle of “one in the background of the other” (in the limits of synonymous attitudes); about attracting the material about genesis, which is motivating the elements of modern conjunction’s semantics.

Key words: coordinating conjunction’s semantics, synonymous relations, genesis of conjunction.

Сочинительные союзы представляют интерес не только в плане академической или практической грамматики, но и в плане создания специализированной научной грамматики для преподавателей русского языка как иностранного и для исследователей русского языка, для которых он является не родным, а благоприобретенным.

Русский язык обладает разветвленной системой сочинительных союзов: уникальная триада *и – а – но* на фоне диады в европейских языках (союз соединительный – союз противительный), богатейшая синонимика в каждой группе союзов, отражающая разнообразные тончайшие оттенки мысли и чувства. Предметом описания может быть выбран не только вопрос о функциях, общем значении, структуре, конструкциях, в организации которых он участвует, но и вопрос о специфической семантике каждого союза.

Таким образом, накоплен огромный исследовательский (теоретический) материал, описание которого в научной грамматике предлагаем под определенным углом зрения: во-первых, специфические черты семантики союза выявляются и демонстрируются на фоне близкого по смыслу союза; во-вторых, объяснительной силой обладает информация о происхождении союза – если речь идет о поздних производных, сложных по структуре союзах.

Например, конструкции с двойным градационным союзом *не только, но и* восходят к книжным конструкциям с оди-

ночным союзом *но* в его соединительно-градационном значении, каким он обладал в ранний древнерусский период. Ср.: *Не введи в искушение,* ***но*** *избавь от лукавого* – союз маркирует более важное с позиции говорящего. Расчлененный союз оформляет соединительные отношения [1: 665] (или градационно-сопоставительные [2: 172]), однако градационная семантика унаследована им от союза *но*.

Если одни союзы возникают в результате развертывания мысли и усложнения конструкции, как в случае с союзом *не только, но и*, то другие, напротив, появляются в результате компрессии мысли и осложнения семантической структуры элементами экспрессии. Так, субъективно-оценочную семантику разговорных союзов *а то/а не то* с общим значением альтернативной мотивации можно объяснить их формированием в результате эллипсиса. Ср.: *Уходи,* ***а то/а не то*** *плохо будет; Уходи,* ***а [если*** *не уйдешь],* ***то*** *плохо будет.*

Особую сложность представляет толкование простых непроизводных союзов – *и, а, но*. Однако, например, семантическая организация союза *но* может быть выявлена на фоне синонимических связей со средствами связи более позднего образования – *однако*, *только*, *зато*, *впрочем*, *правда* и др., которые развивают одно из направлений его синкретичного значения – *ограничения* и *уступки*. Причем семантические оттенки каждого из синонимов, выявленные благодаря историческому комментарию, влияют на употребление союза: союз только обнаруживает связь с ограничительной частицей *только* – из сущ. *толика* в древнерусском языке; происхождение союза *зато* связано с местоимением *то* в сочетании с предлогом *за* и сохраняет в своем значении сему ‘одно вместо другого’.

Эти союзы развивают сему *гипотетической оценки* в значении ограничения союза *но* и актуализируют свою оценку: *только* – отрицательную, *зато* – положительную. В

конструкции *Поздно,* ***но*** *пришел* и его коммуникативном варианте *Пришел,* ***но*** *поздно* при замене синонимичными союзами возможен только один из вариантов: *Пришел,* ***только*** *поздно* (= плохо) (**Пришел,* ***зато*** *поздно*); *Поздно,* ***зато*** *пришел* (= хорошо) (**Поздно,* ***только*** *пришел*).

Семантика сочинительных союзов являлась предметом исследования в классических трудах В.В. Виноградова и И.А. Поповой, в работах представителей разных школ и направлений: Н.Н. Холодова, Ю.И. Леденева, В.Н. Перетрухина, В.А. Белошапковой, И.Н. Кручининой, Ю.Г. Скибы, Т.А. Колосовой, Н.В. Усовой, А.Ф. Прияткиной, Р.П. Рогожниковой, Л.Д. Беднарской и др., в *семантическом* ракурсе – работы Ю.И. Левина, Е.Г. Крейдлина, Е.В. Падучевой, М.В. Ляпон, В.З. Санникова, Ю.А. Левицкого, О.Ю. Иньковой-Манзотти, К.Я. Сигала, Е.В. Урысон и др.; в *функционально-коммуникативном* аспекте – работы З.Н. Бакаловой. Результаты этих исследований необходимо использовать при изучении и описании особенностей семантики сочинительных союзов, сложной и объемной, влияющей на смысловую организацию всей конструкции – сочетания, предложения, текста.

Вопрос семантических тонкостей сочинительных союзов важен для активной грамматики (в понимании Л.В. Щербы) и для «активной» грамматики, если иметь в виду не воспроизводящий уровень владения языком, а продуцирующий, когда человек оказывается перед выбором: что лучше и почему.

Литература

1. Грамматика русского языка / Академия наук СССР. Институт русского языка. В 2 т. М., 1960.
2. Русская грамматика / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. В 2т. М., 2005.

С.С. Хромов
chelovek653@mail.ru
д-р филол. наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ИНТЕГРАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Ключевые слова: интегративное описание, интонация, речь, язык.

Аннотация: Автор рассматривает различные подходы в описании современной русской интонации с точки зрения интегративной концепции: 1) ономасиологический; 2) семасиологический; 3) антропоцентрический; 4) речетворческий; 5) с точки зрения единства и дифференциации универсальных, групповых и национально-специфических черт. Особое внимание уделяется культурологическому аспекту описания интонации в рамках дискурсивного анализа.

S.S. Khromov, Doctor of philological sciences, Professor, Plekhanov Russian university of economics, Moscow, Russia

INTEGRATIVE DESCRIPTION OF MODERN RUSSIAN INTONATION IN THE SYSTEM OF LANGUAGE AND SPEECH

Keywords: integrative description, intonation, language, speech.

Abstract: The author considers different approaches of the modern Russian intonation according to the integrative concept 1) onomasiological, 2) semasiological, 3) anthropocentrical, 4) speech production, 5) unity and differentiation of universal,

group and national features of intonation. The particular attention is paid to the culturologal aspect of intonation within the analysis of discourse.

Концепция интегративного описания современной русской интонации еще недостаточно развита и четко не определена в трудах отечественных и зарубежных лингвистов и входит в известное противоречие со ставшим уже традиционным поуровневым анализом языка. Звуковая форма высказывания как структурированная целостность отражает: 1) единство универсальных, групповых (типологических, генетических, ареальных) и индивидуальных свойств языка; 2) иерархический характер его уровневой структуры. Соответственно, в звуковой форме высказывания могут быть выделены: конститутивный, парадигматический, синтагматический, прагматический и дискурсивный аспекты. При описании и преподавании русской интонации различают два основных подхода, соотносящихся с различными аспектами в процессе речевого общения: 1) семасиологический – от средств выражения (форм) к их значению (смыслу), ориентирующийся на слушателя, на понимание услышанного; 2) ономасиологический – от значения (смысла) к средствам выражения (форме), ориентирующийся на говорящего, стремящегося к самовыражению. В последнее десятилетие в связи с новейшими теоретическими исследованиями в области лингвистики текста получил широкое распространение второй, ономасиологический подход к описанию и преподаванию русской интонации в иностранной аудитории. Этот аспект как исходный в процессе речевого общения представляется нам основополагающим, поэтому он доминирует в данной работе, хотя последовательная реализация интегрального принципа требует гармонического синтеза обоих подходов.

Другим важным моментом в процессе интегрального описания интонационной системы языка, в том числе в лингводидактических целях, является разграничение, согласно традиции Л.В. Щербы, 1) аспекта языковой системы; 2) аспекта речевой системы; 3) аспекта речетворческой деятельности языковой личности.
В докладе рассматриваются различные подходы к описанию русской интонации исходя из современной парадигмы русистики.

М.Н. Шутова
mnshutova@pushkin.institute
д-р педагог. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ НА ОСНОВЕ ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА

Ключевые слова: русская интонация, иностранные студенты, звучащие тексты.

Аннотация: Методика обучения иностранных студентов (уровень B1–B2) русской интонации на основе звучащих текстов.

M.N. Shutova, Dr. of Educational Sciences, prof., Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

TRAINING OF FOREIGN STUDENTS OF RUSSIAN INTONATION BY SOUNDING TEXT

Key words: Russian intonation, foreign students, sounding text in training

Abstract: Methods of teaching foreign students (level B1–B2) Russian intonation by sounding text.

Известно, что русская речь студентов-иностранцев даже при более или менее правильном произнесении звуков, звукосочетаний в слове, все-таки оставляет впечатление какой-то неправильности, невыразительности, что затрудняет общение. Это происходит оттого, что иностранные учащиеся не владеют интонационными нормами русского языка: неверно расставляют фразовые ударения и паузы, неправильно выбирают мелодические средства, перенося на русскую речь особенности родного языка. Обучение интонации является наиболее сложным аспектом преподавания русского языка нерусским. Интонация является эмоционально-логической основой звучащей речи. Без интонации нет ни предложения, ни речи. Необходимо познакомить обучающихся с такими понятиями как синтагма, синтагматическое членение, интонационная конструкция (ИК), центр ИК, движение тона в предударной, ударной и заударной частях предложения. Исходя из практического опыта, следует сказать, что достаточно убедительна система обучения интонации на базе интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой [1]. Если на начальном этапе обучения студенты знакомятся с основными значениями ИК при нейтральном употреблении, то студенты, владеющие определенным произносительно-речевым уровнем, должны научиться использовать в речи стилистически и экспрессивно окрашенные высказывания, правильно интонационно оформленные.
Основной метод работы над интонацией на продвинутом этапе обучения (уровень B1–B2) – метод коммуникативно-

го анализа звучащего предложения, текста, так как «значение звучащего предложения (высказывания) является результатом взаимодействия значений, выражаемых синтаксической конструкцией, лексическим составом, интонацией, а также смысловым взаимодействием предложения с одним из последующих или предшествующих» [2]. Коммуникативный анализ текста основывается на следующих принципах: 1) основная единица обучения – предложение (высказывание); 2) анализируемое высказывание комментируется со стороны всех его составляющих: синтаксической конструкции, интонации, смысловых связей с контекстом; 3) высказывание рассматривается в динамическом аспекте с учетом возможных ситуативно обусловленных трансформаций как лексико-грамматических, так и интонационных, при этом учитываются смысловые и эмоционально-стилистические оттенки; 4) конечной целью работы над высказыванием является активное его усвоение в единстве лексико-грамматического и интонационного оформления. Такой анализ высказывания превращает работу над интонацией, по сути дела, в работу по развитию речи, что является конечной целью обучения иностранных учащихся русскому языку [4].

Обучение интонации должно проводиться с опорой на живую разговорную речь. Трудности овладения интонацией живой речи связаны с ее модальной функцией, которая отображает многообразный мир человеческих эмоций и волеизъявлений. Учитывая возможности языковой среды, необходимо использовать средства массовой коммуникации – радио, телевидение, кино, театр. Звучащий текст из пьесы, например, анализируется с точки зрения интонации: деление на синтагмы, оформление произношения каждой синтагмы определенным типом ИК, выделение главного слова – интонационного центра. Далее следует отработка техники чтения с учетом интонационного анализа текста.

Для иностранных учащихся необходимо не только понимание, как надо воспроизвести интонацию, но и умение имитировать, подражать. Необходимо, чтобы обучение интонации было максимально приближено к условиям естественной коммуникации. Для этого следует работать над интонацией разных звучащих текстов, под которым мы след за Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, понимаем, что «звучащий текст – это любой текст, прочитанный или произнесенный вслух, в противоположность незвучащему (печатному, написанному, представленному в письменном виде)» [3:168].

На занятиях с иностранными студентами-филологами мы работаем с литературно-художественными текстами и текстами разговорной речи, используя магнитофонные записи. Нами разработана определенная методика по освоению интонации звучащих текстов, которая дает возможность отработанное интонационное оформление высказываний переносить в устную речь.

Литература

1. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. Для иностранцев, изучающих русский язык. М., 1977.
2. Брызгунова Е.А. Смысловое взаимодействие предложений // Синтаксис текста / Под ред. Г.А. Золотовой. М., 1979.
3. Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм: Учебное пособие. 5-е изд. М., 2003.
4. Муханов И.Л. Пособие по интонации для иностранных студентов-филологов старших курсов: Учебное пособие. М., 1989..

Т.Е. Владимирова
yusvlad@rambler.ru
д-р филол. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ БЫТИЯ

Ключевые слова: личность, язык, бытие, онтология, парадигма.

Аннотация: Настоящая работа посвящена онтологическим основаниям лингвистики и лингводидактики, исследующих языковую личность, и формированию новой научной парадигмы, акцентирующей внимание на языковом бытии и ценностных представлениях о смысле жизни.

T.E. Vladimirova, Dr. of Philological Sciences, prof., Institute Language and Culture of Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

ONTOLOGICAL PARADIGM IN A LANGUAGE PERSONALITY AND ITS BEING STUDYING

Key words: personality, language, being, ontology, paradigm.

Abstract: This article is dedicated to the ontological foundations of linguistic and linguodidactics investigating a linguistic personality, and to the new scholarly paradigm formation focusing on the language being and value ideas about the meaning of life.

Анализ языка как исконно антропологической лексико-грамматической системы, изоморфной функциональной потребности в познании, общении, воздействии, самовыражении и творчестве, предполагает исследование национальной языковой личности и ее способа бытия. Здесь мы имеем в виду то «*выразительное* и *говорящее* бытие» (М.М. Бахтин), в котором формируется языковая личность. Так, наследуя в процессе возрастания и обучения «культурно-языковую», речеповеденческую, дискурсивную, концептуальную и другие картины мира, человек присваивает и заложенный в них опыт бытия, включая культурные стереотипы, ценности, идеалы и смысложизненные представления. Поэтому родной язык, открывая возможности познания и общения, ограничивает их рамками определенного лингвокультурного пространства, за пределами которого они не действуют или действуют не вполне.

Кроме того, присвоенные культурно-языковые матрицы постепенно наполняются личностным опытом и язык приобретает экзистенциальное измерение, а речь – статус «экзистенциально-онтологического фундамента языка» (М. Хайдеггер). Что же касается личностного способа бытия, то он формируется изначально в области чувств и интуиции, а позднее – в ходе рефлексивного анализа. Когда же с ростом самосознания человек начинает оценивать себя с позиции «свидетеля и судии», у него возникают первые экзистенциальные переживания, которые накладывают отпечаток на сложившиеся представления о мире, о других и о себе. При этом личностная когнитивная интерпретация унаследованных картин мира и потребность в согласованности собственного бытия с культурно обусловленными ценностными представлениями могут создавать «познавательно-этическое напряжение жизни изнутри ее самое» (М.М. Бахтин). В итоге стремление к «полноте времени» и «полноте бытия» и переживания, связанные с реальной действительностью и собственным несовершенством, привносятся в слово и становятся частью концептуальной и экзистенциальной картин мира и бытия. Поэтому в речи

отражаются не только характерные особенности когнитивно-коммуникативной, речемыслительной и языкотворческой деятельности, но также смысложизненные представления и экзистенциальный модус бытия.

Данный подход опирается на холистическую традицию, которая восходит к аристотелевскому пониманию природы речевой деятельности и, шире, бытия: речевая интенция / бытие как потенция / (dynamis) и речевая деятельность / бытие как жизнедеятельность (energeia) соотносятся с искомым речевым совершенством / с «состоянием осуществленности» (entelecheia) [1: 232–233]. Принятие этой парадигмальной установки существенно расширяет исследовательское поле науки. Здесь мы имеем в виду вхождение в него таких объектов, как языковое бытие, которое является источником развития и начальной формой личностного существования на родном / неродном / иностранном языке, и стоящие за ним смысложизненные (энтелехийные) представления. К сожалению, принятие антропологической парадигмы не повлекло за собой обстоятельного исследования способа бытия, характерного для русской языковой личности. Из работ, написанных в русле данной проблематики, назовем коллективную монографию «Иная ментальность», в которой отдельная глава посвящена концепту «savoir vivre» / «умение жить» [2]. Вместе с тем, сопряженность языкового бытия как целостного единства существования и сущности с экзистенциальной философией и психологией привела к введению целого ряда металингвистических понятий: экзистенциальная коммуникация, экзистенциальная пресуппозиция, экзистенциальный концепт и др. Так для предупреждения в межэтническом общении возможных психологических и социокультурных барьеров лингводидактика выделяет экзистенциальную компетенцию, отмечая, что «формы и выражения дружелюбного и заинтересованного отношения, принятые в одной культуре,

могут расцениваться носителями другой культуры как проявление агрессии или оскорбление» [3: 11].

Чтобы избежать редукции языковой личности и продолжить исследования в русле «лингвистики языкового существования» (Б.М. Гаспаров), предлагается исходить из онтологической парадигмы, акцентирующей внимание на способе бытия и ценностных представлениях о смысле жизни. При таком подходе событийная лента жизни предстает как дискурс, складывающийся в сознании на основе когнитивно-коммуникативного и экзистенциального опыта, а языковая личность – как исторически сложившийся прототип носителя лингвокультуры с характерным для него способом бытия и представлением о смысле жизни. Хочется надеяться, что русский способ бытия и его сущностные основания станут объектом внимания лингвистов, лингводидактов и методистов преподавания РКИ.

Литература:

1. Аристотель С. Метафизика. М., 2008.
2. В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005.
3. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Москва – Страсбург, 2003.

Л.П. Мухаммад
ludmilamuh@yandex.ru
д-р пед. наук, профессор, Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, Москва, Россия

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УЧЕБНОГО КОМПЛЕКСА НОВОГО ТИПА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ)

Ключевые слова: учебный комплекс нового типа, антропологический подход, грамматика при реализации учебного процесса, открытость структуры, креативность.

Аннотация: Доклад посвящен грамматическому аспекту учебного комплекса нового типа, т.е. комплекса, состоящего из относительно автономных модулей усвоения языка. Стратегия организации грамматического модуля направлена на формирование языковой личности инофона, его когнитивно-речевых структур, обеспечивающих коммуникацию на русском языке.

L.P. Mukhammad, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

THE GRAMMATICAL ASPECT OF A NEW TYPE RUSSIAN AS THE SECOND LANGUAGE EDUCATIONAL COMPLEX (ELEMENTARY).

Key words: new type educational complex/textbook, anthropological approach, grammar in the learning process, open structure, creativity.

Annotation: The report focuses on grammatical aspect of a new type educational complex, i.e. the complex consists of

relatively autonomous modules of language acquisition. The strategy and organization of grammatical modules aims at formation of linguistic personality to a foreign language speaker, it also focuses on cognitive and speech structures, which provide the communication in the Russian language.

Цель данной работы – представить грамматический аспект создаваемого нами учебного комплекса «Руский язык – с удовольствием!». **Новизна** данного комплекса, в том числе и реализация его грамматического модуля, состоит в следующем:

1. Направленность на формирование специфических когнитивно-речевых структур языковой личности иностранного студента, обеспечивающих его коммуникацию на русском языке. Данная работа проводится за счет специальной методики «встраивания» лексико-грамматических новообразований на русском языке в уже имеющуюся когнитивную структуру обучающейся личности. Такой подход обеспечивает формирование и развитие **целостной** языковой личности инофона.
2. Учебники и учебные комплексы нового типа в заявленном контексте видятся нами как национально ориентированные, созданные на основе учета национальной языковой личности. При таком подходе отбор и организация учебного материала осуществляются на основе двух моделей: а) **статической**, содержание которой формируется на материале сопоставительных грамматик; б) **динамической**, т.е. учитывающей особенности речевого общения национальной языковой личности.
3. Осуществление центрированного на языковой личности обучения диктует выбор такого содержания и структуры учебного комплекса, который состоит из нескольких относительно автономных и в своей основе дублирующих друг друга частей. Так, грамматическая часть (граммати-

ческий модуль) обеспечивает прежде всего когнитивную прогрессию. Данное конструкторское решение позволит учащемуся выбирать в качестве базовых те части, которые оптимально сопряжены с его языковой личностью, с ее потребностями и возможностями. Избыточность же материала каждой из частей позволит учащемуся компенсировать содержание тех частей, которые он по тем или иным причинам не выбрал. Продемонстрируем сказанное на частях (модулях) создаваемого нами учебного комплекса:

3.1. «Скоморошина. Урок-спектакль» – модуль, представленный текстом-сценарием на русском языке. Форма «скоморошины» позволяет студентам с помощью данного сценария общаться на русском языке весело и интересно. **Грамматический аспект** в данном уроке-спектакле также, безусловно, реализуется. Однако он реализуется в большей мере имплицитно: он закодирован в сценических действиях, в диалогических единствах. При этом грамматическая прогрессия реализуется в ее тесной связи с коммуникативной прогрессией. Так, острая необходимость студентов говорить о себе, о своей семье, о количестве братьев и сестер «диктует» автору сценария первым (из косвенных падежей) вводить родительный падеж. Падеж вводится с частицей «нет» в веселой игровой форме: «*Ваш билет*!» − «***Нет** билет**а**!*» − «*Тогда скажите всё это…*» На базе введенной конструкции учащиеся в дальнейшем уже могут сказать: «*Нет брат**а***», «*Нет сестр**ы***», а далее: «*Два бра-т**а***», «*Дв**е** сестр**ы***» и т.д. Кстати, специальным шрифтом выделяется не только грамматический минимум, но и весь обязательный для осуществления продукции материал, к примеру: ***«Привет! Ты кто, если не секрет?»*** Как видим из примеров, данный материал несколько необычен, однако он инвариантен по отношению к материалам традиционных учебников. Весь остальной материал сценария (т.е. материал, не выделенный полужирным шрифтом) предлагается

на рецепцию, однако многие учащиеся очень легко запоминают и затем используют в своей речи «понравившиеся обороты», например: «*Если у вас нет секрета, то вы – не женщина*».

3.2. Одна из важнейших частей описываемого комплекса – это сборник диалогических текстов под называнием «**Коммуникация**». Данная часть состоит из объединенных в уроки текстов-диалогов, обеспечивающих общение в обиходно-бытовой сфере общения. Обычно один урок представлен тремя диалогами. Каждый из этих диалогов, как правило, представляет собой вариант по отношению к аналогичному материалу «Скоморошины». Таким образом, опираясь на все варианты, студент усваивает в том числе и инвариантную модель, на основе которой и построены эти диалоги. Безусловно, на поверхностном уровне этот инвариант экплицирован прежде всего соответствующими грамматическими формами. Такая организация материала помогает учащимся оторваться от текста и строить речь по своему усмотрению.

3.3. Грамматический конструктор под названием «Ключ знаний и умений» − это собственно грамматический модуль. Он, несмотря на свою необычную форму, тем не менее, концептуально соотнесен с первыми двумя частями. Однако, как конструктор, предоставляет возможность студенту выбирать стратегию, которая для него предпочтительна. Например, если студент хочет соотнести грамматическую прогрессию первой и третьей части, то его конструктор диктует следующий порядок падежных оппозиций: №1: именительный-родительный; №2: именительный-предложный; №3: именительный-винительный; №4: именительный-творительный; №5: именительный-дательный и т.д. Однако студент по своему усмотрению может выбрать и другой порядок. Так, например, студент-аналитик начнет с №3.

Н.П. Андрюшина
msu-Andryushina@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, лексический минимум, фразеологизмы, уровень владения языком.

Аннотация: Предлагается рассмотрение лексической компетенции как комплекса компонентов, каждый из которых требует глубокого анализа с позиций современной методики преподавания русского языка иностранным гражданам. При формировании лексической компетенции должна учитываться иерархия уровней владения русским языком.

N.P. Andryushina, PhD of Philology, associate professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE LEXICAL ASPECT OF THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN CITIZENS

Keywords: Russian as a foreign language, communicative competence, lexical minimum, idioms, level of language proficiency.

Abstract: we propose to consider the lexical competence as a complex of components, each requires analysis from the standpoint of modern methodology of teaching Russian as a

foreign language. In the formation of lexical competence the hierarchy of levels of proficiency in Russian should be taken into account.

Как известно, при изучении иностранцами русского языка одной из важнейших задач является овладение лексикой, без которой немыслимо формирование коммуникативной компетенции. К сожалению, не всеми специалистами осознается тот факт, что лексическая компетенция не существует как нечто целостное, однородное, а может быть представлена как система некоторого количества компонентов, каждый из которых требует внимания исследователей. Попытаемся рассмотреть хотя бы некоторые из этих компонентов. Помимо простого заучивания лексических единиц:

* инофон (преподаватель/ методист/ исследователь) должен понимать, какие из значений, зафиксированных в словарях, актуальны для слов того или иного уровня владения русским языком. В связи с этим необходимо аргументированно ограничить объем значений полисемичных слов, предлагаемых для изучения на определенном этапе овладения языком. Эта задача стала тем более важной, что в настоящее время иностранцы предпочитают пользоваться электронными словарями, не обладая достаточным опытом работы со словарным материалом;
* на любом, даже самом низком (элементарном) уровне владения иностранец получает представление о наличии в русском языке синонимии и антонимии. Не подвергается сомнению, что синонимическая и антонимическая системы являются составной частью лексической компетенции. Однако до сих пор не выстроена логика поэтапного предъявления и освоения данных систем. Например, не обсуждался вопрос об объеме синтаксической синонимии или фразеологической синонимии/антонимии на высоких уровнях владения русским языком;

* нельзя забывать о стилистической принадлежности лексических единиц, при этом должна быть продумана последовательность и динамика представления слов, относящихся к различным стилям, а также слов различной экспрессивно-эмоциональной окраски;
* необходимо принимать во внимание активное использование в русском языке устойчивых словосочетаний и фразеологизмов. Данный компонент лексической компетенции изучен крайне слабо, в лучшем случае в учебниках описаны конструкции речевого этикета. В учебных пособиях эпизодическое включение устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок производится, как правило, в соответствии с вкусовыми предпочтениями авторов.
* наконец, следует признать необходимость составления словаря лингвокультуры применительно к преподаванию русского языка иностранцам с учетом уровневой иерархии.

Все перечисленные компоненты лексической компетенции должны учитываться при измерении уровня владения языком, т.е. при конструировании тестов по русскому языку как иностранному в рамках Российской системы тестирования, а также при создании учебников и учебных пособий, ориентированных на определенный уровень владения русским языком как иностранным.

Е.С. Малеева
elena.maleeva@fh-vie.ac.at
канд. филол. наук, доцент, преподаватель Венского университета прикладных наук, BFI, Вена, Австрия

ИЗУЧЕНИЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ НА ЗАНЯТИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, деловое общение, реклама.

Аннотация: В докладе описывается опыт работы по подготовке иностранных студентов продвинутого этапа обучения к сдаче экзамена по русскому языку делового общения на базовый сертификационный уровень, рассматриваются возможности комплексного изучения на занятии рекламного текста.

E.S. Maleeva, candidate of philological sciences, associate prof. University of Applied Sciences BFI Vienna, Austria

STUDYING OF ADVERTISING TEXTS IN CLASSES OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Keywords: Russian as a foreign language, business communication, advertising.

Abstract: This report describes the experience teaching advanced level students to pass basic level exam in business Russian, considering complex studying possibilities of an advertising text in class.

Реклама достаточно широко изучается в современной теоретической лингвистике, при этом языковеды подчеркива-

ют пестроту жанров, гибридность исследуемых текстов, анализируют в них элементы научного, научно-популярного, официально-делового, разговорного стилей, выполняющие новые рекламные функции. Такая контаминация стилей и жанров речи в рамках одного небольшого текста, безусловно, создает трудности восприятия информации для иностранцев и осложняет работу преподавателя. Опыт изучения рекламы на занятиях с инофонами еще не описан.

При обучении будущих экономистов в BFI одной из задач преподавателя-русиста является подготовить учащихся к сдаче экзамена, разработанного учеными из Института русского языка им. А.С. Пушкина. В рамках формата экзамена базового уровня реклама включается разработчиками в задания по чтению, аудированию и письму. В связи с этим педагогу необходимо подобрать соответствующие тексты и продумать упражнения для обучения этим видам речевой деятельности. Естественно, что обязательным учебным пособием на таких занятиях является тестовый практикум.

Целесообразным представляется начать изучение рекламного текста с заданий по чтению. Обращает внимание на себя тот факт, что в практикуме даются рекламы только московских банков, компаний, фирм, выставок. В то время как именно специфика регионального бизнеса вызывает особый интерес у будущих менеджеров, так как международное сотрудничество России с европейскими странами строится прежде всего на региональном уровне. В связи с этим возникает необходимость на занятиях по русскому языку как иностранному показать богатство российских регионов, разнообразие форм бизнеса в провинции. Подспорьем для педагога в выполнении этой задачи может стать учебный комплекс «Путь к успеху» (Т. Блюм, Е. Горелова), использующийся в практике преподавания студентам начального этапа обучения. Естественно, что, завершив с ним работу, студенты хотели бы и дальше, при

подготовке к экзамену на базовый уровень, заниматься по учебным материалам, которые не ограничиваются только столицей. Это ставит перед преподавателем задачу подобрать соответствующие тексты. Думается, что кроме предлагаемых учеными ИРЯП тренировочных реклам интересно использовать рекламы из австрийских русскоязычных журналов «Австрийский стиль», «Венский журнал», газеты «Давай», так как именно там будущие специалисты со знанием русского языка могут найти информацию работодателей о вакансиях. В процессе комментированного чтения педагог обращает внимание на заявленные в текстах рекламные слоганы, характеристику видов предлагаемых услуг, описание продукции и потребительские свойства товаров. Таким образом, студенты пополняют свой словарный запас и знакомятся с грамматическими конструкциями. После чтения обучающиеся легко отвечают на вопросы и рассказывают о системе организации рекламной деятельности фирм, в которых они работают; отмечают, какой процент бюджета фирма может позволить себе потратить на рекламу, кто в фирме отвечает за рекламу, какие виды рекламы используются, какие преимущества есть именно у этого вида рекламы, есть ли у фирмы интернет-сайт и т.д. Для домашнего чтения преподавателем выбираются небольшие адаптированные интервью о семейном бизнесе из российских региональных журналов, которые служат исходным материалом для заданий, связанных с написанием рекламы. Студенты без труда находят в текстах девизы фирм, конкретные услуги компаний, информацию о сильных сторонах регионального бизнеса. Особый интерес у обучающихся вызывает сопоставительная работа со слоганами. В процессе анализа студенты приходят к выводу, что неудачно сформулированный слоган может привести к непредвиденному культурному шоку, даже нанести ущерб марке или продукту. Думается, что

такого рода задания необходимы в иностранной аудитории, так как они позволяют подчеркнуть специфику межкультурной коммуникации, выраженной лингвистическими и экстралингвистическими средствами. Кроме того, такие упражнения повышают творческую активность студентов, способствуют пониманию важности лингвокультурологических знаний, мотивируют к более глубокому изучению иностранных языков.

В качестве заданий по письму авторами тестового практикума предлагается написать рекламы для фирм, занимающихся производством товаров и их продажей. Опыт работы в иностранной аудитории показывает, что студентов интересует весь спектр услуг современного российского бизнеса. Преподаватель дает задание написать рекламы известных австрийских фирм, активно сотрудничающих с российскими компаниями. Педагог обращает внимание на наличие важных составляющих рекламы, таких, как: слоган, название фирмы, название страны-производителя, наименование и виды продукции, характеристика качества товаров, скидки в розницу и для оптовых покупателей, поощрение постоянных клиентов, сроки гарантийного обслуживания, виды доставки товара, реквизиты фирмы. После просмотренных презентаций о плодотворном сотрудничестве австрийских и российских регионов, накопленного запаса лексики и отработанных грамматических конструкций обучающиеся с удовольствием пишут рекламные тексты для австрийских предприятий. Как показывает опыт, аудирование не вызывает трудностей. Более того, прослушивание рекламных текстов, в отличие от предлагаемых разработчиками экзамена других блоков, кажется студентам самой легкой частью, что, в принципе, и является результатом последовательной работы педагога.

Таким образом, комплексное введение языкового материала на каждом этапе обучения помогает сделать процесс

изучения русского языка эффективным и интересным. Описанный опыт работы по подготовке студентов продвинутого этапа обучения к сдаче экзамена по русскому языку делового общения на базовый сертификационный уровень, думается, будет полезен не только преподавателям, но и разработчикам учебных и экзаменационных заданий.

Л. И. Погорельская
pogorelskaya.l@yandex.ru
канд. пед. наук, профессор Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова», Санкт-Петербург, Россия

О СОДЕРЖАНИИ КОРРЕКЦИОННОГО КУРСА ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ 1 КУРСА ИЗ РЕСПУБЛИКИ ТУРКМЕНИСТАН

Ключевые слова: русский язык, грамматика, обучение иностранных учащихся.

Аннотация: Статья посвящена вопросу обучения грамматике русского языка обучающихся из республики Туркменистан, не проходивших систематического курса русского языка. Данный контингент учащихся не владеет в достаточной степени основными грамматическими категориями русского языка (род, число, падеж, вид глагола и т.д.), вместе с тем могут объясняться на так называемом «уличном русском». Основным принципом разработки содержания обучения русскому языку этого контингента учащихся является принцип системности при представлении основных грамматических категорий.

L.I. Pogorelskaya, Ph. D., prof., Military Training and Research Center «Naval Academy behalf of Fleet Admiral NG Kuznetsov»

THE CONTENT OF THE COURSE CORRECTION OF GRAMMAR OF RUSSIAN LANGUAGE FOR STUDENTS OF 1ST YEAR OF THE REPUBLIC OF TURKMENISTAN

Key words: Russian language, grammar, Training of foreign students.

Abstract: The article is devoted to learning the grammar of Russian language students from the Republic of Turkmenistan, has not held a regular course of Russian language. This enrollment has not sufficiently major grammatical categories of Russian language (gender, number, case, the form of the verb, etc); however, can be explained by the so called «Russian street». The basic principle of the learning content development of the Russian language is the enrollment systems principle when presenting the main grammatical categories.

Среди прибывших для обучения в вузе студентов из республики Туркменистан, показавших удовлетворительные результаты при входном тестировании и приступающих к изучению учебной программы 1 курса без предвузовской подготовки по русскому языку значительное количество обучающихся не получало систематического курса по русскому языку. Данный контингент обучающихся обладает ограниченным словарным запасом, слабо владеет грамматикой; из умений речевой деятельности лучше всего развиты умения говорения (на так называемом «уличном» или «базарном» русском); умения чтения и аудирования нетрудных текстов: они способны уловить лишь самую суть

письменного текста или аудиотекста; при письме используют простейшие синтаксические структуры, стараясь использовать конструкции исходного текста или конструкции, данные в задании.

Перед преподавателем русского языка встаёт задача за ограниченное количество часов учебной работы так организовать учебный процесс со студентами из Туркмении, чтобы учащиеся смогли познакомиться с грамматической системой русского языка, освоить все основные грамматические категории, увеличить лексический запас (как активный, так и пассивный), научиться строить фразу, овладеть её структурой: научиться извлекать и перерабатывать текстовую информацию: сформировать необходимый круг знаний по страноведению и лингвокультурологии.

Первоочередной задачей преподавателей, ведущих занятия с учащимися данного контингента, стало обоснование и выбор основного направления коррекции содержания учебной работы по развитию грамматических навыков и умений, определение самого «слабого места» в представлениях и знаниях учащихся по грамматике русского языка.

Прежде всего, это грамматическая категория рода имён существительных, прилагательных и т. д., отсутствующая в туркменском языке. Длительной отработки требует тема «Вид глагола», в частности формообразование в видо-временной системе русского глагола, использование форм совершенного и несовершенного вида в различных ситуациях со значением законченности/незаконченности действия, его единичности или повторяемости, результативности действия, информирование о выполнявшихся действиях без упоминания об их результативности и др.

Особенно трудной для усвоения явилась тема «Глаголы движения»: названия видов движения, видовое и временное формообразование каждого из глаголов, спряжение глаголов по лицам и числам; образование, значение и упо-

требление приставочных форм, причём всё это должно быть усвоено в ограниченный период времени. Наиболее эффективным видом работы в таких условиях явилась работа по ситуациям, заданным рисунком, рассказам, схемой передвижения лица или объекта, описание вида движения с указанием его особенностей (единичность, повторяемость, результативность и др.); сочинение собственных сообщений о поездках, походах, путешествиях по аналогии с изученным текстом или с опорой на рисунок или схему.

Самыми важными видами учебной работы для учащихся с низким уровнем подготовленности по русскому языку явилось обучение неподготовленной устной и письменной речи. Если такие учащиеся могли принять участие в диалоге, ответить на вопрос, спросить о чём-то интересном для них, то составить собственный текст, даже небольшой, без опоры или образца, были не в состоянии. Учебную работу по обучению устной речи с ними пришлось начинать с аудирования простейших диалогов и текстов, морфологического анализа языковых средств, синтаксического анализа предложений, выполнения имитационных упражнений, подстановочных упражнений, ответов на вопросы, восстановление вопросов или реплик, составление диалогов по образцу, диалогов по ролям, исполняемым в определённой ситуации. Содержание диалогов соответствует ситуациям учебно-профессиональной и социально-бытовой сфер общения, наиболее востребованных для учащихся. Обучение письменной речи проводилось на основе специально отобранных текстов, соответствующих тематике вышеуказанных сфер общения иностранных учащихся. Учебная работа по формированию и развитию письменной речи включала чтение нетрудных текстов, овладение их содержанием и языковыми средствами, синтаксическими конструкциями, выполнение письменных и устных заданий, направленных на развитие умений письменной речи: от

диктантов, подстановочных и трансформационных упражнений до ответно-вопросных заданий, включая продуцирование вопросов по содержанию текста и вопросов к фразам по членам предложения (субъекту, предикату, объекту и т.д.), запись этих вопросов и ответов на них. Такой вид работы даёт учащимся возможность «прочувствовать» структуру русского предложения, научиться опознавать члены предложения, их значение и роль во фразе и связанную с их функцией в предложении формой, словарным выражением.

Именно поэтому в коррекционном курсе грамматики русского языка особое внимание должно уделяться введению теоретических сведений, развитию навыков определения родовой принадлежности имён существительных, навыков формообразования, согласования имён, глагольного управления, системы видов глагола и многое другое.

Т.П. Вязовик
samolva@list.ru
канд. филол. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологии и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ ПРИ ОПИСАНИИ ЭМФАТИЧЕСКИХ УКАЗАТЕЛЬНЫХ НЕОДНОСЛОВНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Ключевые слова: эмфатический, указательные местоимения, неоднословные местоимения, комплексный подход.

Аннотация: В центре внимания – местоименные сочетания типа «вот что» с неизменно ударной частицей «вот». Они представляют систему эмфатических указательных место-

имений со значением определенности, которая может быть адекватно описана при учете взаимодействия единиц фонетического, лексического, грамматического, текстового уровней и новых современных подходов к описанию языка.

T.P. Viazovik, Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, Russia

THE INTEGRATED APPROACH IN THE DESCRIPTION OF EMPHATIC MULTI-WORD DEMONSTRATIVES

Keywords: emphatic, demonstratives, multi-word pronouns, integrated approach.

Abstract: The report deals with the description of combinations of the particle *vot* and interrogative pronouns, such as *vot chto*, etc., in which the particle *vot* is pronounced with a constant logical stress. The author considers them as emphatic multi-word demonstratives, which may be described taking into account the integrated approach.

Новые подходы к описанию языковых фактов нередко вводят в научный оборот явления, которые долго существовали на периферии языковой системы и не привлекали пристального внимания грамматистов, а потому не были описаны системно. Речь идет о «новой» группе местоимений со значением эмфатической определенности, образованных на базе вопросительно-относительных местоимений с помощью неизменно ударной указательной частицы «вот», которые фиксируются словарями начиная с XVIII в., по традиции описываясь как одно из значений частицы «вот». Вместе с тем примеры, подтверждающие эту мысль, дока-

зывают, что речь идет не о значении частицы, а о самостоятельном указательном местоименном сращении, выполняющим свойственную указательным местоимениям анафорическую (в широком смысле слова) функцию (*[Клара:] Злодеи мои, враги мои: вот как он домочадцев своих называет. Сум. Лих. 95.* и т.п.).

Как показывают материалы, эти единицы характеризовали долгое время только разговорную речь. До XVIII в. в словарях, отражавших письменные тексты, такого рода единицы не фиксируются. Однако уже в художественных текстах XVIII в. мы встречаем их как вполне обычное явление в основном в диалогической речи в качестве приема стилизации речи разговорной, что подтверждает интуицию Г.Н. Акимовой о разговорном субстрате таких единиц. В художественной литературе их употребление служило и до сих пор преимущественно служит приемом стилизации разговорной речи, встречаясь в драматических произведениях или в диалогах прозаических текстов, или монологах с ярко выраженной эмоциональностью. Впервые о такого рода местоименных сочетаниях (сращениях) было упомянуто у Г.Н. Акимовой, а позже – в диссертационном исследовании автора. Однако вопрос о существовании системы указательных местоимений, состоящих из двух отдельных компонентов, в те годы не ставился.

Как представляется, данные единицы являются по своему значению и функциям указательными неоднословными местоимениями и представляют систему, образованную, подобно неопределенным и отрицательным местоимениям, от всех семантических типов вопросительно-относительных местоимений (местоимения понимаются широко и включают местоименные наречия) с помощью частицы. У анализируемых местоимений частица «вот» переходит из разряда смысловых в разряд словообразующих, превращаясь в агглютинирующий префикс: *вот кто* (лицо), *вот что*

(предмет), *вот какой* (признак), *вот чей* (принадлежность), *вот где, вот куда, вот откуда* (место), *вот когда* (время), *вот почему* (причина), *вот зачем* (цель) и др.

Анализ особенностей функционирования таких местоимений по сравнению с традиционными указательными местоимениями оказывается невозможным без рассмотрения их фонетической специфики и связанных с ней коммуникативных и семантических свойств. Так, данные местоименные сочетания имеют неизменное логическое ударение на частице «вот», что позволяет их рассматривать как сочетания с постоянной рематичностью (Ю.Д. Апресян). Логическое ударение на частице «вот» в процессе функционирования ведет к появлению у такого рода сочетаний смысловых коннотаций со значением контрастивности (Т.М. Николаева). Не менее существенным является свойственное данным неоднословным местоимениям значение определенности, отмеченное Н.Ю. Шведовой и А.С. Белоусовой, что позволяет вписать их в систему местоимений в рамках теории о местоимениях как исходных смыслах.

Крайне существенным является определение лексического статуса данных сращений. Функциональный подход позволил лингвистам обратить более пристальное внимание на такое явление, как служебные части речи (структурные слова), особенностью функционирования которых является зависимость от экстралингвистических ситуаций. Наряду с этим в сфере исследований лингвистов оказались и так называемые эквиваленты слова (Р.П. Рогожникова), т.е. сочетания служебного и знаменательного слов, выступающих в единой грамматической функции. Это дало возможность подойти к пониманию лексической специфики этого рода сочетаний, определить их отличия от других подобных сочетаний, в том числе местоименных (Т.П. Вязовик). Функциональный подход позволяет рассматривать эти местоименные сращения с учетом их роли в комму-

никации. Обращает на себя внимание тот факт, что анафорические (катафорические) возможности этих единиц очень широки. Они функционируют как в препозиции, так и в постпозиции на разных синтаксических уровнях: в простом, бессоюзном сложном, сложноподчиненном предложениях. Не менее, если не более широки их конструктивные возможности на уровне текста. В частности, они являются конституирующим компонентом вопросно-диалогических единств. Очень часто данные местоименные сращения формируют разные по объему сверхфразовые единства в пределах монолога, выполняя функцию катафоры (препозиция) или анафоры (постпозиция).

Таким образом, функциональный подход позволяет выявить роль данных местоименных сочетаний в коммуникации, что оказывается возможным лишь при обращении к разным уровням языковой системы: фонетическому, лексическому, грамматическому, текстовому.

Л.И. Ручина
ruchinanngu@yandex.ru
канд. филол. наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ И ОСВОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАНЦАМИ

Ключевые слова: когнитивные модели, концепт, методика описания концепта, ассоциативный эксперимент, практика преподавания РКИ

Аннотация: В работе рассматривается лексическая объективация и смысловое наполнение концептов *народ* и *элита* в соответствии с разработанной методикой описания концептов.

L.I. Ruchina, Cand. of Philological Science (PhD). Decan of Philological Faculty, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

COGNITIVE CONTENT CONCEPT PATTERNS AND STUDY OF RUSSIAN SEMANTIC SPACE BY LEARNERS OF RUSSIAN AS SECOND LANGUAGE

Key words: cognitive patterns, concept, concept description methodology associative experiment, Russian-as-second-language practice

Abstract: Lexical objectivisation and concept content of “people” and “elite” are considered in accordance with the description concept methodology developed.

1. Знание национально-культурных особенностей языковой концептуализации того или иного фрагмента действительности в изучаемом языке существенно углубляет уровень его изучения, так как предполагает не только освоение самых языковых единиц и категорий, но и концептуальных схем, целостных норм, речеповеденческих стратегий и культурных моделей, стоящих за ними.
2. На кафедре преподавания русского языка в других языковых средах Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского проводятся исследования, связанные с изучением национальной концептосферы как системно организованной совокупности мыслительных единиц (концептов). В качестве единицы описания мысли-

тельного образа, который закреплен за словом в сознании носителей языка, используется научное понятие «концепт».
3. Лексическая единица, получившая статус концепта, анализируется в соответствии с методикой описания концептов, разработанной на кафедре. Результаты отражаются в словарной статье концепта. В словарной статье фиксируются парадигматические и синтагматические связи заглавного слова, языковые и речевые значения лексической единицы, выявленные на основе анализа этих связей, приводятся образованные по разным деривационным моделям производные слова, приводится перечень когнитивных признаков концепта.
4. В докладе рассматривается смысловое наполнение в национальном сознании и лексическая репрезентация концептов *народ* и *элита*. Материалом для исследования послужили публицистические тексты из Национального корпуса русского языка и данные ассоциативного эксперимента.
5. Полученные результаты позволяют сделать вывод о релевантности использования некоторых аспектов языковой концептуализации мира в практике преподавания русского языка как иностранного.

Т.В. Страмнова
TVStramnova@pushkin.institute
К.п.н., доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Г.А. Шантурова
GAShanturova@pushkin.institute
доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Москва, Россия

УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНОГО КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКИХ СТАЖЕРОВ В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАММАТИКА)

Ключевые слова: национально-ориентированное обучение, когнитивный стиль, асимметрия полушарий мозга.

Аннотация: В данной работе проанализировано понятие когнитивного стиля, а также обоснована целесообразность учета когнитивных стилей в процессе обучения РКИ; определены некоторые когнитивные стратегии при изучении грамматики, учитывающие активность полушарий мозга в реализации речевой функции и памяти.

T.V. Stramnova, candidate of pedagogical sciences, associate Professor Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow.

G.A. Shanturova, associate professor Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow.

ACCOUNTING OF NATIONAL COGNITIVE STYLE IN THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF CHINESE TRAINEES IN PRACTICAL COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (ASPECT OF COMMUNICATIVE GRAMMAR)

Keywords: national-based learning, cognitive style, the asymmetry of the cerebral hemispheres.

Abstract: In this paper we analyzed the concept of cognitive style, as well as the expediency of accounting cognitive styles in learning trials; identified some cognitive strategies in the study of grammar, taking into account the activity of the cerebral hemispheres in the implementation of the function of speech and memory.

1. Современная методика преподавания РКИ, связанная с антропоцентрическим подходом к обучению, проявляет значительный интерес к проблемам национально-ориентированного обучения, решение которых позволяет методически грамотно организовывать учебный процесс, в полной мере учитывающий национально-психологические особенности учащихся. В методике преподавания РКИ данная проблема нашла свое отражение в работах Т.М. Балыхиной, И.Е. Бобрышевой и др. Анализ исследований работ этих авторов позволяет сделать вывод о необходимости разработки методических приемов, ориентированных на когнитивный стиль обучаемого.
2. Когнитивный стиль понимается нами как *«относительно устойчивые индивидуальные особенности познавательных процессов субъекта, которые выражаются в используемых им познавательных стратегиях»* [1: 97]. Когнитивный стиль характеризует познавательную деятельность учащихся, отражающую особенности их познавательных

процессов − восприятия, внимания, памяти, мыслительных операций, а также отражает индивидуально-психологические особенности познавательных процессов, предрасположенность к использованию свойственных человеку способов взаимодействия с информацией. Существуют различные классификации когнитивных стилей, однако важнейшим фактором, лежащим в основе этих различий, является **функциональная асимметрия полушарий головного мозга**. Актуальность когнитивного подхода в обучении китайских студентов определяется тем, что по когнитивному стилю китайское мышление относится к правополушарному. Из множества когнитивных стилей нами выделены следующие:

полезависимость/поленезависимость;

вербально-логический/образно-действенный,

так как именно эти когнитивные стили оказывают непосредственное влияние на интеллектуальные и психологические процессы усвоения языкового материала.

3. Нами рассматриваются некоторые психофизиологические особенности китайских учащихся, которые необходимо учитывать при работе над грамматическим материалом. К таким особенностям относятся: холистическое мышление (функциональная латерализация), затруднительное запоминание слов вне контекста, запоминание от образа к слову с опорой на зрительную и эмоциональную сферу, быстрое формирование оперативной памяти, но трудности с долговременной, необходимость отсроченного повторения и т.д. Грамматика рассматривается нами в терминологии, предложенной Л.В. Щербой, который, как известно, предложил разграничение активной и пассивной грамматики. Здесь мы останавливаемся на активной или коммуникативной грамматике, которая обеспечивает учащимся общение в учебных и повседневно-бытовых сферах и отрабатывается в

процессе работы над такими ВРД, как аудирование, говорение и письмо.

4. Минимизированный учебный материал по грамматике подается на основе логико-смысловых значений т.е. от смысла к средствам выражения в виде типовых речевых образцов или готовых предложений, соответствующих коммуникативным целям высказывания. Основные теоретические положения (принцип системности, комплексной функциональности, зрительной доминантности, ситуативности, аналогии) иллюстрируются практическими примерами, направленными на развитие активных грамматических навыков и умений.

Очевидна необходимость в разработке такой технологии обучения, которая бы учитывала особенности национального когнитивного стиля студентов, так как знание влияния когнитивных стилей на процессы обучения и усвоения, может значительно повысить эффективность преподавания русского языка как иностранного.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

2. Бобрышева И.Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая). М., 2001. 113 с.

3. Меленьтьева Т.И. Обучение иностранным языкам в свете функциональной асимметрии полушарий мозга. М. КРАСАНД, 2010.

4. Меркулов И.П. Когнитивные способности. М.: ИФ РАН, 2005.

5. Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания. // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1.

6. Рубец М.В. Когнитивные особенности китайской культуры и языка Психология и психотехника. 2013. № 11.
7. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: ИПЦ «КАРО», 2012.

Грекова О.К.
канд. филол. наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

ГРАММАТИКА РКИ: УКРУПНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ

Ключевые слова: укрупнение грамматических моделей РКИ – фигура и фон – точка отсчёта – эвиденциальность – фокусирование.

Аннотация: Доклад посвящён инструментарию описания грамматических явлений, позволяющему укрупнить модели последних в сфере РКИ: понятию фигуры и фона, точки отсчёта, эвиденциальности (в аспектологии), позиции наблюдателя, фокусирования (в морфологии и синтаксисе словосочетания, предложения и текста).

Key words: integration of RFF Grammar models – figure & background – reference point – evidentiality – focusing.

*Abstract:*The paper concerns RFF Grammar description instruments, aimed at integrating the models: notions of figure and background, reference point, evidentiality (in Aspectology), the observer`s position, focusing (in Morphology and Syntax of word combination, sentence and text).

В современной грамматике вообще и грамматике РКИ в частности наблюдается тенденция всё более активного использования новых когнитивных идей. Заметен значи-

тельный объём инструментария, используемого в последнее время для описания различных грамматических явлений: понятия фигуры и фона, точки отсчёта и точки обзора, эвиденциальности, (например, в аспектологии), личной сферы говорящего, дистанции между диалог-партнёрами, позиции наблюдателя, фокусирования/дефокусирования(в морфологии и синтаксисе словосочетания, предложения и текста), риторических отношений (связывающих структурно-семантические единицы) и др.

Будучи применёнными в сфере описания и представления грамматики РКИ, этот аппарат позволит облегчить инофону распознавание ситуации в рамках определённой национальной картины мира.

Для нынешнего этапа развития учения о грамматике РКИ характерно также внимание к процессам грамматикализации и прагматикализации. Последняя при этом не относится к числу центральных лингвистических понятий. Однако сосредоточенность ряда исследователей на прагматике явления иногда создаёт впечатление, что прагматика ощутимо теснит семантику. Что же касается области РКИ, то здесь прагматические наблюдения и рекомендации являются благом, поскольку помогают инофону адекватно понимать русскоговорящего и реагировать на сказанное им. Прагматический аспект реально присутствует во множестве тем учебного курса РКИ.

Грамматический курс РКИ должен реагировать на прагматическое поле так называемых глаголов движения. Одним из случаев проявления прагматики глаголов движения является их использование в неформальном общении в разговорной речи для передачи значений длительности/быстроты/лёгкости совершения действия, передаваемого другим глаголом.

В аспектологической части современного теоретического и практического курса грамматики РКИ необходимо учиты-

вать бурно развивающуюся в последнее время прагматику форм несовершенного вида, как например тот факт, что при расширении пространства реализации общефактического значения таких форм (включающего ныне более десяти типовых ситуаций) возрастает число негомогенных факторов, ограничивающих эту реализацию.
Новые когнитивные идеи в их функциональном воплощении в целом позволяют укрупнить имеющиеся в арсенале грамматики РКИ модели грамматических явлений и ввести ряд так называемых исключений в тело правила.

О.И. Горбич
OIGorbich@pushkin.institute
канд. пед. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ

Ключевые слова: современные педагогические технологии, педагогическая мастерская

Аннотация: В докладе говорится об особенностях личностно-ориентированной парадигмы современного гуманитарного образования, а также об одной из современных личностно-ориентированных технологий, используемых в преподавании РКИ – педагогической мастерской, ее специфике, сущности и основных идеях. Кроме того в докладе рассматриваются принципы построения педагогической мастерской и особенности работы в ее условиях, обобщается опыт преподавателей и исследователей в проведении мастерских и выделяется общий алгоритм их проведения.

O.I. Gorbich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pushkin State Institute of Russian language, Russia

MODERN PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE. PEDAGOGICAL WORKSHOPS

Keywords: modern educational technology, educational workshop.

Abstract: In the report it is told about features of personal-oriented paradigm of modern education in the Humanities, as well as one of modern personality-oriented technologies in teaching Russian as a foreign language teaching workshop, its specificity, essence and main ideas. Additionally, the report discusses the principles of teaching and Studio work features in a pedagogical workshop, summarizes the experience of teachers and researchers in conducting workshops and highlighted the general algorithm of their conduct.

В последние годы преподаватели русского языка из разных стран все больше интересуются новыми, нестандартными подходами к обучению. Особый интерес вызывают современные педагогические технологии в преподавании словесных дисциплин. В Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина сложилась целая система теоретико-практических занятий (лекции, мастер-классы), в которой большое место отводится личностно-ориентированным технологиям. Преподаватели из разных стран сначала слушают лекцию об особенностях личностно-ориентированного обучения, а потом становятся участниками учебного процесса, «превращаясь» в ходе мастер-класса в учеников.

Какова же специфика личностно-ориентированного обучения? Данным технологиям присущ общедидактический характер, они представляют собой воплощение гуманистических идей в педагогике, психологии и методике. Обучение и воспитание в этих рамках направлено на уникальную личность учащегося, стремящуюся к максимальной реализации своих личностных качеств, открытую для понимания глубинных смыслов деятельности, восприятия нового опыта, способную на осознание жизненных явлений и процессов и ответственный выбор единственно правильного пути в различных ситуациях. В отличие от простой передачи воспитаннику знаний и социальных норм в традиционных технологиях здесь главный результат – осознание педагогом ценности развития человека, а для обучаемых – развитие на каждом уроке и достижение перечисленных выше качеств.

Критериальная база личностно-ориентированного обучения строится на отслеживании и оценке не столько достигнутых знаний, умений и навыков, сколько сформированности качеств ума (интеллекта) как личностных новообразований.

Главное направление личностно-ориентированных технологий в педагогике – формирование и развитие интеллектуальных и речевых умений учащихся, их нравственное развитие, формирование критического и творческого мышления как приоритетных направлений интеллектуального развития человека.

Современные личностно-ориентированные образовательные технологии учитывают возрастные, индивидуально-психологические особенности человека, ориентируются на ученика как на субъект образовательного процесса, который совместно с учителем может определять учебную цель, планировать, подготавливать и осуществлять образовательный процесс, анализировать достигнутые резуль-

таты. Фундаментальная идея состоит в переходе от объяснения к пониманию, от монолога к диалогу, от социального контроля – к развитию, от управления – к самоуправлению. Основная установка педагога – не на познание «предмета», а на общение, взаимопонимание с учениками, на их «освобождение» [2: 25] для творчества. Творчество, исследовательский поиск являются основным способом существования ученика в пространстве личностно-ориентированного образования. Но духовные, физические или интеллектуальные возможности обучаемых не всегда достаточны, чтобы самостоятельно справиться с творческими задачами обучения и жизненными проблемами. Ученику нужны педагогическая помощь и поддержка. Это ключевые слова в характеристике технологий личностно-ориентированного образования.

Своеобразие парадигмы целей личностно-ориентированных технологий заключается в ориентации на свойства личности, ее формирование и развитие не по чьему-то заказу, а в соответствии с природными способностями. Содержание образования представляет собой среду, в которой происходит становление и развитие личности человека. Этой среде свойственны гуманистическая направленность, обращенность к человеку, гуманистические нормы и идеалы. Одной из самых интересных личностно-ориентированных технологий является технология педагогических мастерских.

Мастерская – это необычная форма проведения урока. Данная система иной организации учебного процесса получила развитие в практике французских педагогов, представителей группы нового образования (П. Ланжевен, А. Валлон, Ж. Пиаже и др.).

Принципы построения педагогической мастерской заключаются в том, что мастер создает атмосферу открытости, доброжелательности, сотворчества и общения; включает

эмоциональную сферу ребенка, обращается к его чувствам, будит личную заинтересованность ученика в изучении проблемы (темы); работает вместе со всеми, мастер равен ученику в поиске знания; мастер не торопится отвечать на вопросы; необходимую информацию он подает малыми дозами, обнаружив потребность в ней у учеников; исключает официальное оценивание работы ученика (не хвалит, не ругает, не выставляет отметок в журнал), но через социализацию, афиширование работ дает возможность появления самооценки учащегося и ее изменения, самокоррекции. Одной из особенностей работы мастерской является то, что учитель в функции оратора, рассказчика, разъяснителя нужен лишь тогда, когда самостоятельный поиск не завершается открытием. Однако открытия ждут ученика в мастерской непременно. Сверяя свои старые знания по какой-то проблеме с новым знанием, которое он выстроил сам, испытывая этот «разрыв», ученик, прежде всего, восходит к самому себе, к своему «Я», раскрывается, растет, верит в свои возможности. И это становится главным достижением педагогики гуманизма.

В обобщенном виде принципы работы мастерской можно представить следующим образом.

1. Равенство всех участников, включая педагогов.
2. Ненасильственное вовлечение в процесс деятельности.
3. Отсутствие оценки (точнее, отметки, так как оценка есть и должна быть, но только положительная).
4. Отсутствие соперничества, соревнования.
5. Чередование индивидуальной и групповой работы.
6. Важность не столько результата творчества, сколько самого процесса.
7. Разнообразие используемого материала.
8. Ответственность каждого за свой выбор.

Литература

1. Библер В.С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии. 1989. № 6.
2. Вентцель К.Н. Свободное воспитание: Сборник избранных трудов / Сост. Л.Д. Филоненко. М., 1993.
3. Колеченко А.К. Энциклопедия педагогических технологий: Пособие для преподавателей. СПб., 2005.
4. Левитес Д.Г. Практика обучения: образовательные технологии. М.; Воронеж, 1998.
5. Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов педагогических специальностей / Под общ. ред. В.С. Кукушина. М.; Ростов-на-Дону, 2004.

А.В. Волчек
annavolchek88@mail.ru
ст. преподаватель Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, текст, нефилологи.

Аннотация: В тексте представлена модель обучения русскому языку как иностранному студентов-нефилологов в рамках профессионально-ориентированного обучения.

A.V. Volchek, Senior Lecturer, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE NON-PHILOLOGICAL SPECIALTIES

Key words: professional-oriented education, text, non-philologists.

Abstract: The text presents a model of learning Russian as a foreign language non-philologist-students within professional-oriented training.

В работе мы представляем модель решения проблемы отсутствия специальных профессионально-ориентированных программ в условиях организационных и языковых трудностей, которые существуют при работе на нефилологических специальностях, таких, как музыка и изобразительное искусство.

С момента появления в отечественной методике профессионально-ориентированного подхода к обучению иностранных специалистов, активно разрабатывалась теория текста как основной учебной единицы. Например, при коммуникативном подходе – это различные виды работы с текстом, аутентичным или адаптированным, а также создание собственных текстов.

Текст при профессионально-ориентированном обучении служит для иллюстрирования лексико-грамматической организации языка. Однако без дополнительной отработки лексического материала не представляет никакой образовательной ценности.

В нашем исследовании текст также становится центральным элементом. В соответствии с разработанной моделью обучения, тексты сопровождаются лексическими и лексико-грамматическими заданиями, направленными на усвоение профессиональной лексики и закрепление изученного грамматического материала.

Чтобы определить объем лексического и грамматического материала, необходимого к усвоению в рамках курса, нами были составлены частотные тематические профессиональные словари лексики (AntConc). Полученный словарь был сопоставлен с частотным словарём на базе Национального корпуса русского языка (О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров). Так, показатель употребления терминов в специальных текстах был значительно выше, чем общее количество употреблений в частотном словаре. Например, употребление слова «картина» при отборе лексики для специальности «Изобразительное искусство», в профессиональных текстах в 10 раз выше, чем в общем частотном словаре.

При работе с программой AntConc нами были выделены типичные коллокации, в которых отобранные слова употреблялись чаще в профессиональных текстах, что позволило определить круг грамматических конструкций, необходимых для правильного использования лексических единиц и для профессионального общения.

Составив словник, нами была проведена работа по адаптации текстов, на основе которых были созданы задания на усвоение и отработку предложенного материала.

Для адаптации мы использовали научные и научно-популярные тексты об искусстве. При адаптации мы учитывали частотность слов в профессиональных текстах. Например, если термин встречался редко, он подлежал разъяснению или минимизации при адаптации до необходимого и достаточного уровня. Конечно же, учитывался уровень студентов, на которых мы ориентировались (первый курс бакалавриата, ТРКИ-1). Были составлены тестовые задания открытого и закрытого типов, что позволяло проверить усвоение лексики и грамматики, и усвоение смысла прочитанного текста.

Таким образом, представленная модель обучения нефилологов (специальности музыка и изобразительное искусство) решает проблемы связанные с учётом специальности обучаемых, что не может не влиять на интерес будущих специалистов в изучении русского языка как иностранного.

Л.П. Кожевникова
pointv@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Н.Е. Некора
n.nekora@smolny.org
канд. пед. наук, ст. преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЗДАНИЮ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: русский как иностранный (РКИ); грамматика; функционально-семантический подход; учебные пособия.

Аннотация: В докладе рассматривается возможность создания грамматического учебного пособия на основе функционально-семантического подхода. Представлены основные значимые категории русского языка как основа создания учебника.

L.P. Kozhevnikova, PhD, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

N.E. Nekora, PhD, Senior Lecturer, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

FUNCTIONAL-SEMANTIC APPROACH TO THE CREATION OF TEXTBOOKS ON RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE

Key words: Russian as a Second Language (RSL); grammar; functional-semantic approach; textbooks

Abstract: The article examines the possibility of creating a grammar textbook based on the functional-semantic approach. Main categories of Russian language are considered as a basis for creation of the textbook.

Функционально-семантический подход к изучению грамматики по-прежнему остается одним из важных и возможных методов создания учебных пособий. Категории времени, пространства, субъектности, объектности, посессивности, причины, условия, следствия, уступительности и другие присутствуют практически во всех мировых языках. Языковые средства как ядерные, так и периферийные хорошо описаны русскими грамматистами. Функциональный принцип диктует и структуру учебного пособия по грамматике. Вопрос заключается только в том, чтобы отобрать те средства выражения той или иной семантической категории в соответствии с возможностями иностранных студентов, не перегружая материалы изучения. Отобраны могут быть не только ясные ядерные высказывания, но и периферийные, которые частотны в секторе разговорной речи. На факультете свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета уже несколько лет преподавателями русского языка как иностранного используется учебное пособие «Грамматикон», построенное по указанному принципу. Материалы ориентированы на англоязычных студентов продвинутого уровня обучения. Темы описывают большинство функционально-семантических полей. При отборе материала авторы руководствовались общетеоретическими сведениями функциональной грамматики, а также собственными, проверенными опытом носителей языка, представлениями о частотности,

регулярности и употребительности тех или иных грамматических высказываний и конструкций. В учебном пособии, например, представлены высказывания со следующими значениями: 1) времени, выражаемое предложно-падежными конструкциями, сложными предложениями с разнообразными союзами и союзными словами. Для студентов продвинутого уровня владения русским языком в этом разделе также предлагаются для изучения предложения фразеологизированной структуры (*И не успел он зайти за угол, как его догнала мама, Стоило мне купить новые перчатки, как я их забывала в такси*), 2) посессивности и атрибутивности. Здесь изучаются глаголы со значениями «владение», «обладание», а также словосочетания с семантикой «какой», 3) залоговости, а, следовательно, представлены пассивные глагольные конструкции (имеются в виду глаголы с постфиксом -СЯ: *Этот концерт играется в более быстром темпе; Фильмы Спилберга снимаются не просто как ужастики*). Авторами готовится к публикации часть, посвященная глаголам со значениями реципрока, 4) персональности, представляемое изучением предложений бесподлежащных, куда включены так называемые неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные конструкции. Особое внимание уделяется инфинитивным высказываниям как с формами дательного падежа, так и без них. Параллельно повторяются потенциальное и наглядно-примерное значения совершенного вида. Из вышесказанного следует, что учебное пособие предназначено для студентов, владеющих русским языком на продвинутом уровне. Специально аспектуальной семантике в материалах пособия не уделяется внимание: видовые значения повторяются параллельно с изучением нового материала в той или иной теме, 5) обусловленности, где рассматривается широкий спектр сложных и простых конструкций. Всевозможные способы выражения данной семантики представ-

лены в больших таблицах с надлежащим количеством примеров. Безусловно, особое внимание уделяется значению причины, так как в русском языке каузальность имеет богатый спектр как ядерных, так и периферийных способов выражения. Большую трудность по опыту авторов представляют собой конструкции следствия, многообразные с точки зрения способов выражения. В сфере изучения уступительности интересны конструкции, которые приписываются устной разговорной речи: *Солнце солнцем, а холодно; Читать-то читала, но ничего не поняла; Молодая-то молодая, а уже доктор наук*. Особо выделяются высказывания обобщенно-уступительной семантики. В английском языке они строятся по более простой схеме, поэтому в учебном пособии представлено несколько предложений на перевод. Функционально-семантический подход к созданию учебных пособий имеет безграничные возможности, вследствие того что грамматический сектор выражения языковых единиц все время пополняется новыми лексемами, что создает новые смыслы.

Н.В. Краснокутская
NVKrasnokutskaya@pushkin.institute
преподаватель, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ИХ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ РКИ

Ключевые слова: универсалии, русский как иностранный, сопоставительное изучение языков.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос культурных и лингвистических универсалий и их исполь-

зование в практике преподавания русского как иностранного. Результаты статьи могут найти применение в филологии и методике преподавания иностранных языков, в том числе русского как иностранного.

N.V. Krasnokutskaya, Teacher, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

CULTURAL AND LINGUISTIC UNIVERSALS AND ITS USE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: linguistic universals, Russian as a foreign language, comparative studies.

Abstract: The article describes the issue of cultural and linguistic universals and the problems of its usage in the teaching of Russian as a foreign language. The results of the issue can be applied to philology and teaching of foreign languages including Russian as a foreign language.

В современную эпоху, характеризующуюся все возрастающим усилением глобализации во всех сферах человеческой деятельности, невозможным прежде взаимодействием между народами и, как следствие этого, учащением межэтнических конфликтов и столкновений, особого внимания заслуживает вопрос сходства и различия культур, а также взаимодействия между ними. Традиционно большое внимание, уделяемое различиям между языками и культурами, не делает для нас менее значимыми и интересными явления культурного и языкового сходства и разнообразных взаимосвязей между народами.

Применительно к данной проблематике ученых всегда привлекала проблема поиска и выделения в разных культу-

рах общих, универсальных черт. Так появилось понятие культурных универсалий – им были обозначены такие нормы, ценности, правила, традиции и свойства, которые присущи всем культурам вне зависимости от географического места, исторического времени и социального устройства общества [2: 21].

Проблемой культурных универсалий занимались многие этнографы, культурологи и лингвисты. Так, широко известны работы Джорджа Мердока, составившего «Этнографический атлас» с описанием различных культурных традиций, Клайда Клакхона, включившего в систему универсалий культурные ценности и образ мышления, совпадающие у большинства народов, Кларка Уислера, выделившего как общие для всех культур черты речь, материальные признаки, искусство, мифологию и научное знание, религиозные обряды, семью и социальную систему, собственность, правительство, войну. Исследователи также изучают вопрос существования лингвистических универсалий: явлений, признаков, отношений, тенденций, закономерностей, общих для всех или абсолютного большинства языков. Ученые отмечают, что в универсалиях проявляются одинаковые законы человеческого мышления, например, в универсалии о двучленности предложения. При этом универсалии обычно присутствуют на всех уровнях языковой системы [3: 44].

Изучением лингвистических универсалий начали заниматься еще в античности: появляется учение о частях речи, которые существуют во всех языках. Дальнейшее исследование универсальной грамматики было продолжено Р. Бэконом и Р. Декартом. В 1660 г. А. Арно и К. Лансло создали «Всеобщую, или рациональную грамматику», известную как «Всеобщая грамматика Пор-Рояль».

Изучением лингвистических универсалий занимались также американский лингвист Ю. Найда, отметивший необыч-

ную схожесть внутренней структуры совершенно различных языков: наличие во многих из них таких категорий, как номинации объектов (существительные, местоимения), номинации событий (глаголы) и некоторых других (прилагательные, относительные частицы). Синтаксические универсалии исследовал Джозеф Гринберг, изучение сходных грамматических явлений продолжил Н. Хомский.

Также исследователи обращали внимание на сходства в семантике. Так, по мнению французского лингвиста Ш. Серю, различные языки имеют одинаковое содержание при всем разнообразии форм его выражения, таким образом, лексика в них синонимична. Американский ученый Ч. Осгуд предложил гипотезу, согласно которой в разных культурах какие-либо явления оцениваются на основе постоянных универсальных признаков. Известный лингвист Ш. Балли полагал, что многочисленные контакты, заимствования и кальки в языках и культурах европейских народов способствовали созданию единого общеевропейского менталитета [1: 321].

При этом в отношении универсалий существует два подхода. Сторонники первого придерживаются мнения о том, что универсалиями следует считать только те явления, которые характерны для всех без исключения языков, то есть глобальные признаки языка как такового, в то время как второй подход предполагает рассмотрение в качестве универсалий общих черт как во всех, так и во многих языках.

Универсалии, в особенности лингвистические, всегда интересовали методистов в применении к обучению языкам. Исследователи отмечают, что они могут быть полезны, хотя их практическое использование в методике еще не разработано [2: 42-43]. При этом если одни исследователи не видят большой практической пользы от использования универсалий (Ю.Д. Дешериев), то другие полагают, что наличие в изучаемом и родном языках общих черт облег-

чит обучение новому языку и культуре (С.К. Милославская). Однако мнения ученых совпадают в одном: сами люди с их схожим жизненным опытом, общностью мышления, сопоставимостью понятий, чувств, восприятия являются той универсальной основой, которая может быть использована в методике [2: 42; 55].

Также методисты подчеркивают важность обращения к терминологическим универсалиям, которые могут быть полезными при обучении русскому языку специалистов в какой-либо области. Работа с универсалиями такого рода может проводиться с помощью соответствующих многоязычных словарей, например, по химии, электротехнике и другим научно-техническим дисциплинам [2: 45]. По нашему мнению, вопрос методического использования универсалий, пока еще недостаточно хорошо изученный, вызывает большой интерес и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
2. Кравченко А.И. Культурология: Учеб. М.: Проспект, 2010.
3. Круглый стол «Взаимодействие языков, культур и литератур в процессе обучения» (Ю.Д. Дешериев, Е.М. Верещагин, Э. Пеуранен, С.К. Милославская, Ю.А. Бельчиков) // Русский язык за рубежом. 1986. №3.

С.Ю. Кузнецова
SJUKuznetsova@pushkin.institute
старший преподаватель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ АУТЕНТИЧНОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ РКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ С КИТАЙСКИМИ СТАЖЕРАМИ)

Ключевые слова: обучение, аудирование, система упражнений, аутентичный текст.

Аннотация: В статье рассматривается проблема обучения аудированию стажеров из КНР уровня В. Предлагается система упражнений для работы с короткими аутентичными новостными видеосюжетами.

S.Ju. Kuznetsova, Senior lecturer at Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

THE SYSTEM OF EXERCISES AND ORGANIZATION OF AUTHENTIC MATERIALS DURING TEACHING LISTENING AT THE PRACTICE COURSE OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE (GENERALIZATION OF WORK WITH PROBATIONERS FROM CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC)

Key words: teaching listening, authentic text, system of exercises.

Abstract: The article is devoted to the problem of teaching listening probationers from Chinese People's Republic at the level B2. The system of exercises for work with short authentic news videos is described in the report.

1. В данной работе мы рассматриваем аудирование как рецептивный вид речевой деятельности, состоящий из одновременного восприятия языковой формы и понимания содержания высказывания. Благодаря многочисленным современным исследованиям аудирование полноправно входит в общий курс обучения РКИ как один из пяти видов речевой деятельности.
2. В методике преподавания РКИ выделяются следующие механизмы аудирования: механизм внутреннего проговаривания, механизм сегментации речевой цепи, механизмы оперативной и долговременной памяти, механизм идентификации (распознавания) понятий, механизм вероятностного прогнозирования и механизм осмысливания. (1)
3. Так как аудирование представляет собой сложный психолингвистический процесс, основным способом преодоления трудностей формирования и развития механизмов аудирования является постоянная тренировка путем выполнения соответствующих упражнений.
4. Большинство китайских стажеров, которые приезжают в Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина на десятимесячную стажировку имеет хорошую языковую подготовку на уровне В2, поэтому можно считать, что у этих студентов уже в достаточной степени сформированы основные механизмы аудирования. Так как в будущем им предстоит работать преподавателями и переводчиками, им необходимо совершенствовать и углублять языковые навыки и умения на новом более высоком уровне. Этому уровню соответствует аудирование монологической и диалогической речи разных стилей в виде ориги-

нальных аутентичных текстов, в соответствии с требованиями современной методики (2)
5. В составе практического курса русского языка китайские студенты слушают новостные программы, аудиозаписи коротких рассказов и отрывков из произведений русских писателей, смотрят короткие мультфильмы, документальные, научно-популярные и полнометражные художественные фильмы – как правило, такая работа выполняется в качестве домашних заданий, так как уроках (8 часов в неделю) главное внимание направлено на развитие устной речи.
6. На специальных занятиях по аудированию используются короткие новостные сюжеты (не более 3–5 минут звучания). Такой материал признан наиболее удобным и полезным с точки зрения и формы и содержания [3] [4].
7. Отбор материала для таких занятий происходит с учетом изучаемой в данный момент разговорной темы, в соответствии с планом работы, с целью совершенствовать не только навыки аудирования, но и активизировать лексику и выражения изучаемой темы. Такой выбор даёт возможность не тратить время на предтекстовые упражнения для снятия лексических трудностей.
8. Специфика обучения в языковой среде требует от студентов постоянно применять на практике свои навыки понимания на слух русской речи в быту, на экскурсиях, на лекциях по литературе, страноведению и по другим предметам курса, и, конечно, на занятиях по практическому курсу русского языка. Таким образом, аудирование становится не только целью, но и одним из основных способов обучения.
9. Вывод: можно утверждать, что только систематическая и целенаправленная работа по обучению восприятию иноязычного текста на слух, обеспечивает успешное овладение умениями аудирования.

10. К работе прилагается план урока с системой упражнений по видеосюжету «Новости культуры».

Литература

1. Федотова Н.Л. Методика преподавания РКИ. Практический курс. СПб.: Златоуст, 2013.
2. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 1990.
3. Комарова Э.П., Туркина Н.Н. Характеристика аудиовизуальных новостных материалов в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Перспективы науки. 2010. №10 (12).
4. Крылова Н.Ю. Особенности использования видеозаписей телевизионных программ «Новости» в процессе обучения языку СМИ на этапе 1 сертификационного уровня// Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2006. №1(3).

Е.Ю. Красникова
key2006@indox.ru
канд. филол. наук, преподаватель Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Россия

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОСОБИЙ ПО ГРАММАТИКЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УРОВНЯ В1–В2

Ключевые слова: грамматика, пособие по грамматике, речевые упражнения.

Аннотация: В статье анализируются современные проблемы, связанные с отсутствием пособия по грамматике на

базе Требований к уровню владения русским языком и обосновывается необходимость его создания.

E.J. Krasnikova, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor Pushkin State Russian Language Institute,
Russia, Moscow

ON SOME PROBLEMS OF THE MODERN TEXTBOOKS ON GRAMMAR FOR FOREIGN STUDENTS OF THE B1–B2 LEVEL

Keywords: grammar, textbook on grammar, speech exercise.

Abstract: In article the modern problems connected with lack of a textbook on grammar based on the Requirements of the level of proficiency in Russian are analyzed and the necessity of its creation locates.

Опираясь на многолетнюю практику преподавания русского языка иностранцам и исходя из анализа современных практических пособий по грамматике на уровень B1–B2, нами были выделены некоторые проблемы, с которыми сталкиваются и преподаватели РКИ, и иностранцы, изучающие русский язык на этих уровнях.

Первая проблема. В настоящее время отсутствует единое пособие по грамматике, созданное на базе Требований по РКИ и включающего все грамматические темы, необходимые для освоения уровня B1 (или B2).

Вторая проблема. Из-за отсутствия единого пособия, позволяющего подготовить студента уровня A2 на уровень B1 (и уровня B1 на уровень B2) и недостаточной оснащенности библиотеки института новыми пособиями по грамматике преподавателю необходимо использовать материалы из разных пособий, создавать свои грамматические

материалы и постоянно решать проблемы ксерокопирования этих материалов для большого числа студентов.

Третья проблема. Студентам-иностранцам представляется не очень удобным работать с большим количеством копий и с большим количеством разных пособий, из которых берутся отдельные темы, что еще раз подтверждает необходимость создания единого пособия по грамматике на конкретный уровень.

Четвертая проблема. Анализ современных популярных пособий по грамматике Е.Р. Ласкаревой «Чистая грамматика» и Л.Л. Бабаловой, С.И. Кокориной «Практикум по русской грамматике» показал, что оба они не могут выполнить функцию единого пособия, о котором мы писали выше. В «Чистой грамматике» представлены не все грамматические темы, необходимые для достижения заявленных в книге уровней (B1, B2, C1), в «Практикуме» набор тем намного шире, но обозначена только нижняя граница владения языком (B1), а верхняя не представлена. Это вызывает трудности у студентов, желающих освоить конкретные грамматические темы, чтобы сдать экзамен на сертификат. Часто объяснения, примеры и многие слова в упражнениях не соответствуют уровню B1, а входят в лексический минимум для B2 и C1.

Пятая проблема. Анализ упражнений в указанных пособиях показывает, что они эффективны на первом «этапе подготовки связанного самостоятельного высказывания на языковом материале, полностью или частично прошедшем уровень структурирования» [1: 100]. Мало используются условно-речевые упражнения с частично заданным содержанием и редко (только в «Практикуме») применяются речевые упражнения. В пособиях нет социально-речевых игр и заданий, где содержание полностью формируется учащимся самостоятельно. В итоге, исходя из 2-х этапов овладения речью, описанных у разных исследователей [1: 176,

2: 159, 3: 32–39], мы пришли к выводу, что авторы не всегда доводят учащегося до второго этапа овладения речью, т.е. до самостоятельного формирования высказывания с использованием изученной грамматики.

Таким образом, создать новое пособие по грамматике, в котором будет увеличено число условно-речевых и речевых упражнений, в которых проявляется высокая самостоятельность учащихся с формальной и с содержательной стороны (с учетом практических наработок преподавателей-грамматистов), и в которое будут включены все необходимые грамматические темы для достижения конкретного уровня владения языком – первостепенная задача современной методики преподавания РКИ.

Литература

1. Вохмина Л.Л. Хочешь говорить – говори. М.: РЯ, 1993.
2. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1987.
3.Зимняя И.А., Тункель В.Д. О становлении речевого механизма // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 5. М.: Высшая школа, 1969.

Е.В. Нечаева
EVNechaeva@pushkin.institute
кандидат педаг. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина, Москва, Россия

УЧЕБНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ГРАММАТИКИ

Ключевые слова: перевод, активизация, контроль, грамматика.

Аннотация: В статье представлены конкретные методы использования переводного метода в однородной языковой группе студентов, изучающих РКИ, с выполнением ими контролирующих функций при выполнении переводных упражнений.

E.V. Nechaeva, Doctor of Philosophy, docent of Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

TEACHING TRANSLATION AS THE WAY OF GRAMMAR ACTIVATION

Key words: translation, activation, grammar, control.

Abstract: In this article are presented the concrete ways of using translation method in uniform language group of students, who are studying RAF, checking themselves doing translation exercises.

Грамматико-переводной метод, где цель обучения сводится к овладению системой языка путем изучения грамматики и перевода, актуален в настоящее время, когда перевод используется как средство обучения.

Учебный перевод выполняет функцию овладения изучаемым языком через сопоставление с родным языком учащегося.

Двуязычные (переводные) упражнения являются средством сопоставления фактов двух языков, осознанного овладения языковым материалом.

Сложность использования грамматико-переводного метода состоит в том, что преподаватель может не владеть родным

языком учащихся, что делает невозможным контроль их учебной деятельности, то есть передачу текста средствами другого языка.

Контролирующие функции при выполнении переводных упражнений могут осуществляться самими учащимися при работе в однородной языковой группе. В статье предлагаются конкретные методические приемы с использованием дословного, свободного, обратного перевода для студентов-иностранцев носителей различных языков уровня B1–C2, изучающих РКИ, и являются одним из средств активизации изученного грамматического материала.

Литература

1. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин «Словарь методических терминов». С.-П.: Златоуст, 1999.

А.И. Ольховская
aleksandra_olhovskaya@mail.ru
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

МЕТОДИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лексическая система, методическая классификация лексики.

Аннотация: В данной статье с опорой на антропоцентрические принципы моделирования языка предпринимается попытка определить методическую значимость различных единиц лексической системы. Автор предлагает классификацию лексических единиц, разработанную на основании степени их актуальности для реального процесса изучения иностранного языка.

A.I. Olkhovskaya, PhD (Philology), Leading Researcher
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian

THE METHODICAL CLASSIFICATION OF THE LEXICON IN ASPECT OF THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Keywords: Russian as a foreign language, lexical system, methodical classification of lexicon.

Abstract: This article deals with the consideration of the methodical value of the various lexical units which is based on the anthropocentric principles of the language modeling. The author offers the classification of the lexical units developing according their relevance to the real process of learning a foreign language.

Общеизвестно, что центральной и базовой единицей языка является слово. В отличие от других единиц языковой системы, оно представляет собой психолингвистическую реальность и эмпирический факт. На занятии по иностранному языку слово, однако, редко вводится без соседей по лексической системе. Системный принцип обучения лексике является на данный момент общепризнанным в методике и используется во всех учебниках и учебных пособиях. Несистемное, спорадическое введение лексического материала возможно, по-видимому, лишь в качестве придатка к конкретному текстовому материалу, во всех остальных случаях презентация и отработка слов сопровождается их группировкой в разного рода методические объединения.

В связи с этим особую методическую значимость приобретают составные и совмещённые единицы лексической системы, т.е. «такие лексические объединения, элементы которых связаны между собой отношением сходства (вплоть до совпадения), противоположности или формально-семантической преемственности (порождения)» [Морковкин, 1990: 28]. К ним относятся синонимические ряды, антонимические пары, омонимические и паронимические цепочки, эпидигматические и словообразовательные гнезда (деривационные гнезда), эксклюзивные и инклюзивные цепочки, лексико-семантические и тематические группы, лексико-семантические поля, фреймовые (ассоциативно-ситуативные) поля и таронимические цепочки.

Методический потенциал указанных лексических микросистем по понятным причинам неодинаков, потому целесообразно, как кажется, предложить такую классификацию лексики, которая, учитывая лингвистический статус лексической единицы, позволяет оценить её значимость для конкретных условий обучения. Все существующие в языке составные единицы лексической системы с позиций методики преподавания РКИ могут быть разделены на три крупные группы. Первая группа включает в себя единицы низкой методической ценности, т.е. такие лексические микросистемы, которые не релевантны или практически не релевантны на занятиях по иностранному языку. К ним относятся в первую очередь омонимические пары, эпидигматические гнёзда (многозначные слова) и ассоциативные, или фреймовые, поля. Следует отметить, что подобная квалификация указанных объединений вовсе не говорит об их нулевой представленности в процессе обучения языку. Разумеется, преподаватель время от времени обращает внимание на омонимию слов, характеризует многозначность и использует ассоциативный потенциал лексической системы. Однако сложно представить ситуацию, в которой пере-

численные комплексы являются лексико-методической группой, вынесенной на занятие для последовательной отработки и эффективного усвоения. Такого рода единицы являются, как правило, вспомогательным инструментом формирования лексического навыка иной природы. Так, например, детальное раскрытие семантического репертуара слова часто используется в качестве средства дифференциации т.н. таронимических единиц (формально и / или семантически сходных слов, устойчиво смешиваемых в речи), поскольку последовательная проработка содержательных отличий схожих слов позволяет добиться их когнитивного разведения.

Вторую группу рассматриваемой классификации составляют единицы, релевантные на любом этапе обучения иностранному языку. В неё входят синонимические ряды, антонимические пары и четыре группировки логико-тематического характера: семантические поля, лексико-семантические группы, гиперо-гипонимические группы и тематико-ситуативные группы. Учитывая доминирование коммуникативной направленности обучения языкам, основной единицей преподавания лексики РКИ следует признать сегодня не ЛСГ, а тематико-ситуативную группу. Это обусловлено тем, что сформированная на основании логико-грамматических параметров ЛСГ практически никогда не способна удовлетворить потребности личности по участию в определённой коммуникативной ситуации, в то время как тематико-ситуативная группа (ср. «В аэропорту», «В магазине», «Участие в дискуссии» и др.), включая в себя не только тематически смежные единицы, но и необходимые речевые заготовки (клише, этикетные формулы, коммуникативы и др.) и даже диалогические единства, непосредственно ориентирована на массированное включение учащихся в заданную речевую ситуацию.

Наконец последняя группа содержит единицы, приобретающие значимость по мере продвижения от элементарного к продвинутому уровню. Среди них следует назвать прежде всего таронимы (напр., *пользоваться, использовать, применять, употреблять*; *учить, учиться, изучать, заниматься*; *теперь, сейчас*) и словообразовательные группы. Последние, по нашим наблюдениям, могут вводиться двумя способами: либо от аффикса (*-ость* ‘опредмеченное качество’, *-оват-* ‘неполнота качества’, *на–ся* ‘исчерпанность действия’), либо от корня (*смотреть, рассмотреть, просмотреть, подсмотреть, высмотреть* и т.д.). Если обращение к некоторым аффиксам возможно уже на начальном этапе обучения, то полноценная работа над корневыми, и особенно глагольными, объединениями может вестись лишь тогда, когда лексический аспект обособился от грамматического и приобрёл самостоятельную значимость.

Предложенная классификация, нуждаясь в углублении и расширении, закладывает некоторые ориентиры описания лексики в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному. В перспективе данных рассуждений находится установление корреляций между типологическими разновидностями лексических единиц и средствами обучения, отвечающими их своеобразию.

Литература:

1. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дисс. … докт. филол. наук в форме научного доклада. М., 1990.
2. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980.

С.Г.Персиянова
persiyanova_svet@mail.ru
к.ф.н., доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Е.И.Сумина
elenasumina@gmail.com
преподаватель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФОНЕТИЧЕСКОГО КОРРЕКТИРОВОЧНОГО КУРСА В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ УЧАЩИХСЯ УРОВНЯ В1–В2

Ключевые слова: методика обучения РКИ, корректировочный курс, интернациональные группы, языковые компетенции, речевые умения.

Аннотация: Лексико-грамматический и фонетический корректировочный курс в системе преподавания РКИ, его специфика в интернациональных группах обучающихся, цели и структура.

S.G.Persiaynova, Candidate of Philological Sciences, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

E.I.Sumina, Teacher of Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

PECULIARITIES OF LEXICAL, GRAMMATICAL AND PHONETIC CORRECTION COURSE IN INTERNATIONAL GROUPS FOR ADVANCED LEVEL LEARNERS

Key words: methods of teaching Russian as a foreign language, correction course, international groups, linguistic competence and speech skills.

Abstract: Lexical, grammatical and phonetic correction course in the system of teaching Russian as a foreign language, its specificity in international groups of students, purpose and structure.

В последнее время в области преподавания РКИ наблюдаются следующие тенденции:
– рост интереса к изучению русского языка в некоторых странах;
– преобладание прагматической мотивации в овладении русским языком;
– тенденция к снижению количества академических моногрупп и увеличению количества интергрупп, объединяющих учащихся разных стран;
– существенные методические и содержательные расхождения в национальных программах обучающихся, а также их отличия от требований Государственного стандарта РФ по русскому языку как иностранному;
– вызванные этим обстоятельством многочисленные различия в особенностях подготовки студентов (особенности родного языка и культуры, разные методики обучения, возрастные различия и др.), которые необходимо учитывать в процессе обучения в общей языковой группе;
– необходимость корректировки языковых компетенций и активизации коммуникативно-речевых умений во всех видах речевой деятельности: чтении, говорении, письме и аудировании;
– ориентация на овладение русским языком в языковой среде, в ходе краткосрочного пребывания в России.

Вышеописанная ситуация диктует необходимость создания специальных корректировочных учебных материалов (курсов), учитывающих как особенности родного языка обучающихся, так и психологические особенности восприятия русского языка, наиболее типичные трудности и ошибки. Корректировочные учебные материалы (курсы) предполагают широкое применение (как на занятиях по практическому курсу русского языка, так и в самостоятельной работе обучающихся) и могут быть представлены как в печатном (рабочие тетради и т.п.), так и в электронном виде, включая иллюстрационные аудиоматериалы.
Исходя из определения в Словаре методических терминов и понятий [1] корректировочного курса как краткосрочного курса обучения, предусматривающего коррекцию уже сформированных навыков и умений и проводимого на основе выявленных типичных ошибок учащихся, мы можем говорить о необходимости проведения лексико-грамматического и фонетического корректировочного курса как важной составляющей в процессе обучения иностранцев русскому языку на средне-продвинутом уровне.
Корректировочный курс должен представлять собой программу обучения, сформированную на основе анализа типичных ошибок и трудностей, возникающих у учащихся определённого уровня и определённой национальности и включающую в себя грамматический, лексический и фонетический материалы. Основные цели корректировочного курса – повторение, активизация и систематизация знаний, навыков и умений, приобретенных обучающимися на предыдущих этапах обучения РКИ. При этом особое внимание должно быть уделено коррекции при изучении наиболее сложных (ключевых) тем в преподавании РКИ, прежде всего, навыков в области фонетики и интонации русского языка, а также таких лексико-грамматических тем, как глаголы движения, глаголы статики-динамики, ЛСГ глаголов, спо-

собы выражения временных и пространственных отношений, краткие причастия и прилагательные, активные и пассивные конструкции и др. Корректировочные программы для обучающихся в интернациональных группах должны быть национально-ориентированными, учитывать коммуникативные потребности учащихся, мотивацию обучения, особенности памяти, исходные знания, трудности, возникающие при овладении основными фонетическими и лексико-грамматическими темами, а их структура должна базироваться на основной тематической лексике, представленной в Государственных стандартах РФ по РКИ. При создании корректировочных программ должны быть использованы разработанные ранее и основанные на результатах многочисленных исследований в области языковой интерференции корректировочные курсы [2, 3] для работы в мононациональных группах преподавателей-русистов или студентов с высоким языковым уровнем, предупреждая тем самым типичные возможные ошибки, характерные для носителей тех или иных языков.

Литература:

1. Азимов Э.Г., А.Н. Щукин. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009.
2. Анпилогова Б.Г., Бондарев А.И., Кокорина С.И. и др. Корректировочный курс русского языка для преподавателей-русистов из ПНР. М.: Русский язык, 1980.
3. Скворцова Г.Л., Вострецова Т.К., Дронов В.В. и др. Корректировочный курс русского языка для преподавателей-русистов из ВНР. М.: Русский язык, 1981.

Х.М. Фазылянова
KhmFazilyanova@pushkin.institute
к. п. н., доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Москва, Россия

СОДЕРЖАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОГО КУРСА ФОНЕТИКИ И ИНТОНАЦИИ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ УРОВНЯ А2

Ключевые слова: содержание обучения, фонетика, вьетнамские студенты-филологи.

Kh.M. Fazylyanova

THE CONTENT OF PRACTICAL PHONETICS AND INTONATION VIETNAMESE STUDENTS-PHILOLOGISTS OF LEVEL A2

Keywords: the content of teaching, phonetics, Vietnamese students-philologists.

Russian phonetics and intonation in the practical course of the Russian language constitutes a separate aspect of the work, which is explained by the following reasons: 1) Difficulties of Russian pronunciation for Vietnamese students have in their speech sustainable phonetic errors, which are overcome in the Russian language environment; 2) the Need for not only the formation of phonetic skills, and techniques of teaching phonetics, which is associated with the future professional activities of Vietnamese students.

Содержание обучения включает средства языка, которые должны быть усвоены в процессе обучения (фонетические, лексические, грамматические) и комплекс знаний, навыков,

умений, обеспечивающих возможность применения усвоенных средств в разных сферах и ситуациях общения. Овладение содержанием обучения позволяет говорить об уровне компетенции изучающего русский язык как иностранный, т.е. способность к участию в процессе речевой деятельности.

Занятия по фонетике и интонации в практическом курсе русского языка выделяются в самостоятельный аспект работы, что объясняется трудностями русского произношения для вьетнамских студентов, наличием в их речи устойчивых фонетических ошибок, необходимостью не только формирования фонетических навыков, но и приемов обучения фонетике, что связано с будущей профессиональной деятельностью вьетнамских студентов.

Ошибки акцентного характера, как свидетельствует наш опыт, преодолеваются в речи студентов с большим трудом, поэтому исключительно велика роль практического курса фонетики, во время которого обеспечивается постановка звуков и формирование фонетических и ритмико-интонационных навыков.

В целях построения корректировочного курса фонетики для вьетнамских студентов основным принципом отбора материала мы считаем принцип учета родного языка учащихся, предполагающий определенную последовательность устранения акцента. На наш взгляд, было бы целесообразно начать устранять акцент следующим образом: 1) звуки, имеющие аналоги в родном языке учащихся; 2) звуки, частично совпадающие в русском и родном языках учащихся; 3) звуки, не имеющие аналогов в родном языке учащихся.

Несомненно, что овладение иноязычной речью происходит не только путем овладения языковым материалом по определенной модели обучения, но и в процессе формирования речевых навыков и умений, однако, по нашему мнению,

именно такая последовательность постановки русских гласных и согласных позволит вьетнамским студентам избежать или, по меньшей мере, сократить количество перечисленных произносительных ошибок.

Значительную проблему представляет для вьетнамских студентов и русское ударение, особенно его подвижный характер. В одном и том же слове, при изменении его формы, ударение может перемещаться с одного слога на другой. Если в существительном ударение падает на какой-то слог, то вьетнамец обычно делает ударение в производных от него глаголах на тот же самый слог.

В силу того, что во вьетнамском языке ударение обычно падает на первую часть слова, то студент, изучающий русский язык, часто делает акцент на первый слог русского слова. Таким образом, разноместность и подвижность русского ударения не только устраняют монотонность речи, способствуя ее ритмической организованности, но и являются важным различительным средством.

В обучении фонетике интонация играет исключительно важную роль. Однако овладение интонацией в русском языке для вьетнамских студентов – сложный процесс, и обусловлено это тем, что для выражения целей высказывания во вьетнамском языке обычно используются лексические средства, а в русском языке значения предложений с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом могут различаться при помощи разных типов интонационных конструкций. В основе обучения русской интонации лежит теория Е.А. Брызгуновой об интонационных конструкциях. Согласно концепции автора, интонационная система русского языка имеет 7 конструкций. Русская интонация довольно резко отличается от интонации вьетнамского языка. Вьетнамский язык является музыкальным. В нём 6 тонов. Каждый символ во вьетнамской графике соответствует определённому тону. Данное отличие слу-

жит причиной затруднений при овладении русской интонацией. Занятия по фонетике включают и коммуникативный аспект в работе над интонацией, что предполагает:

- овладение основными коммуникативными типами русских вопросительных предложений;
- умение различать коммуникативные типы предложений на основе синтагматического членения и типов ИК;
- умение определять характер взаимодействия интонационных и лексико-грамматических средств предложения при анализе различных текстов, умение использовать интонационные и лексико-грамматические средства выражения переспроса, уточняющего вопроса при ответе, сомнении, возражении и т.д.

На уроках фонетики вьетнамские студенты-филологи также знакомятся с приемами постановки и коррекции произношения. Особое внимание при этом уделяется использованию технических средств, аудиозаписи в лингафонном кабинете.

Н.А. Маркина
Natalia_tutor@mail.ru
доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

И.В. Шурупова
irina@mail.ru
доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ИНТЕНСИВНЫЙ КУРС ПО ПОДГОТОВКЕ К СДАЧЕ СЕРТИФИКАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ (ПРОДВИНУТЫЙ УРОВЕНЬ)

Ключевые слова: интенсивный курс, подготовка, сертификационный экзамен, субтест, задания, русский язык делового общения (РЯДО).

*Аннотация:*В докладе речь идет о специфике интенсивной подготовки иностранных студентов к сдаче сертификационного экзамена по русскому языку делового общения продвинутого уровня (РЯДО). Отмечаются трудности, возникающие в процессе подготовки, представлены система подачи тренировочных материалов и виды аудиторной и самостоятельной работы.

N.A. Markina, Docent, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

I.V. Shurupova, Docent, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

THE INTENSIVE COURSE OF TRAINING TO PASSING THE CERTIFICATION EXAM OF RUSSIAN LANGUAGE FOR BUSINESS COMMUNICATIONS (ADVANCED LEVEL)

Key words: intensive course, preparation, certification exam, subtest, tasks, Russian for business communication (RLfBC).

Annotation: The report focuses on the specifics of intensive training of foreign students to passing certification exam of Russian language for business communications at advanced level (RlfBC). The problems have been pointed out appearing during process of preparations process. Taking the system of training materials presentation and kinds of auditorium and self-preparing work are presented.

1. Кандидатам, желающим сдать сертификационный экзамен по русскому языку делового общения (РЯДО) продвинутого уровня, необходимо достаточно свободно владеть этим языком, уметь решать неограниченное число коммуникативных задач в сфере бизнеса и коммерции. Предлагаемый интенсивный курс по подготовке к сдаче такого экзамена рассчитан на 24 академических часа аудиторных занятий. Он также включает в себя самостоятельную работу студентов и выполнение домашних заданий. Принять участие в данном курсе могут все желающие со стартовым уровнем общего владения русским языком B2+/C1.

2. Во время подготовки студенты знакомятся с объемом экзаменационных материалов, их структурой, с инструкциями к заданиям и шкалой оценок. На экзамене кандидатам предлагается выполнить пять субтестов: «Чтение», «Письмо», «Лексика. Грамматика», «Аудирование» и «Говорение». Результаты оцениваются по 100-балльной системе, проходной балл каждого субтеста – 65. Все экзаменационные части можно распределить по степени трудности. Как показывает практика, самым легким субтестом является «Чтение», поэтому к нему студенты обычно готовятся самостоятельно. Самая трудная часть – это «Письмо», т.к. в ней оценивается не только знание материала, но и умение использовать те или иные грамматические конструкции, знание правил орфографии и пунктуации русского языка. Тренировочные тесты по лексике и грамматике студенты выполняют в виде домашних заданий, на занятиях разбираются только самые трудные случаи употребления лексического и грамматического материала: некоторые термины и их определения, причастные и деепричастные обороты, трансформация сложноподчиненных предложений в простые. Тесты по аудированию, как правило, даются на последнем занятии, как завершающий этап. Основным пособием при подготовке к экзамену является «Тес-

товый практикум по русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Продвинутый сертификационный уровень», написанный авторским коллективом Центра сертификационного тестирования Института русского языка им. А.С. Пушкина. Кроме того, для подготовки к данному экзамену может быть использовано пособие «Русский язык делового общения. Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. C1» (С.В. Романова, Н.А. Маркина).

3. Непосредственно на занятиях особое внимание уделяется подготовке к сдаче экзаменационных частей «Письмо» и «Говорение», т.к. устный экзамен наряду с субтестом по письму тоже вызывает немало трудностей. Кроме того, обе эти части связаны между собой тематически. Подготовка к сдаче субтеста «Говорение» осуществляется поэтапно, темы располагаются в логической последовательности: «Выход компании на один из региональных рынков России» – «Выбор компании-посредника на рынке» – «Подготовка к переговорам с компанией-посредником» – «Проведение переговоров с компанией-посредником и заключение договора» – «Выбор логистической компании». Подготовка к субтесту «Письмо» происходит параллельно. Так, например, при изучении темы «Выход компании на один из региональных рынков России» студенты должны написать аналитическую справку о состоянии рынка, а при изучении темы «Выбор компании-посредника на рынке» учащиеся составляют текст досье на эту компанию и т.д.

4. Во время подготовки к экзамену студенты выполняют большое количество письменных работ, относящихся не только к субтесту «Письмо», но и к субтесту «Говорение». Такие задания способствуют улучшению навыков письма и помогают качественнее подготовиться к письменной части. Так, устный экзамен состоит из трех частей: диалог, полилог и монолог, связанных между собой одной темой. Диа-

лог и полилог студенты составляют на занятиях устно, а монолог готовят в письменной форме дома и сдают преподавателю, как и другие тренировочные задания по письму.
5. Выполняя тестовые задания, студенты-иностранцы могут сами оценить свою готовность к сдаче сертификационного экзамена. После выполнения тренировочных тестов «Лексика. Грамматика» и «Аудирование» им предлагается самостоятельно подсчитать свои баллы. Опыт показывает, что 90% студентов после прохождения данного курса успешно сдают этот экзамен.

Н.Б. Битехтина
NBBitehtina@pushkin.institute
ст. научный сотрудник Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: описание русского языка как иностранного, прагмалингвистический анализ речи, пресуппозиция, статус коммуникантов, прагмалингвистические условия выбора языковых средств.

Аннотация: Доклад посвящен рассмотрению возможностей совершенствования описания русского языка как иностранного благодаря использованию результатов прагмалингвистического анализа русской речи, выявляющего связанные с различными факторами речевого общения особенности функционирования в речи языковых единиц разных уровней.

N.B. Bitekhtina, senior researcher of Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

THE DESCRIPTION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: PRAGMALINGUISTIC ASPECT

Key words: Russian as a foreign language description, pragmalinguistic analysis of speech, communicants' status, presupposition, pragmalinguistic conditions of language means selection.

Abstract: The report is devoted to analysis of improvement possibilities for the Russian as a foreign language description, by means of Russian speech pragmalinguistic analysis which detects some particular characteristics of linguistic units usage in speech caused by speech communication factors.

Лингводидактическое описание русского языка как иностранного (РКИ), служащее основой как для создания лингвометодического контента, так и для самого обучения РКИ [1: 215], постоянно совершенствуется за счет освоения достижений сопряженных гуманитарных исследований и научного осмысления разнообразного материала, богатейшим источником которого является практика преподавания русского языка в иноязычной аудитории.
Прагмалингвистический подход к анализу языковых фактов и закономерностей позволяет увидеть и выделить те свойства языковых единиц и особенности условий их функционирования, которые связаны с такими компонентами и факторами процесса общения, как субъект речевых действий, осуществляющий выбор языковых и речевых средств для реализации интенций; ориентация в ситуации общения; фактор адресата; наличие и характер пресуппозиций; способы выражения коммуникативных намерений,

модальных отношений, оценок, эмоциональных состояний; принципы, тактики и стратегии общения [5].

Так, например, специфика употребления в речи глаголов движения состоит в том, что параметры ситуации общения (в том числе пространственные характеристики) играют существенную роль в выборе того или иного глагола [2: 250–265], и их анализ позволяет должным образом скорректировать соответствующие лингводидактические правила, что дает возможность предотвратить появление в речи учащихся, правильной с формально-грамматической точки зрения, ошибок типа: **В субботу Аня ходила ко мне.* Данную ошибку можно предупредить, уточнив правило указанием на то, что глаголы типа *ходить* обозначают двунаправленное движение в том случае, когда движение совершает говорящий и оно направлено от «стартового» местоположения говорящего в какое-либо место и обратно, если же движение другого лица направлено к говорящему и обратно, используются глаголы с приставкой **при-**: *В субботу Аня приходила ко мне.* При характеристике употребления глаголов группы *идти* в высказываниях типа *Смотри, Валя идет; Автобус идет* необходимо уточнить, что субъект высказывания движется по направлению к говорящему, что позволяет предупредить ошибки вроде **Вон автобус приходит, *Катя, приходи!* (вместо *иди ко мне, иди сюда*).

При употреблении глоголов НСВ и СВ в прошедшем времени при выражении общефактического и конкретнофактического значений говорящему необходимо учитывать наличие/отсутствие пресуппозиции: отсутствие или наличие предваряющего высказывание знания говорящего о намерении собеседника (или третьего лица) совершить какое-либо действие, ср.: а) *Вы читали новый роман Слаповского?* (у говорящего нет никаких представлений о том, имел ли слушающий намерение познакомиться с этим романом); б) *Вы прочитали новый роман Слаповского?* (глагол СВ используется в том случае, когда говорящий знал о намерении собеседника прочитать этот роман; в высказываниях такого типа может присутствовать наречие *уже* и междометные компоненты *ну, ну как, ну что*, усиливающие результативную семантику, потенциально заложенную в глаголе СВ).

Учет характера и наличия пресуппозиций, анализ ситуации и ролевых отношений участников коммуникации необходимы при создании лингводидактических правил употребления глаголов движения и видов глагола в прошедшем времени и императиве [2: 250–265], некатегориального употребления грамматических форм [4: 114–118], способов выражения неопределенности, оценочных и модальных значений, которые в русской речи выражаются не только лексико-грамматическими, но также, и в не меньшей мере, фонетико-интонационными средствами [3], при том что результирующее значение звучащего высказывания в речи возникает при взаимодействии лексики, грамматики, интонации, контекста и коммуникативно значимых прагматических компонентов ситуации общения.

Литература

1. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы // Вестник Московского университета. 2001. № 6.

2. Битехтина Г.А., Битехтина Н.Б. Реализация функционально-коммуникативной лингводидактической модели русского языка в практике преподавания РКИ: лингвистический, психологический и лингводидактический аспекты // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. М., 2008. Вып.4.

3. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
4. Кузьменкова В.А. Грамматика и прагматика (о некоторых явлениях русской грамматики, которые трудно понять иностранцам) // Язык. Сознание. Коммуникация., М, 2000. Вып. 14.
5. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

Асонова Г.А.
asonova.galina@yandex.ru
Преподаватель Российского университета дружбы народов; соискатель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ РОЛЕВЫХ ИГР И МЕТОДИКИ «АССИМИЛЬ» НА УРОКАХ ПО ОБУЧЕНИЮ ГРАММАТИКЕ РКИ

Ключевые слова: ассимиляция, методика «Ассимиль», адаптация, пассивная и активная формы обучения

Аннотация: Иностранные учащиеся, приезжающие в Россию изучать русский язык, в последнее время проявляют большой интерес к овладению коммуникацией на русском языке с минимальным обращением к грамматике РКИ. Несмотря на то что грамматика РКИ играет огромную роль для изучения языка, существуют различные коммуникативные учебники и учебные пособия, предлагающие различные методики, одной из которых является методика «Ассимиль» французского одноименного издания. Данная статья содержит тезисы, посвященные рассмотрению особенности метода «Ассимиль», а также необходимости применения ролевых, грамматических и лексических игр, что

облегчит и разнообразит процесс обучения РКИ, поможет иностранным учащимся за короткое время начать говорить на русском языке, адаптироваться к его необычной грамматической системе.

Asonova G.A., Russian teacher in Russian university of people's; post-graduate student of Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

THE IMPORTANCE OF USING THE METHOD ASSIMIL AND ROLE-PLAY GAMES WHILE TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE GRAMMAR

Key words: assimilation, the method Assimil, adaptation, passive and active learning.

Annotation: Foreign students who come to Russia learn Russian for the recent time are eager to learn the communicative side of the language with minimum of its grammar rules. Despite the fact, that Russian grammar is highly important in learning, there are different communicative student books offering different methodics, such as, for example, the method of Assimil of the French Assimil Edition. The present article has thesises regarding the specialty of this method and necessity to use role-play games, grammar and vocabulary games which help to ease the process of learning the Russian language, let students start speaking Russian within a small time and get adapted to its unusual grammar system.

Иностранные учащиеся, приезжающие в Россию изучать русский язык, стремятся к практическому овладению русского языка с минимальным обращением к грамматике РКИ. Несмотря на то что грамматика РКИ играет огромную роль в процессе обучения, существуют различные коммуникативные учебники и учебные пособия, предлага-

ющие различные методики, как, например, методику «Ассимиль» французского издания учебного пособия «Русский язык без труда». Издательство «Ассимиль» является французским изданием, основанным Альфонсом Шерелем в 1929 г. Им издано множество учебных пособий для изучения различных иностранных языков. Название данной методики происходит от латинского слова «ассимиляция», главный принцип которой заключается в применении интуитивного подхода к языку, подобно тому, как дети усваивают свой родной язык. Следует отметить, что обучение грамматике по данной методике не стоит на первом плане. Но подача грамматического материала представляется интересной, а сам материал – доступным для понимания грамматики РКИ. Автором данной статьи Асоновой Г.А. было отмечено в одной из ее статей, что «без осуществления практического применения знаний грамматических категорий иностранные слушатели не могут выражать свои мысли в общении на изучаемом языке и осуществлять коммуникацию. Однако выполнение традиционных грамматических, языковых, лексических, тренировочных и других типов упражнений на уроках РКИ не всегда оказывается достаточным для развития коммуникативных навыков и умений учащихся» [1: . 79–85]. Поэтому в современной методике преподавания РКИ рекомендуется применять активные методы обучения, такие как ролевые учебные игры, грамматические и лексические игры, проигрывание коммуникативных диалогов и речевых сценок. Ролевые игры, игры-сценарии, игры при помощи карточек, например, грамматические игры, независимо от уровня подготовки студентов, помогают справиться с языковыми трудностями, развивают коммуникативные навыки учащихся, исключают языковой барьер. Особенностью методики «Ассимиль» является то, что в процессе изучения русского языка как иностранного студенты читают короткие, легко усва-

иваемые диалоги, с нужной на начальном этапе лексикой, а грамматика представлена после каждого диалога в минимальном объеме. Диалоги, представленные в первой части пособия, взяты из конкретных жизненных ситуаций *(«Как дела?», «Кто это?», «Давайте познакомимся», «Завтрак», «За столом», «Дни недели», «Сон», «Какая жара!»* и другие) и позволяют иностранным учащимся активно погрузиться в различные речевые ситуации на русском языке. Задачей студента в данном случае является многократное перечитывание диалогов и попытки их пересказа либо проигрывания. Согласно методике «Ассимиль», обучение грамматике происходит благодаря осуществлению коммуникации и тренировке грамматических знаний в минимальном объеме. От студентов требуется выполнение небольших грамматических постановочных упражнений и упражнений на перевод, что предшествует проигрыванию диалогов. Усвоение первых 49 уроков по русскому как иностранному происходит больше в ***пассивной форме*** запоминания учебного материала, без особого напряжения, а также при помощи прослушивания аудиоматериала к учебному курсу. ***Активная стадия*** изучения русского как иностранного начинается на 50-м уроке, когда к данному времени у иностранного учащегося приобретается достаточное количество знаний лексики, грамматики, чтобы создавать свои собственные предложения. Если студенты будут изучать русский язык по методике «Ассимиль» 30 минут в день, а также обращаться к ролевым и грамматическим играм, то по истечении двух месяцев они смогут справляться с различными коммуникативными задачами и вести простые беседы на различные темы на русском языке. Методика «Ассимиль» и применение ролевых, грамматических и лексических игр играют важную роль в получении как коммуникативных знаний, так и грамматической системы РКИ.

Литература
1. Асонова Г.А. Грамматико-коммуникативные упражнения с элементами игры как способ активизации владения русским языком как иностранным. Известия ЮФУ. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2013, №3. С. 79–85.
2. Мельникова-Суше В. Русский язык без труда. France, Assimil, Chennevier-sur-Marne, 2011. С. 680.

Саяма Гота
sayamagouta44@gmail.com
аспирант Токийского университета иностранных языков, Токио, Япония

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВАЖНЫХ ПОДЗНАЧЕНИЙ ПРИСТАВКИ *ПРО-* И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РКИ

Ключевые слова: Грамматика, обучение русской лексике, подзначения префиксов.

Аннотация: Работа посвящена сложным аспектам обучения лексике и обогащению словарного запаса. В ней рассматривается определение важных подзначений приставки *про-* при обучении РКИ на основе работы [1]. Для более точной классификации подзначений приставочных глаголов используются диагностические контексты.

Sayama Gota, graduate student, Tokyo University of Foreign Studies, Doctoral course, Language and Culture Studies, Tokyo, Japan

THE DEFINITION OF THE IMPORTANT MEANINGS OF A PREFIX *ПРО-* FOR LEARNING RUSSIAN AND THE CLASSIFICATION OF THEM USING DIAGNOSTIC CONTEXTS

Key words: Grammar, vocabulary learning of Russian, prefix meanings.

Abstract: This paper is aimed to vocabulary learning and vocabulary extension. In this paper the important meanings of the prefix *-про* are examined based on the paper [1]. For the purposes of accuracy the meaning classification of prefixed verbs is depending on contexts.

Русские глаголы, и особенно приставочные, представляют большую трудность для иностранцев. Для развития навыков использования глаголов в речевой практике и увеличения словарного запаса ключевую роль играет **обучение глагольным префиксам**. В связи с их многозначностью и в условиях ограниченного времени преподавания необходима чёткая система подачи глагольных приставок, так как с методической точки зрения не все эти значения одинаково важны. Например, префикс *про-* в русской грамматике представлен восемью подзначениями, и среди них должны быть отобраны наиболее важные при обучении РКИ.
С целью отбора полезных подзначений в контексте изучения РКИ подсчитывается частота употребления каждого префикса, включенного в производные слова, а также его продуктивность (количество слов, имеющих соответствующий префикс в их составе), как указано в статье об анализе английских аффиксов [2]. При их анализе используются данные наиболее часто употребляемых 5000 слов из Национального корпуса русского языка (далее, НКРЯ). Кроме этого, при анализе вышеуказанных данных принимается

классификация, предложенная в работе [1] и диагностические контексты. Важность заключается в том, что в ней объясняется расширение подзначений префиксов радиальной категорией, которая приводит к увеличению объема словарного запаса. Ниже приведен результат анализа:

Таблица 1. Частота и продуктивность префикса *про-* в НКРЯ

Подзначения	Частота (ipm)	Продуктивность	Примеры
(1) THROUGH	2129,1	111	продавить
(2) THOROUGH	898,3	36	проварить
(3) DURATION	1654,3	65	просидеть (30 минут)
(4) DISTANCE	640,6	10	проехать (3 км)
(5) PASS	685,2	10	пропустить (станцию)

Как показано из таблицы 1, *про-* наиболее часто встречается с подзначениями **(1)** и **(3)**. А *про-* с остальными подзначениями – намного реже. Из этого следует, что среди всех подзначений префикса *про-*, **(1)** и **(3)** являются доминантным с точки зрения расширения словарного запаса, поскольку часто встречается в глаголах с данным префиксом. Иными словами, остальные подзначения, кроме **(1)** и **(3)**, не играют важной роли в формировании речевых навыков, и могут быть исключены из программы обучения русской лексике в условиях ограниченного времени.

Литература

1. Janda L., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nesset T., Sokolova S. Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington, 2013.
2. Bauer L. and Nation I.S.P. «Word families» // International Journal of Lexicography, 6. Oxford, 1993. P. 253–279.

Ю.В. Низкодуб
yulia.nyzk@gmail.com
аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ПЕСНИ КАК ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ В КУРСЕ РКИ

Ключевые слова: РКИ, лексическая и грамматическая структура текста, коммуникативно-лингвистические доминанты.

Аннотация: Песня является перспективным средством обучения РКИ. Разработанный нами метод коммуникативно-лингвистических доминант позволяет преодолеть лексические и грамматические сложности различного уровня, которые содержатся в текстах песен.

Y.V. Nyzkodub, postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

SONGS AS DIDACTIC MATERIALS ON RUSSIAN GRAMMAR IN RSL CURRICULUM

Key words: RSL, lexical and grammatical structure of the text, communicative and linguistic dominants

Abstract: Songs are beneficial in teaching RSL. We have developed a method of linguistic and communicative dominants which helps to overcome lexical and grammatical difficulties of different levels, which can be found in the lyrics.

Отечественные и зарубежные методисты (Е.В. Житкова, С.М. Кащук, И.В. Курлова, О.В. Максимова, Т.А. Пота-

пенко, N. Coe, D. Griffie, Y. Jolly, T. Murphey, J. Richards и др.) неоднократно указывали на большой потенциал песен в преподавании иностранных языков. Это объясняется, прежде всего, повышенным уровнем воздействия, которое оказывают на интеллектуальную и эмоциональную сферу человека музыкальные роды и виды искусства. Однако этот потенциал и в наше время остаётся недостаточно реализованным, так как отсутствует единая и стройная теория использования песенных произведений в целях овладения РКИ.

Кроме того, активному внедрению песен в учебный процесс препятствует их неоднородная лексическая и грамматическая структура. Ведь они рассчитаны на восприятие носителя языка. А с точки зрения человека, который изучает РКИ, в любой песне, какой привлекательной она ни казалась бы в эстетическом плане, есть слова и синтаксические конструкции различной степени трудности и прозрачности. Причём они зачастую соседствуют и перемежаются в тексте, что серьёзно осложняет восприятие и понимание целостного произведения.

Тем не менее мы считаем песни перспективными дидактическими материалами по грамматике РКИ. А выше обозначенные методические затруднения предлагаем преодолевать при помощи разработанного нами метода коммуникативно-лингвистических доминант.

Коммуникативно-лингвистическими доминантами (КЛД) мы именуем как отдельные лексемы, так и словосочетания и законченные фразы из текста песни, которые, во-первых, актуальны для усвоения избранной темы, а во-вторых, не представляют серьёзной проблемы для понимания обучающимися. Они ярко отражают изучаемые лингвистические явления либо варианты речевого поведения в частотных ситуациях общения.

Сущность метода заключается в следующем. При работе с песенным текстом акцент делается на заранее выбранных КЛД. Слишком трудные и неуместные на данном этапе обучения слова и грамматические конструкции пропускаются. А необходимую для общего понимания песни информацию обучаемые получают в комментариях преподавателя. При этом используются синонимичные выражения, актуальные для усвоения темы занятия.

КЛД имеют двустороннюю, объективно-субъективную природу. Их реальность подтверждается коммуникативным характером песенного жанра (И.А. Стернин, Л.Н. Дьякова, О.С. Кострюкова). Кроме того, любой текст имеет ключевые фрагменты, ключевые слова (по Анне Вежбицкой) и сочетания лексем. Именно они несут основную информацию, именно анализируя их, можно быстро получить представление о целях и содержании текста.

Субъективность объясняется влиянием таких переменных факторов, как уровень владения языком, этап обучения и задачи конкретного занятия. Субъектом выбора является преподаватель, который в зависимости от вышеуказанных факторов привлекает внимание к тем или иным КЛД. Таким образом, в одном и том же тексте на разных уроках могут выделяться разные КЛД.

Проведённое нами экспериментальное обучение показало, что наиболее эффективным является применение данного метода на уровнях А2, В1 и В2. Ближайшую перспективу исследования мы видим в создании набора песен для иллюстрации всех грамматических тем курса РКИ.

А.В. Федосеева
molniya1990@yandex.ru
аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ СПЕЦКУРСА «СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ» НА УРОВНЕ В2

Ключевые слова: методика, оценочность, межкультурная коммуникация.

Аннотация: В работе рассматриваются основные вопросы, связанные с созданием структурированного спецкурса, посвященного средствам выражения оценки в русском языке, для учащихся продвинутого этапа. Приводится обоснование структуры указанного спецкурса и результаты его практической реализации.

A.V. Fedoseeva, PhD student, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

ON THE PROBLEM OF DESIGNING SPECIAL COURSE “SUBJECTIVITY UNITS IN RUSSIAN LANGUAGE” AT B2 LEVEL

Key words: methodology, subjectivity, intercultural communication.

Abstract: The paper examines the main issues related to the design of a structured special course concerning subjectivity units in the Russian language, for students of advanced stages. The article gives the basis of special course structure and the results of its implementation.

Одним из важнейших умений, обязательных для иностранных студентов, является умение оценивать окружающую действительность средствами изучаемого языка. Оценка разнообразных предметов и явлений постоянно присутствует в нашей речи, выражаясь различными способами, и может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой»» [1: 6].

С точки зрения преподавания русского языка как иностранного, оценка и оценочные единицы представляют особый интерес по ряду причин. С одной стороны, очевидной представляется необходимость постепенного ознакомления учащихся с различными способами выражения своего отношения к чему-либо как с целью разнообразить их собственные средства выражения, так и достичь понимания речи носителей языка и оценок, стоящих за теми или иными единицами. С другой стороны, разнообразие средств выражения оценки в современном русском языке осложняет задачу включения данного материала в практический курс.

В то же время в процессе обучения, особенно на среднем и продвинутом этапах, рано или поздно встает вопрос не только о том, «как» выражают оценку носители русского языка, но и о том, «что такое хорошо и что такое плохо» для представителей данной лингвокультуры. Иными словами, вопрос о ценностях и о национальном менталитете.

Таким образом, структурированный спецкурс, посвященный средствам выражения оценки на продвинутом этапе, представляется необходимым элементом практического курса русского языка. Систематизация языкового материала в соответствии с предполагаемым уровнем учащихся, а также проведенное диагностическое тестирование позволили смоделировать структуру спецкурса «Средства выражения оценки в русском языке», направленного на улуч-

шение понимания и формирование навыков использования оценочных единиц всех уровней языковой системы для учащихся уровней В2–С1.

Единицы языкового материала, вошедшие в спецкурс, были распределены на следующие блоки:

1. Фонетические средства выражения оценки (инто-нация: ИК-5, ИК-6, ИК-7).
2. Оценочные аффиксы имен существительных и прилагательных.
3. Устойчивые оценочные синтаксические конструк-ции, местоимения и служебные части речи, выражающие оценку.
4. Полисемичные и энантиосемичные оценочные единицы, разговорные и жаргонные лексические единицы.

Помимо указанных единиц спецсеминар предполагает рассмотрение национально-культурной специфики оценки в русской языковой картине мира. Несмотря на то, что объем данной темы вполне может стать предметом отдельного спецкурса, краткое рассмотрение некоторых аспектов национально-культурной специфики необходимо для создания более полного представления о категории оценки в русском языке, а также для понимания оснований оценок, выносимых носителями языка. В базовой структуре спецсеминара в блок «Национально-культурная специфика» входят наиболее распространенные зоонимы русского языка, а также потенциально энантиосемичные единицы, обладающие противоположными оценочными значениями (единицы, встречающиеся в связках с рефлексивами *в лучшем/худшем смысле этого слова*).

В ходе апробации структура спецсеминара показала свою гибкость и адаптивность, что позволяет говорить о возможностях ее использования не только в качестве факультативного курса, рассчитанного на 16–18 академических часов, но и в дополнение к отдельным этапам изучения

языка в общем практическом курсе. Предложенные задания могут быть использованы педагогами в различных аудиториях, в зависимости от конкретных условий учебного процесса. Структура спецсеминара, благодаря своей гибкости, может быть наполнена вариативными учебными материалами, что особенно важно в условиях меняющейся действительности и подвижности такой социально обусловленной категории как оценка.

Одним из важнейших результатов, полученных в ходе экспериментального обучения, стало повышение мотивации студентов продвинутого этапа к изучению как конкретного сегмента языковой системы (оценочных единиц), так и иностранного языка в целом. Дальнейшие методические разработки в данной области позволят значительно обогатить содержание практического курса русского языка и создать дополнительную мотивацию для изучения языка, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности межкультурной коммуникации.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

А.Л. Этру
ahwedieabena@gmail.com
аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; преподаватель Университета Ганы, Легон, г. Аккра, Гана

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ СЛОВ ГАНСКИМИ УЧАЩИМИСЯ, ИЗУЧАЮЩИМИ РУССКИЙ ЯЗЫК: ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: школа, класс, студент, интерференция, ложные друзья.

Аннотация: В процессе обучения неродному языку складывается тенденция влияния первого языка учащегося на какой-то аспект овладения вторым языком. Речь идет о тенденции переноса знаний и интерпретаций некоторых понятий и выражений с первого или второго языка учащегося на настоящий обучаемый язык. Данная работа обсуждает лексико-семантические интерпретации, лежащие в основе употребления некоторых лексических единиц русского языка, лингвистически воспринимаемых как ложные друзья, относящихся к учебной обстановке, и часто неправильно употребляемых англоговорящими студентами, изучающими русский язык в Университете Ганы. В ходе анализа предлагаются исправления этих ошибок.

A.L. Etrue, Assistant Lecturer. Department of Modern Languages, University of Ghana, Legon, Accra, Ghana; PhD student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

LEXICAL AND SEMANTIC PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE USE OF SOME RUSSIAN WORDS: FALSE FRIENDS IN RUSSIAN AND ENGLISH BY GHANAIAN STUDENTS STUDYING RUSSIAN LANGUAGE

Key words: school, class, student, interference, false friends.

Abstract: In learning a foreign language, there exists the tendency of a learner's first language influencing an aspect of his second language acquisition. In order words knowledge and interpretation of certain concepts and expressions may easily transferred from the learner's first or second language to the

target language. This work discusses the lexical and semantic misinterpretations underlying the use of some Russian vocabulary, linguistically perceived as false friends, which are pertinent to the academic setting and often misused by Anglophone students studying Russian language at the University of Ghana, Legon. Through our discussions, we propose corrections to these errors.

Овладение вторым языком – процесс обучения неродному языку [1]. Одной из трудностей, связанных с овладением неродным языком, является интерференция – это явление, испытываемое, когда лингвистические структуры, уже освоенные, контактируют с новыми изучаемыми структурами. Ученые определяют интерференцию как автоматический перевод с поверхностной структуры первого языка в поверхность изучаемого языка в результате привычки [1]. Интерференция между двумя языками существует во всех сферах обучения языку, произношении, говорении, правописании и в письме. Одна ключевая трудность, связанная с интерференцией, – это употребление так называемых ложных друзей. Ложные друзья – это пара слов в двух разных языках, которые пишутся и звучат одинаково, но имеют разные значения. Такие слова могут вызывать трудности у учащихся, так как возможно неправильно идентифицировать их из-за интерференции. Неправильное употребление ложных друзей в овладении вторым языком является очень частотной проблемой среди изучающих иностранный язык, в частности, среди ганских студентов, изучающих русский язык в Университете Ганы.

Для целей нашей работы мы будем в основном опираться на одну из категорий ложных друзей, установленную Кристофером Гуткнечт, которая называется «синхронические межъязыковые ложные друзья» – ложные друзья – слова, принадлежащие двум разным языкам, которые сход-

ны в форме, но имеют разные значения. Например, неполные ложные друзья – пара слов в первом и втором языках, которые имеют одно или несколько значений сходные, а также имеют различные значения. Таким образом, будет анализировать употребление трех из таких ложных друзей в контексте предложений, составленных ганскими изучающими русский язык в Университете Ганы, а именно многозначные слова, *школа (school), класс (class), студент (male student)*. Источник данных – предложения и фразы из письменных и устных упражнений 2 предметов русской грамматики; респонденты – студенты второго и третьего курсов, изучающие русский язык.

В анализе материала выявили следующие общие часто повторяющие ошибки: 1). Слово *«студент»* правильно переводится на английский как *«male student»*, употребляется по отношению к обучающимся в вузе (т.е., университета, колледжа, института, политехнического заведения). При передаче статуса (образовательная стадия) кого-либо употребляли такие примеры предложений: *Мой брат студент в школе. Ему 7 лет. Моя сестра студентка. Она учится в школе.* Выбор статуса субъекта *«студент»* не соответствует с местом обучения *«школа»*, а также указанному возрасту *«7 лет»*. Студенты намерены передать следующие значения: *Моему брату 7 лет. Он школьник / он учится в школе; Моя сестра школьница / Моя сестра учится в школе.* 2). Слово «школа» употребляются студенты в значение любого учебного заведения независимо от стадии, т.е., начальной, средней или высшей стадий. Такое значение является типичным переводом с родного языка Акан, в котором слово *«sukuu»* от английского *school* каким-то образом представляет собой общее название учебного заведения любой специализации, любой стадии, имеет значение *«учеба»* вообще и все, что касается неё, *«учебный год, учебный семестр»*. Поэтому предложения типа, *«школа кончилась для меня»* в значение *«я на каникулы (учебные)»*. 3). Слово «класс» употребляются студенты в значения *«пара, урок, занятие, лекция»*. При этом были такие примеры: *Я иду в класс* (в значении «я иду на лекцию/урок/пару»); *У нас русский класс* (в значении «у нас урок/лекция/пара по русскому языку»). В русском же языке, что касается образования и учебы, то слово «класс» обозначает: группа учащихся – *мы учимся в одном классе*; годичная ступень обучения в школе – *они идут в первый класс*; аудитория – *мы в классе*.

Рассматривая знание и употребления данных ложных друзей ганскими учащимися русского языка можно сказать, что в большинстве случаев есть склонность у учащихся иностранных языков слишком часто вводить в общее употребление специфические правила и особенности изучаемого языка, что обосновано неспособностью студентов обрабатывать лексические элементы и соответствующие семантические эффекты. К тому же, при проверке повторяемости употребления этих ложных друзей в учебниках русского языках, а также преподавателями, выяснилось, что слова «студент/студентка» часто употребляются в учебниках и очевидно преподавателями на уроках русского языка. Однако слова «класс» и «школа» редко появляются в учебниках и редко употребляются на уроках русского языка. Их встречают, когда, например, появляется тема «образование» или «учеба» и др. когда есть перечисление классов 1-10 (т.е., первый класс и т.д.).

Литература

1. Dulay H., Burt M. and Krashen S. Language Two. New York, 1982.
2. Gutknecht G. Translation. The Handbook of Linguistics. Ed. by Mark Aronoff and Janie Rees-Miller. Blackwell, 2003.

К.Ю. Давлетшина
milana_kris_1991@mail.ru
аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Москва, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВАРИАНТНЫХ ФОРМ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ(НА ПРИМЕРЕ СКЛОНЕНИЯ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА)

Ключевые слова: вариативность, морфология, представление вариантных форм именительного падежа, продвинутый этап обучения.

Аннотация: статья посвящена проблеме изучения падежных вариантов в современной лингвистике и их представлению в иностранной аудитории. Затрагиваются проблемы вариативности, которые являются актуальными на сегодняшний день.

K.Yu. Davletshina, post-graduate of Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

PRESENTATION OF VARIANT FORMS IN A FOREIGN AUDIENCE (FOR EXAMPLE, DECLENSION NOMINATIVE)

Key words: variability, morphology, performance variant forms of the nominative case, the advanced stage of training.

The article is devoted to the study of case variants in modern linguistics, and their representation in a foreign audience.

Вариантность – это объективный этап развития языка, обеспечивающий в известной мере преемственность речевых навыков и менее болезненный переход от старого качества языка к новому.

Обучение грамматическому конструированию – это обучение законам и закономерностям, на основании которых строятся русскоязычные устные и письменные высказывания.

В процессе обучения важно добиться того, чтобы усвоенная форма автоматически вызывала ее функцию, а функция — форму.

На этапе введения грамматического материала целесообразно использовать специально составленные микротексты, предназначенные для наблюдения и анализа функционирования данного речевого образца в контексте.

Возможно использование на уроке правил-запрещений, которые предупреждают о возможной грамматической ошибке или содержат указание на невозможность употребления грамматической формы в речи.

СЕКЦИЯ 10
ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РКИ

Э.Г. Азимов
EGAzimov@pushkin.institute
д-р пед. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Россия, Москва

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН КУРСОВ

Ключевые слова: Массовые открытые онлайн курсы, повышение квалификации, преподаватель русского языка как иностранного, компьютерные технологии, дистанционное обучение.

Аннотация: В статье рассматриваются различные типы массовых открытых онлайн курсов. Характеризуются особенности работы преподавателя на дистанционных курсах повышения квалификации, описываются трудности и проблемы, возникающие при организации дистанционного обучения.

E.G. Azimov

CHARACTERISTICS OF TEACHER'S ACTIVITIES IN MASSIVE OPEN ON-LINE COURSES (MOOC)

Key words: Russian as a foreign language, MOOC, computer technologies, in-service training, teachers of Russian as a foreign language, distance courses.

Abstract: In the article was considered different types of MOOC, and analyzed advantages and problems in using on-line courses for teachers. The special attention is given to the problems concerning different types of teacher's activities in MOOC.

Одной из важных тенденций компьютеризации в сфере образования являются МООК – массовые открытые онлайн курсы (русск. МООК, англ. Massive Open Online Courses). Обычно выделяют следующие преимущества такого электронного обучения: курсы МООК могут быть совместимыми с различными компьютерными системами, ресурсами и инструментами Интернета, доступны в течение определенного времени везде, где есть Интернет, их создание облегчено существующими программными средствами (форум, вебинар, видеолекция, электронная почта, презентация, подкасты, блоги, вики-технологии). В системе МООК эти средства и технологии функционируют в рамках одной образовательной платформы для решения определенной учебной задачи. Среди преимуществ такого обучения называются также следующие: организация и проведение онлайновых уроков обходится гораздо дешевле, поскольку на одном могут обучаться сотни и даже тысячи студентов; к созданию курсов привлекаются ведущие преподаватели из лучших университетов мир; онлайн уроки и лекции дают учащимся возможность выбирать скорость изучения материала, работать в привычном темпе, возвращаться к пройденному материалу, что обеспечивается последовательным изучением материала с регулярной проверкой результатов обучения. Значительное место в учебном процессе играет взаимодействие всех пользователей (слушателей, преподавателей, администраторов курса), они общаются между собой с помощью различных средств электронной коммуникации. В системах МООК учебное взаимодействие ориентировано

на большие группы учащихся, минимизировано индивидуальное взаимодействие преподавателя со слушателями, значительное место занимает автоматизированный тестовый контроль. Все это существенным образом меняет организационные, обучающие, контролирующие функции преподавателя.

В МООК используются различные формы взаимодействия со слушателями и проведения оценки уровня овладения учебным материалом. Основной учебный материал в МООК представлен в видеолекции. Видеолекции могут составлять не менее 50% от общей длительности курса. Заранее записанная видеолекция делится обычно на относительно небольшие фрагменты (до 10 мин.). Лекция сопровождается презентацией, контрольными заданиями и тестами, ссылками на ресурсы Интернета, базы данных и др. В содержание курса входят обычно: 1. Контрольно-измерительные материалы (КИМ) к лекциям в основном в виде тестов, они проводятся в автоматическом режиме и используются для текущего контроля, для итогового контроля знаний по окончанию изучения курса в целом; 2. Дополнительные задания к модулю, это могут быть рефераты, эссе, проектные задания, которые проверяются преподавателем; 3. Вебинары; обсуждения материалов курса на форуме, по Скайпу, по электронной почте с преподавателем или с другими слушателями.

Одним из самых сложных моментов создания и проведения курса онлайн является разработка критериев и способов оценки. Так, например, для контроля усвоения учебного материала предлагаются следующие способы: 1. В конце курса должен быть выполнены тесты разного уровня сложности, которые проверяются в автоматическом режиме. 2. Задания, которые выполняются самостоятельно (эссе, открытые задания, проекты, рефераты) и предполагают работу слушателя с печатными и электронными источниками (задания проверяются преподавателем). 3. Используются разного рода практические задания (например, найти материалы для урока, провести анализ учебника, подготовить методические материалы к уроку), а также ролевые игры, основанные на материалах курса. Иногда в некоторых курсах МООК дополнительно вводится и особый вид контроля – это проверка и самопроверка домашнего задания самими слушателями. Каждая выполненная домашняя работа (эссе, проект, реферат) направляются на сервер, откуда рассылается другим слушателям. Они и выполняют проверку работы.

На портале «Образование на русском» (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина) представлены различные учебные материалы по РКИ, в том числе и ориентированные на систему повышения квалификации преподавателей. Каждый из курсов, представленных на данном портале, требует специального рассмотрения и имеет свои особенности. Например, в курсе «Практическая методика преподавания РКИ» рассматриваются основные вопросы организации и содержательного наполнения практического курса РКИ: цель обучения, учебные задачи, используемые лингводидактические технологии. Изучение литературы, анализ существующих курсов, опыт создания новых курсов в системе МООК показывает, что надо говорить и о недостатках и проблемах, связанных с таким обучением, например: 1. трудно решать проблемы координации разных форматов представления информации в лекциях, организации контроля с помощью формальных тестов, анализа творческих работ слушателей; 2. отсутствие постоянного визуального взаимодействия преподавателя с учащимися, сложности учета индивидуальных особенностей слушателей в ходе обучения сказываются иногда отрицательно на результатах обучения. Все указанные выше и другие факторы и особенности учебного процесса вносят существенные изменения в деятельность преподавателя, ведущего занятия в системе МООК.

С.С. Хромов
chelovek653@mail.ru
д-р филол. наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

В.Г. Апальков
immaculate.v@gmail.com
канд. пед. наук, доцент, образовательный центр по иностранным языкам ОАО «Газпром», Москва, Россия

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В ЭЛЕКТРОННОЙ ОБУЧАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: русский язык, английский язык, виртуальная среда, виртуальный кампус, преподавание.

Аннотация: В докладе анализируется опыт преподавания русского и английского языков как иностранных в электронной обучающей среде кампус МЭСИ в течение последних 10 лет. Авторы показывают структуру организации учебного процесса по смешанной модели, доказывают ее эффективность.

S.S. Khromov, Doctor of philological sciences, Professor, Plekhanov Russian university of economics, Moscow, Russia

V.G. Apalkov, Candidate of pedagogical sciences, Associate prof., educational center «Gazprom» for foreign languages, Moscow, Russia

EXPERIENCE OF TEACHING RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES IN A VIRTUAL EDUCATIONAL SYSTEM

Keywords: Russian, English, virtual system, virtual campus, teaching.

Abstract: The experience of teaching Russian and English as foreign languages in a virtual educational system campus at the MESI University is considered during the past decade. The authors show the structure of the blended model teaching, prove its effectiveness.

Доклад посвящен обучению иностранных студентов профессионально ориентированному русскому языку и русских студентов английскому языку на примере виртуального кампуса МЭСИ на протяжении последних 10 лет. В качестве электронной учебной среды выступал электронный кампус МЭСИ.

СДО виртуальный кампус предоставляет возможность использовать следующие инструменты, предназначенные для организации учебной работы в сети:

– систему тестирования,
– систему обмена файлами,
– электронную ведомость,
– блоги, форумы,
– вебинары,
– личный узел для каждого зарегистрированного пользователя.

Работа преподавателя в СДО была организована одновременно в трех зонах:

– на своем личном узле;

– в рабочей области дисциплины, где организована учебная среда академической группы;
– в информационном центре дисциплины (ИЦД) – области для методической работы коллектива разработчиков курса.
Учебный процесс в электронной среде виртуального кампуса предполагал работу в первую очередь со стандартным набором инструментов, который предполагал:
– размещение учебных материалов (текстовые файлы, аудио- и видеофайлы, презентации, гипертекстовые материалы);
– тестирование;
– обмен файловыми документами;
– объявления;
– консультационный форум;
– возможность направлять все выполненные индивидуальные задания на проверку преподавателю.
Обучение иностранных студентов русскому языку и русских студентов английского языку в МЭСИ было организовано в условиях смешанной модели обучения, что означает сопровождение очных занятий, которые проводятся в полном объеме, дополнительной учебной работой в сети вуза, обучением в электронной среде.
Авторы приходят к выводу о достоинствах анализируемой лингвометодической модели и последовательно выделяют следующие аспекты:
1) лингвопсихологический; 2) лингводидактический; 3) менеджерский; 4) технологический.

Д. Бончани
boncianidaniela@virgilio.it
канд. пед.наук, преподаватель, Сиенский университет, Италия

Р. Романьоли
raffaella.romagnoli5@unibo.it
канд. фил.наук, преподаватель, Болонский университет, Форли, Италия

Н. В. Смыкунова
smykunova.natalia@unive.it
канд. фил.наук, преподаватель, Университет Ка Фоскари, Венеция, Италия

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: «МИР ТЕСЕН»

Ключевые слова: учебное пособие для итальянцев, межкультурная коммуникация, страноведение.

Аннотация: Новое учебное пособие по русской культуре и страноведению России для итальянцев представляет собой новинку среди учебников и пособий этого типа. Широкий спектр тем, различный уровень владения языком (A1–B1) поможет подготовить учащихся вести успешный диалог в межкультурной коммуникации.

D. Bonciani, Dr. of Pedagogical Sciences, teacher, University of Siena, Italy
R.Romagnoli, Dr. of Philological Science, teacher, University of Bologna, Forlì, Italy
N.V. Smykunova, Dr. of Philological Science, Foreign language instructor (Russian), University of Venice, Italy

A NEW-GENERATION TEXTBOOK: MIR TESEN

Key words: textbook for Italian students, intercultural communication, cultural studies.

Abstract: The new textbook of Russian culture for Italian students is new among this kind of textbook. It provides students with cultural and linguistic information that are essential to have a real intercultural communication. The text provides materials with graduated levels of difficulty (A1–B1).

Учебное пособие для итальянских университетов и лингвистических колледжей и лицеев **Мир тесен: Основы русской культуры (уровни A1, A2, B1),** написанное Д. Бончани, Р. Романьоли, Н. Смыкуновой представляет собой новинку среди учебников и пособий по русской культуре.
Данное пособие может использоваться уже на начальном этапе обучения русскому языку (элементарный уровень A1). В пособии представлены тексты и графические материалы, большая часть которых вводится в учебную литературу впервые. В них говорится не только о русской истории и литературе, но и об искусстве, кино, затрагиваются наиболее актуальные общественные и экономические темы. Данный подход к выбору тем отвечает новейшим требованиям к преподаванию и обучению иностранным языкам и культуре Министерства образования Италии.
Главным критерием выбора текстов являлась значимость в культурной жизни России вчера и сегодня, а также их актуальность и взаимное влияние, духовная близость, культурные сходства, приобретённые в процессе исторических и культурных отношений между Италией и Россией. Предполагается, что при их чтении у учащихся будет возможность установить определенное соотношение между содержанием текстов и личным опытом.

Учебное пособие “Мир тесен” является первым пособием по русской культуре, которое адресовано всем тем носителям итальянского языка, изучающим русский язык в школе, университете, на курсах. Представленный материал четко разделен по уровням владения языком (A1, A2, B1).
Пособие можно использовать на уроках русского языка для формирования, расширения и углубления знаний о культуре России у итальянских обучающихся, а также для повышения мотивации и формирования их межкультурной компетентности согласно рекомендациям и указаниям Совета Европы, которые зафиксированы и описаны в «Общеевропейских компетенциях владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка».
Пособие состоит из трёх частей, каждая из которых включает 5 уроков. Первая часть – начальный этап обучения (уровень A1), вторая часть – базовый (уровень A2), а третья часть – пороговый (уровень B1).
Как было сказано выше, тексты подбирались по проблемно-тематическому принципу. Предполагается, что после их прочтения и выполнения пред/послетекстовых упражнений итальянские учащиеся будут воспринять Россию как «другое», а не как «чужое», что поспособствует созданию «диалога» между итальянской и русской культурами.
Предлагаемые упражнения и задания нацелены на закрепление полученной информации о России, развитие навыков и умения чтения и письма, развитие устной речи. Некоторые задания и упражнение предусматривают формирование базовых навыков перевода с русского языка на итальянский. В симпозиуме учебное пособие «Мир тесен» будет проиллюстрировано на материале уроков разных уровней.

Н.Н. Конева
NNKoneva@pushkin.institute
Канд. педаг. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВАЦИИ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Ключевые слова: технологии; педагогические технологии; новации; инновационный; интерактивный.
Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о смене парадигм образования, об использовании в методике преподавания РКИ педагогических технологий, содержащих в себе новации и качественно повышающих не только образовательный, но и языковую компетенцию иностранных учащихся.

N.N. Koneva, PhD, Associate Professor Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AND NOVATIONS IN RFL-TEACHING METHODOLOGY

Key words: technology; educational technology; innovations; innovative; interactive.

Abstract: In this article the issue of changing paradigms of education is considered. This article also explores the teaching technologies of RFL-teaching methodology, which contain innovations and which develop not only educational but also language competency level of foreign students.

В XXI веке определяющим направлением как школьного, так и вузовского образования в разных уголках планеты

является решение проблемы личностно-ориентированного образования, в котором личность учащегося была бы в центре внимания преподавателя.

В современном обществе, в условиях личностно-ориентированного обучения роль и функция преподавателя несколько иная, но не менее значимая, чем при традиционной системе обучения. И это важно осознать. Если при традиционной системе образования преподаватель вместе с учебником были основными и наиболее компетентными источниками знания, а преподаватель являлся к тому же и контролирующим субъектом познания, то при новой парадигме образования преподаватель выступает больше в роли организатора самостоятельной активной познавательной деятельности учащихся, компетентного консультанта и помощника. Его профессиональные умения должны быть направлены не просто на контроль знаний и умений учащихся, а на диагностику их деятельности, чтобы вовремя помочь квалифицированными действиями устранить намечающиеся трудности в познании и применении знаний. Эта роль значительно сложнее, нежели при традиционном обучении, и требует от преподавателя более высокой степени мастерства [2: 12]. В условиях преподавания РКИ новая парадигма образования приемлема на среднем и продвинутом этапах обучения. В этом могут помочь педагогические технологии обучения, которые содержат определенные новации.

Определение термина **«новации»** сводится к понятию «нечто нового», «новшества» [3: 357]. Между тем, в последние годы очень популярен термин **«инновация»** (лат. *in* – в, *novus* – новый, в точном переводе с латинского не *новое*, а *в новое.* И если рассматривать данное определение в педагогической категории, то выявляется его глубинная суть.

Новое время требует нового мышления. Появляются новации в обучении иностранным языкам, в частности, РКИ.

Меняется стиль учебного процесса, тип овладения знаниями. Широко внедряется развивающее, проблемное, проектное обучение, используются педагогические технологии обучения в сотрудничестве и развития критического мышления.

Традиционно профессиональная компетенция преподавателя РКИ определялась способностью к передаче знаний иностранным учащимся, формированию у них навыков и умений как в средствах, так и в деятельности общения. В этой простой схеме прослеживалась некоторая технологичность выстроенного учебного процесса. В настоящее время характер деятельности иностранного учащегося может происходить по схеме, заранее выстроенной преподавателем, и иметь более совершенный технологический, поисковый характер.

Технологический подход в производственной сфере – представление производственных процессов как технологий – это неотъемлемая часть современного материального производства. Применение технологического подхода и термина «технология» к социальной сфере, к области образования и культуры [5: 46] явление сравнительно новое.

Технологический подход к обучению активно разрабатывался и продолжает разрабатываться отечественной педагогикой: ему посвящены работы В.П. Беспалько, М.Е. Бершадского, В.И. Боголюбова, В.В. Гузеева, Т.А. Ильиной, М.В. Кларина, З.А. Мальковой, Н.Д. Никандрова, О.Ю. Овакимяна, Е.С. Полат, А.Я Савельева, Г.К. Селевко, А.И. Умана и других ученых, а также зарубежных авторов (Л. Андерсон, Дж. Блок, Б. Блум, Т. Гилберт, Н. Гронлунд, Р. Мейджер, А. Ромишевски и других).

На основе отечественного и зарубежного опыта при обучении иностранным языкам учеными и педагогами предлагается новая **поисково-технологическая модель** [4: 220], которая позволит в ходе занятий сохранить технологичность процесса и построить взаимодействие преподавателя с учащимися. Поисково-технологическая модель в процессе обучения русскому языку трансформируется в учебную технологию иностранного учащегося. Следует отметить, что в поисково-технологической модели поиск инициируется учащимися, которые вносят в обучение творческие зарисовки, раскрывают проблемы, исследуют их, ищут и находят «личные смыслы»

На основании вышеизложенного можно констатировать, что поисково-технологическая модель обучения – это интерактивная модель, цель которой – организация комфортных условий обучения при активном взаимодействии преподавателя и учащихся. Именно использование этой модели обучения преподавателем на своих занятиях говорит об его инновационной деятельности.

Как свидетельствует наш опыт, использование поисково-технологических моделей в следующих педагогических технологиях: обучения в сотрудничестве и развития критического мышления в большей степени способствуют творческому развитию иностранных учащихся, эффективному и результативному овладению русским языком.

Литература:

1. Конева Н.Н., Ковалева А.В., Карзанова Т.Ю. Интерактивные приемы преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие. Книга для преподавателя / Под ред. Н.Н. Коневой. М., 2014.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Под ред. Е.С. Полат. М., 2005.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-кор. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986.
4. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку. [Г.М. Васильева и др.] / Под ред. И.П. Лысаковой. М., 2004.

Е.Л. Корчагина
ELKorchagina@pushkin.institute
канд. пед. наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД К ИННОВАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: непрерывное образование, инновационная образовательная среда, система средств обучения, универсальные учебные действия, система упражнений.

Аннотация: В статье рассматривается проблема научного системно-структурного подхода к созданию инновационных средств обучения по РКИ для эффективного функционирования формируемой в настоящее время образовательной среды.

E.L. Korchagina, Ph.D., Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

LEARNING TOOLS IN THE TRANSITION TO INNOVATIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Keywords: continuing education, innovative educational environment, the system of training, universal educational actions, the system of exercises.

Abstract: The article considers the problem of scientific systematic structural approach to the creation of innovative training tools of teaching Russian as a foreign language for the effective functioning of forming educational environment.

Обращение к проблеме научного системно-структурного подхода к созданию средств обучения, отвечающих пот-

ребностям времени и необходимых для эффективного функционирования единой инновационной образовательной среды, продиктовано стремлением оптимизировать внедрение в практику обучения РКИ новейших технологий и успешных практик последних лет. Это позволит активно продвигать русский язык в мире путем предоставления возможности изучать его и проходить сертификационное тестирование всем заинтересованным в этом лицам, а также мотивировать к его изучению и совершенствованию владения им новых иностранных учащихся.

В контексте информационно-цифровой эпохи предъявляются повышенные требования к каждому человеку. В наблюдаемый период становится нормой получение непрерывного образования в течение всей жизни, освоение новых профессий, овладение новыми иностранными языками. Человек, который востребован на рынке труда уже сегодня, должен удовлетворять следующим требованиям:

- обладать способностью **самостоятельно** творчески мыслить, оперативно анализировать поступающую информацию, порождать новые идеи; в течение всей жизни совершенствовать свои личностные качества; ставить перед собой учебные цели, находить пути их реализации, овладевать нужными для достижения этих целей знаниями и технологиями, уметь применять их на практике для решения текущих задач; использовать рациональные пути решения возникающих проблем с помощью новейших технологий, принимать гибкие решения;
- владеть навыками общения, уметь работать в команде, планировать и осуществлять совместную деятельность;
- контролировать и адекватно оценивать свои достижения.

Поиск новых моделей личностно-ориентированного обучения с учетом индивидуальной образовательной траектории уже давно находится в фокусе внимания методики РКИ, но с большим трудом преодолевает инерцию традиционного

обучения, существующий в образовании консерватизм. Настоящий момент следует рассматривать как переходный период в системе образования в целом и методике преподавания РКИ, в частности. Происходящие в сфере российского образования изменения закреплены законодательно. При этом основное внимание уделяется внедрению электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. В документах подчеркивается необходимость создания условий «для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся» [1], «учебно-методического обеспечения единого электронного образовательного пространства, объединяющего ресурсы для организации обучения русскому языку и на русском языке на всех уровнях подготовки» [2].

Но, как показала мировая практика, достижение новых образовательных целей невозможно без научно обоснованной стратегии формирования единой комплексной образовательной среды, представляющей собой симбиоз традиционных условий, средств и приемов обучения русскому языку и разветвленной дифференцированной модульной системы электронных ресурсов, которые предлагают различные обучающие продукты, удовлетворяющие самые разные потребности изучающих русский язык для построения индивидуализированных маршрутов обучения.

Для обеспечения решения основных задач инновационного образования в статье предлагается создание инновационной гуманистической образовательной среды, разработанной на основе комплексного системно-структурного подхода в парадигме «**учащийся – средства обучения – учитель**». Также использовался уровневый подход при разработке планируемых результатов и оценке динамики учебных достижений учащихся, персонифицированных методик и контекстной информации об условиях и особенностях реализации обучающих программ при интерпретации результатов педагогических измерений, планомерной организации непосредственного, опосредованного или частично опосредованного взаимодействия обучающих и учащихся. Данная образовательная среда позволит предоставить:

– **учащимся** множество вариантов учебных программ и средств обучения для выбора в соответствии с их желаниями и потребностями при выстраивании индивидуальных образовательных траекторий;

– **учителям и преподавателям** – возможности реализации профессионального потенциала в соответствии с конкретными условиями обучения.

В статье предлагается система актуальных средств обучения в инновационной образовательной среде, системообразующим фактором которой стали общеучебные действия (личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные). Учитывая социальный характер процесса образования и необходимость в связи с этим управления на разных уровнях, для обеспечения эффективности дистанционного обучения в статье описываются схемы взаимодействия обучающих и учащихся.

Литература

1. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. (с изменениями и дополнениями): http://base.garant.ru/70291362/

2. Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016–2020 гг.» №481 от 20 мая 2015 г.

Л.И. Кузнецова
lora_smith@rambler.ru
доцент Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия

УЧЕБНЫЙ ФРЕЙМОВЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИННОВАЦИОННОЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ключевые слова: учебный фреймовый словарь, русский язык как иностранный, фрейм, фреймовый подход, инновационный.

Аннотация: Учебный фреймовый словарь содержит большой инновационный потенциал. Фреймовый подход в учебной лексикографии позволяет по-новому подойти к отбору и структурированию тематической лексики в словаре. В качестве методического средства обучения учебный фреймовый словарь расширяет лексическую картину русского языка, дает пользователю представление о типичных ситуациях общения в стране изучаемого языка.

L.I. Kuznetsova, the senior lecturer of Institute of philology and language communications of the Siberian federal university, Krasnoyarsk, Russia

THE LEARNER'S FRAME DICTIONARY AS AN INNOVATIVE TUTORIAL MEANS IN A PRACTICAL COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: the educational frame dictionary, Russian as a foreign language, frame, frame approach, innovative.

Abstract: The Learner's frame dictionary contains a big innovative potential. The frame approach in the educational lexicography allows a new approach to selection and structurization of thematic lexicon in the dictionary. The educational frame dictionary as a methodical tutorial means expands a lexical picture of the Russian language and gives a user the information about typical communicative situations in the country of studied language.

Современная научная парадигма рассматривает процесс овладения иностранным языком с позиций достижения когнитивной науки – фреймового подхода. Фреймовый подход в учебной лексикографии позволяет по-новому, с когнитивных позиций, подойти к отбору и структурированию тематической лексики по слотам в словарной статье.
Однако проблема разработки учебного фреймового словаря с позиции фреймового подхода является малоизученным вопросом учебной лексикографии. Русская учебная лексикография, при ее значительных достижениях, не располагает до сих пор учебным фреймовым словарем, хотя проект его разработки обсуждается учеными и методистами уже около 20 лет. Составление учебного фреймового словаря антропоцентрической направленности возбудило дискуссию о концепции словаря, о фреймовом способе отбора и организации лексики, методических задачах и особенностях лексикографирования фреймовой словарной статьи и других проблемах [1–3]. Главным итогом научного обсуждения явилось признание того, что создание учебного фреймового словаря является актуальной задачей учебной лексикографии, потому что словарь 1) транслирует знания о языковой картине мира типичного носителя русского языка, и знакомит пользователя с культурой страны изучаемого языка; 2) привязывает языковую картину мира к ситуативным фрагментам внеязыковой действительности;

3) показывает какими языковыми и речевыми средствами русского языка объективируются фреймы.

Новизна нашего научного исследования заключается в том, что мы впервые описываем инновационный потенциал разработанного нами учебного фреймового словаря (первый сертификационный уровень) в практическом курсе РКИ, определяем его статус и место в классификации тематических (идеографических) словарей.

Инновационная методика формирования словника соответствует методическим задачам фреймового словаря и включает 4 этапа: анализ типичных ситуаций с целью формирования системы фреймов, экстралингвистическое прогнозирование содержания слотов фрейма, составление учебной выборки – корпуса текстов тематической направленности, извлечения лексики и заполнение слотов фреймовой словарной статьи.

Работа по созданию фреймового словаря и исследование теоретических и практических вопросов, связанных с фреймовым подходом в практике преподавания РКИ ведутся Центре международного образования СФУ 7 лет. Отобранный для словника языковой и речевой материал был апробирован в ходе эксперимента и позволяет сделать вывод, что словарь способствует познавательной активности учащихся, ведет к активизации учебной деятельности в практическом курсе РКИ.

Апробация словаря в практическом курсе РКИ включала проверку:

– состоятельности разработанной концептуальной модели словаря и эффективности методики формирования словника с точки зрения практической реализации;

– оптимальности реестра слотов фреймовой словарной статьи;

– адекватности содержания лингвострановедческого и лингвокультурного компонентов словника для успешной

межкультурной коммуникации;

– дополнительных потребностей пользователей фреймового словаря в аспекте информационного содержания.

Экспериментальное обучение со словарём показало, что фреймовый учебный словарь является инновационным методическим средством обучения и важным компонентом учебно-методического комплекса в практическом курсе РКИ.

Литература:

1. Борисова Е. Г. Лингвистические основы РКИ (педагогическая грамматика русского языка) / Е. Г. Борисова, А. Н. Латышева – М.: Флинта: Наука, 2003. – 208с. – С. 132.

2. Латышева А. Н. Учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов./ А. Н. Латышева // Мир русского слова, 2004 – Вып. №3.-М. – С. 6-11.

3. Тюрина Г.А. Фреймовый способ организации лексики в практическом курсе русского языка как иностранного.// Г. А. Тюрина. - М.: МГУ, 2000.

4. Одинцова И. В. Некоторые аспекты организации коммуникативно-ориентированного обучения // Русский язык за рубежом. – 2004. - №3. – С.29.

5. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Щукина. М., 2003.

6. Уланова С. Б. Фрейм как структура репрезентации знаний. // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сборник научных трудов. Рязань, 2000.

М.Ю. Лебедева
MYLebedeva@pushkin.institute
канд. филол. наук, вед. науч. сотрудник Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: РКИ, образовательные инновации, цифровое обучение.

Аннотация: В докладе рассматриваются инновационные образовательные процессы в применении к практике преподавания РКИ.

M.Y. Lebedeva, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

EDUCATIONAL INNOVATIONS AND RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Keywords: Russian as foreign language, educational innovations, digital learning.

Abstract: The paper represents a review of modern educational innovations as applied to Russian as foreign language learning.

По прогнозам экспертов, в ближайшие десятилетия мы будем наблюдать радикальные изменения в образовании. Уже сейчас ряд образовательных инноваций претендует на звание «подрывных», то есть ведущих к кардинальной

перестройке всей системы. К ним можно отнести новые форматы обучения, такие как МООС и его вариации хМООС и сМООС, новые модели обучения («перевернутый класс»), новые технологии (сервисы адаптивного обучения и др). В подобных условиях критически важно быстро реагировать на изменения, отбирать и внедрять новые инструменты, приспосабливая наиболее эффективные из них. Стоит учитывать при этом, что если поддерживающие инновации легко вписываются в привычную практику (например, очная лекция без труда переводится в формат вебинара), то подрывные инновации, напротив, нередко вступают в конфликт со сложившейся системой. На первых порах они часто вызывают протест или используются неэффективно (например, когда цифровой образовательный ресурс создается по принципам традиционного учебника). Но именно подрывные инновации предопределяют глобальные изменения. Мы перечислим ряд тенденций, которые с большой вероятностью будут формировать новый образовательный ландшафт, и рассмотрим их в применении к практике преподавания русского языка как иностранного.

1. Цифровизация образования и новые формы обучения. Истоки этого процесса, разумеется, лежат в цифровой революции – глобальном переходе от аналогового к цифровому способу обработки, хранения и передачи информации. Уже в 2002 году объем мировых цифровых данных превысил совокупный объем аналоговых и продолжает ежегодно удваиваться. Это определяет интенсивность развития дистанционного обучения, реализующегося с помощью цифровых технологий. Тенденция нередко вызывает опасения педагогического сообщества, связанные с 1) вытеснением роли преподавателя из образовательного процесса; 2) отсутствием непосредственного контроля над выполнением заданий; 3) недостатком взаимодействия между участниками. Последнее особенно важно для языкового

обучения, где основным средством и целью является коммуникация. Все эти сложности легко разрешаются в смешанном обучении, которое предполагает совмещение асинхронной (работа с учебным контентом в любое время) и синхронной форм (преподаватель и студенты взаимодействуют в одно и то же время либо очно, либо дистанционно). Представляется, что смешанное обучение может не только стать полноценной альтернативой очному, но и внести существенные улучшения в практику преподавания РКИ, решив целый ряд задач – от организационных до политических. Однако механический перенос очного обучения в смешанный формат уже доказывает свою неэффективность, а значит, методике предстоит описать модели смешанного обучения, применимые в практике РКИ, и принципы проведения языковых вебинаров.

Отметим также, что рост объема носимых технологий делает актуальным мобильное обучение и требует от современного образовательного продукта быть кросс-платформенным, то есть функционирующим на любом программном обеспечении и любых устройствах от компьютера до смартфона.

2. Педагогика, основанная на данных. Тенденция обусловлена экспоненциальным ростом объема цифровых данных и развитием науки об их обработке и анализе. Проблематика Big Data – одна из самых обсуждаемых сегодня – претендует на звание подрывной инновации во многих отраслях и в том числе в образовании. Данные об обучении пользователей (а в эпоху глобальных образовательных платформ речь идет о сотнях тысяч учащихся) становятся грандиозным эмпирическим материалом, который при помощи специальных программ может анализироваться, кластеризоваться и в дальнейшем подвергаться научной интерпретации. Представляется, что большой объем данных о прохождении электронных курсов РКИ при

эффективно разработанном механизме сбора и анализа может уточнить положения теории РКИ, предложить ответы на дискуссионные вопросы и стимулировать лингвистические и методические открытия.

3. Поиски новых способов индивидуализации. Развитие студентоцентрического подхода к образованию получило новый импульс благодаря появлению специальных сервисов адаптивного обучения. И если на IT-отрасли лежит задача по совершенствованию таких алгоритмов, то лингвистам и методистам РКИ предстоит пересмотреть подходы к созданию учебного контента, так чтобы он мог обеспечивать индивидуализированное обучение. Кроме того, тенденцию поддерживает изменяющаяся роль педагога (тьютора), который в смешанном обучении совместно с учащимися выстраивает их индивидуальные учебные траектории, работает с их целеполаганием и мотивацией.

4. Влияние сетевой культуры. Несмотря на то, что эта тенденция напрямую связывается с интернет-средой, она наблюдается и в очном обучении. К аспектам сетевой культуры, значимым для образования, можно отнести: ослабление иерархичности и усиление горизонтальных связей (студенты учатся друг у друга и оценивают друг друга, преподаватель становится равным участником процесса), активная, быстрая и разносторонняя обратная связь (оцениваются и комментируется деятельность и студентов, и преподавателя), коллаборативность (совместная работа играет все большую роль; соревновательность в обучении переосмысливается).

5. Прагматизация образования. Образование становится все более практикоориентированным, а в обучении языку на первом плане оказываются цели, определенные практической деятельностью учащихся и прямо связанные с их мотивацией. Поэтому коммуникативный подход к обучению РКИ сохраняет свою актуальность, становится также

востребованным проектный метод обучения и принцип опоры на содержание (content-based language learning).

6. Неформальное обучение. Нестандартизированные методы и формы обучения играют большую роль в образовательном ландшафте в целом, а иногда влияют и на формальное образование. Активно развиваются геймификация (на разных уровнях и в разных формах), обучение как развлечение (edutainment), «взаимосвязанное с миром» обучение (crossover learning), случайное научение (incidental learning) и др.

7. Открытость образования. Открытые образовательные ресурсы – новая реалия, обусловленная целым рядом факторов – это цифровой обучающий контент, который может быть свободно использован для преподавания, обучения и исследований. Доступ к таким ресурсам может быть как бесплатным, так и платным, но всегда предоставляется на основе специальных лицензий (чаще всего Creative Commons). Эта тенденция напрямую связана и с цифровизацией образования, и с усилением ценностей сетевой культуры, и с движением в сторону индивидуализации.

Л.В. Петросян
lianna_tig@yahoo.com
канд. филол. наук, доцент Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереван, Армения

О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ

Ключевые слова: русский язык, обучение языку, информационные технологии.

Аннотация: Предлагается концепция инновационной саморазвивающейся модели организации электронных ресурсов для обучения русскому языку за рубежом. Модель основана на принципах индивидуализации, контекстуализации, синергии и сотрудничества.

L.V. Petrosyan, PhD, Ass. Professor, Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ON THE PRINCIPLES OF THE ORGANIZATION OF ELECTRONIC RESOURCES FOR TEACHING AND LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE IN ABROAD

Key words: Russian, Language Teaching, Information Technologies.

Abstract: We suggest the conception of the innovative self-developing model for organizing of the digital resources for the learning and teaching Russian in abroad. The model is based on the principles of individualization, contextualization, synergy and cooperation.

Продвижение русского языка и культуры в ближнем и дальнем зарубежье является одним из внешнеполитических приоритетов России. В этом аспекте особую значимость приобретает вопрос: «Как и благодаря чему возможно оптимизировать процесс обучения, что создаст дополнительные стимулы для изучения?» Следует иметь в виду, что на современном этапе новый подход к обучению языку предполагает гармоничное сочетание традиционных методов и новейших информационных технологий: необходимо учитывать как новые вызовы и тенденции в современном многоязычном обществе, так и те дополнительные возможности, которые предоставляют информационные техноло-

гии. При этом должны быть существенно преобразованы не только содержание существующих электронных ресурсов, но и возможные формы их презентации. Виртуальные аудитории, онлайн курсы, открытый доступ к ресурсам социальных сетей – их стремительное развитие создает новые возможности, но и таит серьезные проблемы. Требуется продуманная организация информационных массивов, которые должны не только соответствовать индивидуальным требованиям и запросам современных обучаемых, но и, в то же время, обеспечивать возможность постоянного развития языковой и коммуникативной компетенций.

Дигитализация существующих традиционных учебных ресурсов – лишь необходимое, но далеко не достаточное условие. Это не в полной мере учитывается в имеющихся электронных ресурсах, которые в основном дублируют существующие «бумажные» версии и часто не принимают во внимание цели создания и специфику использования электронных ресурсов, и, что особенно важно, целевую аудиторию. Так, можно указать на следующие, нуждающиеся в доработке принципиальные проблемы:

✓ недостаточны предоставляемые возможности для самостоятельного обучения, самоконтроля и самооценки, диалога и обмена существующей информацией;

✓ не предусмотрена возможность саморазвития и самообогащения существующих ресурсов за счет коллаборативной работы пользователей;

✓ в малой степени задействованы такие ресурсы, как Корпус русского языка и связанные с ним инструменты, позволяющие непосредственно получать аутентичные данные относительно существующей реальной речевой практики;

✓ не учитываются особенности национальных образовательных систем.

Следует отметить, что коренная проблема, затрудняющая продвижение и развитие русского языка за рубежом – это

отсутствие языковой среды, особенно там, где нет многочисленной русскоязычной диаспоры. Это может быть частично компенсировано путем создания электронного массива, который должен не только содержать учебные ресурсы, но и быть ориентированным на создание виртуального языкового сообщества, объединяющего в процессе обучения как обучающихся, так и обучающих. Успешное функционирование интерактивной саморазвивающейся платформы будет содействовать профессиональному сотрудничеству между обучающими, привлечению к нему как обучаемых, так и ответственных за разработку и проведение образовательной политики на национальном и региональном уровнях**.** При этом учитывается один из важнейших принципов современной дидактики: в конечном итоге, платформа должна быть сосредоточена на обучаемом – ключевом участнике, «моторе» и промоутере лингвистического образования и реформ в этой области, особенно если учитывать возможности непрерывного образования и обучения на протяжении всей жизни (life-long learning).

Современные реалии требуют, чтобы от преподавания и обучения русскому как обособленному от других предметов перейти к междисциплинарному подходу, что предполагает разработку целостных, допускающих индивидуализацию лингводидактических стратегий и обеспечение пользователей информационными ресурсами и стратегиями, направленными на эффективное достижение целей, поставленных самим обучаемым. Учитывая существующее в современном обществе лингвистическое и культурное разнообразие, необходимо развивать методики, ориентированные на межкультурную коммуникацию, развитие полиглотизма и междисциплинарные связи. В этом смысле электронные ресурсы могут оказаться полезными для специалистов, использующих русский язык в специальных целях. Таким образом, электронный массив мыслится нами

как открытая и динамическая система, в основе которой – четыре принципа: индивидуализация, контекстуализация, синергия и сотрудничество.

Е.А. Подшивалова
lena.podshivalova@gmail.com
канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ИЗ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ ОЧНО-ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА, ПОСВЯЩЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЮ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, НА БАЗЕ LMS MOODLE

Ключевые слова: глаголы движения, РКИ, продвинутый этап обучения, продуктивные навыки, LMS MOODLE.

Аннотация: В докладе речь пойдет об опыте создания на базе LMS MOODLE очно-дистанционного курса, посвященного одному из сложнейших аспектов русской грамматики – глаголам движения. Автор предлагает к обсуждению систему заданий, призванную активизировать продуктивные навыки использования глаголов названной группы.

E.A. Podshivalova, Doct. of Philological Sciences, associate prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ON DEVELOPING A BLENDED-LEARNING COURSE ON RUSSIAN VERBS OF MOTION IN THE LMS MOODLE

Key words: verbs of motion, RFL, advanced level, productive skills, LMS MOODLE.

Abstract: The report is aimed to discuss the author's experience in designing a course for blended leaning which covers one of the most complicated fields in Russian grammar, i.e. verbs of motion. The course is based on the LMS MOODLE. The author suggests a system of tasks that enable foreign learners to activate their skills in using the verbs in question.

Глаголы движения были и остаются темой, которая вызывает интерес у иностранцев, изучающих русский язык на любом этапе. Знакомство с первыми глаголами движения происходит уже на элементарном уровне изучения русского языка как иностранного и продолжается вплоть до третьего и даже четвертого уровней (если говорить о глаголах движения, реализующих переносное значение, или о глаголах движения, входящих в состав фразеологизированных оборотов). Эта грамматическая тема вызывает у иностранных учащихся не только большой интерес, но и большие трудности, так как представляет собой фрагмент уникальной языковой картины мира русских. Ни одна языковая общность, в том числе и большинство славян, не имеет столь развитой системы для описания передвижений субъектов и объектов.

Среди специалистов бытует мнение, что внимание к теме глаголов движения преувеличено, что данная группа ничем не отличается от других лексико-грамматических групп, что рецепция глаголов движения не вызывает у инофонов никаких затруднений, а трудности в продукции преодолимы. Однако опыт показывает, что иностранные учащиеся рады любой возможности расширить свои знания и укрепить свои навыки в области использования русских глаголов движения.

Большинство традиционных пособий, посвященных вопросам употребления глаголов движения в русском языке, рассматривают материал поэтапно: бесприставочные глаго-

лы, глаголы с приставкой *по-*, глаголы с приставками *при-/у-* и т.д. В качестве итоговых предлагаются задания на вставку, где предполагается использование всех изученных глаголов и их приставочных производных. Как правило, заданий, предполагающих свободное использование глаголов движения, оказывается крайне немного.

Разработанный нами очно-дистанционный курс вырос из цикла очных занятий, где учащиеся не столько знакомились с отдельными глаголами движения и их значениями, сколько активизировали все свои знания и приобретали новые продуктивные навыки (как на базе устной, так и на базе письменной речи). Стимулом для репродуктивной и продуктивной речевой деятельности учащихся служат российские мультфильмы, картины русских художников, а также произведения русской литературы. Выбор именно мультфильмов неслучаен, так как там в минимальное время происходит максимум событий (движений, перемещений), не отягощенных лишними диалогами. Свойства LMS MOODLE позволяют обеспечить самостоятельную работу учащихся многочисленными скриптами-**тестами**, которые студенты выполняют на базе просмотренных мультфильмов. Встроенный комментарий преподавателя в случае ошибки позволяет понять, почему тот или иной вариант является ошибочным или верным. Параллельно самостоятельной "дрилловой" работе учащихся в аудитории следует организовывать коллективные пересказы увиденного. Это важно, так как помогает иностранцам обратить внимание на те нюансы движения, которые важны для русских и которые находят отражение в нашей речи.

Повторительный модуль завершается самостоятельным написанием истории по мультфильму, предложенному преподавателем, и по национальному мультфильму по выбору студента. Эта работа реализуется с помощью системного элемента *"Задание",* т.е. также выполняется онлайн.

К самостоятельной работе по развитию репродуктивных навыков можно отнести написание изложения по прослушанному тексту. Данная работа представляется нам крайне важной, так как тут происходит двойное перекодирование денотативной информации: звучащий русский текст усваивается и анализируется в рамках категорий родного языка, а потом сформировавшаяся в голове иностранца история должна вновь получить языковое воплощение на изучаемом языке. Подобное упражнение также реализуется с помощью системного элемента "Задание".

LMS MOODLE позволяет реализовывать разные формы учебного взаимодействия, в том числе организовывать групповую работу студентов. С помощью элемента **Wiki** учащиеся, разбитые на двойки или тройки, могут создать свой коллективный рассказ по серии рисунков (например, Х. Бидструпа или Н. Радлова). В очную часть работы может быть вынесена устная презентация получившегося рассказа. Развитию продуктивных навыков способствует и такой элемент, как **форум**. Во-первых, он может напрямую использоваться для обсуждения грамматических вопросов, а во-вторых, может стать элементом задания, где учащимся предлагается обсудить, кто куда поедет на ближайшие праздники (по материалам онлайн сервиса Bla-bla-car).

Еще один элемент LMS MOODLE, который представляется нам полезным, – это **глоссарий**. Его обучающая функция, когда речь идет о грамматических явлениях, конечно, не столь очевидна, однако он может быть использован в качестве предтекстового задания, предваряющего чтение художественного произведения (например, "Метели" А.С. Пушкина), а также как средство накопления и систематизации сведений о переносном употреблении глаголов движения, а также их употреблении в фразеологических единицах. Учащимся может быть предложен перечень таких единиц, а они, в свою очередь, должны предложить

толкование. Или учащимся предлагается глагол с толкованием (*проводить=организовывать*), а они должны предложить сочетаемость. Разработка подобного грамматического курса в LMS MOODLE не только расширяет возможности самостоятельной работы учащихся, но и позволяет интесифицировать обучение, а в рамках очного занятия больше времени уделять развитию устных речевых навыков.

Г.В. Вариченко
vargalina@mail.ru
старший преподаватель Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

Е.В. Кишкевич
alena_kishkevich@tut.by
доцент Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

Ж.В. Проконина
veraprok@rambler.ru
старший преподаватель Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНИК В ПРАКТИКЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Ключевые слова: электронный обучающий ресурс, дистанционное обучение, учебно-методический комплекс, культуроведческая ориентация, социокультурная единица, система Moodle.

Аннотация: В докладе рассматривается организация образовательного процесса с использованием достижений информационных технологий: разработка электронного учебного материала для обучения иностранных слушателей русскому языку.

Varichenko Galina, Senior Teacher of the Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus

Kishkevich Alena, Associate Professor of the Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus

Prokonina Zhanna, Senior Teacher of the Belarusian state university, Minsk, Republic of Belarus

ELECTRONIC TEXTBOOK IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: e-learning resource, distance learning, training complex, cultural studies orientation, socio-cultural unit, the system Moodle.

Abstract: The report describes the organization of the educational process with the usage of information technology achievements – the development of electronic teaching material for the training of foreign students of Russian language.

В инновационном обучении на факультете доуниверситетского образования Белорусского государственного университета базовым звеном методической системы «слушатель – учебный предмет – преподаватель-модератор» является учебно-методический комплекс (УМК), на основе которого осуществляется процесс обучения учебному предмету «Русский язык как иностранный». При создании усло-

вий дистанционного обучения звено «учебный предмет» (Русский язык как иностранный) усиливается особо значимым фактором, в качестве которого может выступать электронный обучающий ресурс, разработанный на основе УМК «Русский язык как иностранный».

Учебное пособие «Русский язык как иностранный (базовый уровень)» является составной частью УМК «Русский язык как иностранный» и одним из первых опытов создания в Республике Беларусь социокультурно ориентированных учебников.

Необходимо отметить, что обучение русскому языку как иностранному в условиях современной Беларуси имеет свои особенности и рассматривается как обучение лексике и грамматическому строю языка в контексте белорусской культуры, под знаком белорусских культурных ценностей, путем презентации социокультурных сведений о Беларуси и ее выдающихся представителях, о вкладе страны в мировую культуру. Социокультурно обусловленными оказываются учебные материалы, представленные на всех уровнях языка (в фонетике, лексике и фразеологии, морфологии и синтаксисе).

На основании учебного пособия «Русский язык как иностранный (базовый уровень)» на факультете доуниверситетского образования Белорусского государственного университета организована работа по созданию электронного обучающего ресурса в системе Moodle. Учебный контент электронного ресурса включает в себя различные языковые единицы с белорусским национально-культурным компонентом.

Электронный ресурс, создаваемый в системе Moodle для обучения русскому языку как иностранному, содержит обучающий материал, который состоит из теоретической части курса (лексики, грамматических и глагольных таблиц), практической части (микротекстов, текстов, диалогов,

упражнений) и итоговых контролирующих тестов после каждого раздела (*Лекции*). Вся система заданий основывается на выборе предлагаемых языковых или речевых форм, включенных в тесты. Тесты формируются с использованием различных типов вопросов: *эссе, на соответствие, множественный выбор (Multichoice), верно/неверно и т.д.*

Для создания ситуативно обусловленного употребления речевого высказывания (в упражнениях для функционально ориентированного обучения грамматическим явлениям) могут быть использованы видео- и фотоматериалы Интернета (www.youtube.com).

Лексико-грамматический материал, микротесты, диалоги, тексты для просмотрового, ознакомительного, изучающего и поискового чтения, грамматические и глагольные таблицы представлены в обучающем электронном ресурсе с помощью редактора HTML. Данный программный продукт позволит организовать эффективную обратную связь с учащимися и оперативно оценить их знания, менять структуру учебных материалов в соответствии с меняющимися учебными задачами. Электронный ресурс будет полезен не только студентам, желающим овладеть русским языком в объеме базового уровня, но и всем, кто желает усовершенствовать свои знания по русскому языку или собирается в деловую, туристическую поездку в Республику Беларусь.

И.И. Прокопова
IIProkopova@pushkin.institute
аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ключевые слова: информационно-развлекательная программа, обучение РКИ

Аннотация: Доклад посвящен актуальности использования информационно-развлекательных программ современного российского телевидения в процессе обучения русскому языку как иностранному

I.I. Prokopova, PhD candidate, Pushkin State Russian Language Institute

THE RELEVANCE OF INFOTAINMENT PROGRAMS ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Key words: infotainment programs, teaching Russian as a foreign language

Abstract: The report focuses on the relevance of infotainment programs of modern Russian television in teaching Russian as a foreign language

На протяжении последних десятилетий прошлого века в теории и практике преподавания РКИ рассматривался и активно изучался вопрос использования аутентичных теле-

визионных материалов (информационных и информационно-аналитических программ, кинопрограмм, художественных кинофильмов и др.) при обучении инофонов восприятию и пониманию телевизионной речи на всех этапах обучения. Однако изменения, происходящие на современном телевидении, привели к значительному увеличению доли развлекательных и информационно-развлекательных программ. В этой связи нам представляется актуальным использование информационно-развлекательных программ на уроках РКИ. Выбор программ этого типа обусловлен, во-первых, интересом со стороны учащихся (более 65% опрошенных, изучающих русский язык как иностранный, заявили, что им интересны эти программы), а также необходимостью развития у учащихся навыков аудирования аутентичных текстов средств массовой информации.

В научной литературе термин «информационно-развлекательная программа» понимается как в широком, так и в узком смысле [1, 2, 4, 5]. Мы под **информационно-развлекательными программами** понимаем такие программы, в которых сочетаются информационный, познавательный, культурный и развлекательный виды контента.

Актуальность использования такого рода программ обоснована тем, что они довольно популярны среди телезрителей, так как имеют динамичный и интересный сюжет, развлекательную и юмористическую направленность, представляют «игривую» форму подачи материала, сопровождаемую интерактивностью и визуализацией. Более того, они отражают реалии, зачастую понятные только носителю языка. Помимо перечисленных особенностей отметим использование «живой» разговорной речи, иллюстрирующей функционирование языка в различных обиходно-бытовых сферах. Наиболее подробное описание лингвистических особенностей языка телевизионной речи приводится в работе О.А. Лаптевой «Живая русская речь с телеэкрана» [3],

которая послужила основанием для разработки лингвистических особенностей информационно-развлекательных программ. Среди наиболее характерных особенностей мы выделяем следующие:

a) использование лексической экспрессии (суперлативов и уменьшительных образований);

b) контаминации лексических оборотов или использование неправильной лексической сочетаемости;

c) чрезмерное употребление метафор, идиоматических и образных выражений, а также фразеологических оборотов и культурных клише;

d) использования лексических средств для создания каламбуров и шуток;

e) активизация употребления окказиональных слов;

f) активное использование прецедентных текстов;

g) использование разговорных, просторечных конструкций, которое объясняется поиском речевых средств, понятных телезрителю.

Очевидно, что работа на преодоление трудностей, связанных с восприятием вышеперечисленных особенностей, должна проводиться регулярно, начиная со среднего этапа обучения, чтобы подготовить учащихся к пониманию телеречи. Современные технологии предоставляют широкие возможности для работы с аутентичными информационно-развлекательными программами как самостоятельно, так и на уроке. На сегодняшний день Интернет является не просто способом просмотра программы, подобно телевидению. Глобальная сеть позволяет включить дополнительную функцию субтитров, во время просмотра прочитать информацию о программе, ведущих, а также различные комментарии других пользователей; присоединиться к обсуждению на форуме; использовать социальные сети для общения с зрителями и установления дополнительных виртуальных контактов.

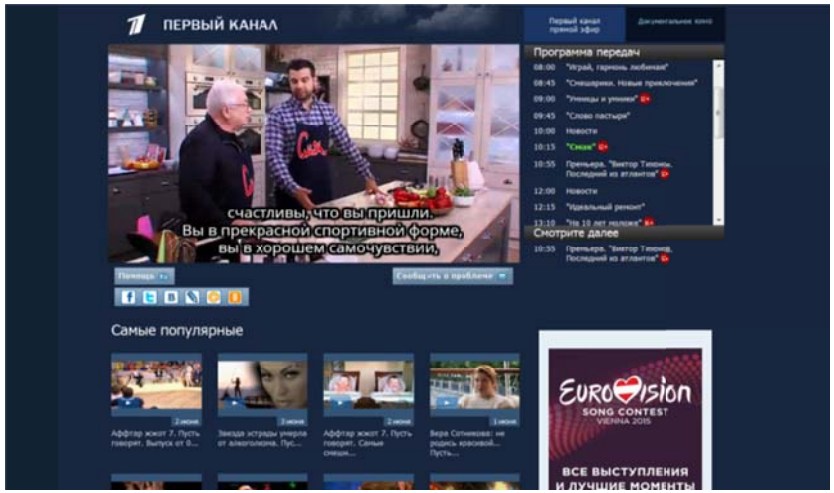


Рисунок 1. Скриншот онлайн-трансляции «Первого канала»

Таким образом, информационно-развлекательные программы на уроке РКИ демонстрируют особенности функционирования современной телевизионной речи, а возможности сети Интернет позволяют развивать не только навыки аудирования иноязычных текстов, но одновременно чтения и письма, что позволяет комплексно подходить к изучению особенностей языка СМИ в общем и языка информационно-развлекательных программ в частности.

Литература

1. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Vart/index.php (Дата обращения: 15.01.2016)

2. Зверева В.В. «Infotainment» на российском телевидении: сборник // Наука телевидения / Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина. М., 2004. Вып.1. С. 29–46.

3. Лаптева, О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте.

6-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 520 с.
4. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: Канон Пресс Ц, 2003.
5. Postman N. Amusing ourselves to death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: Penguin, 1985.

Т.Д. Блум
tomi0553@gmail.com
зав. сектором русского языка кафедры второго иностранного языка Венского университета прикладных наук BFI, Вена, Австрия

Е.Г. Ростова
EGRostova@pushkin.institute
канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Москва, Россия

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПОСОБИЯ ПО СТРАНОВЕДЕНИЮ РОССИИ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К СЕРТИФИКАЦИОННЫМ ЭКЗАМЕНАМ НЕМЕЦКО-ГОВОРЯЩИХ УЧАЩИХСЯ

Ключевые слова: уровень знания языка, сертификационный экзамен, страноведение, мультимедиа

Аннотация: Доклад посвящен проблеме подготовки к сдаче сертификационных экзаменов на уровни владения русским языком А1–В1. Обосновывается необходимость создания специального мультимедийного пособия для разных форм обучения, в том числе дистанционного.

T.D. Blum, Lecturer, Russian Coordinator University of Applied Sciences BFI, Vienna, Austria

E.G. Rostova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

ABOUT NEED OF CREATION MULTIMEDIA TEXTBOOK ON RUSSIAN REGIONAL GEOGRAPHY FOR CERTIFICATION EXAMS FOR GERMAN SPEAKING STUDENTS

Key words: language level, certification exams, knowledge of the country, multimedia.

Abstract: The article is devoted to a problem of preparation for the certification exams (language level A1–B1) for German speaking students. Article explains the need to create special multimedia textbook for the different forms of education, including distance learning.

В немецко-говорящих странах существует стабильный интерес нефилологов к изучению русского языка, к сдаче сертификационных экзаменов в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Современная ситуация такова, что большинство учащихся имеет потребности и реальную возможность совершенствовать свои знания русского языка, подтверждая их сдачей экзамена на сертификат, преимущественно на уровнях А1–А2 по международной классификации. Следовательно, уровень их страноведческих знаний должен также соответствовать требованиям Европейского портфеля к социокультурной компетенции данных уровней [2]. Так, например, уровень А1 предполагает знание лишь общей информации о стране: ключевых географических объектов, имен исто-

рических деятелей, связанных с важнейшими артефактами столицы и крупных культурных центров, т.е. некоторого лексического минимума единиц с национально-культурным компонентом семантики.

В отечественной и зарубежной практике отсутствуют учебные пособия по страноведению России, дающие возможность дистанционной подготовки к сдаче сертификационных экзаменов, хотя в экзаменационные материалы страноведческая информация регулярно включается, причем в некоторых случаях она оказывается гораздо сложнее, чем в аналогичных материалах для сдачи экзаменов по другим иностранным языкам.

Создание такого пособия требует как теоретических, так и практических действий.

В области теории необходимо разработать требования к уровню социокультурной компетенции и фоновых знаний учащихся, релевантных уровням А1–А2, определить принципы семантизации языковых единиц, глубины раскрытия их лексического фона; разработать типовые модели описания реалий в зависимости от их принадлежности к той или иной тематической группе (безэквивалентная и фоновая лексика, ономастика, формулы речевого этикета), выявить контексты, в которых эти единицы должны пониматься и употребляться учащимися, т.е. представлять собой либо рецептивные знания, либо знания, которые должны использоваться на уровне продуцирования оригинальных текстов; разработать методический аппарат (типовые задания и упражнения).

Реализация данной концепции и станет пособием (практикумом, тренажером, электронным ресурсом) для подготовки к сертификационному тестированию на уровни А1 и А2 немецко-говорящих учащихся, а его содержание – ориентиром как для учащихся, так и для преподавателей и составителей экзаменационных тестов.

Решение проблемы, особенно для нужд дистанционного обучения, как представляется, возможно с помощью современных мультимедийных технологий силами международного коллектива, состоящего из преподавателей РКИ немецко-говорящих стран и сотрудников Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, компетентных в области лингвострановедения и уровневого тестирования знаний русского языка. Один из возможных вариантов может быть разработан на основе материалов мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» [1], в котором, во-первых, большинство статей уже представлено на разных уровнях сложности, во-вторых, обоснован отбор единиц с национально-культурным компонентом семантики, и отчасти предложены интерактивные задания, закрепляющие словарный материал. Адаптация словарных материалов к нуждам немецко-говорящей аудитории, а также разработка дополнительного методического аппарата и должны привести к желаемому результату – созданию на портале Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина мультимедийного пособия по страноведению России для немецко-говорящих иностранцев, изучающих РКИ (уровни А1–А2).

Литература

1. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» // ls.pushkininstntute.ru.

2. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы. М., 2003.

Е.В. Рублёва
ekaterina.rubleva@gmail.com
канд. филол. наук, доцент Института русского языка и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКАМ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Ключевые слова: образовательная парадигма, новая педагогическая реальность, ИКТ в образовании.

Аннотация: На рубеже XX–XXI веков в мире складывается новая образовательная парадигма, отражающая реалии формирующегося общества знания. Основными ее чертами являются превращение образования из средства профессионального обучения в способ воспроизводства и развития личности и становление нового типа профессионализма, опирающегося на широкие компетенции, а не только на специализированные знания.

E.V. Rubleva, Ph.D., Associate Professor, Lomonosov Moscow State University Institute, Moscow, Russian Federation

FORMATION OF A NEW EDUCATIONAL PARADIGM IN LANGUAGE TEACHING AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

Key words: educational paradigm, new pedagogical reality, Information and communication technologies in education.

Abstract: At the turn of XX–XXI centuries, the world develops a new educational paradigm that reflects the realities of the

emerging knowledge society. Its main features are the transformation of education and the professional training to the process of reproduction and development of the individual and the formation of a new type of professionalism, based on extensive competence, and not only for specialized knowledge.

Человечество отличается от других видов тем, что способно передавать информацию следующему поколению. Однако, судя тенденциям в системе среднего и высшего образования, мы практически разучились это делать. В XXI веке будет создана новая парадигма образования, имеющая мало общего с нынешней.

Современные средние школы и вузы были задуманы в уходящую индустриальную эпоху. Они организованы по образу фабрик – с характерными для заводов звонками, сменами и строгим цеховым разделением [1]. В течение многих десятилетий такая фабричная модель помогала создавать столь нужные развитым странам армии рабочих, инженеров, управленцев. Стандартизированным были и подход к системе образования. С появлением информационного общества, предпосылкой которому послужила пятая информационная революция (по классификации А.И. Ракитова), происходит переосмысление образовательной модели, роли и места ученика в процессе обучения, меняются подходы к самому образованию, появляются такие типы обучения как e-learning, m-learning, blended-learning, flipped learning и т.д.

Многие футурологи говорят о том, что в XXI веке на смену промышленной, научно-технической и информационной революции постепенно приходит духовно-психологическая, а сама эволюция человечества будет в перспективе разворачиваться именно в духовно-психологическом измерении жизнедеятельности.

Радикальная социокультурная трансформация общества и глобализация привели к резкому размыванию и смене

прежних оснований самоидентификации многих социальных групп. Это порождает социальную анемию – потерю идеалов и жизненных ориентиров. Поэтому образовательной системе так сложно выполнять сегодня свою адаптивно-стабилизирующую функцию – ее традиционный механизм передачи социокультурных норм в условиях их резкой смены становится малоэффективным.

В информационной экономике XXI века становятся востребованы уникальные специалисты с нестандартным образом мышления. Такие люди появляются в условиях существования множества абсолютно разных программ обучения, конкурирующих между собой [2: 17–18].

Суть новой образовательной парадигмы с учетом крупнейших научных открытий прошлого века сводится к тому, что системы «Учитель» и «Ученик» и вся система образования не могут развиваться, если они с самого начала не мыслятся как открытые. Сдерживает развитие и содержание учебных предметов, которое не учит человека смотреть на природу, общество и самого себя как целостную систему взаимодействия открытых систем. Признание этой парадигмы сближает внутренний и внешний миры и является важнейшим культурным феноменом, преодолевающим ограниченность принципиально разных моделей истолковывания действительности – интеллектуально-сциентистской и гуманитарно-эстетической.

Томас Кун вводя в описание развития науки понятие «парадигма» подразумевал под ним «…научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [3: 34–36]. Кун утверждает, что парадигмальность присуща не только науке, но и другим сферам культуры, например, образованию. Любая сфера культуры – это сочетание традиций и новаций. Традиции отвечают за сохранность культуры, ее стабильность и тождественность себе на различных

этапах истории. Новации отвечают за развитие, взаимодействие с другими культурами.

Смена парадигмы – смена культурных оснований, целей и ценностей, идеалов и принципов, смена определенной традиции.

Образовательная парадигма – это способ деятельности конкретного педагогического сообщества в конкретную эпоху.

Смена образовательной парадигмы – это и есть смена социокультурного типа образования.

Сейчас в образовании интенсивно внедряются и активно используются инструменты обучения с привлечением информационных технологий: онлайн-курсы, симуляторы, тренажеры, игровые онлайн-миры. Кроме уже привычного обучения навыкам и знаниям новые IT-инструменты позволяют развивать когнитивные навыки и осваивать продуктивные состояния сознания обучающихся. Информационные технологии позволяют сделать образование индивидуализированным, когда содержание и процесс обучения подстроены под запросы учащегося и его индивидуальные особенности (скорость обучения, предпочтение формы обучения).

Литература

1. Дуров П. 7 элементов системы образования XXI века. URL: http://slon.ru/future/7_elementov_sistemy_obrazovaniya_xxi_veka-786760.xhtml

2. Мирошниченко А. Когда умрут газеты. М.: Книжный мир, 2011. 224 с.

3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Т.Н. Скок
skok87@mail.ru
К.ф.н., директор департамента инновационных лингвистических проектов МКР-Медиа, Омск, Россия

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС «БЛИЖЕ К РОССИИ. ОМСК» ДЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ РКИ

Ключевые слова: мультимедиа-коммуникация, электронные образовательные ресурсы, русский как иностранный.

Аннотация: В статье представлена специфика основанного на региональном материале мультимедийного образовательного ресурса для иностранцев, изучающих русский язык дистанционно.

T.N. Skok, Candidate of Philology Sciences, Director of the Department of innovative language projects MKR-Media, Omsk, Russia

MULTIMEDIA EDUCATIONAL RESOURCE "CLOSER TO RUSSIA. OMSK" FOR DISTANCE LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: The article presents the specifics of creating material based on regional multimedia educational resource for foreigners studying Russian language.

Key words: multimedia communication, applied linguistics, educational resource, Russian as a Foreign Language.

Международный информационно-просветительский проект «Современный русский», входящий в холдинг «МКР-Медиа», является примером удачного применения средств современных коммуникаций в образовательных целях. Сегодня услугами проекта пользуются жители 638 городов, 272 из которых находятся за рубежом. В проекте 10 направлений практической филологии, одно из них – «Ближе к России. Омск» – это удобный в использовании мультимедийный ресурс, позволяющий погрузить пользователя в комфортный образовательный контекст и попутно познакомить его с одним из самобытных регионов Сибири. Ресурс был создан при грантовой поддержке фонда «Русский мир». Одна из задач ресурса, особенно актуальных в современном социальном и политическом контексте, – сформировать о России более благоприятное общественное мнение. Кроме того, создатели ресурса посчитали своевременным распространение таких знаний о нашей стране, которые давали бы возможность познакомиться с регионами, далекими от столиц, имеющими неповторимое своеобразие. Усиление интеграционных процессов в разных сферах общественной жизни актуализирует вопросы межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Именно в этих сферах международный проект «Современный русский» и осуществляет ежедневно многоканальную коммуникацию с широким социумом в России и за рубежом. Один только справочный ресурс http://ask.fm/russian насчитывает около двадцати тысяч подписчиков из 29 стран. Часто пользователи задают вопросы о том, где находится проект, что за город Омск, какова его географическая принадлежность. С учётом этого интереса, а также с целью разработки и реализации комплекса мероприятий, связанных с изучением русского языка и русской культуры, и было принято решение о создании мультимедийного интернет-ресурса «Ближе к России. Омск». Разработчики решили таким образом поспособствовать как гармонизации межнациональных отношений, так и выполнению просветительских задач. Исходя из этого, цель

мультимедийного интернет-ресурса была сформулирована следующим образом: повышение уровня языковой, речевой, страноведческой компетенций иностранцев, изучающих русский язык, через формирование у них целостной лингвокультурной картины русского мира, которая непостижима без обращения к широкому контексту российской действительности в ее региональной интерпретации.

В качестве целевой аудитории ресурса «Ближе к России. Омск» избраны иностранцы, изучающие русский язык в объеме базового, первого и второго сертификационных уровней (А2–В1–В2) и желающие получить более широкое представление о регионах, входящих в состав России.

Оригинальность ресурса «Ближе к России. Омск» состоит не только в широком тематическом диапазоне входящих в него текстов об Омском регионе, но и в ориентированности материалов на иностранных пользователей с разным уровнем владения русским языком. Каждый раздел структурирован по принципу возрастания сложности, что дает возможность обучающемуся отбирать тексты и задания к ним в соответствии с индивидуальным уровнем владения русским языком. Все тексты снабжены пояснениями, методическими рекомендациями, заданиями разной степени сложности, иллюстративным материалом.

Большим плюсом интернет-ресурса «Ближе к России. Омск» является его размещение в открытом доступе на сайте социального информационно-просветительского проекта «Современный русский» http://www.oshibok-net.ru/ посетителями которого являются жители 100 зарубежных государств.

Ресурс представлен четырьмя тематическими разделами: «Омск на карте мира», «Омск – культурный и промышленный центр Сибири», «Литературный вернисаж», «Омск молодой». Учебно-методическое сопровождение текстов включает в себя систему разнообразных вопросов и зада-

ний репродуктивного (предполагающего выполнений заданий по образцу) и продуктивного (творческого) характера. Заданиям предпослан методический комментарий, призванный актуализировать у пользователей знания лексико-грамматического, социокультурного и страноведческого характера (учебные таблицы, схемы, рубрики «Вспомните», «Обратите внимание», «Знаете ли Вы, что…», «Советуем повторить»).

В качестве иллюстративного материала использованы открытые интернет-источники, ссылки на которые являются обязательным компонентом ресурса, содержащего фотографии, видеосюжеты, аудиозаписи и т.п. Так, даны ссылки на документальные фильмы об Омске и его знаменитостях, создана подборка фотографий и интернет-ресурсов, дающих возможность познакомиться с городом поближе.

Уникальность ресурса «Ближе к России. Омск» в том, что он являет собой пример удобной в использовании мультимедийной образовательной среды, находящейся в открытом доступе, и задействует разнообразные информационные каналы, способствующие комплексному восприятию пользователями лингвострановедческой информации. Базируясь на региональном материале, мультимедийный образовательный ресурс расширяет представления иностранцев как о России в целом, так и об ее отдельных субъектах, делает образ нашей страны более близким и понятным, менее стереотипизированным. Ресурс выводит на другие региональные открытые интернет-источники и позволяет пользователям совершенствовать навыки коммуникации на русском языке в широком образовательном и социокультурном контексте.

Н.А. Шипалова
Shipalova2013@mail.ru
канд. филол. наук, ст. преподаватель Краснодарского ВВАУЛ, Краснодар, Россия

РАЗРАБОТКА УЧЕБНОГО ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ПО ФИЗИКЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА

Ключевые слова: электронный учебный словарь, РКИ, физика, оптимизация обучения, информационные технологии.

Аннотация: Данная статья посвящена современному подходу при обучении русскому языку как иностранного с использованием потенциала информационных технологий для повышения результативности процесса обучения взаимодействующих предметов (физики и русского языка как иностранного) в военном авиационном институте.

N.A. Shipalova, Dr. of Philological Sciences, Senior Tutor, Krasnodar Air Force Institute, Krasnodar, Russia.

DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL ELECTRONIC DICTIONARY ON PHYSICS FOR FOREIGN CADETS OF THE AIR FORCE INSTITUTE

Keywords: electronic educational dictionary, Russian as a foreign language, physics, optimization of the learning process, IT.

Abstract: This article is devoted to the modern approaches in the learning Russian as a foreign language, based on integration of studies (Russian as a foreign Language and physics). The

study may prove useful to a wide range of teachers as it provides examples of such an integration at the Air Force Institute.

Профессиональная подготовка летчиков и техников требует овладения понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы знания и соответствующей терминосистемы. Лексический аспект речи летчика характеризуется наличием слов и терминов, свойственных технической специальности, которые выражают основные понятия разных наук (физики, химии, метеорологии, аэродинамики и др.). Важно формировать гибкие междисциплинарные навыки текстовой деятельности, лексикографическую компетенцию. Эта задача может быть решена только путем оптимизации преподавания.[1: 106].

Процесс преподавания русского языка как иностранного пока слабо обеспечен современными компьютерными дидактическими материалами. Преподавателями языка электронные учебники и другие электронные материалы по ряду причин (традиции преподавания, отсутствие стимулов для использования новых технологий, устаревшие программы обучения) используются редко [2: 26].

Для обучения иностранных военнослужащих малопригодны учебники, учебные словари, рассчитанные на русских курсантов. Обучая иностранцев дальнего зарубежья, преподаватели физики должны использовать адаптированные лекции и учебные пособия, составленные с учетом строгого отбора языковых средств выражения учебно-научной информации.

Попытки передать курсанту, не владеющему языком в совершенстве, естественно-научную или техническую информацию, пользуясь исключительно вербальными средствами, обречена на неудачу. Обучаемый оказывается в ситуации, требующей одновременного перевода – поиска

вербальных эквивалентов на родном языке, формирования соответствующих им наглядных образов и конструирования связей между этими образами. Необходимость распределять внимание между этими процедурами замедляет и затрудняет понимание. Эффективность обучения, на наш взгляд, можно повысить, сочетая вербальные средства с визуальными, используя лекции-презентации, электронные учебники, терминологические электронные словари.

Терминологический словарь по физике для иностранных курсантов может использоваться как самостоятельный справочник с иллюстрациями, а также он может входить в состав компьютерной разработки обучающего, тренирующего или контролирующего характера. Использование электронного словаря физических терминов расширяет диапазон возможностей иностранного курсанта, позволяя ему получать более разнообразные сведения.

Формой описания термина или терминологического словосочетания в электронном учебном словаре является словарная статья, которая содержит слово, его толкование, грамматические пометы, перевод на другие языки, примеры употребления слова в словосочетаниях, мини-текстах, иллюстрации.

Описание физических терминов с рисунками позволит иностранным военнослужащим легко найти нужную информацию, расширит их знания по физике и поможет активному использованию терминологии при непосредственном профессиональном общении. Главная задача словаря – помочь курсантам, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, во-вторых, в эффективном использовании языка специальности.

Таким образом, центральное место среди средств обучения в военном авиационном институте отводится разработкам мультимедийного электронного учебно-методического комплекса по русскому языку как иностранному с учетом

специфики технического вуза. Электронный учебный словарь по физике – один из важнейших элементов методической системы, посредством которого организуется обучение иностранных курсантов и достигается его результативность.

Литература

1. Кашина Л.Г., Кондрашова О.В., Шельдешова И.В. Особенности содержания учебной программы по дисциплине «Иностранный (русский) язык для курсантов ИВС, обучающихся по специальности (специализации) 162103 – Летная эксплуатация летательных аппаратов (пилоты)» // Инновационные технологии в образователь-ном процессе. Т. 2. Краснодар, 2013.

2. Азимов Э.Г. Новые направления информационно-коммуникационных технологий в обучении русскому языку как иностранному (социальные сети, массовые открытые онлайн курсы) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). СПб., 2015.

СЕКЦИЯ 11
ПРЕПОДАВАНИЕ РКИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

С.Т. Золян
surenzolyan@gmail.com
д-р филол. наук, профессор, вед. научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Республики Армения, Ереван, Армения

РУССКИЙ ЯЗЫК В БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)

Ключевые слова: русский язык в Европе; социолингвистика; функции русского языка за рубежом и как иностранного; правовые механизмы защиты русского языка.

Аннотация: Доклад посвящен анализу принципов лингвистической политики, обеспечивающей полнокровное функционирование русского языка в Европе. Язык рассматривается как многоаспектное явление, что предполагает множественность взаимодополняющих статусов и социолингвистических функций, особенно в многоязычном социуме. Особое внимание уделяется роли русского языка в образовании и его возможной функции служить интегратором культурно-цивилизационного пространства. Анализируются основные инструменты международного права, которые могут быть использованы для защиты русского языка за рубежом.

S.T. Zolyan, Dr. of Philological Sciences, professor, Leading researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, Nat. Academy of Sc. of Armenia, Yerevan, Armenia

RUSSIAN LANGUAGE IN EUROPE: THE SOCIOLINGUISTIC FUNCTIONS AND THE INSTRUMENTS FOR ITS PROTECTION AND DEVELOPMENT (THE MULTIDISCIPLINARY APPROACH)

Key words: Russian language in Europe; sociolinguistics; functions of the Russian in abroad and as a foreign language; the legal instruments of the protection of Russian.

Abstract: The report focuses on the analysis of the principles of language policy maintaining a full fletched functioning of the Russian in Europe. Language is seen as a multidimensional phenomenon, this implies a multiplicity of inter-complementary statuses and socio-linguistic functions, especially in the multilingual society. Especially we consider the role of the Russian language in education and its possible function to be used as an integrator of the cultural and civilizational areas, as well as the main international legal instruments for its protection.

Начиная с двухтысячных годов развитие русского языка и пропаганда русской культуры в современном мире является одним из приоритетов внешней политики РФ.
В нашем исследовании мы предлагаем исходить из комплексного междисциплинарного подхода, при котором функционирование языка и перспективы его развития определяются исходя из социолингвистических функций, которые может выполнять язык в данном социуме. Исходя из этого должны вырабатываться эффективная лингвисти-

ческая политика, включающая, в том числе, формы, методы и методики обучения.

Необходимость подобного подхода обусловлена также и усилением ряда негативных факторов, прежде всего, уменьшением численности носителей русского языка, прежде всего, ввиду сокращения этнических русских. Это требует задействования новых потенциальных ресурсов. Мы предлагаем сосредоточиться на тех позитивных факторах, которые могут привести к увеличению численности говорящих на русском. Этот ресурс видится нам в контексте происходящих в мире информационных процессов, которые приводят к становлению многоязычного мира. Это потребует и некоторого изменения содержания обучения русскому языку за рубежом (усиление межкультурной и лингвокультуроведческой составляющих, акцент на роли русского языка как посредника между различными цивилизационными пространствами).

Это предполагает:

- Анализ социолингвистических функций русского языка за рубежом, оценка их значимости, возможности их реализации и их правовое и политическое обеспечение.
- Правовое и политическое обеспечение коммуникативного потенциала русского языка (русский язык и единое образовательное пространство СНГ, русский язык и культурно-цивилизационное пространство СНГ и Европы и т.п.).
- Учитывая тенденцию все большего развития мультилингвализма в современном обществе, восстановление и развитие позиций русского языка как неродного (второго или иностранного) в различных сферах международных отношений и межкультурной коммуникации.
- Развитие принципов методик преподавания, ориентированных на обеспечение функции русского языка как интегратора культурно-цивилизационного пространства (билингвальное обучение, межкультурная коммуникация посредством русского и т.п.)
- Анализ соотношения между социолингвистическими функциями языка и требуемыми для их адекватного осуществления правовыми механизмами – не только с точки зрения защиты прав человека (русскоязычного меньшинства), но и как эффективный модус защиты и развития самого русского языка за рубежом, так как регулирование функционирования языка в административной, юридической, социально-экономической и других публичных сферах создает дополнительный потенциал для усиления его витальности.
- Особое внимание мы собираемся уделить возможной функции русского языка служить интегратором культурно-цивилизационного и образовательного пространства.

И.А. Орехова
IAOrehova@pushkin.institute
д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ОБУЧАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, языковая среда, методический прием, мотивация, результаты обучения.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об особенностях обучения РКИ в условиях языковой среды.

I.A. Orekhova, Dr. of Philological Sciences, prof., Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE ENVIRONMENT

Keywords: Russian as foreign language, language environment, methods, motivation, educational results.

Summary: The article is devoted to the problems of specific of teaching Russian as foreign language in the language environment.

Традиционные формы обучения РКИ: курсовое, получение образования на русском языке, включенное обучение. На современном этапе следует говорить о двух основных типах обучения русскому языку как иностранному: обучение в русской языковой среде и обучение вне зоны её функционирования.Обучение в языковой среде обладает многочисленными приоритетами. Именно в языковой среде наблюдается гипермотивация обучения. Этот феномен объясняется слиянием прагматических и когнитивных мотивов обучаемых. Основные атрибуты русской языковой среды: естественный достоверный видеоряд, естественный достоверный аудиоряд, насыщенный ряд фоновых знаний, естественный ситуативный ряд, обучающая стихия языка.
Основные методические приемы управления русской языковой средой: пошаговая система упражнений, делегированных на выполнение в языковой среде, антиципация ареалов приобретения фоновых знаний, проектная методика, использование аутентичных материалов в учебной аудитории.
Основные результаты обучения в языковой среде: значительное расширение тезауруса, овладение широким диапазоном клише, логоэпистем, существенный прогресс в продуктивных видах речевой деятельности (говорение и аудирование).

В.А. Степаненко
stepanenkovera@gmail.com
д-р пед. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

М.М. Нахабина
ciemsu.org@mail.ru
кандидат пед. наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

И.В. Курлова
kurlova_irina@mail.ru
кандидат фил. наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ УЧЕБНИКА ПО РКИ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА РОССИИ

Ключевые слова: учебный комплекс, когнитивная психология, культурология.

Аннотация: Статья посвящена анализу представления культуры страны изучаемого языка на материале учебного комплекса «Русский сезон». Рассматриваются способы презентации страноведческой информации.

V.A. Stepanenko, Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Moscow state University named after M.V. Lomonosov, Russia

M.M. Nahabina, Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Moscow state University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

I.V. Kurlova, Candidate of philological Sciences, associate Professor, Moscow state University named after M.V. Lomonosov. Moscow, Russia

THE COGNITIVE-COMMUNICATIVE CONCEPT OF A TEXTBOOK OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AS THE BASIS FOR CREATING A POSITIVE IMAGE OF RUSSIA

Key words: textbook, cognitive psychology, cultural studies.

Abstract: This article is devoted to the way the culture of the language studied is represented in the educational complex "Russian season". Different methods of presenting cultural information are explored in this article.

В настоящее время в России существует несколько учебников по русскому языку как иностранному для начального этапа обучения. Новые учебники появляются довольно редко, хотя жизнь учебника довольно коротка: меняется жизнь, меняются окружающие нас реалии, меняются обучаемые. Современные учащиеся, выросшие в компьютерной среде, требуют иных подходов к обучению: более динамичных, интерактивных, эмоциональных. Чтение скучных текстов и выполнение упражнений может вызвать отторжение от процесса изучения языка даже у учащихся с сильной мотивацией. Кроме того, изменяется современный русский язык, прежде всего – его лексический запас. Изменяются ситуации общения, обогащается тематика. Всё это должно находить отражение в современном учебнике и способствовать тому, чтобы учебный процесс шёл в ногу со временем.

При создании нового учебного комплекса по РКИ для начинающих «Русский сезон» в Институте русского языка

и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (СПб.: Златоуст, 2015; авторы: М.М. Нахабина, В.Е. Антонова, И.И. Жабоклицкая, И.В. Курлова, О.В. Смирнова, А.А. Толстых), учитывались следующие принципиальные положения:

1. Коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку базируется на гипотетической модели речевого поведения иностранца в заданных ситуациях; набор этих ситуаций и их речевое оформление представлены в Лингводидактическом описании и в Требованиях к элементарному уровню владения русским языком.
2. В презентации нового материала в учебнике используются последние исследования в области лингвистической мысли второй половины XX и начала XXI века, которые связаны с возникновением новых направлений в лингвистике: когнитивной лингвистики, коммуникативной, прагматической, функциональной и др. В учебнике активно используются данные новых и развивающихся направлений в лингвистике, связанные с изучением русского языка.
3. В организации материала в учебнике активно используются данные нового направления в психологии – когнитивной психологии, связанной с восприятием, переработкой или интерпретацией, хранением и воспроизведением информации. Данные когнитивной психологии являются обоснованием для более разнообразного, глубокого и интересного представления материала, дающего возможность учащимся с разными когнитивными стилями лучше усваивать новый материал и адекватно выстраивать свою систему функционально-смысловых ориентиров при порождении, восприятии и понимании речи.
4. В создании упражнений по усвоению и закреплению материала учитывается изменение отношения к обучаемому как к активному субъекту обучения, находящемуся в партнерских отношениях с обучающим, что дает возможность активизировать деятельность обучаемого, сделать эту дея-

тельность более целенаправленной, эффективной, с более широким включением эмоционально-оценочного фактора.
5. Изучение языка рассматривается не только как овладение определенным новым кодом, предназначенным для передачи и получения информации, процесс изучения неродного языка связывается с поведением «человека в языке», с его когнитивно-коммуникативной деятельностью на этом языке, с его способностями, возможностями и умением найти определенную стратегию поведения для решения вербальных и невербальных задач в каждой возникающей ситуации.
6. Несмотря на то, что в последнее время появилась точка зрения о некоторой перенасыщенности современных учебников и пособий по РКИ культурологической информацией (такое мнение особенно распространено среди преподавателей, работающих за рубежом), мы придерживаемся традиционной точки зрения об актуальности формирования культурологической компетенции в рамках обучения иностранному языку.
7. В отборе и презентации содержания учебника реализуются современные теоретически обоснованные когнитивно-коммуникативный и прагматический подход к обучению языку, при этом основной упор делается на формирование активности обучаемых, развитие их личностной и социальной ответственности, осознанию цели и самооценке результатов обучения.

М.М. Калиновская
MMKalinovskaya@pushkin.institute
канд. пед. наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ПРОДВИНУТОМ УРОВНЕ РЯДО, ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАКТИК НАСТУПЛЕНИЯ/ЗАЩИТЫ И ТАКТИК УХОДА ОТ КОНФРОНТАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЖАНРУ «ПЕРЕГОВОРЫ»

Ключевые слова: прагматическая компетенция; технологии обучения; использование тактик; переговоры

Аннотация: В данной статье речь идет об использовании различных тактик при изучении темы «переговоры» на продвинутом уровне. Приводятся примеры тактик для наступления и защиты. Такие материалы могут быть использованы при проведении деловых игр.

M.M. Kalinovskaya, Ph.D., Assosiate Professor of Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

ON STRENGTHENING THE ROLE OF PRAGMATIC COMPETENCE AT AN ADVANCED LEVEL OF RUSSIAN BUSINESS COMMUNICATION, OR THE USE OF TACTICS OFFENSIVE / DEFENSE AND TACTICS OF AVOIDING CONFRONTATION AT TRAINING GENRE "NEGOTIATIONS".

Key words: pragmatic competence; education technology; the using of tactics; negotiations

Abstract: This article deals with use of different tactics when teaching the negotiation sat an advanced level. Describes techniques to attack and defense. Such materials can be used when carrying out business games.

Переговоры – это один из самых сложных жанров при изучении РЯДО, именно поэтому он представлен на самом высоком уровне – продвинутом. Изучение этого жанра имеет и практическую ценность – ведь от того, умеет ли иностранный бизнесмен вести переговоры, зависит многое – прежде всего экономическая сторона его бизнеса.
Методика преподавания русского языка делового общения всегда связана с обучением тех или иных практических вопросов делового общения. Для этого она использует различные данные прагмалингвистики. Благодаря развитию прагмалингвистики появилось понятие «прагматическая компетенция», которая стала необходимым компонентом коммуникативной компетенции при изучении иностранных языков[4; 5]. Прагматическая компетенция предполагает владение речевыми стратегиями и тактиками, при осуществлении которых в процессе общения происходит речевое взаимодействие между деловыми партнёрами. Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии [2: 109].Чем выше уровень владения РЯДО, тем большую значимость приобретает прагматическая компетенция и тем более сложными стратегиями и тактиками должны овладевать учащиеся-иностранцы.[4]. Важным становится использование концепции речевого воздействия [7]. Центральным в этой концепции

является обоснование речевого воздействия как современной науки, предметом которой выступает эффективность общения. Эффективность общения наступает при выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на участников общения в конкретной коммуникативной ситуации. Поэтому в методике преподавания РЯДО речь должна идти и об изучении правил и приемов эффективного общения, и о технологии обучения этим правилам и приёмам. Обращается внимание и на манипулирование как один из способов воздействия на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению [7: 67].
С этой целью рассматривается жанр «переговоры». Под *переговорами* понимается речевое общение между собеседниками, которые обладают необходимыми полномочиями от своих организаций (учреждений, фирм) для установления деловых отношений, разрешения спорных вопросов или выработки конструктивного подхода к их решению [6].
В ходе переговоров возникают всякого рода конфликты. Конфликт в бизнесе – актуальная тема. Понимание сущности конфликта, использование приемов наступления, приемов защиты и тактик ухода от конфронтации, методов грамотного проведения конфликтного диалога и его урегулирования, достижения согласия представляет для методики преподавания РЯДО практическую ценность. Для грамотного проведения переговоров существуют разные приемы (тактики) общения. Это конкретные рекомендации по языковому или поведенческому выполнению того или иного коммуникативного правила [7]. При ведении переговоров можно использовать две группы – приемы для наступления и приемы для защиты.
Рассмотрим один из **приемов для наступления**. Например, прием **«Блеф».** Этот прием – типичный пример мани-

пуляции, когда адресат не может увидеть за реально сказанным намеренно завуалированной интенции адресанта. Суть этого приема – показать противнику искажённую картину мира. Типичные фразы для этого приема: – *У нас уже есть хорошие договоренности с другими компаниями.* Или: – *А вот фирма X нам уже дала цену на десять процентов меньше, чем предлагаете вы. Что скажете? У них в стоимость входит и доставка. Поэтому мы рассчитываем на то, что и вы включите её в свою стоимость.* **Типичный прием для защиты:** прием **«Взгляд под другим углом зрения».** Цель – показать другую сторону ситуации, заострить внимание оппонента на других ценностях, чтобы показать ему их преимущество. Типичные фразы: «Давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны…», «А если нам взглянуть на ситуацию под другим углом зрения?». Для выработки умений использовать приемы (тактики) наступления и защиты предлагаются различные деловые игры, где отрабатываются данные тактики в типичных речевых ситуациях, характерных для решения различных профессиональных задач (обсуждение условий контракта, уточнение пунктов предстоящей сделки, обсуждение вопросов создания совместного предприятия). При разыгрывании той или иной роли целью обучения является не столько усвоение новой лексики, сколько **усвоение речевого поведения**, то есть социально обусловленных форм взаимодействия участников диалога, возникающих при моделировании возможных реальных ситуаций.

Литература

1. Зорин И. Оружие переговорщика Безотказные правила и приемы. СПб.: Питер, 2016.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. М.: ЛКИ, 2008 с.
3. Конфликт в языке и коммуникации: Сб ст. // Под ред. Л.Л. Федоровой. М.: РГГУ, 2011.

4. Лингводидактическое описание целей и содержания обучения русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Продвинутый уровень / Л.С. Журавлева, Н.П. Исаев, М.М. Калиновская, С.В. Романова. М.,2007.
5. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка/ Пер. с англ. М, 2003.
6. Русский язык и культура речи / Под ред. проф. В.И. Максимова. М., 2001.
7. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2001.

О.Л. Кузнецова
ola_kuza@mail.ru
канд. пед. наук, доцент Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулева, Санкт-Петербург, Россия

ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: технология обучения, кросскультурный адаптор.

Аннотация: В статье предлагается технология обучения иностранных учащихся в контексте межкультурной коммуникации, которая понимается нами как процесс, в котором подчеркивается организационная сторона и гарантированный результат учебного процесса; эффективность обучения достигается в этом случае с наименьшими затратами сил и средств за минимальное время. При этом предполагается

наличие оперативной обратной связи между преподавателем и учащимся.
Нами разработана система подготовки иностранных учащихся к межкультурному взаимодействию, включающая такие компоненты, как организационный, материально-дидактический и структурный. В национально ориентированной методике обучения русскому языку как иностранному (РКИ) предлагается с целью повышения межкультурной сензитивности использовать разработанные нами кросс-культурные адапторы, думается, что этот введенный термин более точно отражает процесс овладения компетенцией межкультурного общения.

O. L. Kuznetsova, PhD Associate Professor, Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Hrulyova, St. Petersburg, Russia

TECHNOLOGY TRAINING OF FOREIGN MILITARY PERSONNEL IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Keywords: technology training, cross-cultural adapter.

Abstract: The paper proposes a technique of training of foreign students in the context of intercultural communication, which is understood by us as a process, which emphasizes the organizational side and the guaranteed result of the educational process; learning efficiency is achieved in this case with the least amount of effort and money in the shortest time. This assumes the existence of operational feedback between teacher and students.
We have developed a system of training of foreign students for intercultural interaction, which includes components such as the organizational, logistical and didactic structure. The

nationally oriented methods of teaching Russian as a foreign language (RCT) is proposed in order to increase cross-cultural use of sensitive cross-cultural adapters we have developed, I think that the introduction of the term more accurately reflects the process of mastering intercultural communication competence.

В настоящее время многие военные вузы России активно принимают на обучение иностранных военных специалистов. Современный мир изменил взгляды иностранных военнослужащих на изучение русского языка, однако предписывает русскому языку быть конкурентоспособным на мировом «образовательном рынке».
Иностранные военнослужащие испытывают трудности в общении, поскольку недостаточно знакомы с особенностями коммуникативного поведения русских, воспринимают национальные особенности чужой культуры через призму своей. Все это определяет необходимость обращения к проблемам межкультурной коммуникации.
Наш опыт работы с иностранными военнослужащими позволяет утверждать, что сегодня процесс обучения русскому языку необходимо строить, ориентируясь на особенности этнической психологии, менталитета обучающихся, этнокультурные различия, а также специфику национальных образовательных традиций.
Культурное взаимодействие представителей различных лингвокультурных общностей может быть непосредственным в случае прямых контактов или опосредованным при работе с текстом, произведенным в рамках другой культуры.
Нами была предложена новая методическая система подготовки иностранных военнослужащих к межкультурному взаимодействию (с учетом специфики обучения в военном вузе и достаточно ограниченных возможностей общения).

Система подготовки иностранных учащихся к межкультурному взаимодействию включает организационный, материально-дидактический, структурный компоненты.
В национально ориентированной методике обучения русскому языку как иностранному мы предлагаем с целью повышения межкультурной сензитивности использовать разработанные нами кросскультурные адапторы.
В практике обучения русскому языку как иностранному мы активно используем виды упражнений, направленные на формирование компетенции межкультурного общения, где обучающиеся предлагают свои ситуации общения, в которых они смогут показать творческое владение коммуникативным поведением, свойственным представителям русской лингвокультурной общности.
Данная технология дает возможность преподавателю русского языка как иностранного найти пути преодоления культурной дистанции при работе с иностранной аудиторией сформировать бикультурную языковую личность и выработать положительное отношение к стране изучаемого языка.

Лилеева А.Г.
anna_lileeva@mail.ru
доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ИНВАРИАНТНЫХ МОДЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК НОВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА В СФЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Ключевые слова: художественная культура, модель культуры, доминирующий стилевой прием.

Аннотация: В докладе предлагается методическое обоснование курса по культуроведению, адресованного иностранным учащимся филологам, а также ставится вопрос об основных методических принципах соположения на занятиях РКИ слова и изображения в рамках учебного курса «Русская художественная культура».

Lileeva A. G., Associate Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

THE STUDY OF INVARIANT MODELS OF CULTURE AS A NEW THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEM IN THE FIELD OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: art culture, model culture, stylistic method.

Abstract: The report describes a methodical base of the culturology courses, addressed to foreign students of Philology, as well as basic methodological principles of the comparison of word and image in the course "Russian culture".

1.Представления о прекрасном в человеке и в окружающем его мире историчны и глубоко национальны, они находят отражение как в текстах художественной культуры (словесных и визуальных), а также закрепляются в языке. Именно поэтому изучение художественной культуры может стать семантическим центром занятий по культуроведению в рамках изучения русского языка в группах иностранных учащихся филологов.
2. Предметом данных занятий является русская художественная культура как особая область духовной жизни общества. Цель занятий – познакомить учащихся с наиболее важными, сущностными явлениями русской художествен-

ной культуры, систематизировать уже имеющиеся у учащихся знания; дать лингвометодический инструментарий представления русской художественной культуры на занятиях по русскому языку как иностранному.

3. Система описания художественной культуры в учебных целях применительно к иностранной аудитории должна не только учитывать достижения современной лингводидактики, но и опираться на закономерности, присущие самому изучаемому предмету (русская художественная культура).

4. В фундаментальных исследованиях по семиотике и морфологии культуры (А.Дж. Тойнби, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В. Паперный, И.В. Кондаков и др.) при описании всей совокупности национальной художественной культуры используется термин «инвариантная модель культуры». Вслед за Ю.М. Лотманом мы определяем понятие «инвариантная модель культуры» как некоторую константную систему оппозиций и противопоставлений, с помощью которых можно описать все разнообразие конкретных проявлений художественной культуры и которые характеризуют культуру данной социокультурной общности на протяжении длительных временных отрезков. Изучение, (описание) инвариантных моделей художественной культуры позволяет представить художественную культуру не как сумму разрозненных артефактов, а как систему взаимообусловленных и взаимосвязанных явлений.

Как известно, одни и те же модели культуры могут быть характерны для культуры разных народов, вариативность их реализации является основой для сравнения (архаичная модель культуры, традиционная, авангардная, постмодернисткая и пр.). Модельный принцип описания культуры даёт широкие возможности для сравнительного изучения культур в процессе обучения русскому языку инофонов, для создания национально ориентированных курсов и учебных материалов.

5. Эволюция художественной культуры, эволюция стилей (эволюция жанров, стилевых приемов и пр.), изменение во взаимоотношениях между искусствами и другими тесно соотнесенными с ними культурными областями выражается в смене художественной доминанты произведения искусства (словесного и визуального).

6. Идея о доминирующем художественном приеме, о доминанте как основе структурирования художественного произведения и развития художественной культуры в целом была разработана в трудах филологов формальной школы и их последователей [Р. Якобсон, М.В. Панов и др.]. Методические построения, предложенные в докладе, опираются на основные положения данной теории, а именно:

1) эстетическая функция художественного произведения является его доминирующей функцией;

2) художественное произведение – "постоянно управляемая иерархия художественных приемов", "структурированная система"[Якобсон, 1996];

3) в любом художественном произведении (словесном и визуальном) можно выделить доминирующий художественный прием, который определяет всю структуру художественного произведения и его неповторимый идиостиль.

4) художественные доминанты в словесных и несловесных текстах культуры, принадлежащих одной культурной модели, идентичны;

5) единство доминирующего художественного приема позволяет сравнивать в рамках учебного процесса словесные и несловесные художественные тексты.

Из всего вышесказанного следует, что в основе систематизации фактов художественной культуры в рамках преподавания русского языка иностранным учащимся может лежать представление об инвариантных моделях культуры и о доминирующем стилевом приеме произведения.

В докладе будет представлен и прокомментирован фрагмент корпуса учебных материалов курса «Русская художественная культура: лингвистический и методический аспекты», разработанного коллективом авторов кафедры Русского языка для иностранцев филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Литература

1. Ю. М. Лотман О русской литературе классического периода. Вводные замечания \\ Из истории русской культуры. X1X век. М.: Языки русской культуры.1996
2. М. В. Панов Статьи по общему языкознанию и русскому языку.Т. 2\ под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой ,М: Языки славянской культуры, 2007
3. Владимир Паперный Культура «Два». М.: Новое литературное обозрение , 1996
4. Р.О. Якобсон Язык и бессознательное. М: Гнозис,1996
5. Л.В. Ершова, А.Г. Лилеева, А.Г. Матюшенко Актуальные проблемы изучения истории русской культуры: лингвистический и методический аспекты\\ Русский язык и культура в современном мире: Магистерская программа. МАКС Пресс, Москва. 2015
6. Из истории русской художественной культуры. Хрестоматия \ ред. А.Г. Лилеева, И.В. Ружицкий. Вып.1, М.,2006; Вып.2, М.,2008

О.В. Ненонен
Olga.Nenonen@uta.fi
д-р филос. наук, преподаватель Тамперского университета, Финляндия

О ФОНЕТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РУССКО-ФИНСКИХ БИЛИНГВОВ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ключевые слова: двуязычие, онтолингвистика, звукопроизношение, интерференция, акцент.

Аннотация: Несмотря на живой интерес к теме двуязычия, фонетический аспект речевого развития детей-билингвов до сих пор исследован недостаточно глубоко. Специальное обучение двуязычных детей фонетике считается необязательным в силу того, что овладение фонетической системой часто происходит естественным путем при погружении в языковую среду. Тем не менее замедленное фонетическое развитие затрудняет речепроизводство и восприятие речи, а, следовательно, может привести к коммуникативным неудачам. Кроме того, именно фонетическое развитие неразрывно связано с другими аспектами лингвистического развития: формированием лексикона, обучаемости чтению и письму, развитием коммуникативной компетенции в двух языках – и поэтому во многом определяет становление языковой способности ребенка в целом. Развитие корректного звукопроизношения служит важной предпосылкой для формирования сбалансированного билингвизма. Представляемая книга посвящена изучению фонетического развития русско-финских билингвов дошкольного возраста. Работа выполнена в русле онтолингвистики, контрастивной и контактной лингвистики, но также непосредственно связана с логопедической наукой. Основной целью

работы является описание специфики становления фонетического компонента языковой способности детей-билингвов и выявление возможных путей так называемого нормального фонетического развития в условиях билингвизма. Исследование основано на лонгитюдном и срезовом экспериментах, проверяющих сформированность звуков русского и финского языков у детей 4–7 лет. При оценке данных используются качественные и количественные методы. Среди 126 информантов были типично развивающиеся билингвы, билингвы с проблемами речевого развития, а также контрольные группы русских и финских монолингвов. Показано, что в фонетическом развитии билингвов есть как общие черты, так и индивидуальные различия. Становление фонетического компонента языковой способности у билингвов происходит позднее, чем у монолингвов, различия заметны не только в сроках освоения звуков, но и в количестве и характере звукопроизносительных ошибок. Часть особенностей речевого онтогенеза общая с монолингвами. В целом фонетическое развитие в финском языке опережает фонетическое развитие в русском; при этом русские гласные осваиваются быстрее финских, а финские согласные – быстрее русских. Наиболее проблематичны для освоения лингвоспецифические звуки и фонетические явления. Взаимное влияние языков может проявляться в виде межъязыковой фонетической интерференции и восприниматься слушателями как акцент; с возрастом часть произносительных ошибок уходит.

O .V . Nenonen, Dr. of Philosophy, Tampere university, Finland

CHARACTERICTICS OF PHONETIC DEVELOPMENT IN PRESCHOOL-AGED RUSSIAN-FINNISH BILINGUALS

Key words: bilingualism, child language development studies, pronunciation, interference, accent.

Abstract: This study addresses the phonetic development in Russian-Finnish bilingual children of pre-primary age. The study combines qualitative and quantitative methods in the framework of child language development studies, and contrastive and contact linguistics. It also takes into account language therapy approaches. The research is based on the results of both l ongitudinal and cross-sectional studies . The sample consists of 126 children, among them typically developing Russian-Finnish bilinguals, Russian-Finnish bilinguals with Specific Language Impairment (SLI), typically developing Russian monolinguals and typically developing Finnish monolinguals. Despite considerable individual variation in phonetic production, the findings suggest that bilinguals acquire Russian and Finnish phonetic inventories later than their monolingual pairs. The difference is visible both in the speed of acquisition and in the number and nature of errors. The analysis reveals that from a longitudinal perspective, phonetic development is faster and easier for bilinguals in Finnish than in Russian. However, relatively simple Russian vocalism is acquired faster than Finnish vocalism, whereas the complex system of Russian consonants takes longer to develop than the Finnish consonant system. Furthermore, language-specific features appear to be the most problematic for acquisition. The research shows the evidence of language interaction in bilingual phonetic development, e.g. in the form of cross-language phonetic interference. As a result, some bilingual children may have either a Russian or a Finnish accent. However, this accent tends to gradually disappear.

М.Б. Нагзибекова
mnagzibekova@mail.ru
д-р филол. наук, профессор, руководитель Русского центра Таджикского национального университета

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ключевые слова: русский язык, функционирование, Таджикистан, Государственная программа.

Аннотация: статья посвящена функционированию русского языка в Таджикистане, а также рассматриваются роль и статус русского языка как средства межнационального общения в системе образования.

M.B. Nagzibekova, Dr. of Philology, Professor, Head of the Russian Center at Tajik National University

ON THE FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN TAJIKISTAN

Key words: Russian language, functioning, Tajikistan, the State Program.

Abstract: The article is devoted to the functioning of the Russian language in Tajikistan. It also examines the role and status of the Russian language as a mean of international communication in the system of education.

В Республике Таджикистан обеспечивается свободное использование русского языка как средства межнационального общения, созданы все условия для его нормального функционирования. Подтверждением этому служит изданный Президентом республики Указ «О совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан» (4 апреля 2003 года), который определил курс языковой политики государства, направленной на развитие международных связей, обогащение достижениями и духовными ценностями народов, создание условий, способствующих ускорению научно-технического прогресса, освоению современных информационных технологий. В рамках реализации данного указа Постановлением Правительства от 2 декабря 2003 года была принята Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков на 2004−2014 гг. и 2015−2020. В них описывается состояние русского языка в республике на сегодняшний день и перечисляются задачи, стоящие перед современными учеными. Само появление этих документов говорит о том, что государство в полной мере осознает необходимость через систему образования обеспечить достойную жизнь и свободное развитие каждого члена общества.

В Таджикистане поддерживается сложившаяся в советские времена система школьного и высшего образования на русском языке: по данным за 2014 год, в республике насчитывалось 26 русских школ, из них 5 в Душанбе и 132 школы со смешанными языками преподавания, в том числе русским. После резкого сокращения сферы русскоязычного образования в 1990-х начался процесс его расширения, за которым стоит высокий спрос на русскоязычное образование в первую очередь со стороны таджикского населения республики. В Душанбе работают русский Драматический театр им. В. Маяковского, Российско-Таджикский (славянский) университет, филиалы МГУ им. М. Ломоносова, МЭУ, МИСИС. Большую роль в популяризации русского языка и русской литературы в Таджикистане играет учебно-методический журнал Министерства образования Рес-

публики Таджикистан «Русский язык и литература в школах Таджикистана». В целях сохранения и популяризации русского языка начиная с 2008 года по настоящее время в Таджикистане открыты и продуктивно функционируют 4 Русских центра как международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский Мир» и ведущими отечественными образовательно-просветительскими структурами (на базе ТГИЯ им. С. Улугзода, ТГПУ им. С. Айни, РТСУ, ТНУ). Русские центры в Таджикистане представляют собой информационно-обучающую систему, позволяющую получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и оказывающие содействие в обучении русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ. Это творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

Что касается состояния обучения русскому языку в школах Таджикистана, то как учебный предмет русский язык нельзя отнести к иностранным хотя бы потому, что иностранные языки, как известно, изучаются по выбору самих учащихся, тогда как изучение русского языка является обязательным в каждой школе (общеобразовательных школ в республике более четырех тысяч, в которых работают более 7000 учителей русского). Преподавателей русского языка и литературы готовят в 13 вузах республики.

В целях улучшения качества преподавания русского языка в Республике Таджикистан разработан и утвержден «Образовательный стандарт по русскому языку» для средней школы (1997 г.), опубликована новая программа по русскому языку (2008 г.). В средней национальной школе русский язык изучают со второго класса по одиннадцатый. Изучение русского языка в средних специальных учебных

заведениях и вузах осуществляется с учетом приобретаемой специальности: в неязыковых группах и на факультетах средних специальных и высших учебных заведений нефилологического профиля обучение русскому языку ограничивается одним учебным годом и составляет 148 академических часов. В вузах и средних специальных учебных заведениях спецдисциплины изучаются на русском языке. Во всех вузах остались группы с русским языком Все усиливающаяся тяга учащихся и молодежи к русскому языку обусловлена следующими причинами. Во-первых, сформировано единое научное пространство между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан: все ученые степени и звания гражданам Таджикистана присуждаются ВАКом Российской Федерации и кандидатские и докторские диссертации пишутся и защищаются только на русском языке. Во-вторых, информационное пространство (СМИ: газеты, журналы, телевидение) более чем на 50% заполнено русским языком. В-третьих, в учебных заведениях по профилирующим предметам преобладает литература на русском языке. В-четвертых, многие студенты хотят изучать другие иностранные языки, однако без знания русского языка им это плохо удается или не удается совсем. И хотя положение с преподаванием и изучением русского языка в образовательных учреждениях республики еще далеко от идеального, есть все основания надеяться на возможность укрепления положения русского языка и русистики в Таджикистане. Это станет тем более возможным и достижимым при условии объединения усилий всех заинтересованных сторон – как в Таджикистане, так и в Российской Федерации. Есть определенная уверенность в том, что будут приняты меры по реализации привлекательных совместных проектов в области образования.

Н.В. Габдреева
n.gabdreeva@mail.ru
д-р филол. наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Казань, Россия

ПРОЦЕССЫ СМЕШЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БИЛИНГВОВ В XIX В.

Ключевые слова: билингвы, языковое сознание, вставки, смешение кодов.

Аннотация: В докладе рассматриваются психолингвистические особенности языкового восприятия билингва в диахронном аспекте при изучении отдельных языковых процессов. Обнаружено смешение языковых кодов, которое прослеживается в структуре и семантике межъязыковых коррелятов.

N.V. Gabdreeva, PhD, Prof., Kazan National Research Technical University named A.N.Tupolev – KAI, Kazan, Russia

THE PROCESSES OF MIXING IN BILINGUAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN 19TH CENTURY

Keywords: bilinguals, linguistic consciousness, insertion, code-mixing.

Abstract: The paper analyzes psycholinguistic peculiarities of bilinguals' language perception in the diachronic aspect based on the study of certain linguistic processes. Code-mixing was demonstrated in the structure and semantics of interlingual correlates.

В настоящей работе исследуются лингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов в диахроническом аспекте на основе изучения отдельных лингвистических процессов. Непосредственным материалом явились художественные произведения, созданные билингвами: творчество А.С. Пушкина, его эпистолярное наследие – письма к жене на русском и французском языках, мемуары Е.Р. Дашковой, написанные на английском языке в 1805 г. и изданные через 30 лет после ее смерти.

В результате анализа имплицитных и эксплицитных лингвистических проявлений мы пришли к следующему выводу. В структуре и содержании языкового сознания билингвов в XIX в. при условии полноценного двуязычия, поддерживающего функционирование обоих языков (а со второй половины века можно говорить о трех языках – русском, французском и английском), наблюдается смешение (полное или частичное) языковых кодов, рельефно проявляющееся на различных уровнях.

Неосознанное смешение, если рассматривать его в исторической перспективе, находит проявление в речи билингвов на различных уровнях.

1. На уровне семантики оно особенно ярко проявляется в межъязыковых лексических корреляциях. По-видимому, в сознании билингва фиксируется полная семантическая структура прототипа (слова во французском языке) и коррелята (заимствования в русском). В силу различной подвижности языков корреляции на определенном этапе становятся асимметричными. В сознании билингвов архаизация семы или семантического структурного звена в одном языке не отмечается вследствие регулярной поддержки прототипом второго языка. В результате межъязыкового семантического смешения билингвы активно используют вышедшие из узуса в русском языке, но функционирующие во французском значения лексем. Так в языковом сознании

отражается обобщенная семантическая структура, которая соединяет значения прототипическое и трансформированное, т.е в текстах функционирует, например, *кабинет* в значениях ‘комната для занятий’ и вышедшее из узуса ‘собрание, коллекция’, слово *инвалид* отмечается у Пушкина в пределах одного произведения и в значении ‘ветеран’, и в значении ‘увечный’.

Аналогичный механизм приводит к жизни семантические и реже лексические неологизмы, поскольку, как мы уже отметили выше, в сознании фиксируется полная парадигма значений у слова в обоих языках. Так появились *тамбурин* в значениях ‘танец’ и ‘музыкальный инструмент, под который он исполнялся’, *партер, амфитеатр* в значениях ‘места в театре’ и ‘зрители, там сидящие’.

2. Происходит частичное смешение на уровне плана выражения, которое находит проявление в большом количестве вкраплений, или вставок. У Пушкина отмечается широкое употребление русских слов во французских текстах и французских слов в русских. Как правило, характер использования этих вставок весьма разнороден. Это сигналы лакунарных явлений. Так, у Пушкина в письмах на русском языке – плохо переводимые французские comme il faut, tete a tete, cocuage, itineraire, vis-à-vis. В качестве вкраплений отмечены общепринятые формулы политеса: прошу любить и жаловать во французском тексте; son Coeur et sa main, adieu – в русском письме; названия литературных произведений («Кавказский пленник»), имена собственные: Наталия Николаевна, Платаво, Natalie Урусова, причесанная a la Ninon; карточная терминология: petite, misere, ouverte. Релевантной особенностью вставок в рассматриваемый период можно назвать их окказиональный характер.

3. Смешение на уровне плана выражения находит проявление в вариантности, обусловленной влиянием двух языко-

вых систем языка-источника и рецептора. Иначе говоря, в речи одного носителя одновременно используются функционально им не различаемые формы или варианты, наиболее близкие к прототипическим, диссонирующие с синхронной лексикографией, например, у Дашковой и Пушкина и др. билингвов: *ревматизм/рюматизм (rumatisme), панфлет/памфлет (pamphlet), мистрис/мисс, минавет/минюэт, сертук/сюртук (surtout), кадриль (м.р. и ж.р) (cadrille), монополь/монополия, сёр/сэр, метериал (materiel), интригант (intrigant), маскерад/маскарад (masquerade), гарем/харем (harem).*

4. В языке билингвов происходит нивелирование (смешение) стилистических характеристик. Например, отмечаются слова, по функциональному статусу в русском языке квалифицируемые как лексические архаизмы, которые, однако, в языке-источнике (английском и французском) не имеют такой характеристики, они стилистически нейтральны. Вновь, как и в случае с семантическими архаизмами, языковое сознание билингва не дифференцирует различный статус прототипа и заимствования, они для него равнозначны, функционально тождественны. Отмечены следующие архаичные лексемы: *креатура (‘создание’), фамилия (‘семья’), куртизаны (‘фавориты’), дикционер (‘словарь’), перл (‘бриллиант’), винегр (‘уксус’).*

5. Наконец, обильно функционируют семантические кальки французских и английских фразеологизмов, устойчивых словосочетаний (*пора меж волка и собаки, вест-индеец, умоляла именем неба, влюбился по портрету*) и иностранные синтаксические конструкции (*он старался удовлетворить их любопытству, сделали ему вопрос, опытность давала преимущество*).

Таким образом, психические механизмы хранения функционально равнозначных языков в сознании естественных билингвов, обеспечивающие процесс речевой деятельнос-

ти, определяют полное или частичное смешение языковых кодов, которое находит эвентуальное выражение в плане выражения и плане содержания межъязыковых лексических корреляций при условии социальной равнозначности языков.

В.И. Шляхов
shlyakhovv@mail.ru
д-р пед. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативная парадигма, скрытые смыслы, стратегии и тактики речевого взаимодействия.

Аннотация: В статье автор рассматривает когнитивно-коммуникативную парадигму, теорию имплицитности, увязывает дальнейшее развитие методики преподавания РКИ с современными лингвистическими учениями.

V.I. Shlyakhov, Dr. of Pedagogical Science, prof., Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

MODERN LINGUISTICS AND METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: cognitive-communicative paradigm, implicit meanings, strategies and tactics of speech interaction.

Abstract: In the article the author considers the cognitive-communicative paradigm, the theory of implicitness, and shows the relation between further development of the methods of teaching Russian as a foreign language and modern theories of linguistics.

Генеративная лингвистика, ее позволительно называть «глубинной лингвистикой», появилась в середине прошлого века и определила развитие когнитивно-коммуникативной парадигмы. Основатели генеративной грамматики поставили перед учеными «запредельные» вопросы: как дети без формального обучения усваивают родной язык? Существует ли врожденная способность его усваивать? Что собой представляют глубинные базовые структуры в языковом сознании и как эти структуры «выносятся» на поверхность речевого общения, порождая бесчисленное количество высказываний? Каким образом люди понимают высказывания (тексты), если не вся информация в них представлена вербально, то есть подразумевается?
Появился если не господствующий, то, по меньшей мере, разделяемый большинством языковедов взгляд на язык, на постановку научных проблем. Таким образом, парадигму формируют ученые с особым стилем мышления, разделяющие общие взгляды на постановку проблем и методики их решения [1]. Для этого стиля мышления, по словам Е.Ф. Тарасова «… характерно стремление избавиться от своеобразного лингвистического редукционизма, когда объект исследования ограничивается, редуцируется до речевых текстов, изолированных от условий их производства и восприятия, от общения в человеческой деятельности, в которой и ради целей которой они были продуцированы»[2]. В современной лингвистике доминирует интерес к глубинным структурам языкового сознания и подсознания, к проблеме понимания, то есть когнитивной способности

человека с помощью языка и других знаковых систем, осознавать окружающий мир, накапливать знания в различных областях. Изучение глубинных структур метафоры и роли метафорических построений в освоении новых знаний о строении мира и общества открыло дверь к изучению таких фигур косвенной коммуникации (иносказаний), как ирония, намеки, эвфемизмы, уклонения и т.п. Когнитивно-коммуникативная лингвистика далеко продвинулась в изучении схем (фреймы и сценарии) речевого взаимодействия партнеров в речевом общении. Так, в сценарно-фреймовом подходе исследуются обстоятельства речевого взаимодействия, роли собеседников, стратегии и тактики речевого воздействия на разные сферы сознания говорящих, словесные и поведенческие реакции на словесное воздействие, фигуры косвенной коммуникации и многое другое [4]. Установлено, что в подсознании и в памяти человека находятся тысячи фреймов и сценариев, то есть знаний о том, как вести себя в разных обстоятельствах речевого взаимодействия.

На этом остановим перечисление известных достижений современной лингвистики и перейдем к обсуждению нынешнего состояния методики преподавания РКИ. Заслуги методики РКИ общеизвестны.

Казалось бы, вслед за когнитивно-коммуникативной (глубинной) лингвистикой должна бы возникнуть «глубинная» методика. Однако становится ясно, восприимчивость методики РКИ к результатам современных научных исследований языковедов находится на низком уровне. Так, учебные практики формирования компетенций иностранных учащихся, необходимых для понимания скрытых смыслов в письменной и устной русской речи, не нашли широкого применения на занятиях РКИ. Не разработаны учебники, предназначенные для обучения иностранных учащихся пониманию непрямых фигур речи – метафор, иронии, намеков, эвфемизмов и т.п. Этот список нерешенных проблем в рамках методики можно продолжить.

Разговор о методике РКИ и «глубинной» лингвистике не хотелось бы заканчивать в пессимистической тональности. С самого начала методика решала проблему описания системы языка «глазами иностранца», то есть не «для себя», а для внешнего потребителя лингвистических и прагмалингвистических знаний. Другими словами, практики и теоретики преподавания РКИ по роду своих занятий выходили за пределы системной лингвистики и, не порывая с ней, объясняли, как «ведет себя» система языка в коммуникативном пространстве. Таким образом, готовность преподавателей РКИ выявлять и объяснять метасмысл, все то, что не выражено словами, вселяет уверенность, что методика РКИ способна в краткие сроки создать новые обучающие практики, основанные на достижениях современной лингвистики.

Литература

1. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: КД «Либриком», 2013.
2. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10.
3. Шляхов В.И. Иносказания в русском речевом взаимодействии. М.: Русский язык. Курсы, 2014 г.
4. Шляхов В.И. Речевая деятельность: феномен сценарности в общении. М.: КД «Либриком», 2013.

А.Н. Щукин
anshchukin@pushkin.institute
д-р пед. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

УЧЕБНИК ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ (ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ)

Ключевые слова: учебник по РКИ, учебниковедение, метод обучения, подход к обучению, коммуникативность, технологии обучения, лингводидактика.

A.N. Shchukin

A TEXTBOOK FOR THE TEACHING OF RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE IN CONTEXT OF MODERN LINGUADIDACTIC (HISTORY, CONTEMPORARY STATE, DEVELOPMENT)

Keywords: Textbook, linguadidactic, method, methodology of teaching, communicative approach

История преподавания русского языка как иностранного насчитывает более 500 лет, если ее начало вести от публикации русским первопечатником И. Федоровым во Львове в 1574 году «Азбуки». В XX столетии сформировалась и успешно развивается новая область методики – *учебниковедение*, представители которой участвуют в описании, анализе, оценке и создании учебников, в том числе учебных комплексов как наиболее востребованного жанра учебной литературы по РКИ. Основы учебниковедения в

области преподавания РКИ были заложены на II конгрессе МАПРЯЛ (Варна, 1973), тема которого «Теория и практика создания учебников и учебных пособий по РКИ» получила развитие в докладах и выступлениях российских и зарубежных русистов: О. Митрофановой, М. Вятютнева, Н. Шанского, Л. Трушиной, К. Габки, А. Менац, К. Бабова и др. На конгрессе впервые был предложен обзор учебников по РКИ, созданных в разных странах мира, получило поддержку утверждение о том, что учебник является компонентом системы обучения языку, инструментом организации и осуществления учебного процесса, а целью теории учебника следует считать разработку основ учебниковедения – раздела общей методики преподавания языков.

В развитии отечественного учебниковедения ведущая роль принадлежит авторам популярных курсов русского языка, преподавателям МГУ (Е.Г. Баш, Т.М. Битехтина, Е.А. Брызгунова, Г.И. Володина, Л.П. Клобуков, И.М. Пулькина, Г.А. Китайгородская), РУДН (Т.М. Балыхина, Г.Г. Городилова, В.Н. Вагнер, Е.И. Мотина, Ю.Г. Овсиенко, С.А. Хавронина), ГИРЯП (А.А. Акишина, Л.Л. Вохмина, Т.М. Дорофеева, М.Н. Вятютнев, З.Н. Иевлева, Л.Б. Трушина, Е.М. Степанова) и русистам многих других вузов страны. В области теории учебниковедения до сих пор сохраняют свое значение публикации профессоров ГИРЯП М.Н. Вятютнева и А.Р. Арутюнова. М.Н. Вятютнев – автор монографии «Теория учебника русского языка» и руководитель создания одного из первых учебных комплексов для зарубежной школы «Русский язык 1, 2, 3 (1971–1973), реализовавшем его методические идеи. Им была предложена классификация учебников по РКИ, обосновано содержание учебника с позиции существующих подходов к обучению. Он ввел в научный обиход термин «коммуникативная компетенция», ставший ключевым в современной лингводидактике. А.Р. Арутюнов в соавтор-

стве с Л.Б. Трушиной и П.Г. Чеботаревым разработал программу многофакторного анализа учебников по иностранным языкам, которая прошла успешную апробацию в учебном процессе, и предложил классификацию учебников на предкоммуникативные (языковые и речевые) и коммуникативные (поведенческие и деятельностные).

В литературе по теории учебника до сих пор не существует общепринятой классификации учебников по РКИ. Учебники предлагается дифференцировать в зависимости от того метода обучения, т.е. направления в обучении языку, концепция которого реализуется в структуре и содержании создаваемого на его основе учебного продукта, т.е. учебника, являющегося средством обучения. В таком случае выделяются следующие виды учебников.

Методы обучения	Виды учебников
Переводный (когнитивный)	грамматико-переводный
Интуитивные (прямой)	аудиовизуальный, аудиолингвальный
Комбинированный	сознательно-практический, сознательно-сопоставительный
Коммуникативный	коммуникативный, игровой
Интенсивный	интенсивные языковые курсы самоучители русского языка
Интерактивные	компьютерные курсы

Решающими факторами при отборе содержания перечисленных выше учебников и выборе технологий для работы с ними следует считать следующие: а) рекомендуется сознательный или интуитивный путь овладения языком, б) предусматривается или исключается опора на родной язык учащихся, в) предлагается взаимосвязанное или последовательное овладение видами речевой деятельности, г) учебник является национально-ориентированным или ориентирован только на изучаемый язык и культуру его носителей.

В рамках перечисленных видов учебников выделяются следующие типы учебников:

1. Общие учебники. Предназначены для овладения языком без учета родного языка учащихся или языка-посредника.
2. Двуязычные учебники. Учитываются трудности русского языка в сопоставлении с особенностями родного языка учащихся либо языка-посредника.
3. Учебники, ориентированные на профиль и будущую специальность учащихся.
4. Учебники, ориентированные на возраст учащихся.
5. Учебники, ориентированные на аспект обучения или вид речевой деятельности.
6. Национально-ориентированные учебники.
7. Учебники, ориентированные на интенсивное обучение.
8. Учебники, ориентированные на краткосрочное обучение.
9. Учебники, ориентированные на интерактивные формы обучения.
10. Учебники, ориентированные на самостоятельное изучение языка.

В докладе анализируются достоинства некоторых учебников, входящие в перечисленный перечень.

М.Н. Аникина
anikina-marina@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Московского государственного института международных отношений МИД РФ (Университет), Москва, Россия

«МЕТОДИКА ЗДРАВОГО СМЫСЛА» КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ РКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ

Ключевые слова: методика, прагматика, мировоззрение, мотивация, целостность.

Аннотация: В докладе изложены теоретические основы методики здравого смысла, а также проекция теории в практической плоскости. Теоретическое обоснование – это единый мировоззренческий подход к философской, психологической, методической мысли. Практическая проекция – это разработка и создание целостной методической системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

M.N. Anikina, Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Moscow State University of International Relations Russian (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs

COMMON SENSE TEACHING TECHNIQUES AS A REFLECTION OF HOLISTIC OUTLOOK: THEORETICAL FRAMEWORK AND PRACTICAL APPLICATION

Keywords: teaching techniques, common sense, holistic outlook, motivation, wholeness.

Abstract: In this report the following ideas are exposed: the core of theoretical framework of common sense teaching techniques is definite philosophical, psychological stems; practical application is a creation of a whole system of teaching techniques consisting of settled interlinked and interdependent elements.

Предлагаемая методика – это не более чем вариант целостной организации учебного процесса при обучении русскому как иностранному. Это не более чем практическая

реализация определенного мировоззренческого подхода к обучению. Методика опирается на мировоззренческую базу: философские взгляды в области процесса познания и обучения, психологические взгляды в области психологии личности. Методика здравого смысла – это не изобретение или новинка, а упорядоченный целостный взгляд на процесс обучения.

Основополагающая и формирующая идея – это идея о том, что главным в процессе обучения является человек изучающий: его когнитивные потребности, его мотивация, его психологический комфорт, его прогресс и качество достигаемого результата. Результат – плавное и естественное вхождение в процесс живой осмысленной коммуникации на грамматически выверенном языке в полном соответствии с намерениями и ожиданиями. Реализация когнитивных потребностей может затрудняться или замедляться присущими индивиду когнитивными способностями. В свою очередь, когнитивные способности, мотивация, психологический комфорт входят в круг понятий психологии и во многом определяются психологическими особенностями личности. Таким образом, один из важнейших принципов методики здравого смысла и одновременно условие ее применения – это учет присущего личности психотипа. При этом учитывается как психотип человека изучающего, так и обучающего. Выбор методики обучения подсознательно определяется присущим личности преподавателя психотипом. Сообразно своему психотипу он выстраивает и систему отношений учитель – ученик на основе признания за каждым определенной роли и соответствующей мотивации в процессе обучения. В рамках методики здравого смысла внешняя мотивация преподавателя – донести содержание обучения теми средствами, которые позволяют не только бережно отнестись ко всему комплексу психопознавательных потребностей ученика, но и способствуют

раскрытию его внутренних когнитивных резервов, его интеллектуальному развитию, творческой реализации. Внутренняя мотивация состоит в реализации собственных познавательных потребностей. Несоответствие методики психотипу имеет один итог – снижение мотивации к изучению языка у ученика, фрустрация у учителя и, как результат, низкая эффективность совместной работы учителя и ученика. Главным, как в общей методической организации учебного процесса, так и в разработке и создании учебных продуктов по РКИ на данной мировоззренческой основе, становится их прагматическая целевая направленность – обеспечение свободного, естественного, полноценного творческого общения. Достижение поставленной цели подразумевает изменение алгоритма отбора и последовательности введения лексико-грамматического и тематического материала, организацию работы на основе соответствующих методических принципов. Материальным воплощением служит учебник «Лестница» (начальный этап обучения).

Мы предлагаем целостную структуру трех общих методических подходов, каждый из которых предполагает наличие цепочки конкретных принципов-реализаторов.

Первый подход – естественность освоения языка в целях свободного общения. Он базируется на учете реальных когнитивных потребностей ученика при естественном общении. Здесь важны реальный анализ и оценка этих потребностей.

Второй подход – прагматичность. Он распространяется на отбор, последовательность и формы подачи лексико-грамматического материала. Здесь важно максимальное соответствие коммуникативным потребностям.

Третий подход – речевое коммуникативное взаимодействие. Подход определяет формы отработки и усвоения лексико-грамматической информации. Здесь важен подбор

методов, направленных на эффективное выведение в речевую практику изучаемого материала.

Корректная и последовательная реализация трех базовых принципов формирует, сохраняет и усиливает внутреннюю мотивацию изучения для ученика, а также обеспечивает личностные потребности к самоактуализации. Учитель также получает возможность реализовать потребность в познании через познание мировоззрения и интеллектуального багажа личности ученика. Подобный интенсивный взаимообмен порождает эмпатию – сильнейший мотиватор любой межличностной деятельности.

В «методике здравого смысла» меняется подход к введению и освоению культурологической информации. Главный принцип – ненавязчивое вплетение, соответствие общему течению естественного общения. Вторым принципом подачи информации о культуре России является принцип «особое через общечеловеческое», который предполагает представление «своего» в контексте мирового общекультурного пространства. Третий принцип – разноуровневое введение данной информации.

Методика здравого смысла в обучении русскому языку как иностранному – это мировоззренческая теоретическая база и, соответственно, мировоззренческая практическая реализация. Философскую базу составляют: философия обучения Сократа (майевтика), философские мысли об обучении и познании Монтеня. Психологическая база – теория личности К.Р. Роджерса, теория мотивации и потребностей А. Маслоу, теория о психотипах К. Юнга. Методическая составляющая – это целостная совокупность методов и подходов обучения, соответствующие учебные средства, особая организация учебного процесса. Данная методика – это расширение спектра подходов (и, соответственно, выбора учителя) к обучению русскому языку. Процесс обучения существует в единственном числе, путей его реали-

зации может быть множество. Методика здравого смысла – всего лишь один из них.

Н.В. Баско
ninabasko@mail.ru
канд. филол. наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

РОЛЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В УЧЕБНОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ-ИНОСТРАНЦЕВ

Ключевые слова: историко-культурологический комментарий, русский язык, учебный словарь, учащиеся-иностранцы

Аннотация: В статье рассматривается роль историко-культурологического комментария в учебном фразеологическом словаре для учащихся-иностранцев.

N.V. Basko, PhD in Linguistic, associate Professor,
Lomonosov Moscow State University

THE ROLE OF HISTORIC-CULTURAL COMMENTS IN EDUCATIONAL PHRASEOLOGICAL DICTIONARY FOR FOREIGN STUDENTS

Key words: Russian language, educational dictionary, historic-cultural comments, foreign students.

Abstract: This article discusses the role of historic-cultural comments in educational phraseological dictionary for foreign students.

В процессе обучения иностранных учащихся русскому языку наряду с учебниками все активнее используются учебные словари, которые становятся составной частью учебного процесса. Учебный словарь выполняет не только справочную функцию, объясняя значение фразеологического оборота, но также и обучающую функцию, направленную на формирование у иностранного учащегося навыка самостоятельного использования фразеологизма в речи.

Обязательными для словарной статьи учебного фразеологического словаря являются следующие компоненты: заголовочная единица (фразеологический оборот), его грамматическая характеристика, стилистическая характеристика фразеологизма, формула толкования и иллюстративный материал, демонстрирующий ситуацию употребления фразеологизма в речи. Факультативными компонентами словарной статьи являются историко-культурологический комментарий, фразеологические синонимы и фразеологические антонимы заголовочного фразеологизма.

При лексикографическом описании фразеологических оборотов роль историко-культурологического комментария, на наш взгляд, чрезвычайно важна и недооценена. Важность историко-культурологического комментария в учебном словаре для учащихся-иностранцев обусловлена самой лингвистической природой фразеологизмов как особых языковых единиц в семантическом отношении, идиоматичностью их значения. Ведь смысл фразеологического оборота не равен общей сумме значений слов-компонентов, входящих во фразеологизм. Носители русского языка понимают смысл, значение фразеологического оборота, а для иностранцев фразеологический оборот чужого языка – это обычно загадка, секрет. Историко-культурологический комментарий соединяет историю и современность, проливает свет на тот первоначальный метафорический образ, который был положен в основу фразеологизма, помогает

понять, уяснить современный смысл фразеологической единицы. Тем самым создаются необходимые условия для осуществления процесса речевой коммуникации и формирования языковой и речевой компетенции учащихся-иностранцев.

Конечно, во многих фразеологических оборотах метафорический образ, положенный в основу фразеологизма, прозрачен, понятен, легко расшифровывается, например, *вставлять палки в колеса*, *делать из мухи слона*, *пятое колесо в телеге* и др. Но в значительной части фразеологизмов мотивировка общего значения не ясна. В таких случаях историко-культурологический комментарий оказывается ключом к пониманию метафоры, лежащей в основе фразеологизма и появлению фразеологического оборота.

Кроме того, многолетний опыт работы со студентами-иностранцами показывает, что для них информация о том, как появился в языке тот или иной фразеологический оборот, почему русские говорят именно так в определенной ситуации, всегда увлекательна и интересна. Ведь узнать, как появились фразеологизмы *попадать/попасть впросак* и *держать в ежовых рукавицах* или почему Австралию называют «*Зелёным континентом*», а Великобританию «*Туманным Альбионом*» – интересно не только иностранцам, но и россиянам. Историко-культурологический комментарий предоставляет возможности для изучения русской фразеологии в увлекательной, игровой форме. А в методике РКИ, как известно, это существенно повышает эффект от обучения, его реальные результаты.

Л.Л. Вохмина
llvokhmina@pushkin.institute
канд. пед. наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

А.С. Зайцева
aszaytseva@pushkin.institute
аспирант, ст. преподаватель Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ

Ключевые слова: естественная/условная речевая ситуация, единица языкового структурирования действительности, коммуникативность, система упражнений, диалог культур.

Аннотация: В докладе описываются основы создания системы упражнений при коммуникативно-деятельностном подходе, дается определение естественной речевой ситуации и ситуации условной, выделяются цель и главное средство обучения.

L.L. Vokhmina, Candidate of Pedagogic Sciences, Prof., Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

A.S. Zaytseva, Postgraduate, Senior lecturer, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

REGARDING THE ISSUE OF AN EXERCISE SYSTEM FOR COMMUNICATIVE AND ACTIVITY APPROACH

Keywords: communicativeness, exercise system, dialogue of cultures, natural/artificial discourse situation, unit of language structuring of the reality.

Abstract: The report describes the basics of creating an exercise system for communicative and activity approach, defines the

natural and artificial discourse situation, highlights the goal and the main teaching tool.

В отличие от предшествующих методических эпох в настоящее время проблема упражнений, тем более их системы, в обучении речи отнюдь не принадлежит к числу активно разрабатываемых, она «вышла из моды». Об этом красноречиво свидетельствует последний конгресс МАПРЯЛ, в многостраничном сборнике материалов которого едва ли найдется более 3–4 публикаций, посвященных этому важнейшему методическому вопросу. Сейчас другие, хотя и очень важные приоритеты: новейшие средства и технологии обучения, изменение целей обучения и самой аудитории изучающих русский язык, использование русского языка в разных профессиональных целях, соединение языка и культуры, проблемы билингвизма разных видов и типов.

Соглашаясь с Е.И. Пассовым, что содержание обучения – это диалог культур, утверждаем, что методической основой этого обучения должен стать коммуникативно-деятельностный подход (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, а ранее Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), сущность которого до сих пор, к сожалению, остается уясненной и понятой многими методистами с недостаточной степенью глубины и полноты (А.А. Леонтьев).

Интересно отметить, что Е.И. Пассов в программном докладе на конгрессе МАПРЯЛ [2] никак не затронул вопрос, **как** обучать диалогу культур, какая система упражнений должна обеспечивать успех усвоения навыков, умений общения. И это не случайно, поскольку, по нашему убеждению, непротиворечивой, логичной и практически плодотворной системы упражнений до сих пор не существует. Есть лишь описания отдельных групп упражнений, не отвечающих принципу системности.

Там, где главной целью обучения становится овладение коммуникативной компетенцией в диалоге культур, под системой упражнений следует понимать «организацию взаимосвязанных действий, расположенных в порядке нарастания языковых и операционных трудностей, с учетом последовательности становления речевых умений и навыков и характера реально существующих актов речи» [1: 31–32].

Главным признаком реального акта речи является наличие речевой ситуации. И если говорящий вступает в речь по своей собственной потребности со своими эмоциональными оценками, это будет **естественная речевая ситуация**, а ежели по воле преподавателя, выполняя учебное задание, когда учащийся выступает в предложенных обстоятельствах с подсказанной мотивацией – **ситуация условная, учебная**. Так же легко делим и упражнения на речевые (есть речевая ситуация) и подготовительные (нет речевой ситуации), и это деление не подразумевает деления по степени легкости/трудности.

В коммуникативном подходе единицей обучения является речевое действие, которое выделяется на основе коммуникативной задачи. Однако одна и та же задача может решаться в самых разных ситуациях и самыми разными языковыми средствами, обслуживающими не только указанную задачу, но и десятки других. Так, в описании стандарта В1 задача «Получение и передача информации» детализируется следующим образом: *Где (на каком этаже…) находится (работает, можно купить…) деканат (нужный человек)? Когда начинается (кончается, работает, открывается?)…*

Считаем, что практичней всего сделать единицей обучения единицу значения, закрепленного за определенным языковым явлением на разных уровнях, т.е. **единицу языкового структурирования действительности**. Такими единицами

будут выражение места (П.п., Р.п. с предлогами – всему свое время), места движения, цели, времени, наличности, причины благоприятной, неблагоприятной, стихийной; законченности, продолжительности действия и т.д., данные в их языковом воплощении. Далее эту единицу необходимо пропустить через все возможные ситуации, в которых они сопровождаются разнообразными интенциями, заданными учителем, учебником (условно-речевые упражнения) или самостоятельно формируемыми учеником под влиянием разнообразных факторов (естественно-речевые упражнения). Последовательность же упражнений будет определяться работой механизма порождения речи, описанного психолингвистами, которая, как известно, начинается с мотива/побуждения, включает смысловой замысел, грамматическое структурирование, подбор слов, артикуляцию. В системе упражнений будет обратный порядок: начинаем со звукового облика, заканчиваем истинной речью с собственным мотивом и предметным содержанием. Другими словами, необходимо сделать коммуникативность **не только целью** обучения, но **способом,** через который вырабатывается **речевой механизм,** т.е. способность формулировать свои мысли, появляющиеся с определенным намерением в меняющихся жизненных обстоятельствах.

Литература

1. Гез Н.И. Система упражнений и последовательность развития речевых умений и навыков // Иностранные языки в школе. 1969. № 6.
2. Пассов Е.И. Проблемы иноязычного коммуникативного образования (Философия иноязычного образования) // Материалы к докладу на XIII конгрессе МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.): В 15 т. СПб., 2015.

С.Г. Лука
transmoldovan@gmail.com
учитель русского языка высшей дидактической категории теоретического лицея Ginta Latina, Кишинев, Молдова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Ключевые слова: стратегические технологии, модуль, модерация, дескрипторная технология.

Аннотация: Статья посвящена современным педагогическим технологиям и их роли в повышении качества обучения русскому языку в школах Молдовы с государственным языком преподавания. Рассматриваются технологии, используемые на всех этапах процесса обучения, – от планирования до оценивания и проводится их качественный анализ в формировании и развитии компетенций учащихся.

S.G. Luca, Russian language teacher, higher didactic category, *Ginta Latina* Theoretical Lyceum, Chisinau, Moldova

MODERN TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT SCHOOLS IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Keywords: strategic technologies, module, moderation, descriptor technology.

Abstract: The article is dedicated to the modern pedagogical technologies and the part they play in improving the quality of

teaching Russian at schools in Moldova with the official language of teaching. Technologies used at all the stages of the teaching process are considered from planning to assessment and analyzed from the point of view of quality in the aspect of forming and developing pupils' competences.

1. Организация обучения русскому языку как иностранному с использованием современных дидактических технологий является одной из актуальных проблем лингводидактики, однако конкретные условия функционирования русского языка в той или иной стране определяют специфику их использования в учебном процессе. В этом отношении наибольший интерес представляют технологии стратегического характера, отражающие общую специфику процесса обучения русскому языку как неродному в условиях Республики Молдова, направленные на оптимизацию всех этапов процесса обучения – от целеполагания и планирования до оценивания конечных результатов.
2. *Технология модульного планирования* – одна из наиболее востребованных технологий на этапе целеполагания в системе преподавания русского языка как неродного, которая позволяет учителю видеть весь процесс учебной деятельности в перспективе формирования компетенций – языковой, речевой, коммуникативной, культурологической, социокультурной, отражает поэтапность и последовательность формирования компетенций. После изучения модуля учитель, используя соответствующие виды и формы контроля, может оценить степень их сформированности у учащихся.
3. На этапе реализации процесса изучения русского языка как неродного широко используется *технология модерации,* эффективность которой заключается в том, что используемые методы и приемы модерации направлены на развитие коммуникативных способностей учащихся и

навыков работы в команде (группы, пары, мини-команды). Совместная работа, организованная с помощью технологии модерации, способствует снятию барьеров общения, создает условия для развития творческого мышления, стимулирует развитие речевой активности на русском языке.
4. На этапе оценивания результатов обучения наиболее эффективной является *дескрипторная технология оценивания конечных результатов,* использование которой позволяет учителю видеть конечную цель своей деятельности, выраженную в конкретном продукте (диалогические и монологические высказывания, ответы на вопросы, анализ текста и т.д.) с соответствующими критериально-дескрипторными характеристиками, которые одновременно являются для учителя ориентирами качественной организации процесса обучения русскому языку как неродному.

В.Б. Куриленко, М.А. Макарова,
О.М. Щербакова, Е.Ю. Куликова
viktoria101961@mail.ru
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА-БИЛИНГВА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Ключевые слова: лингвокультурный портрет, билингвизм, лингвокультурная адаптация, обучение русскому языку как иностранному, академическая мобильность.

Аннотация: Авторы обосновывают лингвистическое и лингводидактическое значение лингвокультурологического портретирования билингвальной/полилингвальной личности студента российского вуза; дают определение концепта

лингвокультурный портрет билингва/полилингва; выявляют основные параметры его составления; излагают результаты лингвокультурологического портретирования основных групп студентов-билингвов из стран СНГ; намечают перспективы использования полученных результатов в системе обучения студентов-билингвов русскому языку и культуре русскоязычного общения.

V.B. Kurilenko, M.A. Makarova
O.M. Shcherbakova, E.Yu. Kulikova, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

LINGUISTIC AND CULTURAL PORTRAIT OF BILINGUAL STUDENT IN THE ASPECT OF LANGUAGE EDUCATION

Keywords: linguistic and cultural adaptation, linguistic and cultural portrait, bilingualism, teaching Russian as a foreign language, academic mobility.

Abstract: Linguistic and linguodidactic meaning of linguistic and cultural portraiture of bilingual / multilingual personality of a Russian university student is proved, definition of the concept *linguistic and cultural portrait of a bilingual / multilingual* is presented, the results of the linguistic and cultural portraiture of main groups of students from the CIS countries are characterized, the perspectives of including of these results into the system of teaching Russian language and culture to bilingual students are proposed.

1. Поддержка, развитие и совершенствование академической мобильности в странах СНГ является одной из приоритетных целей современной образовательной политики Российской Федерации. В то же время методисты и препо-

даватели российских вузов отмечают резкое снижение уровня языковой подготовки абитуриентов из традиционных для РФ стран приема – Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Туркменистана, что во многом обусловлено такими факторами, как сокращение числа школ с преподаванием на русском языке, уменьшение количества аудиторных занятий по русскому языку, слабая методологическая и методическая проработанность обучения русскому языку граждан этих стран в новых условиях и, что самое важное, сокращение количества опытных преподавателей русского языка в школах и вузах. В результате этого студенты из стран СНГ оказываются лингвистически и лингвокультурологически неподготовленными к обучению в российском вузе, к жизни в российском обществе, что приводит к отчислению большого количества студентов после первой же сессии и в целом препятствует развитию академической мобильности в странах СНГ. В этой связи исследование лингвистических, речеповеденческих, лингвокультурных особенностей, составление лингвокультурного портрета студента-билингва с учетом лингводидактически значимых характеристик имеет большое лингвистическое и методическое значение.

2. В научной литературе активно изучается концепт «речевой портрет», под которым понимается «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» (Т.П. Тарасенко), «функциональная модель языковой личности» (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова), «языковая личность, воплощенная в речи» (С.В. Леорда). Для решения задач, поставленных в данной работе, необходима разработка лингвокультурного портрета билингвальной/полилингвальной личности, под которым будем понимать систему ее языковых, речевых, коммуникативных характеристик, этнокультурных речеповеденчес-

ких моделей, а также степень готовности к межкультурному дискурсивному взаимодействию.

3. Экспертные обсуждения, в которых принимали участие опытные методисты и преподаватели РКИ, наблюдение за процессами лингвистической и лингвокультурологической адаптации студентов-билингвов из стран СНГ позволили выявить систему параметров, формирующих лингвокультурный портрет билингвальной/полилингвальной личности. В эту систему, с нашей точки зрения, следует включить: а) лингвокультурную самоидентификацию личности; б) тип ее билингвизма/полилингвизма; в) доминантную лингвокультуру; г) характер отношений между усвоенными личностью лингвокультурными системами (координативные/субординативные, копперативные, конкурентные, контрадикторные); д) специфические характеристики лексикона, грамматикона, прагматикона, тезауруса; е) типичные для билингвальной/полилингвальной личности модели, стратегии, тактики речевого поведения, имеющие этнокультурную обусловленность; ж) степень сформированности умений межкультурного общения.

4. Преподавателями кафедры русского языка Медицинского института РУДН было проведено исследование, результатом которого стало лингвокультурологическое портретирование билингвальных/полилингвальных студентов первого курса из основных для университета стран приема, входящих в Содружество Независимых Государств. Как показали результаты исследования, большинство респондентов – билингвы. Полилингвизм зафиксирован у 10% опрошенных: владение русским, персидским, таджикским/узбекским, таджикским, русским – у граждан Таджикистана; узбекским, таджикским, азербайджанским, русским/узбекским, таджикским, русским/узбекским, русским, турецким – Узбекистана; узбекским, кахаским, киргизским, русским – у студентов из Казахстана; киргизским, русским, персидским – из Киргизии. Низкий уровень владения русским языком 2% студентов не позволил включить их в группы билингвов или полилингвов. В процессе изучения лингвокультурной самоидентификации студентов-билингвов установлено, что, несмотря на то, что в 5% случаев у студентов один из родителей – мама – русская, а в 40% случаев в семье говорят на двух языках (узбекском и русском, таджикском и русском и т.д.), только 2 (граждане Таджикистана и Казахстана) считают себя носителями русской лингвокультуры. 40% обладают естественным билингвизмом, 60% – искусственным. 13% респондентов обладают координативным билингвизмом, остальные – субординативным. Зафиксирована асимметрия в степени развития компетентности в основных видах речевой деятельности и владении аспектами русского языка: умения устного (прежде всего, диалогического) общения сформированы лучше, уровень лексической компетентности выше, чем грамматической и прагматической. В каждой из групп билингвов выявлены особенности лексикона, грамматикона, прагматикона, установлены тип отношений между лингвокультурными системами, специфика этнокультурных моделей, стратегий, тактик речевого поведения, уровень готовности к межкультурному общению.

5. Полученные результаты учтены при разработке учебно-методических комплектов по русскому языку и культуре русскоязычного общения, корректировочных курсов по русскому языку, программ индивидуального коммуникативно-речевого развития студентов-билингвов из стран СНГ.

А.С. Хехтель
askhekhtel@pushkin.institute
кандидат педагогических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ЭФФЕКТИВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ЯЗЫКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ И РАЗВИТИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-КОГНИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КОНКРЕТНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ

Ключевые слова: сфера профессиональной коммуникации, эффективность и результативность учебного процесса.

Аннотация: В докладе представлен опыт построения и реализации процесса обучения РКИ в сфере профессиональной коммуникации в рамках совместной образовательной программы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и Сианьского нефтяного университета.

A.S. Khekhtel, Candidate of Pedagogic Sciences, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

EFFECTIVE CONCEPTUAL APPROACHES TO TEACHING THE LANGUAGE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION AND THE DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL AND COGNITIVE POTENTIAL OF STUDENTS IN SPECIFIC LEARNING ENVIRONMENTS

Key words: the sphere of professional communication, efficiency and effectiveness of the educational process.

Abstract: The report presents the experience of creating and implementing of process of teaching Russian as a foreign language in the sphere of professional communication in the framework of a joint educational program of Pushkin State Russian Language Institute and Xian Shiyou University.

Ситуация на рынке образовательных услуг требует от преподавателя РКИ не только профессиональных и специальных знаний, используемых в процессе обучения русскому языку, но и способности ориентироваться в ситуации постоянно изменяющихся требований к содержательному наполнению учебных комплексов, ситуационных подходов к результативной реализации процесса обучения в условиях возрастающего интереса к русскому языку. Все это в полной мере можно отнести и к изучению русского языка в сфере профессиональной коммуникации.

Нами предпринята попытка построения процесса обучения РКИ в сфере профессиональной коммуникации на основе системного проектирования и изложения учебного материала с учетом языковой среды, целенаправленной реализации последовательности педагогических методов и технологий, что, как показывает апробация отдельных структурных и содержательных компонентов УМК, способствует повышению эффективности и результативности учебного процесса, его интенсификации.

Главным отличием учебно-методического комплекса «Русский язык как иностранный в сфере профессиональной коммуникации» (на примере подготовки переводчиков нефтедобывающей отрасли) от существующих заключается в возможности планировать и реализовывать учебную программу как по овладению специальными знаниями в области нефтедобывающей отрасли, так и языковыми средствами для использования их в стандартизированных ком-

муникативных ситуациях будущей профессиональной деятельности в комплексе.

Учебно-методический комплекс ориентирован на решение коммуникативных потребностей иностранных обучающихся в профессиональной сфере деятельности и представляет собой последовательную реализацию основных этапов обучения с определением главных задач, разнообразием содержательно-методического инструментария и вариативностью способов организации обучения, что обеспечивает активизацию процесса усвоения новых знаний с учетом потребностей обучающихся.

Содержательные и структурные особенности учебно-методического комплекса обеспечивают единство образовательного пространства, определяют содержание, глубину, объем и степень коммуникативной и когнитивной сложности материала, что позволяет успешно адаптировать данный учебно-методический комплекс к другим направлениям подготовки с учетом национальных особенностей обучающихся.

В основу концепции учебно-методического комплекса положена методика взаимосвязанного обучения, предусматривающая сбалансированное и параллельное формирование всех видов речевой деятельности. Содержательное наполнение УМК способствует формированию:

– представления о потенциальных возможностях языковой единицы в плане семантической и формально выраженной ее сочетаемости;

– умения организовать стилистические поля в рамках определенного акта общения;

– навыка дифференциации коммуникативных форм и средств языка, умения адекватно пользоваться ими;

– навыка правильного взаимообмена с другими функциональными стилями в процессе профессионального общения.

Промежуточные результаты апробации позволяют сделать вывод об актуальности решаемых задач, необходимости продолжения деятельности по совершенствованию и развитию научно-исследовательской работы в рамках создания учебно-методического комплекса.

М.А. Мартынова
bilingualconnect@mail.ru
канд. пед. наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ РКИ

Ключевые слова: диада «преподаватель − студент», современный процесс обучения, педагогическое общение.

Аннотация: Рассматривается взаимоотношение преподавателя и студента в современном процессе обучения РКИ. Освещаются факторы, которые определяют выбор стратегии обучения, подчеркивается ведущая роль преподавателя и влияние его личностных особенностей, а также творческого потенциала на образовательный процесс.

M.A. Martynova, Ph.D., associate professor of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

NEW POSSIBILITIES OF THE TEACHER IN THE LIGHT OF MODERN METHODS OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Keywords: dyad "teacher-student", the modern process of learning, teacher communication

Abstract: The relationship of teacher and student in the modern process of learning trials is considered. The factors that determine the choice of learning strategies are highlighted. The leading role of the teacher and the influence of his personal characteristics is emphasized, as well as creativity in the educational process.

Рассматривая перспективы развития современного преподавания РКИ как в условиях изучаемого языка, так и вне языковой среды, следует отметить, что фигуры обучаемого и обучающего по-прежнему занимают одно из основных мест. Многолетние научно-методические изыскания постоянно добавляют новые черты, в казалось бы, хорошо знакомые портреты.

Сегодня становится неоспоримым факт необходимости совместной деятельности преподавателя и учащегося, которая заключается не только в обмене информацией, но и в выработке единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания друг друга. На основеобщения (как естественного, так и учебного), которым необходимо руководствоваться преподавателю, выстраивая и моделируя контактный процесс обучения (имеется в виду в первую очередь проведение аудиторных занятий) возможна реализация различных его функций. Такие функции общения, как коммуникативная, информационная, когнитивная, эмотивная, конативная и креативная (по классификации Панферова В.Н.), отвечающие за осуществление взаимосвязи людей на уровне индивида или группы, за обмен информацией между коммуникантами, за осмысление значений на основе представлений, а также за эмоциональную связь индивида с действительностью, за управление, координа-

цию позиций коммуникантов и формирования отношений между ними.

Для определения основополагающего вида общения при взаимодействии учащегося и преподавателя особенно выделяется педагогическое общение. Психолингвистический микроанализ речевого общения обучающего и студента позволяет пристально рассмотреть методическую целесообразность использования некоторых языковых средств, традиционно «закрепленных» за учебным процессом. Например, экспериментально доказано, что уменьшение числа прямых требований, негативных оценок, увеличение повторов, уменьшение исправлений, а также стимулирование высказываний учащихся делает их более инициативными в общении. Однако нам представляется, что все это является естественным следствием выбранной преподавателем стратегии обучения.

Умение проявлять личностную заинтересованность, умение установления речевого и неречевого контакта, умение слушать, проявление искренней эмпатии, естественное расширение программных тем за счет привлечения повседневного актуального материала, жизненно необходимы современному преподавателю.

Диада «учитель − ученик» (или «преподаватель − студент») очень динамична: на протяжении более чем полувековой истории развития методики РКИ она естественно претерпевала изменения, пока сегодня не приобрела характер равно партнерских отношений. Однако, заметим, что статус преподавателя обязывает обучающего управлять учебным процессом.

Именно преподавателем выстраивается вся стратегия обучения в зависимости:

– от индивидуального или группового обучения,

– от состава группы (мононационального или интернационального),

– от наличия или отсутствия русской языковой среды,
– от формы и этапа обучения,
– от индивидуальных особенностей обучаемого (его природных особенностей, наличия или отсутствия у него предыдущего лингвистического опыта, мотивации к изучению языка, возрастных и национальных особенностей).

Безусловно, мастерство преподавателя играет значительную роль, которая в первую очередьпроявляется в создании на занятии атмосферы, комфортной для изучения русского языка (речь идет как о групповых, так и об индивидуальных формах работы). Понимание того, что каждому студенту может быть свойственен свой собственный стиль работы и овладение языком проходит по-разному и обусловлено это может быть целым рядом причин:
– этнопсихологическим типом учащегося,
– его возрастными и индивидуальными особенностями,
– традиционными способами овладения знаниями на родине студента и др.

Для современного преподавателя необходима креативность. Творчество в педагогическом виде деятельности составляет его основу. Один из исследователей Гарвардского университета Ховард Гарднер, занимаясь исследованиями интеллекта человека, пришел к выводу, что каждый из нас обладает по меньшей мере семью центрами интеллекта:
– лингвистическим,
– логико-математическим,
– визуально-пространственным,
– телесно-идеомоторным,
– музыкальным,
– личностным,
– внутриличностным.

Именно современное обучение, на наш взгляд, предоставляет хорошую возможность нам, преподавателям-практикам, не только максимально использовать возможности на-

ших учащихся, но не забывать и о своих собственных резервах.

Т.Н. Мельникова
melnikovatn@rambler.ru
канд. филол. наук, доцент, Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Республика Беларусь

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебно-методические материалы, профессионально ориентированный учебник.

Аннотация: В работе подчеркивается наличие серьезной проблемы в организации образовательного процесса по русскому языку как иностранному: недостаточное количество специальных профессионально ориентированных учебно-методических материалов для преподавателей и студентов. Предлагается классификация видов УММ, определяется роль центрального звена УММ − учебника как транслятора концепции и стратегии профессиональной подготовки.

Melnikova T.N., Candidate of Philology, Associate Professor, Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

PROFESSIONALLY ORIENTED TEACHING MATERIALS ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: Russian as a foreign language teaching materials, professionally oriented textbook.

Annotation: The work highlights a serious problem in the organization of educational process on Russian as a foreign language: an insufficient number of specialized career-oriented teaching materials (TM) for teachers and students. The classification of types of TM is defined as a central link TM - as the translator of the textbook concept and training strategy.
Designed for teachers of higher and secondary specialized schools.

Результатом работы Национальной программы развития экспорта Республики Беларусь на 2011–2015 годы (постановление Совета министров Республики Беларусь № 656 от 23.05.2011) стало существенное увеличение контингента иностранных граждан, получающих высшее образование в Беларуси. Несмотря на очевидные достижения и преимущества, связанные с развитием экспорта образовательных услуг, встает немало вопросов по поиску новых форм при организации обучения иностранных граждан, повышению качественной составляющей обучения, выработке новых подходов к преподаванию русского языка как иностранного (далее РКИ).
Одними из главных инструментов в преподавании иностранным гражданам русского языка являются профессионально ориентированные учебно-методические материалы (далее ПО УММ): учебник, пособие, учебно-методический комплекс.
В связи с всеобщей глобализацией экономики увеличивается роль языков специальности, поэтому необходимо новое поколение ПО УММ по РКИ. Объектом методики, по словам доктора педагогических наук, профессора Университета прикладных наук Бургенланда (Австрия) А.Л. Бер-

дичевского, стал процесс межкультурного образования, а предметом – сами закономерности процесса межкультурного образования и управление этим процессом. В связи с чем требуется четкий контроль использования УММ в учебном процессе: наличие единого учебника по РКИ, например, в образовательном процессе вузов, соблюдающего комплексный подход и курирующего обучающую, воспитывающую и развивающую деятельность педагога и учебно-познавательную деятельность обучающихся на всех этапах обучения (на этапе подачи и восприятия учебного материала, закрепления и совершенствования знаний и умений, применения и контроля).
Кроме того, разрабатывая УММ по РКИ, необходимо стремиться содержательно и методически обеспечить высокое качество подготовки обучающихся во всех видах учебных занятий и самостоятельной работы. При этом приоритетными задачами будут как создание определенной теоретической базы знаний по учебному предмету (дисциплине), так и методическое обеспечение преподавания, изучения и контроля, в том числе и поддержка самостоятельной работы обучающихся. Поэтому ПО УММ можно разделить на 4 блока:
1) теоретический блок: учебники, учебные пособия, курсы лекций, конспекты и электронные конспекты лекций;
2) практический блок: практикумы, учебные справочники, хрестоматии, наглядно-иллюстративные материалы; планы практических занятий, планы семинарских занятий, планы лабораторных занятий, планы практикумов;
3) блок оценочно-диагностических средств и контрольно-измерительных материалов: вопросы и задания для самостоятельной работы, перечень вопросов к зачету, перечень вопросов к экзамену, полный комплект тестов текущего контроля, полный комплект тестов промежуточной аттестации, экзаменационный тест, контрольные работы, банк

тестовых заданий для самоконтроля, методики решения и ответы к тестовым заданиям;

4) методический блок: методические рекомендации по дисциплине для преподавателей, методические рекомендации по дисциплине для студентов.

Глубокие изменения в содержательной структуре учебного процесса по РКИ в высшем образовании (многоуровневая система высшего образования, разработка нового поколения государственных образовательных стандартов, увеличение часов на самостоятельную работу студентов, внедрение новых образовательных информационных технологий в учебный процесс и др.) обусловили необходимость переосмысления уже сложившихся представлений об отдельной учебной книге по РКИ. Учебные издания требуют постоянного обновления в связи с вариативностью коммуникативной компетенции, совершенствований в соответствии с достижениями методической науки, запросами жизни и потребностями общества. На современном этапе одной из важных задач модернизации высшего образования является улучшение действующих и создание системы учебников и учебных пособий нового поколения по всем изучаемым дисциплинам.

Теорией и практикой создания учебника русского языка для иностранцев занимались российские исследователи − Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г., Арутюнов А.Р., Вятютнев М.Н., белорусские – Санникова А.В., Лебединский С.И., Гербик Л.Ф., Чумак Л.Н. Современные методисты подчеркивают, что даже при высокой мотивации изучения РКИ эффективность его усвоения снижается, если используется морально устаревшая учебная литература. Сотрудник учебно-методического центра «Георго–Балти» Кикава О.З. (Грузия) считает, что сегодня наиболее оправдан подход, основанный на максимальном сочетании вербальных и невербальных семиотических систем, реализу-

емых концепцией «человек–книга–компьютер» [2: 10−12]. Признаки «хорошего учебника» определены исследователем издательства «Златоуст» Голубевой А.В. (РФ, Санкт-Петербург): проблемность, адекватность учебной деятельности будущим жизненным задачам и функциям (контекстное обучение, гибкость и элективность курсов), взаимообучение, индивидуализация (содержание, объем, время усвоения), навыки самостоятельного исследования вопроса, непосредственное взаимодействие ученика с информацией, мотивация и ответственность за результат [1: 12−13].

Главной сферой деятельности студентов-иностранцев в вузе является учебно-профессиональная, поэтому основной целью профессионально ориентированных УММ по РКИ является формирование у студентов коммуникативной компетенции, достаточной для адекватного профессионального общения в учебной и научной сферах, и создание мотивации.

Литература:

1. Голубева А.В. Инновационный учебник: что это такое, как его узнать и использовать / А.В. Голубева // Технологии обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития: Материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ (Минск, 2−3 февр. 2011 г.). – Минск: БГЭУ, 2011. – 327 с.

2. Кикава О. Семиотические аспекты создания современных учебных пособий по РКИ // Технологии обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития: Материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ (Минск, 2−3 февр. 2011 г.). – Минск: БГЭУ, 2011. – 327 с.

3. Минина Н.Е. Художественный модуль: содержание и структура учебного пособия / Н.Е. Минина // Технологии обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития: Материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой

МАПРЯЛ (Минск, 2−3 февр. 2011 г.). – Минск: БГЭУ, 2011. – 327 с.
4. Санникова А.В. Структура урока по обучению чтению на материале специальности / А.В. Санникова // Технологии обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития: Материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ (Минск, 13−14 сентября 2013 г.). – Минск: БГЭУ, 2013. – 227 с.

Л.Б. Трушина
LBTrushina@pushkin.institute
канд. пед. наук, вед. научный сотрудник Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА – СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ. УЧЕБНЫЙ КОМПЛЕКС «РУССКИЙ ДЛЯ ВСЕХ. КНИГА 1 «РУССКИЙ МИР. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»

Ключевые слова: ориентация на пользователя, взаимодействие, устный дискурс.

Аннотация: Учебный комплекс «Русский для всех. Книга 1 «Русский мир. Взгляд со стороны» уровень С1/С2. Сценарий: «персонажи» – иностранцы-слушатели летних курсов. «Естественная мотивированность» в выборе тем, сюжетов: современная культура, история, спорт, образование, наука, техника. Общение – взаимодействие. Форма: устный дискурс, полилоги – интеллектуальные беседы на основе реальных текстов, интервью.

L.B. Trushina, Ph. D. of pedagogy, leading expert, Pushkin State Russian Language Institute Moscow

LANGUAGE AND CULTURE – MODERN INTERPRETATION. TEXT-BOOK AND TEACHING MATERIALS «RUSSIAN FOR EVERYBODY». PART 1 «RUSSIAN WORLD. A LOOK FROM OUTSIDE»

Key words: Orientation on language user, verbal interaction, oral discourse.
Abstract: Text-book and teaching materials «Russian for Everybody» Part 1 «RUSSIAN WORLD. A LOOK FROM OUTSIDE» C1-C2 levels. Content. The «actors» of the text-book are foreign students, taking part in summer language courses who represent different countries and nationalities, jobs, occupations and interests. It provides natural motivation in the process of choosing subjects and themes for communication – modern culture, history, sport, system of education, science and technical progress. Language communication is based on verbal interaction of the «actors». The forms of verbal communication are – oral discourse, discussions, intellectual talks on the basis of authentic texts and interviews.

1. 1973 год – Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» [1]. Новое направление в преподавании РКИ. Новые понятия: «фоновые знания», «локальные ассоциации»; способы отбора страноведческого материала. Определены прецедентные тексты, события, персоналии, их оценка и трактовка, способы презентации, тренировки и контроля этих объектов.
2. Прошли десятилетия, на смену пришли новые поколения с другим сознанием, иными взглядами и вкусами. В куль-

туре – «многополярность», в оценках – плюрализм. Но в РКИ – прежний подход к отбору объектов и их оценки. Причина – в триаде «тема – участники общения – **мотив**/цель», мотив, по традиции, принадлежит автору учебника/преподавателю. Это порождает субъективизм в отборе и оценке фактов, событий. Выход был подсказан А.А. Леонтьевым: «До сих пор нет ясности в трактовке «естественности» и «условности», в частности, при анализе речевых ситуаций... Сама естественность должна пониматься как **естественная мотивированность** иноязычной речи. При этом она может быть **не только прагматической, но и познавательной, игровой, эстетической.** (выдел. нами. – *Л.Т.*) [2: 199].

3. Книга 1. **«Русский мир. Взгляд со стороны»** в составе учебного комплекса «Русский для всех» предназначена для иностранных пользователей уровня С1–С2. Учет главного постулата коммуникативного обучения: **«ориентация на пользователя и использование аутентичных материалов»**. Пользователи: зарубежные учителя и преподаватели, словесники старших курсов, аспиранты, деловые люди, соотечественники. «Фоновыми знаниями» эта группа пользователей уже обладает. Реализация **«ориентации на пользователя»**: предложен сценарий: «персонажи» учебника– иностранцы-слушатели летних курсов (разных национальностей, профессий, интересов). Это позволяет сократить дистанцию между ними и потенциальными пользователями учебника. «Естественная мотивированность» в учебнике – выбор «персонажами» сюжетов в темах: культура, история. спорт, образование, наука, техника; оценки, мнения.

4. Возможное **различие** между «естественной мотивированностью» реальных иностранцев и «персонажей» учебника. Решение проблемы – обращение за помощью к **коллегам-русистам в разных странах** (Словакия, Германия,

Польша, Болгария, Черногория). Рекомендации по отбору сюжетов и тем для обсуждения: «Необычное», «Неизвестное об известном», «Отражение состояния общества в современной культуре», «Неоднозначные оценки и трактовки» и т.п. Обязательная возможность для дискуссий и выражения собственного мнения.

5. Традиционное **«использование аутентичных материалов»,** с одной стороны, и, с другой стороны: А.А. Леонтьев – «условность (роли) и «естественность мотива/общения); К.С. Станиславский – «условность (роли) и «правдивость (чувства, поведения актера)»; «иллюзия подлинности» в нашем учебнике: «иллюзия» – поведение «персонажей» «подлинность» – высказывания, мнения, оценки реальных учащихся.

6. Вид целевого общения – **взаимодействие** в виде **устного дискурса с дискурсными маркерами.** Форма обучения – **полилоги/интеллектуальные беседы** на основе реальных текстов, интервью. Реализация принципа А.А. Леонтьева: «не реальность ситуации, а реальность деятельности в ситуации» [2: 199].

7. **Проблемность** содержания общения. «Многополярный» не только мир, но и культура. Свободное движение идей, художественных направлений, противоречивые реакции. Примеры: *опера «Евгений Онегин» в постановке Дм. Чернякова в Большом театре, в Париже, в Баварии; спектакли «Сказки Пушкина» в Театре наций в Москве, «Небесные странники» в театре Ленком, балет Б. Эйфмана «Up& down» и др. В живописи – выставка картин А. Модильяни и С. Дали в Москве. Музей А. Зверева в Москве и др. Обсуждение обеспечивает «естественную мотивированность», проявление заинтересованности, вкусов и уровня интеллекта учащихся.*

Литература
1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. изд. Московского университета. 1973.
2. Виншалек А., Леонтьев А.А., Степанова Л. Научные основы принципа активной коммуникативности». Тезисы докладов и сообщений. Пятый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Прага, ЧССР. Прага. 1982.

С.С. Хоронеко
khoroneko_s@mail.ru
кандидат филологических наук, доцент, Военная академия, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, педагогический эксперимент, иностранные военнослужащие

Аннотация: Рассматриваются особенности обучения иностранных военнослужащих русскому языку в Военной академии Республики Беларусь, предлагаются результаты педагогического эксперимента по оптимизации процесса обучения иностранцев, а также рекомендации по обучению русскому языку как иностранному.

S.S. Khoroneko, Candidate of Philology, Head of Department of Russian language and culture of speech, Military Academy of Belarus

FOREIGN MILITARY'S EDUCATION PROBLEMS IN LEARNING RUSSIAN IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Key words: Russian as a foreign language, pedagogical experiment, military foreign.

Abstract: Peculiarities of training of foreign military personnel in the Russian language from the Military Academy of the Republic of Belarus, available results of pedagogical experiment on optimization of the learning process of foreigners, as well as recommendations on training Russian as a foreign language.

Проведение педагогического эксперимента «Педагогические условия качественного обучения иностранных военнослужащих русскому языку на начальном этапе» в учреждении образования «Военная академия Республики Беларусь» обусловлено следующими особенностями, касающимися процесса обучения РКИ.
1. Отсутствие у иностранных военнослужащих доступа к интернет-ресурсам в результате запрета использования на территории секретного объекта (учебного заведения) средств мобильной связи и любых средств приема и передачи информации.
2. Ограниченные возможности передачи информации в результате блокировки незарегистрированных электронных носителей.
3. Фактическое отсутствие языковой среды, невозможность использования метода погружения в русскоязычную среду ввиду соблюдения режима, распорядка дня.
4. Наличие проблемы распределения учебной нагрузки негативно сказывается на распределении учебных часов по РКИ, в результате чего русский язык изучается только один

год. На втором и последующих годах обучения пробелы во владении русским языком восполняются факультативами по РКИ.

5. Наличие обязательной самоподготовки курсантов играет положительную роль в учебном процессе, но организация самоподготовки также требует не только учебно-методического обеспечения, но и должна проходить под руководством преподавателя.

6. Наличие огромного количества военных специальностей, кардинально различающихся между собой, что влечет за собой необходимость изучения и запоминания самой разнообразной, сложнейшей, специальной / профессиональной лексики инженерного/технического профиля.

7. Из наличия огромного количества военных специальностей следует еще одна проблема – необходимость наличия учебно-методических материалов и комплексов, обеспечивающих изучение конкретной специальности, создание учебных пособий.

Цель педагогического эксперимента – выявить и реализовать в ходе экспериментальной работы совокупность педагогических условий, обеспечивающих эффективное обучение русскому языку иностранных военнослужащих Военной академии Республики Беларусь на начальном этапе и создание на этой основе коммуникативно-направленной, профессионально-ориентированной дидактической системы обучения русскому языку как иностранному.

Эксперимент проводился в 2014–2015 учебном году. Кроме научно-практического подхода к учебной работе на кафедре было запланировано 10 мероприятий познавательного и творческого характера, направленные на развитие устной и письменной речи курсантов: конференции, конкурсы, викторины, походы в музеи.

Результаты проведенного педагогического эксперимента позволяют говорить о том, что качество обучения ино-

странных военнослужащих русскому языку повысится при выполнении некоторых условий. Назовем их.

1. Обучение русскому языку и специальной лексике на начальном этапе должно иметь приоритетное значение в системе подготовки иностранных военнослужащих, следовательно, необходима система педагогических условий не только качественного проведения практических аудиторных занятий, но и качественного педагогического сопровождения процесса обучения – учебно-методическом обеспечении.

2. Самоподготовка курсантов должна осуществляться под контролем дежурного преподавателя и должна быть обеспечена учебными материалами.

3. На продвинутом этапе обучения должен быть запланирован сопроводительный курс русского языка, при котором количество учебных часов обеспечит поддержку коммуникативных навыков, полученных иностранными военнослужащими.

4. В процессе обучения иностранных военнослужащих русскому языку должно быть разумное соотношение между приоритетными методами преподавания: должен осуществляться не только грамматический подход, но и активно должны использоваться коммуникативные технологии. Причем, как представляется, ведущую роль должен играть учебный текст, являющийся речевым образцом и отражающий грамматическую и лексическую темы.

5. Должны быть разработаны и систематизированы учебно-методические материалы, которые составят качественную учебно-методическую базу. Кроме того, необходимо создавать базу учебно-тренировочных и контрольных тестов как по уровням владения, так и по специальностям.

6. Должны быть созданы условия качественного функционирования учебно-технической базы (лингафонных кабинетов, компьютеров и ноутбуков, интерактивной доски,

электронных носителей, электронных учебных ресурсов – учебников, словарей, презентаций, тестовых тренажеров и др.).
7. Необходимо проводить промежуточную аттестацию курсантов, вести систему мониторинга успеваемости по всем 4 видам речевой деятельности.
8. Введение системы рейтинга успеваемости курсантов с весовыми коэффициентами существенно повышает качество обучения.
9. Необходимо рассмотреть вопрос о реорганизации образовательного процесса по РКИ в соответствии с Типовой учебной программой для высших учебных заведений: 1-й год обучения (подфак) – 840 часов; 2-й год (I курс) – 280; 3-й год (II курс) – 210; 4-й год (III курс) – 140; 5-й год (IV курс) – 70 часов; 6-й год (V курс) – РКИ отсутствует.

Е.Н. Чернышева
ENChernysheva@pushkin.institute
канд. философских наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

СТРАНОВЕДЕНИЕ РОССИИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ УЧЕБНЫЙ КУРС ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ»

Ключевые слова: страноведение России, русский язык, русский язык как иностранный, знания современной России, преподаватель русского языка как иностранного

Аннотация: Распространение русского языка в мире является одной из важнейших государственных задач. Для решения этой задачи необходимо совершенствовать программы подготовки преподавателей русского языка как иностранного. Внедрение курса «Страноведение России» может наполнить новым содержанием эти программы.

E.N. Chernysheva, Candidate of philosophical sciences, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

RUSSIAN STUDIES AS NECESSARY EDUCATIONAL COURSE FOR THE STUDENTS WHO ARE PASSING THE PROGRAMS "RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE"

Keywords: Russian studies, Russian, Russian as a foreign language, knowledge of modern Russia, teacher of Russian as a foreign language.

Abstract: One of the major national goals is to spread Russian in the world. To solve this problem it is necessary to improve the programs of educating teachers of Russian as a foreign language. Introduction of the course «Russian studies» can fill these programs with the new content.

Весной 2015 года Д.А. Медведев подписал ФЦП «Русский язык» на период с 2016 по 2020 годы». Одной из важнейших задач этой программы является распространение, популяризация и поддержка русского языка в мире. Для решения данной задачи необходимо как увеличение количества преподавателей русского языка как иностранного, так и улучшение качества их подготовки. Это подразумевает внедрение новых форм, во-первых, информационно-технологических, а, во-вторых, содержательных.
Русский язык для иностранцев является не целью, а средством, которое в современном мире позволяет стать более конкурентоспособным на глобальном рынке труда, от-

крыть новые горизонты для профессиональной карьеры. Русский язык – это культурный код российской нации, это путь к постижению особенностей российской национальной культуры, к налаживанию эффективной межкультурной коммуникации. Поэтому преподаватель русского языка как иностранного должен не только хорошо знать русский язык, но и со знанием дела ориентироваться в массиве научного знания о современной России, уметь выделять и отбирать наиболее значимое и владеть инновационными методиками донесения этого знания до своих студентов.

Сегодня страноведение России (или россиеведение, или актуальное страноведение России) преподается, прежде всего, студентам-иностранцам. Оно является эффективным средством изучения ими истории и культуры современной России, важным инструментом пополнения языковых умений и расширения их коммуникативной компетенции. В итоге получается, что студенты-иностранцы порой разбираются в проблемах современной России лучше, чем студенты-россияне. Такая ситуация совершенно недопустима при подготовке будущих преподавателей РКИ. Включение курса «Страноведение России» в программу подготовки преподавателей русского языка как иностранного может значительно расширить ее содержательную составляющую и решить раз и навсегда обозначенную выше проблему.

Таким образом, именно в рамках полноценного учебного курса «Страноведение России» будущий преподаватель РКИ, во-первых, может получить всесторонние знания о современной России (экономические, геополитические, политические и т.д.), познакомиться с современными научными базами данных по россиеведению, а, во-вторых, освоить методики преподавания страноведческого материала, разработанные отечественными учеными.

Р.Р. Янгутова
maryyang@mail.ru
канд. филос. наук, Сианьский нефтяной университет, Сиань, КНР

«ПОЭЗИЯ – ... ДУХ НАРОДА» (К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПОЭЗИИ В КОНТЕКСТЕ РКИ)

Ключевые слова: поэзия, дух, красота, эксплицитное, имплицитное, анализ поэтического текста

Аннотация: В статье обосновывается положение о том, что необходимо создать систему имплицитного (бессознательного) усвоения языка, т.к. использование эксплицитных (сознательных) методов преподавания иностранных языков недостаточно. Автор считает, что одним из эффективных способов решения этой проблемы является лингвокультурологический анализ поэтического текста. Философским основанием является положение В. фон Гумбольдта о том, что «поэзия – ...дух народа».

R.R. Yangutova, PhD of Philosophy, Xian Shiyou University, China, Xian

"POETRY IS ... THE SPIRIT OF THE PEOPLE" (TEACHING POETRY AS A PART OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

Key words: Poetry, beauty, explicit, implicit, spirit, analyze of the poetic text.

Abstract: The article substantiates the position that it is necessary to establish the system of implicit (unconscious)

language acquisition, since the explicit (conscious) methods of teaching foreign languages are not enough. The author believes that one of the effective ways to solve this problem is the analysis of the poetic text. The philosophical rationale is W. von Humboldt's position that "poetry is ... the spirit of the people."

Слова, которые стали заголовком статьи – итог философской антропологии В. фон Гумбольдта. Поэт, выразивший красоту в Слове, раскрывает идеальные ценности своего народа, а потому «Поэзия – ... дух народа» (или: «закон наивысшей чувственности») [2: 262]. Понимание поэзии в русской литературной традиции и в восточной, китайской традиции удивительно созвучно: так, виднейший теоретик символизма в области поэтического языка А. Белый отмечал: «В слове дано **первородное творчество**»; в восточной традиции: Дао-человек (Поэт): носитель **древнего начала** [3: 61]. Поэтическое миропонимание – это красота запредельного, это изображение не видимых предметов, а того, что за словом. Выразить чувства и мысли прямым называнием вещи – невозможно, и потому Поэт создаёт образы, образное слово, поэтическое слово.

Другими словами, прямого перехода мысли в слово не существует, а потому «распаковка» скрытых смыслов (т.е. понимания образного строя поэтического текста) является своего рода поиском следов древнего первородного начала (нашего подсознания), «духа нации», которое имманентно содержит в себе поэзия.

Имплицитность – неотъемлимое свойство языковой коммуникации. Этот термин (имплицитность) тесно связан с содержанием художественного слова, и прежде всего – с понятием метафоры, которой принадлежит ведущая роль среди языковых средств выражения образности.

Система имплицитной памяти отвечает за моторные и когнитивные **бессознательные** навыки. Система эксплицитной памяти отвечает за всю **сознательную** информацию и знания.

Использование только эксплицитных методов преподавания иностранного языка ограничивает его знание. Трудно получить хорошие результаты, когда усвоение базируется на осознанном запоминании грамматических правил. Давно замечено, что использование стратегий, свойственных имплицитному запоминанию при усвоении иностранного языка, является более действенным методом обучения. Эффективным методом, когнтивным механизмом, способствующим усвоению языка в системе имплицитной памяти, является на наш взгляд, лингвокультурологический анализ поэтического текста, который “помогает постичь взаимосвязь идеи и слова, рассмотреть их в культурной среде, осознать внутренние связи в содержании текста и подтекстовые смыслы» [5: 13].

Таким образом, введение курса «Анализ поэтического текста» необходимо: уметь анализировать лирическое произведение должно стать одним из основных требований программ РКИ. Как правило, работа по анализу поэтического текста проводится крайне редко в иноязычной аудитории, ввиду распространённого мнения о том, что поэтические тексты очень сложны для восприятия в иноязычной аудитории. Но автор высказывается в пользу необходимости такой работы, следуя мысли В. ф. Гумбольдта «поэзия –… дух народа». Именно в поэтическом тексте национальный язык и речемыслительная деятельность носителей этого языка воплощены с такой полнотой и глубиной, что представить себе полноценное обучение языку и речевой деятельности на этом языке без понимания поэзии – невозможно. Материал поэзии, вобравший в себя особенности менталитета, национально-культурную

специфику и авторские интенции является важнейшей составляющей в системе ценностно – культурных ориентиров нации.

Литература.
1. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
3. Дагданов Г.Б. Танская поэзия. Улан-Удэ, 1997.
4. Дамбаева В.Д., Затеев В.И., Янгутов Р.С. История философии и социологии. Улан-Удэ, 1998.
5. Маслова В.А. Русская поэзия 20 века. М.,2006.
6. Humboldt W. Gesammelte Schriften, Bd. 2, 7.

О.Э. Чубарова
oechubarova@pushkin.edu.ru
канд. пед. наук, вед. научный сотрудник Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

«ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ» ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТ 7 ДО 15

Ключевые слова: русский язык, сайт, текст, чтение.

Аннотация: Доклад посвящен описанию структуры и содержания «Читального зала» – одного из разделов сайта для детей-билингвов и детей-инофонов.

O.E. Chubarova, Candidate of Pedagogic Sciences, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

«THE READING ROOM FOR CHILDREN FROM 7 TO 15»

Keywords: Russian language, site, text, reading.

Abstract: The report analyzes the structure and contents of the “Reading Room” – the part of a site designed specially for bilingual and non-native speaker children.

В 2015 году на сайте «Русский язык для наших детей» был создан новый раздел – «Читальный зал», задача которого – предоставить педагогам и родителям, занимающимся с детьми (билингвами и инофонами), материал для работы по развитию навыков чтения.

Известно, что умение складывать слова из букв и соотносить графический и звуковой образ слова – только первый шаг в обучении чтению. Уметь читать – значит успешно восстанавливать образный ряд, «зашифрованный» автором, реконструировать фрагмент за фрагментом отраженную в тексте реальность, видеть за словами факты, причинно-следственные связи, улавливать настроения, эмоции, понимать чувства героев и создателя текста.

Кто учит детей читать? В первую очередь, несомненно, родители. Те дети, которым с первых лет жизни много читали вслух, как правило, стремятся быстрее освоить навыки чтения, чтобы получить самостоятельный доступ к содержанию книги.

И именно те дети, которые с ранних лет привыкли слушать чтение, раньше и успешнее своих сверстников формируют навыки полноценного понимания прочитанного.

Высокий уровень владения иностранным языком предполагает усвоение значительного объема текстов на изучаемом языке. И родители, и педагоги, проживающие за рубежом, стремятся предлагать детям, изучающим русский язык, тексты, которые могут заинтересовать и мотивировать. Собственно, сама идея Интернет-сборника для зарубежных школьников родилась в ответ на просьбы о помо-

щи в поисках произведений современной детской литературы и интересных адаптированных текстов: знакомство с новой литературой, отражающей современные реалии на современном русском языке, особенно актуально для тех, кто проживает вне языковой среды.

«Читальный зал», размещенный на сайте «Русский язык для наших детей», содержит тексты разных жанров и уровней сложности (от А1 до В2). В разделе представлены рассказы, сказки, стихи, очерки (лингвострановедческие тексты), как ставшие классикой, так и современные, созданные в наши дни.

В каталоге «Читального зала» дано подробное описание текстов каждого уровня: указан жанр, названы типы заданий, есть сведения об источниках, авторах и разработчиках.

Родители и педагоги могут ознакомиться с методическими рекомендациями по работе с разделом.

В то же время «Читальный зал» организован таким образом, чтобы ребенок сам мог свободно в нем ориентироваться, выбирая интересные для себя тексты и задания, быстро получая «обратную связь».

Каждый текст оформлен как отдельный ресурс, на главной странице которого – краткая аннотация для детей, имя автора и информация о нем, иллюстрация, отражающая содержание произведения.

Каждый текст сопровождается аудиозаписью и интерактивными заданиями с автоматической проверкой. Количество, структура и содержание заданий зависят от объема, жанра, уровня и лексико-тематического наполнения конкретного текста. Каждый текст проиллюстрирован: рисунки и фотографии дают зрительную опору.

Каждый текст озвучен – разработчики ресурса настоятельно рекомендуют сначала прослушать текст, и только потом читать. Такая последовательность особенно важна для де-

тей младшего школьного возраста: при слабо сформированных навыках чтения опережающее восприятие «на слух» облегчает понимание. Кроме того, для тех, кто проживает вне языковой среды, ценной представляется сама возможность услышать звучащую русскую речь.

Сопровождающие текст интерактивные задания позволяют детям проверить уровень понимания прочитанного без помощи взрослых. В зависимости от результата даются поощрительные оценки: «отлично», «хорошо» или «неплохо». Если ошибок допущено более 65–70 процентов от общего количества пунктов, предлагаются рекомендации, которые помогут эти ошибки исправить: совет внимательно перечитать текст, поработать над той или иной грамматической темой либо посмотреть незнакомые слова в словаре.

«Читальный зал» был создан и пополняется небольшим творческим коллективом. В настоящее время в разделе представлены 20 текстов, готовятся новые материалы. Однако, как показывает опыт, подобные ресурсы успешно функционируют и становятся по-настоящему востребованными, когда в их создании принимают участие десятки специалистов, имеющих опыт работы с теми, кому ресурс адресован, в данном случае – с детьми-билингами и детьми-инофонами.

И родители, и учителя стремятся предлагать детям и подросткам те тексты, которые привлекут их внимание, покажутся интересными – и, следовательно, повысят мотивацию к обучению. С другой стороны, взрослые стремятся привить учащимся интерес к тем литературным произведениям, которые являются достоянием нашей культуры. Оценка по признакам «интересно – не интересно», «нужно – не нужно» в значительной степени субъективна, производится на основе собственного вкуса, представлений о целях и задачах обучения, опыта работы с детьми. Чем

больше в проекте разработчиков, чем больше разнообразия – тем обширнее будет аудитория.
Таким образом, выбор текстов для детского чтения – задача, требующая участия самого широкого круга заинтересованных лиц – учителей, родителей, возможно, самих детей и подростков. Разработчики «Читального зала» будут благодарны за любые формы участия в проекте, в том числе за рекомендации по содержанию раздела. Ждем ваших писем по адресу: rus4chld@pushkin.institute

Т.В. Кравцова
TVKravtsova@pushkin.institute
преподаватель, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

О ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ШКОЛЬНИКОВ ПАЛЕСТИНЫ

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, РКИ в школе, мотивация, мотив, эффективность обучения.

Аннотация: Формирование мотивации при обучении русскому языку как иностранному в школах требует учета различных факторов и является важнейшей задачей, решение которой влияет на результативность обучения в целом.

T.V. Kravtsova, Teacher of the Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

THE PROBLEM OF FORMATION OF MOTIVATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHING FOR SCHOOLCHILDREN IN PALESTINE

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, Russian as a foreign language in school, motivation, motive, learning efficiency.

Abstract: Formation of motivation in the Russian language teaching in schools requires the consideration of different factors. It is the most important challenge which generally affect the effectiveness of the training.

1. В связи с историческими, политическими и религиозными факторами на сегодняшний день в Палестине сформировалось совершенно особое положение русского языка.
2. Особенности изучения иностранных языков в Палестине диктуют свои условия преподавателю русского языка в школах данной страны.
3. По ряду причин положительная мотивация при изучении русского языка, которая наблюдается у школьников младших классов на начальном этапе, значительно ослабевает, что ведет к снижению успеваемости и результативности обучения.
4. Поскольку в основе любого обучения лежит мотивация, которая понимается не только как положительное отношение к учебному процессу и изучаемому предмету, но и как общее название всех процессов, методов, средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, к активному освоению содержания предмета, то от успешности ее формирования зависит результат преподавания.
5. При обучении иностранному языку важно учитывать как внутренние, так и внешние мотивы обучающихся. Важно не только формировать внутреннюю мотивацию (что при учете возраста и других факторов в данной ситуации достаточно проблематично), помогая удовлетворять познавательную потребность в процессе овладения языком, но

и использовать возможности внешней мотивации, которая в значительной мере связана с социальными факторами.
6. На качество усвоения учебного материала влияют многочисленные мотивы, повлияв на которые можно повысить эффективность учебной деятельности.

И.В. Милашевская
imilashevskaya@mail.ru
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

О ПРИМЕНЕНИИ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: дистанционное обучение, электронный управляемый курс, русский язык, элементарный уровень, трудовые мигранты

Аннотация: Описываются структура и содержание электронного управляемого курса, предназначенного для дистанционного обучения русскому языку трудовых мигрантов.

I.V. Milashevskaya, Lobachevsky State University, Russia, Nizhni Novgorod

DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Key words: distance learning, electronically conducted course of study, Russian language, elementary, labor migrants.

Abstract: The paper is about a structure and the content of electronically conducted course of study, which aims at distant teaching Russian of labor migrants.

Языковая и социокультурная адаптация трудовых мигрантов – одна из серьезных проблем современного российского общества. Курсы, созданные в виртуальных обучающих средах, позволяют мигрантам до въезда на территорию Российской Федерации начать изучение языка, получить сведения об истории России и основах российского законодательства. Проект интернет-курса русского языка для трудовых мигрантов, в реализации которого принимают участие сотрудники филологического, исторического и юридического факультетов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, в мае 2015 года получил грантовую поддержку фонда «Русский мир».
Электронный управляемый курс «Русский язык для трудовых мигрантов. Элементарный уровень» создан в программной оболочке Moodle, размещен на сайте дистанционного обучения ННГУ и начнет свое функционирование в мае 2016 года. В курсе создано 12 учебных модулей (форумы; вспомогательные учебные материалы – грамматические таблицы и словарь; тематические блоки и контрольный блок). Назначение курса – подготовка к комплексному экзамену по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан, оформляющих разрешение на работу или патент.
Разработка учебных материалов для электронного управляемого курса осуществляется авторами с опорой на ведущие принципы современной дидактики, лингвистики, психологии и методики преподавания русского языка как иностранного. Новым является применение дистанционных технологий в обучении. Проект социально значимый,

субъектно-ориентированный, поскольку имеет целевую аудиторию, которая постоянно увеличивается (именно такие социальные проекты, как правило, получают внешнюю поддержку). Проект важен для университета, так как создание открытого образовательного пространства, одинаково доступного для всех в гетерогенной социальной среде, – это одна из задач современного развивающегося вуза.

Г.А. Алиева
gulya55569@mail.ru
диссертант Бакинского славянского университета, Баку, Азербайджан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ И МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Ключевые слова: звучащие тексты, использование видеоматериалов, этапы работы над фильмом.

Аннотация: Просмотр и изучение фильмов на занятиях позволяют создать коммуникативную среду для обучения, развивают интерес к изучению языка, создают условия, максимально приближенные к реальному речевому общению на русском языке. В статье также рассматриваются этапы работы над видеоматериалами на примере художественного фильма.

G.A. Aliyeva

THE USE OF MOVIES AND VIDEOS AT LESSONS OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE

Key words: sounding texts, using video sources, stages of work before, during and after watching.

Abstract: Watching and studying movies at lessons enables to create communicative environment for learning. It develops interest to learning the language, makes conditions maximally close to real Russian communicative environment. The article also searches the stages of work on video sources on examples of particular movies.

При изучении любого иностранного языка и РКИ, в частности, при отсутствии естественной языковой среды требуется создание искусственной языковой обстановки с рассмотрением реальных жизненных ситуаций. Для этого целесообразно использование на уроках РКИ таких аудиовизуальных средств, как видеозапись телевизионных новостей, интеллектуальных, развлекательных передач, ток-шоу, художественных и мультипликационных фильмов, некоторых серий телевизионных сериалов и т.д.

Просмотр и изучение видеоматериала на уроках не только способствует созданию коммуникативной среды для обучения, но и вносит разнообразие в учебный процесс, повышает эффективность восприятия информации, формирует устойчивый интерес к изучению русского языка, вырабатывает самооценку учащихся. При просмотре видеофильмов они имеют возможность слышать подлинную речь из уст носителей языка, узнают о традициях, культуре страны изучаемого языка, а когда чувствуют, что понимают его, то испытывают удовлетворение, появляется мотивация для дальнейшего изучения языка.

И.А. Щербакова в своей работе «Кино в обучении иностранным языкам» утверждает, что «повседневный педагогический опыт применения фильмов говорит о том, что кино, являясь достаточно интенсивным внешним раздражи-

телем, вызывает продуктивную условно-рефлекторную деятельность и, следовательно, является мощным и эффективным средством, содействующим более быстрому и качественному приобретению знаний и навыков…» [2: 75].

Чтобы аудирование не вызывало затруднений, надо предварительно, потоковым чтением набрать резервную лексику и только после этого проводить просмотр видеоматериалов.

Художественный фильм является отличным средством для освоения и усвоения новых знаний в процессе обучения РКИ. Для просмотра на уроках РКИ следует выбирать современные российские художественные фильмы. Например, для этой цели подходит мелодрама «Моя любовь», снятая в 2010 году, некоторые серии или фрагменты телевизионных сериалов «Воронины», «Папины дочки», рубрика «Взгляд снизу» в программе «Вечерний Ургант» и т.д. Старые русские фильмы, к сожалению, не вызывают интерес у нынешней молодежи, так как отражают ушедшую эпоху. Работа с художественным фильмом, как и работа с аутентичным текстом, состоит из трех этапов: работа перед просмотром фильма, работа во время просмотра фильма, и работа после просмотра фильма.

Главное при просмотре фильма – понимание смысла и идеи увиденного, а после просмотра – умение передать воспринятое. Один из важных этапов – это работа во время просмотра фильма, где студенты учатся пониманию звучащего текста с опорой на зрительный ряд и выражают это понимание предложениями. Преподаватель может разделить фильм на несколько смысловых фрагментов или отрывков, что облегчит его понимание. После каждого фрагмента преподаватель останавливается и задает конкретные вопросы по просмотренному материалу. Студенты отвечают на эти вопросы или пересказывают увиденное. После просмотра фильма можно задать следующие вопросы.

1. Кто из героев вам понравился больше всего и почему?
2. Что вы можете рассказать о внешности, характере, привычках того или иного героя?

Дома студенты сначала 2–3 раза должны прочитать сокращенный сценарий фильма, подготовленный учителем, а затем повторно посмотреть фильм. На следующем уроке они рассказывают сюжет фильма по фрагментам, в конце урока для развития письменной речи пишут сочинение из 5–6 предложений, где выражают свое отношение к просмотренному фильму, к понравившемуся герою. Эта методика способствует лучшему пониманию фильма, а также расширению активного словарного запаса учащихся. Данный вид работы над художественным фильмом вызывает у студентов большой интерес и желание продолжать обучение аудированию данным способом.

В качестве примера можно привести разработку урока по фильму режиссера Александра Кананович «Моя любовь». Выбор этого фильма обусловлен тем, что это мелодрама, с интересной, порой смешной, поучительной сюжетной линией. Выбранный фильм в среднем делится на 12–15 фрагментов продолжительностью по 7–8 минут. В связи с тем, что обычно просмотр художественного фильма требует немало времени (в данном случае 1 час 40 мин), необходимо вынести этот вид работы (именно просмотр художественного фильма) на внеаудиторные занятия. После просмотра фильма «Моя любовь» можно взять темы, которые встречались в фильме, и задать вопросы студентам для дискуссии.

1. Может ли быть счастливой бездетная семья?
2. Бывает, что семьи, которые не могут иметь собственных детей, усыновляют ребенка. Как вы относитесь к этому?
3. Можно ли купить счастье и любовь за деньги?

Подобные вопросы часто вызывают резонанс в группе, и студенты стараются убедить друг друга в своей правоте, именно в эмоциональном состоянии они преодолевают раз-

говорный барьер и в споре стараются использовать все свое красноречие на изучаемом языке.

Литература
1. Кулибина И.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2001.
2. Щербакова И.А. Кино в обучении иностранным языкам. М.: Высшая школа, 1984.

В. Э. Матвеенко
аспирант Российского университета дружбы народов,
Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКРАНИЗИРОВАННЫХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В последние годы происходит сближение и интеграция филологии, истории культуры, культурологии и методики преподавания иностранных языков (в данном случае – русского). В результате возникает продуктивная наука – лингвокультурология, которая изучает культуру определенного народа (русского) и оказывает неоценимую помощь в процессе преподавания русского языка в иностранной аудитории. Как известно, «язык хранит увлекательную повесть тысячелетних усилий человека познать и объяснить мир и себя в этом мире, он теснее всего связан с национальной культурой». Включение в процесс изучения русского языка как иностранного материала русских народных сказок дает возможность лучше понять средства выражения изучаемого языка, характер мышления народа,

его национальное своеобразие. Более того, в русских сказках можно найти образное выражение понятий общепринятого нормативного поведения. Использование русских народных сказок на занятиях по русскому языку позволяет построить учебный процесс, направленный на овладение не только грамматикой и лексикой, но и на постижение базовых элементов национальной культуры народа, что позволит учащимся выйти на уровень межкультурного диалога и ориентироваться в различных ситуациях общения. «Фольклорный текст – это закодированное сообщение, понимание которого требует дополнительных знаний» [Кхеребиш: 4]. Русские народные сказки обладают богатым потенциалом не только фольклорной лексики, но и реалий русской жизни. Сказки наполнены лингвокультурологическими единицами, известными с детства каждому носителю языка, но представляющими огромную трудность для иностранных учащихся: Баба-яга, царевна Несмеяна, Колобок, шапка-невидимка, сапоги-скороходы, богатырский конь, избушка на курьих ножках и др. Как правило, в устной речи русский человек часто использует образные средства выражения, в том числе фольклорного содержания. Как писал известный переводчик К. Фиксман, иностранным языком можно овладеть, но – спотыкаешься о культуру [Фиксман: 2]. Отсюда следует, что одним из ведущих принципов в процессе обучения иностранному языку является принцип культуросообразности. Сказка обладает широким фразеологическим потенциалом («Повернись ко мне передом, к лесу задом»; «не было у бабы хлопот, так купила порося», «за тридевять земель в тридесятом царстве», «не разевай роток на чужой медок», «хрен редьки не слаще» и т.д.). В русских народных сказках отражена мудрость всего русского народа, выражается это великое наследие в афоризмах, пословицах и поговорках.

Интересным методом подачи материала русских народных сказок представляется просмотр экранизированных анимационных фильмов, таких как «Князь Владимир», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Ночь перед Рождеством» и т.д. В пособии И.П. Лысаковой широко освещается аспект образного восприятия кинофильмов и влияния их на качество запоминания новых единиц. Важным для просмотра экранизированной русской сказки является предварительная работа с текстом как преподавателя, занимающегося подготовкой лингвокультурологического комментирования, так и учащихся, постигающих новую культуру, а этот процесс достаточно сложен. Русская сказка представляет собой концентрацию всего культурного богатства, создававшегося веками русским народом в образной и выразительной живой речи. Это проявляется и в лексических особенностях, и во фразеологическом богатстве, как было сказано выше, и в семантически насыщенных словах, и в звуковых, грамматических и синтаксических признаках. Лингвокультурологический анализ текстов русских народных сказок, направленный на раскрытие их потенциала, позволяет составить фрагмент языковой картины мира. Таким образом, введение в процесс изучения русского языка иностранными учащимися экранизированных русских сказок является новым, эффективным методом обучения. Экранизированный материал представляет звуковое и зрительное сопровождение лексических единиц. Данный подход позволяет учащимся в большей степени понимать не только семантическую сторону слов и словосочетаний, правила и ситуативность их употребления, но и, что является также немаловажным, ознакомиться с реалиями русской культуры, русским фольклором, с загадочным и непредсказуемым русским характером.

Литература
1. Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1966.
2. Кхеребиш М. Лексикографическое описание русских народных сказок в учебных целях. Дисс. … канд. филол. наук. М., 2007.
3. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997 // Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку: Учебное пособие / Под ред. И.П. Лысаковой. М., 2004.
4. Carol E. Fixman. The foreign Language Needs of US-based Corporations. Occasional Papers (NFLC at the Johns Hopkins University). Washington, 1989.

Е.В. Минаева
EVMinaeva@pushkin.institute
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

КОММУНИКАТИВЫ В УЧЕБНИКАХ РКИ

Ключевые слова: коммуникативы, коммуникативные ситуации, методика обучения РКИ.

Аннотация: В докладе рассматриваются короткие десемантизированные ответные реплики диалога – коммуникативы и их представленность в учебниках РКИ разных периодов.

E.V. Minaeva, Ph.D student, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

COMMUNICATIVES TEXTBOOKS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Key words: communicative units, communicative situations, methods of teaching Russian as a foreign language.

Abstract: The report is devoted to description of the short response particles in dialog – communicatives and their representation in the textbooks of different periods Russian as a foreign language.

Предмет методики обучения русскому языку как иностранному – оптимальная система управления учебным процессом, т.е. система, направленная на наиболее эффективное овладение учащимися русским языком (А.А. Леонтьев). Однако некоторые области языка до сих пор слабо поддаются лингвистическому анализу и описанию. К таковым, например, относятся короткие аграмматичные стереотипные реплики диалога, или коммуникативы. Это единицы типа *ни-ни-ни, пустое, ну уж, разве, неужели, еще бы* и т.д. Коммуникативы – это языковые (построенные на основе языковых единиц), частотные, узуальные реплики диалога. Они регулярно встречаются в письменных художественных текстах, в интервью, а также в устных медийных текстах, которые в последние десятилетия успешно конкурируют с письменными текстами по охвату аудитории. В методике преподавания русского языка как иностранного нет четкого различия между коммуникативами и междометиями. В то же время иностранные студенты регулярно слышат эти реплики диалога, пытаются их «расшифровать» и научиться применять. Одна из главных проблем для понимания и овладения этим типом лексики – синонимичность. Например, «разве» и «неужели» являются выражением неуверенности, сомнения, но эта степень в «разве» выражена гораздо сильнее, чем в «неужели».

Представленность коммуникативов в учебниках разнообразна, но не дифференцирована. При широком распространении коммуникативного подхода отсутствует система презентации и объяснения коммуникативов на уроке русского языка как иностранного. Нет соотнесенности материала с уровнем лексического минимума на том или ином уровне владения русским языком.

Международный научный симпозиум «Русская грамматика 4.0»

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.
2. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: Для преподавателей русского языка как иностранного. М., 2004.
3. Шаронов И.А.. Междометия в речевой коммуникации // Эмоции в языке и речи. М., 2005.
4. Шаронов И.А. Коммуникативы и методы их описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции "Диалог 2009". М., 2009.

Н.С. Лунгу
ninalun@mail.ru
учитель русского языка, лицей Ginta Latina, Кишинев, Молдова

ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Ключевые слова: технология, коммуникативное обучение, модератор, мотивация.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы преподавания русского языка как неродного в Республике Молдова с использованием технологий коммуникативного обуче-

ния, аргументируется востребованность данных технологий в учебном процессе с точки зрения компетентностного подхода и мотивации. Демонстрируются виды и формы обучения на основе общения, подчеркивается их перспективность.

N.S. Lungu, Russian language teacher, *Ginta Latina* Theoretical Lyceum, Chisinau, Moldova

COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT SCHOOLS IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Key words: technology, communicative teaching, moderator, motivation.

Abstract: The article examines the issues of teaching Russian as a foreign language in the Republic of Moldova using communicative teaching technologies, and the demand for such technologies in the teaching process is explained from the point of view of the competence-based approach and motivation. Types and forms of communication-based teaching are demonstrated, and their prospects are emphasized.

1. В условиях минимального количества часов (2 часа в неделю), выделяемых для изучения русского языка как неродного в школах Республики Молдова с государственным языком обучения на современном этапе, технологии коммуникативного обучения являются мощным фактором повышения интереса к русскому языку, формирования и развития умений и навыков реального общения на русском языке, а также развития речемыслительных способностей на изучаемом языке.

2. Обучение на основе общения тесно связано с компетентностным подходом в современном образовании, поскольку направлено на формирование и развитие компетенций, в частности, коммуникативной компетенции как одной из ключевых образовательных компетенций.
3. Использование технологий коммуникативного обучения способствует изменению роли учителя и учащихся на уроке. Учащиеся выступают как субъекты процесса обучения, а учитель становится модератором процесса их деятельности, т.е. консультантом, наставником, который регулирует и разнообразит виды деятельности учеников и сам становится активным их участником. Задача учителя-модератора при использовании технологий коммуникативного обучения – вовлечь как можно больше учащихся в общение на русском языке.
4. В ходе изучения русского языка как неродного на уроках используются разнообразные формы коммуникативного обучения. Наиболее эффективными являются групповые формы («четверки», «мозаика»), групповой опрос, учебная встреча, общественный смотр знаний, диспут, ролевые игры и т.д. Очень важно при использовании тех или иных форм учитывать психолого-возрастные особенности учащихся, уровень речевой подготовки, значимость речевой темы для практической деятельности учащихся.
5. Опыт использования технологий коммуникативного обучения при изучении русского языка как неродного в школах Республики Молдова свидетельствует о продуктивности и перспективности данных технологий, так как учащиеся демонстрируют высокий уровень владения языком, чувствуют себя более уверенно в общении на русском языке в различных коммуникативных ситуациях.

А.Е. Басырова
anabassyrova@gmail.com
преподаватель Новосибирского высшего военного командного училища, Новосибирск, Россия

НОВОЕ СРЕДСТВО НАГЛЯДНОСТИ НА УРОКАХ РКИ: ИНФОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Ключевые слова: русский язык, наглядность, инфографика, инфографический текст.
Аннотация: В статье рассматривается принцип наглядности как один из ведущих в обучении русскому языку как иностранному; вводится понятие «инфографика», а также «инфографический текст»; описываются некоторые способы использования инфографики на уроках РКИ.

A.E. Bassyrova, Teacher of Novosibirsk Higher Command College, Novosibirsk, Russia

NEW INSTRUMENT OF VISIBILITY ON THE LESSONS OF RFL: INFOGRAPHIC TEXT

Key words: Russian language, visibility, infographics, infographic text.

Abstract: The article deals with visibility as one of the guide in teaching Russian as a foreign language; new term infographic text is introduced; some ways of it's applying on the lessons of RLF are described.

Известно, что обучение иностранных студентов русскому языку строится на основе ряда принципов, обеспечивающих эффективность обучения. А.Н. Щукин выделяет лингвистические, дидактические, психологические и методи-

ческие принципы, подчеркивая, что среди них существуют доминирующие принципы, например: психологический принцип мотивации обучения, дидактические принципы сознательности и наглядности, методический принцип коммуникативности. Принцип наглядности, безусловно, является ведущим при обучении. В целом можно говорить о двух направлениях реализации принципа наглядности на занятиях РКИ: использование наглядности возможно в качестве 1) средства обучения и 2) средства познания [3, 29]. В качестве иллюстративных опор, средств наглядности на уроках РКИ для управления содержанием высказывания, говорит Е.И. Пассов, могут использоваться кинофильмы, диафильмы, серия рисунков (фотографий), кроки, отдельные картины и фотографии, а также диаграммы, таблицы, схемы, цифры, даты, различная символика, плакаты, карикатуры [2, 262].

На наш взгляд, существует еще один способ представления информации, способный являться и средством, и способом обучения на уроке РКИ. С распространением интернета и появлением новых технологий, а также с развитием потребности в максимально лаконичном изложении большого массива данных появился такой способ изложения информации, как инфографика. Под данным термином мы понимаем способ представления информации, сведений или знаний с помощью комбинации вербального и иллюстративного компонентов, предназначенный для быстрой и лаконичной презентации темы, а также призванный улучшить восприятие информации и мотивировать к прочтению.

На первый взгляд может показаться, что инфографика – это лишь модное слово для обозначения традиционных способов визуализации – графиков и схем. Доля правды в этом есть, однако стандартные средства визуализации (графики, диаграммы и пр.) являются рациональным способом пере-

дачи информации, в то время как инфографика воздействует на эмоции, ведь в ее основе лежит визуальная ассоциация, которая связывает воедино элементы разных семиотических систем, графического, вербального, числового рядов. Считаем, что вполне закономерно рассматривать инфографику как продукт креолизации, т.е. как креолизованный текст. Для того чтобы подчеркнуть лингвистический аспект описываемого явления, предлагаем обозначать инфографику термином «**инфографический текст**» (ИТ) и считать его разновидностью креолизованных текстов. Мы полагаем, что инфографические тексты на уроках РКИ имеют все шансы стать эффективным средством обучения. Они абсолютно точно могут быть источником информации, материалом для отработки навыков рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности, материалом для ввода и анализа лексики и грамматики.

Инфографические тексты не просто передают готовую информацию, которая не всегда откладывается в памяти студента, но позволяют учащемуся самому добывать и интерпретировать ее, опираясь при этом не только на вербальный компонент, но и на оформление иллюстрации, главную образную идею креолизованного текста. Работая с инфографикой, читая и рассматривая ее, учащиеся воспринимают текст одновременно рационально и эмоционально, что, безусловно, способствует более быстрому запоминанию, более глубокому пониманию и присвоению информации. Исходя из собственного опыта, сформулируем некоторые наблюдения по поводу использования инфографических текстов на уроках РКИ:

1. ИТ стоит предлагать вместе с традиционными текстами, поскольку это может быть хорошим приемом для самостоятельной семантизации незнакомой лексики и последующей работы с информацией текстов.

2. ИТ подходит не для всех учащихся: необходимо учитывать тип личности студента, его ведущий способ получения информации, возрастные особенности, возможно, даже национальную принадлежность и пр.

3. ИТ подходит для проектного метода работы и метода совместного обучения: работая над проектом в группе, учащиеся могут распределить обязанности и использовать для обработки и представления информации как традиционные способы, так и инфографические тексты.

Итак, мы считаем, что использование инфографических текстов на уроке РКИ является непосредственным применением принципа наглядности на уроке, а также позволяет реализовать все цели и задачи, которые обычно ставятся при работе с текстовым материалом. Кроме того, инфографика сможет повысить интерес к языку, обогатить учащихся новыми знаниями, создать дополнительную мотивацию к обсуждению темы. В целом инфографика – это способ, позволяющий по-новому, неординарно поработать с информацией как преподавателю, так и студенту.

Литература

1. Вохмина Л.Л. Некоторые проблемы использования наглядности в обучении иностранным языкам // Русский язык за рубежом. 1978, №5.
2. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989.
3. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов. – М.: Русский язык, 1990.

Т.С. Гуманова
TSGumanova@pushkin.institute
аспирант, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ЭТАПЫ РАБОТЫ С БИБЛЕИЗМАМИ НА УРОКАХ РКИ (УРОВЕНЬ С1)

Ключевые слова: русский язык, библеизмы, РКИ.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению этапов работы с библеизмами на уроках РКИ и разработке соответствующего комплекса упражнений, позволяющего студентам в полной мере овладеть материалом и успешно использовать библеизмы в дальнейшем в речи, значительно обогатив ее.

T. Gumanova, graduate student, Pushkin State Russian
Language Institute, Russia, Moscow

STAGES WITH BIBLICISMS AT LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (LEVEL C1)

Key words: Russian, biblicisms , Russian as a foreign language.

Annotation: This article deals with the stages of work in the classroom with biblicisms trials and the development of appropriate exercise program that allows students to fully master the material and successfully used biblicisms in the speech , significantly enriching it.

Библейская фразеология − особый раздел фразеологии, которому стоит уделить особое внимание на занятиях РКИ, в связи с чем необходимо рассмотреть этапы преподавания

библеизмов на уроках РКИ и выработать соответствующую методику и комплекс упражнений. Данная область исследований актуальна, поскольку обусловлена высокой степенью интереса иностранных студентов к группе библейских фразеологизмов, изучение которых позволяют глубже постичь русскую культуру и язык.

Преподавание библейских фразеологизмов следует проводить в соответствии с требованиями коммуникативно ориентированного обучения, поскольку умение правильно использовать в речи фразеологические единицы позволит иностранцу стать полноправным участником коммуникации с носителем языка.

Одним из средств достижения этой цели послужит изучение библеизмов в контексте художественных аутентичных текстов. Именно способность свободно читать эти тексты и является признаком свободного владения языком. В статье библейские фразеологизмы предлагается рассматривать в контексте художественных текстов русской литературы.

В комплексе упражнений для изучения библеизмов на уроках РКИ можно выделить несколько этапов, в которые входит: минимизация библейских фразеологических единиц, проведенная перед составлением упражнений; в состав материала к занятиям входят: теоретические сведения о понятии «библеизм», небольшой исторический экскурс, дающий представление об эпохе и интересующих нас исторических периодах; далее следуют непосредственно упражнения, в которых работа над библеизмами также проводится по определенной схеме: семантизация, выявление и осознание библеизма, классификация по типам, использование библейского фразеологизма в речи, работа с синонимами и антонимами.

Этот комплекс поможет значительно развить социокультурную базу знаний учащихся, они научатся выявлять библеизмы в художественных текстах, употреблять их в своей

речи, благодаря чему она станет более образной и насыщенной, что в свою очередь позволит им свободнее совершать коммуникацию с носителями языка.

Е.А. Рябова
earyabova@pushkin.institute
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

В.М. Филиппова
vmfilippova@pushkin.institute
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕСЕН НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвомузыкальные занятия, песня, текст, методика преподавания

Аннотация: В докладе рассматривается вопрос о способах использования песенного текста на уроке РКИ, его специфика и возможность использования как средства развития звукопроизносительных навыков, обучения аудированию, предоставления национально-специфического лексико-грамматического материала, а также расширения лингвострановедческой компетенции учащихся.

E.A. Ryabova, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

V.M. Filippova, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

USAGE OF SONGS AT THE LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: Russian as a foreign language, language-through-music lessons, song, text, methods of teaching.

Abstract: The subject of the report is the usage of song texts at the lessons of Russian as a foreign language. Texts of songs have some specifications enabling them to be used as a means of pronunciation development, a way of teaching listening skills, presentation of national-specific lexico-grammatic material and expansion of students' culture-oriented linguistics competence.

1. Единицей обучения на занятии является текст. Текст песни является хорошим материалом для обучения, обладая рядом преимуществ по сравнению с обычным учебным текстом.
2. С помощью песни осуществляется: овладение учащимися звукопроизносительными нормами языка (1); обучение пониманию речи на слух (обучение аудированию) (2); предоставление нового лексико-грамматического материала и демонстрация его употребления в речи (3); знакомство учащихся со спецификой культуры страны изучаемого языка (4).
3. На лингвомузыкальных занятиях, т.е. занятиях, которые строятся на работе с текстом песни, реализуется принцип наглядности.
4. Преимущества текстов песен: написаны чистым литературным языком, с правильными ударениями, с чёткими рифмами, ритмом, поэтому легко запоминаются; нередко построены на популярных музыкальных интонациях. Художественные образы, выражаемые в песнях, понятны и просты для восприятия. Особенности организации пес-

ни – музыкально-поэтические поддержки, усиления, вариации и повторения – способствуют восприятию на слух, пониманию, запоминанию слов и мелодии и развитию навыков русского интонирования и артикуляции [2: 72]. В силу специфики своей организации способствует лучшему усвоению и закреплению материала.

5. Разучивание песен (особенно детских) способствует отработке артикуляционных навыков. Некоторые песни представляют собой полный или неполный диалог, в них преобладает декламационный компонент, и они особенно полезны для выработки естественной интонации.

6. Разучивая и исполняя песни, студенты знакомятся со множеством фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний, прецедентных высказываний, которые в текстах песен встречаются довольно часто. Песни вводят учащихся в круг национально-обусловленных понятий, образов и чувств [Там же].

7. Отбор песенного материала для занятия может реализовываться разными способами: не столько важно учитывать возрастной критерий, сколько отбирать песни с точки зрения заложенного в них грамматического и лексического материала, а также темы с нацеленностью на последующий выход в речь.

8. Принцип работы с песней аналогичен работе с текстом: предполагается выполнение предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий; лексический и грамматический материал может вводиться индуктивным и дедуктивным способами (как до песни, так и после).

9. Тексты песен могут использоваться на разных уровнях обучения РКИ, в зависимости от уровня уделяется больше внимания определённым аспектам обучения языку (напр,, на начальном уровне – овладение звукопроизносительными нормами, на продвинутом – знакомство с культурой страны изучаемого языка).

10. Работа с песенным материалом недостаточно исследована и имеет большой потенциал для обучения РКИ.

Литература:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009.
2. Потапенко Т.А. Песни к детским мультипликационным и игровым фильмам в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 2003. № 4.

Чэ Линь
chelin209@163.com
магистр русского языка и литературы, Северо-Восточный университет лесного хозяйства, Харбин, Китай

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

Ключевые слова: невербальные средства, обучение РКИ.

Аннотация: Настоящая статья посвящена роли невербальных средств в коммуникации, а также разработать комплекс упражнений по обучению невербальным средствам коммуникации в обучении русскому языку как иностранному.

Che Lin, Master of the Russian Language and Literature, Northeast Forestry University, Harbin, China

NON-VERBAL ASPECTS IN TEACHING CHINESE STUDENTS RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keyword: non-verbal means, training Russian as a foreign language.

Abstract: This article focuses on the role of non-verbal communication and develops a set of exercises to teach non-verbal means of communication in teaching Russian as a foreign language.

В процессе общения и взаимопонимания людей важная роль отводится так называемому «невербальному общению», в частности таким средствам невербального общения как мимика, жесты, поза и др. Большой объем информации участникам беседы поступает по невербальным каналам связи. Кроме того, невербальные средства в разных культурах различаются, хотя среди них имеются и универсальные. В коммуникации, в частности в межкультурной коммуникации, такое культурное различие невербальных средств может привести и часто приводит к коммуникативной неудаче и даже к культурному шоку. Вот почему овладеть знаниями о невербальной коммуникации очень важно при обучении иностранному языку.

Чтобы раскрыть важную роль невербальных средств в коммуникации, а также разработать комплекс упражнений по обучению невербальным средствам коммуникации в курсе русского языка как иностранного, мы рассмотрели невербальные компоненты коммуникации, их функции и типы; провели описание наиболее частотных жестов, встречающихся в русских художественных текстах и в словаре русской мимики и жестов, и выявили ряд различий в значениях данных жестов в русской и китайской культурах; описали упражнения, направленные на закрепление языковых знаний, умений и навыков в области невербалики.

Особое внимание уделяется невербальным средствам в коммуникации между людьми в одной культуре или в раз-

ных культурах в различных сферах деятельности человека. В частности, проанализированы мимика и жесты, которые используются в общении носителями русского языка, с точки зрения возможности включения их в учебный процесс для формирования навыков невербальной коммуникации китайских учащихся.

На основе анализа примеров описания невербальной коммуникации из словаря русской мимики и жестов и русских художественных текстов можно говорить о трех типах соотношений мимических движений в русской и китайской культурах:

– физическая форма похожа, значения различаются, например, *скашивать/скосить глаза к переносице*. В русской культуре означает: 1. Выражение гнева, негодования. 2. Усталость, беспокойстово. 3. Игра-развлечение у детей. Данное мимическое движение существует в китайской культуре, но значения имеет другие. Эти движения обычно используются для развлечения или шутки среди друзей или близких, иногда сопровождают движение «показать язык». При выражении гнева китайцы часто выпучивают глаза и хмурят брови. Чувствуя усталость, китайцы обычно неподвижно смотрят в какую-то одну точку;

– физическая форма и значения тождественны, например, *смотреть/посмотреть большими глазами: сильно расширять глаза* – и в русской, и в китайской культуре означает: 1) удивление, недоумение, недопонимание. 2) любопытство, заинтересованность; 3) восторг; 4) страх, испуг;

– физическая форма тождественна, значения не полностью совпадают, например, *бегают глаза*: взгляд не останавливается на одном предмете, а быстро переводится с одного на другой. В русской культуре означает: 1) хитрить, говорить неправду; 2) стыдиться; 3) невозможность сосредоточиться, остановиться на чем-л. одном от разнообразия впечатлений. По физической форме данное мимическое дви-

жение тождественно в русской и китайской культуре, но с точки зрения значения, для китайской мимики характерно первое значение, а остальные значения или отсутствуют или не выделяются.

Приведенные примеры демонстрируют, что средства невербальной коммуникации обладают двойственным характером: с одной стороны, универсальностью, с другой – национальной специфичностью.

В распоряжении преподавателя не один, а два языка общения. Первый включает в себя слова, фразы, их сочетание и т.д., это язык вербальный, а второй – телодвижения, жесты, мимику, выражения лица, особенно глаз, расстояние между общающимися – это невербальный язык. Однако применительно к обучению иностранным языкам вопросы единства, взаимосвязи и взаимозависимости вербалики и невербалики еще не получали основательного изучения, этот аспект недостаточно исследован в научно-педагогической и методической литературе.

СЕКЦИЯ 12
РУССКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Н.Н. Щербакова
nata.ro@mail.ru
д-р филол. наук, профессор Омского государственного педагогического университета, Омск, Россия

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: семантическая деривация, морфемная деривация грамматика, словообразовательный тип, способы словообразования.

Аннотация: Описание словообразовательной системы языка невозможно без учета лексической и грамматической семантики, и это положение отражено во всех академических грамматиках русского языка. В то же время языковые единицы, образованные при помощи семантической деривации, не находят отражения в этих работах. Подобное положение во многом обусловлено отсутствием инструментальной базы для анализа данного явления, но представляется, что традиционные подходы к описанию словообразовательного типа можно использовать и в случаях семантического словопроизводства.

N.N. Shcherbakova, D-r of Philological Sciences, prof. Omsk State Pedagogical University Russia, Omsk

TO THE QUESTION ABOUT STATUS OF SEMANTIC WORD-FORMATION

Keywords: semantic derivation, morphemic derivation of gramma, word-formation type, methods of word-formation.

Abstract: Description of the word-formation system of language is impossible without the account of lexical and grammatical semantics, and this position is reflected in all academic Grammars of Russian. At the same time linguistic units, formed through a semantic derivation are not found by reflections in them. In a great deal it is related to absence of instrumental base for description of this phenomenon, but it appears that traditional going near a word-formation type specification it is possible to use and in this case.

Процесс создания слова традиционно описывается в русле морфемной деривации, предполагающей выявление специфики словообразовательного типа, который включает такие

единицы, как мотивирующая база, формант и словообразовательное значение. Уже в этом перечне устоявшихся и прошедших проверку временем терминов нетрудно заметить учет не только формальных, но и семантических особенностей образующейся единицы. Существующие в современном словообразовании подходы учитывают не только грамматическую, но и лексическую семантику, поскольку в целом ряде случаев язык демонстрирует их глубокое взаимопроникновение, которое, например, проявляется со всей очевидностью в случаях метафорической мотивации при образовании слов типа *глазунья*, которые связаны с мотивирующей базой не в прямом, а в переносном значении.

Способы морфемного словопроизводства подробно и полно описаны в грамматиках и учебниках русского языка, содержащих краткие сведения и о наличии семантической (диахронической) деривации, определяя её основные способы как лексико-семантический, лексико-синтаксический и морфолого-синтаксический (конверсия). Однако все указанные способы дальнейшего подробного описания, как правило, не получают, в связи с чем картина русского словообразования до сих не имеет полного и всестороннего освещения. Это положение отчасти объясняется отсутствием единых подходов к описанию явления семантической деривации и неразработанностью инструментальной базы для такого описания. Кроме того, существует проблема статуса семантических дериватов, созданных лексико-семантическим способом. Если результаты конверсии или, например, сращения однозначно признаются новыми словами, то включение случаев метафоры или метонимии в сферу интересов грамматического исследования вызывает серьёзные сомнения у бо́льшей части лингвистического сообщества, хотя современные исследования ментального лексикона доказывают, что психоментальная природа различных типов деривации едина, и данное положение, по-

видимому, следует учитывать в новых грамматических проектах.

Что касается инструментов описания семантической деривации, то, на наш взгляд, предложенное в отечественном языкознании определение словообразовательного типа можно использовать и для этих целей, поскольку семантический дериват всегда имеет и мотивирующую базу, и формант, и словообразовательное значение. Естественно, что наполнение этих терминов существенно отличается от того, что наблюдается в морфемном словообразовании, особенно серьезны отличия в содержании термина *формант*. В случае семантической деривации изменяется не план выражения, а план содержания, а потому внутренняя форма данного термина может вызывать возражения. Но если учесть, что формантом называют средство, при помощи которого создается новое слово, то его употребление вполне возможно.

Л.В. Рацибурская
Нижний Новгород

ДЕРИВАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

Ключевые слова: словообразование, новообразования, способы словообразования, медиатекст.

Аннотация: В статье анализируются медийные новообразования, отражающие тенденции к субъективизации и интеллектуализации. Описываются наиболее продуктивные узуальные и неузуальные способы: суффиксация, префиксация, контаминация, заменительное словообразование, графическая гибридизация. Неузуальные новообразования

обладают особой экспрессивной оценочностью и наличием игрового компонента. В медийных новообразованиях отражаются социальные реалии России начала XXI века и их оценка современными носителями русского языка.

Key words: word formation, innovations, methods of word-building, media.

The article analyses media innovations, reflecting the contemporary tendencies. The most productive usual and non-usual methods are described: suffixation, prefixation; contamination, substitional word-building and graphic hybridization. Non-usual innovations possess a special expressive evaluation and ludic element. The Russian social realias XXI century and their value for contemporary Russian citizens are reflected in media innovations.

Отмечаемые исследователями в медиадискурсе начала XXI века тенденции к субъективизации медийного текста, с одной стороны, и интеллектуализации, с другой, находят яркое проявление в современном медийном словотворчестве. Усиление личностного начала в рамках тенденции к субъективизации способствует как активизации действующих частей деривационного механизма языка, словообразовательных моделей и формантов, так и вовлечению в процессы словотворчества новых моделей, новых производящих основ и формантов, преимущественно заимствованного характера, а также преодолению системных ограничений, характерных для русского словообразования, в процессе создания новых слов.

Своеобразной реализацией тенденции к интеллектуализации современного медиатекста являются новообразования, созданные путем неузуального словообразования, по окказиональным моделям, в частности, путем заменительного

словообразования, с использованием неморфемных элементов, различными способами контаминированного словообразования.

Наиболее активно создаются новообразования контаминированного характера – путем междусловного наложения (в том числе и с формальным изменением исходных основ), а также графические гибриды – путем капитализации и сочетания различных алфавитов, буквенных и небуквенных графических знаков. Все чаще в медиатекстах обыгрываются графические гибриды поликодовой структуры с использованием логотипов и других изображений. Новообразования несистемного характера отличаются высокой степенью экспрессивности и наличием игрового компонента.

На современное медийное словотворчество оказывают влияние преимущественно факторы социально-психологического характера. В медийных новообразованиях отражаются не только социальные реалии России начала XXI века, но и их ментальное освоение, оценка современными носителями русского языка.

Булгакова О.А.
bulgakova.o.a@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МНОГОЗНАЧНОГО ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

(Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556)

Ключевые слова: фрейм, пропозиция, полисемия, категоризация.

Аннотация: В докладе поднимаются вопросы когнитивного описания полисемии производного слова путем пропозиционально-фреймового моделирования, позволяющего увидеть, как репрезентируются в сознании человека концептуальные структуры, заданные фреймом мотивирующего слова.

Bulgakova O.A., Candidate of Philology, Associate Professor of Kemerovo state University, Kemerovo, Russia

PROPOSITIONAL-FRAME MODELING OF POLYSEMANTIC DERIVED WORDS

Keywords: frame, proposition, polysemy, categorization.

Abstract: the report raises issues of cognitive polysemy describe words derived by propositional-frame modeling, allowing you to see how all become in the minds of human conceptual structure defined by frame motivating words.

Пропозиционально-фреймовое моделирование активно применяется представителями Кемеровской дериватологической школы для изучения словообразовательных гнёзд (см. работы Осадчего М.А., Образцовой М.Н. и др.), словообразовательного типа (см. работы Проскуриной А.В., Араевой Л.А.), словообразовательной синонимии (Шумилова А.А.), полисемии производного слова (Булгакова О.А., Вяткина М.В.).

Проблема полисемии занимает центральное место в когнитивной лингвистике, что обусловлено тем, что полисемия является результатом концептуальных операций метафоры

и метонимии, репрезентирующих особенности человеческого мышления. Ассоциации по сходству и смежности (метафорический и метонимический переносы) отражают логику не только языковых механизмов, но и устройства человеческого мозга, ибо человек изучает мир путём сопоставления (сравнения) известного с неизвестным. Определение ролей предметов в событиях и ситуациях лежит в основе формирования пропозиций, поэтому пропозиция представляет собой промежуточное звено в процессе категоризации, связывающее событие или ситуацию с языковой единицей, которой она репрезентируется, а суждения, содержащиеся в дефинициях каждого многозначного деривата, становятся возможными благодаря наличию предиката, в результате чего объяснение устройства производного полисеманта происходит за счет экспликации фреймовых структур. В зависимости от того, какую схему выберет человек для построения своего высказывания, экспонируется тот или иной «сценарий», фрейм, обыгрывается та или иная ситуация, свёртывание которой реализуется в производном слове.

Использование пропозиционального подхода позволяет дать системное видение деривационных процессов, поскольку актуализированные в мотивированном слове компоненты пропозиции, представленные эксплицитно, и связывающие их отношения составляют суть словообразовательного значения производных слов. В рамках одного словообразовательного типа может реализовываться несколько событийных пропозиций, что создаёт предпосылки для развития многозначности у производных лексем. Такой путь развития семантической структуры характерен для полисемантов, образованных в результате межсловной деривации.

Вторым продуктивным механизмом в образовании производных полисемантов является взаимодействие межсловной и внутрисловной деривации. На уровне словообра-

зования продуктивен механизм межсловной метонимии, а на уровне семантики – метафорический перенос. Пропозициональный анализ показывает, как репрезентируются в сознании человека концептуальные структуры, заданные фреймом мотивирующего слова. Основу каждого фрейма задаёт мотивирующая единица, представляющая концепт, который включает все ситуации, все смыслы, каким-либо образом связанные с этим концептом.

Фреймы задают содержательное ядро полисеманта и формируют как регулярные, так и уникальные типы семантических структур производных полисемантов. Фреймы не существуют изолированно друг от друга, а их взаимодействие позволяет выявить системные связи лексических единиц, обусловленные использованием тождественных концептуальных связей.

Сложность структуры фреймов, трудность определения границ между ними требует рассмотрения этого понятия через призму теории прототипов. В этом случае фрейм можно интерпретировать как сущность, в основе которой лежит какая-то норма, прототип, формирующий концепт. В основе многозначного деривата лежит прототипическое соединение формы и содержания.

Теория прототипов позволяет глубже понять сущность лексического значения и полисемии как языкового явления, а такое свойство прототипической категории, как открытость, способность к включению новых членов, достаточно отдаленных по характеру и свойствам от прототипического, позволяет понять причину семантической варьируемости слова, а также способности к высокой степени полисемии.

Таким образом, получение, концептуализация, хранение и передача знаний осуществляется в производном полисеманте как микросистеме по полевому принципу, обусловленному прототипными эффектами «фамильного сходства» лексико-семантических вариантов на разных уровнях кате-

горизации: внутрипространственном (ЛСВ обладают не только общим производящим, но и связаны между собой посредством представления одной или нескольких ситуаций одного или нескольких событий) и межпространственном (ЛСВ связаны только через производящее, разные значения производящего и определяют разные ситуации).

Результаты применения методики пропозиционально-фреймового моделирования членами нашей кафедры при описании не только русского языка, но и других языков (китайского, киргизского, телеутского) подтверждают гипотезу об общности глубинных пропозициональных структур, лежащих в основе данных языков, реализация же этих структур в разных языках обусловлена национальными культурными традициями и особенностями мировидения и миропонимания носителей языка.

Т.А. Корнеева
Tatyana.Korneeva@kpfu.ru
канд. филол. наук, доцент Казанского федерального университета, Казань, Россия

НУЛЕВАЯ СУФФИКСАЦИЯ И УСЕЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: словообразование, нулевая суффиксация, усечение, аббревиация.

Аннотация: Предметом исследования является нулевая суффиксация как уникальное явление в системе русского, славянского и индоевропейского словообразования, оказывающее влияние на формирование и развитие других способов словообразования, в частности, усечения как частного случая аббревиации.

T.A. Korneyeva, PhD in Philology, Associate Professor,
Kazan Federal University, Kazan, Russia

ZERO SUFFIXATION AND TRUNCATION IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Keywords: word-building, zero suffixation, truncation, abbreviation.

Abstract: This study investigates the zero derivation as a unique phenomenon in the Russian, Slavic and Indo-European word formation, which impacts on the development of the other word formation methods, in particular truncation as a special case of abbreviation.

Образования нулевой суффиксации представляют собой уникальное явление в системе русского, славянского и индоевропейского словопроизводства. Сформировавшись «на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов ĭ, ŏ, ŭ, а (> ь, ъ)», а в общеславянском языке лишь после процессов отпадения конечных согласных и монофтонгизации дифтонгов (что вызвало переразложение основы и превращение прежних суффиксов в окончания) [1: 286; ранее: 2: 85], нулевая суффиксация постепенно «подчинила» себе целый ряд образований, которые утратили производность и в результате процесса обратной мотивации были переосмыслены как образования нулевой суффиксации (*гуд, визг, вар, говор, гнев, клад, суд* и др.). Г.А. Николаев подчеркивает, что смена соотнесенности в словах типа *суд* произошла в результате усиления глагольности в системе индоевропейских языков: имена действия стали мотивироваться глаголом, независимо от их этимологических отношений [3: 40]. Разновременные заимствования, например, *пост, дрейф,*

замок также начинают осмысливаться как образования нулевой суффиксации.

В современном русском языке нулевая суффиксация является одним из активных способов образования новых слов, «конкурируя» с так называемым усечением (имеется в виду усечение «под нуль», в отличие от процесса усечения основ при образовании слов (*ход-и-ть – ходь-ба*)). Усечение «под нуль» широко представлено в разговорной речи и социолектах (особенно в молодежном жаргоне) и неоднозначно трактуется в научных работах.

Авторы академической «Русской грамматики» (1980 г.) относят образования типа *спец* от *специалист*, *зав* от *заведующий*, *пред* от *председатель*, *зам* от *заместитель*, а также *псих, маг, транс* (от *трансформатор*), *фак* (от *факультет*), *баскет*, *бутер, фанат*, и подобные к стилистически модифицированному типу аббревиации (§ 590. «Аббревиация как средство стилистической модификации») [4: 255]. В отличие от основных шести групп аббревиатур, в которых сложносокращенные существительные состоят из «усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусеченным словом» [4: 254], модифицированные аббревиатуры образуются на базе отдельного слова, существительного. Подобные образования также рассматриваются как «вариантные и первоначально стилистически ограниченные образования от полных слов или оборотов соответствующих полных (неусеченных) слов» [1: 287]. Различаются следующие разновидности усечений («так называемые усечения «под нуль»): а) усечения, как при аббревиации: *бухгалтер – бух, рок-н-рол – рок, магнитофон – маг, абитуриент – абитур* и т.п. и б) усечения с включением типа *демисезонное пальто – демисезон, микропористая подошва – микропор, термоядерный син-*

тез – термояд, редуцированные гласные – редуцит, государственные экзамены – госы и т.п. [5: 138].

Многие черты сближают усечения с образованиями нулевой суффиксации.

1. Оба способа образования слов в современном русском языке стилистически маркированные.

2. В обоих случаях присутствуют ряды синонимичных образований, способных передать словообразовательное значение материально выраженным средством: *ходить – ход-Ø, ходь-ба, хожд-ение* и *нарк* 'наркоман' *от наркоман* [6: 977], то же *нарком, наркоша, наркуша* [там же: 995], *мерс* 'легковой автомобиль марки «Мерседес»' от мерседес [там же: 745] при синонимичном *мерсик*. В системе образований нулевой суффиксации синонимия проявляется последовательно, в словах с усечением – непоследовательно.

3. Возможность родового параллелизма: *проток – протока, абитур – абитура*.

4. Нулевая суффиксация и усечение представлены в именных частях речи – в существительных и прилагательных. Однако есть и существенные отличия.

1. Многие бесприставочные образования нулевой суффиксации *(ход, гул, лов)* представляют собой «наиболее архаический пласт в русской лексике, наследующий ранние словообразовательные связи имен и глаголов» [7: 274]. Усечения характерны для современного русского языка.

2. Производящей базой для образований нулевой суффиксации являются прежде всего глаголы, а также прилагательные и существительные. Для усечения – существительные (в том числе субстантивированные прилагательные и причастия: *нал – наличные, опер – оперуполномоченный, зек/зэк – заключенный*, реже – субстантивированные наречия: *получить неуд, хор, уд* [8: 391]), устойчивые словосочетания: *мед – медицинский институт, пед – педагогический институт* и др. [там же].

3. Образования нулевой суффиксации семантически подвижны и служат производящими основами для семантического образования имен с различными словообразовательными значениями (отвлеченного действия, действующего лица, результата, орудия, места, объекта, времени действия) [5: 81]. Усечения имеют значения производящего слова, но в отдельных случаях могут подвергаться суффиксации: *телик, мультик, шизик, субчик, алкаш, общага* [4: 255].

Несмотря на имеющиеся отличия, образования нулевой суффиксации и образования-усечения представляют собой во многом близкие словообразовательные явления (гораздо ближе, чем усечение и аббревиация). А учитывая влияние нулевой суффиксации на другие словообразовательные отношения и «подчинение» их себе, возможно предположить, что этот способ словообразования распространяет свое влияние и на так называемое усечение.

Литература

1. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968.
3. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2010.
4. Русская грамматика: научные труды // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова // Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова, С.Н. Дмитренко, И.Н. Кручинина, В.В. Лопатин, М.В. Ляпон, В.А. Плотникова, М.С. Суханова, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова. М., 2005.
5. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию: Учеб. пособие. Казань, 2009.

6. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / Сост. Т.Н. Буцева, Е.Н. Геккина, Ю.Ф. Денисенко, и др.; Под ред. Т.Н. Буцева и Е.А. Левашова. Ин-т лингвистических исследований РАН. Т.2: Клиент-банк – Паркетный. СПб., 2014.
7. Мейе А. Общеславянский язык Пер. с.фр. / Общ. ред. С.Б. Бернштейна. М., 2000.
8. Маринова Е.В. Усеченные субстантивы в современной русской речи: «свое» и «чужое» // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М., 2007.

Н.Г. Сичинава
nelli.sichinava@yandex.ru
ассистент-профессор Государственного университета Акакия Церетели, Кутаиси, Грузия

АКТИВНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗГОВОРНОЙ И ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XX ВЕКА

Ключевые слова: деривационные модели, разговорная и просторечная лексика.

Аннотация: В статье анализируются деривационные модели, которые лежат в основе новообразований в области разговорной и просторечной лексики русского языка последних двух десятилетий XX века.

N.G. Sitchinava, Assistant Professor of the Akaki Tsereteli State University, Kutaisi, Georgia

ACTIVE DERIVATIONAL PROCESSES IN THE COLLOQUIAL AND VULGAR VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE LATE TWENTIETH CENTURY

Key words: the derivational model, the colloquial and vulgar Vocabulary.

Abstract: The author analyzes the derivational model, underlying at the core of the formation of new words in the colloquial and vulgar Vocabulary of the Russian Language of the late twentieth century.

Изменения, которые произошли в лексике русского языка за последние два десятилетия XX века, находятся в центре внимания лингвистов и лексикографов. Впечатляющая картина динамики языкового развития этого периода представлена в ряде лексикографических работ, в частности, в «Толковом словаре русского языка конца XX века». Авторами было отобрано 5,5 тысяч слов и выражений, отражающих практически все сферы жизни российского общества в один из сложных и противоречивых моментов – 1985−1997 годы. Новая эпоха пополнила словарный запас номинациям в таких сферах, как политико-социальное устройство и идеология *(авторитаризм, десоветизация, тоталитарный)*, экономические отношения *(бартер, рыночник, безвалютный, бизнесцентр)*, охранительная и репрессивная деятельность *(кагэбешник, гулагизированный, отказник, коррупция, мафия, рэкет)*, православие и другие верования *(всенощная, таинство, освящение; кармический, йога, чакра)*, паранормальные явления *(полтергейст, телекинез, астральное поле)*, массовая культура *(андеграунд, рок-клуб, дискотека, диск-жокей)*, медицина *(СПИД, ману-*

альный, хоспис), быт *(гамбургер, слаксы, адидасы)*, техника, автоматизация *(факс, компьютер, Интернет)* и т.д.

Материалы «Толкового словаря русского языка конца XX века» свидетельствуют, что доля разговорных и просторечных слов, представленных в лексике рассматриваемого периода, составляет почти 1/10 часть от общего количества новообразований. Пометы хронологического типа позволяют определить языковую динамику данных слов. Как показал анализ, подавляющее большинство разговорно-обиходных и жаргонных слов (46,5 %) было зафиксировано впервые, 26,7 % зафиксировано в словарях последнего 10-летия XX века, актуализировалось значение у 14 % слов, в пассивный лексический запас языка перешло 12 % слов и, наконец, 2% старых слов возвратилось в активное употребление.

Анализ языковых изменений, проявившихся в лексическом составе русского языка конца XX века, показывает, что разговорно-обиходные и просторечные новообразования с точки зрения происхождения и типа деривации можно распределить по трем основным группам.

Первую группу составляют слова, которые образованы морфологическим способом. Многие из них возникли по стандартным, хорошо известным языку деривационным моделям и явились отражением новых социальных явлений, отношений и реалий в переломный период развития российского общества. В этой группе представлены:

1) аффиксальные образования: *балдеж, богачиха, вампирить*, *ведьмачить, ведьмаческий, невезуха, косуха* и др.;

2) безаффиксные образования: *безнал, беспредел, напряг, нелегал, развал, расклад* и др.;

3) слова, образованные сложением слов или основ: *самопал, саморазвал, спецотряд, секс-туризм* и др.;

4) Слова, образованные сокращением основ: *минфин, минюст, самиздат, тамиздат, спецназ, демороссы, масскульт, инофирма, политзек* и др.

Вторую группу составляют слова, которые образованы неморфологическим способом. Наибольшей продуктивностью отличается семантическая деривация, при которой происходит переосмысление слов, т.е. использование уже имеющихся в языке единиц в новой для них функции. Метафорический перенос, основанный на сходстве функций, породил такие новообразования, как *взвинтить, накрутить, наколоть, прокормить, прокрутить* и др.

Третья группа разговорных и просторечных слов представлена иноязычными заимствованиями. Иноязычные лексемы становятся активными составляющими бытового лексикона и различных вариантов жаргона: молодежного, компьютерного, эстрадно-музыкального и др. Например: *сингл, сейшен, секс-шоп, скейт, софт, хард, флоппи* и др.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой современных масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999.
4. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. № 5.
5. Нестерская Л.А. О некоторых новых тенденциях в развитии словарного состава современного русского языка (социокультурный и лингвистический аспекты) // Вестник МГУ. 1997. № 4.

6. Скляревская Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
7. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
8. Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1.

Е.В. Васильева
elvavi2301@yandex.ru
преподаватель Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА ОТАДЪЕКТИВНЫМИ ИМЕНАМИ ЛИЦ

Ключевые слова: семантика, деривационный потенциал, словообразовательная лакуна.

Аннотация: Статья посвящена исследованию лакунарности словообразовательных парадигм прилагательных, обозначающих психические характеристики человека. Осуществляется попытка определить, какие именно параметры признаковой семантики являются релевантными для носителя языка при образовании отадъективных имен лиц.

E.V. Vasilyeva, teacher of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE HUMAN IMAGE BY ADJECTIVAL-BASED NAMES

Keywords: semantics, derivational potential, derivation gap.

Abstract: The article is dedicated to the research of lacunarity of derivational paradigms of adjectives denoting mental characteristics of a human. On the basis of the analysis of realization / non-realization of derivational potential of adjectives an attempt is being made to determine which parameters of feature semantics are relevant to a native speaker in forming adjectival-based names.

Известно, что один и тот же фрагмент действительности репрезентируется в лексической системе языка по-разному. Например, образ человека как носителя психической характеристики может маркироваться в языке через атрибутивное словосочетание (*добрый человек*, *жадный человек*) и через отадъективный субстантив (*добряк*, *жадина*). Конкурирующими формами отражения оказываются производящее слово и его производное: *добрый* → *добряк*, *жадный* → *жадина*. Однако деривационные возможности лексических единиц реализуются в языке по-разному. Не каждое прилагательное способно образовать имя лица: *апатичный* → *, *тактичный* → *, *щедрый* → *.

Предмет настоящей работы – деривационные возможности прилагательных, обозначающих психические характеристики человека.

Цель – выяснить, какие компоненты семантики адъективов обусловливают их участие в производстве наименований лица.

Материалом исследования являются прилагательные, которые хотя бы в одном из своих значений используются для характеристики человека как психического существа. Общее количество единиц составляет 1097 лексем.

Адъективы, обозначающие психические характеристики человека, относятся к рациональным прилагательным [2:

22], то есть единицам, называющим признаки, о наличии которых можно сказать, только проанализировав некоторую совокупность особенностей наблюдаемого предмета, в нашем случае – действий индивида. Проявляет ли себя человек тем или иным образом постоянно / непостоянно, контролирует он свое поведение или нет – всё это принимается во внимание носителем языка в процессе номинации и учитывается при образовании отадъективных субстантивов.

Анализируя реализации деривационного потенциала прилагательных, словарные дефиниции производящих и корпусные данные, мы приходим к выводу, что семантическими компонентами, обеспечивающими возможность образования от адъективов наименований лица, являются признаки '– локализованность во времени' и '+ интенсиональный контроль'.

Для носителя языка оказывается важным, чтобы признак, по наличию которого он характеризует другого человека, был а) постоянным и б) находился полностью под контролем его носителя.

Е.А. Жданова
e-a-zhdanova@inbox.ru
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

НОВЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ ИЛИ СОСТОЯНИЯ

Ключевые слова: неологизмы, продуктивные словообразовательные типы, отглагольные существительные.

Аннотация: В системе русского языка происходит отбор наиболее продуктивных формантов и типов, по которым создаются новые отглагольные абстрактные существительные. Анализ показывает, что наиболее востребованными в языке новейшего периода являются суффиксы *–ни(е)* и *–аци(я)*, но могут использоваться и другие форманты.

E.A. Zhdanova, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

NEW VERBAL NOUNS, WHICH ARE NOMINATIONS OF AN ABSTRACT ACTION OR STATE

Key words: neologisms, productive derivational type, verbal nouns.

Absract: The most productive formants and derivational types, which are used for created new abstract nouns, are selected in the linguistic system continuously. The analysis shows, that such suffixes as *–ни(е)* or *-аци(я)* are the most popular in the modern Russian.

В русском языке от глаголов регулярно образуются абстрактные существительные, обозначающие действие или состояние в отвлечении от носителя. Словообразовательная система языка обладает широким набором формантов, позволяющих конструировать новые номинации подобного рода. Однако активность этих формантов в языке новейшего периода оказывается различной. Показать, насколько востребован в современном языке тот или иной словообразовательный формант и, следовательно, тип, может анализ суффиксальных отглагольных неологизмов-существительных, зафиксированных в словаре-справочнике «Новые

слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее – НСЗ-90).
Самым продуктивным суффиксом, по данным НСЗ-90, оказывается суффикс *–ни(е)*: *бомжевание; бронзовение; зомбирование* и др. Причем данный суффикс был продуктивен и в предшествующие эпохи.
То же значение, что слова с суффиксом *–ни(е),* имеют и производные с суффиксом *–ации(я)*: *банкротизация* и *виртуализация*. Указанный дериватор может сочетаться и с основами существительных; последняя модель является в наши дни более активной (ср. новообразования *бандитизация, валютизация* и др.).
При образовании неологизмов используются также суффиксы *–ёж; -к(а); -лов(о)*: *давёж; кидка; кидалово*. При этом новообразования оказываются стилистически маркированными.
В языке новейшего периода происходит и своеобразное обновление данной группы аффиксов: так, новообразования *доставаловка, дразниловка, душиловка* и др. образованы с помощью суффикса *–ловк(а)*, который ранее использовался в существительных с общим значением места (пример из РГ-80 - *забегаловка*). Однако инновации имеют уже значение отвлеченного действия или предмета, предназначенного для осуществления действия.
Анализ отглагольных новообразований показывает гибкость словообразовательной системы русского языка, ее готовность обслуживать новые общественные реалии и, одновременно, ее внутреннюю устойчивость и стабильность.

Залетаева А. А.
ania-elf@yandex.ru.
младший научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТОНИМНЫХ ДЕРИВАТОВ В МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: Политическая лингвистика, коннотация, деривация, современный русский язык.

Аннотация: Работа посвящена актуальным вопросам политической лингвистики. С помощью метода сплошной выборки были найдены отонимные окказионализмы в СМИ и интернет-блогах. В результате анализа классифицированы способы образования таких окказионализмов, виды эмоциональной оценки окказионализмов и их коннотация.

FUNCTIONING AUTONOMNIH DERIVATIVES IN MEDIA POLITICAL TEXTS

Keywords: Political linguistics, derivation, connotation, contemporary Russian-language.

Annotation: The work is devoted to topical issues of political linguistics. With the method a simple of sampling was found nonce words political anthroponyms in the media and internet blogs. The analysis classified the methods of forming such nonce words, the emotional evaluation and their connotation.

1. Современные средства массовой информации стимулируют процессы деривации в русском языке, используя некоторые, не самые частотные, словообразовательные моде-

ли для создания окказионализмов, образованных от антропонимов (фамилий политических деятелей).
2. На основе результатов анализа слов, найденных методом сплошной выборки отонимных образований, встречающихся в современных печатных СМИ и интернет-блогах (28 словообразовательных гнезд с вершиной – политическим антропонимом), было выяснено, что наибольшее количество окказионализмов образованы суффиксальным способом с помощью суффиксов *–изм, -ац, -щин(а)* для обозначения абстрактных явлений, как, например, в словах *«жириновщина»*, *«путинизм»* или суффиксов лица: *-ец/-овец, -ист, -ик,* как в словах *«путинист»*, *«бандеровец»*; широко представлены варианты сложения слов, обладающих дополнительной негативной коннотацией, например *«чуродейство», «супер-Саркози»*; достаточно популярны окказионализмы, образованные префиксами со значением «следования за мотивирующим его антропонимом»: например, «запутинг». Полученный материал так же дает возможность проследить, как формируются словообразовательные цепочки, например: *путин->путинец->запутинец*.
3. Анализ окказионализмов показал, что большинство их относится к оценочно-потенциальной и оценочно-диффузной лексике *(«зюганизация», «путинец»)*. Вторую группу составили пейоративы – слова, вызывающие отрицательные эмоции и ассоциации в силу своей внутренней формы *(«зюганоид», «жирик»)*.
4. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что образование подобных окказионализмов и формирование словообразовательных гнезд с вершиной – политическим онимом – это активный словообразовательный процесс современного русского языка, в котором онимы становятся основой для выражения некоторых абстрактных понятий, напрямую уже не связанных с человеком,

деятельность или взгляды которого стимулировали создание окказионализма.

Литература:
1. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь: изд. Перм. ун-та, 1984.
2. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания № 4. М., 1957.

Д. Саболова
drasab77.ds@gmail.com
аспирант Института русистики философского факультета Прешовского университета, Прешов, Словакия

Т.В. Уханова
tiana.ff@mail.ru
Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, Казань, Россия

В БИЗНЕС-ЗООПАРКЕ: ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЗООМОРФИЗМАХ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И СЛЕНГЕ

Ключевые слова: зооморфизм, метафора, мотивация, семантическая деривация, метафора, мотивация, профессиональный язык и сленг.

Аннотация: Зооморфизмы, функционирующие в языке экономики и сленге, рассматриваются как семантические дериваты, в основе которых лежит метафорический перенос по сходству выполняемой функции, характеру поведения или действия, реже внешнему сходству. Предлагается клас-

сификация экономических зооморфизмов по разным основаниям.

D. Sabolova, PhD student, Institute of Russian Studies, University of Presov, Slovakia, Presov

T.V. Ukhanova, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Russia, Kazan

IN THE BUSINESS ZOO: DERIVATOLOGICAL NOTES ON ZOOMORPHISMS IN ECONOMIC LANGUAGE AND SLANG

Key words: zoomorphisms, semantic derivation, metaphor, derivational motivation, professional language and slang

Abstract: Zoomorphisms, which function in the language of economy and slang, are considered as semantic derivatives based on the metaphoric transference based on similarity of functions, types of behaviour or action, seldom on external similarity. The classification of economic zoomorphisms on the different bases is proposed.

Актуальность изучения экономической лексики русского языка определяется, с одной стороны, активным её обновлением в последние десятилетия в связи с интегрированием отечественной экономики в мировую, бурным развитием экономических идей и нестабильностью ситуации в глобальной экономике, с другой, всё большей доступностью экономических знаний для широких слоёв населения и возрастающей заинтересованностью людей в получении профессиональных знаний и компетенций в этой области с целью управления своим благосостоянием.

Современные лексикографические материалы, за редким исключением, отражают лишь состояние нормативного языка экономистов, банкиров, бизнесменов. Огромный пласт сленговых единиц, используемых профессионалами, остаётся не обработанным филологами и не учтённым. В интернет-пространстве можно обнаружить краткие глоссарии сленга, созданные анонимами (экономистами?) для внутреннего пользования и просвещения масс.

В нормативной экономической лексике русского языка преобладают заимствования из английского, адаптированные различными способами: транслитерация, калькирование, аббревиация и т.п., морфемные и семантические производные, мотивированные русскими словами менее частотны. В целом семантическая деривация более продуктивна в сленге.

Среди семантических дериватов зооморфизмы в языке экономики составляют особую группу. В словарях экономических терминов и интернет-источниках, посвященных банковскому, трейдерскому и бизнес-сленгу, мы обнаружили более 30 таких единиц (*бык, верблюд, змея, волки и овцы, кошки и собаки, кот, корова, медведь, лемминг, хомяк, пёс, порося, баран, муфлон, барсик, олень, вол, тюлень, лось, кабан, заяц, ежик, жаба, лягушка, зебра, тигр, слон, мартышка*).

Зооморфизмы можно классифицировать по разным основаниям: 1) характеру мотивирующей базы; 2) категориальной отнесённости объекта номинации (лицо, предмет, организация, место и т.п.); 3) базовой семе (внешний вид, функция, качество и др.); 3) типу семантического переноса (метафора, метонимия и др.); 4) словообразовательной продуктивности; 5) синтаксической валентности.

В языке экономистов мотивирующей основой для зооморфизмов служат наименования домашних животных, диких, реже экзотических. Объектом номинации, вопреки обще-

языковой тенденции, отражающей высокую продуктивность метафорического переноса «название животного» – «наименование лица», могут служить и материальные ценности (*кошки и собаки* ‘спекулятивные акции’), объединения и организации (*жирный кот* ‘фирма, получающая сверхвысокие прибыли’), экономические критерии и системы (*верблюд, змея*). *Волками* и *овцами* называют удачливых и неудачливых биржевых игроков, а *быками* и *медведями* – биржевых спекулянтов, играющих на повышение и понижение стоимости акций.

В сленге мотивирующей базой для семантической деривации чаще выступают названия не домашних животных. В качестве объекта номинации в равной мере выступают лица (биржевые спекулянты: *лемминги, муфлоны, тигры, зайцы*; крупные и мелкие клиенты – *кабаны, хомяки, олени, тюлени*; руководители и менеджеры: *пёс, олень*) и нелица: банки и организации (*хомяк, барсик, котяра, ёжик, мартышка*), предметы (*жаба, лягушка* ‘пластиковая карта Мегафона’), результаты и показатели экономической деятельности (*лось* ‘убыток’, *вол* ‘волатильность’).

Основным типом семантического переноса при деривации является метафора на базе семы, характеризующей функцию, манеру поведения или качество.

Словообразовательная продуктивность зоонимов в экономическом и бизнес-сленге достаточно высока, об этом свидетельствует многозначность отдельных номинаций (*олень, жаба, хомяк*) и развитая синонимия (*ёжик, мартышка* – фирма-однодневка, *овца, баран, муфлон* – неудачливые или неопытные участники рынка).

И.В. Фуфаева
Iriel@inbox.ru
Соискатель Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

ЭКСПАНСИЯ БЫВШИХ ДИМИНУТИВОВ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

Ключевые слова: диминутивы, экспрессивность, семантика, лексика, словообразовательные модели.

Аннотация: Предмет доклада – лексемы русского языка, по происхождению являющиеся диминутивами, как *зяблик, девушка, птица, ласточка.* Представлены результаты их исследования, в частности, полный список этих слов в современном русском языке и их семантика.

I.V. Fufaeva, Postgraduate student of the Institute of Linguistics of the Russian State Humanitarian University

SPREADING THE FORMER DIMINUTIVES IN RUSSIAN LEXICON

Key words: diminutives, expression, semantics, lexicon, derivation.

Abstract: The article deals with the Russian words – former diminutives, as *devushka* “girl”, *lastochka* “swallow”, *zyablik* **“**finch”, *ptitca* “bird”. A complete list of former expressive diminutives of modern Russian language was compiled and it’s semantics was analyzed.

В русской лексике имеются единицы, по происхождению являющиеся диминутивами, как *зяблик, спичка, ласточка,*

новичок и пр. В настоящее время это нейтральные лексемы, доминанты соответствующих синонимических рядов. С точки зрения формы эти существительные включают десемантизированный сегмент, соответствующий одному из суффиксов диминутивов (*-к, -иц, -ушк, -ец* и пр.).

Данные слова могут восходить как к бывшим неэкспрессивным, чисто уменьшительным образованиям (напр., *клетка, полотенце, спичка* и пр.), некогда обозначавшим иные, меньшие предметы, ср. современные уменьшительные *лопаточка для торта*, *вилочка для лимона*, так и к экспрессивным (ласкательным) диминутивам (напр., *зяблик, ласточка, новичок* и пр.), некогда выражавшим субъективное отношение к тем же самым предметам, ср. современные ласкательные *котик, солнышко*. О разнице между экспрессивными и уменьшительными диминутивами писал еще А.А.Потебня: «Отличая объективную уменьшительность… от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи...» [1: 92]. Бывшие неэкспрессивные (уменьшительные) диминутивы не конкурируют со своими обычными коррелятами (для вышеприведенных примеров - *клеть, полотно, спица*), обозначая другие объекты. Бывшие экспрессивные диминутивы обозначают те же объекты, что и их обычные корреляты, и в случае частого употребления могут их вытеснять (для вышеприведенных примеров – *зябел, ластка, новик*), теряя при этом экспрессивность. Иногда, в зависимости от потребностей говорящих, первые компоненты пар типа *зябел – зяблик* не вытесняются из языка полностью, а используются как различные маркированные обозначения соответствующих объектов (напр., *дева, пуп, лягуха, кроха* и даже пресловутый канцеляризм *сосуля*).

В результате исследования бывших экспрессивных (ласкательных, не уменьшительных) диминутивов составлен их полный список и проанализирована их семантика. Как выяснилось, данная лексика в первую очередь обозначает природные объекты (напр., *бабочка, лягушка*), особенно часто - птиц (напр., *ласточка, зяблик*), что можно объяснить тем, что эта часть живой природы наиболее регулярно вызывала положительные эмоции; даже родовое *птица* – по происхождению диминутив. Ряд лексем обозначает человека: родственников (напр., *золовка, внучка*); детей и молодых (напр., *девушка, мальчик*); а также «социально низших/слабых» (в связи со старшим возрастом, статусом и пр., напр., *мужик, новичок*), части тела (*сердце, пятка* и пр.). Выявлена тенденция активного использования экспрессивных диминутивов в одних и тех же семантических областях на протяжении длительного времени.

Кроме того, с диминутивами связано появление двух словообразовательных моделей русского языка.

Первая модель появилась в результате регулярного употребления диминутивов на *-ък < -к/-ок,* образованных от слов на *–я/ен >*en>*ent* со стандартным значением «детеныш, ребенок» (как *теля – теленок*), а затем и слияния суффиксов *–я/ен >*en>*ent* с суффиксом *-ък < -к/-ок-*. При этом в русском языке появился суффикс *-ёнок* и значением «детеныш» (как *теленок, кенгуренок*). Словообразовательная модель на *-ёнок* полностью вытеснила предыдущую (*теля, ягня* и пр.).

Вторая модель появилась в результате регулярного употребления диминутивов на *-ък < -к/-ок,* образованных от слов на *-ина* со стандартным значением «отдельная частица вещества» (как *горошина – горошинка, бисерина – бисеринка*), а затем и слияния суффиксов *–ин* «малая отдельная частица вещества» с суффиксом *-ък < -к/-ок-*. При этом в русском языке появился суффикс *-инк* со значением «малая отдельная частица вещества» (как *росинка*).

Международный научный симпозиум «Русская грамматика 4.0»

Обе модели представляют собой результат успешной конкуренции бывших экспрессивных диминутивов на словообразовательном уровне.
Экспансия бывших экспрессивных диминутивов остается актуальной тенденцией, наблюдаясь в настоящий момент времени в виде конкуренции компонентов пар: *ель – елка, еж – ежик, дед – дедушка, дворняга - дворняжка* и пр., употребляемых в одинаковых контекстах и с сопоставимой частотой.
Таким образом, бывшие диминутивы как источник информации об истории языка, факторах языковых изменений, логических связях между элементами языковой картины мира и эмоциональном отношении говорящих к различным элементам языковой картины мира заслуживают дальнейшего внимания и изучения.

Литература

1. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. М., 1968. Т. 3.

СЕКЦИЯ 13
ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ТЕКСТА В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

В.И. Заика
w.i.zaika@gmail.com
д-р филол. наук, Новгородский государственный университет им.Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Г.Н. Гиржева
girzhevagalina@yandex.ru
кандидат филол. наук, доцент, Новгородский государственный университет им.Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ПРОБЛЕМА ТЕМПА ПОВЕСТВОВАНИЯ

Ключевые слова: текст, темп, описание, повествование, связность.

Аннотация: Темп повествования как отношение длительности истории к длине текста показывает меру присутствия повествующего субъекта в различных фрагментах текста, уточняет понятия связности текста и художественного времени.

V.I.Zaika, Dr. of Philological Sciences, Novgorod State University, Russia,

G.N.Girzheva, Candidate of Philological Sciences, Assistant Prof., Novgorod State University, Russia,

THE PROBLEM OF THE PACE OF THE NARRATIVE

Key words: text, pace, description, narrative, cohesion.

Abstract: The pace of the narrative as the ratio of the duration of to the length of the text shows a measure of the presence of the narrator in different parts of the text, clarifies the notions of text cohesion and artistic time.

В поисках релевантных параметров описания художественного текста для ответа на вопрос, чем обеспечивается *эстетичность* художественного текста, мы рассматриваем понятие ***темпа повествования*** как отношение длительности изображаемой истории к длине воплощающего текста.
Темп имеет отношение не только к проблеме времени, но и к проблеме линейного воплощения художественного мира в тексте.

Одной из особенностей художественной речи, в частности прозы, является ее неоднородность и прерывистость. Различные типологии композиционно-речевых форм – это результат осмысления специфики и композиционных последствий этой неоднородности.

Вопрос о темпе можно решать в понятиях контекстно-вариативного членения текста или композиционно-смысловых типов речи, что так или иначе восходит к трем разновидностям изложения: **повествованию**, **описанию**, **рассуждению**. Художественному дискурсу XX века стали тесноваты классические риторические правила, и трихотомия утрачивает свою релевантность для объяснения художественности речи. Новые типологии, идущие от синтаксиса, могут быть использованы для описания широкого спектра художественной речи, но они так или иначе учитывают (что отражено в самих определениях) архаическую триаду. С.Г. Ильенко выделены композиционно-смысловые типы речи – текстовые сегменты, типизированные в темпорально-функциональном и композиционно-языковом отношении: **демонстрационный**, **информационный**, **сентенционный** [4]. В этой типологии принципиально различающиеся «показ» событий, «рассказ» о событиях – это фактически «восстановление» античной оппозиции **мимесиса** (подражания) и **диегесиса** (повествования). (Поэтому нам представляется, что **сентенционный** тип – «обобщение событий» – близок к информационному, «рассказу»).

В типологии коммуникативных регистров Г.А. Золотовой регистр **изобразительный** соответствует описанию, **информативный** – повествованию, регистр **генеративный** соответствует сентенционному («обобщение событий») в типологии С.Г. Ильенко; **волюнтативный** и **реактивный** регистры в художественных текстах представлены обычно в пределах повествования с элементами диалога [3].

В 1922 г. А.А. Реформатский, моделируя сюжетную композицию новеллы, разводил 1)описание (статику) – Descriptio и 2) повествование (динамику) – Narratio [5: 557]. Попутно заметим, что и narratio и descriptio находятся в пределах «демонстрационного» типа в классификации С. Г. Ильенко, для которого «характерна высокая степень процессуального и предметного ряда» [4: 11].

Хотя сегодня термин **нарратив** в значении ‘повествование вообще’ становится все более употребительным в работах о художественной прозе, мы предпочитаем употреблять как родовое понятие **повествование**, из-за непосредственной его связи с **категорией повествователя**, а narratio и descriptio как видовые.

В собственно терминологическом значении термин **темп** употребляется в работах Ж. Женетта. Темпом он называет отношение между некоторой мерой времени и некоторой мерой пространства: «Темп повествования определяется отношением между временной длительностью, а именно длительностью истории, измеряемой в секундах, минутах, часах, днях, месяцах и годах, и пространственной длиной – длиной текста, измеряемой в строках и страницах» [1: 118].

В докладе на материале прозы XX века понятие **темпа повествования** мы применяем для описания соотношения двух типов событий: событий истории и событий рассказывания (смена темпа – это «переключение» переживаемого времени с времени жизненных процессов на время речи и наоборот), для выявления меры присутствия повествующего субъекта в повествовательно различных фрагментах текста (темп – это показатель активности проявления повествующего субъекта), для уточнения понятия связности текста (переход от narratio к descriptio и наоборот является нарушением связности).

То, что называется художественным временем, помимо различной плотности и анахроничности имеет еще один

признак. Художественное время – это сосуществование времени описываемого события и времени события повествования, а понятие темпа повествования характеризует особенности совмещения этих времен.

Литература
1. Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 2.
2. Заика В. И. Поэтика рассказа. Новгород, 1993.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
4. Ильенко С. Г. Предложение в текстовом аспекте // Предложения в текстовом аспекте. Вологда, 1985.
5. Реформатский А. А. Опыт анализа новеллистической композиции // Семиотика. М., 1983.

Т.И. Попова
t.popova@spbu.ru
д-р филол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: повествование как элементарная единица текста, повествование как целый текст, первичные и вторичные повествовательные тексты, параметры речевого усложнения первичного повествовательного текста.

Аннотация: В докладе рассматривается речевая организация повествования как единицы текста и как основы целого нарративного текста. Выделяются общие категориальные черты повествовательного текста: интенция сообщения и типовое содержание, представленное динамическими

фреймами – развивающиеся действие, состояние, процесс, событие. В докладе представлены основные речевые параметры первичного повествовательного текста и их усложнение во вторичных текстах.

T.I. Popova, Dr. of Philological Sciences, prof., Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

DISCOURSE ORGANIZATION OF NARRATIVE TEXTS

Keywords: narrative as an elementary text unit, narrative text, primary and secondary narrative texts, parameters of discourse complication of primary narrative texts.

Abstract: The paper is devoted to the discourse organization of narrative texts including elementary text units and whole works of literature. The author distinguishes the common categorical traits of narrative texts: their intention and typical contents – actions as a developing process, conditions, processes, and events. The paper contains description of main discourse parameters of primary narrative texts and versions of their complication in secondary narrative texts.

Сложность в выявлении и описании стабильной языковой базы **повествования** определяется тем, что повествование выступает как самостоятельный ФСТР, т.е. компонент текста с достаточно чётко очерченными границами, так и как организатор целого нарративного текста. Главной составляющей и показателем повествования в обоих его проявлениях выступает глагол в своих видо-временных значениях, что соответствует самому характеру этого типа текста, в котором говорится о *развивающихся* действиях, состояниях, процессах, событиях.

Основной структурирующей категорией для повествования как типа текста является *категория времени*: суть повествования как ФСТР заключается в изображении последовательного ряда действий или перехода предмета из одного состояния в другое. Структурным, формальным содержанием этой формы является последовательность событий, динамическая смена фаз и признаков во времени.

С содержательной точки зрения, повествование – это рассказ о событии, т.е. изменении «исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире (естественные, акционалъные и интеракционалъные события), или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [1: 13]. Включение в анализ ФСТР повествования нарративных категорий, таких как режим повествования и тип повествователя, дает возможность описать вариативность языковых средств, участвующих в повествовании.

Пространственное расположение рассказчика по отношению к описываемым событиям (его включенностью/невключенностью в ситуацию) оказывается важным критерием для характера описываемой информации. Изображение ситуации, информирование о ситуации, анализ ситуации позволяет выделить изобразительное повествование, событийное повествование и сообщение информации. Основой для разграничения типов повествования служит характер отражения действительности как предметного мира, мира событий или мира фактов.

При расширенном толковании понятия повествование к нему можно отнести и практическое рассуждение, а также отвлеченное рассуждение об изменении положения дел, ситуации в целом. Если цель практического рассуждения – обсуждение поступка, принятие решения как итог размышлений о жизни в том или ином ее проявлении, то цель отвлеченного рассуждения о положении дел – дать прогноз раз-

вития ситуации в какой-либо области на основе анализа ситуации.

В организации целого текста повествование оказывается связанным с его членением на ССЦ как проявлением развития мысли повествователя. Повествовательные ССЦ не являются однородным явлением, они достаточно вариативны [см. 2]. В целом, структура ССЦ-повествования обнаруживает связь с композицией повествовательного текста, в зависимости от места ССЦ-повествования в структуре целого повествовательного текста можно выделить: ССЦ-констатация положения дел к моменту рассказа, динамические ССЦ, ССЦ-результирующие изменившееся положение дел и его оценку.

Повествование как РЖ имеет свои первичные и вторичные формы. Первичным повествовательным РЖ можно считать «рассказ о жизни» в разговорной речи: для него характерно повествование от первого лица, наличие собеседника (контактного или дистантного), однособытийность, двумодальность (рассказ о прошлом с позиции настоящего), эмоциональность и осмысление случившегося, изображение ситуации и ее интерпретация. Содержанием рассказа о жизни является необычное событие (*случай, происшествие, приключение, поступок, проступок, преступление, деяние, подвиг*) или необычная ситуация (*положение дел*), о котором рассказывается собеседнику с определенной целью: пожаловаться/получить поддержку, совет и т.д., т.е. все, что составляет суть фатических жанров общения.

Функционирование повествования во вторичных речевых жанрах (художественном, публицистическом, официально-деловом текстах) обнаруживает ряд общих закономерностей: повествование имеет тенденцию к многосубъектности, это касается как позиций повествователя (принадлежащих настоящему и прошлому), так и включения точки зрения героя в разных формах; наблюдается усиление аналитизма,

что выражается в использовании всех типов регистров речи в повествовании – от изобразительного до генеративного; усиливается диалогичность повествования за счет актуализации позиции читателя; повествование усложняется за счет политематичности, при этом дополнительные события включаются в качестве основы для формирования оценочного отношения; во вторичных РЖ событие приобретает характер типичного действия.

Таким образом, повествование как основа любого текста, рассказывающего о событии, обнаруживает способность к расширению за счет экспликации мыслительных операций, свойственных всякому мыслящему человеку.

Литература

1. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
2. Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе.

В.В. Богуславская
д-р филол. наук, доцент, ФГБ ОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет», Москва, Россия

ТЕКСТ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ключевые слова: текст, языковая картина мира, концептуальная картина мира, культура, коллективный интеллект.

Аннотация: В докладе рассматривается текст как основа формирования концептуальной и языковой картин мира. Информационное общество основывается на коллективном интеллекте. Текст становится проявлением коллективного интеллекта. Тексты являются средством передачи и хранения культуры, традиции. Совокупность текстов репрезентирует культуру определенного периода, а тексты представляют собой модели мира. Текст является своеобразной проекцией системной триады на мир-текст. Системная триада текста проявляет свойство неопределенности – дополнительности – совместности.

V.V. Boguslavskaya, PhD, Associate Professor, Moscow State Humanitarian-Economic University, Moscow, Russia

TEXT AS BACKGROUND FOR THE CREATION OF CONCEPTUAL AND LINGUISTIC WORLDVIEW

Key words: text, linguistic worldview, conceptual worldview, culture, collective intelligence.

Abstract: Text is considered a background for the formation of the conceptual and linguistic worldview. The information society is based on the collective intelligence. Text becomes a manifestation of collective intelligence. Texts are transmitting and storage medium for culture and traditions. A collection of texts represents culture of a certain period, and texts are models of the world. Text is a kind of a systematic triad projection on the world-text. The system text triad exhibits the property of fuzziness – complementarity – compatibility.

Информационное общество основывается на коллективном интеллекте, который объединяет людей информационно-коммуникационными связями в пространственно-времен-

ном континууме. Энергоинформационным проявлением коллективного интеллекта становится текст. Признаки коммуникативной деятельности оказываются присущи все большему числу видов профессиональной деятельности. Коллективный интеллект выступает формирующим началом духовного, социокультурного окружения человека.

Тексты являются средством передачи и хранения культуры, традиции. Текст есть первичная данность всего гуманитарно-философского мышления и является той непосредственной действительностью, из которой только и можно исходить. Текст может рассматриваться как некая модель сложного законченного целого и как конкретная реализация данной модели в зависимости от задачи исследования.

Тексты представляют собой модели мира, а совокупность текстов репрезентирует культуру определенного периода: текст – не только «генератор» новых смыслов, но и «конденсатор культурной памяти».

Текст – это одна из реализаций потенций человека, универсальное, максимально эффективное самоорганизующееся средство коммуникации. Соединяя аналитический (рацио), качественный (эмоцио) и субстанциальный (интуицио) аспекты в целостное единство бытия, системная триада текста проявляет свойство неопределенности – дополнительности – совместности, в котором каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру неопределенности. Текст – своеобразная проекция системной триады на мир-текст.

Культура – это то, что общество думает, а язык – как думает. Языковое пространство прежде всего определяется нормами и правилами естественных языков. Несмотря на большое количество существующих естественных языков, они имеют одно общее – это особого рода трехуровневый преобразователь, на первом, высшем, уровне выполняющий переработку концептуальных представлений в стратегию будущего текста, на втором – переработку заданных стратегий в определенные тактические действия – смысл, и на третьем, низшем, уровне – переработку определенных тактических действий в оперативные мероприятия, т.е. смысла в соответствующий ему текст и наоборот.

Все множество задач «формирования» текста в этом случае может быть разделено на три группы в зависимости от степени неопределенности ситуации и задачи.

1. Задачи синтеза текста – определение концептуального представления текста; стратегии его формирования.
2. Задачи частичного синтеза – определение смыслового содержания будущего текста; тактических вариантов его формирования.
3. Задачи анализа – фактическое «формирование», написание текста; реализация оперативных мероприятий. Это наиболее конкретные задачи.

Таким образом, видно, что в тексте можно выделить три особенности: концепт – смысл – текст, реально выраженные через две стороны – содержание и форму.

Текст – это дискурс, сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для его понимания.

Задача определения текста из области «что из чего состоит» смещается в область «что порождает нечто». Текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации. Он обладает множественностью, которая заключает в себе несколько разных смыслов.

Анализ текста представляет собой переход от вещественного пространства его линейной формы к абстрактному и нелинейному пространству его структуры, что дает возможность по-разному трактовать общее понятие «пространство текста».

Профессиональная деятельность рассматриваться как многовариантный процесс принятия решений с целью формирования нового смыслового поля аудитории и, тем самым, опосредованного воздействия на культуру и жизнь общества в целом. Текст представляется через формализованную совокупность лингвосоциокультурных параметров.

Н.-Л.М. Акуленко
akulenkonm@mail.ru
канд. филол. наук, доцент Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

ТЕКСТОЛОГИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: текстология, эксплицитные и имплицитные элементы текста, ассоциативное значение, метод свободного ассоциативного эксперимента, ассоциаты.

Аннотация: В Грамматике 4.0 должны быть отражены достижения текстологии и обозначены перспективы ее развития.

N.-L.M. Akulenko, PhD, Kaluga state University, Kaluga, Russia

TEXTUAL CRITICISM: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

Key words: textual criticism, explicit and implicit elements of the text, associative value, the method of free associative experiment, the associates

Abstract: In the Grammar 4.0 should reflect the achievement of textual criticism and the perspectives of its development.

Антропоцентризм современной лингвистической науки активизировал исследования текста, что делает необходимым представить текстологию в Грамматике 4.0.
В теории текста четко прослеживаются два направления: структурно-семантическое (внутриязыковое) и коммуникативное. В русле первого (более узкого) направления осмысливаются и описываются комбинаторика формально выраженных компонентов текста и языковые средства их соединения и взаимосвязи.
Коммуникативная теория текста ставит своей задачей изучение функционирования текста в процессе общения, что заставляет исследовать не только языковую (структурную и семантическую) сторону текста, но и процессы его порождения и восприятия. Комплексное конструирование механизмов движения от смысла к тексту и от текста к смыслу, а также тщательный системный анализ используемых вербальных и невербальных единиц позволяют адекватно раскрыть сущностную природу языкового процесса.
Текст, являющийся основной единицей коммуникации, следует рассматривать как единую систему, включающую определенным образом организованные элементы. Следовательно, можно говорить о системных и структурных свойствах текста. Как отечественные, так и зарубежные лингвисты пытались описать модельное строение текстов и сформулировать подробные правила их связности. Но многочисленные исследования показали, что жестких правил организации текста не существует: свобода в текстовом продуцировании достаточно очевидна. Однако, столь же очевидно, что структура разных текстов специфична, а интегрирующие свойства различных языковых средств неоднородны. Именно поэтому представляется исключительно

важной задачей выявление разноуровневых средств организации текста и установление их типологии.

Наиболее изученными в настоящее время являются связующие вербальные элементы текста: лексические репрезентанты связности (проформы, юнктивы, частицы речи и др.), лексические и словообразовательные повторы отдельных слов, повторы целых предложении, а также невербальные средства: соположение частей, порядок слов, всевозможные знаки препинания; разнообразные графические средства акцентуализации (разрядка, курсив, шрифт, размер, цвет и др.).

Но в последние годы рассматривается уже не столько связный характер текста, сколько его цельность и динамизм. А это значит, что наряду с линейными, синтагматическими элементами, которые не выходят за рамки чисто грамматического структурирования, устанавливаются текстовые структуры глобального характера (например, макроструктуры и суперструктуры в работах Т.А. Ван Дейка). Подход к тексту с этой точки зрения заставляет выделять не только эксплицитные текстовые элементы, но и имплицитные, формально не выраженные.

Имплицитные элементы позволяют значительно сократить текстовый объем, однако требуют от реципиента определенным образом возрастающих умственных усилий по пониманию такого текста. Кроме того, предметно-образный мир и личностный тезаурус у коммуникантов должны быть примерно одинаковыми, ибо в противном случае возможны случаи неадекватного восприятия текста, слишком широкая по диапазону множественность его толкования. Именно такой факт, анализируя рассказы М. Робинсона, отметил В. Ласвел, который продемонстрировал, как индивидуальные коммуникативные фоновые знания предопределяют понимание и интерпретацию текста и формируют значение, которое можно назвать ассоциативным. Специ-

фика данного значения до сих пор остается недостаточно изученной, так как его факторный анализ проводился не на уровне текста, а на словном уровне.

Для изучения ассоциативного значения можно использовать метод свободного ассоциативного эксперимента, с помощью которого наглядно устанавливается, что набор ассоциатов у разных реципиентов значительно различается не только количественно, но и качественно, причем часто эти ассоциаты не совпадают с авторскими интенциями. Как тут ни вспомнить грустную иронию Гегеля: «Только один из моих учеников понял меня, да и тот понял неправильно» или великие тютчевские строки: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется…».

Однозначность или неоднозначность восприятия текста, возможность с высокой степенью вероятности «предугадывать» смыслы, напрямую связана со способностью воспринимать не только поверхностные, но подтекстовые, глубинные смыслы. А.Р. Лурия пишет: «Эта способность оценивать внутренний подтекст представляет собой совершенно особую сторону психической деятельности, которая может совершенно не коррелировать со способностью к логическому мышлению. Эти обе системы – система логических операций при познавательной деятельности и система оценки эмоционального значения или глубокого смысла текста являются совсем различными психологическими системами» [1: 258]. Как известно, имплицитность смыслов имеет особую ценность и значимость в текстах поэтических, и именно такие тексты способны порождать значительное число ассоциатов. Причем степень образности (художественности) текста прямо пропорциональна числу нестереотипных ассоциативных полей автора текста, а степень и глубина понимания и интерпретирования текста зависит от ассоциатов реципиента.

Различающиеся в разной степени и по разным причинам предметно-логические модели ситуаций, сформированные в сознании, естественно, делают вариантной текстовую продукцию. В пределах реальной или заданной в условиях эксперимента конкретной ситуации можно установить набор ассоциатов и осуществить их типологическое описание, а затем представить амплитуду вариантности высказываний, являющихся элементарными единицами речевого общения, целостным и конечным продуктом которого является текст.

Литература
1. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
2. Ellis D.G. From Language to Communication. Hillsdale, 2002.

М.И. Тарасов
tarasovmihail123@yandex.ru
канд. филол. наук, доцент Смоленского государственного университета (СмолГУ) Смоленск, Россия

О КОГНИТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ НАРРАТИВА

Ключевые слова: нарратив, когнитивные единицы текста, статика, динамика.

Аннотация: В докладе предлагаются основы когнитивной грамматики нарратива. Выделяются когнитивные единицы, из которых строится нарратив (атомы и планы). Определяются основные способы их комбинации (последовательный, параллельный, инкорпорирующий).

M.I. Tarasov, candidate of philological Sciences, associate Professor, Smolensk state University Smolensk, Russia

ABOUT THE COGNITIVE GRAMMAR OF NARRATIVE

Keywords: narrative, cognitive units of the text, statics, dynamics.

Abstract: The report proposes the foundations of cognitive grammar of narrative. Distinguished the cognitive unit, which is used to build a narrative (atoms and plans). Identifies the main methods of their combination (series, parallel, which incorporated).

Основываясь на работах Р. Абельсона, Р. Шенка, В. Ленерт и других исследователей, мы предлагаем очерк когнитивной грамматики нарратива. Первым этапом построения такой грамматики является выделение базовых элементарных когнитивных единиц текста. Таковы, условно говоря, повествовательные **атомы**, соответствующие динамике, акциональности (А) и статике, состоянию (С). И статика, и динамика выражены соответствующими предикатами нарратива. Из определенным образом организованных объединений атомов складываются текстовые (нарративные) **планы**. Выделяются следующие типы планов.

1. Односубъектные динамические планы (А – А – А).
2. Статические (односубъектные или многосубъектные) планы (С – С – С). Например: *На этот раз день был чудесный* (С)*: солнце только то и делало, что сияло (С); трава была такой зеленой* (С)*, что во рту даже появилось ощущение сладости; летали* (С)*одуванчики, свистели* (С) *птицы; легкий ветерок развевался* (С)*, как воздушное бальное платье* (Ю. Олеша, Три толстяка).

3. Комплексные односубъектные планы, в которых получает свое развитие целая история, состоящая из чередования статики и динамики (С – А – С). В следующем примере находим односубъектный динамический план, продолжающийся комплексным односубъектным планом: *Он подумал* (А) *об этом, но не двинулся* (А) *с места. На лице и руках он уже чувствовал* (С) *дыхание пожара. Он снова взглянул* (А) *на огонь, но это было страшно* (С)*, и он тотчас посмотрел* (А) *выше, на небо…* (К. Паустовский, Повесть о лесах).

4. Многосубъектные планы (динамические и комплексные). В планах этого типа осуществляется взаимодействие двух контрагентов (С – $А^1$ – $А^2$ – С). Приведем примеры: *У сломанной коновязи, низко свесив голову, расставив оплывшие ноги, стояла* (С) *лошадь. Ветер откидывал* ($А^1$) *у ней хвост на сторону, шевелил* ($А^1$) *гривой, сеном на телеге, дергал* ($А^1$) *за поводья. Но лошадь не поднимала* ($А^2$) *головы и не открывала* ($А^2$) *глаз…* (Ю. Казаков, На полустанке); *В госпитале один раненый, которому отрезали ногу, потерял рассудок* ($А^1$). *Когда Маша принесла* ($А^2$) *ему костыль, он швырнул* ($А^1$) *деревяшку со всей силой в нее. У Маши теперь <есть* (С)*> большой синяк на ноге* (М. Шишкин, Венерин волос).

Следующим этапом построения когнитивной грамматики нарратива должно стать описание способов соединения повествовательных планов в составе более крупных, чем они, единиц текста. На наш взгляд, достаточно четко выделяются следующие типы соединения повествовательных планов.

1. Последовательное соединение планов. Например: *На этот раз день был чудесный: солнце только то и делало, что сияло; трава была такой зеленой, что во рту даже появилось ощущение сладости; летали одуванчики, свистели птицы; легкий ветерок развевался, как воздушное*

бальное платье. <…> Доктор распорядился по хозяйству, подул на очки, захватил свой ящичек, вроде чемодана, из зеленой кожи и пошел (Ю. Олеша, Три толстяка).

В приведенном текстовом фрагменте представлен статический план (1 абзац), за ним следует односубъектный динамический план (2 абзац). Важно отметить, что модели последовательного соединения планов изоморфны самим планам.

2. Параллельное соединение планов. Эта модель заключается в параллельном (в линейном ряду попеременном) развертывании разных планов, каузальная связь между которыми представляется более или менее ослабленной. Например: *На фаянсовом столе лежат разноцветные монпансье. Ольга выбрала зелененькую, кислую.*

– Ах да, Владимир…

Она положила монпансьешку в рот.

– … чуть не позабыла рассказать…

Ветер захлопнул форточку.

– …я сегодня вам изменила.

Снег за окном продолжал падать и огонь в печке щелкать свои орехи (А. Мариенгоф. Циники).

3. Модель инкорпорированного соединения планов. Суть этой модели в реализации иерархических отношений между планами: один план, признаваемый доминирующим, включает другие планы, признаваемые зависимыми. Например (инкорпорируемый план выделен подчеркиванием): *В одном совхозе было. Пришел к директору знакомый китаец и принес подарок. Директор, Трофим Михайлович, услыхав о подарке, замахал рукой. Огорченный китаец поклонился и хотел уходить. А Трофиму Михайловичу стало жалко китайца, и он остановил его вопросом:*

– Какой же ты хотел поднести мне подарок?

– Я хотел бы, – ответил китаец, – поднести тебе в подарок свой маленький собак, самый маленький, какой только есть в свете.
Услыхав о собаке, Трофим Михайлович еще больше смутился. В доме директора в это время было много разных животных: жил кудрявый пес Нелли и гончая собака Трубач, жил Мишка, кот черный, блестящий и самостоятельный, жил грач ручной, ежик домашний и Борис, молодой красивый баран. Жена директора Елена Васильевна очень любила животных. При таком множестве дармоедов Трофим Михайлович, понятно, должен был смутиться, услыхав о новой собачке (М. Пришвин, Лимон).

Д.Д. Васёва
daria.vaseva@yandex.ru
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: смысл, структура художественного текста, подтекст, устный и письменный текст, современная проза.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности смысловой структуры художественного текста, в частности современной прозы, а также языковые средства формирования смысла.

D.D. Vaseva, Postgraduate student, St.-Petersburg State University, Russia, St.-Petersburg

SEMANTIC STRUCTURE OF MODERN LITERARY TEXT

Key words: literary text structure, sense, subtext, oral and written text, modern fiction.

Abstract: Article deals with semantic structure features of a literary text, in particular modern fiction, and language means forming sense.

Сложность семантической структуры художественного текста (в отличие от нехудожественного) возникает в первую очередь за счет неограниченного множества связей между элементами текста, их широкого «потенциала», многоаспектности, разнонаправленности. Внутритекстовые связи не ограничены общеязыковыми грамматическими правилами, так как художественный текст имеет свою «грамматику», где главным критерием является смысловая нагруженность. Общий смысл художественного произведения формируется совокупностью авторской «модели» текста, её реконструкции читателем, а также перспективой более сложных и факультативных соотнесений, которые обеспечиваются осознанием принципиальной открытости ассоциативного ряда. Достаточно радикальные сдвиги в понимании интерпретации современного художественного текста связаны с изменением характера самой художественной литературы, что в свою очередь отражает изменения в сознании, а также – в языке. Усложнение действительности, в которой существует человек, с одной стороны и расширение когнитивной базы читателя с другой приводит к усложнению структуры текстового смысла. Сегодня бытовые события повседневной жизни оказываются не менее значимыми, чем глобальные, что является одной из причин расширения границ включения в художественную

речь разговорной речи с её лексическими и синтаксическими особенностями, которые создают новое особое «звучание» текста. Расширение связей литературного текста с устной речью, выражается в выделении и расчленении смысловых компонентов текста, вплоть до слова, взаимосвязь между которыми повышает значимость ассоциативных отношений, порождающих подтекст.

Связь языка художественной литературы с социальными явлениями и отражение в нем изменений в общественном сознании выражается в развитии различных типов прозы. Продолжает развитие и усложнение то направление, которое получило название «синтагматической прозы» (Н.Д. Арутюнова), характерной чертой которой является вовлечение в область выразительных средств приёмов коммуникативного расчленения семантически единых конструкций (парцелляция и др.), что способствовало выделению минимального элемента-носителя смысла в предложении – синтаксемы (Г.А. Золотова). Современный художественный текст, соединяя элементы письменного и устного изложения, организует развертывание мысли в виде связной последовательности с параллельным сопоставлением важных для общего смысла смысловых блоков. Таким образом, если открытость устного текста возникает из-за невозможности провести на нем структурирующую работу в том объеме, в котором это оказывается возможным и необходимым для письменного текста, то в художественной речи аналогичное качество возникает за счет вторичной интенсификации и усложнения структурного механизма, доведения его до такого уровня, который превышает структурирующие возможности письменной речи.

Литература:

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
3. Золотова Г.А. К изучению структуры текста // Материалы международной научной конференции. Текст. Интертекст. Культура. М., 2001.
4. Пушкарева Н.В. Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (лингвистический аспект). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2012.

Ю.В. Роговнева
Vinnipuh61@yandex.ru
Государственный институт русского языка им А.С. Пушкина, Москва, Россия

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ЧЕТЫРЕХСТУПЕНЧАТОЙ СХЕМЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА

Ключевые слова: синтаксема, модель предложения, коммуникативный регистр, тактика, стратегия.

Аннотация: В статье с позиций коммуникативно-функционального подхода доказывается необходимость выделения в четырехступенчатой схеме анализа текста еще одного – «нулевого» уровня, отвечающего за допредикативные единицы.

Yu.V. Rogovneva, Pushkin State Russian Language Institute, Russia, Moscow

TO THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF THE FOUR-STAGE SCHEME OF TEXT ANALYSIS

Keywords: syntaxeme, pattern of sentence, communicative register, tactics, strategy

Abstract: In the article, based on a communicative-functional approach, we prove that it is necessary to allocate another level in the four-stage scheme of text analysis. This is the zero-level, here we analyze syntaxeme.

Любой текст представляет собой неоднородную структуру, внутри которой взаимодействуют единицы разных уровней. Г.А. Золотовой была разработана схема анализа художественного текста, состоящая из 4 уровней, или ступеней:
А. предикативное ядро (модель) предложения с типовым значением;
В. регистровая характеристика модели;
С. тактика текста;
Д. стратегия текста.
С точки зрения М.Ю. Сидоровой, в этой схеме можно по-другому распределить уровни А и В [3]:
A. Языковые средства допредикативного уровня;
B. Предикативные единицы и регистровые блоки;
C. Тактика автора;
D. Стратегия автора.
Так, с точки зрения М.Ю. Сидоровой, необходимо, во-первых, выделять допредикативные единицы как отдельный уровень в схеме анализа текста и, во-вторых, объединять на одном уровне предикативные единицы и регистровые характеристики этих единиц. Это объединение представляется нам логичным, так как, по Г.А. Золотовой, именно в моделях предложения заложена предрасположенность к функционированию в регистре (одном или нескольких). В таком случае на одном уровне разбирается состав модели, ее типовое значение и регистровая характеристика. Кроме того, логичным представляется и выделение самостоятельного уровня допредикативных единиц – синтаксем, из которых составляются модели предложения, а при анализе модели предложения учитывается структурно-семантическая характеристика образующих эту модель синтаксем. Здесь же отметим, что структурно-семантическая характеристика допредикативных единиц (синтаксем) важна при анализе распространителей модели. Наконец, выделение допредикативных единиц как отдельного уровня в схеме анализа текста позволяет анализировать структуру текста от минимальных синтаксических единиц до регистровых блоков.

Однако при объединении моделей и регистровых блоков на одном уровне можно предположить, что регистровая характеристика напрямую зависит от модели предложения. Это очевидно, но при этом важно учитывать и синтаксемы, входящие в состав конструкции как ее распространители, которые могут определять регистровую характеристику всей конструкции (ср. *На ней черный костюм* и *На ней красивый костюм* [2]). С другой стороны, модели предложения – это дотекстовый уровень, коммуникативные регистры – это уровень текста.
Учитывая все вышесказанное и осознавая необходимость выделения отдельного уровня допредикативных единиц – синтаксем, участвующих в оформлении моделей или выступающих в функции ее распространителя, мы предлагаем выделить еще один – «нулевой» уровень в четырехступенчатой схеме анализа текста. В результате чего эта схема приобретает следующий вид:
0. Допредикативные единицы.
A. Предикативные единицы.
B. Регистровые блоки.
C. Тактика текста.
D. Стратегия текста.

Ниже в таблице дана характеристика каждого уровня в этой схеме:

Уровень			**Функция**
Дотекстовый уровень		0 – языковые средства допредикативного уровня	Лексическое наполнение конструкций
		А – предикативные единицы	Формирование предикативного ядра с типовым значением, выход на предикативный уровень
Уровень текста	Текст вообще	В – коммуникативные регистры	Соотношение конструкций с определенной моделью видения действительности говорящим, способ текстового моделирования действительности
	Конкретный текст	С – тактика стратегия	Анализ языковых средств, представленных на уровнях 0, А, В, и способов их соединения в конкретном тексте
Уровень «над текстом»		D – стратегия автора	Приближение к пониманию авторского замысла через анализ тактики текста

Литература

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
2. Роговнева Ю.В. О влиянии распространителей на регистровую характеристику модели // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. / Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). Владимир, 2015.
3. Сидорова М.Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста. // Gramatyka a tekst. Katowice, 2014.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ
Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0»

г. Москва 15 апреля 2016 года

С 13 по 15 апреля 2016 года в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина состоялся международный научный симпозиум «Русская грамматика 4.0», который проходил в рамках Московского международного салона образования.

Учредителями симпозиума выступили: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Санкт-Петербургский государственный университет.

Актуальность симпозиума обусловлена назревшей необходимостью широкого обсуждения профессиональным сообществом теоретических оснований, методических принципов и практического назначения полного описания системы современного русского языка, условно именуемого «академической грамматикой». В СССР «академические грамматики» русского языка создавались трижды: в 1954, 1970, 1980 годах. За истекшие 35 лет в русском языке произошли существенные изменения на всех уровнях языковой системы, еще больше за этот период изменились лингвистические подходы к описанию языка.

Цель симпозиума состояла в укреплении научных связей между ведущими центрами по изучению русского языка в России и в мире, знакомстве с новейшими разработками в области изучения и преподавания русского языка, обобщении накопленного научно-методического опыта, а также в поиске оптимальных моделей реализации проекта «Русская грамматика».

В симпозиуме приняли участие 288 русистов – исследователей и преподавателей русского языка, 5 представителей средств массовой информации, более 100 обучающихся разных уровней из Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов.

С докладами выступили русисты из 20 стран мира (Австрия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Болгария, Великобритания, Германия, Грузия, Италия, Казахстан, Китай, Молдавия, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Таджикистан, Узбекистан, Финляндия), 36 городов Российской Федерации (Архангельск, Белгород, Бийск, Великий Новгород, Владивосток, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Калуга, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Липецк, Люберцы, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Севастополь, Симферополь, Смоленск, Ставрополь, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Тула, Ульяновск, Чита, Ярославль).

Работа велась по 13 секциям: «Лаборатория проекта “Русская грамматика”: опыт прошлого и новые идеи»; «Русская грамматика и лексика»; «Русская морфология»; «Русское словообразование»; «Русский синтаксис»; «Русская грамматика и динамика нормы»; «Проблемы описания текста в русской грамматике»; «Роль грамматических и неграмматических языковых единиц в межкультурной коммуникации»; «Русская грамматика и русский дискурс»; «Русская грамматика и русский дискурс в историческом аспекте»; «Русская грамматика в практике преподавания РКИ»; «Инновационные образовательные технологии в РКИ»; «Преподавание РКИ в свете современных образовательных тенденций».

На круглом столе «Русский язык в пространстве масс-медиа» ученые, представители профессиональных и популярных СМИ обсудили проблемы функционирования русского языка как языка публичных коммуникаций, вопросы современной речевой культуры.

На площадке Московского международного салона образования состоялся круглый стол «Нормы и правила речевой деятельности при использовании русского языка в качестве государственного языка РФ», на котором обсуждалось функционирование русского языка в сфере государственных коммуникаций.

По результатам обсуждения участники симпозиума считают важным обратить внимание на следующее:

1. В условиях постоянно изменяющегося языка и развивающейся лингвистики представляется целесообразным создание гибкой русской грамматики – открытого, пополняемого и изменяемого описания системы современного русского языка с использование облачных технологий, открытых информационных сред; при этом отдельные части русской грамматики могут издаваться (переиздаваться) в виде традиционного бумажного издания.

2. В содержательном плане русская грамматика должна учитывать актуальные процессы, протекающие в русском языке, по возможности, включать прагматическую и культурологическую информацию. Грамматика русского языка должна в большей степени отражать устную форму как основную форму функционирования языка.

3. В методологическом отношении грамматику русского языка целесообразно создавать с использованием корпусных технологий. В этом отношении решающее значение имеет опыт Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, где был создан «Национальный корпус русского языка» и в настоящее время реализуется проект «Русская корпусная грамматика». Высокой оценки заслуживает

опыт Института языкознания РАН по созданию устного корпуса русского языка, а также опыт Хельсинского университета по созданию русской грамматики на основе корпусных данных.

4. При составлении грамматики русского языка необходимо учитывать, что пользователями русского грамматики будут не только лингвисты, но и все сообщество носителей русского языка, преподаватели русского языка, лица, изучающие русский язык, в том числе как иностранный. В связи с этим грамматика должна содержать сведения об отношении описываемых языковых явлений к норме, рекомендации об использовании описанных языковых единиц в речи. Возможно выделение в грамматике русского языка трех частей:

– дескриптивная часть, описывающая современный русский язык во всем его разнообразии, адресованная прежде всего лингвистам (в виде открытой, обновляемой и пополняемой информационной среды, облака);

– прескриптивная часть, описывающая нормативную часть русского языка, адресованная носителям русского языка, лицам, изучающим русский язык, в том числе как иностранный, преподавателям русского языка (в виде информационной среды и традиционного печатного издания);

– коммуникативная часть, описывающая шаблоны дискурсивного взаимодействия на русском языке, содержащая прагматическую и культурологическую информацию, адресованная носителям русского языка, лицам, изучающим русский язык, в том числе как иностранный, преподавателям русского языка (в виде информационной среды и традиционного печатного издания).

5. На практике очевидна острая потребность в обеспечении использования русского языка в официальной коммуникации (в том числе в сфере государственной службы), требований к уровню владения русским языком в рамках про-

фессиональных стандартов. Сотрудники редакций средств массовой информации, а также должностные лица федеральных и региональных органов власти, занятые в законотворческой и нормотворческой деятельности, особенно остро нуждаются в информации о нормах современного русского литературного языка, установленных в соответствии с Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации». Необходимо:

– усовершенствовать (перевести в плановый) действующий порядок утверждения норм и правил русского языка при его использовании в качестве государственного;

– создать федеральную целевую программу или специальный раздел «Государственный язык Российской Федерации» в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016-2020 годы для обеспечения широкомасштабных лингвистических, социологических, психологических исследований проблем коммуникации в тех сферах, где Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» установлены обязательные требования к языку общения и для внедрения правовых механизмов, согласующих использование русского языка в качестве государственного языка Российской Федерации с использованием языков народов России в качестве государственных языков республик в составе Российской Федерации;

– Министерству образования и науки Российской Федерации безотлагательно рассмотреть вопрос об утверждении толкового словаря современного русского языка, соответствующего требованиям, которые предъявляются к грамматикам, справочникам и словарям, содержащим нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации; внести изменения в образовательные стандарты основного общего и среднего общего, среднего профессио-

нального и высшего образования в части обеспечения овладения выпускниками навыками грамотной речи и эффективного общения при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации;

– Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации внести соответствующие требования по использованию русского языка в качестве государственного во все профессиональные стандарты;

– использовать при обучении и проведении тестирования мигрантов нормы, используемые в русском языке как государственном; включить вопросы на знание норм современного русского языка при его использовании как государственного в экзамен для кандидатов на должности государственных служащих и при аттестации государственных служащих;

– продолжить исследования проблем эффективности коммуникации в официально-деловой сфере общения, в том числе для обеспечения смысловой определенности, недвусмысленности и понятности нормативных правовых актов, принимаемых в Российской Федерации на разных уровнях;

– установить единые требования к средствам автоматизированной проверки орфографии и пунктуации, которые являются элементами программного обеспечения текстовых редакторов, используемых при подготовке документов в государственных и муниципальных органах и организациях, в целях реализации требований Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации».

Высокой оценки заслуживают усилия Санкт-Петербургского государственного университета по описанию русского языка как государственного языка Российской Федерации, в том числе создание НИИ Проблем государственного языка СПбГУ и портала «Русский язык как государственный» (http://rus-gos.spbu.ru/).

6. Площадкой апробации, последующего продвижения и популяризации русской грамматики может стать портал «Образование на русском», созданный Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина.

7. Симпозиум «Русская грамматика 4.0» целесообразно проводить один раз в три года с приглашением российских и зарубежных исследователей и преподавателей русского языка, практиков публичной коммуникации (журналистов, общественных деятелей, представителей власти).